Институт проблем глобализации (ИПРОГ)

Михаил ДЕЛЯГИН

КОНЕЦ ЭПОХИ

ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ОТКРЫВАЮТСЯ!

Том I.
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Издание двенадцатое,
переработанное и дополненное

Москва
2019

Делягин М.Г.
Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. Издание двенадцатое, переработанное и дополненное. – М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. – 832 с.

ISBN 978-5-6041887-7-4

Новые технологии исподволь преобразуют даже саму человеческую личность – и тем более организации, общества и их взаимодействие друг с другом. Порожденная ими и начатая уничтожением Советского Союза **глобализация завершается**: упрощение коммуникаций и всемирное торжество финансовых спекуляций сталкивают мир в новую Великую депрессию и перманентный конфликт всех со всеми.

Данная книга – плод 20-летних исследований, выявивших в кажущемся хаосе железный неумолимый порядок и развернувший его в единое полотно трансформации мира – от отдельного человека и семьи до внутренних конфликтов и изменения соотношения сил в глобальном управляющем классе.

Обыденное сознание уже отчаялось уловить смысл стремительных перемен и захлебывается в них. Домохозяйки, президенты и банкиры спрашивают одно: «Что ждет нас?» – и им некому ответить в мире грохочущих телевизоров.

Комплексный, системный взгляд «Общей теории глобализации» не только дает четкое понимание происходящего и метод подтверждающихся вот уже третье десятилетие прогнозов, но и позволяет каждому самому проложить свой путь в кажущейся сумятице великого и ускользающего от нас сумбура Большой экономики и Большой политики.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN 978-5-6041887-7-4

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мертвым, и живым, —
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

А.С.Пушкин

Наша сила — в заявлении правды.

В.И.Ленин

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ.
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Часть I.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Часть II.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

* Запрещенная в России террористическая организация.

Часть V.
КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ОТ ЕДИНОГО РЫНКА –
В ГЛОБАЛЬНУЮ ДЕПРЕССИЮ

ТОМ ВТОРОЙ.
СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

(Структура и содержание работы
могут быть уточнены)

Предисловие

СКОРБНЫЙ ВЕК РАЗВЛЕЧЕНИЙ

«Главное, принципиальное отличие подлинно научного прогнозирования от гадания на кофейной гуще состоит в том, что второе иногда сбывается» [81].

(академик И.Анчишкин,
основоположник экономического
прогнозирования в СССР)

1. Конец суверенитета индивидуального сознания

Почти три десятилетия назад, в самом начале 90-х годов прошлого века, человечество вступило в новую эпоху развития.

Это случилось неожиданно и незаметно.

С тех пор мы, все вместе и каждый порознь, стали другими – и продолжаем меняться стремительно и неудержимо, не замечая этого, лишь изредка со страхом и недоумением обращая внимание на изменения в своей психологии и мировоззрении, сужение кругозора, падение восприимчивости, отмирание аналитических способностей.

Их принято объяснять старостью, физической или душевной, – и, натолкнувшись на них, всякий пытается выкинуть

из головы эти неудобные и печальные наблюдения, способные отравить даже самую благополучную жизнь.

«В своем глазу соломинка – в чужом бревно»: даже видя признаки деградации лишь у других, мы пугаемся широты круга людей, уверенно судящих о вещах, о которых они не имеют представления. Этот круг расширяется и включает в себя не только руководителей государств и корпоративных аналитиков, но и наше повседневное окружение, – сослуживцев, продавцов, врачей, преподавателей.

Приходят новые времена – и все мы оказываемся в них одинаково беспомощными.

«Перестав видеть за деревьями лес, человек решает проблему путем перехода к изучению отдельных листьев». Привыкнув в прошедшую, индустриальную эпоху к ценности специалиста, знающего бесконечно много о бесконечно малом, мы с величайшим трудом вспоминаем ценность и первичность комплексных подходов.

Поток технологических и социальных изменений неудержимо несет наше сознание, крутит его в коварных воронках и ударяет о коряжистые берега. Многомерность неоднородно ускоряющегося прогресса (или, все чаще, регресса), отягощенного нарастанием обратных связей, делает наше сознание все более беспомощным.

Мы пока еще успешно реагируем на сиюминутные раздражители и за счет этого держимся на плаву в повседневной жизни. Но на главное, – стратегическую оценку того, куда уносит нас наша собственная жизнь, – времени и сил больше не остается.

Это продолжается уже более жизни поколения.

Пора признать: перед нами не забавный парадокс, не самооправдание лентяев и не результат деградации одного из многих обществ, а новая (и в силу своей непонятности неприятная) закономерность всего развития человечества.

Захлебываясь в волнах информации и поверхностных эмоций, реагируя на сиюминутные угрозы, мы уже не смотрим на горизонт, уже не ищем перспективы, а слова «стра-

тегический прогноз» вызывают насмешку и лишь в лучшем случае – туманные воспоминания о давно и заслуженно забытых допотопных[1] пособиях по маркетингу.

Изнемогающее от переизбытка неструктурированной информации[2] человечество всеми силами отгораживается от необходимости ее осмысления. Возникли целые «научные» школы, считающие это правильным и исходящие из того, что понимание стратегической перспективы вредит человеку и человечеству, являясь чуть ли не «отрыжкой тоталитаризма».

Наиболее перспективным направлением познания вполне серьезно считается сегодня эмпирический поиск взаимосвязей в больших массивах информации (*Big Data*) с принципиальным отказом от осмысления выявляемых причинно-следственных связей и нахождения их содержательного смысла.

А постижение логики искусственного интеллекта, на основе которой он принимает свои решения, слишком затратно для его пользователей, – которые, пока еще по старой памяти пугаясь непостижимости решений «старшего брата», в целом уже принимают эту непостижимость и подчиняются ей со все меньшими оговорками.

Попытки отказа от познания обречены на успех, пусть даже и временный, далеко не только благодаря стремлению к экономии усилий и пугающей неизвестности, порожденной падением эффективности индивидуального сознания. Основная причина инстинктивного отгораживания от действительности и попыток ее постичь – ее неблагоприятность и даже оскорбительность для человека, привыкшего считать себя «венцом творения» и смыслом мироздания.

Главное в новом времени то, что **человек создал слишком сложный для своего индивидуального интеллекта мир.** В итоге он утратил, – хочется надеяться, что временно, – способность **сознавать его базовые закономерности**,

1. Имеются в виду времена до нынешнего информационного потопа.
2. Существенно, что в соответствии с теорией информации ложь – это не более чем плохо структурированная информация.

предвидеть последствия своих усилий и в целом **свое будущее.**

Прочувствовав свою беспомощность в катаклизмах, поначалу воспринятых им избыточно оптимистически (вроде завершения холодной войны), человек в растерянности перестал даже пытаться осознавать свое развитие, сдавшись на милость стихии общественного развития, – как в конце XIX века он сдался на милость не менее слепой стихии развития технологического.

Все помнят, чем это кончилось для него в первой же половине следующего века?

Некритичное, «жюльверновское» отношение к развитию технологий превратило XX век в эпоху чудовищных общественных потрясений. Можно предположить, что такое же отношение к общественному развитию вполне симметрично приведет, – причем в силу ускорения развития быстрее, чем в прошлый раз, – к опасным технологическим катаклизмам. Наиболее вероятные (и уже начавшиеся) связаны с ускорением и изменением эволюции самого человека.

До ее наглядных проявлений нас ждут катастрофические последствия инстинктивной попытки человека вернуть обратно в состояние, доступное его пониманию, и тем самым примитивизировать ставший слишком сложный для него мир: «понять – значит упростить» [288]. *Нечто подобное совершила советская бюрократия, низведя в ходе своей деградации после Сталина слишком сложное для ее восприятия советское общество до уровня своего примитивного понимания[3]. При этом она закономерно деградировала вместе с ним и опережая его, так что даже упрощенное ею общество все равно оказывалось слишком сложным для нее и побуждало ее к новым виткам примитивизации; с поправками на новые технологии этот процесс продолжается и в пореформенной России.*

В то же время, **создав всемирные коммуникационные сети, человек** необратимо и незаметно для себя **сделал**

---

3. Наиболее ярко и убедительно этот процесс описал С.Кургинян [186].

себя частью чего-то большего, чем он сам. Человечество получило возможность использования нового – информационного и в силу свойств информации (а также эмоциональной сферы человека) потенциально безграничного – измерения.

Возможность сознательного использования этого измерения все еще существует лишь в предположении, реализуясь через отрицание гипотез, не связанных с его воздействием на традиционный «материальный» мир. Классический пример – доказательство на основе теории вероятности невозможности возникновения в исторически реальные сроки и жизни на Земле, и разума, и применяемых человеком первичных технологий традиционно подразумеваемым методом «случайного перебора»[4].

Хочется верить, что, хотя сегодня человек может только предчувствовать происходящие процессы и опасаться их неведомых последствий (или заранее воспевать их), перемены вскоре будут осознаны, и развитие войдет в привычную колею. Мир снова будет целостно осмыслен, а будущее – превращено в комплекс приятных или нет, но понятных и примерно оцененных вероятностей *(пример: вероятность ядерной катастрофы в течении ближайших 7 – или 70 – лет равна 30%, для ее снижения до уровня 20% нужно делать то-то, для снижения до уровня 10% – то-то и еще вот это; «цели поставлены, задачи определены – за работу, товарищи!»[5])*.

---

4. «Наиболее сложные открытия и изобретения, требующие …максимальной креативности, относятся к самым ранним стадиям существования *Homo*… Элементарные расчеты с применением теории вероятностей дают… нереалистические… времена прогресса – сотни миллионов лет или более… Возникает… гипотеза, связывающая «неолитическую революцию» с процессами в информационном пространстве. Эта концепция настаивает на буквальном прочтении распространенного мифа о «культурном герое», который встречается с Богом (богами) и приносит… народу основной набор… «неолитических»… изобретений. Речь идет о нелинейном взаимодействии человека с информационным пространством – распаковке смыслов» [244-246].
5. Из выступления Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева после принятия Программы КПСС; впоследствии практически дословно цитировалось Горбачевым – естественно, без указания первоисточника.

Однако за почти 30 лет надежд этого так и не произошло. Похоже, снижение познаваемости мира вызвано самим характером его изменения. Отдельный человек не может охватить его сути по той же причине, по которой часть не может постичь управляющего ей целого – даже если по своей структуре она остается подобной ему.

Новая коммуникативная система способствует усложнению, саморазвитию, самопорождению (индукции) информации[6], усилению ее влияния на материальный мир (частный случай такого влияния описал еще К.Маркс, подметив, что идеи, овладевая массами, становятся материальной силой) и снижению зависимости этого влияния от материальных факторов.

Ноосфера, о которой Вернадский писал как о почти философской категории (говоря лишь о подразумевающем полезность «знании», но не об «информации», которая может быть и бесполезной, и разрушающей своих носителей), к середине 90-х сгустилась в ощутимую технологическую реальность. Эта реальность надвинулась на человечество, заслоняя и подменяя собой кантовские «звездное небо над нами» и «моральный закон внутри нас» резко расширившимся миром «вещей в себе», непознаваемым в каждый отдельный момент.

И мы живем уже в этой, новой реальности, которая поддается познанию хуже, чем привычный и потому комфортный «старый мир», – в который, как обычно, нет возврата.

Человечество изменилось: оно стало не столько больше, сколько сложнее. Уже начало XX века – подлинной эпохи наполеоновских «больших батальонов» – превратила его из сообщества индивидуумов в совокупность личностей и организаций, обеспечивающих их взаимодействие.

Кризисы второй половины 60-х годов XX века, потрясшие (хотя и по-разному) все крупные человеческие общества, окончательно обнажили неизживаемые пороки иерархиче-

6. Черной неблагодарностью было бы забыть здесь основоположника: «Информация должна возникать из информации, как организм – из организма» [193].

ских организаций, прежде всего низкую адаптивность. *Среди проблем, с которыми они не справились – кризис свободного времени: рост производительности труда и расширение сферы услуг дали членам развитых обществ время, которое те – ни «при капитализме», ни «при социализме» – так и не сумели занять.* Косность традиционных организаций была отчасти компенсирована стихийным порождением ими неформализованных и потому относительно неустойчивых коллективов.

Их члены самостоятельно и добровольно решали проблемы общества, обычно даже не сознавая их. *Так, филателисты и кактусоводы восприняли бы как оскорбление констатацию своего участия в решении проблемы избытка свободного времени, а уфологи или фанаты «снежного человека» – в отвлечении передовой части социалистических обществ (инженерно-технической интеллигенции) от общественно-политической жизни[7].*

Бессознательное, но при этом массовое, активное и самостоятельное участие индивидуумов в решении общественных проблем[8] показывает, что они перестали быть самостоятельными участниками общественного развития и осуществляют его как части некоего «социального автомата» – коллектива. При этом, в отличие от прошлого, коллективы постоянно создаются (и, соответственно, разрушаются по выполнении своей задачи) обществом уже не для поддержания традиционных форм жизни, но, напротив, для их изменения

7. По ряду свидетельств, КГБ именно поэтому поддерживало в советском обществе интерес к необъяснимым для традиционной науки явлениям. Эта задача резко отличала его поведение от политики спецслужб Запада, которые «глушили» подобные слухи (то ли для сокрытия реальной информации, то ли для успокоения общества, то ли для того и другого одновременно).
8. Это явление характерно прежде всего для технологически развитых обществ. Наша страна выбита из их рядов Катастрофой конца 80-х – начала 90-х и «святых» для либералов 90-х годов, как раз накануне технологического переворота (вызванного в том числе и ее односторонним выходом из холодной войны, приведшим к поражению в ней и краху), резко повысившего роль «коллективного бессознательного» в развитии человечества и, вероятно, ускорившего процесс складывания «коллективного разума».

(что раньше происходило лишь во время революций) и даже для решения новых локальных проблем[9]. Понятно, что один и тот же человек выполняет различные социальные функции как член различных и разноуровневых коллективов, с неосознаваемой легкостью перемещаясь из одной социальной реальности в другую.

Уже более полувека – в течение жизни более чем двух поколений – совокупность жестко формализованных организаций, с одной стороны, и неформализованных и потому неустойчивых сообществ, с другой стала самостоятельной формой и фактором развития как личности, так и человечества в целом. Будучи социальной средой обитания отдельной личности, для человечества эта совокупность сообществ стала внутренней структурообразующей системой – своего рода социальным скелетом.

Человек, изначально живший в природе, затем завернувшийся от нее во все более плотный кокон технологий, названный «второй природой» (и породивший «социальный кокон» коллективов), на рубеже 90-х попал еще и в информационный «кокон», также отделяющий его от «голой» реальности.

Индивидуальное сознание, инстинктивно защищаясь от всего слишком нового и сложного, сберегая силы для решения насущных повседневных проблем, старается игнорировать **качественное усложнение и повышение многообразия своей среды обитания**.

Оно воспринимает только непосредственно влияющие на него и потому разрозненные элементы нового образа человечества – только то, от чего «невозможно отвернуться».

Преодоление этой ограниченности индивидуальных сознаний, которая уже стала угрозой существованию человечества в его приемлемом для нас, относительно упорядоченном и гуманном виде, становится условием нашего выживания.

---

9. Это одна из характерных черт современного гражданского общества, сложившегося в развитых странах в конце «бушующих 60-х» и отличающего его от традиционных демократий, существовавших до того времени.

Традиционно эта задача решалась усилиями ученых и популяризаторов науки. Они с потрясающим упорством и энтузиазмом расширяли кругозор индивидуумов, заставляя замученных школьников полагать фразу «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось мудрости твоей»[10] цитатой из предисловия к учебнику физики, – и действительно повышали адаптивность, а значит – и эффективность человеческого сознания.

К сожалению, наука уже перестала играть эту роль.

2. Гибель официальной науки как процесса поиска истины

Реальное изучение общества в рыночной экономике ведется прежде всего практиками, работающими на бизнес. В силу естественной профессиональной ограниченности они не склонны интересоваться долгосрочными закономерностями и влиянием интересующих их процессов на остальные сферы жизни. Их внимание обычно сконцентрировано на узких сегментах коммерческой деятельности. Эти сегменты остаются частными случаями более общих, фундаментальных закономерностей, изучение которых обычно никому не нужно[11].

---

10. Классическое «что и не снилось нашим мудрецам» – классический же пример ошибки перевода, закрепленный не вникающей в детали, но подавляющей разум своей мощью бюрократией, – вроде библейского «блаженны нищие духом» (в оригинале – «ради духа»). Впрочем, в данном случае, как обычно у русских и советских классиков, перевод лучше оригинала.
11. Классическая иллюстрация ориентированности коммерческих аналитиков на частные случаи, обеспечивающие максимум прибыли, а не на общие закономерности (которые реализуются в средне- и долгосрочной перспективе, а в краткосрочной, наиболее важной для бизнеса, неприемлемо неоднозначны), – сопоставление технического анализа финансовых рынков с фундаментальным.
Первый разработан детально и доведен до уровня стандартных алгоритмов, массово применяемых роботами.
Фундаментальный же анализ работает обычно в рамках инерционного развития (и в основном сводится к обоснованию интуитивно улов-

Теоретики же, специализирующиеся на исследовании общественных процессов, обычно испытывают дефицит конкретной актуальной информации и строят усложненные «методологически правильные» предположения на заведомо неполных, а то и недостоверных данных (большинству из них, особенно оседлавших долгосрочные гранты, и мировая война не придаст вменяемости). При этом возникновение качественного различия между ранее однородными обществами (архаизация территорий бывшего СССР и болезненный, но неоспоримый прорыв США и, отчасти, Англии[12], а за ними и Китая в постиндустриальное, информационное общество) делает неправомерным традиционное применение логических схем, выработанных одним обществом, к реалиям другого[13].

ленного тренда). В результате качественные изменения вынуждают обескураженных инвесторов подсчитывать убытки (или упущенную прибыль), разгонять опростоволосившихся аналитиков и в очередной раз возглашать «смерть» фундаментального анализа. Попытки развить фундаментальный анализ до уровня, позволяющего уверенно прогнозировать качественный переход (этим занимается синергетика), остаются локальными, разрозненными и до сих пор не достигшими успеха.

12. Применение химического оружия в центре своей страны против граждан России с их похищением и дикой русофобской истерией лишили Соединенное Королевство возможности использовать приставку «Велико-» для самоназвания. Поэтому в данной книге, как и на современном русском языке, эта страна будет называться просто «Британия» или «Англия» (хотя по-английски последнее обозначает, наряду с Шотландией, Уэльсом, Северной Ирландией и заморскими территориями, лишь ее часть).

13. Клинический пример ошибки из-за такого «переноса логики» – приветствие рядом западных экологов снижения загрязнения окружающей среды в России в первой половине 90-х. Экологи (лишь отчасти по корыстным причинам) не заметили, что оно было вызвано такой малостью, как беспрецедентная общественная катастрофа, приведшая в том числе к почти двукратному сокращению промышленного производства.

Ошибочность этого подхода с узко экологической точки зрения (склонной жертвовать людьми ради догмата консервации окружающей среды до грибов включительно) – в игнорировании глубины деградации общества, которая привела среди прочего к падению эффективности, а порой и к утрате природоохранных технологий и (что особенно важно) технологий обеспечения безопасности сложных систем. Это повысило вероятность техногенных катастроф, ведущих к деградации окружающей среды, и ухудшило экологическую ситуа-

Понятно, что подобные особенности пагубно сказываются на качестве выводов «признанных теоретиков» и порождают законное недоверие к ним, порой превращающееся в рефлекс.

Наконец, значительная (и наилучшим образом оплачиваемая и поддерживаемая) часть исследователей работает по заказам коммерческих или политических сил, нуждающихся в заранее определенном результате. За редчайшими исключениями это вынуждает их подгонять под требования заказчика (или свои идеологические предрассудки), в том числе и неосознанно, не только выводы, рекомендации и методы анализа, но и первоначальные наблюдения (иначе исследование будет формально недобросовестным). Пагубность влияния такого подхода на интеллект (не говоря уже о результате) настолько же хуже обычной фальсификации, насколько самоцензура творца, особенно ставшая не осознаваемой частью его личности[14], страшнее и эффективней обычного чинуши-цензора.

Даже когда первоначальную заданность результатов подобных исследований удается скрыть, с научной, а не пропагандистской точки зрения они остаются бесплодными. Максимум, доступный их авторам (и то если они добросовестны), – беспомощное указание на необъяснимые в рамках заданной идеологической парадигмы феномены. Обычно же они, как современные западные специалисты по экономике

цию в средне- и долгосрочной перспективе (классический пример реализации техногенного риска в силу деградации социума дает аварийность АЭС Украины после прихода к власти фашистов в феврале 2014 года).

Аналогичный пример неадекватного «переноса логики» – пророчества краха американской экономики на основании проблем американской промышленности, популярные в России в начале «нулевых». Ведь формирование в США постиндустриальной, информационной экономики превратило их промышленность в относительно неэффективную и потому редуцируемую отрасль, значение которой для страны на этапе бурного развития нового технологического уклада было относительно невелико.

14. Как отметил в частном разговоре с российскими демократами в начале 90-х топ-менеджер одного из западных глобальных медиа, «у нас нет цензуры – у нас есть редакционная политика: это эффективнее».

и политике, принципиально отказываются рассматривать реальные аспекты «изучаемых» ими общественных процессов.

В глубоком кризисе находятся и естественные науки.

Пример 1

Кризис невоспроизводимости результатов

Академик РАН, доктор химических наук Евгений Свердлов, выдающийся и по результатам своих исследований, и по формальным критериям (индекс Хирша – 41, общая статистика цитирования – 10 368, после 2012 года – 2 250) ученый в материале с говорящим названием «Статья может хорошо цитироваться потому, что она ошибочна» [268] ярко показал кризис современных естественных наук на примере одного из самых актуальных направлений – онкологии. Бюрократизация и формальные методы оценки ведут к массовой фальсификации результатов, а с другой стороны – к дискредитации уникальных результатов, полученных тонкими методами исследования, плохо поддающимся формализации.

«Оценка ученых …определяется уровнем престижности публикаций. Эта политика пагубна… Библиометрические данные… не могут служить критерием… ценности публикаций. Невоспроизводимость статей стала обычным явлением… В области онкологии она достигает 75%. Растет количество статей, отзываемых из журналов ввиду допущенных ошибок или фальсификаций …База данных *Retraction Watch* …уже содержит 16000 записей об отозванных [не только из-за фальсификаций, но и в силу невозможности формализовать многие тонкие виды исследований – М.Д.] статьях… Статьи оцениваются не по их научному потенциалу и новизне, а по перспективе их цитируемости, в результате чего пионерские статьи зачастую отвергаются…

…Цитируемость …не может служить критерием эффективности исследований… Большинство крупных ученых либо выражают обоснованные сомнения в правильности использования [основанных на ней показателей –

М.Д.] в качестве независимого критерия, либо отвергают вообще. При ...ценности библиометрических данных как вспомогательного средства ...они не могут заменить экспертных заключений, основанных на анализе содержания статьи...

Сегодня, когда, как никогда раньше, оценка ученых все больше ... определяется уровнем престижности их публикаций, я считаю необходимым предостеречь: эта политика пагубна для науки...

Невоспроизводимость... стала ...обычным явлением, и в 2015 году *Nature* опубликовал специальный выпуск, посвященный этой проблеме... Вынуждающее публиковаться давление понижает качество работы... Число публикаций продолжает расти экспоненциально; оно уже к 2012 году приближалось к двум миллионам... В 1963 году физик и историк науки Дерек де Солла Прайс ...сделал вывод, что научные достижения обеспечиваются очень небольшим процентом исследователей, и поэтому число ведущих ученых будет расти гораздо медленнее, чем количество просто хороших, и это даст «еще большее преобладание исследователей, способных писать ...статьи, но не умеющих писать статьи выдающиеся».

В ...обзоре Бегли и Иоаннидиса относительно ситуации с воспроизводимостью биомедицинских данных, авторы, известные специалисты в области статистической обработки результатов экспериментов, пишут: «Оценки частоты невоспроизводимости варьируют от 75% до 90%... Эмпирические оценки ...показали массу других проблем: ...эксперименты не повторялись, ...использовались некорректные методы контроля, ... качество реагентов не тестировалось и ...использовались неправильные статистические тесты. Кроме того, исследователи для публикации часто выбирают наилучший эксперимент, а не суммируют полный набор данных».

В 2016 году *Nature* провел опрос более 1500 ученых относительно невоспроизводимости результатов... Причина опроса: более 70% исследователей ...не смогли воспроизвести эксперименты, опубликованные другими исследователями... Было задано несколько вопросов. Среди них: существует ли кризис воспроизводимости

(52% - «да, сильный»; 38% – «да, незначительный») и какие факторы играют роль в невоспроизводимости (публикация выборочных данных >60%; вынужденность публикации >60%; …плохой статистический анализ >55%).

Среди …причин невоспроизводимости …все большее место, **особенно в высокорейтинговых журналах** [выделено мной – М.Д.], занимают фальсификации, которые при …обнаружении приводят к отзыву статей. Боюсь, что многие подложные результаты остаются необнаруженными ввиду сложности и дороговизны проверок…

Одни и те же исследователи, которые нашли способы опубликовать …статьи в престижных журналах, …получают гранты, что способствует новым публикациям и… новым грантам и т. д. Создается «пузырь», который часто не зависит от …значимости проблемы и который, возможно, отвлекает деньги от пионерских исследований, не набравших еще большой публикационной силы… В результате люди, которые занимаются очень важными, но по тем или иным причинам непубликуемыми на данном этапе работами, оказываются обойденными…»

Не прикладная часть науки из поиска истины во многом выродилась в вульгарный поиск грантов и участие в конкурсах на право их освоения. Сам же процесс познания утратил самостоятельную значимость. В результате огромная часть ученых переродилась в администраторов и специалистов по связям с околонаучной общественностью («грантоедов»), стремящихся не к поиску истины, но к удовлетворению представлений, а то и предрассудков конкретных представителей конкретного грантодателя.

Познание применимо в этих условиях лишь к безусловно второстепенным обстоятельствам. **Общественная наука стремится знать бесконечно много даже не о «бесконечно малом», но о бесконечно мало значимом**. Главным становится при этом заменяющее осмысление коллекционирование разнообразных частных случаев («кейсов»), а также построение моделей с абстрагированием от существенных сторон моделируемого явления.

Пример 2

Образование и общество – жертвы вырождения науки

Деградация науки подорвала образование: лишенное функции подготовки «человеческого сырья» для познания неведомого и создания несуществующего, она выродилась в средневековый инструмент обеспечения социальной стабильности. В частности, в обучении гипертрофированное значение получило рассмотрение обособленных примеров при отказе от системного подхода. В итоге обучение утратило главное – выработку навыков самостоятельного мышления, а пример из иллюстрации качественных выводов, то есть из вспомогательного элемента обучения, стал его основным элементом.

Такой подход, абсолютизирующий оброненное А. Энштейном ошибочное замечание о примерах как единственном способе обучения, порождает не просто обрывочность и ограниченность, но и, как следствие, несамостоятельность и догматичность мышления.

Человеком, обученным на примерах, легко манипулировать (особенно ссылками на авторитете и яркие, но нерепрезентативные случаям), но ему сложно объяснять: для него образование вместо выработки привычки к самостоятельному познанию и выстраиванию причинно-следственных связей выродилось в дрессировку. Жертва такого образования ищет не истину, но дрессировщика, «гуру», обладателя истины в последней инстанции, – и, разумеется, находит его: в подворотне, университете или телепрограмме.

Такой тип образования и, соответственно, сознания облегчает не только управление обществом, но и перехват этого управления сторонними силами и в итоге снижает жизнеспособность общества.

Деградация образования внесла весомый, хотя и не решающий вклад и в снижение эффективности человеческого сознания, описанное в первом разделе предисловия.

В наиболее чистой форме переход к обучению на примерах проявился в переходе к сдаче экзаменов на основе тестов (например, ЕГЭ), а не беседы с преподавателем. При всей значимости объективизации[15] экзамена тесты требуют не понимания предмета, но зазубривания отдельных примеров, не связанных в единое целое.

Замена понимания изучаемого процесса суммой разрозненных знаний об его отдельных сторонах – более серьезная угроза дееспособности человечества, чем атомная бомба в руках террористов.

Сложившиеся условия и правила мировой науки блокируют прорывы в развитии познания. Ведь гранты по объективным коммерческим причинам предоставляются в основном на гарантированное и потому незначительное продвижение вперед.

В итоге финансирование направляется не в наиболее важную сферу исследований – на открытие принципиально новых закономерностей (которого в каждом отдельном случае может и не произойти), – но лишь на относительно малозначимое уточнение уже известного. Эта переориентация (наряду с другими факторами административного вырождения науки, убедительно раскрытыми Т.Куном [185], а затем А.Фурсовым [320]), превращает науку из ключевой производительной силы в специфическую и далеко не всегда оправданную форму дотирования национальной культуры[16].

---

15. В студенческие времена автора красивые девушки «при прочих равных условиях» сдавали экзамен преподавателям-мужчинам отчетливо дольше, чем некрасивые, – и существенно дольше, чем преподавателям-женщинам. В силу этого средняя длительность сдачи экзамена, несмотря на различие в уровне успеваемости, часто рассматривалась студентами как объективный критерий красоты.
16. Ряд исследователей аргументированно отрицает саму возможность продуктивности официальной науки. Так, С.Переслегин справедливо отмечает: «Официальная наука, охваченная административным управлением, потеряла креативность… постепенно покинула позицию «творца» – «распаковщика истинных смыслов», и заняла позицию «критика» – «ниспровергателя смыслов ложных».
К концу XX столетия наука приобрела …кастовый характер, а процесс познания был …регламентирован… Наука… разделилась на **государственную**, которая …получает *преимущественно* отрицательные

Повернуться лицом к реальности науку заставляет массовое вторжение в повседневную жизнь не объяснимых на основании накопленных представлений событий, которые становится невозможно более игнорировать. Однако пока катализатором процесса познания не смогли стать даже такие глобальные катаклизмы, как распад Советского Союза, возвышение Китая и изнеможение США. Вероятная причина на первом этапе – ощущение победы, захлестнувшее Запад: победителей не только не судят, но и не изучают, – чтобы, не дай бог, не испортить им праздника и не стать следующим объектом приложения их всесокрушающей силы.

Побежденные, даже если сохраняют ресурсы для исследования победителей, сознают, что такое исследование будет расценено победителями как враждебный акт наподобие разведывательной деятельности. *Именно этим, – наряду, конечно же, с бегством исследователей в бизнес, – вызвано мгновенное исчезновение советской школы американистики после краха СССР.*

В свою очередь, победители слишком долго не нуждались в изучении новой реальности, так как не видели в ней для себя опасностей. Ведь общество, в отличие от индивида, алкает знаний лишь под влиянием страха (поэтому самым эффективным, если вообще не единственным способом создания принципиально новых технологий остаются военные программы).

Пока что катализатором процесса познания, выведшим развитую часть человечества из блаженного небытия фукуя-

---

результаты и… скоро начнет получать *только* их, и **корпоративную**, в чью задачу …не входит выяснение истины.

С другой стороны, информационное поле цивилизации стало настолько насыщенным, а методы работы с информацией …настолько …простыми…, что… возродилось мыслетворчество доиндустриальной эпохи, когда аристократы… в перерывах между робберами обсуждали упругие свойства идеального газа» [246].

Автор, памятуя об изменчивости общественных процессов, не склонен абсолютизировать это положение и отрицать возможность возрождения официальной науки как инструмента поиска истины, – тем более, что по ряду направлений (например, прикладной политологии) ее эффективность даже возрастает (о чем можно судить, например, при сопоставлении выборов 1996-2018 годов в России).

мовского «конца истории», не стало даже развитие глобального кризиса. Он начал осознаваться в качестве чреватого политическими последствиями летом 1997 года[17]. Последовавшие катаклизмы – от резких колебаний мировых сырьевых, валютных и фондовых рынков и обострения глобального кризиса осенью 2008 года до серии масштабных военно-террористических операций 1999-2014 годов (в Югославии, Нью-Йорке, Афганистане, Ираке, Северной Африке, Сирии и на Украине) – лишь обострили ощущение недостаточности традиционных гипотез для описания новых проблем развития человечества и поиска механизмов их решения. Но лишь полностью неожиданная для традиционной, выродившейся в камлание аналитики (и неприемлемая для политических групп, привыкших считать себя хозяевами Америки) победа Трампа на президентских выборах создала понимание неадекватности традиционных моделей и потребность в новом осмыслении реальности, – хотя в силу описанных выше причин и не обеспечила такого осмысления.

Анализ этих катаклизмов неполон вне понимания того трагического факта, что действия лидеров Запада, несмотря на пренебрежение правами и интересами других народов (или благодаря этому), в целом привели к успеху. Они продлили стабилизацию мирового развития и сформировавшейся после уничтожения СССР, выгодной Западу структуры человечества. *(Разумеется, это продление временно, и его ресурсы, как будет показано ниже, близки к исчерпанию, – но это не делает результат менее впечатляющим.)*

Но человечество уже вошло в новую эпоху – так же просто, как мы садимся в поезд. И мы едем, пьем чай, болтаем друг с другом и по стуку колес пытаемся понять, куда и зачем он идет.

---

17. Точнее, после девальвации таиландского бата 2 июля 1997 года, с которого начался продолжающийся и сейчас глобальный кризис, первый удар которого (финансовый кризис неразвитого мира 1997-1999 годов) был целомудренно назван причастным к нему глобальными спекулянтами, международными бюрократами, политиками и либеральными апологетами вечного бизнес-процветания «азиатским финансовым».

Большинство профессионалов занято в корпоративных структурах, интересы которых жестко ограничивают сферу их внимания. Их результаты принадлежат корпорации, используются для достижения ее частных целей (коммерческих либо политических) и не выходят вовне, ибо распространение значимого для конкуренции знания означает его передачу конкурентам.

Проявления солидарности и между странами, и между корпорациями даже перед лицом общей угрозы, в том числе и в форме распространения реальной информации, не несущей манипулятивной нагрузки, эпизодичны[18]. **Дружба существует между народами, а между обществами и странами доминирует конкуренция**.

Даже оглашение адекватной информации сегодня, как правило, служит не распространению истины или повышению адекватности участников общественного развития, но обеспечению желательной корректировки реальности. Понятно, что систематическое и массовое использование даже адекватной информации в рекламных и манипулятивных целях не содействует доверию к ней.

Поэтому понимание положения и перспектив человечества, вне зависимости от успехов (из-за ограничения доступа к знаниям и общего снижения доверия), еще долго будет малодоступно общественности. Ситуация усугубляется тем, что традиционные ученые обычно избегают комплексного рассмотрения проблем, ради поддержания интеллектуального комфорта и профессиональной репутации ограничивая

18. Среди редчайших примеров такого сотрудничества – выступления советских ученых на Международной конференции по мирному использованию атомной энергии в Женеве в 1955 году и доклады И.В. Курчатова 25 апреля 1956 года в английском атомном центре в Харуэлле о планах атомных исследований в СССР и о результатах исследований советских ученых по проблеме управляемого термоядерного синтеза, в которых советские ученые (с одобрения политического руководства) раскрыли значительную часть своих революционных разработок перед своими конкурентами. Результатом стало полное рассекречивание работ по управляемому термоядерному синтезу в СССР, США и Англии и объединение сил ученых всего мира в этом направлении.

исследования чрезмерно узкими или, наоборот, слишком общими вопросами.

Изложенное делает необходимым данное исследование, направленное на восполнение возникшей «лакуны познания». К сожалению, российское общество слишком погружено в собственные острейшие проблемы, чтобы интересоваться основным содержанием книги – новыми фундаментальными закономерностями развития человечества. Есть опасения, что оно вновь, как было в прошлом, сконцентрируется на обсуждении ярких и острых, но всего лишь примеров, использованных в качестве иллюстраций.

Пример 3

Искажения эмоционального восприятия

О масштабах подобного искажения можно судить по тому, что через год с небольшим после первого публичного издания данной книги, в конце 2001 года, в ходе одной из избирательных кампаний против автора было подготовлено обвинение в том, что он является одним из идеологов международного терроризма!

Обвинение базировалось не более чем на основании описания возможностей компьютерного оружия тогдашнего будущего (сейчас в основном реализованных) и анализа военных ошибок Милошевича.

Окончательно оно умерло, лишь когда автор в лучших традициях бюрократии[19] представил справку о своем членстве в Наблюдательном совете Всемирного антикриминального и антитеррористического форума, что (с бюрократической точки зрения) исключило для него возможность быть идеологом международного терроризма – как явным, так и скрытым.

19. Наиболее емко эти традиции выражены следующей репризой: «Принесите, пожалуйста, справку, что Вы не верблюд. Очень хорошо, спасибо большое. А теперь принесите, пожалуйста, справку, почему Вы не верблюд».

3. Новый характер труда и творческое обновление человечества

Практика показывает, что в информационной эре, которую открывает нынешнее поколение, порой создавая угрозу своему рассудку при помощи примитивных логических построений, реальность зачастую сначала придумывается [242] и лишь потом создается. При этом процесс создания становится все более рутинным и механическим, а творчество сосредотачивается именно в сфере фантазий, «информационных фантомов» и «конструирования реальности».

Эти фантазии, становясь идеями и представлениями, овладевают сознанием как общественных структур и руководителей, заставляя их принимать те или иные решения, так и масс.

Роль и место идей и представлений как таковых в развитии человечества качественно возрастает. Это вызвано тем, что информационные технологии меняют характер труда: он приобретает все более творческий и внутренне свободный характер. Его плоды все чаще становятся неотчуждаемыми от труженика.

Именно эта **неотчуждаемость результатов труда – ключевое** (с точки зрения общественных отношений) **отличие информационных технологий** от всех прежних.

С самого возникновения производства в рамках рыночных отношений его создатель и организатор владел его важнейшими средствами, допуская к ним частичного, не имеющего без него возможности самостоятельно жить работника. Однако с появлением информационных технологий этот работник носит ключевые средства производства в своей голове и памяти личного компьютера. Он не просто владеет своими средствами производства – они в большой степени являются частью его организма. В то же время другая необходимая часть средств производства, связанная с коммуникациями и другими видами инфраструктуры, общедоступна.

Такому работнику не надо идти в наемное рабство, чтобы прокормить себя; общедоступность одной части средств производства и неотчуждаемость другой делают его самостоятельным участником производства, равноправным с его организатором. Он уже не продает по необходимости свою способность создавать новую стоимость – рабочую силу, не имея доступа к создаваемой ей новой стоимости, но отдает свою рабочую силу в аренду за долю создаваемого ей.

Разумеется, в большинстве случаев, когда его предложение на рынке труда не уникально (или когда развитие технологий лишает его труд творческого характера, превращая его в рутинный), работник по-прежнему зависит от организатора производства (особенно если тот еще и контролирует часть информационной инфраструктуры) и не может реализовать себя без сотрудничества с ним.

Разумеется, арендная плата за его рабочую силу может быть и меньше цены ее прямой покупки (обычной зарплаты), то есть уровень эксплуатации может быть выше, чем в индустрии (особенно если учесть расширение рабочего времени в условиях мобильности рабочей силы и возможности работать из дома).

Но при информационном характере своего труда работник обладает качественно большей свободой и мобильностью, чем можно было представить в условиях индустрии.

С приобретением же трудом творческого характера отчуждение от работника его рабочей силы становится невозможным. Место эксплуатации занимает кооперация владельцев различных дополняющих друг друга производительных сил[20]. Значение принуждения падает, ибо человека можно (и должно, потому что по доброй воле ей мало кто хочет за-

---

20. Хотя абсолютизировать расширение сферы творчества под живительным воздействием информационных технологий не стоит. Наряду с описанным идет и обратный процесс: многие ранее творческие профессии, – например, юриста, журналиста или финансового аналитика, – под влиянием тех же технологий стремительно становятся рутинными и даже замещаются роботами.
Но в целом сфера творческого труда безусловно расширяется, хотя и далеко не так быстро, как казалось провозвестникам информационной революции.

ниматься) принудить к рутинной, механической работе, а к наиболее производительному творчеству принудить по самой его природе нельзя.

Творчество (или «креативность», выражаясь выхолощенным языком политтехнологов) – ключевое слово эпохи информационных технологий. Именно благодаря ему **труд из библейского проклятия** все больше **превращается в развлечение**. «Разумно трудящийся» человек становится, по выражению Йохима Хейзинги [328], более полувека спустя подхваченному и распространенному братьями Стругацкими, «человеком играющим». Интересно, что подобное превращение предчувствовали многие. *Так, взаимодействие «человека играющего» с обычным миром, иногда комическое, но чаще трагичное, основанное на взаимном непонимании, – сквозная тема творчества такого далекого от научной проблематики и близкого к практической аналитике*[21] *писателя, как Грэм Грин [129].*

В результате соприкасающийся с занятыми в сфере информационных технологий с удивлением и завистью видит, что «при прочих равных» условиях они испытывают значительно больше положительных эмоций в единицу времени, чем он.

Причина – в самом характере их труда, который, опираясь в основном на информационные технологии, является в этой части творчеством и, строго говоря, развлечением.

И это прекрасно, – но мы еще не можем представить цену, которую предстоит заплатить за это нам и человечеству в целом. Ведь как социальный, так и психологический, и даже биологический вид человека сформирован рутинным, нетворческим трудом. Принципиальное изменение труда изменяет и занимающегося им человека. Плата за возможность массового и повседневного творчества – изменение едва ли не всех значимых характеристик людей, определяемых выполняемыми ими функциями. Многое привычное и дорогое нам друг в друге, многие свойства и признаки, которые мы привыкли считать «человеческими» (кроме, конечно, наи-

---

21. К разведке, говоря по-русски.

более устойчивых биологических – и то до массового применения генной инженерии), становятся зыбкими и неопределенными. Не только человечество как система – сама человечность (не только как гуманизм, но и, шире, как определяющее свойство, квинтэссенция этой системы) теряют устойчивость, начинают видоизменяться на глазах.

Образ жизни, система ценностей, способ мышления, – каждая из этих констант стремительно трансформируется. Всем нам, пишущим или читающим эту книгу, равно как и не имеющим о ней представления, предстоят глубочайшие изменения и даже неоднократные диалектические, но от этого не менее пугающие и болезненные отрицания себя самих, какими мы были еще на своей собственной памяти, еще несколько лет назад.

То, что всегда считалось болезненной психологической ломкой и происходило исключительно в результате общественных катастроф, пережитых даже самыми многострадальными странами – Россией и Китаем – лишь дважды за весь прошлый век, становится нормой, повседневным рутинным состоянием и обыденным образом жизни большинства людей.

Человечество обретает многое, – но многое и теряет. **Мы еще не знаем по-настоящему, что и в обмен на что приобретаем**. Более того: когда произойдет ожидаемая нами утрата, большинство, предвкушающее и с наслаждением переваривающее новое, вполне возможно, даже и не заметит ее. Но сегодня, осязая краски и запахи летящей к концу привычной обыденной жизни, – и уже, во многом незаметно для себя, утратив часть этих красок и запахов, – мы не можем не предчувствовать, не предощущать эту потерю и заранее скорбим по ней.

Именно поэтому, полагая период освоения информационных технологий «веком развлечений», автор вопреки нормам логики и законам русского языка называет его «скорбным».

4. Логика, структура и особенности исследования

Человечество переживает одно из самых масштабных и всеобъемлющих изменений за все время своего существования. Меняется не только структура личности человека, ее самоидентификация и ценности – меняются базовые поведенческие инстинкты. Возможно, вскоре биологическая революция подвергнет кардинальному и стремительному преобразованию и саму нашу физиологию, не говоря о внешнем облике [38][22].

Мы называем происходящее с нами «кризисом» лишь для самоуспокоения, в порядке аутотренинга. Уже давно очевидно: это не кризис, а трансформация, переход в новое, не просто не виданное прежде, но и не поддающееся представлению (причем, возможно, не «пока», а «уже» – в силу краха индивидуального сознания) состояние – как человечества в целом, так и составляющих его индивидов.

Не отдельно взятый человек, не отдельно взятый народ, – «кожу меняет» все человечество в целом, и этот процесс неумолимо и незаметно распространяется и на каждого из нас в отдельности.

Банальные вопросы «что с нами происходит?», «камо грядеши?» и, соответственно, «что делать?» наполняются в этой качественно новой исторической ситуации новым смыслом и, соответственно, новой актуальностью. *(Таково свойство банальностей вообще: они возвращают себе ослепляющую*

22. Правда, А.Школьников точно отмечает схоластичность подобных недавно популярных, а сейчас все более игнорируемых моделей: «Именно в социальное сопротивление упирается идея технологической сингулярности, все их модели напрочь игнорируют человеческую природу и сопротивление изменениям, рисуя экспоненту, не понимая, что это выход за пределы корректности модели… Переход в новый технологический уклад является серьезной проблемой для человечества… Пусть мы научились преодолевать/ управлять/ смягчать прохождение фазовых кризисов, но нет даже намека на изменение мышления так, чтобы упразднить само понятие кризиса/ барьера» [341.1].

новизну как раз к тому времени, когда, наконец, надоедают до смерти.)

Ответу на них и посвящена настоящая книга.

Поскольку наше преобразование связывается нашим сознанием с процессами глобализации (хотя последние являются лишь таким же, как само это преобразование, следствием распространения новых технологий, – всего лишь более внешним для нас и потому более заметным), в силу традиции последней четверти века мы будем применять именно этот термин.

Данное исследование было начато на заре глобализации – в 1995 году, когда стало ясно, что накопленные к тому времени знания о закономерностях общественного развития и международной конкуренции перестали работать.

С того времени оно существенно трансформировалось (вместе с реальностью), но его метод остался неизменным, универсальным для изучения обществ: последовательным переносом внимания с более долгосрочных и потому более объективных процессов на более краткосрочные и более субъективные, частично определяемые поэтому ранее описанными.

Первая группа процессов общественного развития объединяет наиболее фундаментальные, связанные с развитием, распространением и взаимодействием **технологий** производства и управления.

Группа среднесрочных процессов включает во многом задаваемую господствующими технологиями динамику **политической структуры** общества, в первую очередь динамику взаимодействия наиболее влиятельных капиталов.

И, наконец, краткосрочные процессы связаны с реальной (а не прокламируемой) **социально-экономической политикой**. Она в наибольшей степени зависит от воли людей, хотя и определяется технологиями и политической структурой общества.

На эту общую схему движения от анализа наиболее объективных и долгосрочных процессов к исследованию более субъективных и краткосрочных наложено движение от рас-

смотрения наиболее простых, единичных объектов к изучению все более сложных: от личности до общества и, далее, к анализу взаимодействия обществ между собой и со ставшими над ними глобальными структурами.

Книга разделена на два тома: в ***первом***, посвященном *общей теории глобализации,* анализируются универсальные процессы изменения человечества, – от уровня отдельной личности до уровня глобальной, надгосударственной конкуренции.

Второй том, описывающий основы *специальной теории глобализации*, обосновывает практические выводы из общей теории глобализации для российского общества. Специфичность последнего делают их не полностью актуальными для других, – и, более того, «специальность» теории заключается в данном случае как раз в ее применимости лишь к отдельной группе обществ. Тем не менее общие принципы и многие конкретные выводы верны для всех обществ, близких к российскому или находящихся в его положении.

Во **введении** определяется понятие глобализации и предмет исследования – влияние информационных технологий, порождающих глобализацию, на общественные отношения.

Особое внимание уделено качественной новизне современного этапа развития человечества: проявлениям «закона сохранения рисков»; смене предмета труда и, соответственно, всего характера деятельности человека; снижению познаваемости мира; изменению характера эволюции человека; формированию новой, информационной среды обитания человека в дополнение к привычным «первой» и «второй» – технологической – природе; рутинной на фоне изложенного смене технологического базиса (с индустриального на информационный) и, наконец, появлению нового и главного субъекта развития человечества – глобального управляющего класса.

В **первой части** книги рассмотрено влияние информационных технологий на человеческую личность и непосредственно образуемые ею общественные структуры (это семья, коллектив и организация, рассматриваемые именно с точки зрения индивидуума).

Первая глава анализирует трансформацию личности – с выделением аспектов, превращающих погруженного в информационное поле и утрачивающего способность существовать вне его человека в частичного (на фоне наших представлений о нем) человека по аналогии с частичным работником капитализма (способного выполнять только одну операцию и потому не умеющего существовать вне конкретного производства).

Вторая глава посвящена трансформации семьи, превращающейся из принципиально нового по сравнению с индивидом качества в союз индивидов.

Третья глава анализирует преобразование организаций и ставит принципиально не поддающийся доказательному разрешению вопрос о характере надчеловеческого, коллективного сознания и смысле существования человечества для мироздания как такового.

Вторая часть книги описывает изменения общества, рассматривая и личность, и коллектив, и организацию уже не с точки зрения индивида, но как части общественного организма.

Четвертая глава рассматривает специфический аспект преобразования организаций информационными технологиями – разнообразный и всеобъемлющий управленческий кризис.

Пятая посвящена частному, но исключительно важному (как идеологически, так и практически) проявлению этого кризиса – вырождению демократии.

В шестой анализ поднимается с личности и организации на уровень общества, со времен Вестфальского мира консолидируемого государством, также находящимся в состоянии трансформации, и рассматривает трансформацию под влиянием информационных технологий отдельного общества.

В *седьмой главе* это восхождение заканчивается описанием (насколько это возможно сейчас) основных глобальных надгосударственных структур и части реализуемых ими в разное время глобальных проектов. Значительное внимание уделено главному субъекту и действующему лицу миро-

вой истории эпохи глобализации – глобальному управляющему классу.

Третья часть книги посвящена самым болезненным и потому очевидным – экономическим изменениям, демонстрирующим исчерпанность рыночной парадигмы, и парадоксальным проявлениям в ее рамках хотя и искаженных, но безусловно коммунистических начал.

В восьмой главе рассматривается подавление традиционных рыночных отношений информационными технологиями: деньги теряют значение, уступая им место главного фактора развития; появляются **метатехнологии**, исключающие конкуренцию пользователя с поставщиком используемых им технологий, частная собственность разрушается управленческой революцией, а конкуренция – этот мифологизированный двигатель прогресса – превращается в оружие уничтожения всех, не связанных с глобальными спекуляциями.

Девятая глава посвящена проблеме «лишних людей», порожденной скачком производительности труда, и ее следствиям: замене рыночной экономики распределительной, демократии – информационной диктатурой, превращению философской проблемы смысла человеческого существования в злободневнейший вопрос текущей политики и, на десерт, – утрате гуманизмом экономического смысла.

В *десятой главе* показаны очевидные уже сегодня контуры новой реальности, связанной со стихийным рыночным решением проблемы «лишних людей». Продемонстрировано, что альтернативой утилизации – физической или социальной – огромной части человечества является отказ от рыночной парадигмы и переориентация с погони за прибылью к совершенствованию человека; особое внимание уделено преградам на этом пути.

В **четвертой части** рассматривается влияние информационных технологий на отношения между обществами, то есть на глобальную конкуренцию, составляющую основное содержание внешнеэкономических и внешнеполитических отношений.

Одиннадцатая глава подробно анализирует факторы технологически обусловленного и потому не преодолимого в обозримом будущем разделения человеческих обществ.

Двенадцатая глава описывает ограничение конкуренции транснациональными корпорациями и объективной интеграцией рынков, что позволяет сделать фундаментальный вывод о **формировании глобального монополизма**, не имеющего границ и сдерживающих элементов.

Тринадцатая глава посвящена превращению США в несущую конструкцию глобального монополизма, порождаемым этим положением выгодам и проблемам и стремительному исчерпанию глобальным монополизмом своих возможностей.

Пятая часть книги анализирует загнивание[23] этого монополизма, являющееся основным содержанием нашего времени и придающее ему характер глобального кризиса.

Четырнадцатая глава рассматривает современную всеобъемлющую глобальную конкуренцию и ее разрушительность, доросшую до систематического использования терроризма.

В *пятнадцатой главе* показана непосредственная причина текущего экономического кризиса: невозможность дальнейшего расширения рынков. С одной стороны, это кладет предел углублению разделения труда и останавливает свойственный капитализму механизм технологического прогресса (что кладет конец капитализму как таковому), с другой, лишает монополии сдерживающей их конкуренции, ведет к их загниванию и перепроизводству продукции, являющемуся содержанием нынешнего глобального экономического кризиса и делающего неизбежным срыв в Глобальную депрессию.

Шестнадцатая глава дает периодизацию глобализации, уделяя особое внимание ее исчерпанию как инструмента обеспечения благополучия Запада.

23. То есть «устойчивое снижение эффективности и ее необратимую утрату» – в переводе с традиционного марксистского на не менее традиционный, но пока еще более распространенный коммерческий язык.

Семнадцатая глава посвящена основным механизмам срыва человечества в Глобальную депрессию, ее характеру, промежуточным равновесным состояниям, которые будут достигаться по мере ее развития и усугубления, а также ее вероятным результатам.

Восемнадцатая глава подробно рассматривает доминирующую в настоящее время либеральную идеологию, раскрывает ее сущность, значение, причины привлекательности для элит и обществ (даже разрушаемых ею), а также содержательной исчерпанности и политической бесперспективности.

Заключение подытоживает основные идеи первого тома, фиксируя объективную компоненту состояния человечества.

Второй том книги – *специальная теория глобализации* – описывает субъективную составляющего этого состояния: проекты и возможности сознательного участия субъектов глобального развития, прежде всего России, в глобальном кризисе.

Шестая часть исследования посвящена сознательным усилиям ключевых участников глобальной конкуренции.

Девятнадцатая глава анализирует основные глобальные проекты современности в их динамике и взаимодействии, сопоставляет их потенциал и оценивает вероятные перспективы.

Двадцатая глава посвящена усилиям США как наиболее значимого и едва ли не единственного сознательного участника глобальной конкуренции по предотвращению срыва в Глобальную депрессию и сохранению мировой финансовой архитектуры после уничтожения СССР. Внимание сосредоточено на крупнейших операциях последних десятилетий и на объективной смене реализуемых стратегий от финансовых к военным.

Двадцать первая глава изучает второй этап эволюции глобальных стратегий США: от военных, исчерпанных Бушем-младшим, к социоинженерным (в рамках рассмотренной в главе 16 концепции «экспорта нестабильности», а затем и хаоса).

Седьмая часть рассматривает текущее положение российского общества в глобальной конкуренции.

Двадцать вторая глава показывает нежизнеспособность либеральной модели развития применительно к российским условиям. Описан характер власти, возникшей в результате разрушения СССР, и ее эволюция. Рассмотрена система противоречий российского общества, придаваемые ими его развитию импульсы и их вероятное взаимодействие. Выделен глубокий и оставшийся незамеченным многоуровневый качественный перелом, произошедший в 2010-2011 годах. Обоснован вывод о неизбежности системного кризиса.

Двадцать третья глава анализирует враждебность Запада к неразвитому миру, в который он уничтожением СССР вытеснил и Россию, и показывает объективные корни его традиционной антироссийской позиции. Особое внимание уделено системному кризису в отношениях России с западной цивилизацией, начавшемуся в 2013 году и парадоксально не осмысленному его участниками до сих пор.

Двадцать четвертая глава посвящена необходимости нашей страны для глобального развития: катастрофическим последствиям ее краха, невозможности «однополярного» мира и нашей роли как встроенного стабилизатора человечества.

Восьмая часть книги описывает объективные перспективы России на нынешнем этапе развития глобального кризиса.

Двадцать пятая глава рассматривает объективные правила выживания слабого общества в глобальной конкуренции и «экспорте хаоса» как доминанты международных отношений.

Двадцать шестая глава показывает специфику русской культуры, оказывающую определяющее воздействие как на поведение личности, так и на развитие всей русской цивилизации.

Двадцать седьмая глава анализирует объективные преимущества и недостатки России, значение которых сохранится или усилится в ходе Глобальной депрессии. Доказано,

что привычно считающиеся неотъемлемыми конкурентные преимущества либо преходящи, либо отчуждаемы и потому уязвимы и требуют нетривиальных действий для их сохранения и использования. Изучены уникальные и действительно неотъемлемые возможности даже современной (после длительной деградации) русской цивилизации, позволяющие ей вернуть себе ключевую роль в мировом развитии и не допустить обрушения человечества в новые Темные века.

Двадцать восьмая глава формулирует необходимую комплексную политику социально-экономического развития, позволяющую при раннем применении избежать срыва в Смуту, а в случае промедления – минимизировать длительность и разрушительность последней. Описан необходимый для сохранения и развития русской цивилизации «образ желаемого будущего», соответствующий ее архетипическим установкам и потому способный сцементировать даже распадающееся общество единством стратегических целей.

Завершается исследование **заключением**, заостряющим внимание на выборе между трудностями самостоятельного развития и превращением в подчиненный (и потому отсталый и разрушаемый в условиях кризиса) элемент более сильной системы. Глобализация ставит перед этим выбором все человечество: как отдельных людей, так и целые общества, включая российское, – и он жестко определяет будущее как отдельного человека, так и страны, в которой он живет.

Для улучшения усвоения материала использованы следующие оформительские приемы:

Определения выделены жирным шрифтом и боковым отчеркиванием.

Важнейшие положения выделены **жирным шрифтом.**

Курсивом выделен вспомогательный материал, содержащий уточнения положений, содержащихся в основном тексте.

Примеры, развивающие положения текста на конкретных исторических событиях, статистических материалах и методологических отступлениях, выделены серым фоном и помещены в рамку.

Особое внимание уделено вопросам, пока не имеющим решения. Это демонстрирует продолжающийся на наших глазах и, хочется верить, с нашим участием процесс познания. Попытка же скрыть неизвестное, характерная для обычных учебников, не просто отбивает вкус к познанию и интерес к предмету, но и создает ложное впечатление познанности и завершенности мира.

Пример 4

Волшебство электричества

О степени ложности этого интуитивного ощущения, выпестованного современным образованием, свидетельствует, например, поразительная неспособность науки объяснить даже возникновение электрического тока!

Человек изучает электричество с 1600 года, когда англичанин Уильям Гилберт выпустил труд «О магнитах, магнитных телах и самом большом магните – Земле». Человек массово использует его более века. Вся цивилизация построена на электричестве, – но мы не знаем, как и откуда оно берется, и вынуждены пользоваться эвфемизмом «электродвижущая сила», являющимся беспомощным синонимом «бога из машины».

Читатель, безусловно, уже обратил внимание на живой характер изложения материала, отличающий его от традиционного академического стиля. Причина проста: анализ захватывающих дух событий современного развития в традиционной скучной манере, убивающей интерес к предмету изучения, попросту недостоин его!

Кроме того, эффективное усвоение знаний, – что прекрасно понимают преподаватели «классической» школы, – кате-

горически требует эмоциональной вовлеченности обучаемого[24].

Знания усваиваются по-настоящему полно, лишь когда читатель ощущает интерес и азарт исследователя, красоту неожиданных решений и законов природы, «драму идей» первооткрывателей и борцов. Благодаря этому он, несмотря на историческую краткость своей жизни и ничтожность возможностей, чувствует себя полноправным участником великого исторического процесса развития природы и ее познания человечеством, идущего как до его рождения, так и после его смерти.

Любой процесс – от протекания химической реакции до развития общества – трудно понять без эмоционального вовлечения. Даже совершив подвиг понимания безразличной нам проблемы, мы рискуем столкнуться с разочарованием от его напрасности, ибо только эмоция надежно впечатывает информацию в память. Поэтому даже неромантические люди на всю жизнь запоминают стихи, а обычный учебник, – не кладезь живых, но кладбище мертвых знаний, – забывается на следующий день после экзамена.

Предлагаемая Вашему вниманию книга – для жизни, а не экзамена. Писать иначе – напрасный труд, безвозвратная растрата своих сил и наглая кража времени беззащитных читателей. Поэтому она написана, – по крайней мере, на это надеется автор, – возвышенно и взволнованно.

Усвоение новой информации вызывает выделение эндорфинов, вызывающих удовольствие. Это биохимическое объяснение любознательности и интеллектуального прогресса доказывает, что познание действительно – и не с философской, а с сугубо физиологической точки зрения – должно быть радостью.

Обычное для обучения превращение его в мучительно скучное насилие или, напротив, бессодержательные игры – преступное извращение, обедняющее потенциал человече-

24. Недаром наиболее эффективным (а не просто наиболее приятным, как иногда ошибочно полагают) методом изучения иностранного языка остаются, несмотря на все технологические чудеса, близкие отношения с его носителем.

ства, тормозящее его развитие и уменьшающее его разнообразие.

Автор надеется жить долго – и дожить до времени, когда скучных преподавателей будут дисквалифицировать за профнепригодность, а познание станет для всех тем счастьем, каким оно и должно быть, исходя из самой природы человека.

5. Слова благодарности

Автор выражает глубокую и искреннюю признательность всем специалистам и организациям, вольно или невольно оказавшим влияние на длительный, многосторонний и противоречивый процесс подготовки этой книги. Ее начало можно проследить с исследований взаимодействия пропаганды, сознания, являющегося ее объектом, и реальности, служащей ее сырьем, во многом случайно начатых еще в 1987 году. Естественно, тогда нельзя было даже представить, во что выльются эти наглые по тем временам попытки, да и основной части предметов исследования еще не существовало.

К сожалению, нарастающая на протяжении тридцатилетия национального предательства [157] все более агрессивная деградация государства по-прежнему не позволяет назвать всех участников этой увлекательной и плодотворной работы.

Сегодня я прежде всего хочу поблагодарить:

- моих родителей, Нину Михайловну и Геннадия Николаевича, создавших меня таким, какой я есть, и деда Михаила Семеновича, успевшего объяснить мне главные правила жизни;
- преподавателя истории Евгения Викторовича Те, привившего мне интерес к самому волшебному и захватывающему, что только есть в мире, – меняющимся закономерностям развития общества;

- первого помощника президента Ельцина по экономике Игоря Васильевича Нита, ставшего моим первым и единственным научным руководителем и являющегося идеалом ученого и символом мужества, оптимизма, конструктивности и жизнелюбия для всех, кому посчастливилось его знать;
- Евгения Максимовича Примакова, показавшего мне, как и всей стране, как нужно руководить государством в тяжелейших условиях, – и доказавшего личным трагическим примером категорическую необходимость борьбы за власть;
- бывшего первого заместителя Госплана СССР, вице-премьера правительства России и Председателя Комитета Госдумы по промышленности Ю.Д. Маслюкова;
- последнего руководителя Госбанка СССР и пока единственного профессионального председателя Центробанка России В.В. Геращенко, показавшего своей жизнью, что безвыходных ситуаций и окончательных поражений не бывает;
- выдающегося аналитика и практика А.В. Сурикова;
- создателя и многолетнего руководителя Института системных оценок и анализа, автора фундаментальной трилогии «От Ельцина к ...?» В.А. Гусейнова;
- выдающегося криминолога, помощника Министров внутренних дел и председателя Конституционного Суда России, первого руководителя российского Бюро Интерпола В.С.Овчинского;
- одного из ключевых историков России А.И. Фурсова;
- одного из ключевых экономистов России М.Л. Хазина;
- одного из крупнейших российских философов современности В.В. Владимирова;
- одного из наиболее глубоких российских историков А.В. Пыжикова;
- удивительно мудрого и опытного специалиста в самых неожиданных сферах ведения бизнеса А.А. Зимакова;

- главного редактора газеты «Завтра», председателя Изборского клуба А.А. Проханова;
- профессора А.А. Нагорного;
- академика РАН С.Ю. Глазьева;
- профессора, д.э.н. Н.А. Кричевского;
- бывшего вице-премьера – Министра внутренних дел России, создателя Всемирного антикриминального антитеррористического форума А.С. Куликова;
- оригинального и убедительного мыслителя Е.В. Гильбо;
- создателя ключевого русскоязычного сайта, посвященного проблемам глобализации – *www.imperativ.net* – В. Видемана;
- помощника президента РФ, Председателя Банка России к.э.н. С.М. Игнатьева;
- заместителя руководителя Аналитического управления Совета Федерации к.э.н. В.Д. Кривова;
- политического советника Е. Гайдара на всем протяжении его пребывания у власти, ныне ректора РАНХиГС Мау, чей категорический отзыв об «этой ужасной книге» стал окончательным аргументом в пользу ее первой открытой публикации;
- многолетнего Председателя подкомитета по банкам и банковской деятельности Комитета Госдумы по бюджету и финансам, преподавателя математики, д.э.н. П.А. Медведева;
- сотрудницу экономического факультета МГУ Н.А. Нетунаеву;
- сотрудницу Аналитического управления Совета Федерации Г.Н. Терещенко;
- сотрудника Мирового банка к.э.н. Л.М. Фрейнкмана;
- бывшего заместителя Председателя Центрального банка России д.э.н. А.А. Хандруева.
- бывшего заместителя директора ВНИИ МВД РФ, выдающегося криминолога И.Ю. Сундиева;

- выдающегося экономиста второй половины 90-х и начала «нулевых» годов Иноземцева, в 1994 году профинансировавшего издание первых размышлений на темы данной книги 149], но в конце нулевых, как можно судить, отказавшегося от своего ума на почве либерализма и мошенничества;
- гуру либерального клана Ясина, личным примером вылечившего меня от либерализма;
- главу администрации президента в 1996-1997 годах Чубайса и его заместителя Бойко, первым в моей жизни категорическим запретом на общение с медиа прививших мне вкус к написанию книг;
- первого вице-премьера и Министра топлива и энергетики в 1997-1998 годах Немцова, невольно давшего мне возможность начать изучать описанные в этой книге вопросы, не отвлекаясь на исполнение обязанностей по госуправлению.

Огромную благодарность автор испытывает к многолетнему заместителю директора Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН профессору Г.Г. Малинецкому, оказавшему в критический для исследования момент неоценимую моральную и интеллектуальную поддержку.

Техническая сторона работы по подготовке книги всей тяжестью легла на сотрудников Института проблем глобализации, дружественных и сопряженных структур, самоотверженный и добросовестный труд которых достоин всяческих похвал.

Автор убежден, что, несмотря на продолжающуюся (в том числе и в течение более чем 20-летней работы над этой книгой) деградацию государства, новые издания продолжат расширять перечень людей, участвовавших в ее создании, пока в один воистину прекрасный день он не окажется наконец полным.

Введение

НОВИЗНА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

1. Неизвестность: не страх, но стимул

Страх неизвестности – один из сильнейших страхов. Даже страх смерти в очень большой степени сводится к нему. Поэтому, сталкиваясь не просто с неопределенностью, но и с принципиальной непонятностью своих перспектив, носитель обычного сознания испытывает страх и рефлекторное желание защититься от неизвестного, отказываясь думать о нем; классическое «я подумаю об этом завтра» [221] продлевается на недели и месяцы, а если позволяет жизнь, – на десятилетия[25]. Стоит ли говорить, что это кардинально усугубляет разрушительность всех объективно обусловленных трансформаций, оказывающихся в результате не только стихийными, но и неожиданными.

Страх неизвестного заставляет нас думать о предстоящих катаклизмах в терминах кризисов. Лишь носители предпринимательского типа сознания (доля которых обычно составляет до 10%, как и представителей большинства других аномалий) воспринимают неизвестное не как опасность, но как возможность, – и попытка научиться у них этому является одним из полезнейших психофизиологических и интеллектуальных упражнений.

25. *Классический пример такого подхода демонстрирует человечество, с 2001 года отказывающееся готовиться к заведомо неизбежному срыву в Глобальную депрессию и направившее все силы лишь на его отдаление (см. параграф 16.6).*

Пример 5

«Кризисная возможность» Грефа

Назойливый казенный оптимизм принципиально игнорирующих реальность (а порой и просто не способных ее воспринять) либеральных «эффективных менеджеров», выраженный в отсылке к китайскому иероглифу «кризис», объединяющему понятия не только «опасность», но и возможность, быстро набил оскомину и стал вызывать все более агрессивное отторжение даже у их собственных гуру.

Так, Греф[26] во время обострения глобального кризиса еще осенью 2008 – весной 2009 годов справедливо отметил, что, хотя в кризисе кроются и возможности, для большинства они сопоставимы с возможностями после лобового столкновения автомобиля с бетонной стеной на скорости 60 км/ч: две недели в больнице.

Важно сразу, при первом же употреблении термина «либерализм» зафиксировать: он означал идеологию личной свободы и ответственности исключительно давно – во времена Вольтера. В данной книге он используется в современном политическом значении:

Либерализм **– идеология служения глобальным финансовым монополиям, в основном спекулятивным, и в целом рыночным спекулянтам**, подразумевающая, в частности, обязанность государства служить не своему народу, а этим монополиям и спекулянтам, в том числе и прямо против своего народа.

Способность рассматривать неизвестность и как возможность, а не только как опасность, дает ее обладателю колоссальное конкурентное преимущество над остальным миром. Недаром основная часть крупнейших и при этом устойчивых

26. *Наиболее емкое описание жизненного пути, системы ценностей и значения для России Г.О.Грефа дано, как представляется, в сборнике биографий 27 виднейших российских членов либерального клана с говорящим названием «Светочи тьмы» [157].*

состояний и корпораций создавалась именно в периоды масштабных кризисов и катаклизмов (правда, воодушевленным этой «возможностью» и желающим погреть руки на их огне не стоит забывать, что большинство в кризисах все же теряет деньги, – на то они и кризисы [151]).

Неизвестность как таковая должна порождать у высокоорганизованного сознания, обладающего волей, не естественный с точки зрения инстинктов страх, но стремление преобразовать и упорядочить ее в своих интересах.

2. Почему внешний мир важен для России всегда

Изучение глобализации исключительно важно для России в силу не столько тесной взаимосвязанности самых разных обществ, обусловленной современными технологиями. Главное – открытость русской культуры, являющаяся одной из ее специфических отличительных черт (будут описаны во втором томе). Ключевой образ действия носителя русской культуры – жадное творческое освоение и переработка в «свое» всего, до чего она только может дотянуться.

Поэтому даже во времена кажущегося ныне непроницаемым «железного занавеса» интенсивность взаимодействия с зарубежными странами была колоссальной и составляла десятки тысяч человек в год в обе стороны[27]*, а общество*

27. «В 1920-х выезд из СССР был практически свободным. Так, в 1925-27 годах …выехало 140 тысяч человек (из них 1,5 тысячи эмигрировало, около 1 тысячи оказались …невозвращенцами). Причины поездок были разные – от туристических и учебных до научных и спортивных. В эти же годы в СССР въехали 130 тысяч иностранцев, причём 10 тысяч из них эмигрировали в нашу страну.
В 1930-е выезд из СССР затруднился: требовалось поручительство двух лиц, да и международная обстановка в Европе не особенно способствовала поездкам. Так, в 1939 году из СССР выезжало около 20 тысяч человек.
Из-за осложнений международной обстановки был затруднён и въезд туристов. К примеру, в 1935 один Ленинград посетили 12 тысяч иностранных туристов (22% из них были финны, 16% – немцы). А в 1938 –

развивалось синхронно с наиболее развитыми обществ того времени. Классическими примерами можно признать спекулятивный «угар нэпа»[28] – и еще более спекулятивную эру Prosperity 20-х в США, голод коллективизации – и голод Великой депрессии (естественная убыль населения составила 7,5 млн.чел., из которых около 2,5 млн., по оценкам, – сокращение рождаемости, а около 5 млн.чел. умерли раньше времени – см. пример 54 [99]), формирование в 30-е годы авторитарных режимов под давлением конвейерных производств и той же Великой депрессии; послевоенные кампанию против космополитов и маккартизм; революцию молодежных субкультур конца 60-х и многое другое.

Имманентная открытость русской культуры – непосредственная причина отсутствия у нас единой, общепринятой для всего общества истории. Ведь из-за этой открытости

только 5 тысяч, и на весь СССР. В 1939 году въехало и вовсе 3 тысячи туристов (почти все – немцы).

Даже в 1930-е продолжалась эмиграция из СССР. В первую очередь это были сектанты, а также …платившие за выезд золотом. Но случались и неожиданные мотивы эмиграции. Так, в 1934 году харьковские гомосексуалисты просились …в Германию. В …письме немецкому послу они писали: «Разве мы, третий пол, с нашей нежной душой и чувствами способны на разрушение культуры, порядка, цивилизации… Культурная Европа, а тем более Германия должны понять это».

Ещё один пусть «знакомства» с миром – это приезд иностранных специалистов, с помощью которых осуществлялась …индустриализация… В 1932 году их было около 35-40 тысяч человек – это не считая тех, кто эмигрировал в СССР по политическим мотивам (до 15 тысяч)» [125].

28. Огромная часть госслужащих периода нэпа сколачивали «первичный капитал» хищениями госимущества, уходя затем в бизнес. Из частных предпринимателей, отданных под суд за хозяйственные преступления в 1924-26 годах, 90% до 1921 года (то есть до начала нэпа) состояли на госслужбе, а из госслужащих, отданных под суд в эти годы за хозяйственные преступления (включая взятки), 80% уже было осуждено раньше за хозяйственные преступления. Именно выявление факта массового перерождения госслужащих в мелкую буржуазию (при этом еще и криминальную) и масштабов порождаемых рынком злоупотреблений дало непосредственный толчок к свертыванию нэпа [190], хотя, конечно, главной, фундаментальной причиной стало исчерпание производственного потенциала мелкотоварного и потому низкопроизводительного крестьянского хозяйства [92, 265]. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что потенциала остальных 20% предпринимателей хватило для успешного восстановления значительной части советской экономики после разрухи и начала индустриализации.

наше развитие с самого возникновения русской цивилизации примерно одинаково определялось внешними и внутренними факторами, что равно нетерпимо для порождаемых ими ключевых общественных сил (ориентированных вовнутрь и вовне), борьба которых и составляет внутриполитическую историю России с момента ее появления. *Для «почвенника» невыносимо признать, что будущее «народа-богоносца» наравне с ним самим определяют и «растленные еретики», мечтающие о его уничтожении и порабощении. Точно так же и «западник» не способен примириться с тем, что «темный и дикий мужик» (современный эквивалент – «путинская быдловата») влияет на судьбу страны в той же мере, что и «блистательные ясновельможные паны» (или «все мировое сообщество»).*

А, не будучи в состоянии признать историческую равнозначимость с собой своих политических противников, носители соответствующих ценностей не могут и написать непротиворечивую и при том соответствующую хотя бы основным известным фактам историю страны и народа. *(Стоит напомнить, что история по своей природе – не объективная наука, а ключевой элемент социальной инженерии: инструмент формирования общественной идентичности. Как гласит одно из ключевых правил государственного управления, почему-то обычно считающееся анекдотом, «в школе есть два главных предмета: начальная военная подготовка учит, как стрелять, а история – в кого».)*

Таким образом, открытость русской культуры качественно усиливает важность учета глобальных тенденций, – которая и так стала едва ли не абсолютной с началом глобализации.

И, когда уже уходящая, гаснущая на глазах *belle epoque*[29] сорвется в распад глобальных рынков на макрорегионы (см. параграф 15.3), изучение мировых тенденций и особенностей других макрорегионов все равно останется для нас категорическим императивом – просто в силу неискоренимо открытого характера нашей культуры.

29. Прекрасная эпоха (фр.).

3. Что такое глобализация и почему она становится понятной

Ускоренное развитие коммуникаций в конце 80-х и в 90-е годы создало широкий круг принципиально новых возможностей для получения информации и влияния с ее помощью, а также для обеспечения мобильности и повышения качества «человеческого капитала». Тем самым оно предоставило гражданам развитых и, в меньшей степени, успешно развивающихся стран качественно новые «степени свободы». В сочетании с исчезновением удушающего страха уничтожения в глобальной ядерной катастрофе и надеждами бывших социалистических стран (ложность которых тогда еще не стала очевидной) это создало принципиально новую общественную атмосферу, основой которой, как и во всех великих революциях, стало кардинальное усиление независимости личности.

Так как человечество склонно давать новое имя каждому новому явлению (вместо логичного и экономного наполнения новым смыслом старых понятий), эти грандиозные драматические перемены не могли не отразиться на терминологии.

«Коммуникационный бум», сблизивший человечество и превративший его (в пределах развитых обществ и элит успешных развивающихся стран) в единое целое, породил понятие «глобализация»[30]. Кризис же 1997-1999 годов, по-

30. Точнее, вызвал его из небытия. Впервые он был употреблен в 1944 году в связи с подготовкой Бреттон-Вудских соглашений – и тут же забыт [361]. В начале 50-х во Франции появился близкий по значению термин «мондиализация» [90], но он не вышел за рамки французской академической науки и также не получил популярности. В 60-е годы термин появился в работах канадского философа и культуролога М.Маклюэна, который ввел понятие «глобальная деревня» [48] и «Понимание средств коммуникации» [49] и отметил, что развитие СМИ ведет к стиранию времени и пространства.
1983 году термин «глобализация» заново и независимо друг от друга ввели американцы Т.Левитт в статье «Глобализация рынков» в *Harvard Business Review* (для обозначения слияния рынков отдельных

ставив его в центр весьма нетривиальных дискуссий о перспективах всей цивилизации и отдельных стран, сделал его едва ли не наиболее популярным термином.

Увы, он не избежал печальной судьбы большинства модных слов: почти каждый вкладывает в них свой собственный и только ему ведомый смысл, как правило, не задумываясь о том, что термин должен иметь общеупотребительное значение.

Наиболее часто понятие «глобализация» используется в литературе, да и в обыденной жизни, для придания наукообразности незатейливому, хотя и никогда не теряющему актуальности понятию «наше время». *Для распознания подобных подходов, маскируемых зачастую весьма изощренно, исповедующим их следует предлагать заведомо нелепую, но наукообразную тему, включающую модный термин. Автору пришлось многократно отказываться от участия в научных мероприятиях, организаторы которых принимали, причем порой с энтузиазмом, его предложение выступить на тему «Влияние глобализации на динамику гравитационной постоянной», – пока он не устыдился и не перестал глумиться над убогими.*

Второй по популярности подход к глобализации – отождествление ее с конкретными наборами технических атрибутов (обычно Интернетом и транснациональными денежными переводами) и анекдотов. Классическим служит,

---

продуктов, производимых транснациональными корпорациями) и Р.Робертсон, употребивший термин *globality* – глобальность. В 1985 он определил понятие «глобализация», а в 1992 сформулировал основы ее концепции в книге «Глобализация: социальная теория и глобальная культура» [309].

Однако это были отдельные, спорадические упоминания, провидевшие реальность, которая тогда еще лишь только формировалась. Термин стал все чаще употребляться в связи с созданием на основе Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) с 1 января 1995 года ВТО (основные переговоры прошли в 1993 году), а окончательно вошел в обращение лишь благодаря Всемирному экономическому форуму в Давосе в начале 1996 года (в России это поначалу осталось незамеченным, будучи заслоненным основным для нас событием того Давоса – консолидацией олигархов для сохранения у власти Ельцина и, соответственно, окончательного формирования новой, олигархической конфигурации власти) [205].

например, следующее определение: «это когда английская принцесса со своим арабским любовником на немецкой машине с датским мотором и испанским водителем, опившимся шотландского виски, гибнет в Париже, спасаясь от итальянских папарацци».

При всей несерьезности формы оно, концентрируя внимание на вавилонском смешении географических и национальных признаков, подводит нас к сути глобализации – к интеграции.

Но отождествление этих понятий также неправомерно. **Глобализация** – особый и **пока высший этап интеграции, начавшийся на рубеже 80-х – 90-х годов XX века**. *Это не позволяет нам присоединиться к профессорам, утратившим душевное равновесие от возможности описать общеизвестные события в новых терминах (и, соответственно, побороться за новые гранты) и восторженно разглагольствующим в связи с этим о глобализации в эпоху Великих географических открытий и даже ледникового периода.*

> **Глобализация – процесс формирования и развития единого общемирового финансово-информационного пространства за счет предельного упрощения коммуникаций** на базе информационно-компьютерных технологий[31].

Наиболее наглядное выражение ее сути, ее **критерий – общедоступная возможность перевода почти любой суммы денег между почти любыми местами Земли и получения почти любой информации почти без затрат времени и средств.**

Внешние атрибуты и инструменты глобализации – обычный Интернет и «Интернет всего», виртуальная и дополненная реальности, интерактивность, социальные сети – не должны заслонять **главного: влияния** новых, создающих ее **технологий на** личность, **общество** и, шире, на человечество в целом.

Началом новой, информационной эпохи (и глобализации как ее непосредственного выражения) следует считать

31. Определение было введено в [154].

1991 год, когда в наиболее передовой экономике тогдашнего мира – США – «расходы на приобретение информации и информационных технологий... превысили затраты на приобретение производственных технологий и основных фондов» [167]: **информация стала важнее материального производства**, что свидетельствует об изменении характера развития человечества.

И действительно: **новая технология открывает новый этап в развитии человечества тогда и только тогда, когда она качественно меняет общественные отношения**. *Именно этим паровая машина отличается от посудомоечной, конвейер – от трубопровода, а персональный компьютер – от мобильного телефона:* их распространение заставило массы людей взаимодействовать качественно новыми способами.

Такое изменение произошло и с формированием единого финансово-экономического пространства. И **предметом изучения глобализации** как таковой, как самостоятельного явления служит **влияние породивших ее технологий на общественные отношения** (как людей внутри общества, так и между различными обществами).

Человечество живет в условиях глобализации уже отчетливо дольше жизни целого поколения[32]. Более того: сама глобализация сменяется возвратным движением, внутренним обособлением сегментов единого финансово-информационного пространства (уже давно породившим термин «глокализация») и очевидной тенденцией к распаду этого пространства на макрорегионы (подробно см. параграф 15.3). Исчерпание потенциала явления, его затухание

32. Время активной деятельности поколения принято считать равным 25 годам, хотя увеличение продолжительности жизни и снижение роли физической деятельности (позволяющее оказывать значимое влияние на жизнь общества все более пожилым людям), безусловно, удлиняют этот период. С другой стороны, инфантилизация молодежи и даже людей в зрелом возрасте на Западе снижает осознанность их деятельности и, отодвигая время взросления, сокращает длительность активной и, как подразумевается, осознанной деятельности поколения, – поэтому традиционные оценки в 25 лет сохраняют свою правомерность.

и приближение к концу – явный признак зрелости, свидетельствующий, что глобализация уже раскрыла себя достаточно полно и всеобъемлюще для комплексного и адекватного понимания.

Если к моменту написания этой книги глобализация не оправдала каких-либо возлагавшихся на нее надежд или вызываемых ею страхов, то не из-за ее недостаточного развития, но лишь потому, что эти надежды и страхи оказались ошибочными.

Глобализация в целом **завершается** – и именно это делает ее полностью и окончательно познаваемой и позволяет нам быть уверенными в правильном ее понимании.

4. Качественная новизна современности

Представители почти каждого поколения, осознающие себя и принимающие на себя ту или иную историческую миссию (самоощущение здесь отчетливо важнее степени его адекватности), кокетничая с историей, самодовольно объявляет свое время, поколение и общество «самыми». Это самолюбование – обычно лишь способ самоутверждения, род аутотренинга, хотя часто вызывает заслуженное омерзение *(чего стоит хотя бы сладострастное самооплевывание вполне благополучной интеллигенции вполне благополучных эпох в стиле «Бывали хуже времена, но не было подлей» [227]).*

Однако, несмотря на длительную и прискорбную традицию подобных заявлений, глобализация действительно знаменовала собой самое глубокое преобразование человечества со времен, по крайней мере, изобретения письменности.

Рассмотрим основные факторы качественной новизны современного этапа развития человечества.

4.1. «Закон сохранения рисков»: человечество у границ

Одно из главных событий, случившихся с человечеством после начала глобализации, – столкновение с качественно новым явлением, названным «законом сохранения рисков».

Оно не является законом в строгом естественно-научном смысле (как, например, законы Ньютона), требующим точной повторяемости результатов при повторении исходных данных.

Строго говоря, в общественных науках выполнение этого фундаментального критерия естественных наук невозможно в принципе, так как нельзя точно воспроизвести практически никакие исходные условия. «В одну и ту же реку нельзя войти дважды», а сопоставление разных обществ даже при одинаковости кажущихся значимыми параметров всегда омрачено опасностью абстрагирования от чего-то существенного, но не замеченного в силу узости восприятия.

Именно объективная невозможность применения естественно-научного критерия знания к общественным (и ко многим гуманитарным) наукам породило формулу «все науки делятся на естественные и противоестественные», – в которой, как и в большинстве хороших шуток, действительно есть лишь доля шутки.

Пример 6

Некоторые отличия естественных и гуманитарных наук

Естественные науки изучают развитие природы и его закономерности, которые не меняются сколь-нибудь заметно в течение человеческой жизни и потому являются для отдельного человека неизменными.

Развитие же человека и общества, являющееся предметом изучения «противоестественных», гуманитарных наук, не просто сопровождается постоянным измене-

нием значительной части закономерностей – правил, о которых договариваются люди, – но и часто осуществляется **прямым изменением** этих правил.

Другое важное отличие гуманитарных наук от естественных – объективная невозможность для исследователя отделиться от объекта исследования, то есть стать независимым от изучаемых процессов. Неизбежное возникновение значимых «обратных связей» (при котором объект исследования влияет на исследователя, часто еще и реагируя на факт исследования) качественно усиливает и без того неизбежно субъективный и классовый характер знания.

Суть «закона сохранения рисков» – основанная на эмпирических наблюдениях закономерность: при минимизации рисков индивидуальных элементов общественной системы совокупный объем рисков не уменьшается; риски не исчезают, а возгоняются на общесистемный уровень и разрушают систему.

Иными словами, в отличие от технической или природной, общественная система, элементы которой защищены от рисков, утрачивает способность к развитию и разрушается. *Вероятно, это вызвано ненужностью для них адаптации к новым условиям, что отключает механизмы изменчивости системы в целом.*

Это механизм, – причем не универсальный, а частный, лишь один из возможных (но зато на глазах ставший нестерпимо актуальным), – реализации фундаментальных диалектических законов (единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество и отрицания отрицания).

В клинически чистой форме (которая и позволила его выявить) и в сжатые сроки «закон сохранения рисков» проявился в США в 2007 году (см. параграф 16.6.1) в ходе кризиса системы деривативов (производных ценных бумаг).

Вопреки представлению, распространенному среди переквалифицировавшихся догматиков от марксистско-ленинской философии, деривативы – инструмент не спеку-

ляций, но прежде всего минимизации риска инвестора. Действительно колоссальные возможности разнообразных спекуляций – лишь побочный гешефт, малозначимый на фоне их предназначения, но привлекающий основное внимание (как это часто бывает) блеском новых и почти общедоступных возможностей.

Развитие системы деривативов позволило практически решить проблему защиты инвестора: в 2005 году, как показали соответствующие исследования, его риски при покупке первоклассной американской корпоративной облигации были на порядок (то есть примерно в 10 раз) ниже риска ее эмитента.

Это было подлинным торжеством человеческого гения и социальных технологий, не удостоенным Нобелевской премии лишь потому, что в коммерции достижения вознаграждаются по-другому – рентабельностью (точнее, сверхрентабельностью).

Но минимизация индивидуальных рисков загнала их на общесистемный уровень, – и кризис финансовой системы, основанной на деривативах, начался уже в следующем, 2006 году (хотя осознан он был, как обычно, с большим опозданием – см. параграф 16.6.1).

В финансовой сфере «закон сохранения рисков» проявился в наиболее скоротечном и потому наглядном виде, который, собственно, и позволил его выявить [155]. Однако ретроспективный анализ показал его едва ли не всеобщий характер.

Так, в развитых странах вот уже более трех поколений постоянно и массово спасают детей, которые до того не могли бы дожить до взрослого возраста, – и они живут, счастливую или нет, но полноценную жизнь, и оставляют потомство. С биологической точки зрения этот триумф гуманизма и человеческого гения является порчей генофонда, – и во многих развитых странах ее последствия наглядно видны на улицах по большому числу людей с физической или психической инвалидностью.

Человечество ничего не может сделать: понятно, что мы останемся людьми и будем продолжать спасать детей, – всех,

кого сможем, – усиливая системные генетические риски своей популяции. И порождаемые этим проблемы неминуемо «выстрелят» качественными изменениями (в виде новых эпидемий или резкого роста числа не способных отвечать на себя или заботиться о себе людей): внезапно и, скорее всего, в самый неподходящий момент.

Схожая ситуация наблюдается и в воспитании детей: естественное стремление оградить их от опасностей калечит их, порождая инфантильность целых поколений. Самая гуманная в мире советская педагогика создала по-настоящему «счастливое детство» – и минимизация рисков для детей породила поколение «амбивалентных» (отражение проблем которых в советской литературе в 80-х еще успела обсудить «Литературная газета» в «дискуссии об амбивалентности») взрослых, не способных принимать решения и немедленно по выходу в «большую жизнь» из трусости и слабости уничтоживших свою цивилизацию.

Аналогичная ситуация наблюдается сейчас в развитых странах: освобождение детей и молодежи (до 40 лет) решения жизненных проблем и, соответственно, от ответственности уже породило там поколение предельно идеологизированных политиков, не способных даже воспринимать неудобную для себя реальность и последовательно разрушающих свои страны.

Оно же сформировало поколение немцев, французов и бельгийцев, радостно приветствующее уничтожающих Европу мигрантов и из страха ответственности чувствующее вину даже перед своими прямыми насильниками. Да и в других странах массы обычных людей категорически отказываются признавать происходящее с ними в силу некомфортности такого признания и, более того, готовы на любые жертвы, унижения и даже полный отказ от чувства собственного достоинства из одного лишь страха снижения уровня повседневного эмоционального комфорта (см. пример 12).

Повышая комфортность быта, человек снижает индивидуальные мелкие риски, связанные даже не с опасностями, но всего лишь с неудобствами, снимает с себя бремя при-

нятия решений, – и сталкивается в итоге с белой женщиной развитых стран, ради потребления отказывающейся рожать и ставящей тем самым жирный крест на всей западной цивилизации. С другой стороны, массы мужчин уже не желают создавать семью[33] из страха перед ответственностью.

Повышение системных рисков по мере снижения рисков индивидуальных наблюдается и в климатической сфере, – если, конечно, принять не имеющую содержательных обоснований гипотезу об антропогенном характере изменения климата.

Сознание того, что снижение отдельных текущих рисков повышает совокупные риски системы, в которой мы функционируем, не изменит нашу жизнь, как сознание конечности земного существования не портит настроение даже полным атеистам. Оно лишь позволяет осознать неизбежность быстрых качественных изменений и подготовиться к ним, – насколько это, конечно, вообще возможно.

С другой стороны, проявление «закона сохранения рисков» в самых разных сферах свидетельствует о растущей мощи человечества. Мы стали слишком большими и влиятельными, – и, подобно Китаю [148], начинаем непредсказуемо для себя, но весьма серьезно влиять на свое собственное развитие.

Таким образом, нас ждут масштабные и глубокие катаклизмы, которые мы объективно, в силу своего гуманизма (выражающегося в стремлении к минимизации индивидуальных рисков)[34] не можем предотвратить. В силу как пси-

33. По данным опроса Института социальных исследований в Гамбурге, доля мужчин 18-39 лет, не желающих создавать семью (причина этого – «страх перед ответственностью и ограничениями), выросла только за 2004-2006 годы с 34 до 43%. Среди выпускников гимназий таких 56% [254].
34. Впрочем, нельзя гарантировать, что объективно обусловленное исчезновение материальной предпосылки гуманизма в виде относительно низкой производительности мануфактур и индустрии в условиях стремления к прибыли как главного мотива развития рыночного общества (см. параграф 9.1) не позволит человечеству выйти из сферы действия закона сохранения рисков и тем самым избавить себя от глубоких и неожиданных катаклизмов, – по крайней мере, обусловленных его действием. Правда, это будет (если, конечно, будет) достигнуто за счет дегуманизации, а то и полного расчеловечивания, способного уничтожить саму возможность общественной жизни людей, а, значит, и человеческую цивилизацию как таковую.

хологически закономерного стремления не думать о неприятном, так и объективного снижения познаваемости мира (подробней см. п.4.3. настоящего введения) такие катаклизмы будут, как правило, еще и неожиданными.

Это (наряду с упомянутым снижением познаваемости мира) представляется объективной и неустранимой причиной возникновения (или слишком глубокого переживания) феномена «черных лебедей» [294] – внезапных разрушительных событий, наступление которых мы не умеем прогнозировать.

4.2. Великий переход: от преобразования окружающего мира – к формированию сознания

Мир не закончен и не точен, –
Поставь его на пьедестал
И надавай ему пощечин,
Чтоб он из глины мыслью стал.
(Николай Ушаков)

Те же технологии, которые обеспечили наиболее очевидное внешнее проявление глобализации – предельное упрощение коммуникаций, – обеспечили и наиболее глубокое изменение жизни человека, парадоксально избегающее его внимания.

Эти технологии сделали наиболее рентабельным из общедоступных видов бизнеса не традиционное преобразование окружающего мира, а формирование самого человеческого сознания, – как индивидуального, так и коллективного.

Речь идет не о его частичной корректировке, как в случаях коммерческой рекламы или политической пропаганды, а именно о формировании, о комплексном преобразовании в нужный вид.

То, чем раньше занимались лишь церкви и государства и что окупалось лишь через поколения[35], теперь доступно каждому фабриканту собачьих консервов. И те, кто по каким-то причинам пренебрегли открывшимися перед ними возможностями, как правило, вылетели из бизнеса впереди собственного визга еще в середине 90-х.

В рыночной экономике «наиболее рентабельный из общедоступных видов бизнеса» означает «наиболее массовый вид деятельности». Соответственно, наиболее массовым, **основным видом деятельности человека** становится (а с формированием глобальных соцсетей уже «**стало**») **формирование его собственного сознания**.

И с самого начала глобализации человек занимается преобразованием прежде всего не окружающего мира, а своего сознания и, в частности, восприятия этого мира.

Глубину и значение этой трансформации невозможно переоценить: человек изменил само направление своей деятельности и, соответственно, всего своего развития, весь его характер, его вектор.

Пример 7

Противоестественность как признак новой эпохи

Нож сломанный в работе не годится
(Николай Тихонов)

Следствие смены вектора преобладающей деятельности человечества – противоестественность нашего современного положения, болезненно ощущаемая, но, как правило, не сознаваемая нами.

В самом деле: на протяжении всей своей истории, всего своего существования человечество, пусть даже и эволюционируя (см. раздел 4.4. введения), занималось

35. Классическим примером столь долгосрочных инвестиций представляются египетские пирамиды, окупившиеся лишь через несколько тысяч лет, – уже после смены цивилизаций и народов на земле современного Египта.

одним главным делом: изменением окружающего мира. Это был его *modus vivendi* и *modus operandi*[36]. Мы всецело – физиологически, психологически, социально – приспособлены всем своим существованием, всей эволюцией к решению именно этой задачи.

И вот уже на протяжении более чем жизни целого поколения человечество занято решением совершенно не свойственной ему задачи, к которой оно не приспособлено ни в малейшей степени.

Перефразируя избыточный романтизм Горького[37], человек и человечество в их нынешнем виде сформировались для преобразования окружающего мира. Выполнение нами задачи трансформации своего восприятия этого мира – такое же не- и даже противоестественное для нас занятие, противоречащее и нашим внутренним способностям и склонностям, и нашим внешним (для личности) формам организации, как и, например, использование молотка для вывинчивания (именно вывинчивания, – а не, скажем, забивания) шурупов.

Противоестественность нашего образа жизни *a priori*, помимо других объективных процессов (см. параграф 6.8), создает глубочайшее и острейшее, пронизывающий все общество от индивида до надгосударственных организаций постоянное моральное и **психологическое противоречие**, являющееся **одним из** не сознаваемых нами, но **важнейших двигателей всей современной эпохи**.

Непосредственный механизм смены направления развития человечества – переориентация со второй половины 60-х технологического прогресса с создания новых технологий производства на создание технологий развлечения, из которых выросли технологии формирования сознания

36. Образ жизни и образ деятельности.
37. Горьковское «человек создан для счастья, как птица для полета» на деле сугубо утилитарно и более точно в форме «человек приспособлен к чувству счастья подобно тому, как лопата приспособлена к копанию земли», – и неверно: человек наиболее приспособлен для изменения окружающего мира, его познания и испытывания эмоций, в том числе и негативных [110].

(см. раздел 4.2 введения). Причина заключалась в том, что технологии развлечения быстрее и дешевле всех остальных могли создавать новые потребности человека и, соответственно, новые рынки, позволяющие продлить существование рыночной экономики в условиях загнивания тогда еще не глобальных, а просто транснациональных монополий (подробней о тех и других см. главу 12).

Таким образом, создание технологий формирования сознания и «разворот» человечества от преобразования мира к изменению своего восприятия этого мира является не просто естественным этапом эволюции технологий. Его непосредственная причина – кризис капитализма, исчерпание возможностей его традиционного развития, заставившее расширить сферу капитализации с физического мира на последний резерв – само сознание человека.

Вместе с тем революционная переориентация усилий человечества экологична: впервые за свою историю оно начало концентрироваться на изменении не окружающей среды, но самого себя. Наиболее глубокой причиной этого, возможно, стало приближение растущей антропогенной нагрузки на биосферу к некоему критическому уровню, вызвавшее стихийную корректировку развития человечества – на уровне не его самого, но ноосферы всего планетарного организма Земли.

Высокие технологии, которыми человечество изменяет себя, по аналогии с традиционными высокими технологиями, направленными на изменение окружающей среды, – *high-tech* – получили название [150] *high-hume*. Первоначально они использовались только для обозначения технологий формирования сознания, но перспективы биотехнологий позволяют трактовать эту категорию расширительно, включая в нее все технологии прямого изменения человека, в том числе и традиционные – такие, как, например, образование, медицина, физические тренировки, обычные социальные технологии и выросшую на их основе изощренную социальную инженерию.

С философской точки зрения смену вектора развития можно трактовать как локальную победу идеализма над материализмом: разум, хоть и частично, освободился от реальности, доказав себе хотя и не свою первичность, но некоторую автономию от нее[38]. Правда, победа грозит стать пирровой: столь специфичным освобождением разум создал себе очевидную угрозу фатальных последствий.

4.3. Снижение познаваемости мира и социальной значимости знания

Переход от изменения окружающего мира к трансформации собственного сознания, – революция, масштабы и глубину которой мы оказываемся не в состоянии осмыслить.

Это не «эффект неожиданности», но качественно новое устойчивое состояние: с начала описываемого кардинального перелома, совпавшего (в силу общей технологической причины) с началом глобализации (рубеж 80-х – 90-х годов XX века), прошло почти 30 лет, вполне достаточных для адаптации к любым новым условиям.

И, если этой адаптации (в форме глубокого и массового осознания новых условий) так и не произошло, – значит, это не случайность и не погрешность: не ошибка человечества, но новая, объективно обусловленная реальность.

Если мы до сих пор не осознали глубины так долго (целое поколение в условиях стремительного ускорения событий – это почти вечность) происходящего с нами, – значит, мы, скорее всего, и не можем ее осознать (по крайней мере, в своем нынешнем состоянии).

38. Эта автономия не только не отрицается, но и всячески подчеркивается классическими материалистами и глубоко прорабатывается (правда, в основном в сугубо практических целях) историческим материализмом, – однако остается совершенно неизвестной для большинства, для экономии интеллектуальных усилий предпочитающего судить об учениях на основе их вульгаризаторов. Что поделать, повторюсь: «понять – значит упростить» [288].

Непосредственных причин этого много.

1. Главная в том, что объектом небывало интенсивного и при этом хаотического информационного воздействия стал именно инструмент познания – сам наш мозг. Его стихийная адаптация к стремительно возросшему информационному давлению заключается в оценке его как бессодержательного и даже опасного «шума» и отказу от его восприятия. Такое отгораживание от реальности снижает познавательные возможности, – не говоря о том, что, защищаясь от возможных манипуляций, сознание сплошь и рядом отгораживается и от существенной информации, от самой реальности, просто не имея возможности «с ходу» отличать одно от другого.

2. Частный случай информационного «шума», глушащего наш разум, – чужие мнения и оценки, обволакивающие каждый факт и явление **информационным «облаком»**, которое для нашего мозга оказывается равнозначным реальности. В результате мы, как правило, не можем отличить даже непосредственно воспринимаемую реальность от накопленной совокупности мнений и эмоций по ее поводу (и тем более не в состоянии ранжировать эти мнения по степени их достоверности). Возникновение в силу интенсификации коммуникаций информационного «облака» вокруг каждого реального или воображаемого явления, колоссальное сгущение обратных связей создает качественно новое – информационное – измерение привычного нам мира. В результате его сложность превышает познавательные способности обыденного сознания (см. параграф 3.1).

3. Воздействуя на мир все более разнообразно и сильно, человек получает от него все более разнообразную реакцию, воспринимаемую им как усложнение мира.

4. Несмотря на изложенное, усложнение мира носит и объективный характер.

С одной стороны, мы сталкиваемся с растущей сложностью мира естественным путем – по мере расширения наших знаний. Расширение «сферы Аристотеля» – сферы познанного – увеличивает ее границу с неизвестным, уже осознаваемым нами в качестве такового. Это порождает психо-

логическую травму, так как человек больше всего страшится неизвестности, – и, стремясь защититься от нее, старается спрятаться от нее, не обращать на нее внимания и тем самым отказывается от познания.

С другой стороны, мир становится более сложным, потому что мы делаем его таковым, надстроив естественную природу сначала «второй природой» – технологической средой, в которой живет представитель современной цивилизации, а с началом информационной революции (и в особенности эпохи соцсетей) и «третьей природой» – информационной средой. Дополнение естественной природы технологическими и информационными инфраструктурами (которые приобретают характер социальной инфраструктуры, жестко ограничивающей всякое индивидуальное сознание) качественно усложняет мир, выводя его за рамки индивидуального понимания.

Таким образом, проблема значительно шире неспособности осознать суть эпохи: это лишь частное проявление более масштабной закономерности – снижения познаваемости мира как такового.

Мы сталкиваемся с этим явлением впервые с начала эпохи Просвещения – и оно оказывает на нас колоссальное и также в основном не осознаваемое нами воздействие.

Прежде всего, все более вероятно формирование коллективного разума, не сознаваемого его индивидуальными элементами. Доказательством его существования (конечно, лишь косвенным) представляется относительное благополучие человечества, создавшего исключительно сложные системы своего жизнеобеспечения (как технологические, так и социальные) и утратившего способность осознавать их функционирование: сохранение и в особенности развитие этих систем при наглядной беспомощности индивидуального разума требует наличия разума коллективного. *(Правда, один из философов писал в конце XIX века о тогдашней реальности, неизмеримо более простой, чем сегодняшняя, что Россия сама по себе есть доказательство существования бога, ибо без его попечения ее существование в силу ее неэффективности невозможно.)*

Впрочем, нельзя и исключить просто высокой прочности инфраструктуры жизнеобеспечения, позволяющей ей долго сохраняться по инерции, – так, система акведуков Римской империи прекратила функционировать лишь к середине VI века нашей эры (что и явилось объективным началом Темных веков – [317]).

Другим фундаментальным следствием снижения познаваемости мира стал возврат от линейно-прогрессистского восприятия исторического времени к циклическому: диалектическому, по-прежнему запакованному в тугую спираль движения при широком историческом кругозоре, но по-восточному безысходно замкнутому для массового обыденного, механистического сознания.

Пример 8

Три типа
и четыре уровня сознания

Мой ученик стал поэтом:
для математики ему
не хватало воображения
(Давид Гильберт)

Индивидуальное сознание проходит в своем развитии три основных этапа *(возможно, продолжая развиваться и после достижения третьего, диалектического этапа, оно в соответствии с законами той же диалектики поднимается на новый уровень – интуитивного или, по другой теории, коллективного сознания, уходя из доступной для нашего наблюдения сферы индивидуального сознания).*

Первый этап развития сознания – его простейший, **религиозный** или **догматический** тип, основанный на непосредственном восприятии мира, «простом донаучном наблюдении» [300].

На этом этапе человек воспринимает происходящее и выявляет наиболее важные для него закономерности (вроде смены времен года или примет, обеспечивающих эффективность сельхозработ). Не вмешиваясь в природу,

а лишь пользуясь ею, он еще не нуждается в объяснении объективных причин подмеченных им закономерностей, ограничиваясь формальной ссылкой на деятельность своих всесильных подобий – богов.

Религиозный (догматический) тип сознания оперирует неизменными, вечными положениями, не подлежащими критике, и не воспринимает никакой не то что противоречащей, а даже и просто не соответствующей этим положениям информации [164, 259].

Второй этап развития сознания – его **механистический** или **метафизический** тип, основанный на изучении закономерностей непосредственно воспринимаемой человеком неживой природы. Когда человек начинает в силу роста своих возможностей вмешиваться в природные процессы, столкновение с ними рождает потребность **в естественных науках**, описывающих отдельную, обособленную от него, не связанную с ним природу. Так рождается естественно-научное знание, носящее всецело объективный характер, так как человек изучает не поддающиеся корректировке, существующие помимо него и над ним природные законы.

Механистический тип сознания сформировался в XVII веке с возникновением классической науки и обеспечил развитие инженерии. Его специфика – рассмотрение мира как совокупности отдельных, не зависимых друг от друга неизменных объектов, существующих на основе неизменных правил. [132, 164]

Если религиозное сознание исходит из неизменности мира, то механистическое, сознавая его изменчивость и исследуя ее, **сужает сферу неизменного до правил его развития**.

Однако расширение горизонта познания показало, что сами правила развития, различные для различных частей изучаемого мира (неживая и живая природа, микро- и макрокосм), имеют общие фундаментальные, универсальные закономерности. Эти закономерности очевидны для **третьего**, остающегося пока высшим типа индивидуального сознания, – **диалектического**. Оно воспринимает мир как постоянно развивающуюся

на основе внутренних противоречий систему, состоящую из по-разному взаимосвязанных элементов [164, 298]. Но диалектическое сознание не однородно и проходит в своем развитии два этапа: диалектического и исторического материализма.

На **третьем этапе** развития человеческое сознание, **опираясь на диалектический материализм**, может глубоко изучать развитие живой и неживой природы, за исключением человеческого общества.

Изучение развития **общества** требует подъема сознания на четвертый этап его развития – освоения **исторического материализма**. Ведь развитие общества принципиально отличается изменчивостью своих законов: как в силу постоянного приспособления общественных отношений к меняющемуся уровню производительных сил (и подстегивания или сдерживания их прогресса), так и из-за особенностей культур различных обществ (которые инерционны, но пропорции которых в мало-мальски сложных обществах изменчивы), но главное – в силу влияния на развитие общества «субъективного фактора», то есть совокупной воли тех или иных активных или внезапно активизирующихся групп.

Спецификой общественного развития является способность рассматриваемого объекта самостоятельно, по своей воле менять правила развития, – как свои собственные, так и связанных с ним людей или обществ, **– превращаясь тем самым в субъекта**.

В результате закономерности развития, незыблемые для природных процессов, при изучении общественных процессов поддаются корректировке, причем усилиями самих изучаемых обществ! В этом качественное, принципиальное различие естественных и общественных наук, равно как и **соответствующих им диалектического и исторического материализма**. Поэтому последний требует для своего освоения качественно большей способности к творчеству (и, возможно, станет доступен широким массам лишь после описанного в параграфе 6.3 массового перехода от формально-логического мышления к творческому, образному).

Познание каждого уровня организации мира требует преобразования сознания: без него человек не может воспринять даже самые обоснованные аргументы, так как просто не обладает необходимым понятийным инструментарием. «Когда ...обладающим только метафизическим или религиозным типом мышления разъясняются процессы, требующие диалектического способа мышления, их сознание оказывается способным только на защитную реакцию. Оно не допускает путаницы в себе самом и с порога отметает все подозрительное и чуждое своему содержанию» [300].

Именно этим объясняются постоянные и порой фантасмагорические ошибки даже выдающихся представителей естественных наук (инженеров и даже математиков) при осмыслении общественной жизни и, в частности, при управлении государством. *(Яркий пример этого дали послесталинские поколения советских руководителей, в основном имевших инженерное образование, в то время как первые поколения «диалектику учили не по Гегелю» [213], а в ходе длительных жесточайших общественных конфликтов. Некоторые же члены этого поколения, подобно Сталину, получили исключительно качественное даже по нашим меркам гуманитарное образование, пусть в его случае и неоконченное.)*

Обладая в силу своей подготовки метафизическим, механистическим сознанием, опирающимся на неизменность основных закономерностей развития, «технари» объективно беспомощны перед задачами развития общества (особенно в эпохи кризисов), порождаемыми в том числе именно постоянным обновлением этих закономерностей и требующими поэтому даже не просто диалектического мышления, а мышления, овладевшего историческим материализмом, то есть применением диалектики в специфически общественной сфере. *(Разумеется, это ни в малейшей степени не оправдывает бесчисленные орды жрецов и знахарей от общественных наук Запада и Востока, порожденных бюрократизацией этих наук и подчинением их бизнесу, и находящихся поэтому по своему развитию, как правило, на религиозном, даже дометафизическом уровне.)*

Снижение познаваемости мира снижает социальную значимость знания: управляющие системы все меньше обращают на него внимания просто в силу его уменьшающейся надежности и превращения из инструмента преобразования мира в инструмент хаотичного и непредсказуемого манипулирования этими системами (что сами они обычно сознают).

Понятно, что, отказываясь от институционального воплощения знаний – научного и экспертного сообществ – из-за их неэффективности и агрессивности, управляющие системы отказываются и от учета реальности.

Классический пример – катастрофа в Новом Орлеане. Ученые и региональные власти около 20 лет криком кричали о ее угрозе, причем последнее десятилетие это был уже не лоббизм, а простая констатация самоочевидного даже для неспециалиста факта. И в самом развитом (в не лучшем, а показывающим остальным их завтрашний день) формально демократическом обществе мира их так и не услышали. В результате один из историко-культурных и туристических центров США был смыт, а затем охвачен чудовищным насилием (было затоплено 80% города, глубина достигала 6 метров, город был разрушен почти полностью, население сократилось вдвое, убытки оценены в 125 млрд. тогдашних долларов).

Катастрофа произошла еще в 2005 году, когда описываемые процессы только набирали силу. С того времени они вышли на еще более чудовищный уровень, проявляющийся, например, в принципиальном игнорировании реальности внешней политикой США при развязывании новой холодной войны против России (впрочем, это было нормой при подготовке агрессий и раньше, как минимум с оккупации Афганистана в ноябре-декабре 2001)[39].

39. Стоит напомнить, что тогдашнее руководство Афганистана (а точнее, запрещенного в России за терроризм движения «Талибан»), тесно связанное со спецслужбами США, заявило о готовности выдать Усаму бин Ладена при представлении американцами любых свидетельств его причастности к терактам 11 сентября 2001 года. Но до последовавшего значительно позднее признания бин Ладена (при всей его недостаточности и сомнительности) у США не было никаких даже не доказательств, а свидетельств этого, в том числе и косвенных.

Отказ от учета реальности из-за снижения социальной значимости знания является самостоятельным – и новым – вызванным снижением познаваемости мира риском развития человечества, с которым оно не знает, что делать.

Другой риск – **разрушение всей инфраструктуры познания**, созданной на последнем, форсированном его этапе, когда человечество в XVII веке создало науку как специфический вид деятельности, как индустрию производства нового знания.

Обесценение последнего (вкупе с исчезновением угрозы физического уничтожения – единственного действенного стимула вложения в затратные и непредсказуемые по эффективности, социальным и политическим последствиям поиски новых технологических принципов) привело к утрате наукой смысла своего существования.

Пример 9

Технологии, демократия, интеллигенция: историческая взаимосвязь

С точки зрения взаимосвязи развития технологий и характера власти уникален опыт бирманских военных хунт 60-80-х годов XX века. Похоже, разделяя с другими военными правителями глубокую неприязнь к интеллигенции, вызванную если не пониманием, то ощущением, что этот социальный слой неминуемо порождает демократию и, соответственно, крах их власти, бирманские генералы едва ли не единственные в мире нашли решение этой проблемы.

Поскольку **непосредственно порождающая демократию** (во всем ее понятном первоначальном уродстве) **гуманитарная интеллигенция неизбежно порождается технической, а та – современными технологиями**, бирманские генералы, глянув в корень, устранили источник проблемы: сам технологический прогресс.

Они находились в уникально благоприятном положении, так как Бирма обладала огромными запасами нефти,

драгоценных камней, ценной древесины и меди, экспорт которых обеспечивал и скудные потребности населения, и нужды государства, а сами военные в силу жизненного опыта, даже находясь у власти, оставались относительно неприхотливыми. Поэтому объективные потребности в технологическом развитии отсутствовали – и, несмотря на периодические попытки потешить с его помощью свои амбиции (например, строительством АЭС, для чего в России даже учили специалистов), эта парадоксальная система оказалась относительно устойчивой. Единственными «возмутителями спокойствия» оставались такие специфические интеллигенты, как буддийские монахи, а после допуска к власти гражданских (из-за развития в среде правящих военных разлагающего и побуждающего к технологическому прогрессу стремления к комфорту) – еще и исламское меньшинство.

Вероятно, порождение демократии развитием технологий – одна из второстепенных, но важных причин того, почему авторитарные правители (например, в арабском мире) склонны не развивать обрабатывающую промышленность силами своих обществ, а приглашать для этого иностранных инженеров и даже рабочих. Помимо экономии сил, это позволяет избежать возникновения объективно грозящей их власти национальной интеллигенции (пусть даже вначале только технической).

Кстати, **социалистическая революция возможна**, как показывает опыт нашей страны и ее последователей, **исключительно при ведущей роли интеллигенции**: без нее угнетаемые не могут в необходимой мере осознать свои интересы и, главное, создать свои системы управления. Из-за этого их восстание оборачивается обреченным на поражение бунтом (образец которого дала Парижская коммуна) или быстрым перерождением элиты, характерным для успешных крестьянских восстаний, в обобщенном виде описанных Оруэллом. Его “Скотный двор” [235] показывает объективную обреченность восстания, не преобразующего и не облагораживающего своих участников, – а инструментом такого преображе-

ния («созидания нового человека») как раз и является полноценное государство, создание которого невозможно без интеллигенции (подробней о ее роли в революции см. [102, 140, 153]).

Правда, как показывает опыт, **удержание от перерождения** через несколько поколений такого однажды построенного **государства невозможно без создания собственной патриотической аристократии**, свободной от изнуряющей борьбы за выживание и самосохранение и способной потому отождествлять себя со своим обществом и действовать стратегически, а не тактически. В условиях революции это исключительно сложная задача, и ее алгоритмизируемое, тиражируемое решение пока так и не найдено [324]. Но в принципе она решаема, так как необходимость защищать революцию от неизбежной внешней агрессии ограничивает демократию и создает объективные предпосылки для формирования новой, коммунистической по духу и именно патриотической аристократии, пример чего, возможно, дает современный Китай с его беспрецедентной для постмаоистских времен концентрацией власти [107], вызванной подготовкой к прямому военному столкновению с США [145].

В результате утраты наукой смысла своего существования из-за снижения познаваемости мира она из главной производительной силы общества вырождается (а массовая наука – уже и выродилась) в социальный уклад, представители которого заняты в лучшем случае гессевской «игрой в бисер» [120].

Соответственно, по историческим меркам еще недавняя поддержка науки как главного инструмента развития превратилась (кроме США и Китая, а также отдельных сфер в ряде других стран, в первую очередь Англии и России) в затратную, исторически бессмысленную и потому обреченную поддержку престижного и привычного социального уклада. Такая поддержка не просто убивает науку как стремление к знаниям, но и разлагает все общество, возводя самоубий-

ственное иждивенчество в ценность и замещая им ценности прогресса. *Так во Франции в 50-80 годы XX века, на протяжении жизни более чем поколения, государство поддерживало крестьянство не как бизнес и фактор конкурентоспособности страны, а как носителя национальной культуры, – с понятным катастрофическим (и для него, и для национальной культуры) итогом.*

В свою очередь, **утрата наукой своей общественно-исторической функции разрушает образование: из инструмента подготовки «человеческого сырья» для** главного дела индустриальной эпохи – **познания и преобразования мира – оно возвращается в средневековое состояние института поддержания социальной стабильности**. В этом качестве его функцией становится не развитие и обогащение человека, но, напротив, сегрегация общества на управляющих и управляемых и максимальное, хотя и различное по форме, отупление обеих этих каст, – то есть объективное торможение прогресса, как технологического, так и социального.

Таким образом, **разворот человечества от изменения окружающего мира к трансформации собственного восприятия** этого мира, обусловленный технологическим развитием, в условиях доминирования рыночных стимулов[40] **ведет к комплексной, системной деградации человечества, его архаизации**, толкает нас в новое Средневековье (точнее, новые Темные века[41]), которое вряд ли долго будет компьютерным (см. параграфы 10.2 и 17.3).

40. Указание на рыночные стимулы важно, так как именно они, как показано выше, развернули прогресс человечества из технологической плоскости в ментальную.
41. Основная часть раннего Средневековья (обычно датируется временем примерно с 476 по 1100 годы): период европейской истории с середины VI по IX века н.э. – с момента выхода из строя римских акведуков до распада империи Карла Великого (иногда применяется более обобщенная и широкая периодизация: с VI по X века).

4.4. Новое измерение эволюции человека

4.4.1. Многообразие человеческой эволюции

Сознание своей особости и уникальности, похоже, изначально заложено в природе человека и ощутимо помогает в повседневной жизни как индивиду, так и человечеству в целом.

Человек осознает себя как нечто отдельное, обособленное от его соплеменников – точно так же, как человечество осознает себя, как нечто бесповоротно выделенное из остальной живой природы и потому якобы независимое от нее. Всякое напоминание о сохраняющемся единстве и зависимости вызывает волну инстинктивной паники и стремления подтвердить поставленную под сомнение независимость, разорвав еще уцелевшие связи – как с природой, так и собственными соплеменниками и соотечественниками.

Как хочется отличаться! Как хочется вырваться из безликого потока мириадов безвестных и безымянных предков и современников, в неузнанном молчании стекающих в небытие и безвестность. Как хочется согреться в беспощадном равнодушии истории сознанием исключительности, – и лучше исключительности заслуженной...

Этому чувству не стоит поддаваться. Надо быть скромней.

Наиболее разумное отношение к натужной пропаганде исключительности своего времени случилось продемонстрировать Джеку Кеннеди, который, нежась в ванне и регулируя ногой кран горячей воды, так резюмировал одному из советников доклад другого: «Он сказал, что ...в мире происходит шесть революций. Первая – революция растущих ожиданий, а остальные пять я не запомнил» [136].

Равнодушие к действительно революционным изменениям, проявленное самым динамичным лидером самой динамичной (наряду с Советским Союзом) страны тогдашнего мира не когда-нибудь, а на первом и наиболее впечатлившем

человечество пике ускорения научно-технического прогресса, – достойный апокриф всей нашей цивилизации. Ибо в нашей истории нет ничего более постоянного, чем изменения, открытия и возникновение чего-то в первый раз.

Прошлое кажется монолитом, застывшим в незыблемости, – но почитайте воспоминания современников: они наполнены постоянными и остро воспринимаемыми переменами. Из нашего исторического далека эти перемены кажутся нам незначительными, – но для соврменников были серьезными и переживались глубоко. Жизнь неуклонно не только ставит, но и ставила перед живущими все новые проблемы, решение которых требовало решительного обновления даже самого инертного, что есть у человека, – его сознания.

Едва ли не самый ранний из древнеегипетских памятников письменности – страстная жалоба на молодежь, отвергающую общепринятые традиции поведения и мышления и совершающую поэтому многочисленные ужасные и бессмысленные ошибки.

И сегодня, терпя поражения и потери, по привычке и традиции обрекая себя и своих близких на не всегда неизбежные лишения, мы не имеем права оправдываться уникальностью своей эпохи и исключительной якобы сложностью своих проблем. Не только потому, что это деморализует нас, но и потому, что это неправильно.

Каждый из нас живет в рутинное и обыденное время планетарных бурь и принципиальных переворотов, время мучительного пересмотра традиционных ценностей и решительного отказа от выработанных поколениями привычек. Не от всех – но ведь тех, что остаются в неприкосновенности, мы и не замечаем.

Мы живем в этом стремительно и неумолимо меняющемся времени с тех пор, когда два наших предка – один в Сахаре, а другой в пустыне Гоби (или только в Гоби) – взяли в лапы первые булыжники и совершили с ними нечто осмысленное. *(Стоит уточнить, что некоторые археологи ведут начало современного человечества все же не от труда, но от удовольствия, – от первого полового акта, совершенного вне периода течки).*

С тех пор изменения идут постоянно – и все быстрее. Это почувствовал еще министр Великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского Иоганн Вольфганг фон Гете, без колебаний отправивший своего героя в ад за лишь пожелание остановить «прекрасное мгновенье», то есть изменение человечества [121].

Пора привыкать.

Пора привыкать к собственной изменчивости и к тому, что в исключительности, пусть даже и своей, нет, строго говоря, ничего, заслуживающего внимания, – не говоря уже о гордости.

Всякая исключительность естественна и обыденна, потому что каждое изменение глубже, быстрее и необычнее предыдущего. Каждый шаг человечества, даже самый робкий, делается не в неподвижном саркофаге закованной в колодки учебников истории, но по разгоняемому им самим многоярусному эскалатору прогресса. Сначала это только биологический, затем – технический и социальный, к которым, вероятно, уже добавляются другие виды прогресса, неудержимо несущие нас в неведомое.

И это неведомое образует такую же рутину и обыденность, как известная Вам до последней точки квартира или работа.

Привыкайте: чем больше Вы знаете и умеете, тем с большим неизведанным и тем более внезапно Вы обречены сталкиваться нос к носу в темном подъезде своей повседневности. Именно поэтому большинство мудрецов, не говоря уже о творцах, истово верит в бога[42]: **бог для человека – то самое неведомое, отражающее этого человека в зеркале его воображения, с которым он непосредственно соприкасается и которое, хотя в каждый момент времени пока и непознаваемо, влияет на его жизнь**.

42. Вера в бога, даже истовая, отнюдь не подразумевает терпимости к церкви. Религиозность шире воцерковленности: бога приемлют многие, не приемлющие церковь за безнадежно мирские (мягко говоря) цели и методы.

Человечество меняется все больше, все быстрее и все по большему числу направлений. Человечество меняется, используя сам технический прогресс как инструмент этих изменений, как костыль для все большей и большей – не только скорости изменений, но и, что принципиально важно, их вариативности.

Теория эволюции учит: рост числа вариаций – признак серьезных изменений уже в близком будущем [291]. Романтики говорят о «предчувствии» видом изменения среды обитания и повышении им своей изменчивости ради повышения вероятности приспособления, классики указывают на реакцию вида на незаметные сторонним наблюдателям изменения окружающей среды, лишь позднее выходящие «на поверхность», статистики порой отмечают, что грядущие изменения сами оказываются результатами повышения степени разнородности вида. Однако нас в данном случае интересует чисто практический аспект этих умозаключений: **рост числа направлений изменений вида предвещает качественный скачок развития**, переход его в новое измерение.

Для организаций, в отличие от видов, рост изменчивости не безобиден. «Присущее каждому уровню системной организации разнообразие элементов в пределе может привести к слому ...системы (безудержному росту энтропии). Проблема

Неразумно винить в этом церковь, кроме совсем уж вопиющих случаев, так как, будучи не только духовным, но и общественным институтом, она вынуждена действовать не только в духовной, но и в остальных сферах общественной жизни, – в том числе тех, нормы которых несовместимы с нормами духовной жизни. Иначе с ней поступят по формуле «Если ты не будешь заниматься политикой, политика займется тобой».

Внутренне противоречивое положение церкви и его негативные последствия необходимо учитывать и прощать, то есть понимать, что указанные последствия и даже пороки являются хотя и сглаживаемыми, но до конца не искоренимыми иначе как вместе с самой церковью или иным институтом, выполняющим соответствующую (преимущественно компенсаторную) общественную функцию. Как сказал один из великих российских адвокатов, защищая проворовавшегося священника: «Всю свою жизнь этот человек прощал ваши грехи. Простите и вы ему – хотя бы один-единственный раз».

термодинамического равновесия («тепловой смерти») может быть преодолена только «сверху», в результате того, что с более высокого уровня системной иерархии будет наложен новый контур управления, ограничивающий и сдерживающий это «плодящееся» разнообразие за счет... новых «правил», сдерживающих «накопившиеся проблемы» нижележащих построений» [291].

В общем виде изменчивость в иерархии описывает «закон иерархических компенсаций» Седова: «в сложной иерархически организованной системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень... (т.е. система как таковая гибнет) [226]».

Поэтому рост изменчивости человека теоретически может разрушить человечество и даже ноосферу, если не будет ограничен, исходя из соображений общего гармоничного развития.

О каких же направлениях изменений человеческого вида может идти речь сейчас?

По мере увеличения скорости изменений надо выделить прежде всего бесспорные биологическую, социальную и технологическую эволюции, а затем – эволюцию массового и индивидуального сознания, сам факт которой требует более тщательного исследования, чем это возможно в рамках данной работы.

Единообразное описание столь различных типов развития оправдано, так как они, как и развитие в целом, определяются едиными законами диалектики (и ее практического воплощения – синергетики [187]). В частности, законы эволюции – законы приспособления изменчивых целостных структур к внешней среде ради своего сохранения и продолжения, – несмотря на свою специфику, также оказываются едиными для всех эволюционирующих явлений, вне зависимости от их отношения к живой, неживой или даже «второй» – искусственно созданной – природе. *(Так, параметры*

изменчивости, рассчитанные, например, для существующих типов металлорежущих станков, вполне соответствуют тем же параметрам живых организмов [193].)

4.4.2. Биологическая эволюция

Это наиболее длительный и изученный (хотя и все чаще оспариваемый по мере деградации знания) процесс. Вместе с тем почему-то принято считать, что с началом совершенствования орудий труда, то есть технологической эволюции, биологическая эволюция человека прекратилась.

Непростительная самонадеянность! – как будто простое выделение человека из остальной живой природы, вызванное появлением орудий труда, освобождает его от естественно-природных законов.

Да, с началом технологической эволюции эволюция биологическая неуклонно теряла свою значимость как фактор выживания человека. Вместо того, чтобы медленно, мучительно и неосознанно приспосабливаться к внешним требованиям природы, человек начал осознанно и быстро менять эту природу, приспосабливая ее к своим потребностям все более мощными орудиями труда. Но это приспособление не может стать полным, – и потому влияние природы на человека, сохраняясь, остается одной из причин его эволюции, пусть и опосредованной его вмешательством в состояние этой природы.

Биологическая эволюция человека продолжалась и продолжается – об этом свидетельствует изменение среднего роста, мышечной массы и телосложения людей разных эпох. Но она мало заметна для самого человека, так как сроки даже незначительных изменений, как правило, существенно превышают сроки его жизни.

Возникновение человеческого общества с началом использования (и, соответственно, совершенствования) орудий труда придало эволюции человека новые – техноло-

гическое и социальное – измерения. Развитие технологий и подталкиваемое им изменение социума шло на порядок быстрее биологического и потому заслонило его.

Здесь мы впервые сталкиваемся с важным для понимания феномена развития эффектом **«относительности времени»**. Для эволюции человека как биологического вида последние шесть с небольшим тысяч лет письменной истории – ничтожный срок, не заслуживающий упоминания. Для развития же технологий и социума это вечность, за которую успевали возникнуть, разрушиться и воскреснуть высокоразвитые цивилизации, претерпевавшие глубокую и разнообразную эволюцию.

Таким образом, биологический прогресс не прекратился: мы не замечаем его потому, что, во-первых (и как личности, и как общества) живем недостаточно долго, и, во-вторых, наше внимание отвлекают более быстрые и более серьезно влияющие на нас изменения – в первую очередь общественные.

Совершенствование орудий труда ускоряет биологическую эволюцию человека по сравнению с неразумной частью живого мира. Ведь их применение дополнительно влияет на нас – как прямо, так и через средне- и долгосрочное влияние на нас измененной нами природы. Классические примеры этого:

- акселерация, вызванная, как полагают, улучшением питания и началом массового использования алюминиевой посуды (и прекратившаяся после адаптации человека к этому);
- снижение иммунитета из-за изменения (отнюдь не только вульгарным «загрязнением») окружающей среды;
- последствия резкого изменения образа жизни, стрессов, использования медикаментов и их комбинаций, не говоря о новых химикатах, пищевых добавках и взаимодействии с генетически модифицированными организмами (ГМО).

Долгосрочные, влияющие на несколько поколений вперед результаты сочетания перечисленных факторов обычно даже не являются объектами систематических исследований.

Нельзя забывать и о сознательном подстегивании человеком своей биологической эволюции при помощи в прошлом евгеники, сейчас – социальных платформ (см. раздел 4.5 введения), а в уже близком будущем – генной инженерии. Заклинания о моральных ограничениях в данном случае так же бессмысленны, как во времена Спарты[43]. «Нравственность» человечества проявляется обычно в сожалении о поступках, которые признаются им безнравственными, в стремлении скрыть эти поступки и даже забыть о них, но отнюдь не в воздержании от них, если они диктуются его интересами.

В отношении прогресса технологий для человечества как целого реальных моральных ограничений нет и, по-видимому, не может быть. Ведь абсолютный приоритет технологического прогресса исторически был условием выживания человечества в целом как биологического вида и отдельного общества во внутривидовой[44] конкуренции с соседями, что придало ему силу условного рефлекса.

Таким образом, биологическая эволюция человека уже сегодня неизмеримо меньше определяется внешними для него как вида, чем внутренними факторами – технологиями и социальной структурой, преобразующими по его потребностям уже не только внешний для него мир, но и его самого.

4.4.3. Технологический прогресс

Под влиянием технологий на общество мы понимаем влияние господствующих в нем технологий. *Отдельные,*

43. Правило убийства «неудачных» младенцев, при всем ужасе, – едва ли не первая в истории последовательная реализация принципов евгеники.
44. А внутривидовая конкуренция всегда ожесточенней межвидовой.

«точечные» достижения (типа северокорейских баллистических ракет) не важны. Доминирующие производственные технологии должны рассматриваться в их взаимообусловленном единстве с соответствующими им технологиями управления.

Технологический прогресс изменил развитие человечества качественно и количественно. Качественно – возникновением общества и началом ***социальной эволюции***. Количественно – созданием принципиально новой, «второй», а недавно и «третьей» природы, в которых живет человечество, – соответственно, ***техносферы*** и ***социальных*** **платформ** (см. раздел 4.5 введения), а также увеличением масштаба влияния человека на Землю и ускорением за счет этого влияния уже не только собственной биологической эволюции человека, но и ***эволюции*** всей ***биосферы*** планеты как целого.

Технологическая эволюция человека стала движущей силой не только социальной, но и биосферной эволюции (и являющейся ее частью биологической эволюции человека) подобно тому, как раньше ее движущей силой были космические и тектонические явления.

Человек вырос настолько, что стал одной из природных сил – не только изменяющей каждую из остальных и процесс их взаимодействия, но и, в свою очередь, по-прежнему зависящей от них.

Поэтому заслуживают внимания гипотезы, по которым нарастающие проблемы человечества (от ухудшения наследственности до роста международной напряженности), равно как и изменение вектора его развития, – результат стихийного торможения биосферой его линейно-поступательного развития, приближающегося к предельно допустимому уровню антропогенной нагрузки на биосферу.

Поэтому дальнейшее развитие человечества может происходить уже не увеличением этой нагрузки, а сменой модели его развития, при котором прогресс будет уже не увеличивать, а, возможно, даже и уменьшать ее. Последние четверть века таким изменением представляется переориента-

ция усилий человечества с изменения окружающей среды на собственную трансформацию (чтобы не сказать «самосовершенствование»), описанную в разделе 4.2 введения.

Помимо ускорения биологической эволюции и технологий формирования сознания, направлением подобных усилий представляется **социальная инженерия: сознательное совершенствование обществом его собственного устройства**.

Таким образом, уже следующий шаг после чисто биологической эволюции – начало эволюции технологий – качественно усложнил картину развития человека.

4.4.4. Социальная инженерия

Совершенствование орудий труда создало принципиально новое явление – человеческое общество и, соответственно, социальную эволюцию. С другой стороны, под действием технологической и социальной эволюции человек стал главным фактором развития биосферы, ускорив и разнообразив как ее, так и свое собственное (в том числе биологическое) развитие.

Но главный результат технологической эволюции – эволюция социальная, – при том, что социальные структуры инерционны и постоянно отстают от развития технологий, если вовсе не блокируют его (как это было до капитализма).

Отставание производственных отношений от постоянно обгоняющих их производительных сил (и периодическое приведение их в соответствие им при помощи социальных катаклизмов) – **закон общественного развития**.

История знает исключения из этого закона, в том числе масштабные[45], но **в информационном обществе его дей-**

45. «В виде исключения» возможно и опережение производственными отношениями производительных сил, возникающее обычно при решении острых социальных проблем. Так, узкая специализация рабочих на выполнении отдельных операций возникла впервые

ствие, по-видимому, **абсолютно**: высокая и все возрастающая скорость технического прогресса не позволяет социуму адаптироваться к нему, и несоответствие общественных структур потребностям используемых ими технологий становится постоянным, – в том числе раздражителем и тормозом. *Частное проявление этого закона – длительная, уже превышающая жизнь целого поколения неадапти*руемость управляющих структур к используемым ими технологиям формирования сознания (см. главу 4).

Нельзя игнорировать возможность того, что косные относительно скорости технологических изменений социальные структуры, стремясь к самосохранению, затормозят (как это произошло в Советском Союзе – см., например, [186]), а затем и вовсе остановят развитие технологий или даже разрушат их значительную часть.

Как мы увидим в части III, противоречия информационной эпохи толкают не просто к отказу от выработавшего ресурс капитализма, но и к все более вероятному отказу от него с переходом (ради сохранения управляющей элиты и выгодных для нее норм) на более низкий, а не более высокий уровень социального и технического развития, – не в коммунизм, но в Средневековье.

не при разложении мануфактур, как принято считать в начетническом марксизме, но в работных домах Англии, куда собирали для бескровной и потому мало разрушительной социальной утилизации крестьян, согнанных с земли (см. параграф 7.1.2). Чтобы занять их хоть чем-то (иначе они сходили бы с ума от безделья и становились неуправляемыми), их заставляли работать, – но они не умели ничего, кроме примитивных земледельческих операций. Чтобы их можно было использовать, неизвестные социальные новаторы разбили ремесленнический труд на отдельные предельно примитивные операции, которым можно было научить даже самого неумелого из бывших крестьян, – и каждый из них стал выполнять одну-единственную операцию. Качество производимых таким образом изделий сначала было ужасным из-за неумения и плохой организации, – и лишь много позже, с изобретением паровой машины выяснилось, что это путь колоссального повышения и качества, и производительности.

Построение социализма в Советском Союзе в условиях господства индустриальных технологий также можно рассматривать как пример опережения производственными отношениями производительных сил, – причем исключительно масштабный и длительный даже с всемирно-исторической точки зрения.

Не выходом из этого стратегического тупика, но способом выиграть время является снижение степени жесткости «привязки» социальных структур к технологиям, достигнутое еще с началом первой НТР (то есть в середине 50-х годов XX века).

Социальные структуры развитых стран **научились воспринимать постоянное совершенствование технологий как постоянство более высокого уровня**. В результате даже самый стремительный технологический прогресс до определенных пределов (которых мы, тем не менее, уже достигли, что и открыло перед нами новые зияющие перспективы) не вызывал существенных социальных напряжений, свидетельствующих о потребности в кардинальных изменениях устройства общества.

Данное приспособление социальной структуры к обновлению технологий произошло за счет открытия нового направления эволюции человечества: после общества и биосферы технологическая эволюция расширилась на **индивидуальное и общественное сознание**.

В самом деле, социальная структура определяется не только технологиями, но и сознанием общества. До Первой мировой войны эта закономерность не имела значения, так как общественное сознание складывалось в целом стихийно, под влиянием технологий, обеспечивающих его необходимую изменчивость, и культурных традиций, обеспечивающих его необходимое постоянство (в биологической эволюции аналогичные функции выполняют изменения внешней среды и устойчивость генотипа). Однако необходимость мобилизации больших масс людей, по сути, на самоубийство в войне и создание новых политических наций для разрушения империй (начатое еще в середине XIX века подготовкой объединения Италии), а главное – формирование в конце XIX века[46] внегосударственной власти в виде

46. Непосредственным актом формирования этой власти, по-видимому, стали, помимо деятельности «круглого стола» лорда Милнера (см. параграф 5.5.2), экспансия группы Ротшильдов в США через Дж.П. Моргана и других менее значимых негласных_агентов [173, 330] и решение относительно беднеющей в глобальном масштабе английской

глобального финансового капитала (что и открыло эпоху империализма, сделав массовыми первые два фактора) превратили управление общественным сознанием в отдельную сферу деятельности, породив соответствующие технологии.

Пример 10

Передовой характер советского общества: вынужденность управления сознанием

Влияние общественного сознания на структуру общества до Первой мировой войны было в основном стихийным и потому не рассматривалось Марксом, Энгельсом и наследовавшими им европейскими социал-демократами как самостоятельный фактор развития.

Но с началом Первой мировой ситуация изменилась, – с чем столкнулся Ленин, решая задачи борьбы за власть и ее удержания. Уже в 1917 году он указывал, что **социализм отличается от капитализма** не технологическим базисом (он у них общий) и даже **не формой собственности** (ибо ради выживания в кризисе капитализм идет на огосударствление)**, а характером власти: если она служит трудящимся – это социализм, если буржуазии – капитализм** [140]. Таким образом, общественный строй определяется самоидентификацией, сознанием власти, формирование которого и оказывается стержнем процесса построения социализма.

Не называя прямо, Ленин нащупал саму суть нового этапа развития технологий, тогда еще не формировавших сознание, но уже начавших влиять на него непосредственно и целенаправленно. Влияя на сознание, технологии вырвали его из сферы природно-естественных, почти неизменных факторов и, сделав его изменчивым, превратили в ключевой фактор общественного прогресса. Для решения тех или иных задач (от построения социализма до запрещения даже задумываться о социаль-

знати о допустимости заключения браков с представителями «новых капиталов» США, соединившее не только американские и английские глобальные капиталы, но и американские капиталы с английскими технологиями социальной инженерии (см. о последних, например, параграф 7.1.7).

ной справедливости) со времен Ленина стало необходимым выковывать новое, соответствующее этим задачам сознание, – сначала власти, а затем и всего общества.

Нарастающее ускорение технологической эволюции, предъявляющей системам управления обществом все новые требования, сминало структуру инерционного и не поспевающего за техникой социума. Это грозило окостенением в уродливых формах, тормозящих технологический и остальные формы прогресса, – с угрозой поражения в международной конкуренции. *(Нечто подобное произошло в СССР и других догоняющих обществах; пример из повседневной жизни – неправильное срастание перелома, ограничивающее подвижность, а с ней и жизнеспособность всего организма.)*

Задачи социальной стабилизации в этих условиях потребовали от общества управления уже не только внешними явлениями, связанными с биосферой, но и явлениями внутренними, связанными с индивидуальной деятельностью человека и человеческих групп.

Выходом стало очередное расширение сферы применения главного инструментария человечества – технологической эволюции. После биосферы она распространилась сначала на организацию самого общества и структуры его управления, а затем – и на формирование его сознания. Рационализация систем управления обществом (которые являются системами его самоуправления, если не контролируются извне) оказалась лишь шагом к рационализации общественного сознания: она стала инструментом преодоления временной недостаточности технологий, не позволявших формировать сознание непосредственно.

Прямое воздействие на свое сознание означает качественно новый шаг, открывающего принципиально новое направление эволюции человечества, – ***ментальную эволюцию***.

Это **главное содержание информационной революции**. Рассмотрению ее последствий во многом и посвящена данная книга. Пока лишь перечислим ее важнейшие направления:

- Изменение самого механизма восприятия мира не только отдельным человеком, но и обществом в целом, так как это восприятие формируется глобальными медиа (включая соцсети и платформы) с использованием информационных технологий. Последние учитывают, что, по крылатому выражению кинорежиссеров, «картинка сильнее слова» (сравните с ленинским «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»[47]). По сути, это начало отказа от второй сигнальной системы – восприятия слова, связанного с логикой (см. параграфы 1.3-1.4), – как с базовым типом мышления, и перехода к восприятию целостных образов, связанного с прямым воздействием на чувства. *(Ранее такое восприятие существовало в искусстве, преимущественно в музыке, в религии и в случайных творческих «озарениях».)*
- Качественное повышение значения культуры как фундаментальной основы формирующихся новых производительных сил, прямо связанных с общественным и личным сознанием.
- Расширение масштаба эволюции сознания с отдельных людей на коллективы, включающие не только организации, но и целые общества. Такое расширение, по-видимому, ведет к формированию надличностного, коллективного сознания (см. параграф 3.5), слабо воспринимаемого индивидуумами, но оказывающего значительное воздействие на их жизнь.

47. Широко распространенная либералами трактовка этой фразы как «Пока народ безграмотен, из всех искусств для нас важнейшими являются кино и цирк», – обычная либеральная ложь. И полное собрание сочинений В.И.Ленина, на которое ссылаются либералы [194], и журнал «Советское кино» 1933 года [163], на который ссылаются составители собрания сочинений, и первоисточник – книга 1925 года Г.Болтянского «Ленин и кино» [98], в котором тот приводит разговор Ленина с Луначарским по воспоминаниям и оперативной записи последнего, дают одну и ту же – каноническую – цитату. А либералы не могут не лгать (подробно см. главу 18), так как отстаивать символ их веры – необходимость служения государства не своему народу, а глобальным финансовым спекулянтам – в современном мире без лжи невозможно. Благодарю В.Волобуева, который раз и навсегда, еще в 2010 году, поставил точку в этой истории [115].

- Формирование коллективного сознания, вероятно, меняет эффективность человечества и расширяет границы его взаимодействия с окружающим миром. В частности, коллективное сознание может вырасти до планетарного уровня и начать взаимодействовать с биосферой Земли, а возможно, и Вселенной образом, не поддающимся прогнозированию и даже осознанию индивидуумом, – в рамках ноосферы, описанной Вернадским [111].

Всякий последующий тип человеческой эволюции влияет на предыдущие, более медленные типы, прежде всего увеличивая их скорость. Эволюция сознания – не исключение: создавая новые методы «социальной инженерии», она ускоряет социальное развитие, открывая его новый этап.

Между тем систематическое и комплексное применение даже традиционных социальных технологий глубоко меняет общество. Ничтожность европейских элит (см. пример 11 и параграф 20.4) после ухода с политической сцены поколения лидеров, выкованных холодной войной (к «последним из могикан», способных мыслить масштабно и сознавать ответственность за свои решения, относились Миттеран и Коль), – продукт не только самой европейской культуры, но и применения американцами социальных технологий против своего важнейшего (до выхода на авансцену мирового развития Китая) конкурента – объединяющейся Европы [319].

Пример 11

Обеспечение ничтожества

Помимо прямых политических ультиматумов (так, «план Маршалла» предоставлял послевоенной Европе американские инвестиции – и, соответственно, закабаление – лишь при категорическом условии изгнания всех коммунистов из состава коалиционных правительств [283], что для Франции и Италии, по сути, означало требование государственных переворотов, которые в мягкой форме и были проведены; это вынудило Советский

Союз в ответ привести коммунистов к власти в Восточной Европе) и системного террора (которым США поддерживали, в частности, напряженность в Италии в 60-70-е годы и не допустили приход к власти левых сил в Турции в 50-80-е годы, освободив в итоге место для исламистов), эффективный вид социальных технологий – насаждение толерантности, политкорректности и «прав человека» (сводимых обычно к праву меньшинства не только отрицать права большинства, но и навязывать им свои нормы жизни, то есть, по сути, порабощать их).

Эти догматы разоружают общество в глобальной конкуренции, не давая ему защищать себя и представляя самозащиту в его же глазах как нечто постыдное и не имеющее прав на существование. Противостояние же этим догматам выглядит бесчеловечным и антигуманным.

Наиболее эффективную технику сопротивления подобным социальным технологиям демонстрируют общества, в которых в силу историко-культурных причин понятие «человека, обладающего всей полнотой человеческих прав» (см. параграф 26.1) сужено до его членов, – как, например, в современных США (при всех оговорках, связанных с их распадом на этнические сообщества).

Восприятие прав человека не по биологическому и даже не по культурному признаку, а по гражданству обеспечивает обществу «наиболее разумный эгоизм»: сохраняя солидарность, его члены защищают при этом только его интересы, не тратя сил на защиту посторонних и тем более конкурентов. При этом они преисполнены вдохновляющим (и потому повышающим их эффективность) сознанием собственной гуманности, – так как они применяют гуманитарные принципы ко всем людям, не обращая внимание на то, что таковыми являются для них только они сами.

В ряде обществ с родоплеменными отношениями (например, ряде африканских) понятие «человека, обладающего всей полнотой человеческих прав» сужено еще сильнее – до членов рода. Но это не позволяет обеспечить внутреннее единство общества и создать таким образом единый субъект участия в глобальной конкуренции.

* * *

Технологии играют в развитии человечества ключевую роль: они заставляют его переводить свое развитие в новую плоскость, а затем становятся основным инструментом его развития в этой плоскости. Но развитие с разной, хотя и неравномерно возрастающей скоростью, продолжается по всем направлениям эволюции.

Для наблюдателя в каждый момент развивается несколько областей (с учетом особенностей восприятия – вообще одна-две), а остальные «стоят на месте». Но это явление, отмеченное еще Гегелем, связано не с прекращением, но, напротив, с постоянным ускорением развития в наиболее заметных и сменяющих друг друга сферах.

Привыкнув к скорости развития такой сферы, наблюдатель приспосабливается и к ее масштабу времени, теряя возможность восприятия остальных, более медленных процессов. В этих сферах время для него «останавливается», как для стороннего наблюдателя остановилось бы геологическое время после «включения» более быстрого биологического, биологическое – после «включения» социального, а социальное – после «включения» технологического.

В конце XX века, когда скорость развития технологий стала превышать скорость осознания обществом причин и особенно последствий его действий, обществу пришлось начать приспосабливать к этому ускорению свое сознание. Этим оно открыло новое направление развития: ментальную эволюцию, эволюцию сознания.

Ее ключевым инструментом стали информационные технологии, способствовавшие в том числе перестройке личности: она стала более пластичной и гибкой, неустойчивой и мозаичной, стремящейся к эмоциям вместо благ и к вовлеченности (участию) вместо достижения результата (см. параграф 1.5).

4.4.5. Суперинтеллект, homo servus (салариат) и прекариат: сегментация человеческих подвидов

Применение технологий социальной инженерии носит все более осмысленный характер: формирование человеческого сознания и в целом преобразование человека – естественный инструмент реализации тех или иных глобальных проектов.

Наиболее интенсивным изменениям при этом подвергаются сами глобальные управляющие элиты (см. параграф 5.3). Их передовая в технологическом плане часть, применяющая для повышения своей эффективности, конкурентоспособности и удовлетворенности жизнью технологии преобразования сознания и тела, может превратиться в иной социально-биологический вид.

Технологическая эволюция дала необходимые для этого инструменты. В 10-е годы XXI века оформился и стремительно развивается технологический кластер, позволяющий уже в обозримом будущем создать новые и при этом принципиально разные подвиды *homo sapience* [191]. Различные аналитики по-разному очерчивают его границы, но практически все включают в него искусственные интеллект, *BIG DATA*[48] («интернет всего» с тотальной оцифровкой, хранением и обработкой всех данных обо всем), синтетическую биологию, психологию, структурную лингвистику, дополненную реальность и интегрированный интерфейс «мозг-компьютер» [5].

48. Вероятным направлением эволюции *BIG DATA* станет *SMART DATA* – такие же тотальные массивы информации, формируемые по принципу «все обо всем», но структурируемые в соответствии с принятыми гипотезами о природе собираемых данных. При верности данных гипотез это обеспечит качественный рост эффективности и выход на непредставимые сегодня, качественно новые уровни анализа и прогноза; правда, ложность базовых гипотез может обесценить массивы исходных данных.

Эти технологии позволят обеспечить тесное взаимодействие человека и компьютера («гибридный интеллект»), а затем их слияние (в «супер-интеллект») [338] при помощи, скорее всего, мозгового импланта, обеспечивающего органическое объединение человеческого сознания и компьютера [243].

Представления об искусственном интеллекте как о разуме, неотличимом от человеческого [67], отброшены в силу своей нереалистичности. Искусственный интеллект будет развиваться на основе сначала объединения, а затем слияния компьютера как овеществленной формальной логики (см. параграф 1.3) с живым человеческим сознанием, обеспечивающим недоступное ему образное, творческое, внелогическое мышление. Повышение мощности компьютеров частично распространит формальную логику на сферу образного мышления, что изменит наши представления о них и сузит пространство человеческого творчества. *Заместитель директора ФБР по информационным технологиям Стивен Л. Моррисом отметил: «Искусственный интеллект – это программно-аппаратный комплекс, обеспечивающий поддержку и/или принятие результативных решений в динамичной, неустойчивой среде в установленное время, на основе заведомо неполной, нечеткой и не имеющей полной доказательной базы информации. Применительно к одним задачам искусственный интеллект самостоятельно принимает решения, но в большинстве случаев является элементом гибридного интеллекта, взаимодействуя с человеком» [232].*

О работе по созданию биологизированных многофункциональных интерфейсов, обеспечивающих прямое взаимодействие человеческого мозга и компьютера, объявили *Alphabet* (до 2015 года – *Google*), *Neuralink* (основана Илоном Маском в 2016) и *Facebook*. Ожидается, что эти проекты увенчаются созданием нового вида человека, обладающего суперинтеллектом, в 2022-2025 годах [52]; почти в том же интервале – 2023-2027 – лежат оценки специалистов специализирующейся в сфере рынков информационных технологий компании *Gartner* и глобального консалтингового

холдинга *McKinsey*, а также офиса директора Национальной разведки США [191].

Разумеется, между созданием нового вида и преобразованием социальной структуры в его интересах пройдет время, но переструктуризация человечества будет быстрой.

Участниками сначала гибридного, а потом суперинтеллекта (и обладателями улучшенных тел) станет не более (а скорее всего, менее) 0,5% населения стран, являющихся технологическими лидерами мира[49], – хозяева, а также ключевые разработчики алгоритмов функционирования обществ. Аналитики называют эту элиту будущего holders – «держатели (активов), обладатели (богатств)»; обычно на русском языке этот термин, как и другие, используется без перевода.

По оценкам *Gartner*, 5-10% населения стран – технологических лидеров составят специалисты, необходимые для функционирования обществ. Высокая квалификация в отдельных вопросах и высокие творческие способности будут сочетаться в них с крайне ограниченным извне при помощи информационных технологий (и в целом технологий *high-hume*) самосознанием[50], не позволяющем им пытаться войти в управляющую элиту или просто улучшить свое положение. *Разные аналитики называют их «персоналом» (staff), салариатом [63], homo servus [176], но суть от этого не меняется.*

Либеральные реформы в России, несмотря на наше общее технологическое отставание, похоже, показали довольно высокие достижения отечественных специалистов в производстве подобных специалистов – пока в области госуправления. Уже в 2018 году, насколько можно судить, выявлены (пока на среднем уровне) отдельные личности, впадающие при обосновании тех или иных либеральных реформ в транс

49. Безусловный технологический лидер – США: их собственникам принадлежит 75% технологически наиболее перспективных патентов. Далее идут Китай (8%) и Япония (5%); остальные примерно 12% относительно равномерно распределены между Англией, Германией, Израилем, Южной Кореей и странами Северной Европы [191].
50. Об ограниченности профессиональной информационной элиты общества до всякой кастрации новыми «хозяевами мира» ее самосознания и способности бороться за свои права см. параграф 3.1.

и утрачивающие способность реагировать на происходящее (например, на возгорание в помещении). Менеджеры, принципиально игнорирующие реальность и не способные осознать смысла ее учета, по всей вероятности, были отмечены еще в 2013 году и с тех пор, насколько можно судить, достигали высоких (сопоставимых с губернаторскими) позиций в госуправлении.

Все остальное население технологически передовых стран – и всего остального мира – превратится в *lamers* («неудачников») или «прекариат»: не имеющих значения и подлежащих социальной утилизации «лишних людей» (см.параграф 9.1).

Разумеется, такое развитие событий не предопределено, прежде всего в силу не поддающихся контролю процессов ресоциализации и пробуждения самосознания в подлежащих социальной утилизации частях наиболее развитых обществ.

4.5. Формирование человеком третьей среды своего обитания

Важный результат повсеместного применения информационных технологий – формирование качественно новой, информационной среды обитания человека, ставшей подлинной «третьей» природой[51], дополняющей привычные «первую» (естественную) и «вторую» (технологическую) природы[52].

51. Термин введен в опередившей свое время прорывной работе Расторгуева и Чибисова «Цель как криптограмма. Криптоанализ синтетических целей» в 1996 году [260] и возрожден Е.С.Лариной в 2017 в ее основополагающей статье "Понимание алгоритмических обществ. Гибридный интеллект и его зомби" [191].
52. Термин «вторая природа» введен С.Лемом в «Сумме технологий» [193], в которой он «показал изоморфизм структуры и динамики природы и мира машин и механизмов… Установил, что …первичной клеточкой, элементарной единицей природы, будь она первой, второй или третьей, является ценоз – целостное взаимодействующее сообщество разнородных организмов, механизмов» [191].

Если обычная природа определяет физиологические параметры существования человека, а техносфера расширяет его возможности (в конце концов, наиболее емкое определение свободы – это избыток инфраструктуры [143]), то информационная среда через эмоциональный фон и систему ценностей определяет его поведение. Предельным выражением этого служит социальная инфраструктура в виде социальных сетей, эволюционирующих в социальные платформы, диктующие поведение их участника так же неотвратимо, как температура или давление (для «первой» природы) или наличие или отсутствие дорог и электричества (для «второй» природы).

Социальные сети и социальные платформы при исключительной близости и перерастании первых во вторые по мере их эволюции отличаются характером деятельности их участников.

<u>Социальные сети</u> – среда для общения и поиска информации. Они могут затягивать, подменять реальность, формировать зависимость от себя, но они отделены от обычной реальности, и человек имеет принципиальную (хотя обычно и не реализуемую по технологическим причинам) возможность сократить время пребывания в них и даже вовсе покинуть их (ради других соцсетей или, что намного реже, ради реальности, – например, если они надоели).

<u>Социальные платформы</u> – следующий этап развития соцсетей: они **служат не для общения, но для значимой для их участников деятельности в оффлайне** (прежде всего для покупки товаров или услуг и для рекламы). *Отказ от использования социальных платформ по сравнению с соцсетями качественно затруднен снижением при этом повседневного уровня не только эмоционального (как в случае с соцсетями), но и бытового, физического комфорта.*

Влияние на человека социальных платформ (или через них), выше, чем соцсетей, так как их использование связано с действиями в реальном мире, и потому связанная с ним информация закрепляется в сознании сильнее. Поэтому со-

циальные платформы – более мощный и передовой инструмент управления, чем соцсети, из которых они вырастают на наших глазах и с нашим участием.

Наиболее популярные соцсети, – прежде всего *Youtube*, *Instagram*, а также *Facebook*, – используются растущей частью их аудитории как платформы (прежде всего в качестве рекламных площадок) и потому постепенно трансформируются в них; другие платформы (не только торговые, но и консультационные, – как, например, *Tripadvisor*) с самого начала создавались именно в этом качестве.

Компьютерные игры, в том числе интерактивные с глобальным охватом (в которых участвуют люди со всех концов мира, свободно входя в общую игру и приостанавливая свое участие в ней), – специфический вид соцсетей, ибо деятельность в них не направлена осознанно и целенаправленно на изменения в реальном мире.

Соцсети (в дальнейшем мы будем пользоваться более ранним и потому более обобщающим термином, подразумевая под ними и социальные платформы) становятся специфической средой обитания и общения, что представляется прелюдией к уходу в виртуальный мир (см. параграф 10.1). При этом в силу изначальной адаптации к человеческой психике и предпочтениям они значительно комфортнее реальности (см. параграф 1.1) и уже сейчас могут обеспечивать более яркие эмоции, чем повседневная жизнь среднего человека.

Пример 12

Комфорт как главная и разрушающая ценность Запада

«Мир и честь» – мертвая фраза;
мир и комфорт – то, чего
хотелось бы народу.

(Гайндман, один из первых английских социалистов, – Дизраэли; цит. по [223])

Личный **комфорт стал** главной и, по сути дела, **единственной ценностью** западной цивилизации. Это есте-

ственное следствие титанической работы по созданию общества массового потребления и по его скрупулезной деидеологизации (для обеспечения безопасности управляющей системы, опирающейся на глобальные финансовые монополии).

Результат поражает воображение: человек, живущий ради более комфортного личного потребления, серьезно меняет свое поведение и, строго говоря, становится асоциальным.

Решительный и крайне последовательный отказ от общественного ради личного (маскируемый фиктивно-демонстративной деятельностью вроде волонтерства и иных форм социального активизма) объективно означает глубокую и комплексную деградацию, плоды которой проявляются лишь со временем из-за колоссального «запаса прочности», накопленного трудами прошлых поколений.

Будучи защищен этим «запасом прочности» от житейских неурядиц, член развитых обществ получает возможность последовательно и почти безнаказанно игнорировать неудобные для себя элементы реальности.

Информационные технологии делают эмоциональный комфорт важнее материального, что обеспечивает высокий уровень манипулируемости, готовность отказа даже от уже привычных удобств ради избежания дискомфортной и обременительной борьбы за свои интересы и в целом означает последовательное, хотя и неосознаваемое предпочтение интересов эмоциям (см. параграфы 3.5. и 6.5).

В этих условиях игнорирование неприятной части реальности и отказ от усилий по их исправлению не снижает, а повышает уровень эмоционального комфорта (так как позитивные эмоции доминируют над материальными неудобствами), что ведет к бегству из реальности (подробней об этом применительно к управляющим системам см. в параграфе 4.5).

Попытки вернуть личность в реальность напоминанием о последней воспринимаются ею в этих условиях

как неприемлемое нарушение ее неотъемлемых прав, как не имеющее оправдание посягательство на нее и вызывает поэтому инстинктивную жесткую агрессию. *Это касается и лично развитых, образованных и культурных, и статусных, влиятельных людей. Автору, пытавшемуся вернуть представителей Запада в реальность, много раз приходилось слышать в свой адрес обвинение, которое казалось им чудовищным (и, вероятно, является таковым в современной западной системе ценностей): «Вы нарушаете мой комфорт!»*[53] *Такое обвинение рассматривается представителями современных западных культур как самодостаточный, окончательный и неопровержимый аргумент, указывающий на недопустимость поведения оппонента и априорную неправильность всех его высказываний, вызывающих «дискомфорт», – в одном ряду с «отрицанием Холокоста»*[54] *и «гомофобией». Отсутствие немедленной покаянной реакции и попытка продолжения содержательного разговора воспринимается носителями современной западной культуры (в том числе политиками и политологами) как проявление варварства и неадекватности.*

Сегодняшняя Россия в глазах Запада подлежит уничтожению не только в силу ценностной несовместимости (см. параграф 6.8) или конкретной заинтересованности (см. второй том), но в первую очередь как источник дискомфорта, причем исторически длительного.

Управление сознанием и поведением, как массовым, так и индивидуальным, через управление соцсетями (как правилами публикаций, так и, главным образом, механизмами показа и продвижения публикаций, демонстрацией каждому специально подобранного с учетом его индивидуальных особенностей контента) – относительно новый метод. Его исключительная эффективность была экспериментально

53. Вариант: «Ваше заявление дискомфортно для меня!»
54. Правда, в этом отношении сегодняшняя Россия – безусловная «цеЭуропа»: даже предложение оценить число жертв Холокоста (определенных на Нюрнбергском трибунале словами Гесса, в свою очередь, сославшегося на слова Эйхмана) рассматривается как уголовное преступление и ведет к отдаче под суд.

доказана на президентских выборах 2016 года в США[55] (хотя еще в 2008 году Обама получил именно благодаря использованию указанных технологий среди прочих титул «президента соцсетей» – см. сноску 418 на стр. 586).

В современных условиях индивидуализированная настройка соцсетей (которая уже производится на основе самообучающихся компьютерных алгоритмов постоянно, автоматически и в массовом порядке) позволяет сформировать вокруг пользователя на основе его поведения информационно-эмоциональную среду, обеспечивающую абсолютно свободное принятие подавляющим большинством действующих порознь и без какого бы то ни было ощущаемого ими принуждения людей нужных управляющей системе (владельцу платформы или влияющим на него) конкретных решений *(будь то формирование индивидуальной повестки дня, то есть признание важности или неважности тех или иных событий, достоверности или ложности той или иной информации, покупка и рекомендация товаров или поддержка политических деятелей или идей)*.

Обычно это сопровождается незаметным для самого человека **принятием системы ценностей**, нужной управляющей системе, что означает глубокое и комплексное преобразование личности, – как правило, не замечаемое самой этой личностью или воспринимаемое ей как ее собственная выстраданная и осмысленная эволюция.

Внешнее воздействие через формирование эмоционально-информационной среды существования человека в соцсетях им, за редкими исключениями, не ощущается: человек воспринимает эту искусственно сконструированную среду, «третью» природу как естественную, сложившуюся стихийно, нейтральную по отношению к нему и, более того, единственно объективную, отражающую реальное устройство мира и социума.

55. Даже с учетом сознательного преувеличения эффекта проигравшей стороной для самооправдания и отвлечения общественного мнения от ее противоречия мнениям и интересам доминирующей части американского общества.

Между тем это воздействие уже сейчас, при всей несовершенности и частичности применяемых технологий носит не просто комплексный, но всеобъемлющий, тотальный характер. *«Программирование групп пользователей – потребителей осуществляется на основе огромных, постоянно пополняемых массивов поведенческих данных... из трех компонентов. Одна часть ...принадлежит владельцам платформ, поисковиков и ресурсов интернета. Другая – производителям операционных систем для гаджетов.... Третья – ...компаниям-производителям умных вещей. Вся информация от чайников, утюгов, холодильников и квартир поступает как телекоммуникационным провайдерам, так и производителям интернета вещей... Хранилища поведенческих данных Google, Facebook, Amazon ...видимо, превышают емкость нового дата-центра АНБ в Юте... Все ...данные компании получают с полного согласия пользователей.*

Помимо использования поведенческих данных в собственных целях, эти компании легально продают их..., в первую очередь брокерам данных. Крупнейший из них – Аксиом – располагает... поведенческими архивами почти на миллиард жителей планеты, включая все основные страны, за исключением Китая. В среднем профиль данных одного человека имеет 120-150 параметров» [58, 191].

Искусственный характер эмоционально-информационной среды, формирующей сознание и существенно корректирующей личность, незаметно для нее превращает ее в марионетку, в утративший самосознание объект манипуляций, свято верующий при этом в свою сознательность и разумность.

«...Интернет, когда-то «открытый» и «свободный», стал контролировать нас и ограничивать... Интернет-компании используют... многочисленные алгоритмы и фильтры, чтобы показывать нам то, что является для нас наиболее релевантным... Во-первых, через фильтры мы не можем разглядеть всей картины. Мы видим лишь ее отредактированный вариант. Во-вторых, мы не замечаем ...фильтров... Даже не до-

гадываемся, что из картины что-то выбросили... И, наконец, ***сегодня не мы определяем, что нам важно и интересно. За нас это делают машины*** *(выделено мной – М.Д.)» [238].*

Это во многом **лишает человека разумности, отнимая у него свободу воли**, и возвращает общество в состояние жестко программируемого его идеологическим руководством социального автомата, характерное в лучшем случае для Средних веков. *Подверженность самого идеологического руководства его собственным технологиям формирования сознания создает* ***«петлю восприятия»****. Попав в нее, общество само программирует себя, все меньше интересуясь реальностью по мере погружения в «третью» природу, которую оно само для себя конструирует, исходя из случайных и сиюминутных потребностей информатизированной части управляющей элиты (см. параграф 4.4).*

Погружение индивида в «третью» природу, ограничивающее его возможности, самостоятельность и способность к мышлению, принципиально важно с точки зрения формирования коллективного сознания и его взаимодействия с индивидуальным. Если соцсети и в целом «третья» природа является средой существования коллективного сознания, то утрата индивидуальным сознанием суверенитета – этап его встраивания в коллективное сознание в качестве отдельного не сознающего свое положение элемента и, с другой стороны, не менее важный этап становления коллективного сознания.

* * *

На фоне изложенного очередная в истории человечества смена технологического базиса – с индустриального на информационный – носит рутинный и даже уютный в своей понятности характер.

Тем не менее, как и прошлые подобные катаклизмы, нынешний сопровождается полной перестройкой всех общественных отношений сверху донизу, без исключений. Не только общество, но и личность на наших глазах и с на-

шим участием приобретают качественно новые черты. Люди начинают пренебрегать своими интересами ради получения новых эмоций (см. параграф 6.5) и объединяться в секты вместо партий и клубов (см. параграф 6.6), а общество надстраивается новыми уровнями: его первичной ячейкой становится не семья, а индивидуум (см. главу 2), а высшим уровнем организации человечества оказывается уже не государство, но эмансипировавшийся от него глобальный управляющий класс (см. параграф 7.2).

Том первый.
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Общая теория глобализации, рассматриваемая в данном томе, описывает универсальные процессы, охватывающие все человечество как целое, – и этим отличается от специальной теории глобализации (которой посвящен второй том), описывающей практические ее выводы для отдельных обществ (на примере российского) и с учетом их специфики.

Часть I.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Глава 1. НОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: КАЛЕЙДОСКОП ВМЕСТО РАДУГИ

1.1. Неограниченная коммуникация: усложнение мира

Корни информационной революции, начавшейся на рубеже 80-х и 90-х, уходят в научно-техническую революцию се-

редины 50-х годов XX века («первую НТР»), вызванную прорывом открытых в ходе Второй Мировой и начале холодной войн новых технологических принципов в массовое производство.

Пример 13

Холодная война – этап международной конкуренции

Холодная война по своему накалу, целеполаганию и жесткому разделению на «своих» и «чужих» не сильно отличалась от «горячей»; она и началась-то с традиционных военных конфликтов, не получивших глобальное ядерное завершение, по всей видимости, лишь потому, что агрессивный порыв США был своевременно канализирован в мясорубку корейской войны и перемолот в ней [80, 141, 343].

Системной причиной того, что локальные конфликты не переросли в новую мировую катастрофу, стал феномен атомной бомбы. «Горячая» война уступила место холодной (в виде которой и реализовалась ожидавшаяся Третья Мировая) как новой форме международной конкуренции лишь из-за гарантированности взаимного уничтожения (или, как минимум, взаимного неприемлемого ущерба).

Холодная война – реакция Запада и прежде всего США на появление ядерного оружия, ставшего «великим миротворцем» (хотя идея последнего была скомпрометирована с начала XX века, когда им назывался слишком широкий круг слишком слабых вооружений, – начиная с пулемета «Максим»). Возможно, **фундаментальные идеи реализуются лишь после своей компрометации преждевременным предвидением**.

Ядерное оружие направило человечество от военно-политических к экономическим конфликтам и, далее, к идеологической (ценностной) конкуренции, к замене обычного оружия социальной инженерией. Уже крах СССР показал: разрушительность непрямого (информационного и экономического) оружия и, следовательно,

холодной войны может превышать разрушительность обычного оружия и войны «горячей».

Уничтожение Советского Союза перевело мировую конкуренцию из внутрицивилизационной (ибо и социалистические, и капиталистические страны развивались в одной цивилизационной парадигме) в межцивилизационную плоскость, сделав ее иррациональной (см. раздел 14.2.3) и превратив в сегодняшнюю глобальную конкуренцию, какой мы ее знаем.

Ядерное оружие продолжает (как показывает смягчение конфликта между Пакистаном и Индией, а также между Северной Кореей и США) выполнять смертельно рискованную миротворческую функцию. Главный инструментом глобальной конкуренции стало применение технологий социальной инженерии, трансформирующих сознание людей и нормы их поведения, основанных на расширении и интенсификации коммуникаций.

Эти новые технологические принципы «оплодотворили» все сферы экономической жизни, включая приоритетные в 70-90-е годы XX века организацию управления (в том числе государственного) и воздействие на человеческое сознание. Требуя концентрации интеллектуальных усилий, они делали условием своей реализации, а, значит, и конкурентоспособности общества увеличение его внутренней открытости, мобильности и в итоге – демократичности[56].

Первые же попытки анализа последствий НТР показали, что усложнение производства, массовое вовлечение в него творчества, ускорение воплощения научных достижений в жизнь потребовало максимально полного развития имею-

56. Именно указанные особенности НТР, более соответствовавшие природе тогдашнего капиталистического, чем социалистического общества, предопределили успех первого и историческое поражение последнего – так же, как особенности крупного индустриального производства, требуя планирования, в 20-40-е годы XX века предопределили возникновение и бесспорный исторический успех социализма. Этот успех выразился не только в выживании в агрессивном враждебном окружении и в стремительной экспансии, но и в ценностной привлекательности и внутренней эффективности в то время, что и превратило СССР в мирового лидера, равнозначного США.

щихся в каждом обществе талантов. Оценить, вырастить и тем более организовать их работу было под силу только самим ученым. Это сделало научные сообщества фактором национальной конкурентоспособности (в то время наиболее полно совпадавшей с обороноспособностью) и придало им и политическую влиятельность[57] (хотя и на порядок уступавшую влиятельности политических и деловых элит).

Интеллектуализация производства и ускорение прогресса резко повысили роль не только интеллекта, но и его знаний, а точнее – информации, которой он оперировал[58]. Сделав информацию ключевым фактором не только управления, но и производства, НТР превратила технологии ее обработки в ключевое направление развития, породившее и современные информационные технологии, и саму информационную революцию.

Признаком информационной революции принято считать взрывообразное ускорение роста количества информации, продолжающееся и по сей день. По оценкам, в средние века количество информации удваивалось за 100, в начале XX века – за 10 лет, а с 1980, когда началось широкое распространение микропроцесоров – уже ежегодно. *Так, только за первую половину 2017 года было сделано 10% всех существовавших тогда в мире фотографий [105].*

Эти общеизвестные и давно набившие оскомину факты тем не менее, как это обычно и бывает, приобретают вполне

57. Стоит вспомнить серьезные дискуссии 60-70-х годов в рамках развития теории конвергенции о необходимости перехода власти от политиков к технократам (причем уже ученым, а не менеджерам, феномен которых в 1905-1911 годах поставил в центр своего мировоззрения Г.Уэллс [68, 69], что привело его к разрыву с Фабианским обществом [277], и о «революции» которых заговорили еще в 30-е годы и даже раньше [3, 10, 55, 86]. Эхом этих идей стала реализация частью советской элиты «проекта Сахаров». Западные же аналитики все послесталинское время всерьез считали АН СССР «четвертой властью» советского общества (после партии, КГБ и военных).

58. Оговорка вызвана тем, что понятие «знания» подразумевает лишь относящуюся к рассматриваемой теме верную информацию, в то время как история полна правильными решениями, принятыми на базе посторонней, а то и вовсе неверной информации, строго говоря, не являющейся поэтому знанием (один из наиболее известных, хотя и не самых ярких, – открытие Колумбом Америки).

революционный характер, если мы вопреки традиции подразумевания исследуемых объектов и их конструирования «по умолчанию» попытаемся вспомнить, – а что же мы исследуем?

В самом деле, что такое информация?

Пример 14

Таинство информации

Информация – одно из наиболее фундаментальных, исходных[59] понятий жизни как индивида, так и человечества, на основе которых определяются остальные понятия.

Это затрудняет понимание ее природы традиционным путем сведения к более простым и глубоким сущностям: как и в случае таких неотъемлемых атрибутов материи, как вещество и энергия, сводить оказывается просто не к чему[60].

В результате единого, общеупотребительного понимания термина «информация» не существует. Специалисты рассматривают это интуитивно воспринимаемое явление каждый по-своему, через призму личных профессиональных интересов.

Классическое определение – введенное Клодом Шенноном указание на способность информации снижать неопределенность[61]. Увы: при всей технологичности

59. Остается только порадоваться, – а возможно, и пожалеть о том, что исследуемые нами социальные процессы – не математика, в которой исходные понятия (точка, линия, множество и так далее) не определяются вообще.

60. В наиболее категоричной, хотя и мало содержательной форме эту «несводимость к более простому» выразил основоположник кибернетики Н.Винер: «Информация есть информация, не материя и не энергия. Никакой материализм, который не допускает этого, не может существовать в настоящее время» [112].

61. Оно дано в статье «Математическая теория связи», написанной в 1948 32-летним инженером *Bell Laboratories* К.Шенноном и У.Уивером и опубликованной в следующем году. Затем эта статья воспринималась как «Великая хартия» информационной эры и даже «величайшая работа в анналах технической мысли».
К.Шеннон впервые (еще в 1940 году) показал наибольшую эффективность применения при анализе электрических систем не обычной, а булевой алгебры, благодаря чему та легла в основу всей современной цифровой схемотехники.

и простоте эта дефиниция недостаточно содержательна. Она носит сугубо формальный характер и пригодна лишь для работы в рамках самой теории информации, но совершенно недостаточна для решения задач, лежащих за ее пределами.

Сам Шеннон, сознательно сводя для решения стоящих перед ним локальных технических задач понятие «информации» к более частному «количеству информации», старательно предостерегал от придания своему определению всеобъемлющего характера [339]. Действительно: оно функционально лишь в отношении математической теории информации, ограничивающейся рассмотрением ее количественных аспектов и абстрагирующейся от содержательной стороны сообщения.

Нас же интересует влияние ускоряющегося увеличения объема информации на развитие человека и человечества. Чтобы рассматривать это влияние, надо вывести понятие информации за рамки мира абстракций, являющегося естественной средой математики и теории информации.

Рассматривая информацию с точки зрения выражаемого ею реального мира, существующего вне воспринимающего его сознания человека, надо привести понятие информации в соответствие этому миру.

Определения информации, соответствующие данному требованию, примитивны и опираются на неопределенные понятия. Так, понимание информации

Другое его революционное достижение – сформулированная в работах 1957-1961 годов «основная теорема кодирования Шеннона», ставшая фундаментальным положением всей теории информации: всякий «зашумленный» канал связи имеет свою предельную скорость передачи информации – «предел Шеннона». При его превышении передаваемая информация будет искажаться, но при любом увеличении скорости передачи информации в рамках «предела Шеннона» существуют способы обработки (кодирования) информации, обеспечивающие сколь угодно низкую вероятность ошибки.
Когда в 1985 году Шеннон (1916-2001), к тому времени уже почти четверть века не появлявшийся на научном горизонте, внезапно посетил международный симпозиум по теории информации, очевидцы признавались, что испытывали те же чувства, что и физики, на конференцию которых пришел бы Ньютон.

как «сведений о чем-либо, передаваемые людьми» [311] определяет ее при помощи синонимичного ей и не раскрываемого понятия «сведения». В «отражении внешнего мира при помощи знаков и сигналов» [96] ту же роль, что «сведения», играют «знаки и сигналы», и вдобавок не определяется термин «внешний мир».

Другая крайность – сужение понятия информации до одного типа деятельности, обычно управления, что естественно для кибернетиков («сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксических, семантических и прагматических характеристик»), но неприемлемо для решения большинства некибернетических задач.

Иногда, напротив, определения понятия информации чрезмерно расширяют его, рассматривая как получателя информации объекты не только живой, но и неживой природы («передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах живой и неживой природы» [311]). Наиболее ценно тем не менее последнее определение, связывающее понятие информации с философскими понятиями отражения (как фундаментального свойства материи) и разнообразия (развитого английским кибернетиком и биологом У.Р.Эшби [346]).

Для решения интересующей нас задачи (изучения влияния взрывообразного роста количества информации на общество) наиболее продуктивными представляются драконовская простота и всеобъемлющий характер следующего определения:

<u>Информация</u> – способность материи быть воспринимаемой.

Это определение решает казавшуюся неразрешимой задачу поиска физического соответствия загадочного кванта информации (бита), выведенного К.Шэнноном на базе теории вероятностей и существовавшего ранее лишь в мире математики. В физическом мире квант информации оказыва-

ется квантом восприятия, – что делает его прямо зависимым от характера этого восприятия[62].

Таинственное «информационное поле» становится синонимом не менее странного для обыденного сознания, но традиционного для космологии понятия «структура пространства». Последняя, правда, рассматривается лишь с точки зрения ее влияния, как реального, так и потенциального, на органы восприятия человека и, соответственно, с точки зрения человека.

Это «слишком человеческое» упрощение возвышенного и загадочного понятия до уровня практической повседневности – столь же разочаровывающее, сколь и функциональное преобразование, напоминающее низведение понятия бога до совокупности влияния на нас неизвестных явлений.

В то же время это определение подчеркивает ключевое отличие информации от материи (по крайней мере, в макромире): «материя может быть только передаваема, но не копируема, а информация – только копируема, но не передаваема».

Количество информации взрывообразно увеличивается. Причина – **специфика информационного обмена**, в котором не действуют принципы сохранения, присущие веществу и энергии**: при передаче информации ее количество растет**[63].

---

62. Данный подход великолепно объясняет загадочный для других подходов факт, по которому совершенствование восприятия само по себе увеличивает количество информации. В то же время усложнение **реально существующего (то есть существующего вне человека и не требующего его присутствия в качестве необходимого условия существования) физического мира** отнюдь не обязательно ведет к росту количества информации, а в отдельных случаях может даже вызвать его сокращение.
Одно и то же явление может содержать или не содержать информацию для различных видов восприятий. Классический пример – газета, выпущенная на языке, понятном не для всех людей, которым она попадает в руки.
63. Иногда это свойство используется даже при определении информации, которая трактуется как явление, в отношении которого не действуют законы сохранения. Помимо того, что определения такого рода сосредотачивают внимание не на сущности информации, а на одном из ее свойств, они не технологичны и могут ввести в заблуж-

Этот рост вызван действием (обычно одновременным) трех основных механизмов:

- получением человечеством новой, ранее не существовавшей информации за счет улучшения восприятия им объективной реальности или изменения последней;
- повышением доступности уже существующей информации за счет упрощения коммуникации на основе современных технологий[64] (не говоря уже о феномене «принудительной коммуникации», включающего основную часть рекламы);
- созданием ранее не существовавшей информации за счет ее порождения уже существующей информацией (формально это частный случай двух предыдущих механизмов, но его исключительное значение заставляет выделить его).

Рассматривая последний случай, благодаря которому увеличение количества информации и имеет экспоненциальный характер, отметим: информация – далеко не только содержание коммуникации (представляющей собой, строго говоря, процесс передачи информации). Возникнув, информация немедленно становится и предметом коммуникации – отдельным явлением, порождающим новое восприятие и новую информацию.

Для лучшего понимания представим себе человека, воспринимающего мир: совокупность его восприятия (в том

дение, толкнув на избыточно расширительное толкование понятия информации.

Так, иллюзия нарушения законов сохранения может возникать из-за несовпадения масштабов восприятия с описываемыми процессами, когда мы способны воспринимать лишь отдельные их элементы на протяжении незначительных промежутков времени. В результате контуры обмена веществом и энергией могут показаться нам разомкнутыми в силу значительных масштабов наблюдаемого нами процесса, превышающих возможности нашего наблюдения в пространстве и времени.

В рамках приведенного определения информации все процессы такого рода будут неоправданно считаться имеющими информационный характер.

64. Первой революционной технологией такого рода после изобретения письменности стало книгопечатание (о его социальных последствиях см. параграф 4.1).

числе накопленного[65] и переработанного) и есть вся имеющаяся у него информация. Улучшение средств коммуникации позволяет ему, не углубляя своего восприятия мира, получить (то есть с точки зрения общего количества информации, существующего в мире – создать) новую информацию, просто обменявшись мнениями с другими людьми.

Таким образом, **улучшение коммуникаций** кардинально **облегчает создание новой информации и с точки зрения получения новой информации** (важной для каждого индивида[66]) **делает познание мира менее необходимым и ценным.**

Однако созданная им в процессе этого обмена новая информация (и, строго говоря, любая информация), хотя и неразрывно связана с человеком, для него является не его собственной частью, но частью окружающего мира. Человек не отождествляет себя с имеющейся у него информацией[67] и, получив ее, начинает воспринимать ее как нечто, существующее самостоятельно и отдельно от него.

В результате вся новая информация, полученная человеком, уже в момент получения становится самостоятельной частью воспринимаемой им картины мира, которую снова надо наблюдать и по поводу которой снова надо обмениваться мнениями (или, по крайней мере, восприятиями).

---

65. К такому «накопленному восприятию» относится не только память, но и рефлексы – как условные, так и безусловные. В последнем случае имеет смысл говорить о накоплении восприятия на генетическом уровне – о зачатках «генетической памяти», на принципиальную возможность которой одними из первых указали Стругацкие.
66. Стремление человека к новой информации (так называемый «инстинкт познания») заложено на биологическом уровне: при ее получении в мозгу человека вырабатываются «гормоны радости» – эндорфины (см. также завершающую часть раздела 4 предисловия). Этот механизм, по-видимому, обусловивший исключительное место человека в живой природе, позволяет рассматривать **получение новой информации как одну из его первичных потребностей**. Поэтому **переориентация познания человека с существующего помимо него физического мира на создаваемый им самим мир информации – фундаментальный перелом** с точки зрения не только его развития, но и эволюционирования всей биосферы Земли.
67. Наиболее ярко это отражено в классической и содержащей долю шутки формулировке «знания – это, что ты помнишь после того, как все забыл».

Бесконечность этого цикла раскрывает представления о неисчерпаемости познания с неожиданной стороны. «Эффект наблюдателя» в теории познания делает его процесс бесконечным не только в силу неисчерпаемой глубины самого физического мира, но и в силу неисчерпаемой глубины процесса его восприятия, в свою очередь являющейся, насколько можно понять[68], следствием неисчерпаемости человеческого сознания.

Соответственно, степень сложности восприятия человека выше степени сложности воспринимаемого им окружающего мира, так как человек познает не только этот мир, но и мнения других людей (да и свое собственное мнение) по его поводу[69].

Принудительное единообразие мышления, раздражающее даже в формально демократических обществах не только разнообразных диссидентов[70], но и самостоятельно мыслящих людей, видится в свете этого встроенным стабилизатором. Развитые общества защищаются с его помощью от бесполезной информации, «информационного загрязнения» окружающей среды, опасность которого осознана самое позднее уже с начала XXI века. Естественно, что при этом стихийном самоограничении с грязной водой выплескивается и ребенок: отсекая лишние с точки зрения сознаваемых им задач идеи и восприятия, общество снижает свою гибкость и приспособляемость к остальным, еще не осознаваемым им задачам, а тем самым – и свою конкурентоспособность.

Таким образом, взрывообразное **увеличение количества информации – признак** не только расширения способностей человека к восприятию. С учетом введенного нами определения информации (как свойства материи быть воспринимаемой) оно **свидетельствует** и об ином, более важ-

68. Или, по крайней мере, – насколько хочется верить.
69. Ориентированная на поиск финансирования или признания, а не истины наука склонна драматически упрощать процесс познания, абстрагируясь от реального мира и сводя его к процессу познания мнений других людей, – обычно грантодателей.
70. На языке России 90-х годов XX века – «демшизу».

ном процессе – **о взрывообразном расширении самого воспринимаемого человечеством мира**.

Наблюдая и воспринимая (в том числе и чувственно) мир, человек расширяет его, творит ранее не существовавшие его элементы.

Сам процесс наблюдения, осознания и прочувствования созидает свой собственный, особый и воспринимаемый как отдельным человеком, так и человечеством в целом мир. Рост коммуникаций увеличивает не столько количество первичной информации (основанной на прямом восприятии человеком существующего помимо него мира), сколько количество информации вторичной, основанной на восприятии информации, уже созданной другими людьми[71].

Увеличение объема вторичной информации сгустило между человеком и физическим миром своего рода **«информационное облако», – «информационный» или «виртуальный» мир, представляющий собой совокупность накопленных человечеством восприятий**. Спецификой и результатом информационной революции стало погружение человечества в этот «информационный мир», во многом отгораживающий от него реальность.

При этом «информационный мир» в силу своего происхождения приспособлен к органам восприятия человека (и к органам его мышления и принятия решений) значительно лучше реальности. Более того: влияние последней на человека осуществляется и почти всегда осознается им не прямо, а через воздействие со стороны «информационного мира», который становится абсолютным, монопольным посредником между человеком и реальностью.

В результате «информационный мир» влияет на поведение человека более непосредственно, чем физический.

Информационная революция привела к тому, что индивид стал реагировать на «информационный мир», то есть

71. Классические обитатели этого мира – популяризаторы и вообще люди, работающие с информацией, а также расплодившиеся, особенно в науке, компиляторы, которые не изучают сам предмет исследования, а работают лишь с мнениями его непосредственных исследователей (или, чаще, других популяризаторов и компиляторов).

на накопленное и частично переработанное человечеством восприятие физического мира, сильнее, чем на сам этот мир, в который он непосредственно погружен и в котором он физически живет.

Конечно, эти миры близки. Но они даже не могут быть тождественными, так как любая передача сигнала (а тем более мнения о нем) искажает его, пусть и незначительно. А рост количества информации и сгущение «информационного облака», являющееся неотъемлемой чертой информационной революции, все более отдаляет эти миры друг от друга. **Человек** эпохи информационной революции **живет в физическом мире, но действует на основе представлений «информационного мира», которые все более отдаляются от мира физического**.

Этот нарастающий разрыв между представлениями (а значит, и мотивацией) и реальностью порождает ошибки, масштаб и разрушительность которых также растут. Конечно, исправление ошибок сокращает этот разрыв, приближая мотивации и поведение к реальности, но приближение это всякий раз носит вынужденный (ибо человеку комфортней в адаптированном к нему «информационном» мире, чем в физическом), частичный и временный характер.

Увеличение масштабов управляющих систем и создание обществом разнообразных «резервов прочности»[72] позволяет скрывать и в итоге оставлять безнаказанными ошибки все большего масштаба. С другой стороны, исправление ошибок все чаще происходит стихийно и не осознается управляющими системами, остающимися во власти порождающих указанные ошибки предрассудков[73].

---

72. Вплоть до лишения возможности влиять на принятие решений наиболее слабых социальных слоев и наименее развитых обществ, наиболее страдающих от совершаемых ошибок, – как из-за своей слабости, так и в результате сознательного перекладывания на них как на наименее влиятельных участников регулируемых взаимодействий основной части рисков при принятии решений. Это один из существенных технологических факторов вырождения демократии (см. главу 5).
73. Череду ярчайших примеров исправления ошибок без их осознания дает практика управления, в первого очередь государственного (как наиболее публичного).

Таким образом, **информационная революция способствует снижению эффективности и адекватности человеческого сознания. Человек** действительно **создал мир, слишком сложный для себя. Превышая физические границы индивидуального восприятия** (а следовательно, и возможности его познания)**, информационная революция делает мир все менее познаваемым для индивида, загоняя его в** «информационный тупик»**, в кризис индивидуального сознания, утрачивающего способность справляться с растущим количеством информации.** ***В этом причина растущей идеологизации: столкнувшись с ослаблением своих возможностей по познанию мира, сознание находит стихийный выход в фиксации незыблемых принципов – ценностных идеологем.***

Из «информационного тупика» ведут четыре пути:

- гибель человечества в его современном понимании, погребенного под горами неосознанной информации *(радикализм этого сценария напоминает прогноз середины XIX века о гибели городов, погребенных под толщей конского навоза из-за, выражаясь современным языком, интенсификации транспортных коммуникаций)*;

Так, в России последствия финансовой катастрофы августа 1998 года были преодолены усилиями правительства Е.М. Примакова – Ю.Д. Маслюкова и Центробанка В.В.Геращенко при титанических (и в целом успешных) усилиях политического руководства государства, направленных на недопущение осознания обществом порождения этой катастрофы либеральной социально-экономической политикой 1995-1998 годов.

Другой убедительный пример дают США, где после краха «доткомов» в марте 2000 шла борьба с рецессией, увенчавшаяся терактами 11 сентября 2001 года. Мобилизация общества и резкий рост расходов под предлогом «борьбы с терроризмом» (за 10 лет после терактов только военные расходы выросли более чем вдвое, а среднегодовые госрасходы по данным МВФ составили 39,7% ВВП – против 32,3% в 2001) за 2002 год прекратили фондовый спад и с апреля 2003 обеспечили рост фондовых рынков, почти непрерывный до октября 2007 года, когда его прервал кризис ипотечных ценных бумаг (см. параграф 16.6.1); индекс Доу-Джонса за эти 4,5 года вырос в 1,9 раза.

- разрушение «информационного мира» резким замедлением роста количества информации, а возможно, и его сокращением (что не принципиально отличается от первого сценария);
- ускорение биологической, технической и социальной эволюции человека, позволяющее ему обрабатывать больше информации: на биологическом уровне за счет роста возможностей мозга, на техническом – за счет новых систем обработки информации, на социальном – за счет управления потоками информации, при котором каждый узнает только важное для себя (это паллиатив, так как каждый из описанных видов эволюции, как и любое изменение, сам ускоряет увеличение количества **информации**, которая **растет быстрее любой эволюции** и, таким образом, вновь упирается в количественные ограничения даже после их серьезного расширения);
- стихийное делегирование части функций управления развитием человечества от индивидуальных сознаний на более высокий надличностный уровень, объединяющий коллективы и общества, а возможно – и человечество в целом.

Первые два пути – крах современного человечества. Третий не показывает выход из «информационного тупика», лишь отдаляя потребность его нахождения, и только четвертый подразумевает решение проблемы – приданием эволюции «ментального» измерения.

При всей экзотичности это единственный ответ на вопрос о выходе из «информационного тупика». Отсутствие революционных потрясений позволяет максимально использовать накопленные достижения, не отрицая их, но лишь обогащая при помощи придания прогрессу качественно нового измерения.

Изложенное представляет собой доказательство фундаментальной теоремы теории глобализации[74] – **теоремы об эволюции человеческого сознания**:

74. Да и теории информации тоже.

Необходимое условие сохранения человечества в условиях **информационной революции[75] – формирование надличностного сознания, объемлющего собой сознания индивидуальные.**

Данная теорема отнюдь не подразумевает и тем более не доказывает необходимость или тем более существование бога.

Коллективное, а точнее, надличностные сознания (их может быть много и они могут быть разноуровневыми) имеют ряд общих черт с традиционным толкованием понятия «бог»[76]. Так, они:

- *занимают положение высших по отношению к индивиду сил;*
- *являются для него если и не принципиально непостижимыми, то, по крайней мере, непосредственно не наблюдаемыми;*
- *оказывают на повседневную жизнь человека и всего человечества значительное и в целом благотворное влияние.*

Однако надличностные сознания – порождение, а в определенном смысле и совокупность индивидуальных человеческих сознаний. Это значит, что они вторичны по отношению к человеку и являются его порождениями, а не творцами, что достаточно для отказа от обсуждения божественных аллюзий.

---

75. И с неизбежностью порождаемой ей глобализации.
76. С точки зрения повышения эффективности общественного развития понятие бога имеет право на существование исключительно как этическая категория, а религия – как психотерапевтический инструмент (и в этом качестве они, – по крайней мере, в условиях кризисов и низкого уровня развития общества – жизненно необходимы, в чем убедилась даже атеистическая Советская власть в ходе Великой Отечественной войны). Стоит отметить, что во время написания известной фразы «Религия – опиум народа» он воспринимался как болеутоляющее, а не как наркотик; соответственно, она означала «Религия – дешевое, доступное народу болеутоляющее». Маркс [212] заимствовал ее у идеолога христианского социализма англиканского священника Ч.Кингсли: «Мы использовали Библию, … как дозу опиума, успокаивающего перегруженное вьючное животное, – чтобы поддерживать порядок среди бедных» [64].

Другим следствием вторичности надличностных сознаний является ограниченность сферы их деятельности человечеством и его взаимодействием с физическим миром. Эта ограниченность предопределяет их не повсеместный и, соответственно, не всемогущий, а значит – и не божественный характер.

* * *

Итак, информационные технологии увеличивают количество информации ее прямым порождением без участия физического мира. Порожденные человеком, эти технологии находятся вне его и являются частью, хотя и рукотворной, окружающего его мира, – частью «второй», технологической природы. Их развитие влечет за собой расширение и усложнение наблюдаемого человеком мира за счет его особой, «технологической» части.

Их отличие от обычных технологий, которые изменяют окружающий человека мир (*“high-tech”*), заключается в направленности на изменение самого человека и человечества (такие технологии, как указано в параграфе 4.2 введения, «симметрично» именуются *“high-hume”*). Информационные технологии изменяют человечество в первую очередь при помощи кардинального расширения «информационного мира», находящегося между человеком и физическим миром. «Сгущение» «информационного мира» размывает границы человечества и одновременно создает своего рода «спайку», соединяющую человечество и «окружающую среду» в единую ноосферу.

Усложняя мир, информационные технологии снижают его познаваемость индивидуальным сознанием. Человек все больше воспринимает информационный мир, живя в физическом. В результате он все больше реагирует не на тот мир, в котором живет, утрачивая критерий истины.

Снижая адекватность индивида, информационные технологии создают потребность в новом, надличностном сознании, способном адекватно воспринимать усложняющийся мир.

Для индивида это слабое утешение. После того, как мы выявили причины снижения его адекватности, пора рассмотреть конкретные проявления этого снижения. Иначе нельзя прочувствовать, насколько туго приходится индивидуальному сознанию в волнах информационной революции и порождаемой ею глобализации.

1.2. Ловушки коммуникаций

В отсутствие великой цели неограниченные возможности лишь подчеркивают нищету желаний.

Люди, избравшие своей карьерой информацию, …часто не располагают ничем, что они могли бы сообщить другим.

(Норберт Винер)

Несмотря на глубину и масштаб изменений, порождаемых информационной революцией, на практике она сводится к простым и понятным явлениям: упрощению коммуникаций при повышении их интенсивности и разнообразия.

Вызванный этим упрощением и длящийся по сей день «информационный взрыв» резко контрастирует со средствами переработки и тем более восприятия информации. Сформированные в эпоху качественно меньшего объема информации и качественно более медленного его нарастания, они не изменились принципиально и вот уже на протяжении более чем жизни целого поколения не соответствуют новым (правда, быстро растущим) потребностям. Попытки развития на их заведомо устаревшей базе – мучительный поиск изначально сомнительного компромисса между объективными требованиями радикально изменившегося внешнего мира и косностью как социальных традиций, так и организационных конструкций.

Фундаментальное следствие информационной революции – возникновение и **обострение противоречия между ростом важности упорядочивания информации и технологической ограниченностью возможностей этого упорядочивания**. Информационные технологии увеличивают сложность воспринимаемой нами части мира чрезмерно по сравнению с знаниями. Масштабы восприятия устойчиво превышают возможности осознания, и **обычные способы познания (прежде всего, логическое мышление) начинают давать систематические сбои**.

Первое следствие расширения кругозора за пределы, доступные здравому смыслу, – **фрагментарность анализа**: «перестав видеть за деревьями лес, ученые решают проблему переходом к изучению отдельных листьев» [178]. Беда в том, что при этом они продолжают уверенно судить о лесе в целом.

Рассматривая логические цепочки, жертвы фрагментарного подхода не соотносят их друг с другом и с действительностью. Формально их построения безупречны, но, когда они с самого начала не «ухватили суть» рассматриваемого явления, а сосредоточились на его второстепенных чертах, несущественность исходных фактов делает ложным весь анализ.

Другая стандартная ошибка – **забвение количественных критериев** и сосредоточение на качественном анализе.

Жизнь похожа на химическую реакцию: часто в ней одновременно идут не просто разно-, но противоположно направленные процессы, и лишь количественный анализ показывает, какая из формально логичных реакций доминирует на деле. Ограничиваясь в силу лени, нехватки данных или неумения их интерпретировать только качественным анализом, аналитик лишает себя критерия истины и теряет возможность выяснить степень соответствия своих построений реальности (правда, к выяснению этой степени – вероятно, в силу могучего инстинкта самосохранения, – стремятся далеко не все аналитики).

Куда может завести невнимание к количественному анализу, показывает анализ последствий смягчения финансовой политики для курса рубля, излагавшийся рядом уважаемых и по сей день экономистов еще в 1994 году, на третьем году существования в России организованного валютного рынка.

По их мнению, смягчение финансовой политики улучшит положение страдавшего от ее чрезмерной жесткости реального сектора, который начнет развиваться и предъявит новый спрос на деньги, который оттянет их часть с валютного рынка. Рублевый спрос на валюту уменьшится, что при сохранении неизменного уровня валютного предложения укрепит рубль.

Таким образом, в соответствии с формально логичными построениями, смягчение финансовой политики без ограничения спекуляций, «при прочих равных условиях» должно было привести не к ослаблению, но, напротив, к укреплению рубля!

Этот анализ одновременно фрагментарен и ограничен качественными аспектами. Оставаясь в его рамках и не делая «шаг в сторону» (в виде сопоставления доходности реального сектора и валютных операций, определяющего доминирующее направление перетока дополнительной рублевой массы), раскрыть его очевидную для практика абсурдность затруднительно.

Одна из компенсаторных реакций, вызываемых расширением восприятия за пределы возможного осмысления – придание гипертрофированного значения мнениям авторитетов и рост склонности к внелогическим интуитивным решениям, «озарениям» (или, как модно говорить с середины «нулевых», «инсайтам»), апеллирующим не к логике, а к психологии принимающего решение лица.

«Сотворение кумира» в виде эксперта или «экспертного сообщества» – признак переориентации принимающего решение с реальности на посторонние мнения. Он игнорирует то, что эксперты обычно погружены в интересующую его реальность меньше, чем он сам: для жаждущего совета экс-

пертное сообщество оторвано от интересующей его части реальности[77].

Поэтому суждения экспертов обычно не полностью соответствуют условиям, в которых действует управляющий субъект и по поводу которых он обращается к ним, что делает их советы двусмысленными[78] или неадекватными. Важно и то, что для экспертов их клиент является посторонним, и они заинтересованы в решении его проблем меньше его самого[79].

Чрезмерно полагающийся на экспертов и перекладывающий на них бремя своих решений становится еще одним живым (а при серьезных проблемах – и мертвым) подтверждением правоты библейской заповеди о недопустимости сотворения кумира. «Ни мраморного, ни железного», ни, добавим с высоты накопленного за тысячелетия опыта, экспертного.

Другая компенсаторная реакция сознания на беспомощность перед растущим объемом информации – **отказ от логики в пользу интуиции**. Это в целом верный ответ организма (индивида, организации или общества[80]) на снижение эффективности логики как инструмента познания (см. параграф 1.3). Этот отказ многопланов, непоследователен и лишь начинается.

---

77. Преимущество эксперта – именно в возможной (но не обязательной!) свежести восприятия, оригинальности подхода и широте кругозора, а отнюдь не в большем, чем у обратившегося к нему, понимании его проблем и уж тем более не в знании некоей окончательной истины.
78. Классические примеры такого рода «всегда правых» экспертов – дельфийский оракул и разного рода гадалки.
79. Позицию экспертного сообщества иллюстрирует ставший апокрифом анекдот. Хозяйка кастрировала кота, который пропадал на крышах и страшно орал там, не давая никому спать, но кот, едва оправившись, снова удрал на крышу и снова не давал спать всему дому. Когда утром хозяйка спросила довольного кота, что же он теперь делает на крыше, тот ответил: «Консультирую!»
80. Кажется, не должно раздражать то, что автор говорит об организациях, обществах и самом человечестве как о живых организмах.
Это ведь правда: так или иначе, но мы все действительно живые.
И, если мы должны проявлять посильное понимание к живым существам другой национальности или другого биологического вида, то что позволяет нам исключать из этого подхода живые существа другой внутренней структуры? В том числе те, в которые мы сами входим в качестве клеток или (раздуваясь от гордости) целых органов?

Болезненность **противоречия между ростом объема коммуникаций и ограниченностью способностей их упорядочивания** усугубляется подменой цели средством. Происходит «затягивание в коммуникации»: они осуществляются сами ради себя, а не ради достижения некоего реального результата.

Превращение получения новой информации в самоцель облегчается присущим человеку[81] «инстинктом любопытства»; коммуникация, утрачивая содержательные цели, превращается в средство удовлетворения неограниченной любознательности.

Становясь бесцельным и потому хаотичным, **познание теряет свою сущность и вырождается в коммуникацию ради коммуникации**, – бесплодность которой ее участники пытаются компенсировать рефлекторным нарастанием ее интенсивности.

Главным становится узнать новость первым и распространить ее безотносительно к тому, верна она или нет, разрушительна или созидательна. **Коммуникация – такой же категорический императив информационного мира**, **каким была** – и в основном еще и является – **прибыль для мира рыночного**.

В конкуренции побеждает тот, кто первым реализовал, а не тот, кто первым получил **информацию**. Из-за растущего влияния ожиданий (в терминах предыдущего параграфа – «информационного мира») значение адекватности передаваемой информации снижается: даже при ее ложности вы успеваете первым отреагировать на реакцию на нее (например, фондового рынка) и зафиксировать свою выгоду до того, как выяснится ее правильность или ошибочность.

Абсолютизация коммуникативных мотиваций, это следствие информационной революции, приносит победу действующему, а не знающему[82], сплетнику, а не исследова-

81. А также крысе, свинье и некоторым другим симпатичным и относительно разумным животным.
82. Ничего страшного, если действующий будет еще и знающим; важно, чтобы сомнение – непременный спутник знания – не мешало ему действовать.

телю. Поэтому вопиющая ограниченность, а часто и безграмотность «экспертов», – например, фондовых аналитиков (способных публично вещать о фондовой бирже Северной Кореи и обещать представить динамику котировок), – не должна восприниматься как вызов здравому смыслу: они специалисты в «информационном», а не физическом мире, в среде ожиданий, а не в реальности, в области коммуникации, а не познания. *Объективно обусловленная недооценка этого обеспечивает уязвимость систем управления для атак энтузиастов-одиночек. Возможно, эта уязвимость фундаментальна и сохраняет гибкость и адаптивность общества, которое иначе закоснело бы в непробиваемой броне неповоротливых организаций.*

«Ловушка неограниченных коммуникаций» проявляется в **снижении важности познания за счет роста значения коммуникаций**. Нереализованное знание не только мертво, но и лишено возможности проверки своей адекватности (единственным технологичным критерием истины остается практика). Перекос в пользу коммуникаций в ущерб познанию подрывает не только конкурентоспособность отдельных обществ, но и перспективы всего человечества.

Кроме того, абсолютизация коммуникационных мотиваций в сочетании с распространением технологий формирования сознания **делает ненужным процесс убеждения**.

Зачем доказывать свою правоту, затрудняя себя поиском аргументов и противостоя аргументации оппонента, когда можно создать вокруг него информационную среду, в которой вся доступная ему информация будет свидетельствовать в вашу пользу[83]? Зачем убеждать, когда можно зомбировать?

83. Впечатляющую, хотя и идеализированную картину «формирования заданного информационного поля» дает В.Резун: «Массовый загон! Десятки шпионов против одной жертвы. Жертва чувствует, что акулы со всех сторон, что путей отхода нет… кричит и мечется, всюду нарываясь на варягов и борзых… Своих ребят мы и в полицейскую форму нарядить можем. Полиция спасла бы его и посоветовала кончать с собой или соглашаться на предложение ГРУ… Несчастный может звонить во все мыслимые адреса, но везде получит один ответ» [289].

Отражение этого правила – снижение и даже **утрата важности критического осмысления**. Для субъекта информационного воздействия всякое сомнение в своей правоте контрпродуктивно: оно замедляет коммуникацию за счет познания, а оппонента не нужно больше убеждать. Для объекта же информационного воздействия критическое осмысление навязываемой ему парадигмы почти недоступно. И все это происходит в условиях, когда информационное воздействие (грубо говоря, формирование сознания) носит хаотический и всеобщий характер: каждый является одновременно и объектом, и субъектом бесчисленных воздействий.

В результате (и мы, хотим того или нет, – и участники, и жертвы этого процесса) общество отвыкает от критического осмысления в пользу инстинктивного восприятия или, наоборот, отторжения пропаганды[84], которая становится основным содержанием информационного обмена. Ее стихийное восприятие или отторжение, становясь все менее логичным, становится все более эмоциональным.

Таким образом, информационная революция **не только затрудняет познание** переизбытком информации, **но и делает его неэффективным** в качестве инструмента достижения локальных жизненных целей.

Логика и соображения здравого смысла уступают свое влияние эмоциям[85], в том числе конструируемым и провоцируемым. *Этот неутешительный процесс иллюстрирует переход развитой части человечества от «мужской» логики к «женской» – от логического мышления к эвристическому.*

---

84. Сегодня используется более мягкое понятие – *public relations*. Его научный смысл действительно несколько отличается от смысла понятия «пропаганда», но это вызвано не содержательными, а технологическими различиями. Понятие «пропаганда» связано с государственными технологиями первой половины XX века, «реклама» – с более эффективными коммерческими технологиями, достигшими расцвета в 50-80-е годы, а *public relations* – с наиболее эффективными технологиями эпохи глобализации, остающимися вершиной эволюции технологий формирования сознания.
85. Отступление логики как основного инструмента взаимодействия человека, организации и человечества с окружающим миром перед индивидуальными и коллективными эмоциями делает психологию ключевой частью управления.

Как будет показано в параграфе 3.1, он во многом вызван ростом доли и значимости творческого труда по сравнению с рутинным трудом.

При рассмотрении отдельных профессиональных и иных сообществ – «человеческих островов в море информации» – возникает ощущение, что из-за утраты критического подхода они превращаются в сборища убеждающих сами себя сплетников.

Вброшенная в них информация ретранслируется и, при соответствии их интересам, становится доминирующей. При этом она начинает жить своей жизнью, становясь важным фактором влияния, даже когда ее ложность легко опровергнуть. *Особенно забавно наблюдать в таких сообществах эффект «испорченного телефона». Бескорыстная передача бескорыстно же извращенной информации (хотя на практике доминируют менее благородные мотивации), убеждающей широкие слои «специалистов» и влияющая на их поведение, – что может быть более яркой иллюстрацией коммуникативных ловушек современности!*

* * *

Концентрированное описание снижения эффективности коммуникации из-за взрывного роста ее масштабов удручает и порой вызывает искреннюю обиду, обвинения в клевете, а то и отчаянные попытки исправить «отдельные недостатки в использовании великолепных систем передачи информации».

Но описанные проблемы – не только неустранимые, технологически обусловленные особенности современного этапа развития человечества, но и привычные явления, вошедшие в плоть и кровь всех развитых обществ. Это среда, в которой мы живем и к которой должны адаптироваться, если хотим достигать целей. Сколь угодно последовательное отрицание реальности не только не уничтожает, но даже и не исправляет ее.

1.3. Эволюция индивидуального сознания: утрата логики

Повсеместное **применение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением**, основанным не на последовательных логических умозаключениях, а на озарениях, на мышлении не последовательно вытекающими один из другого тезисами, но отдельными образами, появление которых современный человек (возможно, лишь пока) не в силах контролировать.

Компьютер сам по себе (без учета шлейфа информационных технологий, делающих его узлом социальной инфраструктуры) – овеществленная формальная логика. Он качественно упрощает все аналитические процессы. Под неумолимым давлением конкуренции компьютер берет на себя всю часть мышления, связанную с применением алгоритмизируемой формальной логики, – при том, что его вычислительные возможности заведомо выше человеческих, и он доводит логическое мышление до совершенства, объективно недоступного обычному человеку.

Поэтому, как только биологизация интерфейса позволит нам задавать компьютеру вопросы так же свободно, и непринужденно, как и друг другу *(а задавать вопросы мы уже имеем возможность, – главное не слушать ответов еще несовершенного компьютера)*, логика станет второстепенным механическим инструментом, который ждет участь арифметики. *(Для решения задач этой бывшей «царицы наук» пользуются не правилами, часто сложными, а калькуляторами. Поколение нынешних пятидесятилетних еще застало время, когда учителя в школах запрещали их использование, чтобы школьники сами научились умножать и делить «в столбик». Но это не такое уж и простое умение не востребовано: арифметические функции значительно лучше человека выполня-*

ет калькулятор, а человеку остается лишь правильно сформулировать задачу).

Точно так же, как калькулятор убил арифметику как предмет изучения и поле для конкуренции, компьютер уже в обозримом будущем покончит с формальной логикой.

Эпитафия изобретателю гласит: «Бог создал людей, а Кольт сделал их равными». **Интернет,** как когда-то револьвер Кольта, тоже **уравнял людей**: уже не по их физическим силам, но **по доступу к** неструктурированной и непроверенной **информации. Скоро персональный компьютер уравняет их и по возможности использования логических операций.**

Это будет означать концентрацию усилий человека на недоступной компьютеру компоненте мышления, в которой сохранится исключительная «человеческая монополия» – мышлении внелогическом, образном (в том числе творческом или мистическом). Соответственно, и **конкуренция людей будет вестись на основе внелогического, образного мышления**.

Наибольшего успеха в конкуренции – как внутри обществ, так и в глобальном масштабе, – будут достигать склонные к такому мышлению люди и коллективы, в которых они будут играть наиболее значимую роль.

Учитывая разницу между мужским, склонным к формальной логике, и женским, оперирующим образами и склонным к интуиции и озарениям, типам интеллекта (ее выражает афоризм «мужчина узнает, женщина знает»), развитие компьютерных технологий может вернуть нас в подобие матриархата. Вероятный предвестник этого – растущее (даже в не слишком демократических обществах) число занимающих руководящие посты женщин, вызывающих остервенение мужчин спецификой своей логики, во все большем числе случаев более эффективной.

В Китае длительный контроль за рождаемостью (принцип «одна семья – один ребенок, действовал в городах с 1979 до конца 2015 года) в условиях традиционного предпочтения сына, а не дочери привел к резкому росту доли рождающихся

мальчиков. Это не только повышает агрессивность общества (что должно заботить его соседей), но и увеличивает роль женщины как «более редкого ресурса», создавая предпосылки для возникновения, в том числе и в управлении, признаков матриархата (несмотря на все традиции).

Итак, научно-техническая революция сделала наиболее важным не рутинный, но творческий труд. Масштабное применение компьютерных технологий еще до начала вызванной ими информационной революции создало предпосылки для изменения сути и механизмов индивидуального сознания. Компьютер начал завершаемое информационной революцией изменение соотношения между логическим сознанием, опирающимся на вторую сигнальную систему, и сознанием эвристическим, творческим, опирающимся на непосредственно чувственное восприятие (в том числе вербальных сигналов) и образное, а не формально-логическое мышление.

Человеческое мышление вытесняется в не формализуемую и потому недоступную логическим устройствам, включая компьютеры, сферу творчества. Основной инструмент последнего – интуитивные озарения, которые можно считать формой непосредственного и не осознаваемого восприятия мира.

Природу творчества, в которое человек выталкивается инициируемым им техническим прогрессом, можно объяснить тем, что человеческий мозг перерабатывает информацию не только сознательно, на основе логики, но и бессознательно, внелогически. При этом он опирается не на слова, являющиеся инструментом логики и результатом многоуровневого абстрагирования, то есть упрощения («понять – значит упростить»), но на эффективную систему образов, воспринимаемых и обрабатываемых подсознанием.

Ее большая по сравнению с традиционной вербально-логической системой эффективность вызвана большей сложностью: меньшим уровнем абстрагирования и, соответственно, меньшим объемом отбрасываемой информации. Эвристическое, образное мышление работает с более

полными и потому лучше отражающими реальность моделями, чем традиционное логическое мышление, и требует большей «мощности» мозга по сравнению с традиционным мышлением на основе упрощенных логических конструкций – слов.

Это дает конкурентное преимущество культурам, использующим иероглифы, то есть оперирующим образами, а не словами, и показывает ошибочность их частичного перехода на алфавит: тактическое удобство сотрудничества с Западом куплено отказом, пусть частичным, от стратегического преимущества, – незадолго до того, как оно начало становиться значимым. Такова часто несознаваемая, но абсолютная ценность культуры.

Компьютер, вытесняя сознание в сферу интуитивного творчества, принуждает его к ускоренному эволюционированию, повышению эффективности в новых, менее комфортных условиях. *В этом отношении он выступает таким же, хотя и более гуманным стимулом ускорения эволюции, как ледниковый период[86]. Тот тоже вынудил человечество мобилизовать резервы и, повысив технический уровень орудий труда, увеличить свою эффективность.*

Для раскрытия механизма интуитивного, бессознательного мышления, пока еще только подпрыгивающего над костылями логики, можно предположить высокую устойчивость однажды возникшей информации, которая, по крайней мере, частично сохраняется, образуя поддающееся восприятию так называемое «информационное поле» (см. также параграф 1.1).

С этой точки зрения творчество – не только создание индивидом новой информации на основе переработки уже имеющейся у него, но и «подключение» его к этому «информационному полю», воспринимаемое как внелогическое «творческое озарение». Это резко повышает возможности

86. Характерно, что в роли внешнего ускорителя эволюции человека в современных условиях выступает уже не обычная, а «вторая», созданная человеком природа, – его технологическое окружение или, как иногда говорят, «техносфера», и все в большей степени «третья природа» – социальная инфраструктура (см. раздел 4.5 введения).

индивидуального сознания как по объему воспринимаемой информации, так и по скорости ее обработки. *(Вероятно, и при создании новой информации, и при «подключении» к информационному полю ключевую роль играет эмоциональность – см. сноску 103 на стр.149).*

«Информационное поле» – прообраз «сетевого» или «распределенного» компьютера, память которого и важнейшая часть инструментов ее обработки находятся в аналоге Всемирной сети (возможно, протяженной не только в пространстве, но и во времени). Потенциальный же пользователь располагает инструментами доступа к ней и в исключительные моменты обретает, – обычно неосознанно, – возможность пользования ими.

Пример 15

Исключительная функция музыки как инструмента управления

Подобие «информационного поля», несущего информацию и позволяющего воспринимать ее невербально, дают дизайн и музыка, точнее – превращение пространства в объект искусства (например, созданием городской среды) и музыка как фон. «Музыка стоит между нами и реальностью как… фильтр, сквозь который внешняя жизнь пробивается только в облагороженной, ритмизованной форме…

…Самому абстрактному из искусств досталась абсолютная власть над душами. Но в этой абстракции и кроется причина ее глобальности. Звуки, организованные в музыку, выражают не мысли, а эмоции… Музыка позволяет общаться на внезнаковом уровне – напрямую. Она, как телепатия, не расчленяет передаваемое сообщение на слова-знаки, а передает их в непосредственной форме…

Только музыка способна объединить миллионы, …потому что… **проникает в сознание… минуя его**. **Людям уже не нужно постигать истину** в …диалоге. **Они получают ее в готовом виде, в едином, всеобщем эмоциональном порыве** (выделено М.Д.).

…Знаменитый этнограф Клод Леви-Стросс писал: «Музыка сохранила целостное отражение мира, свойственное мифу».

…Современная музыкальная цивилизация пытается отречься от анализа реальности, заменяя его синтезом. Миф отвечал сразу на все вопросы… Живя в мифологизированном мире, человек наслаждается комфортом предрешенности. Ему не нужно принимать решения. Надо только раствориться в мифе, слиться с ним…

Индивидуальность… освобождается от мучений, которые приносит личная ответственность. В мире, где правит миф, легче быть счастливым.

Именно такую роль «всеобщего объяснителя» и играет сегодня музыка» [108].

В рамках данной гипотезы эволюция индивидуального сознания ведет его при помощи компьютерных технологий к формированию сознания коллективного, надиндивидуального (см. раздел 1 предисловия и главу 3). Последнее даже без учета компьютерных сетей постепенно объединит в единый эмоционально-интеллекту-альный контур (так как физические организмы будут разными) если не все человечество, то его наиболее творческую и при этом «информатизированную» часть.

Проявления движения к формированию такого коллективного сознания уже заметны – правда, пока не за счет «подключения» творческих работников к общему «информационному полю» (что не заметно для внешнего наблюдателя). Пока формирование коллективного сознания ощущается на более низко организованном и технологически примитивном уровне, не требующего появления современных технологий, – на уровне отдельных организаций, представляющих собой бюрократические организмы, объединяющие и отчасти перерабатывающие отдельные индивидуальные сознания[87]. Вероятно, этот процесс идет и на уровне обществ.

87. Впервые проявления коллективного сознания, насколько можно понять, были проанализированы (на примере поведения управляющих структур в конкретных макроэкономических ситуациях) в [159].

С другой стороны, потребностям рутинного труда, игравшего ключевую роль на протяжении всей истории, соответствовало относительно простое, алгоритмизируемое логическое мышление, которое за счет высокой степени абстрагирования соответствовало возможностям индивидуального сознания.

Творческий же труд требует более сложного эвристического мышления, оперирующего целостными образами, а не упрощенными логическими конструкциями (словами). Этим он предъявляет более высокие требования к «мощности» сознания, которые, похоже, превосходят возможности большинства индивидуальных сознаний, и стимулирует формирование надличностного, коллективного сознания, которое по исторической традиции можно было бы назвать «сознанием нового типа» (см. параграф 3.5).

1.4. Подрыв коммуникативной среды

Снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, базирующегося на образах (это касается и творческого, и мистического его типов), уже создает ощутимые общественные проблемы. В силу своей парадоксальности для нашего в основном пока еще логического сознания они обычно воспринимаются не как базовые закономерности, а как случайные досадные флуктуации, – и потому не анализируются должным образом.

Очевидные, нарастающие даже в единой культурной среде проблемы с коммуникациями – закономерные, а отнюдь не случайные и сами собой преходящие явления. Причина проста: **внелогическое мышление не имеет** того единого, **универсального языка** для взаимодействия разных типов сознания, которое дает логика. **Оно оперирует образами, а образы у каждого свои.**

Это нарушение настолько привычной для нас, что мы не осознаем ее как нечто отличное от самих себя, коммуни-

кативной среды особенно значимо с учетом того исключительного значения, которое играет язык для формирования и развития личности, а единый общественный язык – для ее социализации. Исчезновение единого универсального языка может привести через некоторое время и к распаду основанной на нем второй сигнальной системы, что может иметь последствия не только для облика и образа действия, но даже и для самого существования человечества как такового.

В этом случае человек может вернуться к свойственному животным регулированию своей деятельности преимущественно железами внутренней секреции и вырабатываемыми ими гормонами[88]*. Индивидуальный разум, освобожденный от логики, в современном понимании при этом исчезнет и если и сохранится, то лишь как элемент коллективного разума, – вероятно, утратив индивидуальное самосознание. Хотя нельзя исключить ни сохранения второй сигнальной системы даже в условиях распада общей коммуникативной среды, ни создания человеком системы прямого обмена образами, в том числе и универсальными, минуя воплощенные в словах костыли логических абстракций, с переориентацией второй сигнальной системы со слов на эти образы (что может быть достигнуто, например, прямым подключением к Интернету при помощи мозговых имплантов).*

Пока же мы испытываем более поверхностные изменения, по-прежнему не сознавая их закономерный характер.

---

88. «…При снижении нейральной активности головного мозга вследствие болезней, старения или общей изношенности организма …происходит относительное усиление механизмов гормональной регуляции… Происходит постепенная деградация …мозга и его… «возвращение» к эволюционно исходному состоянию эндокринного органа, что означает когнитивную, а затем и эмоциональную инволюцию человека… …Нейронаука обратила внимание на феномен физиологического «срастания» гормонально-иммунной и нейропсихической систем… Когда система нейрорегуляции в силу… снижающих иммунитет факторов не срабатывает, воздействие окружающей среды реализуется более древней и потому более устойчивой, требующей гораздо меньшей энергетической подпитки подкоркой. Имитационное поведение, массовая паника… и иные виды психических эпидемий, обусловленные гормональными импульсами…, подчас… парализуют высшие функции мозга… В результате гипертрофированно активизируются выходящие из-под контроля …подкорка и регулируемая ею гормональная сфера» [79].

1.5. Деградация индивидуального сознания: новая личность для новых технологий

Распространение информационных технологий, преобразуя повседневную жизнь человека, меняет и его повседневный жизненный опыт, формирующий саму его личность.

Главным дефицитом эпохи для бизнеса становится внимание пользователя[89], а для пользователя – эмоции (см. подробней параграф 6.5.); строго говоря, люди стремятся уже к получению не столько тех или иных благ, сколько эмоций. Сущностью современного информационного взаимодействия (в условиях доминирования информационных технологий наиболее распространенного) является обмен внимания пользователя на получаемые им эмоции. **Содержательная деятельность по изменению реального мира** как таковая в этих условиях **перестает быть** главной ценностью и **главным по значимости для развития человечества фактором, уступая место деятельности сначала** (в 90-х и в первой половине «нулевых» годов) **по изменению человеческого сознания, а с конца «нулевых» – уже по непосредственному производству эмоций.**

Это изменение человеческой деятельности глубоко меняет личность человека, – в первую очередь, разумеется, молодежи, формирующейся уже целиком в новых условиях *(личности старшего поколения, сформировавшиеся в индустриальную эпоху или на ранних этапах информационной революции, в условиях формирования сознания, а не производства эмоций, лишь корректируются ими).*

Главное – формирование личности не относительно глубокими переживаниями, связанными с непосредственно прожитыми событиями собственной жизни, а переживаниями достаточно поверхностными, связанными с потреблением

89. Конкуренция за внимание стремительно ужесточается. Так, в середине «нулевых» годов среднее время пребывания на Интернет-ресурсе превышало 3,5 минуты, а в середине 10-х составило уже лишь 17 секунд [191].

готовых эмоций, предоставленных соцсетями и платформами. Оказалось, что даже переживания, связанные с традиционными формами искусства (книги, живопись, театр и кино), вызывают более глубокие и устойчивые чувства, чем порождаемые социальными сетями и медиа, – и, соответственно, формируют более глубокие и устойчивые психологические структуры личности (взгляды, убеждения, ценности).

Создаваемая информационными технологиями личность отличается от традиционной, как правило, отсутствием жесткой структуры (глубоких убеждений, устоявшейся системы ценностей) и пластичностью, способностью легко менять свои взгляды и пристрастия в зависимости от сравнительно слабых внешних раздражителей и информационных сигналов, испытывать от этого удовольствие и даже часто не замечать происходящих с собой изменений.

Прямое, хаотичное и без усилий (которые и формируют устойчивые структуры личности) потребление эмоций из сети делает современную информатизированную личность не только пластичной, но и мозаичной: способной одновременно испытывать разные чувства и давать противоположные оценки одним и тем же событиям. Мозаичность личности, дополняемая мозаичностью (то есть разорванностью) восприятия и составляемой на основе этого восприятия картины мира, позволяет избегать дискомфортных состояний при помощи устойчивых операторов аутотренинга вроде «и вы тоже правы», «и это тоже имеет право на существование». Одновременное принятие несовместимых ценностных установок, обычное и нормальное для такой личности, означает отказ от каких бы то ни было ценностей ради главной и остающейся единственной, вытесняющей все остальные, – личного комфорта (см. пример 11) [90].

---

90. Мозаичность личности осознается и пропагандируется в качестве ценности современными либеральными мыслителями Запада. Так, в докладе Римскому клубу к его 50-летию «Come on! [здесь «Вперед!» – М.Д.] Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» «в качестве «анахронизма» и даже источника конфликтов… преподносятся содержащиеся в авраамических религиях моральные императивы и ценности, не допускающие одновременной правоты проти-

Одновременное сосуществование разных оценок одних и тех же явлений может переводить мозаичность личности в качественно иное состояние ее множественности: фактическому сосуществованию в одном теле разных личностей с разными взглядами, психиками и нормами, переключение между которыми происходит случайным образом под воздействием тех или иных эмоций.

Мозаичность личности породила феномен «квантовой политики», при котором управляющая система одновременно осуществляет противоположные действия в отношении одного и того же объекта: например, пытаясь уничтожить Россию развязыванием новой холодной войны и стремясь углублять сотрудничество с ней по значимым для себя направлениям.

Существенным препятствием развития личности стал так называемый **«кокон комфорта»** [191, 238], формируемый соцсетями и платформами. Ради удержания внимания пользователя стандартные маркетинговые технологии обеспечивают автоматизированное формирование в них наиболее комфортной социальной среды. Пользуясь «своей» социальной платформой, Вы видите то, что Вам нравится, общаетесь с теми, в ком нуждаетесь, в опережающем Ваши желания формате получаете обеспечивающую Вас комфортными эмоциями информацию (не обязательно позитивную, но подкрепляющую Вашу систему взглядов), – и этот комфорт лишает Вас стимулов к развитию, так как у Вас и так все прекрасно, и Вам просто незачем, как говорят психологи, «выходить из его зоны». Прогресс Вашей личности блокируется комфортом надежней, чем любыми запретами, – и Вы начинаете деградировать.

воположных начал… В критике монотеизма и восхвалении восточной духовности прослеживается попытка интеллектуальных элит Запада сформировать для общества будущего иной тип мышления, свободный от оценочных суждений, от представлений об истине, хорошем и плохом, правильном и неправильном. В такой трактовке даже отстаивание вероучительных и морально-нравственных принципов может расцениваться как насильственный экстремизм, если оно противоречит идеям устойчивого развития» [131.1].

Помимо прочего, деградации «человека способствует его нейропсихофизиология... Мозг расходует больше энергии, чем любой орган..., около 20% энергии, ...хотя составляет только 2% ...веса тела. При... интенсивном мышлении энергозатраты возрастают до 25-27% [59]. Думать энергозатратно, а потому с эволюционной точки зрения зачастую не выгодно. Если социум не предъявляет к своим членам повышенных интеллектуальных требований, люди склонны минимизировать сложные мыслительные процессы и замещать сознательное поведение психофизиологическими и социальными автоматизмами» [191].

В 2015-2016 годах до 70% граждан США и более 80% Евросоюза удовлетворялись уже освоенными, постоянно посещаемыми ими ресурсами Интернета и соцсетей и лишь пассивно потребляли информацию, не расширяя зону своего внимания. В США у среднего пользователя 21-45 лет на 1 запрос о новом объекте интереса и внимания приходится более 70 рутинных запросов, уточняющих отдельные характеристики объектов, хорошо известных пользователю.

Елена Ларина отмечает в основополагающем «Понимании алгоритмических обществ» [191]: «Принудительное сужение когнитивного разнообразия пользователей поисковиками и платформами в погоне за [их] вниманием... ведет к социальной инстинктизации, вырабатывает автоматизм и усиливает стереотипы поведения. Как экспериментально показал российский нейрофизиолог и нейропсихолог С. Савельев, автоматизация познавательной поведенческой активности ведет к морфологическим изменениям в головном мозге [266]. Благодаря потрясающей пластичности мозга церебральное закрепление алгоритмического поведения происходит не в течение миллионов ...лет и даже столетий, как считалось до последнего времени, а ...в период, измеряемый десятилетиями [230]».

Для общества деградация личности – классическое проявление закона сохранения рисков: минимизация индивидуальных рисков (в данном случае дискомфортного состояния) ведет к деградации и разрушению системы (см. раздел 4.1. введения).

Традиционная личность индустриальной эпохи формировалась собственными осознанными (чаще, правда, менее, чем более) усилиями по достижению целей. Ценностью информатизированной личности вместо достижения цели становится сиюминутный комфорт, которому она с удовольствием приносит в жертву свои интересы вплоть до физического выживания. Предпочтение даже насущным интересам позитивных сиюминутных эмоций, избегание дискомфорта в прямом смысле слова любой ценой ведет не только к доминированию краткосрочных целей над долгосрочными, но часто и к отключению инстинкта самосохранения – вплоть до гибели. *(Так, в «конфликтах малой интенсивности», предоставивших усилиями США колоссальный материал наблюдений за массовым поведением, значительная часть населения захватываемых экстремистами территорий постоянно и систематически не покидает их, несмотря на очевидную угрозу гибели, предпочитая сохранение текущего комфорта сохранению своей жизни в среднесрочной перспективе.)*

Фокусирование личности на непосредственном потреблении эмоций, в готовом виде поставляемых информационными технологиями, драматически снижает уровень рефлексии, самопознания и познания окружающего мира. Поведением человека начинают управлять сменяющиеся как в калейдоскопе эмоции, а не размышления (какими бы примитивными они ни были), и закрепляемые на основе многократного повторения эмоций неосознанные ощущения. Неосозанность этих закрепленных ощущений не позволяет в последующем корректировать их сколь-нибудь сознательным образом; они меняются только под давлением нового направленного «вала эмоций», постепенно размывающего их и замещающего их другими.

Непосредственным следствием разрушения самоосознания личности является утрата психической устойчивости, часто выглядящая как невинная повышенная эмоциональность.

Зависимость от эмоций приобретает наркотический характер (отсюда широкое распространение игромании и за-

висимости от соцсетей и платформ), причем поверхностный, неглубокий характер поставляемых в готовом виде эмоций создает потребность в их постоянном обновлении, – своего рода **постоянный ненасыщаемый** (и, вероятно, в принципе не поддающийся насыщению, как и при любой зависимости сродни наркотической) **эмоциональный голод**.

Этот голод порождает потребность в постоянной **вовлеченности** (причем не важно, во что именно) **как надежно изолирующий от реальности наркотик**, переход от «клипового» сознания к «кликовому», которое характеризует быстрота неосознанной реакции и постоянная потребность в новом краткосрочном взаимодействии. В результате то, что в 90-е воспринималось как «интернет-зависимость», в середине 10-х, когда американцы 18-35 лет обращаются к гаджетам не реже, чем каждые 10 минут (причем промежутки между обращениями сокращаются в геометрической прогрессии) [26], приобретает характер «переселения молодежи в цифровой мир» [342], – вероятно, на полпути к переселению в мир виртуальный (см. параграф 9.1).

Специфические черты «клипового» сознания – разорванность причинно-следственных связей[91], неспособность и нежелание их выстраивать, фрагментарность и ограниченность восприятия, порожденные этим отсутствие критического мышления, внушаемость и рабская зависимость от авторитетов[92] (см. пример 2), – дополняются в «кликовом»

91. Это роднит «клиповое» и «кликовое» сознание с образным, творческим, освобожденным компьютером от логики (см. параграф 1.3). **Возможно, они являются проявлением общей тенденции перехода от логического мышления к образному**. Но неспособность к настойчивости, отсутствие воли, слабость или утрата сознательного целеполагания делают эти типы сознания в основном бесплодными, – как в рамках логического мышления в основном бесплодным было мышление схоластическое.

92. «...У все большего числа и доли пользователей, особенно молодежи, понятийно-логическое мышление уступает место образно-ассоциативному, или клиповому [76]. Клиповое мышление подразумевает сосредоточенность на восприятии и переживании, а не на понимании и анализе [160]. У клипового мышления есть свои плюсы и минусы. Исследователи из *MTI* и Института сложности в Санта-Фе установили, что клиповый тип мышления на порядок повышает внушаемость людей, их склонность к суггестии [9]» [191].

сознании постоянной потребностью в получении новой эмоции, быстром отклике на нее, получении эмоции от результате своего отклика и, тут же, в немедленном переключении на новый источник новой эмоции.

«Кликовое» сознание постоянно нуждается в незамедлительной реакции на разрозненные внешние раздражители ради эмоции, а не содержательного результата.

Неспособность фокусироваться на решении той или иной задачи (или хотя бы просто концентрировать внимание) и прилагать систематические усилия для достижения цели, не говоря уже о долгосрочном целеполагании, характерная для «клипового» мышления, существенно усугубляются в «кликовом».

А ведь снижение способности целеполагания – это снижение разумности как таковой!

Ситуацию усугубляет падение как качества доступной человеку информации, так и его способности воспринимать ее. Доля оригинального текстового контекста в интернете упала с 75-80% в 2000 году до 30-35% в 2010, а в 2017 не превышала 5-7%. Интернет превратился в свалку косноязычного и неосмысленного плагиата, а «растущая доля населения глубокие информационно насыщенные, практически полезные ресурсы воспринимает как... бесполезную информацию. Уже сегодня большинство людей просто не обладают необходимыми знаниями и познавательными навыками, чтобы воспринять, а там более осмыслить сложный контент» [191].

Неосознанность действий, повышенное подчинение хаотичным эмоциям объективно снижает значимость высшей нервной системы и сдвигает баланс регуляции деятельности организма в пользу гормонов, вырабатываемых железами внутренней секреции (что, строго говоря, характерно для животных, – см. параграф 1.4).

Трансформация личности под воздействием информационных технологий дополняется воздействием разнообразных лекарств в их никем не изучаемых сочетаниях (химических стимуляторов мозговой активности, а в США – регуля-

торов нервной системы и обезболивающих, ставших значимой причиной смертности).

Следующим этапом трансформации личности может стать распространение мозговых имплантов, объединенных в сеть и частично управляемых по Интернету. Еще в 2013 году в США было продано более 12 млн. привязанных к Интернету имплантов; большинство решало локальные физиологические задачи (контроль за деятельностью сердца, блокирование боли, предупреждение воспалений), но массовое стимулирование мозговой активности и прямой доступ к Интернету представляются близким будущим, – которое не только ускорит, но и вновь откорректирует изменение личности.

В 2017 году такие импланты использовало уже более 2% американцев. В течение 5-10 лет их доля вырастет до 15-20%, и с отставанием в 5-7 лет за США пойдут остальные развитые страны [29].

«К психологическому и поведенческому программированию в ближайшие годы добавится биофизиологическая алгоритмизация. Впору говорить о переходе от стадии “человека разумного” к стадии “человека программируемого”» [191].

Глава 2. НОВАЯ ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА: УЖЕ ИНДИВИД, А НЕ СЕМЬЯ

Преобразование человечества, происходящее на наших глазах и с нашим непосредственным участием (и как субъектов, и как объектов, причем обе эти роли мы выполняем частью сознательно, а частью неосознанно, как бы обидно нам это ни было) отнюдь не ограничивается перенастройкой общественных отношений и их приспособлением к новым потребностям новых технологий. Меняется сама социальная структура человечества (строго говоря, это естественно, так как комплексная трансформация личности неминуемо трансформирует и структуры, создаваемые ею) и основные элементы общества, вступающие друг с другом в по-новому настраиваемые отношения.

Как минимум, социальная структура человечества дополняется принципиально новыми уровнями, причем последние «достраиваются» как снизу, так и сверху (о надстройке социальной структуры человечества сверху – принципиально новым надгосударственным уровнем, формированием глобального управляющего класса – см. параграф 7.2).

Как и многие люди моего и старших поколений, я хорошо помню советский лозунг «Семья – ячейка общества!» Как и многие другие лозунги позднего Советского Союза, он казался людям, забывшим муки рождения новой, советской цивилизации, самоочевидной констатацией реальности, в принципе не имеющей никакой альтернативы. Человек, не создавший семьи к зрелому возрасту, воспринимался как нечто необычное, странное и в любом случае заслуживающее повышенного внимания, поддержки и сочувствия. Однако время изменилось, и этот советский лозунг, как и многие другие, внезапно

наполнился содержанием, о котором просто не могли в силу своего жизненного опыта догадываться члены «слишком гуманной, чтобы победить» советской цивилизации.

Сегодняшнее общество (даже российское, при всем стремлении к традиции и консерватизму[93]) наглядно демонстрирует совершенно иное: его ячейкой уже довольно давно (скорее всего, с 90-х, атомизировавших общество чудовищным массовым насилием и разрушением традиций; но это произошло бы и без обрушения России в либеральную Катастрофу [157] – просто мягче и постепенней) является не семья, а индивид.

Даже когда этот индивид образует семью, он сохраняет в ее рамках высокую личностную автономию и, в отличие от сравнительно недавнего прошлого, не растворяется в этом новом качестве.

Сегодняшняя семья, как правило, – это именно союз ощущающих себя свободными (хотя обычно и не являющихся таковыми) индивидуальностей (уровень их развития в данном контексте не имеет значения), а не качественно отличающийся от отдельной личности неразделимый социальный организм.

Отчасти это вызвано приспособлением общественной культуры не к информационным технологиям, а всего лишь к большей продолжительности жизни. Если еще в середине XIX века обещание «любви до гроба» даже в развитых странах имело буквальное значение (в Англии средняя продолжительность жизни составляла 33 года, в Бельгии – 32, в Голландии – 34 года, во Франции в 1861-1865 годах – менее 40 лет, а в России и в 1896-1897 годах – 32 года), то уже в начале XX века люди благодаря достижениям гигиены и медицины стали массово доживать до глубокого изменения своего характера и мироощущения в связи с возрастом.

93. Усиленном вполне оправданным в свете рассматриваемых в данной книге процессов страхом перед частью неизвестным, а частью слишком наглядно демонстрируемым (скажем, уничтожением цивилизации на Украине) будущим.

Соответственно, если члены семьи меняются слишком сильно и разнонаправленно, брак распадается или превращается в более или менее деловое партнерство самостоятельных и эмоционально мало зависящих друг от друга индивидов. Правда, до наступления информационной революции, позволившей живущим вместе людям существовать в разных информационных пространствах, такое разнонаправленное изменение было затруднено их объективным взаимным влиянием друг на друга.

Поэтому главная причина превращения в исходную ячейку общества не семьи, а отдельного человека заключается все же в изменении образа жизни под влиянием информационных технологий (ведь продолжительность жизни выросла именно в индустриальную эпоху, но в силу сохранения единого семейного информационного пространства не смогло существенно трансформировать институт семьи). Лишь возможность (а в определенной степени и неизбежность) жизни в разных информационных средах при совместной жизни и ведении общего хозяйства, предоставленная современной интенсивностью коммуникаций и современными технологиями, создала массовую возможность разнонаправленной эволюции характеров и мировоззрений членов одной и той же семьи.

Елена Ларина отмечает [191]: «некогда единый Интернет все более распадается на отдельные кластеры и фрагменты, мало связанные между собой», – и на соответствующие «кластеры и фрагменты» распадается использующее Интернет общество, так как его члены ориентируются на комфортные им сегменты Интернета и во многом живут в них (см. раздел 4.5 введения).

«Границы проходят даже внутри семей, друзей и родственников, в основном ...в соответствии с культурными ориентациями, политическими убеждениями, характером времяпрепровождения... Хотя формально в интернете продолжает действовать закон пяти рукопожатий, более 2/3 пользова-

телей интернета в развитых странах не выбирают даже число Данбара, поддерживая реальные более-менее постоянные контакты менее чем с 150 людьми [53]».

Это представляется наглядной демонстрацией того, что атомизация общества, порожденная распространением и развитием информационных технологий, подрывает прочность не только больших, но и исходных социальных организмов: не только партий, профсоюзов, трудовых коллективов и общественных объединений, но и самой семьи, – и обусловлена объективно.

Глава 3. НОВОЕ КАЧЕСТВО ОРГАНИЗАЦИИ – КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ: РОЖДЕНИЕ НЕВИДИМЫХ БОГОВ?

Значимая для человечества реальность усложнилась из-за не только информационной революции, но и роста разнообразия важных для него процессов – от изменения климата и распространения инфекций, компенсирующих ухудшение генетического качества человеческой популяции и снижение иммунитета интенсификацией естественного отбора (вроде СПИДа, гепатитов С и D, а также появления устойчивых к антибиотикам болезнетворных микроорганизмов), до изменения баланса глобальной конкурентоспособности.

Налицо реализация **«принципа отражения»: влияющие на человечество** внешние для него **процессы** по мере развития технологий и роста его мощи **все больше становятся отражением его деятельности, влияющей на окружающий мир**.

3.1. Беспомощность индивидуального сознания

Эти процессы становятся все более комплексными, то есть размытыми, «распределенными» между разными сферами деятельности. Восприятие же не только индивидов, но и обществ по-прежнему раздроблено по отдельным сферам и лишь с трудом может (если может вообще) объединять изменения, наблюдаемые в разных направлениях, в единые целостные процессы.

Описанное дополнительно ограничивает сферу эффективного применения формальной логики. Как было показано выше (см. параграф 1.3), информационные технологии и особенно технологии *high-hume* означают **смерть логики** в привычном понимании. Многие из указанных технологий позволяют манипулировать людьми и коллективами именно за счет их органической приверженности логике, эксплуатируя естественную ограниченность последней и обрекая таким образом на неудачу использование чисто логических построений[94]. *(Подробное описание стратегии, эксплуатирующей ограниченность логики, для разрушения русской цивилизации см. [206]).*

Как способ функционирования сознания логика соответствует традиционным технологиям *high-tech*. Технологиям же *high-hume* больше соответствует творческая интуиция, основанная на внелогическом, образном мышлении, – и **в прямом конкурентном столкновении *high-hume* «бьет» *high-tech* столь же непреложно и разнообразно, как творческая интуиция – формальную логику**.

Это во многом вызвано расшатывающей каждое индивидуальное сознание потерей объективизированного критерия истины (см. раздел 4.3 ведения) и использованием сложных информационных технологий, механизм и последствия действия которых обычно непонятны применяющему их субъекту. Не следует забывать и о его постоянном взаимодействии с миром на глубинном информационном уровне, не контролируемом сознательно и не доступном для самоанализа. Изложенное формирует у индивидуального сознания рабскую приверженность господствующему мнению, слепое следование ему, доверчивость и катастрофическое, напоминающее детское, отсутствие критичности.

Эти замечательные черты прежде всего видны вне сферы профессиональной деятельности человека (подробней см. параграф 6.1), но по мере повышения роли коллектива

94. Возникло даже практическое правило, «в соответствии которому в ситуации, не допускающей логически однозначного решения, следует принять решение, однозначное этически. И наоборот» [241].

и «растворения» индивида в нем они все более полно проявляются и в профессиональной сфере.

Прямое следствие – распространение почти маниакальной веры во всемогущество внешних, заведомо не контролируемых и часто заведомо не осознаваемых человеком, но воспринимаемых им и существующих с его точки зрения сил. *(Строго говоря, рост могущества человека, опережающий его познавательные способности, сталкивает его с не сознаваемым им последствиями его деятельности, что для него выглядит как раз как проявление указанных сил.)*

Восприятие этих сил сознанием человека разнообразно.

Наиболее безобидна вера во всемогущество экспертов и специалистов – от сантехников до составителей математических моделей. Ее частный случай – вера во всесилие, с одной стороны, психоаналитиков и «пиарщиков», а с другой – научного и подкрепленного информационными технологиями менеджмента. Последнее выражается в вере в то, что любой процесс при должном качестве администрирования можно организовать идеально. *Она возникла вначале в авторитарных обществах; многие граждане бывших соцстран помнят блаженное ощущение, что принятие «партией и правительством» решения уже означает решение сколь угодно сложной проблемы, причем заведомо наилучшим образом.*

Органическое непонимание того, что в общественной сфере многие вещи, которые можно представить, в принципе нельзя реализовать, – один из наиболее распространенных пороков информатизированного сознания *(проявляющийся в том числе в восторженном отношении по отношению к технологическим фейкам разной степени нелепости – от ставящего диагноз «электронного пластыря» и транспортировке грузов в подземных вакуумных трубах Hiperloop до электромобилей и ракет Илона Маска).*

Наиболее заметна органическая склонность такого сознания к «теории заговоров». Служащая в реальном мире клиническим симптомом интеллектуальной импотенции, в мире информационных технологий она угрожающе распространена.

«Эпидемия конспирологии» (см. о ее неизбежности во введении в главу 7) вызвана особенностями технологий *high-hume*. Сам их характер предопределяет скрытность применения: если даже самым благожелательным людям сообщить, что они находятся под информационным воздействием, оказываемым на них таким-то образом и в таких-то целях, его эффективность уменьшится в разы, если оно вообще не приведет к противоположным результатам. *Так, один из эффективных приемов информационной войны – создание иллюзии враждебного пропагандистского воздействия, чтобы направить естественное противодействие людей в нужную сторону.*

Специалисты в области информационных технологий, как и большинство, склонны судить о других по себе. А так как их успехи основаны на применении скрытых методов, легко подпадающих под определение «заговора», они верят в распространенность и могущество заговоров, – тем более, что для них эта вера приятна, так как означает и веру в их могущество, в их принадлежность к всесильному тайному сообществу, своего рода «новым масонам» [170].

Эта вера подпитывается тем, что погруженность в информационный мир и связанный с ней отрыв, «выпадение» из реального мира[95] способствует потере представлений не то что о роли объективных закономерностей в развитии общества, но даже порой и о самом существовании таких закономерностей. Происходит своего рода естественная «инверсия сознания», распространяющего известные ему преимущественно информатизированные аспекты общественной жизни на всю эту жизнь.

У распространения «теорий заговоров» есть и объективная предпосылка, выявленная для общих случаев И.Пригожиным и конкретизированная для общественных процессов В.Леонтьевым.

Почти любое позитивное взаимодействие людей может быть представлено как заговор (чем и вызваны специфи-

95. Доходящая в отдельных запущенных случаях до отрицания самого факта существования последнего.

ческие расстройства психики сотрудников политических полиций). Межличностные взаимодействия хаотичны и разнонаправлены, но объективные закономерности, реализуясь через деятельность людей, позволяют достичь успеха только взаимодействиям, соответствующим этим потребностям. Именно эти успешные взаимодействия и сохраняются в памяти – не только общества, но и самих их участников. Остальное отбрасывается как неважное и случайное, а то и постыдное – людям свойственно стыдиться неудач и стараться их забыть.

В результате, оглядываясь назад, человек и общество видят цепочки часто сложных, но неуклонно венчающихся успехом межличностных взаимодействий. Называть их заговорами или плодами стратегического планирования – дело вкуса и личной культуры, но приверженность к их изучению задается самой поверхностностью рассмотрения.

Сведение общественного развития к таким цепочкам неизбежно для **информатизированного, то есть профессионально инфантильного сознания**, не связанного с реальностью и тем более ее объективными закономерностями.

Венец такого сознания – **фобии**: безотчетные страхи, произвольно концентрирующиеся на случайных явлениях. Причина их появления у информатизированного сознания – ощущение, как правило, подсознательное, своей неполной адекватности и недостаточности для восприятия реального мира.

В условиях информационной революции и отмирания логики фобии – отнюдь исключительная привилегия передового, информатизированного сознания. Их появление в обычном сознании вызвано неразрешимым конфликтом между обстоятельствами реального мира, которые как минимум ощущает человек, ставший объектом интенсивного воздействия технологий *high-hume* (а это едва ли не все население развитых и успешно развивающихся стран), и образами и оценками, которые внедряют в его сознание эти технологии.

Взрыв популярности фильмов ужасов (в первую очередь в развитых странах) не случайно совпал с началом массово-

го применения информационных технологий. Это не только реакция индивидуальных сознаний на связанное с европейскими стандартами благополучия сенсорное голодание, но и воплощение широкого распространения индивидуальных фобий.

В жизнь эти фобии воплощаются и через «теории заговоров». Сфера конкретизации их объектов, особенно в «экспертном сообществе», бесконечно широка – от «жидомасонов» и «мирового правительства» с центром то в Шамбале, то в Бильдебергском клубе до «русской мафии», АНБ (а ранее – не менее всевластных ЦРУ и КГБ) и более или менее «террористических» режимов Кастро, Хусейна, Каддафи, отца и сына Бушей со вклинившимся между ними Клинтоном, не говоря уже о Милошевиче, Асаде, Ким Чен Ыне и Путине.

Инфантилизм характерен для индивидуальных сознаний не только развитых, но и авторитарных обществ, в наибольшей степени и наиболее грубо подвергнувшихся перестройке с помощью информационных технологий. Грубая перестройка сознания при «переходе к демократии», бывшая для большинства населения поставторитарных стран не менее насильственной и катастрофичной, чем для их отцов или дедов – становление авторитарного режима, также создает питательную среду для распространения фобий.

В развитых странах описанные сбои индивидуальных сознаний способствуют развитию психиатрии и психотерапии, которые служат «ремонтными производствами» для важнейшей производительной силы информационных технологий – индивидуального человеческого интеллекта и психики. Лишенные их из-за недостаточной развитости общества усугубляют свое отставание. Как всякое «ремонтное производство», психиатрия совершенствует базовые технологии, то есть технологии формирования сознания.

Описанное выше – признак снижения эффективности индивидуального сознания в силу выхода человечества на новый уровень развития и качественного усложнения его взаимодействия с миром.

3.2. Объективность отставания индивидуального интеллекта

Увеличение накопленного знания и, более широко, освоенной информации расширяет непознанное: **чем больше познано, тем больше неизвестно**. А неизвестное воспринимается как угроза. Поэтому расширение деятельности и накопление знания само по себе ведет не только к количественному, но и к качественному нарастанию проблем, к росту их многообразия и ускорению их усложнения.

Развиваясь, человечество выходит на уровень закономерностей, временной и пространственный **масштаб которых** (не говоря об их сложности) **превышает масштаб** (и сложность) **деятельности отдельного человека**.

Индивидуальные способности ограничены как вероятным биологическим пределом, так и в каждый момент до его достижения. Поэтому растущие сложность и разнообразие проблем человечества рано или поздно превысят уровень, доступный восприятию и анализу даже самой выдающейся личности.

Такое превышение не предопределено, – но лишь в каждый отдельный момент. Идет «гонка преследования»[96]: растущие способности индивидуального сознания пытаются соответствовать неумолимо растущей сложности проблем, встающих ним – и перед всем человечеством в целом. *(То, что рост способностей человеческого сознания является самостоятельным фактором усложнения мира и, соответственно, встающих перед этим сознанием проблем, делают цель этой гонки – устойчивое достижение сознанием полной адекватности – заведомо недосягаемой; подробней см. раздел 4.3 введения.)*

96. Отраженная в карикатуре в сборнике «Физики шутят» [178]: бог на жалобу ангела на синтезировавших новый трансурановый элемент ученых отвечает: «Ах так? Тогда добавьте еще один нелинейный элемент в Истинное уравнение единого поля!»

Когда сознание человека временно догоняло сложность проблем и начинало соответствовать им, прорываясь к пониманию общих закономерностей развития, это проявлялось через расцвет философии[97], наиболее заметный в античности, эпохе энциклопедистов, открытии диалектики Гегелем и ее приспособлении к изучению общества Марксом и Энгельсом.

Ускорение развития, вызывающее сокращение промежутков между повторяющимися событиями истории (ее циклами, где удается их выделить), позволяет предположить близость следующего этапа возрождения философии как универсальной науки, – если, конечно, направление развития человечества не изменится резко как раз сейчас, сорвавшись в новую, еще неизвестную нам плоскость *(что вполне вероятно с учетом глубины трансформации человечества)*.

Это может быть рывок в индивидуальной биологической (или ментальной) эволюции, повышающий мыслительную мощь отдельного человека. Изменение может коснуться и человечества как целого, и выделяющейся из него группы человеческих сообществ. Может произойти увеличение человеческих знаний до уровня, когда сфера непознанного, непосредственно касающегося человечества, начнет не расширяться, а сжиматься по мере дальнейшего накопления знаний. Тогда неизвестное из внешней среды обитания интеллекта превратится в лакуны внутри единого пространства победившей науки.

Несмотря на оптимистичность этой картины, ничего невозможного в ней, – правда, лишь для коротких периодов – нет. *Так было и во времена Ньютона, и в конце XIX века, когда сияющие небосклоны, например, физики омрачали лишь несколько робких тучек. Научная общественность рассла-*

---

97. Разумеется, имеются в виду не более или менее убогие интеллектуальные спекуляции, расцветшие под этим наименованием на Западе, и тем более не насаждаемый под ним в авторитарных странах (в том числе и после либеральных переворотов, обычно повышающих уровень авторитаризма при изменении его идеологического «знака») тяжелый бюрократический бред. Философия как наука и стиль жизни – попытка познать наиболее общие закономерности всего сущего.

бленно ждала, что трудолюбивые аспиранты под водительством стареньких профессоров, – потому что кто ж из молодых будет заниматься такой скукой! – не напрягаясь, развеют их за нескольких лет.

Но именно эти безобидные тучки, как мы помним, превратились в зияющие «черные дыры», которые, в клочья разорвав пространство знания, всосав в себя триллионы долларов и миллионы жизней, выплюнули на землю ядерное и еще бог весть какое оружие и заставили нас строить из обломков некогда величественных храмов науки жалкие временные сооружения.

Индивидуальный интеллект отстает в гонке с усложняющимся миром (в том числе потому, что сам является одним из факторов его усложнения). Несмотря на отдельные выдающиеся рывки, углубление специализации почти во всех сферах деятельности – признак нарастания этого отставания в целом.

3.3. Выход из интеллектуального тупика: организация

Объективные трудности с пониманием все более разнообразных процессов породили организации, каждый член которых выполняет определенную функцию. Тем самым человечество «укрупняло» и усложняло действующие сознания, бывшие до того индивидуальными, подтягивало их на уровень сложности, в большей степени соответствующий изучаемым явлениям.

Всякий сталкивавшийся с организацией чувствует: это не совокупность отдельных людей, но целостная система, имеющая свои цели и средства их достижения, далеко не всегда совпадающие с целями и средствами отдельных людей, даже руководящих ею. Обычно это организм в структурном и эволюционном смысле слова.

Организация лучше адаптирована к окружающей среде (образуемой другими организациями, с которыми она взаимодействует), чем любой из ее сотрудников. Ее способности к познанию неизмеримо ниже способностей образующих ее людей из-за инерционности группового сознания и потому, что коллектив не выравнивается по лучшим своим членам (а обычно – при слабом менеджменте – выравнивается по худшим). В результате новое знание, доступное добывшему его индивиду, для организации – и тем более общества в целом – сплошь и рядом оказывается недоступным[98].

Превосходство коллективного сознания над индивидуальным проявляется прежде всего в сборе и реализации уже имеющейся информации: индивид может обладать лишь ограниченным объемом накопленных человечеством знаний, коллектив же – практически всеми; индивид реализует лишь ничтожную часть своих знаний, а коллектив, как бы мало он ни знал, может реализовать практически все. *Вероятно, поэтому гении редко выживают в организациях – уровень их индивидуального интеллекта оказывается близок к уровню совокупного интеллекта коллектива (а добытое им знание часто недоступно коллективу), что порождает конкуренцию. В итоге гений стихийно отторгается организацией, а затем подавляется ее количественным, а то и качественным превосходством.*

Коллективный разум, несмотря на банальность этого термина, – такая же реальность, как, например, коллективный интерес. Опираясь не только на индивидуальные разумы, но и на индивидуальные эмоции и впитывая их, он зачастую успешно **объединяет логику с интуицией**, что пока недоступно индивидуальному интеллекту: искусственному недоступна интуиция, а для естественного интуитивная деятельность связана с чрезмерным напряжением и потому доступна в лучшем случае лишь урывками.

98. Правда, знание часто оказывается недоступным для организации и в силу ненужности для нее. Организация решает задачи выживания и развития среди других организаций, и обладание тем или иным конкретным знанием далеко не всегда значимо для нее, даже когда она действует в научной сфере.

Так же, как организация не сводится к совокупности образующих ее индивидов, коллективный разум не тождественен совокупности отдельных разумов. Лишь в благоприятных и редких случаях он персонифицируется в лице руководителя организации, действия которой тогда становятся преимущественно осознанными. Без этого организация действует, как коллектив насекомых, стихийно и неосознанно (хотя часто и эффективно) реагируя на внешние раздражители и стремясь к выживанию, а затем – к экспансии.

Цели и инструменты организации, ее стратегии, внешне стихийно определяемые взаимодействием стремлений ее членов (подобно тому, как инстинкты животного определяются внешне стихийным взаимодействием электрических импульсов в его нервной системе), могут существенно отличаться от представлений о них даже наиболее осведомленных и влиятельных ее членов[99].

Эффективно управляемая организация ведет себя как разумное существо, неэффективно – как управляемое инстинктами.

Универсальный **критерий разумности – способность к самостоятельному целеполаганию**. Знаменательно, что многие организации рассматривают целеполагание – определение своей «миссии» – как ключевой аспект своей деятельности. Современная наука об управлении считает выработку, доведение до всех членов коллектива и жесткий контроль за реализацией этой «миссии» категорическим требованием, условием успеха организации, даже когда с точки зрения индивидуального здравого смысла это кажется напыщенным и излишним. Но дело не в логике: активное, постоянное и разветвленное целеполагание есть постоянная настойчивая тренировка коллективного разума организации (или его зачатков)[100].

99. Насколько можно понять, впервые этот феномен описан в [159].
100. Строго говоря, это в полной мере относится и к разуму индивида, о чем мы, проваливаясь в «зону комфорта» повседневной жизни, обычно стараемся забывать.

Таким образом, по мере развития систем управления организаций, в первую очередь крупных корпораций, идет эволюция их коллективного разума, который, хотя и вырастает из совокупностей индивидуальных сознаний, является тем не менее не вполне человеческим. Это «разум второго порядка», надчеловеческий разум, для которого отдельные личности – не более чем образующие его отчасти взаимозаменяемые элементы.

Главным инструментом развития человечества на этапе быстрого возникновения и эволюционирования «второго разума» становится совершенствование организационной структуры – механизма объединения ограниченных и неэффективных по отдельности людей в эффективные коллективы. Обычно оргструктура – строго охраняемая коммерческая тайна, ибо технологию производства можно купить или придумать, а технологию управления можно только вырастить, как живое существо, вместе с самой организацией. Доступ к ее оргструктуре позволит понять, как она функционирует, и манипулировать ей при помощи и не вызывающих подозрений воздействий.

Технология управления представляет собой механизм функционирования именно живого существа – организации; поэтому эффективная технология управления крупной организацией всегда индивидуализирована и является более искусством, чем наукой.

Чтобы понять значение произошедшей на нашей памяти, но парадоксально тихой и незаметной (а это признак эффективности, особенно в шумный информационный век) «организационной» (иначе – управленческой, менеджерской) революции, стоит вспомнить, что с середины 70-х годов статьи о передовых исследованиях в этой сфере практически исчезли из научных журналов мира.

Единственный аналог – исчезновение из научной литературы в начале 40-х годов статей по атомной физике, знаменовавшее близкое овладение ядерной энергией. В середине 70-х эффект исчезновения научных статей в силу изменения характера науки был «замаскирован» множеством псевдо-

научных, в лучшем случае популяризаторских материалов. Благодаря им количественные показатели публикаций и взаимного цитирования, на которые обращает внимание большинство наблюдателей, изменились незначительно.

Механизм исчезновения подлинно научных статей в 70-е годы был тот же, что и в 40-е: организаторы исследований сконцентрировали в своих руках всех специалистов, до которых смогли дотянуться, и обеспечили им условия работы, превосходящие все, что могли предоставить потенциальные конкуренты. То, что организаторами выступили уже не государства с их грубыми административными аппаратами, но корпорации, свидетельствовало о смене хозяев мира, но не закономерностей организации рывков в его развитии. Как и в прошлый раз, **ключевые субъекты развития перевели технологический прогресс в важнейшей сфере с общечеловеческого, внешнего по отношению к себе, на свой внутренний уровень.**

Общество как совокупность разумных, то есть целеполагающих людей дополняется, надстраивается более эффективным сообществом – совокупностью все более разумных, то есть все более эффективно целеполагающих организаций. Конкуренция между людьми постепенно перемещается именно на этот, более высокий уровень: **общества, организации которых менее разумны, имеют так же мало шансов на успех в конкуренции, как еще недавно – общество с менее** разумными или менее **образованными людьми**[101].

При этом индивид получает больше степеней свободы, чем раньше, частично освобождаясь от повседневной ответственности за результаты труда, которую все больше берет на себя организация, к которой он принадлежит. Она же

101. Повышение уровня конкуренции (переход от конкуренции между людьми к конкуренции между организациями и, далее, обществами и цивилизациями) сопровождался повышением уровня разделения труда: от разделения труда между людьми и, затем, специализирующимися на тех или иных функциях организациями до разделения труда между обществами. Последние в зависимости от своего уровня развития превращаются в коллективных менеджеров, банкиров, ученых, собственников – или в частичных, не способных к самостоятельной жизни наемных работников, а то и нищих.

обычно принимает и осуществляет значимые решения. Поэтому индивид по мере укрепления системы организаций обретает все большее раскрепощение, – хотя **личная свобода достигается сокращением возможностей его влияния** на развитие общества *(это «свобода от», а не «свобода для», – и характерно, что такое изменение восприятия основополагающего для человека понятия «свобода» произошло почти во всех обществах)*.

Раскрепощение открывает индивиду новые возможности творчества, проявлений интуиции. Интуиция отдельного человека относительно хаотична и неуправляема; она похожа на слабый огонь, который светит понемногу во все стороны. Оценку этой интуиции в сложноорганизованных системах с высокой ценой выхода на рынок производит уже не столько он сам, сколько действующие на нем организации, опосредующие его требования первичным и осознанным отбором, жесткость которого иногда выше жесткости требований рынка. Именно организация находит творческих людей, решает, заслуживает ли усиления костер их интуиции и при положительном решении обеспечивает им почти любую поддержку со стороны почти любого количества людей рутинного труда. Такая организация играет роль «фокусирующего зеркала», превращающего костер в яркий и убедительный для всего человечества маяк.

Разнообразие видов, сфер и направлений деятельности организаций позволяет творческому человеку ощущать их не как ограничивающие рамки, но, наоборот, как необходимые для насыщенной и успешной жизни подпорки, как инфраструктуру, не сдерживающую, но качественно расширяющую его личные возможности.

Разнообразие организаций касается не только сфер и целей, но и масштабов работы. Многие организации «вложены» друг в друга, многие имеют слабо определенные или меняющиеся границы приложения своих усилий. Это предоставляет индивиду широкие возможности выбора организации, то есть административной, интеллектуальной и ценностной «среды обитания».

Многообразие этого выбора обеспечивается несовпадением границ деятельности организаций разного рода. Классический пример – транснациональные корпорации и государства, занимающиеся примерно одним делом, но на различных социальных уровнях. Помимо этого, большинство типов организаций не предъявляет исключительных прав на своих членов: это касается не только сферы потребления, но и работы, особенно творческой.

Такое «несовпадение границ» создает постоянный конфликт интересов, служащий инструментом саморазвития каждой отдельной личности, находящейся в его «магнитном поле». Кроме того, он дает каждому человеку свободу выбора в нескольких плоскостях сразу, что расширяет возможности самореализации.

3.4. Коллективный разум: не фантом и не фобия

Говоря о коллективном сознании, о разуме организаций, стоит задуматься – и задумываться всегда, сталкиваясь с чем-то принципиально новым: не является ли оно очередным информационным фантомом? Не имеем ли мы дело вместо чарующей реальности с очередной поделкой неутомимых и неугомонных технологов в области *high-hume*, «исправляющих» наше сознание, дабы подвигнуть на потребление нового сорта пива? И, наконец, не столкнулись ли мы не с сознательным обманом, но, что еще обидней, всего лишь с «информационным конденсатом» – продуктом случайной комбинации информационных отходов неких неведомых нам информационных же производств?

Ибо мир, в котором основной сферой действия и главным полем боя стало наше с Вами сознание, неизбежно полон призраков и предрассудков; увидев очередное чудовище, ущипните свой разум: не его ли это сон?

Опасения эти в целом обоснованы, – за исключением как раз рассматриваемого случая.

Ведь все изложенное было общеизвестно задолго до появления и распространения современных информационных технологий. Более того: большинство из нас многократно сталкивалось с проявлениями нечеловеческого, бюрократического целеполагания и логики – и многократно же проклинало либо использовало ее (а обычно делало и то, и другое). О «внутренней логике организации» и «бюрократической предопределенности» написаны горы литературы – от советской классики *(см., например, «Новое назначение» Бека [89], на заре перестройки заново воспетого Г.Поповым [253])* до бессмертных трудов С.Паркинсона и иже с ним [239, 250].

Большинство из нас знает, что у организации есть свои цели, которые лишь изначально закладываются ее создателями, а затем формируются и корректируются ею во многом самостоятельно. Большинство из нас знает также, что **продвижение в иерархии связано с сокращением степеней личной свободы**. Ведь, занимая все более высокие позиции, человек все больше взаимодействует с организацией, частью которой он все больше становится, и с остальными «соприкасающимися с ней» организациями, становясь частью взаимодействия более высокого уровня – уже не межличностного, но межорганизационного.

И, наконец, большинство из нас с величайшей охотой пользуется той долей безответственности, которую, компенсируя наши ошибки, дает нам любая стоящая организация.

Вся новизна изложенного – в чуть смещенном взгляде на общеизвестную и неоспоримую деятельность организаций: во взгляде с точки зрения их соответствия критерию разумности и продолжения человеческой эволюции вне отдельного человека.

Не является представление о разумности организаций и очередной **фобией**. Формально все вроде бы в порядке: страх божий, страх техники, страх инопланетян, – отсюда

рукой подать до страха перед новым разумом, объемлющим нас и, безусловно, влияющим на нас, но остающимся непостижимым и недостижимым.

Однако в реальности отсутствует главное в фобии – сам страх. Для его появления мы слишком хорошо знаем организации (значительно лучше, чем других кандидатов на роль носителей «нечеловеческого разума» – дельфинов). Мы живем и работаем в них, воспринимаем их как дом, построенный если не своими руками, то, во всяком случае, на нашей памяти. Мы взаимодействуем с ними и, что бы про них не говорили, не боимся их, – потому что хорошо знаем и видим, что в целом они созданы нами и в основном для нашего блага. Мы слишком привыкли пользоваться ими, чтобы какие-то слова о них, пусть даже подкрепленные бессмысленными и болезненными действиями с их стороны, могли нас напугать.

Но главное – мы инстинктивно (и справедливо) склонны рассматривать организации как **свое продолжение**. А такой подход исключает страх на самом надежном – подсознательном уровне: человек может бояться своего дома, своих детей и своих домашних животных, но не способен ощутить угрозу со стороны своего послушного тела – со стороны своей руки или ноги.

Поэтому гипотеза о разумности организаций, – не информационный фантом и не оригинальная фобия, но обыденная реальность.

То обыденное, что окружает нас и частью чего мы являемся почти с рождения и часто – до смерти, оказывается едва ли не самой захватывающей из доступных нам тайн бытия.

Что может быть более обескураживающим с точки зрения ограниченности возможностей индивидуального сознания? Что может быть более вдохновляющим с точки зрения возможностей и перспектив человечества?

3.5. Коллективный разум: реакция на потребность в универсализации знания

Повторим еще раз: **посредством все более сложных организаций человечество приспосабливает себя к решению все более сложных проблем, поднимая свой интеллектуальный и организационный уровень до соответствия этим проблемам**: «держа и вздымая друг друга» [214].

Из-за единства мироздания эти проблемы едины в своей основе и по мере своего усложнения, как ни парадоксально, требуют не только роста специализации, но и выработки единого подхода к ним, – универсализации знания. Несмотря на растущую потребность в ней, на индивидуальном уровне она редка: слишком сложны и разнообразны эти знания. Даже философия, универсальная по своей природе, требует создания специальных и достаточно сложных систем «приводных ремней», адаптирующих ее положения к реалиям конкретных направлений.

Обычно универсализация знания проявляется лишь частично: как синтез, объединение смежных его отраслей. В традиционном же, энциклопедическом, всеохватывающем (или хотя бы широко охватывающем) смысле она оказывается достоянием либо компьютерных систем, либо **крупных коллективов, становящихся** в эпоху информационных технологий **вместо отдельного человека основной единицей, инструментом и в итоге**, вероятно, **субъектом познания**.

К нынешнему человечеству применим апокриф об иероглифическом письме: число иероглифов, нужных для написания или прочтения специализированной статьи и тем более книги, заведомо выше доступного заучиванию одним человеком. Поэтому письмо и чтение по специальности – и, таким образом, процесс познания в целом, – доступно не индивиду, но только коллективу.

Эпоху информационных технологий, характеризующуюся в том числе и взрывообразным расширением любой информации, едва ли не каждый бит которой превращается в заново взрывающуюся «сверхновую», можно назвать «эпохой интеллектуальной коллективизации», точнее – принудительного, технологически предопределенного и потому насильственного коллективизма. Ибо один человек не в силах воспринять необходимый ему объем информации.

В этом отношении коллективизм компьютерного века столь же жестко предопределяется господствующей технологией, как и коллективизм Древнего Египта и других государств, для которых организация массовых работ (в основном в области мелиорации) была условием выживания. Качественная разница заключается в самих используемых технологиях и, соответственно, в уровне и производительности индивидуального человека и его индивидуального сознания, являющегося частью коллективного разума.

В Древнем Египте организация общества могла быть сколь угодно совершенной, – но оно находилось в столь жестких внешних рамках и осуществляло настолько примитивные функции, что по необходимости было простейшим **социальным автоматом, не способным к** сложной деятельности и **самообучению.** При значительных изменениях окружающей среды подобные социальные автоматы древности рушились, как карточные домики, какими бы изощренными они ни были и какие индивидуальные умения ни стимулировали бы они на потребу восхищенным археологам будущего.

Но принудительный коллективизм компьютерной эры имеет и другую – не коллективную, но индивидуальную сторону. Доминирование информационных технологий постепенно делает индивида, как показано выше, таким же частичным работником, каким он был и в машинном производстве. Из бесправного придатка станка он становится почти столь же бесправным придатком общедоступного, но все равно не зависящего от него и не контролируемого им информационного окружения, – управляемого, правда, уже не таким же человеком, как и он, но коллективным разумом организаций.

3.6. Противоречие между потребностями организации в развитии и в упрощении личностей сотрудников

Специализируясь на неизбежно узкой и, как правило, сужающейся теме, работник становится ограниченным, односторонне развитым. Если **организация – это нечто «большее, чем человек»**, то **ее сотрудник**, какие бы степени свободы ни были ему предоставлены, – неизбежно уже **нечто меньшее**.

Именно в этом заключаются один из секретов успешности американской личной ограниченности, режущей глаз представителям других обществ, и причина последовательного и в итоге эффективного культивирования американским обществом этой ограниченности. Ведь одностороннее развитие личности облегчают ее встраивание в организацию и тем самым повышает ее эффективность как частичного, пусть даже и творческого, работника.

Односторонне развитых людей легче складывать в оргструктуры – по тем же причинам, по которым строить сооружения из одинаковых и потому заведомо совпадающих друг с другом кубиков проще и надежней, чем из хаотически подобранных объектов случайных, пусть даже и красивых, очертаний.

Именно в этой особенности американского национального характера – одна из причин того, что искусство составлять людей в структуры создано именно США. А когда людей легче складывать в структуры, то и сами эти структуры более надежны и эффективны.

Оборотная сторона – **упрощение личности** не только как результат, но и **как цель, как объективная задача основной части организаций и общества в целом**. Это ведет к стандартизации, ограничивающей индивидуальное творчество и **подрывающей этим саму возможность прогресса организаций**.

Американское общество выработало множество механизмов (начиная с импорта творческих людей и пресловутой «политкорректности»), стимулирующих внутреннее разнообразие, но они остаются частичными, и описанное противоречие сохраняется. Несмотря на все старания, оно еще может «выстрелить» – и похоронить этим не только технологический прогресс, но и западную демократию в ее сегодняшнем понимании (а у нее и без того достаточно проблем – см. главу 5).

Правда, противоречие между стандартизацией индивидуальных личностей ради удобства формирования организации и потребностью этих же организаций в необычных личностях ради стимулирования нужного для их развития творчества может быть решено на уровне коллективов, а не отдельных людей.

Развитие компьютерных технологий и формирование всемирной информационной сети достигнет момента, когда ее сложность будет сопоставима со сложностью человеческого мозга или даже превысит ее. С этой точки зрения нынешние раздробленные коллективные сознания могут стать элементами и контурами единого планетарного сознания (или нескольких глобальных), подобно тому, как индивидуальное сознание человека уже становится элементом сознания коллективного. Это сознание впервые может сделать человечество (а точнее – его информатизированную часть) действительно единым целым. *При этом особо развитые индивидуальное сознания, возможно, будут входить в него непосредственно, а не как элементы коллективных сознаний своих организаций или обществ.*

При усложнении и сгущении информационных потоков на базе более развитых коммуникаций еще до формирования единого планетарного сознания возникнут единые надчеловеческие, планетарные контуры переработки информации, возможно, не воспринимаемыми индивидами. Было бы безосновательным биологическим шовинизмом утверждать, что этим контурам и связанному с ними планетарному разуму (не путать с создаваемым человеком искусственным

интеллектом, которому интуиция, по-видимому, недоступна в принципе!) будут недоступны творчество и интуиция. Более того: близость по масштабу к единому информационному полю, являющемуся, как мы предположили (см. параграф 1.3), источником интуиции и творчества, позволяет допустить, что эта форма мышления будет более органична ему, чем отдельным личностям.

Снижение способности к творчеству со стороны интегрируемых в организации личностей может быть восполнено появлением нового субъекта творчества – глобального разума (или нескольких разумов такого рода), по-прежнему образуемого отдельными людьми и не существующим без них и вне них.

Человек будет постоянным источником пополнения информационного поля; возможно, некоторые его особенности (прежде всего эмоциональность[102]) обеспечат ему положение уникального элемента в иерархии разумов и, соответственно, сделают его вклад в формирование информацион-

---

102. Уникальная функция человеческого индивида, смысл его существования для мироздания – не только интеллект (как было предположено советской цивилизацией, «человек – инструмент, которым Вселенная познает себя»), но и генерирование эмоций. М.И.Веллер в «Энергоэволюционизме» [110] убедительно показал, что человек – инструмент по производству прежде всего эмоций. Несмотря на очевидное выражение настроений и системы ценностей эпохи распада, данное доказательное наблюдение исключительно важно, ибо инструментом познания Вселенной самой себя служит лишь подлинная интеллектуальная элита, то есть незначительная часть любого общества, а генератором эмоций является каждый человек. То, что большая интеллектуальная развитость обычно связана с меньшей эмоциональностью и что объясняется психологами через тормозящий характер высшей нервной деятельности, главной функцией которой (см. параграф 9.1) является альтруизм для обеспечения коллективного выживания [291], возможно, имеет и иное значение: если человек является инструментом выполнения двух основных функций, исполнение более редкой (интеллектуальной) должно сопровождаться переключением на нее ресурсов личности, чтобы не расходовать их на выполнение всеобщей (эмоциональной) функции.
В то же время более тонкая, более развитая психологически личность производит больше эмоций, что объективно улучшает перспективы русской цивилизации (подробно рассмотренной во втором томе), уникальной тем, что способствует усложнению личности и потому, оказывается, решает особо значимую для мироздания задачу.

ного поля необходимым и незаменимым. Его биологическая, социальная и технологическая эволюция станут инструментами самосовершенствования надчеловеческого сознания.

Человечество, по-видимому, еще не столкнулось с планетарными проблемами, требующими формирования и пробуждения планетарного же разума (или нескольких – скорее всего, цивилизационных – разумов, конкурирующих на глобальном поле). Но то, что инструмент этого формирования уже куется вдохновленными похотью любознательности и наживы умами, заставляет вглядываться в убегающий горизонт развития в предвкушении новых проблем и свершений. Хотя, возможно, не только коллективный разум, но и грядущие планетарные проблемы будут доступны восприятию лишь коллективного, но не индивидуального сознания, а мы сможем увидеть лишь их слабое и искаженное отражение, воспринимая его лишь как частное изменение привычных проблем.

* * *

Главный результат развития информационных технологий прост: основным действующим лицом истории становится все более разумная, все более крупная и все более «мягкая», то есть все меньше претендующая на монопольное обладание своими членами, организация. Историю в еще большей степени, чем в наполеоновские времена, делают «большие батальоны», – движущиеся сами и по своей воле, не ощущаемой для своих членов, больше не нуждающиеся в думающих за них и направляющих их Наполеонах, – по-видимому, отныне и навсегда.

Часть II.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Естественным продолжением рассмотрения воздействия современных информационных технологий, являющихся становым хребтом и непосредственным двигателем цивилизации, на эволюцию человека и человеческого сознания, служит переход к анализу воздействия этих факторов на человеческое общество.

Глава 4. УПРАВЛЯЮЩИЕ СИСТЕМЫ: УТРАТА АДЕКВАТНОСТИ

Снижение качества управления, – как государственного и общественного, так и коммерческого, – охватило как минимум основную часть человечества.

Мы видим это наиболее ярко и болезненно на примере России и читаем наиболее убедительные рассуждения об этом наших мыслителей. Наиболее четко выразил снижение эффективности системы управления великий философ А.Зиновьев, указавший на «эпидемию ошибок» как на характерную черту российского государства. Но это вызвано лишь наибольшей склонностью русской культуры к рефлексии, а отнюдь не исключительностью наших проблем: в других странах мы сталкиваемся с теми же симптомами, причем часто еще более сильно выраженными (несмотря даже на всю

глубину деградации после уничтожения советской цивилизации).

Современные управляющие системы сложились задолго до начала информационной революции и глобализации (ключевой чертой которых стало хаотичное формирование сознания) и не приспособлены к ним. Они не представляют, как работать в новых условиях, не сознают их специфических проблем и, подобно индивидуальному сознанию, теряют критерий истины.

4.1. Информационный взрыв: второй «кризис Гутенберга»

Относительно инертные общественные структуры, в первую очередь системы управления, не справляются с резко растущим количеством информации.

Эта ситуация хорошо изучена человечеством: Запад уже попадал в нее, причем исторически совсем недавно.

Как это ни парадоксально в век Интернета, изобретение книгопечатания вызвало «информационный взрыв» – резкое увеличение количества информации, повышение ее доступности и, соответственно, качественный рост числа людей, задумывающихся на абстрактные, то есть не связанные с их повседневной жизнью, темы.

Задумываясь на эти темы, люди обычно приходили к ошибочным выводам, так как не имели должной подготовки. Но эти выводы, поскольку люди делали их сами, непривычным и оттого тяжким мыслительным трудом, становились частью их личности, – и они не были готовы отказываться от них под давлением внешних авторитетов. А управляющие системы не понимали, что делать со все большим числом «новых людей».

Как и современные, тогдашние управляющие системы сложились в безнадежно «прошлой реальности», не были

приспособлены к «информационной революции» книгопечатания, открывшей Новое время, не сумели адаптироваться к ней (и даже не увидели самой этой задачи) и потому не справились с порожденными ею проблемами. Результат – Реформация[103] и серия чудовищных по своим последствиям религиозных войн.

То, что из горнила последних вышла современная западная цивилизация (основные принципы которой, на глазах разрушаемые нынешней, третьей после изобретения письменности и книгопечатания информационной революцией, оформлены Вестфальским миром), – слабое утешение на фоне их разрушительности, в относительном выражении на порядок превосходившей разрушительность даже Второй мировой войны. *Так, в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо – с 16 до 4 млн.чел..*

Сегодня «информационный взрыв» вновь превышает возможности управляющих систем (не случайно они так и не адаптировались к нему за почти 30 лет, в течение которых он продолжается), чем создает серьезные системные опасности.

Конечно, это не значит обреченность на ужас, подобный религиозным войнам Средневековья. Более того: второй «кризис Гутенберга» не может быть копией первого потому, что история не повторяется (или повторяется всякий раз по-новому).

Но многие болезненные проблемы современности порождены общей причиной: органическим несоответствием управляющих систем объективным требованиям нового, уже третьего информационного и коммуникативного скачка. Порождаемый этим кризис всеобъемлющ и требует управленческой революции любой ценой, – так как цена неудачи в общем известна.

---

103. Мартин Лютер сделал массовое книгопечатание основой своей деятельности и прямо признавал, что без него Реформация была бы невозможна.

4.2. Столкновение иерархий с сетями: буксующий симбиоз

Основные принципы всякой организации – иерархия (объединение управляющих и управляемых элементов) и сеть (объединение равноправных элементов). *На бытовом языке принцип иерархии формулируется максимой «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак», принцип сети – «Ты меня уважаешь, я тебя уважаю, – значит, мы с тобой уважаемые люди!»*

Каждому типу организации соответствует порождаемый им тип сознания. Вполне естественно, что творческие люди склонны к сетевому, а исполнители – к иерархическому типу.

Современные корпорации, даже если они не создаются гениальными изобретателями или разработчиками качественно новых продуктов, ради конкурентоспособности вынуждены генерировать поток инноваций, постоянно создавая и осваивая новые для себя технологии производства, управления и коммуникации. Поэтому руководство ими на уровне выработки и принятия разнообразных (и все менее рутинных) стратегических решений объективно требует сетевого типа сознания.

А реализация сколь-нибудь масштабных решений попрежнему требует иерархии: творцы-стратеги отдают указания о достижении намеченных ими целей не таким же, как они, творцам, но линейным менеджерам.

Которые для снижения издержек передают рутинные стандартизованные процедуры на аутсорсинг носителям частных умений и знаний, – а те являются носителями сетевого сознания (из-за не своего творческого характера, а среды обитания, где однородные субъекты вынуждены бороться за стандартные заказы, не имея возможности собраться в иерархию).

В результате верхи и низы корпоративной пирамиды оказываются обладателями одинакового – сетевого – типа сознания и противостоят ее иерархической середине.

Это вызывает к жизни умилительные картины, когда очередной Билл Гейтс, выступая перед студентами, совершенно наглядно чувствует себя с ними значительно более комфортно, чем с членами собственного Совета директоров, и говорит с ними на одном языке, понимая их на уровне междометий. В искусстве эту коллизию выразили популярные в США сюжеты с комиком, ставшим или едва не ставшим президентом страны.

Но с управленческой точки зрения это перманентный кризис: любой значимый управленческий сигнал на пути от руководителя к исполнителю переводится в принципиально иную ценностную систему как минимум дважды. Сначала высшее руководство компании, обладающее сетевым сознанием, переводит его на язык линейных топ-менеджеров, обладающих сознанием иерархическим, а затем эти менеджеры, передавая задание на аутсорсинг, вновь переводят его на сетевой язык непосредственных исполнителей.

Любой управленческий сигнал при таком двойном переводе, причем оба раза в строго противоположную логику, неминуемо искажается, что снижает эффективность управления. Эта проблема повсеместна, но обычно даже не осознается.

4.3. Размывание реальности

В ожесточенной конкуренции всех со всеми управляющие системы не могут пренебрегать технологиями формирования сознания в силу их максимальной эффективности. Однако эти технологии преобразуют не только мир, но и использующего их, – как правило, незаметно и неощутимо для него.

Использование не осознаваемого инструмента чревато неприятными неожиданностями. *Представьте себе малыша со спичками; ряду ситуаций, особенно с участием государства, ближе традиционный образ обезьяны с гранатой.*

Вызываемые информационной революцией проблемы систем управления продолжают проблемы индивидуально-

го сознания, описанные в параграфе 3.1, на качественно новом уровне. Начнем с главной: утраты чувства реальности.

Качественное снижение эффективности индивидуальной переработки информации и, соответственно, адекватности индивидуального восприятия вызвано не столько ускорением роста ее объема и разнородности, сколько прежде всего внешним (для отдельной не только личности, но и организации) и, главное, хаотичным структурированием, «сгущением» и акцентацией (включая эмоциональную окраску) этой информации.

Постоянное, хаотичное и общедоступное ее структурирование «сгущает» ее массив: так молоко сбивается в масло. Каждый факт, как днище корабля ракушками, обрастает аллюзиями, аллегориями, связями с другими фактами, комментариями и комментариями к комментариям, затемняющими его суть и значение.

Конечно, «суть» факта во многом зависит от точки зрения и мотивации его рассмотрения, но избыток неструктурированной информации, хаотично набрасываемой множеством соперничающих «творцов действительности»**, размывает саму точку зрения** как таковую**, разрушая доминирующего** в обществе **наблюдателя и**, тем самым, **восприятие объективной реальности**. *Общество начинает походить на сумасшедший дом художников, обсуждающих в забвении питательных свойств пищи ее цвет и фактуру, пока она не протухает и становится непригодной для своей основной, объективной*[104] *функции – поддержания жизни этих художников.*

Разрушение доминирующей точки зрения («информационной доминанты») и, соответственно, объективной реальности способствует **плюрализму мнений**, воспетому еще Бернсом[105]:

104. Эта функция сохраняется, как и реальность, несмотря на самое интенсивное создание и обсуждение самых изысканных информационных фантомов.

105. Переводы С.Я.Маршака не уступают оригиналам и, при всем своем самостоятельном блеске, эпиграмма, чье авторство так никогда и не было установлено «При всем при том, при всем при том, при всем при том при этом Маршак остался Маршаком, а Роберт Бернс – поэтом», не имеет отношения к действительности.

Один сказал: «Ни слова!
В кустарнике олень!»
Другой сказал: «Корова!»
А третий крикнул: «Пень!»

И, как логическое следствие столь смелых и, главное, адекватных подходов, живо памятное по «катастройке»:

Три смелых звероловa
Барахтались в реке...

При столкновении с задачей, требующей действия, плюрализм исчезает из-за восстановления объективной реальности: необходимости выбора одного из вариантов как единственно существенного (и, в итоге, единственно существующего), на основании которого надо действовать. Попытка сохранить плюрализм при необходимости выбора парализует управляющую систему, ввергая ее в шизофрению (определенную на закате гласности именно как «плюрализм мнений в одной голове»).

Как было сказано в анекдоте второй половины 90-х (передающем реальность «экономики неплатежей» с распространением денежных суррогатов): «На вопрос, сколько будет дважды два, профессор Финансовой академии при Правительстве России влепил студенту двойку за некорректную постановку вопроса: «Налом три, безналом – четыре с половиной, бартером – до шести, как договоримся, а зачетом по Лившицу[106] – и все десять».

106. Преподаватель московского Станкостроительного института, помощник президента Б.Ельцина по экономике (1994-1996), вице-премьер – Министр финансов (1996-1997), заместитель руководителя администрации президента. С последнего поста уволен после катастрофического дефолта в августе 1998 года.
На время его пребывания Министром финансов пришелся расцвет сомнительных операций, связанных с неденежными расчетами, в том числе с федеральным бюджетом [159]. При одной из популярных схем (кредитование бюджетополучателей олигархическими банками с погашением кредита федеральным бюджетом) потери достигали 30% выделяемых сумм, которая шла на оплату кредита (а бюджетополучатели получали лишь 70% декларированного в бюджете).

Только кризис, страхом уничтожения принуждая к действию, вынуждает общество к восстановлению объективной реальности путем ее расчистки из-под нагромождений «информационных фантомов». Но при постепенном нарастании кризиса общество может (подобно лягушке, сваривающейся в медленно нагреваемой воде) незаметно для себя проскочить «точку невозврата» и погибнуть, – равно как и при ошибочных действиях. Возможны (см. сноску 74 на стр.106) и успешные бессознательные действия по выходу из кризиса.

Даже грубое столкновение с реальностью в форме кризиса не всегда обеспечивает возврат к адекватности информатизированного сознания (в том числе коллективного). **Масштабные, хаотичные и разнонаправленные процессы формирования сознания размывают для него само понятие реальности**.

Управляющие системы, перейдя от однозначного восприятия среды своего обитания как данности к ее размытому восприятию как неопределенного набора вероятностей, теряют не только волю реализовывать свои интересы, но и способность их осознавать и формулировать, ставя конкретные цели.

Утрата определенности мышления лишает любую управляющую структуру почвы под ногами. Отказ от возможности существования познаваемой истины и переход к безбрежному оппортунизму по формулой «истины нет, есть лишь набор вариантов» – попытка выживания за счет готовности к утрате своей сущности, что равносильно самой этой утрате.

Физическое выживание за счет этической смерти и утраты самостоятельного целеполагания (то есть разума) порождает абсолютный цинизм, лишающий такую управляющую структуру моральной привлекательности и авторитета. Отказавшись ради краткого облегчения своего положения или ложно понятого стремления к объективности от чувства

Вскоре после ухода с госслужбы А.Лившиц стал Председателем Совета директоров банка «Российский кредит», до дефолта (в том числе и в его бытность Министром финансов) в широких масштабах работавшего с бюджетными деньгами, а затем перешел в «Русский алюминий» О.Дерипаски.

своей правоты и первичности своих интересов, она теряет способность убеждать и воодушевлять, которая в условиях информационной революции является условием управления.

Таким образом, ставшая жертвой «размывания реальности» управляющая структура теряет свое «я» и лишается самой возможности управлять, погибая как относительно самостоятельный участник общественной жизни, даже когда ей удается сохранить свою оргструктуру и финансовые потоки.

4.4. Эффект самопрограммирования

Процесс формирования сознания по своей природе обоюден: творя чужое сознание, вы неминуемо меняете и свое. Создавая «искусственную реальность» для другого, вы непроизвольно, а часто незаметно для себя и сами поселяетесь в ней.

То, что основным объектом преобразования становится сам инструмент познания – сознание – не просто расширяет мир кантовских «вещей в себе», недоступных индивидуальному познанию в каждый момент, но и порождает бесконечность представлений, «информационных фантомов», «отражений» реального мира, все менее отличимых от него. Результат – расширение и усложнение мира (см. раздел 1 предисловия и параграф 3.2). Его отражения если начинают восприниматься как реальность и жить в сознании людей самостоятельной жизнью, образуя для каждого его собственный «информационный мир».

Воздействуя на чужое сознание, Вы обволакиваете его «информационными фантомами», конструируя для него специфический «информационный мир». Он должен быть более конкурентоспособным: комфортным, привлекательным, понятным и льстящим самолюбию объекта воздействия, – чем складывающийся вокруг него помимо Вас,

в том числе и усилиями Ваших конкурентов. Это условие влияния на сознание.

Формируя чужое сознание и борясь за влияние на него, Вы не чувствуете себя одиноким. Как и на других рынках, Вы участвуете в конкуренции – различных «информационных миров», проектов альтернативных реальностей. Объект Вашего воздействия, – как правило, неосознанно – выбирает себе реальность «по вкусу», в которой ему более комфортно[107] жить.

Но, даже если конкуренты предложат ему мир, больше Вашего соответствующий его представлениям и потребностям, и Вы не «заманите» потенциального потребителя в мир, создаваемый Вами, это не значит, что он останется необитаемым.

Один обитатель ему гарантирован: это Вы сами.

Вы несете неотъемлемое бремя творца: создав мир – или его фрагмент – Вы не можете просто стряхнуть его с души и идти дальше (такое умение требует редкого по противоречивости сочетания профессиональных качеств). Созданные Вами «информационные фантомы» надолго остаются частью Вашей личности; созданные Вами «информационные миры» крайне медленно и неохотно «отпускают» Вас.

Убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания – всегда убеждение), Вы неминуемо, в силу самого характера используемых технологий убеждаете в этом и себя самого. Выстраивая логические и эмоциональные цепочки, призванные убедить собеседника, Вы проверяете эффективность своих построений прежде всего на себе – и способны выдержать подобные испытания лишь до определенного предела.

Аналогия – хорошо известный в криминологии «комплекс правдивого мошенника». Поскольку люди чувствуют, верит

---

107. «Более комфортно» – не «более приятно». Поразительно, какая часть относительно благополучных людей относительно фешенебельных обществ подсознательно жаждет (и тем более готово) погрузить себя в мир страха, угроз и насилия. Основная причина, как показано в параграфе 3.1, – сенсорное голодание.

ли сам их собеседник в свои слова, для надежного обмана надо не просто изображать уверенность в своей правоте, но самому искренне и без остатка поверить в нее.

Заменив слово «обмануть» словом «убедить», вы обнаружите секрет – как эффективности современного управления, так и ограниченности выдающихся менеджеров, популярных телеведущих и журналистов-аналитиков.

Вольно или невольно убеждая себя в том, во что предстоит поверить объекту Вашего воздействия, Вы теряете как минимум объективность. Ведь, **чтобы убедить, надо исключить сомнения, – то есть добровольно отказаться от** «несанкционированного использования» **разума** и запретить себе критическое восприятие не только своих слов, но и действительности.

Столкнувшись с размыванием реальности, управляющие системы нашли выход в ее повсеместном конструировании. Но, решая сиюминутные задачи, они не озабочены тем, как соотносятся с действительностью массово созидаемые ими «информационные миры».

А ведь для объектов управления расхождение между созданным управляющей структурой информационным и реальным мирами может стать и летальным. *Стараниями Льюиса Кэролла каждый легко представит себе Алису в Зазеркалье, – но как вообразить свою, реальную жизнь по финансовому – или любому иному – плану, сверстанному этой Алисой между «безумным чаепитием» и игрой в крокет ежами и фламинго?*

Вопреки узбекской пословице, если Вы сто раз с должным желанием убедить произнесете «халва», во рту у вас станет сладко. Если при этом опираться на мощь современных информационных технологий, легко можно заработать диабет. Мучаясь им, Вы и не вспомните, зачем начали всю эту историю, – но навсегда запомните сладость и аромат никогда не существовавшей халвы. *В относительно слабо развитых обществах похожий эффект наблюдается по отношению к демократии.*

Этот явление – **самопрограммирование** – едва ли не самая грозная опасность, порожденная превращением формирования сознания в наиболее эффективный бизнес.

Управляющие системы, массово применяющие технологии формирования сознания, на наших глазах теряют адекватность в масштабах уже не отдельных авторитарных режимов вроде постдемократических США (см. параграф 5.7), но всего мира.

Это ведет к непредсказуемым, но печальным последствиям для человечества, которое ведут впавшие в эйфорию самовлюбленные слепоглухонемые капитаны, убежденные в своей неизбывной правоте и в полной достаточности своих органов чувств.

4.5. Эмиграция из реальности: исправление восприятия

Управляющие системы все более склонны, пользуясь пластичностью сознания, **решать проблемы реального мира** не реальными же, но **пропагандистскими действиями**, «промыванием мозгов» или, в соответствии с более корректным, но не менее внятным немецким термином, «массажем душ». Для специалистов по формированию сознания это столь же обычное профессиональное заболевание, как силикоз – для шахтеров.

Этот подход состоит в отвлечении общественного внимания от проблем для откладывании их решения. Ведь в силу ограниченности ресурсов управляющая система не может взяться сразу за все даже наиболее острые проблемы. Установив приоритеты (как сознательно, так и неосознанно), она концентрирует ресурсы на их части, откладывая остальные «на потом».

Среди отложенных проблем могут быть болезненные, чреватые напряженностью и даже потрясениями. Применение технологий формирования сознания для смягчения

остроты проблем, которые не могут быть решены сразу, – обязанность управляющих систем, род необходимой социальной терапии.

Таким образом, в ограниченных масштабах и в краткосрочной перспективе формирование сознания вместо решения реальных проблем, несмотря на свою чудовищность с точки зрения здравого смысла, – а возможно, и благодаря ей, – необходимый метод общественного управления.

Но его эффективность ведет к чрезмерности применения.

Внутри управляющей системы понимание отложенности проблем вытесняется так же, как оно вытесняется из сознания, находящегося вне этой системы. Это пример «самопрограммирования», рассмотренного в прошлом параграфе: управляющая система становится жертвой собственной пропаганды.

Затем неадекватность выходит на новый уровень: **технологии формирования сознания** из инструмента временного отвлечения общества от отложенных проблем **становятся механизмом решения проблем, в том числе приоритетных для управляющей системы**. *Признак данной стадии заболевания – влияние специалистов по связям с общественностью не только на реализацию решения, но и на его выработку.*

Обычные бюрократизированные организации, положение в которых зависело не от влияния на реальность, а от умения отчитаться перед вышестоящими, на фоне современных информатизированных структур, пораженных этим недугом, начинают выглядеть оазисами здравомыслия и добросовестности[108].

Уже не отдельные люди, а целые управляющие системы отгораживаются от мира экраном телевизора и подменяют диалогом с ним жизненно необходимый для них диалог с об-

108. Это одна из причин, по которым даже в насквозь либеральном, пропитанном «офшорной аристократией» и во многом созданным ею госаппарате современной России столь сильна ностальгия по Советскому Союзу.

ществом, концентрируя силы на изменении не реальности, но телевизионной «картинки», все более заменяющей им реальность.

Апологеты технологий формирования сознания не видят здесь опасности. Пав жертвой своих умений, они паразитируют на их краткосрочной эффективности. Но изменение даже господствующих представлений о мире не меняет этот мир, особенно в желательном направлении. *Иначе человечество не испытало бы потребности не только в знании, но и в реальных достижениях и удовлетворялось бы мастерством шаманов, для успеха охоты рисующих на стенах пещер убитых зверей, – ибо придумывать телевидение было бы незачем, а значит, и некому.*

Доминирование «исправления восприятия вместо исправления действительности» лишает управление адекватности поразительно быстро и необратимо. Оно строит для себя мир иллюзий (иногда не менее суровый и напряженный, чем настоящий) и погружается в него, забывая о реальности не менее прочно, чем нувориши – о жизни покинутых ими низов общества. *Классический пример такого рода «эмиграции из реальности» – кипучая деятельность администраций президентов России примерно с 1995 года.*

Менеджеры испытывают намного большую потребность в формировании своего сознания, чем обычный человек, являющийся объектом, но не субъектом управления. Причина – противоречие между собственным мнением менеджера и управленческим импульсом, который он транслирует. Современные управляющие системы, становясь все более гибкими, вынуждены стимулировать развитие у менеджеров самостоятельности и инициативы, обостряя этот конфликт между служебным долгом и здравым смыслом, дисциплиной и инициативностью.

Данное явление впервые выявлено исследователями административно-командной системы сталинских времен (получило название «сшибки» [89]), но не исчезает и в гибких системах с делегированием ответственности. Оно порождается:

- неизбежными для управляющей системы ошибками, которые сразу видны исполнителю, но осознаются ей с опозданием или, при их малой значимости, не осознаются вовсе;
- частым превышением затрат на рационализацию эффекта от нее, из-за чего сохранять неразумный порядок (раздражающий всех причастных к нему) выгоднее, чем исправлять его;
- невниманием управляющей системы к психологическим аспектам управления в силу ее несовершенства или отвлечения внимания (например, в моменты кризисов);
- «эффектом масштаба»: менеджер обычно не видит проект в целом, что не дает ему понять смысл своей работы.

Этот конфликт, нуждающийся в смягчении, есть почти в любой управленческой системе. Надо примирить менеджера с нерациональной с его точки зрения частью его функций и при этом не подавить его полезных качеств. Организационно-психологический характер задачи требует применения для ее решения технологий формирования сознания, а повсеместность проблемы обеспечивает массовость их применения.

Поэтому менеджеры даже сильнее объектов их воздействия нуждаются в более упорядоченном мире, если и не в более понятном, то хотя бы в лучше объясненном. Создавая объяснения для других, они в первую очередь создают их для себя.

Библия менеджеров эпохи глобализации – «Бизнес в стиле фанк» [229] – справедливо указывает, что организация и пропаганда снижают болезненность неопределенности, характеризуя их как «прозак[109] для менеджеров».

Восприимчивость членов управляющих систем к технологиям формирования сознания выше, чем у обычных людей, еще и в силу большей адаптированности этих технологий именно к их особенностям. Ведь создавая, реализуя и рас-

109. Прозак – популярное успокоительное средство, антидепрессант.

пространяя эти технологии, члены управляющих систем накладывают на них отпечатки своих личностей (это свойство всех гуманитарных технологий). В результате технологии формирования сознания лучше всего приспособлены к личностям тех, кто их применяет, – и, соответственно, лучше всего действуют на них самих.

Поэтому менеджеры наиболее склонны подпадать под воздействие технологий формирования сознания. *«Ах, обмануть меня несложно, – я сам обманываться рад».*

Это стимулирует не только описанный в прошлом параграфе эффект самопрограммирования, но и «эмиграцию из реальности»: стремление решать реальные проблемы виртуальными действиями, меняющими не действительность, но ее восприятие. Это уводит управляющую систему из реальности: она погружается в «информационный мир», сформированный ею для себя самой, – подобно тому, как пользователь социальной сети погружается в «кокон комфорта», удерживающий его внимание и надежно блокирующий его развитие (см. параграф 1.5).

Однако в обществе, как и в природе, масштабы и длительность снижения адекватности управляющих систем имеют объективные пределы, создающиеся конкуренцией.

В коммерческой сфере такой предел кладет рынок. Как показывают проколы фондовых пузырей, даже системное воздействие на него не бесконечно: еще Линкольн подчеркивал, что «можно обманывать часть народа все время, и весь народ некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время»[110].

В политике неадекватность управляющих систем ограничивается волеизъявлением масс, теснее этих систем соприкасающихся с реальностью. Его форма – от снижения рейтингов до революции – не важна и зависит от уровня развития общества.

110. Об актуальности этой мысли для США свидетельствует то, что позднее ее дословно повторил Ф.Д.Рузвельт: «Можно обманывать немногих длительное время, можно обманывать многих недолго, но нельзя обманывать всех всегда».

Технологии формирования сознания во многом снимают это внутреннее ограничение, сохраняя внешние ограничения, связанные с конкуренцией. Неадекватность управляющих систем новым условиям ведет к политическим катаклизмам уже не прямо (через рост внутренних социально-экономических противоречий), а лишь через поражение общества в глобальной конкуренции. Это более долгий и разрушительный путь.

Таким образом, технологии формирования сознания снижают адекватность управления и повышают «цену ошибки».

4.6. Эскалация безответственности

Доля людей преимущественно творческого труда, хотя и возросла из-за распространения информационных технологий, осталась относительно небольшой даже в развитых обществах. Расширение их круга частично компенсировалось сужением из-за углубления специализации сферы творчества каждого из этих людей. Это сужение сокращало пространство их интеллектуальной и эмоциональной самостоятельности. За сжимающимися границами поля своей профессиональной компетентности они остаются объектами информационного воздействия, не способными не только противостоять ему, но и даже осознавать его наличие. В этом отношении занятые творческим трудом специалисты за пределами своей компетенции не отличаются от обычных людей.

Динамичное и хаотичное информационное воздействие на индивидуальное сознание выталкивает его из реальности в мир информационных фантомов и заставляет оценивать даже привычную повседневность исходя из опыта и системы ценностей, получаемых от медиа, а затем – из социальных платформ. *Как заявил один либерал в беседе с авто-*

ром еще в 2015 году, «телеканал “Дождь” дает все, что мне надо знать о мире».

Такие опыт и система ценностей обычно не вызревают в недрах тех или иных коллективов, но имплантируются в них извне, а перед тем конструируются в соответствии в лучшем случае с целями заказчика, а то и со случайными прихотями их непосредственных разработчиков. А заказчиком могут быть любые структуры, включая и те, интересы которых прямо противоположны интересам соответствующего общества.

«Кажимости и мнимости победили в борьбе с данностями», – отметил российский теолог еще четверть века назад [83].

Для индивида такое «имплантирование» мировоззрения и даже простого восприятия имеет, как ни парадоксально, и значительные **положительные стороны**.

Меньшая отягощенность грузом естественно сформированных стереотипов способствует большей мобильности индивидуального сознания, повышению его гибкости, адаптивности и раскрепощенности, а значит – и творческой мощи или, как минимум, вульгарной конкурентоспособности.

Подспудное ощущение индивидуальным сознанием неполной реальности сконструированного для него и окружающего его мира порождает специфический **облегченный тип поведения**, независимо друг от друга открытый и исследованный рядом серьезных писателей Запада. К их носителю может быть применен удачный термин Й.Хейзинги «человек играющий» (см. раздел 3 предисловия). Для него характерно по меньшей мере неполное осознание грани между реальным и воображаемым миром и, соответственно, отсутствие четких представлений о причинно-следственных связях, в том числе по отношению к результатам собственной деятельности.

До тех пор, пока еще не до конца уничтоженное «общество всеобщего благосостояния» берет на себя обеспечение безопасности своих членов, это повышает не столько риски, сколько возможности носителя «информатизированного сознания».

«Имплантирование мировосприятия» способствует формированию безответственности, безотчетности и раскованности как мышления, так и действий, – своего рода инфантилизма, необходимого для свободного и эффективного творчества[111]. *Доведенная до абсурда противоположность такому типу сознания – «сверхответственность» древних буддистских мудрецов. По легендам, они предвидели все последствия каждого своего действия и, дабы не причинять зла и избавить мир от негативных последствий своей активности, обрекали себя на бездействие, доходящее не только до физической неподвижности, но даже до отказа от мыслей.*

Пока общество сохраняет социальные рамки, воплощенные не только в традициях, но и в разнообразных разноуровневых коллективах, сложившихся в ходе постепенной и потому относительно гармоничной интеграции творческих людей в нетворческие общественные структуры, творческая безответственность остается в основном здоровой, относительно безопасной для индивида и общества. Коллектив служит как бы «зонтиком» для творческого и потому, с одной стороны, уязвимого, а с другой – безответственного и опасного для окружающих индивида.

Но это имеет место лишь в развитых обществах и лишь до разрушения их базовой социальной структуры, идущего под воздействием информационных технологий полным ходом.

Значительно менее идиллическая картина наблюдается в менее развитых обществах, в которых информационные технологии, включая технологии формирования сознания, не вызрели естественно изнутри, обзаведясь по ходу эволюции «шлейфом» социальных противовесов, а были имплантированы извне. В этих условиях творческая безответственность, необходимая для развития и даже существования высокоэффективных технологий, со стороны управляющих систем может привести (и сплошь и рядом приводит!) к катастрофическим последствиям.

111. Эта закономерность отражена в устоявшихся терминах «творческая безответственность» и «необходимый минимум здоровой безответственности».

Пример 16

«Творческая безответственность» в новейшей российской политике

Массу примеров таких последствий дает построенная именно по этому принципу деятельность руководства нашей страны на протяжении всего (отнюдь не окончившегося) более чем 30-летия национального предательства, начатого разрушительными хозяйственно-политическими реформами Горбачева в 1987 году. Эта «творческая безответственность» демонстрировалась такими разными политическими группами, как:

- «команда Горбачева» в 1986-91 годах;
- соратники Ельцина в 1989-96 годах;
- «гайдаровцы» и «приватизаторы» в 1992-98 годах;
- «олигархи» в 1995-99 годах;
- группы кремлевских специалистов по предвыборным технологиям с президентских выборов 1996 года;
- доведшая страну до дефолта и девальвации, проявившая верх безграмотности «команда молодых реформаторов» в 1997-98 годах.

Увы! – как мы хорошо знаем (хотя бы реформе электроэнергетики 2004, людоедской «монетизации льгот» 2005, перманентной пенсионной реформе и «налоговому маневру», повысившему цены на бензин после президентских выборов 2018 года), этот список можно продолжать.

Таким образом, систематическое, массовое и хаотичное воздействие информационных технологий освобождает индивидуальное сознание от груза ответственности, в том числе и за последствия его действий, инфантилизируя его.

Как было показано в параграфе 1.1, информационные технологии лишают человека объективизированного критерия истины. Доступная ему практика, обычно служащая этим критерием, носит уже не материальный и потому бесспорный, но во многом информационный, «виртуальный»

характер, задаваемый представлениями, господствующими в его окружении (масштаб которого варьируется в зависимости от его деятельности: от семьи до всего человечества) и медиапространстве. Значение события определяется уже не столько его реальными последствиями, сколько господствующими в таком коллективе и медиапространстве мнениями и восприятиями[112].

Индивидуальное сознание, попадая в информационный мир, оказывается как бы в зеркальном зале, стены, пол и потолок которого бесконечно и разнообразно отражают друг друга и теряющиеся внешние воздействия, лишая наблюдателя чувства реальности – и ряда неотъемлемо связанных с ним качеств, включая ответственность. В результате, оставаясь материальным объектом, человек начинает сознавать себя и действовать в «виртуальном», информационном мире не реальностей, но оценок и в первую очередь – ожиданий. Его действия влияют не только на информационные, но и на реальные объекты, остающиеся для «неинформатизированного» большинства членов общества единственно воспринимаемой реальностью, – но, так как он не воспринимает реальность, он не сознает и последствия своего влияния на нее.

«Спортсмены как дети, убьют – не заметят».

Качественно большая по сравнению с обычными технологиями эффективность технологий информационных позволяет такому индивидуальному сознанию с лихвой компенсировать для себя потери от ошибок, совершаемых им при взаимодействии с не воспринимаемой им реальностью. Последствия этих ошибок перекладываются на менее творческую, менее эффективную и потому более уязвимую часть общества, которая и расхлебывает последствия увлекательного и безответственного творчества своей элиты.

«Информатизированное» сознание не просто воспроизводит себя, но постоянно выигрывает конкуренцию у обычных сознаний, воспринимающих адекватную, а не информацион-

112. «Информационное пространство» каждого отдельного человека и очерчивается этим «большим коллективом» и медиапространством.

ную реальность. В результате оно превращается в символ и образец успеха, пример подражания и, постепенно, в господствующую в рамках управляющих систем модель сознания. В обществе в целом данная модель также господствует, но уже по-иному – не в количественном, а лишь в идеологическом плане, как цель для массовых устремлений.

Нечто подобное, хотя и в меньших масштабах, в обычном, еще не информатизированном обществе происходит со специальностями, связанными с преобразованием сознания, с зачатками будущего high-hume'а: с кинозвездами, политиками, шоуменами, телекомментаторами и телепроповедниками.

Живущее в информационном мире индивидуальное сознание становится примером для подражания не только из-за успешности своей деятельности, но и из-за несравненно большей комфортности повседневного существования. Ведь все фрагменты воспринимаемой им информационной реальности конструируются, хотя и разными творцами, с учетом особенностей человеческого восприятия.

Поэтому **информационная реальность изначально адаптирована к индивидуальному сознанию** и является для него несравненно более дружественной и комфортной, чем обычная, не приспособленная к человеческому восприятию, которая по контрасту (а во многом и объективно – из-за последствий «безответственного творчества» элиты) кажется все более грубой, а то и шокирует. Это подстегивает стремление к «эмиграции из реальности» не только отдельных людей, но и целых управляющих систем.

Потеря объективизированного критерия истины многократно усиливает стремление индивидуального сознания **к комфорту**. Утратив возможность преследовать истину, оно начинает жаждать ее эрзаца в виде комфорта (яркий пример успеха такой замены дает протестантизм). При этом «информатизированное сознание» может значительно дольше обычного безнаказанно игнорировать не устраивающую его реальность.

И все это – сверх тех преимуществ, которые сам по себе дает творческий труд по сравнению с обычным! Все это –

и большая эффективность, и потрясающий социальный статус (символ успеха!), и безнаказанность, и повседневный душевный комфорт – сверх радости творчества и восторга от постоянного познания нового и созидания новой реальности, которые сами по себе дарят работнику информационные технологии!

Ни отдельная личность, ни тем более общественная группа не в силах отказаться от подобного социального наркотика.

Безнаказанность информатизированного сознания имеет, конечно, и теневые стороны, но не для него, а для включающего его коллектива, вплоть до человечества в целом. Главная опасность в том, что в силу разобранных выше причин, стремления к комфорту, а не к истине и оторванности от реальности информатизированное сознание склонно к нарастающим ошибкам, которые могут дезорганизовать коллектив, обеспечивающий его работу и оберегающий его от негативных воздействий материального мира.

Наиболее характерные из таких ошибок свойственны детскому сознанию, лишенному критичности из-за ничтожности опыта и дополнительно ограничивающей этот опыт опеки взрослых. Сознание работников информационных технологий лишено критичности из-за отделенности от реальной жизни, ограничивающей их опыт опеки (уже не взрослых, а коллектива), взаимодействия с иной, информационной реальностью, в том числе и на ином, не вербальном уровне.

Так, классическое оружие информационных технологий – нейро-лингвистическое программирование – основано на невербальном воздействии, в том числе и формально вербальных средств, не на вторую сигнальную систему и связанную с ней логику, но непосредственно на подсознание.

В распространении ценностей, в том числе в культурно чуждых им обществах, исключительно эффективна музыка (см. пример 15). Когда-то Beatles и хеви-метал сокрушили СССР, а сейчас по тем же лекалам суфийская музыка служит желудочным соком, которым ислам переваривает Европу.

Распространение информационных технологий заставляет людей и коллективы действовать в условиях агрессивной информационной среды, к которой они не приспособлены и перед которой беззащитны[113]. Для нее характерны:

- заведомая избыточность и снижение качества информации *(так называемый «белый шум» – один из наиболее древних инструментов сокрытия информации, сохраняющий эффективность[114])*, проявляющаяся, в частности, в непрерывном нарастании «информационного шума» в Интернете [273];
- отсутствие адекватного структурирования доступной пользователю информации (это почти гарантия ее неверности);
- хаотическое, непредсказуемое развитие и взаимодействие множества разнообразных «информационных фантомов», сконструированных специалистами в области *high-hume* для различных целей, многие из которых не отличимы от реальных факторов, а многие продолжают существование и случайное взаимодействие с другими «информационными фантомами»[115]

113. Классический пример такой беззащитности продемонстрировали советские системы управления, столкнувшиеся на рубеже 80-90-х с концентрированной информационной атакой со стороны своих стратегических конкурентов.
Автор, по глупости и энтузиазму молодости участвовавший в политической борьбе того времени на стороне «демократов», до сих пор потрясен беспомощностью не просто грозных, но и всемогущих в неинформатизированной реальности структур государственного управления СССР.
114. Математически доказано, что «белый шум» – едва ли не наиболее стойкий и эффективный криптографический алгоритм. При этом «зашумление информационного пространства ведет к формированию у наиболее продвинутых его обитателей, догадывающихся о криптографической функции «белого шума», …комплекса информационной неполноценности и бессилия с последующей алгоритмизацией их познавательной деятельности» [200].
О «намеренном зашумлении информационного пространства для маскировки и сокрытия …важных сообщений и знаний» впервые рассказали Э.Шмидт и Д.Ассандж в ходе обсуждения [191] проекта книги «Новый цифровой мир» [342].
115. Название этого явления, – «инверсия информационных потоков», – как и многое другое, введено в практику Стругацкими.

и после выполнения ими своих задач (классический пример такого «информационного фантома» – легенда о «снежном человеке»);

- существование многих принципиально непознаваемых в данных условиях явлений (например, части тех же самых «информационных фантомов»), порождающих интеллектуальную пассивность в стиле «есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – науке... не известно», где в заключающей части реплики внятно слышится отчетливое «все равно».

Современное информатизированное сознание объективно утрачивает ответственность, – равно как и управляющие системы, сложенные из таких сознаний. Как и специалист в области информационных технологий, работая с телевизионной «картинкой» и господствующими представлениями, управленец теряет понимание того, что его решения влияют на жизнь реальных людей. Он просто забывает о них, что в сочетании с его эффективностью превращает его в прямую угрозу для общества.

Безответственность управляющих систем начинает транслироваться на все общество и копироваться им, превращаясь в стиль жизни, распространяющийся, как лесной пожар[116].

Механизм тиражирования безответственности прост.

Максимальная эффективность технологий формирования сознания качественно повышает влиятельность тех, кто владеет ими и применяет их, давая им власть и богатство. «Платы за могущество» нет; человек, создавая новые представления и формируя сознания других людей, чувствует себя творцом, близким к богу. Эйфория систематического творчества вкупе с безответственностью дает ему невиданное удовлетворение от жизни.

116. Наблюдается, таким образом, «ретрансляция безответственности»: управляющие системы, приобретая ее в результате воздействия образующих их информатизированных индивидуальных сознаний, с удесятеренной силой возвращают ее в общество, «заражая» ею и неинформатизированные сферы.

Безответственность, могущество и радость от работы не могут не вызывать подражания. Но обычный человек, работа которого не сопряжена с применением технологий формирования сознания, не может подражать порождаемым ими могуществу и радости. Из всего джентльменского «набора топ-менеджера» ему доступна лишь безответственность.

В результате она становится образцом для подражания, что подрывает дееспособность уже не только управляющей системы, но и всего общества. Последнее, в частности, лишается возможности одернуть или заменить «заигравшуюся» элиту.

Снижение ответственности как отдельной личности, так и управляющих систем и общества в целом при столь же широкомасштабной эрозии адекватности – поистине гремучая смесь, грозящая всей современной цивилизации в ее нынешнем виде.

4.7. Проблема будущего: неуправляемость творчества

Как показано в параграфе 1.3., в силу развития информационных технологий логика уступает место внелогическому, образному, творческому мышлению, способность к которому – все более значимый фактор конкуренции. Между тем такое мышление (и это правило лишь подтверждается исключениями) неразрывно связано с психологической неустойчивостью, которая является своего рода оборотной стороной медали.

Ночной кошмар любого способного задумываться об этом управленца: трудовой коллектив (если вообще не стая) шизоидов, – станет в отнюдь не далеком будущем объективным требованием эффективности и конкурентоспособности!

Сегодняшние системы управления, сформировавшиеся в прошлой реальности не информационных, но индустриальных технологий, не способны не только воспитывать

все более необходимых творческих людей, но даже и просто управлять их деятельностью. *Килотонны литературы, ежегодно публикуемые на эту тему, – неопровержимое доказательство нерешенности проблемы: надежное решение найдено лишь для исключительных, критических ситуаций, самоочевидно требующих предельного напряжения сил всех их участников (вроде советского и американского атомных проектов), – но, увы, только для них.*

Мы можем сколько угодно тешиться тем, что «потребность рождает функцию», и управляющие системы приспособятся к новым требованиям (хотя вопросы цены, длительности и разрушительности этого приспособления открыты), – но гарантии успеха их стихийной трансформации (а значит, и гарантии нашего выживания) блистательно отсутствуют на протяжении вот уже более чем жизни целого поколения.

Кроме того, поскольку непосредственно принципы организации общества задает именно система управления, изменение ее характера означает **принципиальное изменение самого общественного устройства**, – а значит, **и всей нашей жизни**.

Глава 5. ВЫРОЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

5.1. Что такое демократия и зачем она нужна

«Демократия – наихудшая форма правления, если не учитывать…, что другие формы… еще хуже»

Уинстон Черчилль [307]

Исчерпание возможностей привычной модели мирового развития проявилось не только в хозяйственной, но и в идеологической сфере[117], обернувшись кризисом ключевого фактора самоидентификации Запада, – демократии.

Удивительно, как быстро летит время.

Это понятие сохраняет свежесть концептуально нового призыва, переворачивающего, обновляющего и возрождающего старый затхлый мир.

А ведь основные демократические институты окончательно созданы более трети тысячелетия назад – в XVIII веке – и с того времени лишь дорабатываются. Между тем, вопреки апологетам достижения современного им человечеством высшего совершенства – от Гегеля до Фукуямы – развитие продолжается и, меняя требования к организации управления, создает необходимость более глубоких изменений, чем те, к которым мы привыкли и которые считаем поэтому допустимыми.

117. По-видимому, это закономерно; так, в России исчерпание возможностей созданной либералами модели «дикого капитализма» выразилось в дефолте 1998 года, который стал не только экономической и политической, но (для немногих честных носителей либерального сознания) и идеологической катастрофой.

Эти изменения должны быть технологичными и, как минимум, решающими хотя бы основные проблемы, с которыми демократия в ее традиционном западном понимании не может справиться.

Первая из этих проблем – все более наглядное **ограничение демократии**, драматическое сужение сферы ее действия.

Понятие «демократия» употребляется здесь не для обозначения набора формальных институтов вроде парламента, партий, независимых от остальных ветвей власти судов и медиа, существующих не только при многих авторитарных, но и даже при прямо террористических режимах (например, на Украине после организованного Западом фашистского переворота 2014 года), но в первичном, исходном значении этого слова.

Эффективность управления обеспечивает **не формальная, но содержательная демократия**, понимаемая не как набор институтов, различных для разных культур и разных степеней развития, но как **результат: обеспечение максимального учета управлением интересов и мнений управляемых.**

Ключевое значение имеет учет мнений как инструмент реакции управляющей системы на изменение потребностей общества и залог ее гибкости. Молодая зубастая диктатура учитывает *интересы* общества лучше одряхлевшей демократии, которую она сносит; но, не будучи способна воспринимать чуждые ей *мнения*, она не замечает выражаемого ими изменения потребностей общества, окостеневает и утрачивает адаптивность.

Содержательная демократия может осуществляться формально недемократическими процедурами[118]: так, царская охранка и КГБ выполняли (в том числе сбором слухов) важнейшие социологические функции, и полученные

118. Классический пример – демократия родоплеменных обществ, закрепленная обычаями, а не писаными законами.

ими результаты зачастую порождали ключевые государственные решения[119].

Причина подрыва демократии в ходе глобализации – прежде всего ослаблении государства – несущей конструкции и опоры современных демократий.

5.2. Размывание государства: параллельные центры власти

Наряду с возникновением Интернета и глобальных рынков размывание государства (кроме, конечно, США) – едва ли не единственный общепризнанный исследователями факт.

«...Процессы, связанные с глобализацией, сокращают возможности ...правительств по контролю внутриполитической ситуации... Отдельные государства... под усиливающимся воздействием ситуации на мировом рынке теряют суверенитет над ...экономикой... Выходят из-под контроля

119. Яркая иллюстрация – изучение самосознания крестьянства (естественно, в то время она формулировалась в иных терминах), проведенное в ходе подготовки отмены крепостного права в России.
И государственные деятели, и интеллигенция того времени считали уровень самосознания крестьян низким, что означало отсутствие их заинтересованности в личной свободе и стремление к освобождению только с землей.
Изучение слухов, сплетен и частных разговоров крестьян, проведенное Третьим (жандармским) управлением (в том числе спаиванием крестьян агентами в кабаках с последующими разговорами «по душам») показало устарелость этого подхода: накануне отмены крепостного права произошел взлет самосознания крестьянства, приведший к широкому распространению идей личной свободы. Понимание этого государством изменило характер реформы, сделав возможным освобождение крестьян без земли, а, следовательно, – и саму реформу в том виде, в котором она была проведена.
Ирония истории проявилось в том, что учет мнений общества, то есть бóльшая демократичность, кардинально снизили эффективность реформы. Освобождение без земли, сохранив уже нежизнеспособное к тому времени помещичье землевладение, затянуло агонию феодализма на всю вторую половину XIX и начало XX века и породило целый класс образованных, лишенных приемлемых для себя доходов и потому враждебных государству помещичьих детей, которые стали несгибаемым хребтом революционного движения [102].

информационные потоки. Многие функции, ранее выполнявшиеся правительствами, переходят к транснациональным корпорациям, институтам гражданского общества. Национальные и международные неправительственные организации... оказывают растущее влияние на общественное мнение, формирование политики, выработку законов, сами выполняют функции социальной защиты и даже принимают участие в деятельности комитетов и комиссий ООН. Правительства ...утрачивают монополию на реализацию властных полномочий. Власть растекается» [264].

Традиционные властные полномочия государства вырываются у него как наднациональными, так и внутренними структурами, в сфере как международных отношений, так и внутренней политики. Более подробно этот процесс будет рассмотрен в параграфе 14.2.2., а пока перечислим лишь основные виды наднациональных структур, ограничивающих полномочия и возможности государства:

- межгосударственные структуры (НАТО, ВТО, находящаяся после холодной войны в перманентном кризисе идентичности ООН, МВФ, Мировой банк и т.д.);
- глобальные корпорации;
- международные неправительственные, религиозные и преступные организации (их объединяет негосударственный и обычно внеэкономический характер целеполагания);
- глобальные медиа.

Последние непосредственно формируют глобальное общественное мнение и «моральные стандарты», навязываемые государствам тем эффективнее, чем более слабыми они становятся.

Глобализация ограничивает роль государств не только «сверху», но и «снизу», укреплением и выходом на международную арену отдельных элементов общества. Это те же самые структуры (кроме изначально межгосударственных), которые ограничивают государство «сверху», но на более раннем этапе развития, когда они еще не стали международными и не утратили своего национального «лица».

Помимо корпораций значительную роль начинают играть регионы, причем как наиболее, так и наименее развитые. Первые приобретают определенную автономию в обмен на политическую лояльность и согласие на передачу их средств в пользу вторых, а вторые – в качестве дополнительного инструмента саморазвития[120].

Главный источник влияния структурных элементов общества, позволяющий им вступать с государством в диалог, – **привлечение на свою сторону глобальных сил**. Понятно, что внешние силы поддерживают элементы общества лишь в обмен на продвижение своих интересов. Обычно они не совпадают с интересами общества, так как иначе реализуются им самостоятельно, и потребность в их специальном продвижении при нормальном функционировании общественных механизмов просто не возникает. В результате общественные структуры, опирающиеся на внешние силы, становятся проводником их интересов – «пятой колонной», часто стоящей на службе конкурентов своего общества и действующей против него.

Так, развитые страны используют сети негосударственных организаций (в том числе образующих так называемое «гражданское общество») для навязывания своих стандартов менее развитым обществам. Эти стандарты, вызревшие в иных условиях, в лучшем случае непосильны для них, а часто подрывают и культурные, и материальные основы их конкурентоспособности, а то и самой жизни.

Снижение роли государства в ходе глобализации, ограничивая влияние общества на политику и на свое развитие, способствует навязыванию ему внешних, чуждых, а часто и враждебных ему интересов, мотиваций и практических действий.

120. К этой категории относятся многочисленные «внутренние» оффшоры, прежде всего в США и Англии, а также территории, на которые разрешены специфические виды деятельности (например, индейские резервации, в которых, как и в построенном посреди пустыни Лас-Вегасе, разрешены азартные игры).

5.3. Элита: прорыв в никуда

Технологии формирования сознания ограничивают демократию и непосредственно: так как для формирования сознания общества нет нужды менять сознание всего населения – достаточно воздействовать лишь на его элиту (разумеется, в управленческом, а не моральном смысле слова).

Элита общества – его часть, участвующая в принятии и непосредственной реализации важных для него решений или являющаяся примером подражания[121]**.**

Усилия по формированию сознания, концентрируясь на сознании элиты, меняют его быстрее, чем сознание общества в целом, и оно начинает резко отличаться от сознания большинства.

Отрываясь от общества, элита перестает выполнять свои функции, оправдывающие ее существование. Подвергающаяся форсированной перестройке сознания элита мыслит по-другому, чем ведомое ею общество, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает мир и иначе реагирует на него.

Это уничтожает возможность содержательной демократии (в том числе лишая смысла институты демократии формальной): идеи и мнения общества уже не диффундируют на верх управляющей системы по социальным капиллярам, не воспринимаются элитой и перестают влиять на развитие общества через изменение ее поведения.

В результате потенциал демократии сжимается до рамок самой элиты. *Скорость этого процесса демонстрирует Россия, в которой «демократы» уже к 1996 году, то есть за 5 лет своего господства, оторвались от народа сильнее, чем коммунисты – за 70 лет своего.*

121. Именно в качестве примеров для подражания в элиту входят, например, «звезды» эстрады. Как бы ни было это обидно для высококвалифицированных госслужащих и титулованных политиков, успешный шоумен влияет на общественное сознание сильнее большинства из них и потому должен признаваться более высокопоставленным членом управленческой элиты.

До момента коренного преобразования сознания элиты мы видим на многочисленных примерах, что эффективность системы управления способна, по крайней мере, на время компенсировать слабость или даже отсутствие демократических институтов.

Пример 17

Демократия прямого действия

В начале 30-х годов XX века, когда все развитые страны по технологическим причинам (повсеместность конвейера и необходимость госвмешательства в экономику ради ограничения произвола монополий) ограничили формальную демократию, письма граждан президенту США стали важным инструментом корректировки экономической политики. Ф.Д.Рузвельт добился направления по многим из них представителей президента, которые «задним числом» изменяли условия коммерческих сделок, чрезмерно ухудшавших положение граждан и грозивших при широком применении неприемлемым обострением социальной ситуации[122].

Классическим примером стало и получение в начале войны Сталиным письма от безвестного лейтенанта Г.Н. Флерова (энтузиаста ядерной физики, в 30-е работавшего в колыбели советской физики, Ленинградском физико-техническом институте), в котором тот извещал всесильного и, как подразумевалось пропагандой, всеведущего вождя об исчезновении из мировых научных журналов статей по ядерной физике после подлинного шквала публикаций в самом конце 30-х годов. Это письмо не просто дошло до адресата – оно было воспринято им и (разумеется, наряду с другими сигналами, – работа над «урановой проблемой» шла интенсивно[123]) стало одной из причин развертывания советской ядерной программы.

122. Чаще всего применялись меры по предотвращению выселения семей из заложенного жилья: продлевались закладные и снижались платежи по ним [306].

123. Подробней об организации в Советском Союзе работ по исследованию радиоактивности и урана, а также созданию атомной бомбы см., например, [283].

В самом начале 1991 года одно-единственное письмо (а точнее, способность и желание элиты воспринимать мнения общества) также повлияло на судьбу страны. Б.Ельцин, будучи хотя и мятежным, но все же первым секретарем обкома, не был обуреваем разрушительными порывами и боялся дальнейшей дестабилизации СССР[124]. Это чувство было противоречивым, так как он понимал, что именно дестабилизация несет ему власть; вместе с тем, будучи патриотом страны[125], действительно мечтавшим о ее светлом будущем, он страшился чрезмерных разрушений (возможно, и потому, что править разрушенной страной – сомнительное удовольствие).

В частности, он опасался стихийного забастовочного движения шахтеров, которое, хотя и было нацелено против союзных властей, потенциально было серьезным дестабилизирующим фактором. Кроме того, оно было не управляемым им и чуждым ему процессом.

Перелом произошел, когда в середине января 1991 года на его имя пришло письмо от обычного шахтера. На полутора листках из ученической тетрадки тот внятно разъяснял лидеру демократов, что шахтерам нужно право продавать по свободным ценам 10% угля, и что они поддержат любого политика, который пообещает им это.

Б.Ельцин воспринял эту идею и, «оседлав» шахтерское движение, превратил его в свой таран против Горбачева.

---

124. С июня 1990 года автор работал сотрудником Группы экспертов Б.Ельцина, только что избранного Председателем Верховного Совета РСФСР. Аппарат будущего первого Президента России состоял тогда менее чем из 30 человек. Экономическими вопросами занималась упомянутая Группа экспертов, которой руководил И.В.Нит, политическими – группа под руководством ныне несправедливо забытого Г.Н.Харина (его сотрудницей, в частности, была Л.Г.Пихоя, возглавившая после его смерти группу спичрайтеров, в которую со временем деградировала группа политического анализа).

125. Понимая, как дико звучат эти слова, и не пытаясь снять с себя свою долю ответственности, автор свидетельствует об этом и готов повторить это под присягой в суде, если справедливость когда-нибудь все-таки восторжествует, и по итогам российских реформ состоится некий аналог Нюрнбергского трибунала.
Обстоятельства и делаемый выбор меняют людей, а особенно – политиков.

Сегодня подобное невозможно. Даже если письмо обычного человека дойдет до окружения лидера, продравшись через сито отдела писем (который обычно докладывает «наверх» лишь статистику: динамику числа писем по темам), руководство, скорее всего, просто не поймет его смысла[126].

Измененное сознание элиты заставляет ее и руководимое ею общество вкладывать разный смысл в одни и те же слова и делать порой противоположные выводы из одних и тех же фактов. Современный руководитель информатизированной системы управления может встречаться с «ходоками», как Ленин, и даже регулярно ходить «в народ», – но не чтобы что-то понять или прочувствовать самому, а лишь чтобы улучшить имидж и повысить рейтинг – политический аналог капитализации.

Это достойная, но совершенно не достаточная цель[127].

В условиях широкого применения управляющими системами технологий формирования сознания элита и общество имеют разные системы ценностей и преследуют не воспринимаемые друг другом цели. Они утрачивают способность к главному – к взаимопониманию. *Как писал Дизраэли по иному поводу (о бедных и богатых), страна разделяется на «две нации».*

Утрата взаимного понимания разрушает содержательную демократию, подменяя ее хаотической пропагандой и перманентной информационной войной политико-экономических групп. *«Мирное время отличается от войны тем, что враги одеты в твою форму».*

И общественное сознание – не только цель, но и поле боя.

Разрыв между сознанием общества и элиты усугубляет то, что в информатизированном обществе, в котором техно-

126. Понятно, что здесь не рассматриваются сознательно спланированные *PR*-акции, в которых заранее подготовленное обращение «снизу» доводится до заранее подготовленного руководителя, который выверенно реагирует на него, действуя якобы «по просьбам трудящихся», поддерживая «инициативу с мест».

127. «Государственный деятель отличается от политика тем, что политик думает о следующих выборах, а государственный деятель – о следующем поколении» (Черчилль). Чиновник же думает лишь о том, как выполнить инструкцию.

логии формирования сознания применяются широко, критически значимым влиянием обладает значительно более узкий круг лиц, чем в традиционном, до-информационном обществе (хотя сама элита из-за фрагментации общества и свободы коммуникаций может быть и шире). Это вызвано прежде всего технологическими причинами: одновременной небывалой мобильностью и концентрацией ресурсов. *Классический пример – глобальный фондовый рынок: изменение сознания буквально десятка его ключевых игроков может в корне изменить всю финансовую ситуацию в мире.*

Результат – дробление сознания элиты: каждая ее профессиональная часть, воспринимая мир прежде всего через призму «профильных» проблем, подвергается особой перестройке сознания, что отрывает ее не только от общества в целом, но и от других частей элиты, которая утрачивает необходимое для управления обществом единство. Дробление элиты делает невозможной даже «внутри-элитарную» демократию и поддерживает постоянные противоречия не только между элитой и обществом, но и внутри нее самой.

Конечно, их можно рассматривать как фактор адаптивности общества: при возникновении новых проблем недовольные группы элиты могут натравить общество на управляющую систему и, изменив ее, приспособить общество к новым реалиям.

Но такая гибкость слишком дорога, ибо обеспечивается поддержанием (и накоплением) внутренней напряженности в обществе и в элите по принципу «все против всех». Растущее непонимание как между обществом и фрагментами элиты (в том числе теми, которые пытаются им манипулировать), так и между последними делают вероятным последствием почти любого резкого политического шага выход ситуации из-под контроля.

Таким образом, **вырождение демократии лишает общество важнейшего «встроенного стабилизатора», примитивизирует его внутреннее устройство и делает его угрожающе нестабильным**.

5.4. Внешнее управление как новая нормальность

Стандартные демократические институты обеспечивают власть наиболее влиятельной общественной силе. В этом их суть, в этом заключалось их историческое преимущество.

Упрощение и интенсификация коммуникаций все чаще делает наиболее влиятельными в слабых (или просто деморализованных по тем или иным причинам) **обществах внешние для них силы**. Это могут быть иные государства, глобальные корпорации, некоммерческие структуры (от спецслужб до религиозных сект) или даже группы мошенников, – но результат один: целые общества формально вполне демократически, а порой и незаметно для себя попадают под внешнее управление.

Несовпадение интересов структур, осуществляющих внешнее управление, с интересами управляемого общества (а то и их прямая противоположность) – **естественная норма**.

Прежде всего, дисбаланс интересов может вызываться глобальной конкуренцией: структуры, осуществляющие внешнее управление стремятся подавить своих конкурентов из управляемых стран или, если их нет, – не дать им возникнуть.

Не менее важная, но зато повсеместная причина дисбаланса интересов – **отсутствие у осуществляющих внешнее управление структур обязательств перед** населением (а обычно и перед элитой) **управляемых стран**. Государства отвечают перед своими, а не чужими гражданами, корпорации – перед акционерами, а глобальные сети, – и вовсе лишь перед своими членами (а иногда и вообще ни перед кем и ни за что не отвечают).

Значима и **слабость координации между структурами, осуществляющими внешнее управление**, – а оно из-за слабости управляемых объектов редко монополизируется.

В результате ряд воздействий, каждое из которых по отдельности безобидно или даже полезно, в сочетании (в том числе случайном) часто становится разрушительным для управляемого общества.

Классический пример – воздействие на неразвитые страны МВФ и Мирового банка (при том, что их усилия координируются, и проблема лишь в слабой согласованности). МВФ стабилизирует макроэкономику мерами, исключающими развитие на основе своего потенциала, и делающими ее неустойчивой. Мировой банк, периодически отчаиваясь дождаться прочной стабилизации (призванной быть предпосылкой помощи развитию), начинает стимулировать развитие или решение наиболее острых проблем (от эпидемий туберкулеза до разрушения инфраструктуры) своими кредитами, которые в условиях макроэкономической (а значит, и политической) нестабильности разворовываются либо, в лучшем случае, тратятся неэффективно, укрепляя если не прямо коррупцию, то неэффективность госуправления.

Правда, такое сочетание усилий МВФ и Мирового банка представляется методом закабаления неразвитых стран [247].

Именно **органической безответственностью внешнего управления** и была вызвана стремительная актуализация после распада Советского Союза и разрушения существовавшей в рамках биполярного противостояния системы «сдержек и противовесов» феномена «упавших государств». (*Об их состоянии красноречиво свидетельствует первоначальный перевод этого политкорректного термина – «конченые страны»).*

5.5. Глобальные сети: всевластие и безответственность

Государства и глобальные корпорации как субъекты глобальной политики все больше уступают свою роль разнообразным глобальным сетям – слабо формализованным

структурам, созданным на основе общности фундаментальных интересов и личного доверия.

Эти сети объединяют лидирующие элементы глобального бизнеса, международной преступности, госуправления (включая спецслужбы), а также обслуживающих их науки, культуры и медиа. Их элементы могут базироваться в разных странах.

Межнациональные управляющие сети такого рода существовали почти всегда; в конце XIX века они стали трансатлантическими, а после распада СССР – глобальными.

5.5.1. Международные сети до эпохи господства финансового капитала

Первыми транснациональными сетями стали религиозные ордена и общества, сложившиеся задолго до Вестфальского мира и возникновения государств в их традиционном сегодняшнем понимании. Иногда они создавали территориально обособленные общины, существовавшие длительное время в качестве протогосударств (яркий пример – гуситы), иногда – полноценные государства, субъекты мировой политики (Ливонский и Странноприимный[128] ордена), иногда развивались в порах обществ, влияя на них в своих интересах (тамплиеры, масоны).

Наиболее старые подобные сети из доживших до наших дней – банкирские дома. Сложившиеся в конкурирующих городах Северной Италии (прежде всего Генуе и Венеции), с их приходом в упадок они перенесли центр своей деятельности в Англию, став одним из факторов ее превращения в Британскую империю (см. параграф 7.1.3.). Правда, еврейские (включая марранские[129]) финансовые сети, менее фор-

128. Фамильярно (в дословном переводе) именуется порой Орденом госпитальеров; точное название – Иерусалимский, Родосский и Мальтийский орден св.Иоанна, чаще зовется Иерусалимским, Мальтийским или орденом иоаннитов.

129. Марраны – евреи, формально принявшие христианство, чтобы остаться в католических странах после запрета иудаизма (из-за неприятия складывающимся абсолютизмом альтернативной – финансовой – власти, его нежелания платить долги, из-за разрушительности ростовщичества, как в 1290 году в Англии).

мализованные и потому менее известные сегодня, были как минимум не менее значимы.

Гипертрофированная известность Ротшильдов (наряду с их глобальными конкурентами Рокфеллерами) не только связана с их доминированием в мировых финансах[130], но и призвана отвлечь внимание от других часто относительно самостоятельных, пусть и связанных с ними «старых» и «новых» банкирских домов – Варбургов, Бэрингов, Кунов и пр. [173, 330], не говоря о финансовой деятельности Ватикана, крохи информации о которой проявляются в разнообразных и поражающих воображение, но неизменно эффективно заминаемых скандалах [333].

Тем не менее нельзя игнорировать глобальное лидерство Ротшильдов [233]; так, «в XIX веке представители Ротшильдов возглавляли Банк Англии, а также вносили средства в его уставный капитал... Ротшильды могли выдвинуться как наиболее мощная группа акционеров, ...получившая в оперативное управление «старые европейские деньги» (корпоративная спайка старинных финансовых домов Европы: Дельмонте, Суассо, Карвахаль, да Сильва, Медина, Гидеоны, Варбурги, Шиффы, Ротшильды и другие)» [330].

Ключевым фактором сохраняющегося и по сей день стратегического британского превосходства является **умение власти ставить** существующие (или создавать новые) **сетевые структуры** – будь то банкирские дома, морские пираты[131], масоны или купеческие компании (см., например,

130. «Представители семей Варбург, Кун, Леб, Голдман Сакс, Шифф и Ротшильд переженились между собой и образовали большую ...семью банковского дела. Семья Варбург, которая управляет *Deutsche Bank* и *BNP*, породнилась с Ротшильдами в 1814 году в Гамбурге. Якоб Шифф эмигрировал в Америку в 1865 году. Он объединил свои усилия с Авраамом Куном и женился на дочери Соломона Леба. Леб и Кун женились на сестрах друг друга, и создание династии Кун Леб было завершено. Феликс Варбург женился на дочери Якоба Шиффа. Две дочери Голдман вышли замуж за двух сыновей из семьи Сакс, создав Голдман Сакс» [30].

131. Лишь одна цитата: «Первоначальное накопление в Англии – это грабеж не только своего населения и церкви, не только национальный..., но и международный грабеж. Дж. М. Кейнс посчитал, что награбленное Дрейком – 600 тыс. фунтов – позволило Елизавете, отказавшейся признать договор между Испанией и Португалией о разделе мира [184], не только погасить все (!) внешние долги, но еще и вложить 42 тыс.

К. Фурсов «Держава-купец» об Ост-Индской компании и ее весьма диалектических отношениях с Британской империей как государством [323]) – **на службу своим интересам, формируя этим эффективный субъект стратегического действия** [318] – **внутриэлитную группу, объединенную хорошо осознаваемыми ее членами долгосрочными интересами, обладающую инструментами воспроизведения и поддержания своего влияния.** Благодаря этому умению, в частности, королевская семья Британии и сейчас остается одним из глобальных «центров силы».

Пример 18

Некоторые скрытые достижения британского гения

Среди выдающихся и незаслуженно забытых побед Британии, демонстрирующих преимущество управления через субъекты стратегического действия над традиционными иерархическими методами, особое место занимает Великая Французская революция.

«На ...организацию «народного восстания» во Франции британцы выделили 24 млн фунтов... – эту цифру озвучил премьер... Питт. Лорд Мэнсфилд в Палате общин назвал «деньги, полученные на разжигание революции во Франции... хорошим вложением капитала». Англия с помощью ...французских [масонских] лож и французских финансистов вела ...финансово-экономическую войну... 1) была ...создана инфляция – напечатано 35 млн. ...не обеспеченных ассигнатов; 2) была искусственно создана нехватка зерна... Велась ...информационно-психологическая война, наносились удары и по коллективному сознанию, и по кол-

в Левантскую Компанию (венецианцы), а из доходов этой Компании был составлен первоначальный капитал Ост-Индской Компании... Если скромно принять ежегодную норму прибыли за 6,5%, а уровень реинвестирования прибыли за 50%, то 42 тыс. фунтов, инвестированные Елизаветой из награбленного Дрейком в 1580 г., к 1930 г. дали бы иностранных инвестиций на ...4,2 млрд фунтов, что и соответствовало действительности [36]. Вот ...последствия дрейковского грабежа для британского процветания. А фундамент этого процветания – ...грабеж, «крышуемый» короной» [315].

лективному бессознательному... Мягкое правление Людовика XVI британско-масонская пропаганда представляла как жестокое; король и королева... дискредитировались...

Уже во время самой революции во Франции, особенно в Париже, активно действовала британская разведка – как британские агенты, так и их местные «помощники»... В 1792 г. ...британская разведка направила во Францию агентов с целью дестабилизировать политическую ситуацию с помощью раскручивания спирали насилия. Среди организаторов и неистовых творцов террора были хорошо проплаченные агенты Лондона – прямые и влияния [4], причем британцы работали и с «белыми» (роялисты) и с «красными» (эбертистами).

...Это ...свидетельствует о наличии тройного субъекта..., который, оседлав законы исторической ситуации, запустил... революционный процесс во Франции и пытался контролировать его. Это... банкиры. Как писал Ривароль, 60 тыс. капиталистов (...финансисты и денежные спекулянты) и «кишмя-кишащие агитаторы решили судьбу революции» [40]. Это... масонские ложи. Это... часть британского истеблишмента и его орудие – спецслужбы» [315].

Перед Великой Французской революцией Англия уступала Франции по всем параметрам – от экономической и военной мощи до практики правоприменения, – но виртуозное раздувание внутренних противоречий повергло ее конкурента по доминированию на континенте в прах (как за два века до этого мощь Испании была подорвана натравливанием пиратов на ее растянутые коммуникации[132]: только за 1582 год убытки Испании превысили

132. Правда, мощь Испании была уничтожена все же главным образом не английским противодействием и нападениями поощряемых Британией пиратов, а массовым притоком серебра, в отсутствие способных аккумулировать его финансовых институтов разложившим не только элиту, но и все испанское общество – до ремесленников включительно. «Экономику Испании – главной колониальной державы того времени – этот поток серебра... разорил, превратив воинов, крестьян, ремесленников в авантюристов, бездельников и мотов, чьи легко доставшиеся деньги обогащали не собственную страну, а нидерландских купцов» [219].
Финансовых же институтов не оказалось в наличии в нужный момент из-за изгнания евреев (которыми была ключевая часть тогдашних финансистов) в 1492 году: сложившийся в борьбе с арабами абсолю-

фантастические для того времени 1,9 млн.дукатов [286]). Разумеется, движение энциклопедистов, увенчавшееся Великой Французской революцией, было не спецоперацией какой-то проницательной группы заговорщиков, а проявлением новых сил, зревших в недрах средневековой Европы, – но именно английская управляющая система смогла увидеть, своевременно оценить и использовать его в стратегическом отношении, по-видимому, оказав ему существенную помощь.

Стоит вспомнить и обрушение России в Смуту начала XVII века: Иван Грозный ради сдерживания западных соседей пытался вступить с Англией в союз, ради которого дал английским купцам исключительные привилегии. Когда союз не удался, он эти привилегии, вызвавшие к тому времени серьезную внутреннюю напряженность, отобрал, но затем вернул, рассчитывая породниться с английским королевским домом. Его смерть (современники были уверены в отравлении, подтвержденном после вскрытия гробниц в 1963 году, как и отравление сына Ивана[133], – правда, не наиболее популярным тогда мышьяком, а ртутью) была вызвана то ли отказом перекрестить Русь в католичество (как раз в 1582 году в Москву прибыл папский посланник иезуит Антонио Поссевино, перед этим обеспечивший по просьбе Ивана Грозного к папе Римскому мир с Польшей [78, 124, 183]), то ли реакцией ближайшего окружения на реальные перспективы брака с английской княжной Мэри Гастингс.

Не случайно дьяк Андрей Щелкалов, сообщая о смерти Ивана Грозного английскому послу Боусу, назвал его «вашим английским царем» [189]. Бориса Годунова, который, по одной из версий, лично участвовал в убийстве своего покровителя Грозного, современники звали «ла-

тизм в силу своей военной природы не умел делиться властью и изгнал из страны потенциальных конкурентов, крепнувших на развитии рынка, – лишив себя и свою страну их потенциала.

133. В его смерти Иван IV был обвинен в рамках «информационной войны» заведомо ложно, – но так эффективно, что это обвинение уже в новое время было заново (и вновь в политических целях) впечатано в сознание нации гениальной картиной И.Е.Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (мало кто помнит ее название: она известна как «Иван Грозный убивает своего сына»).

скателем англичан». После его смерти даже ходили слухи о его бегстве в Англию со всей казной под видом купца.

Но, если русские цари безуспешно стремились к политическому союзу с Англией против своих европейских противников, английские короли рассматривали Россию с коммерческой точки зрения.

Англия утвердилась в качестве одной из морских держав Европы лишь после развертывания торговых отношений с Россией и во многом за счет них (как в 60-70-е годы XIX века немецкие банки развились, став основой создания единого немецкого государства, на спекуляциях в России благодаря либеральным реформам Александра II). Перелом в положении Англии наступил только в 1588 году после гибели испанской «Непобедимой Армады», но еще и в 1601 году ее военно-морской флот насчитывал лишь 35 кораблей и был не просто сравним, но и слабее флотов двух других держав – Испании и Нидерландов, имевших по 40 кораблей [323].

Значимость тогдашней торговли с Россией для Англии сейчас невозможно представить (и она никогда не сознавалась в России): тогда английская торговля была еще невелика. В первой половине XVI века в Англии было лишь 169 богатых купцов, а морская торговля с Востоком контролировалась португальцами (первые известия о богатстве Могольской империи и перспективности торговли с Индией принес в Англию купец Фитч только в 1580-е годы, – более чем через сто лет после «хождения» Афанасия Никитина, а первое плавание в Индийский океан совершила экспедиция Ланкастера в 1591-94). Первая коронная колония – Вирджиния – возникла в 1624 году (после безуспешных попыток колонизировать американское побережье основанной в 1606 Вирджинской компанией).

Московская компания, созданная в 1551 году и до 1698 обладавшая монополией на торговлю с Россией (а действовавшая и вовсе до 1917 года), была не менее эффективна, чем Ост-Индская (созданная 31 декабря 1600 года и упраздненная в 1858 из-за восстания сипаев). Об ее успехах свидетельствует восьмикратный (с 6 до 48 тыс. фунтов стерлингов) рост только основного капитала

с 1553 по 1564 годы – еще до получения монопольного права пользоваться Северным путем, «искать» железо и строить завод на Вычегде (1567 год), а также разрешения торговать в Нарве, Казани, Астрахани и осуществлять через Россию транзит в Персию (1569 год) [189].

Более поздние выдающиеся достижения английской дипломатии – убийство Павла I, собравшегося вступить в союз с Наполеоном[134] и успевшего даже направить казачий корпус на завоевание Индии, равно как и активное участие в организации сначала Февральской революции (включая зверский допрос и убийство Распутина), а затем гражданской войны в России, а после Второй мировой войны – сохранение эффективного контроля за получающими формальную независимость колониями [302] и многие другие – мы не будем рассматривать здесь в силу их общеизвестности.

Яркие факты не должны заслонять от нас главного, ключевого конкурентного достоинства британской системы управления, – а с ней и слившихся с ней международных сетей, проявившегося еще до эпохи господства финансового капитала.

Оно заключается не в создании субъекта стратегического действия, а в умении ставить его себе на службу надолго, а часто и навсегда: на все время его существования. Ведь создать субъект стратегического действия неизмеримо проще, чем обеспечить его устойчивость, развитие и сохранить его на службе его создателей, не дав ему начать преследовать собственные цели, что обычно ведет к катастрофическим последствиям. *Классический пример подобного развития событий, возможно, дает, как ни прискорбно, история советских спецслужб (см. пример 53).*

134. «Они промахнулись по мне 3 нивоза, но попали в меня в Петербурге», – говорил Наполеон об англичанах и убийстве Павла I. «И на острове Святой Елены, вспоминая об убийстве Павла I, с которым Наполеон сумел установить дружеские связи, он начинал всегда с имени [бывшего английского посланника, высланного из России Павлом I в 1800 году после перехвата его депеши с сообщением, что «государь буквально не в своем уме»] Уитворта» [207]. Уже будучи посланником в Дании, тот участвовал в организации убийства Павла I и привода к власти англомана Александра I через своих влиятельных партнеров при дворе [100, 344].

5.5.2. Фининтерн: осознание себя

Становление глобальных сетей в их нынешнем понимании, тесно связанном с глобальной политикой и мировой историей, на диво хорошо документировано и описано, – в частности, А.В.Багаевым в прекрасной работе «Презумпция лжи» [86].

В конце XIX века всем участникам нового мира, стремительно создаваемого империализмом (характеризующий признак которого – господство финансовых монополий над производственными), нужно было осмыслить новую реальность, – в том числе чтобы формировать ее продуманно, извлекая из этого максимум возможной выгоды. Финансовые сети сложились и сгустились до такой степени, что должны были начать осознавать себя как новый субъект интересов.

В 70-е годы XIX века Британская империя находилась на пике своего могущества, источниками которого были могучая экономика, огромная колониальная система (над которой «никогда не заходило солнце»[135]) и, о чем обычно забывают, передовая наука (о ее роли см. параграф 7.1.6., о причинах этой роли – пример 28), в том числе и общественная. *(Исключительно высокая роль последней в развитии английского общества скрыта до сих пор, в том числе вполне осознанно – как важный фактор конкурентоспособности.)*

Поэтому интеллектуальный импульс осмысления и сознательного сотворения нового мира зародился именно в Англии.

В силу важной роли науки в управлении он не затерялся, а почти сразу был воспринят, использован и развит государством (испытывавшим перенапряжение в силу чрезмерных масштабов и сложности империи, с одной стороны, и ощущавшим необходимость дать больше свободы личности

135. Хотя эта фраза 1821 года [7] обычно используется для описания Британской империи, впервые она применялась к Испанской империи, особенно во время правления Филиппа II после присоединения Португалии (то есть в 1580-1598 годах).

в условиях развития новых технологий и общего усложнения общества, с другой).

В силу мощи самого передового тогда финансового капитала этот импульс сразу же был использован и им, – в частности, для усмирения борьбы социальных низов за свои права и постановки энергии этой борьбы на службу капитала и Империи.

Трансатлантический телеграф уверенно заработал (после попыток 1856-1858 и 1864-1865 годов) с 1866 года; в 1870 году была установлена прямая телеграфная связь Лондон-Бомбей. И в том же 1870 году, на пике могущества Британской империи, в Оксфорде создали кафедру изящных искусств, преподавать на которой стал Джон Раскин. Он говорил о нравственной необходимости распространения «великолепной традиции общества образованного, ценящего красоту, главенство закона, свободу, достоинство и самодисциплину» на «все низшие классы в Англии... и на неанглийские массы во всем мире». Речь шла о цивилизационной конкуренции, о культурном империализме: об укреплении владычества Англии распространением ее ценностей как доминирующих во всем мире.

Сложившийся вокруг Раскина круг студентов-энтузиастов превратился в политическое сообщество «Круглый стол» или, иначе, «Детский сад» Милнера (умерший бездетным в 1902 году в 48 лет его член Сесил Родс[136] завещал обществу все свое гигантское состояние, назначив распорядителями его членов «Альфреда Милнера и лорда Розбери, зятя своего главного делового партнера – лорда Натана... Ротшильда). Позднее, в первые 20 лет XX столетия, лорд Милнер стал одним из самых влиятельных политических деятелей в Англии и, соответственно, в мире (он руководил имперской и внешней политикой Британии...)», став ключевым идеоло-

136. В честь которого осваиваемые его компанией африканские колонии получили названия Северо-Западная (с 1890 года), Южная (с 1895) и Северо-Восточная Родезии (с 1897 года); впоследствии в его честь «Родезией» назывался объединяющий эти колонии регион и даже целое непризнанное государство, существовавшее на территории Южной Родезии с 1965 по 1980 годы.

гом и одной из главных движущих сил британского империализма.

«Круглый стол» развивал идеи британского империализма и прорабатывал планы трансформации Британской империи, которую его члены воспринимали в качестве образца устройства общественной и индивидуальной человеческой жизни[137], в новых условиях, в том числе на основе идей **фабианского социализма[138], ставившего** растущее по мере развития промышленности классовое **самосознание английского пролетариата на службу империи**.

Фабианство отрицало эффективность классовой борьбы и опиралось на объективную заинтересованность пролетариата метрополии огромной империи в ее укреплении. Социализм сводился фабианством к увеличению доли рабочего класса и в целом социальных низов в доходах от эксплуатации колоний при повышении эффективности общественного производства за счет его лучшей организации (в виде в конечном итоге общественной собственности, но утверждаемой непременно мирно и в интересах «классовой гармонии», то есть в первую очередь господствующего класса).

Фабианцы не были демократами: они «верили... в элитарность власти, а по отношению к казавшимся им неуклюжими... демократическим процедурам проявляли полную нетерпимость; в их представлении управление... должно было оставаться в руках высшей касты сочетающей в себе просвещенное чувство долга с умением эффективно управлять державой» [86].

137. Примерно как не так уж и задолго до этого Гегель воспринимал современное ему королевство Пруссия.

138. Фабианское общество, названное по имени римского военачальника Фабия Максима Кунктатора (Медлительного; считалось, что его медлительность во Второй пунической войне спасла Рим), основано в 1884 году в Лондоне, достигло расцвета на рубеже XIX-XX веков (в 1899 году центральное общество насчитывало 861 члена, провинциальные отделения – до 2 тыс.). Стремилось «к новой организации общества посредством эмансипации земли и промышленного капитала от личной и классовой собственности и посредством передачи их в руки общества в виде всеобщего блага» [54] за счет классового сотрудничества с опорой на рост самоуправления [278]. Фабианцы полагали, что преобразование капитализма в социализм должно идти медленно, за счет постепенных институциональных преобразований.

Эгоистическим интересам социальных низов метрополии фабианский социализм, переросший в социал-империализм уже в бурскую войну, действительно соответствовал больше, чем классический социализм и выросший из него коммунизм, стремившиеся к большей справедливости для всех, а значит – к перераспределению ресурсов от метрополий в интересах колоний.

Не случайно «Милнер состоял в клубе главных пропагандистов фабианского социализма *Co-Efficients*, среди двенадцати членов которого были... лорд Роберт Сесил и лорд Артур Бальфур – двоюродные братья, оба побывавшие премьрами... Империи. А главным единомышленником лорда Милнера в *Co-Efficients* был сэр Халфорд Маккиндер», преподававший в Оксфорде с 1892 года один из создателей геополитики.

Идеи последнего «позаимствовал и сделал своими наравне с немцем Хаусхофером ведущий американский геополитик... Бернхем» [86], много позднее – в 1941 году – в своей одноименной книге [10] выдвинувший идею революции менеджеров и провидевший в еще имперском по форме организации мире формирование нынешнего глобального управленческого класса.

Не используя термин «менеджеры», тенденцию отделения власти от собственности и концентрацию ее в руках меритократии, то есть «достойных», – но не аристократов, а управленцев, администраторов (достигшую апогея уже в условиях глобализации – см. параграф 8.2), – едва ли не раньше всех уловил Герберт Уэллс, выразивший ее в «Современной утопии» (1905) и «Новом Макиавелли» (1910-11) [68, 69]. Развитие этой идеи привело его к разрыву с Фабианским обществом, а сам подход взяла на вооружение молодая лейбористская партия [277].

В 1932 году А.Берли и Г.Минс обнаружили это явление при исследовании корпораций [3], а в 1939 году, прямо накануне Бернхема Бруно Рицци сделал соответствующие политические выводы в блестящей книге «Бюрократизация мира», причем в общемировом масштабе [55]. Но лишь Бернхем высказал эти идеи тогда, когда их готова была воспринять

управленческая элита, уже в разгаре войны, – и там, где она могла их услышать.

Как излагал фабианские взгляды в «Почему я пишу» [236] Дж.Оруэлл, «сейчас вырастает новый тип централизованного, планового общества, которое не будет ни капиталистическим, ни демократическим... Управлять... будут люди, контролирующие средства производства...: хозяйственные руководители, техники, бюрократы и военные, которых Бернхем ...именует «менеджерами». Эти люди ...организуют общество так..., что вся власть и экономические привилегии останутся у них... Право частной собственности будет уничтожено, но право общей собственности взамен введено не будет. Новые «менеджерские» общества будут состоять... из... сверхгосударств, сформированных вокруг ...промышленных центров в Европе, Азии и Америке. Эти сверхгосударства будут драться..., но... будут не в состоянии завоевать друг друга... Внутреннее устройство в каждом... будет иерархическим: высший слой будет состоять из новой аристократии, выбившейся туда за счет исключительных способностей..., а на дне будет основная масса полу-рабов».

А в конце XIX века в виде трансатлантической сети финансовых домов и обслуживающих их политиков и интеллектуалов сложился[139] Финансовый интернационал (Фининтерн) – система прямого взаимодействия и координации крупнейших финансовых капиталов, предтеча нынешнего глобального управляющего класса. «Детским садом» лорда Милнера он[140] осмысливал себя, осознавал свои интересы,

---

139. Во многом благодаря решению старой аристократии Европы породниться с молодым американским капиталом, обогатив свои социальные связи и понимание законов развития общества американскими деньгами и энергией. Едва ли не первым «союзом британских титулов и американских денег» стала свадьба родителей У.Черчилля 15 апреля 1874 года, через 8 месяцев после помолвки и долгих трудных переговоров. А в 80-е годы такие браки стали так распространены, что всерьез рассматривались американской общественностью как опасная форма утечки капитала.

140. В первую очередь «детский сад» лорда Милнера служил его британской компоненте – об американских интеллектуальных центрах того времени мы знаем мало в силу неразвитости тогдашней американской культуры. Эти центры были скрыты в недрах крупнейших корпораций (прежде всего Рокфеллеров и Морганов, представлявших

обретал субъектность и, превращаясь из системы «в себе» в систему «для себя», становился таким образом политической и геополитической силой – подлинным творцом истории человечества.

Его идеологическими основами были три принципа:

1. Империя (пусть демократическая и не называемая империей, как в США) как единственно возможная форма организации сложной общественной жизни и, в частности, создания масштабных рынков и управления ими.

2. Геополитический подход как основа внешней политики *(он разделялся и в Германии, где отставной генерал, профессор Хаусхофер, по идеям которого в его геополитической части разрабатывался гитлеровский план «Великой Германии», так отозвался о книге Маккиндера «Географическая ось истории»: «Никогда я не встречал ничего более выдающегося, чем эти несколько страниц геополитического совершенства»)*.

3. Фабианский социализм и в целом выросший из него социал-империализм (как и его упрощенная форма – национал-социализм от Германии до Польши) как инструмент оседлания и присвоения элитой энергии социальных низов.

Впоследствии осмысление опыта государственного и коммерческого управления в условиях Великой депрессии добавило четвертый принцип: неизбежность перехода власти от номинальных собственников капитала и старой аристократии к менеджерам, непосредственно управляющим факторами этой власти, будь то капиталы или войска[141] [3, 10, 55].

в США интересы Ротшильдов [174, 330]), лоббистских структур и мало значимых для мировой науки университетов и вплоть до подготовки к созданию ФРС во второй половине «нулевых» годов XX века были ориентированы в первую очередь на внутриамериканские проблемы. Интеллектуальную повестку дня задавали англичане, а американцы концентрировались на практических вопросах в ее рамках, – как сейчас европейцы действуют в рамках задаваемой США глобальной повестки дня.

141. Багаев убедительно показал [86], что Оруэлл в «1984» обрисовал перспективы не сталинской системы, которую он не знал, а проекта британских социал-империалистов, вооруженных идеями «революции менеджеров», в котором он прямо участвовал (в том числе как сотрудник *BBC*). Даже идеология Океании – «ангсоц» , сокращение от «английский социализм» – является широко распространенным в то время термином для обозначения фабианского социализма.

Именно благодаря влиянию финансового капитала социал-империализм стремительно, уже в конце XIX века стал общемировым идеологическим трендом (имперский подход был тривиален в силу имперской организации крупных обществ, а геополитический подход и тем более осознание революции менеджеров распространились позже). *Даже в Грузии, где социал-демократическая организация «Месаме-даси» была основана аж в 1892 году, за шесть лет до РСДРП, один из ее лидеров Ной Жордания «еще в 1898-1899 гг. открыто выступал с апологией западноевропейского империализма, отстаивал идею о цивилизаторской миссии капитализма в колониальных и отсталых странах» и даже во время бурской войны, формально выражая симпатии бурам, писал: «Англию нужно любить и сочувствовать ей... Англия является колыбелью всего..., чем гордится сегодня цивилизованное человечество» (цит. по [86]).*

При этом социал-империализм оказал огромное влияние (вплоть до прямого заимствования идей и требований) не только на левых, но и на правых, вплоть до зарождавшихся в начале XX века радикально правых (английских фашистов). «Во времена Эдварда VII (1901-1910) программу социальных реформ в сочетании с укреплением империи воспринимали с энтузиазмом партии практически всех направлений» [86].

Социал-империализм стал знаменем рубежа XIX-XX веков так же, как знаменем революций 1848-1849 годов стало освобождение от империй национальных государств. Помимо интересов окрепших национальных буржуазий, для империй эта идея была средством конкурентной борьбы друг сдругом[142], а для крупного капитала – средством общего ослабления противостоящих ему и ограничивающего его влияние империй. Главная же идея, принципиально новая для последнего, заключалась в создании небольших государств, поддающихся

142. И потому азиатской дикостью, наказание за которой последовало уже через 5 лет, в Крымскую войну (а в сфере дипломатии и вовсе почти немедленно), выглядела для европейцев искренняя поддержка Николаем I монархической идеи как таковой: в их сознании солидарность королевских дворов перед лицом «черни» просто не существовала, всецело вытесненная идеей конкуренции.

захвату и эксплуатацией уже не другими государствами, но капиталом «в чистом виде», свободным от необходимости делиться прибылями с той или иной обеспечивающей его интересы империей.

На реализацию каких же конкретно проектов Фининтерн и различные его группы направили обеспеченное его влиянием идейно-политическое единство тогдашнего мира?

5.5.3. Глобальный проект Фининтерна

Социал-империалисты Британии оплодотворили интеллектом капиталы США – и создали общее глобалистское течение, направленное на рубеже XIX и XX веков против континентальных империй: Германской, Австро-Венгерской, Российской.

Американцы, сначала младшие партнеры в глобальном альянсе, учились стремительно. Уже в 1907-1908 годах их финансисты во главе с представителем Ротшильдов Морганом [174, 330] устроили в США финансовый кризис для установления контроля за денежным обращением, – чтобы не применяться к существующему государству, а исходно создавать его органы финансового управления как свой частный инструмент[143].

Несмотря на фактическую тождественность методов, им было проще, чем их английским предшественникам, похожими методами создававшим Банк Англии в конце XVII века[144] (см. параграф 7.1.5.): США с самого начала были учреждены и развивались как частное государство, не просто служащее, но прямо принадлежащее бизнесу. При почти полной тож-

143. О длительной и предельно ожесточенной борьбе американского государства и бизнеса за контроль над денежным обращением см., например, [330].

144. Возможно, поэтому им, в отличие от англичан, не пришлось включать главу государства в число учредителей Федеральной резервной системы, пусть даже и тайно.

дественности форм с традиционными государствами того времени (вызванной тождественностью большинства выполняемых функций) эти формы скрывали – как скрывают до сих пор – принципиально иное содержание, игнорирование которого чревато болезненными, а порой и фатальными ошибками.

США как государство – это не *le stato* Макиавелли, гениально предощущенное им и созданное лишь Вестфальским миром, – это качественно иное образование, в прямом смысле слова, как писали еще не впавшие в догматизм марксисты 20-х и начала 30-х, «комитет буржуазии» по управлению обществом в своих целях. Но буржуазии особой – финансовой, глобально действующей (а со временем и глобально мыслящей) просто в силу самой природы своего капитала.

Попытка запалить Первую мировую войну для уничтожения империй и прорыва на их рынки, почти увенчавшаяся успехом в 1911-1912 годах, сорвалась: сработали и социалисты (и особенно вождь французских социалистов Жан Жорес), увенчавшие борьбу за мир грандиозным Базельским антивоенным конгрессом 24-25 ноября 1912 года (с участием 555 делегатов из 23 стран), и инстинкт самосохранения империй, и простые родственные чувства императоров.

Американские финансисты урок усвоили и в 1913 титаническими усилиями и великолепно срежиссированными интригами продавили создание ФРС (историю ее создания см. в [330]).

В мир пришла качественно новая сила – и сопротивляться ей на первых порах (вплоть до создания под руководством Сталина цивилизации качественно нового типа – советской) было некому. *Жан Жорес был застрелен французским националистом в любимом парижском кафе вскоре после создания ФРС, 31 июля 1914 года – за три дня до объявления Германией войны Франции.*

Союз Британской империи и США (и, шире, патриотов стран Антанты и глобалистов) был ситуативным: первые

выступали против геополитических конкурентов своих государств – стран Тройственного союза и России[145], а вторые – за взлом и разрушение всех империй ради захвата новых рынков и получения новых пространств для приложения крупных капиталов (не случайно Германия перед Гитлером и при нем восстановила и нарастила свою промышленную мощь за счет именно американских кредитов и прямого вхождения американского капитала).

Наиболее глубоким было расхождение между этими мотивациями в управлении Британской империи, где государственники соседствовали с глобальными социалистами. *Первые после Февральской революции арестовали в Канаде отправившегося из США в Россию Троцкого как социалиста и врага союзника в войне, а вторые добились его освобождения как врага Российской империи, подлежащей коммерческому захвату и освоению после войны. Первые считали фабианца Герберта Уэллса опасным для империи, вторые использовали его в секретных службах.*

Русская революция, как и в целом революционное движение социалистов, являлась лишь частью глобального проекта социал-империалистов по разрушению империй (в рамках которого английские социал-империалисты, естественно, делали исключение для Британской империи, предполагая ее мягкую трансформацию для снятия административно-

145. Хотя Россия и являлась союзником Англии и Франции, никто в них не хотел ее усиления, что проявилось в категорическом нежелании отдавать ей Босфор и Дарданеллы (ради которых она и вступила в войну) и, главное, в попытке экономически закабалить Россию после победы в войне, лишив ее необходимого для нее немецкого рынка, предпринятой на Парижской конференции [257] в июне 1916 года. После неудачи этой попытки страны Антанты, насколько можно понять, и взяли курс на организацию свержения царя, подкрепив усилия глобалистов своей государственной мощью; характерно проведение Петроградской конференции представителей стран Антанты (английскую делегацию возглавлял член «Военного кабинета» лорд Милнер, идеолог развития Британской империи в эпоху империализма (см. параграф 5.5.2) в январе-феврале 1917 года – непосредственно перед Февральской революцией. Насколько можно судить, целью представителей стран Антанты была не только разведка, но и корректировка внутреннего положения в России в виде подталкивания переворота.

политического груза с метрополии при сохранении ее привилегий и выгод).

Единый взгляд на будущее мира нигде не был зафиксирован и, скорее всего, не был выработан, но очевидно, что первоначально[146] предполагалось формирование единых Соединенных Штатов Европы, лишь элементом которых была бы Британия[147]. Русская революция, рассматриваемая глобалистами как запал для европейской (в этом отношении они были едины), была началом их создания.

Революционный глобализм (даже за исключением национал-социалистов, интересовавшихся лишь своими народами) объединял ряд разнородных течений с различными целями, что обусловливало внутренние конфликты, реализовавшиеся лишь частично. Так, русские интернационалисты во главе с Лениным и Троцким предполагали центр будущей социалистической Европы в Берлине (что показала подготовка немецкой революции в 1923 году); британские же социал-империалисты стремились объединить под контролем Лондона Британскую империю и Европу, включая Россию, то есть фактически расширить Британскую империю на Европу.

При этом социал-империалисты объективно выступали в качестве идейных «старших братьев» разнообразных национал-социалистов[148]: их взгляды были настолько же более сложны, насколько воспеваемая и развиваемая ими

---

146. До провала жалкой попытки переворота Троцкого 1927 года, а то и до явного разрыва Сталина с глобалистской логикой уничтожением «интернационалистов-ленинцев» в пожаре Большого террора 1937-1938 годов.

147. Подготовкой к их созданию можно считать предложения Англии и Франции на Парижской конференции в июне 1916 года о снятии всех таможенных барьеров в торговле стран Антанты друг с другом после войны [257]. В середине 40-х уже господствовали раскрытые Оруэллом представления о контроле США за Британией и ее колониями, а Советского Союза – над континентальной Европой с формированием «Остазии» на базе Японии и Китая [86].

148. История заставила воспринимать национал-социалистов прежде всего как гитлеровских фашистов («нацистов»), но в здесь термин используется в исходном, более широком значении – для описания всех социалистов, стремящихся к социализму лишь для своей национальности и заботящихся только о ней.

многонациональная империя сложнее национального государства, бывшего идеалом последних. Настолько же шире была и их база – как социальная, так и финансовая, и интеллектуальная (так как узость ценностной базы национал-социалистов в целом предопределяла и узость кругозора большинства из них); кроме того, локализация ценностей делала национал-социалистов более уязвимыми.

Поэтому, несмотря на ситуативную враждебность социал-империалистов к тем или иным этническим группам национал-социалистов, последние (яркие примеры – Пилсудский, а после войны Бен-Гурион) использовались ими для подрыва империй.

Разумеется, социалисты иных стран применялись не только в рамках крупных проектов, но и для локальных актов конкуренции. *В России, помимо хрестоматийного финансирования японской разведкой социалистов (в первую очередь эсеров) в русско-японскую войну*[149]*, надо выделить использование Нобелями, Ротшильдами и Standard Oil Рокфеллера протестов на Бакинских нефтепромыслах для устранения России с мировых рынков и захвата контроля за ее промышленностью. На острие удара были Нобели (как наиболее укоренившиеся в Баку), «выписавшие себе» (по выражению В.Чернова, одного из лидеров эсеров) вернувшегося из очередной ссылки революционера Натансона. Беспорядки уничтожили около 60% промыслов; «пострадали преимущественно армянские фирмы, а уцелели главным образом крупные иностранные»; число перегонных заводов сократилось с 65 до 32. В результате, если в 1904 году потребление керосина Англией обеспечивалось Россией и США поровну, то в 1908 соотношение составило 12,4:78,2%. Во Франции за 1904-1908 доля российского керосина упала с 71 до 14,5%, а американского – выросла с 14,3 до 61,3% [257] (причем экспортирующийся из России после первой русской революции керосин в основном*

149. Финансирование германским Генштабом российских большевиков во главе с Лениным – классический пример успешной информационной диверсии [140, 198] вроде убийства Иваном Грозным своего сына.

производился на заводах, принадлежащих иностранному, а не российскому капиталу).

Эта борьба способствовала выдвижению И.В.Сталина и талантливого инженера, который «лично возглавлял подготовку и развязывание гражданской войны в Российской империи (в 1905 г.)», – Л.Б.Красина (после неудачи покушения на одного из самых влиятельных британских предпринимателей Джона Лесли Уркарта в Баку в 1905 году «Красин стал пользоваться... большим и ...только нараставшим доверием и у ...Уркарта, и среди европейской предпринимательской и финансовой элиты» [86]).

О сплетении глобальных социалистов и самых последовательных из них, ставших коммунистами-интернационалистами, свидетельствует то, что знаменитая Франкфуртская социологическая школа – не более чем Институт социальных исследований Коминтерна, учрежденный в переломном для него 1923 году при университете во Франкфурте-на-Майне, в 1933 переведенный в Женеву, в 1934 «восстановленный» при Колумбийском университете в Нью-Йорке и в 1950 году возобновивший, уже в новом идеологическом формате, работу во Франкфуртском университете после приезда туда из США его руководителей[150].

Об их мощи свидетельствует фактическая ликвидация английской государственной разведки в Европе в самом начале Второй мировой войны[151], после чего ее функции начали выполнять массово пришедшие на службу, сказочно оплачиваемые, обладающие необходимыми связями и навыками выходцы из коммерческих структур (основа этой частной разведки «на службе ее величества» – «организа-

150. Часть основных идей даже послевоенной Франкфуртской школы – отрицание революционной роли пролетариата и восприятие позднего социализма и капитализма как разновидности единого индустриального общества – наследуют идеологии Фининтерна конца XIX века и, в частности, фабианскому социализму.

151. В ходе «инцидента в Венло» 9 ноября 1939 года немецкая разведка захватила в нейтральных Нидерландах двух офицеров британской разведки, у которых с собой (непредставимым с точки зрения элементарных представлений о безопасности образом) оказались списки ее агентов по всей Европе [86].

ции Z» – была создана еще в 1930-1933 годах, скорее всего, по поручению семьи Рокфеллеров [277]). Эти представители Фининтерна быстро взяли под контроль спецслужбы Британии [86], что в условиях войны означало исключительную власть и осведомленность.

В последующем троцкизм – самое последовательное воплощение социал-глобализма среди официальных идеологий – воспитал плеяду американских неоконов и их европейских прислужников[152], нацеленных уже в XXI веке на разрушение сложившихся государств. В новой реальности хаотизация все новых регионов служила уже не захвату новых рынков международными корпорациями, а отрыву капиталов всего мира от привязки к территориям, превращению их в спекулятивные капиталы и вовлечению в пирамиду американского госдолга – в качестве оплаты самого существования США (см. параграф 16.6.3).

Впрочем, системные предложения британских социал-империалистов начала XX века, при всем их интеллектуальном лидерстве, удались им хуже, чем подчинение себе государства или решение локальных задач (вроде втягивания США в войну).

Группа Милнера разработала проект преобразования империи к гибкое Британское сообщество – союз наций, автономных и объединенных преимущественно внешней политикой и финансовой системой. Проект не получился (хотя оставил по себе название Содружество наций, до 1946 года – Британское, государственную символику ряда получивших независимость бывших доминионов и формальное признание ими английской королевы своим монархом), а вот в ленинском плане создания Советского Союза он был воплощен практически полностью.

Экономику предполагалось преобразовать в совокупность трестов: объединение однотипных предприятий с централизацией коммерческих и производственных функций. Эту экстраполяцию в будущее опыта государственно-

152. Среди которых следует особо выделить генерального секретаря НАТО в 1995-1999 годах, палача сербского народа Хавьера Солану.

го капитализма Первой мировой войны опять-таки удалось реализовать не в капиталистическом мире, а в СССР, где уже к концу 1922 года около 90% промышленных предприятий (в том числе мастерских с несколькими работниками) были объединены в 421 трест[153].

Реализация идей британских империалистов (пусть и с приставкой «социал-») советскими коммунистами, которых мы привыкли считать их злейшими врагами, заставляет присмотреться к их отношениям и увидеть неожиданное, но важное и для современности обстоятельство.

5.5.4. Коминтерн – alter ego Фининтерна

Коминтерн и в целом социальная революция был для глобалистов США (ставшими после Первой мировой войны костяком и наиболее мощной частью Фининтерна) проектом по разрушению империй и созданию единого рынка, политические структуры которого будут так ослаблены, что подчинятся американскому влиянию и капиталу и станут его региональными менеджерами. *(Одним из таких менеджеров считали Сталина, причем вплоть до его отказа от Бреттон-Вудских соглашений.)*

Отказ Сталина от глобального революционного проекта Коминтерна и переход с интернационализма социал-глобалис-тов к патриотизму, ставший крахом проекта британских глобалистов (у него просто исчез «мотор»), в проект глобалистов американских внес лишь не принципиальную корректировку: их проект был всеобъемлющим, по-настоящему глобальным.

Если гитлеровский режим воспринимался американскими глобалистами как средство расчистки Европы для американского влияния (столкновением с СССР), то для британских социал-империалистов он был враг, подрывающий сво-

153. Интересно, что Ленин первоначально выступал против идеи объединения промышленности в тресты [86].

ей обособленностью идею перехода Европы под контроль Британской империи (усилиями прежде всего «туземных менеджеров» из Советской России и Коминтерна). А вот представители британской бюрократии (тогда в основном аристократы или находящиеся под их идейным влиянием) рассматривали его как способ уничтожения классово враждебного им СССР и потому были склонны к примирению с ним[154]. *Когда Коминтерн с момента прихода Гитлера к власти стал основной противостоящей ему силой (кроме периода с начала Второй Мировой по начало Великой Отечественной войн), это во многом определяло отношение к нему разных элитных групп и динамику этого отношения.*

Отношения между представителями Фининтерна и западными государствами были сложными. С начала Второй мировой войны британские спецслужбы (в том числе социал-империалисты) в полном согласии с Рузвельтом энергично втягивали в нее США, – в том числе формально незаконной деятельностью на их территории. Поэтому до объявления Гитлером войны США (что было одной из его нелепых ошибок) британские агенты в США были преступниками, врагами государства, – а с началом войны стали союзниками.

Положение агентов Коминтерна на Западе менялось еще драматичней. До отстранения от власти и фактического уничтожения интернационалистов в Большом терроре 1937-1938 года и переориентации СССР на строительство отдельного государства вне общего глобалистского проекта, а на деле – вплоть до начала войны у Советского государства своих агентов за рубежом почти не было. Помимо личной агентуры ряда руководителей государства (как минимум, Сталина), все советские разведчики, включая военных, работали на Коминтерн, – и это было не «оперативным прикрытием», а реальной принадлежностью.

154. Что ярко показала история с полетом Гесса и, насколько можно судить по резкому снижению накала англо-германского противостояния и блокированию Черчиллем открытия «второго фронта» вплоть до 1944 года (еще 4 сентября 1941 года Черчилль честно предупредил посла СССР Майского, что не откроет второй фронт до 1944 года), достигнутая им договоренность [322].

Агенты Коминтерна были партнерами глобалистов, в том числе контролирующейся ими части британских спецслужб в рамках общего проекта Фининтерна.

После разгрома Коминтерна в 1937-1938 годах они, за редким исключением, превращенные сменой курса СССР в его вынужденных врагов, перешли на службу британским сетям и иным представителям Фининтерна (точнее, остались на ней, поменяв оперативных руководителей). А вскоре после этого, – с началом войны, когда Англия оказалась на грани уничтожения, – они вновь стали союзниками СССР, но на сей раз уже вместе с официальной Англией (вместе с представителями в ней Фининтерна и против склонных к сотрудничеству с Гитлером представителей знати), как ее представители.

В предвоенный и военный период британские глобалисты еще были неразрывно связаны с Англией: они по-разному с ее кадровой бюрократией видели ее будущее, но служили именно ему. Коминтерн был для них средством использования советских «туземцев» и их европейских партнеров, он был порождением Фининтерна и решал ту же задачу – объединения европейских рынков (пусть и в совершенно иной логике).

5.5.5. Вторая Мировая война как продолжение проекта сокрушения империй

Попытка Гитлера объединить европейские рынки провалилась в силу прежде всего национально-расового самоограничения его базы[155] (зверства были во многом следствием этой ограниченности). Но она энергично поддерживалась частью британских сетей как конкурентная Коминтерну

155. Характерен отказ Гитлера от встречи с тогдашним оппозиционером Черчиллем перед войной после того, как последний передал ему свое недоумение по поводу враждебности Гитлера к обычным евреям, не обладающим капиталами и влиянием и не являющихся поэтому его политическими конкурентами [327].

(а бюрократией как враждебная коммунизму), пока не стала прямой угрозой Англии. Тут уж разногласия британских сетей и британской бюрократии утратили смысл – и в борьбе с нацизмом изнемогла и Британская империя, чтобы медленно умирать еще более 20 лет после войны *(пока в конце 60-х Англия не признала, что у нее нет денег обеспечивать безопасность добычи и транспортировки жизненно необходимой Западу нефти в Персидском заливе, и не передала эту функцию США).*

Интересы американских сетей, входивших в общий глобальный проект Фининтерна и Коминтерна, были шире: ослабление Европы и создание общего рынка под американским контролем. Для этого надо было предельно ослабить всех трех участников – Британскую империю[156], Германию и СССР.

США унаследовали вековую политику Британии по отношению к континенту: «поддерживать слабейшего из двух конкурентов, чтобы не допустить ничьей победы и объединения Европы против нас». Унаследовали они и глобальный проект подчинения Европы с предварительным обескровливанием ее войнами. Просто у них, в отличие от Англии, получилось – в силу качественно большей мощи и принципиально нового финансового инструмента, основанного на вырастании государства из крупного бизнеса и подчинении ему.

Американская бюрократия в предвоенный период, как и американское общество, стремилась к изоляционизму (его ценность для чиновников заключалась и в способе минимизировать свои усилия), но глобальные сети нуждались в завоевании рынков, в первую очередь Европы и Юго-Восточной Азии (Японской империи и Китая). Японию спровоцировали на нападение, заморозив 26 июля 1941 года все японские активы в США и установив[157] эмбарго на поставки нефти в Японию [119]; японцы терпели до последней воз-

156. В 1944 году британский посол в США лорд Галифакс резюмировал этот подход: «Отношение американцев к нам шокирует» [277].

157. Со второй попытки – первая, предпринятая 23 июня министром внутренних дел, только что назначенным координатором нефтяной промышленности Икесом, была сразу же отменена Рузвельтом.

можности, но альтернативой был отказ от независимости и саморазрушение, и через 4,5 месяца они бросились в последнюю атаку, – которая затянулась в силу их накопленной мощи и хорошей организации почти на 4 года.

В Европе американские корпорации перед войной проводили советскую индустриализацию (выкачивая из нашей страны деньги, которых в условиях Великой депрессии не было больше нигде в мире) и заливали кредитом Германию, создавая военную базу Гитлеру. Вряд ли здесь имела место реализация проработанных планов: было общее стремление зарабатывать деньги и стратегическое понимание, что два гиганта на одном континенте неминуемо столкнутся, расчистив так или иначе место для американского доминирования.

Гитлер мог раздавить Англию, но не сделал этого из-за дезинформации возглавлявшего разведку абвера (армии) британского агента Канариса, в десятки раз завысившего ее военный потенциал (мастерство британских спецслужб, находившихся к тому времени под контролем Фининтерна, особенно проявилось при подготовке «дня Д», когда немцы ждали десанта в других местах и даже после начала высадки считали ее отвлекающей операцией; в результате потери союзников ранеными и убитыми составили лишь 6,5%) [86].

5.5.6. Советский Союз: взгляд с Запада

В этом сплетении глобальных сетей и проектов история нашей страны в XX веке предстает в неожиданном свете.

Ведь Временное правительство (масонское во всех своих форматах, по свидетельству влюбленной в Керенского Берберовой [95]) не только рабски служило Англии и Франции (первой как «центру силы», жестко контролировавшему своих туземных агентов, второй как главному кредитору России), но и было орудием уничтожения старой монархии в рамках глобального революционного проекта.

Не случайно британский король Георг V не пустил к себе российского двоюродного брата и даже его семью (запро-

сы об этом делало не только Временное правительство, но и большевики): дело было, скорее всего, не только в благородном для английского джентльмена желании украсть «туземное» золото, переведенное в Англию в начале войны[158], но и в стратегическом подрыве конкурентоспособности России путем уничтожения в огне революции ее аристократии[159]. (Как совокупность людей, не отягощенных заботами

---

158. 498 тонн золота, из которых, правда, 58 тонн скоро было продано [172].

159 Личные же золотые и иные авуары семьи Романовых на счетах западных банков оцениваются в 400 млрд., а с «наросшими» процентами – около 2 трлн. долл.; в отсутствие наследников со стороны Романовых ближайшие родственники и, соответственно, наследники – члены английской королевской семьи [275].
Приказ об уничтожении царской семьи при угрозе захвата ее белогвардейцами, как ясно из полученных колчаковским следователем Н.А.Соколовым «по горячим следам» и расшифрованным лишь в 1922 году, уже в эмиграции, телеграфным лентам переговоров Юровского (командовавшего расстрелом) со Свердловым, отдавал последнему банкир Якоб Шифф, причем через Американскую миссию в Вологде, через которую поддерживал регулярную связь со Свердловым. Интересно, что Юровский просил пощадить семью царя и расстрелял ее лишь после категорического приказа (по сути личной угрозы) Свердлова (на деле ее судьба неизвестна: расстреляны были двойники [297], да и сам расстрел множества людей в крайне тесной комнатке подвала представляется технически невозможным). Последний же сообщил ЦИКу о расстреле царской семьи лишь задним числом, поставив власть перед свершившимся фактом [312].
Таким образом, убийство семьи Романова (в которого превратился Николай II, отрекшись от престола) представляется операцией тогдашнего главы еврейского финансового капитала в США, ведшего против Романовых свою долговременную личную вендетту (включая финансирование революционеров – как эсеров, так и Троцкого [42]) из-за притеснений евреев в царской России.
Франсуа Коти (*Francois Coty*), один из крупнейших парфюмеров XX века и известный промышленник, писал в принадлежавшей ему газете *Le Figaro* 20 февраля 1932 года: «Субсидии, предоставленные революционерам в период, начиная с 1905 г. банком Шиффа, Лоеба и Куна (*Schiff, Loeb, Kuhn*) из Нью-Йорка, никак нельзя считать отдельными актами щедрости. Целая сеть террористических организаций была создана на эти деньги Она покрыла Россию их агентами.»
Действия Шиффа, особенно в ходе русско-японской войны и после свержения царя, имели геополитическое значение и были частью борьбы спекулятивного финансового капитала за глобальное доминирование – как против империй, противостоявших созданию глобального рынка, так и против промышленного капитала, объективно вынужденного опираться на государства и не способного, в отличие от финансового, противостоять им и враждебно манипулировать ими.

о текущем выживании и отождествляющая себя со страной и в силу этого единственная имеющая возможность, – при всей легендарной коррумпированности и ограниченности ближайших родственников Николая II и ограниченности его самого, – думать на дальнюю перспективу**, аристократия является** абсолютно **необходимым для успешного развития общества фактором его стратегической устойчивости** (см. пример 9, параграф 7.1.1. и [324]).

Явного американского следа в свержении царя и деятельности Временного правительства не видно (в отличие от последующих событий – см. сноску 160 на стр.202), а вот интересы британских социал-империалистов сливаются с интересами британской и французской бюрократий, стремившихся просто удержать Россию в войне (не дав царю, по одной версии, победить Вильгельма, чрезмерно усилив тем самым Россию, а по другой – договориться с ним о мире). *Интересно, что рассекреченные документы МИ-6 свидетельствуют, что убийство Распутина организовала британская разведка, причем перед смертью его зверски пытали [280], – вероятно, не только для выяснения, является ли он немецким агентом, но и для получения информации о настроениях царя и его окружения.*

Временное правительство оказалось недееспособным (как недееспособны все либералы «по Березовскому и Вашингтонскому консенсусу», а не «по Вольтеру», служащие глобальным финансовым монополиям против своих народов[160]), и глобалисты форсировали революцию. На арену

160. Любителям порассуждать о якобы непревозмогаемой зависимости России от ее французских кредиторов (а долг продавался физическим лицам, то есть среднему классу, и нанес ущерб именно ему при незатронутости крахом элиты) стоит напомнить слова Сталина о том, что поставки по ленд-лизу сполна оплачены кровью советского народа; Керенскому такой подход был органически недоступен: ни по политическим, ни даже по интеллектуальным причинам.
Правда, слова Сталина выражали его позицию лишь частично.
Отказ от полной оплаты ленд-лиза был формальным отказом от Аляски (проданной – для гарантии от ее захвата всесильной тогда Британской империей под видом передачи в аренду по до сих пор не рассекреченным полностью соглашениям). СССР отказался от своей зоны оккупации Японии, уступил в Греции и пошел на ряд других

вышли США – отправкой в Россию Троцкого после Февральской революции с группой соратников и баснословными по тем временам деньгами.

Столкновение большевиков с Временным правительством приобретает таким образом еще одну грань: это была борьба не только германского государства с английским и французским за выход России из войны (путем пропуска в нее революционеров; финансирование большевиков немцами так и осталось обычной либеральной клеветой), но и глобалистского интернационального проекта с национальными бюрократиями.

Не пропусти немцы в Россию Ленина и, затем, второй вагон с меньшевиками – для революции хватило бы и Троцкого.

О глубоком, если не всеобъемлющем влиянии британских сетей в то время свидетельствуют эпизоды с освобождением в 1908 году Литвинова, пойманного во Франции при обмене украденных при ограблении Камо банка в Тифлисе 500-рублевых купюр, с его последующей безбедной жизнью

уступок не только под влиянием постоянного до испытания советского атомного оружия в 1949 ядерного шантажа США, но и в качестве «платы натурой» за ленд-лиз.

«Долг СССР был определен в 1947 году в размере 2,6 млрд.долл., … уже в 1948 сумма была снижена до 1,3 млрд… СССР платить отказался [предлагали заплатить 300 млн., так как США завысили цены поставок в СССР по сравнению с другими странами; кроме того, Сталин предлагал зачесть в счет оплаты ленд-лиза царское золото, вывезенное в США накануне революции и в иностранных интервенциях, но оно уже было присвоено США, которые соглашались учесть его лишь как взнос в МВФ, что не устраивало СССР – М.Д.]. Отказ последовал и в ответ на новые уступки США: в 1951 сумма долга вновь была пересмотрена и …составила 800 млн.. Соглашение …было подписано лишь 18 октября 1972 … (сумма долга… снижена… до 722 млн. долл.; срок погашения – 2001 год), причем СССР пошел на это …только при …предоставлении… кредита Экспортно-импортного банка. В 1973 СССР произвел два платежа на общую сумму 48 млн.долл., но затем прекратил выплаты в связи с введением в действие в 1974 поправки Джексона-Веника к советско-американскому торговому соглашению 1972 года. В июне 1990 в ходе переговоров президентов США и СССР …были установлены новый срок… погашения задолженности – 2030 год и сумма – 674 млн. долл.» [292]. В 2003 году долг России по ленд-лизу составлял 100 млн.долл. и был полностью погашен в рамках расчета с Парижским клубом 21 августа 2006 (правда, за досрочное погашение долга российскими либералами Россия заплатила штраф в 1 млрд.долл.).

в Англии и, более того, работе в Сити, а также с освобождением другого британского агента, Локкарта, арестованного в Москве после не раскрытого и по сей день покушения на Ленина[161] в 1918 году.

Для понимания отношения глобальных и, в частности, британских сетей к Советской России важно понимать, что ленинский большевизм соединил в себе две принципиально разные силы: интернациональный марксизм, являющийся частью глобального проекта (начиная с самого Маркса), и лишенное всех прав и загнанное в подполье до полной невидимости старообрядчество, поставлявшее основную часть работников на заводы (поскольку старообрядцы были вытеснены на неплодородные земли, за которые не имело смысла держаться) и за счет этого к началу революции опутавшее всю индустрию России своими невидимыми сетями.

По данным А.В.Пыжикова [258], официально регистрируемые старообрядцы-поповцы, составлявшие около 10% населения России, были лишь малой их частью, поскольку большинство старообрядцев составляли беспоповцы, в силу отсутствия официальной организации никак не регистрируемые и потому числящиеся обычными православными. Между тем с их учетом старообрядцы составляли не менее половины населения России и были грозной социальной, а с учетом принудительной организованности на производствах – и политической силой.

Ценности старообрядцев (трудовая этика, по которой они считали заводы своими, поскольку трудились на них

161. Каплан не могла успешно стрелять в Ленина из-за чудовищной близорукости. Покушение на Ленина, как и в целом попытка госпереворота, известная под псевдонимом «мятеж левых эсеров», вероятно, было организовано Свердловым (зарубленным за это топором, вопреки официальным версиям, через полгода с небольшим в своем кабинете в Кремле) в ходе борьбы за власть. Свердлов был тесно связан с британскими сетями и, вероятно, являлся наиболее высокопоставленным их представителем в руководстве Советской России.
Ситуативное убийство Троцкого ледорубом было ошибочно воспринято частью «старых большевиков» как сознательный намек Сталина на убийство Троцкого (примерно так, как помнящие о плане Андропова «Звезда» – см. пример 53 – ошибочно восприняли приход к власти выходца из КГБ В.В.Путина как реализацию этого плана, пусть частично и в иных исторических обстоятельствах).

и те развивались их трудом, отрицание частной собственности и справедливость как высшая ценность) совпали с ценностями марксизма и придали русской революции и русскому социализму религиозный характер, поразивший самых разных наблюдателей.

В дальнейшем старообрядцы-патриоты, растворившиеся в Советской власти, возобладали над интернационалистами, представлявшими глобалистский проект, и это возобладание стало сутью всего сталинского периода (и никогда не признаваемой сутью западных и в целом либеральных претензий к ней).

После победы большевиков страны Антанты (и действовавшие с ними совместно представители британских сетей как патриоты Британии) запалили гражданскую войну: надо было любой ценой вернуть Россию на фронт! По завершении Первой мировой усилия по уничтожению большевиков продолжились – по как классовым, так и геополитическим соображениям.

К моменту Октябрьской революции из военнопленных был сформирован 45-тысячный Чехословацкий корпус (его создавали по инициативе российских чехов-колонистов в начале Первой мировой). Поскольку с чехословацкой стороны им руководил Чехословацкий национальный совет, созданный Масариком во Франции (французское влияние проявлялось и в том, что сами чехословаки звали свое соединение только «легионом»), 9 января 1918 года Чехословацкий легион был официально признан частью французской армии, и к нему были прикомандированы французские офицеры. В середине апреля в посольстве Франции в Москве прошло совещание французских военных, руководителя специальной британской миссии Брюса Локкарта, представителей антисоветского подполья и чехословацкого командования. На нем было решено, что чехословаки свергнут Советскую власть от Волги до Приморья, за что Англия и Франция обеспечат создание независимой Чехословакии и будут оплачивать ее армию.

Этот план был реализован; реакция Троцкого на уже начавшуюся спецоперацию не была обеспечена силой и потому

провалилась, а затем стала для пропагандистов оправданием интервенции Антанты (история легиона исчерпывающе полно описана Борисом Соколовым в фундаментальной работе «Чехословацкий легион: освободители или агрессоры?» [279]).

Глобалисты же во время гражданской войны и сразу после нее занялись сверхвыгодной[162] торговлей с попавшими в изоляцию большевиками и договаривались о концессиях[163]. *Британский сегмент этой сети, как показывает деятельность Локкарта, работал и на глобалистов, организуя жизненно важную для Советской власти внешнюю торговлю (вероятно, обогащаясь на этом), и на страны Антанты, пытаясь свергнуть большевиков.*

Не случайно представитель американских глобальных сетей Троцкий до конца держался за внешне незначительный пост главы Концесскома: это была последняя должность, которой он лишился (вероятно, глобалистами он воспринимался как Министр по освоению ими российских ресурсов).

Победив в гражданской войне, Ленин и Троцкий начали готовить Мировую революцию. Соперничество между ними (в отличие от естественного соперничества их окружений) преувеличено историками и носило характер мелких бытовых трений. Как точно отмечал Данилкин [140], Ленин был идеологом, Троцкий – военным организатором (при этом обычно забывают Свердлова – непревзойденного организатора власти как таковой), и при всей невидности повседневной работы первого она была абсолютно необходима и исключительно значима, что не мог не ощущать в полной мере прежде всего второй.

162. По одной из версий, для прорыва торговой блокады В.И.Ленин передал США оригиналы секретных договоров об аренде Аляски на 99 лет (см. также сноску 161 на стр.203) и отказался от формальных прав на нее [314].

163. Интересно, что Ленин, стремясь к передаче предприятий в концессии их бывшим иностранным владельцам, даже не рассматривал возможность признания концессионерами бывших российских владельцев. Это было вызвано не только прямо называемой им объективной политической угрозой со стороны последних, но и отсутствием за их спиной международно значимой силы, союз с которой, даже частичный, был необходим Советской России для выживания.

Ленин и Троцкий составляли единый политический организм, нацеленный на подготовку Мировой или как минимум Европейской революции с центром в Германии в ноябре 1923 года.

Оргработа была проведена (завершение гражданской войны позволило государству сосредоточиться на ней), новое правительство Германии сформировано (из российских руководителей). Для обеспечения немецкой революции была подготовлена стремительная мобилизация в РККА (только что распущенной по домам[164]) 2 млн.чел. – против 100 тыс.чел. всей тогдашней немецкой армии.

В приветствии, опубликованном в Германии аж в сентябре (как было тогда модно – в виде факсимиле), нарком по делам национальностей Советской России Сталин прямо писал: в силу индустриальной развитости Германии немецкая революция важнее русской, и после ее победы столица мирового пролетариата переместится в Берлин. В преддверии этого с момента своего создания в 1919 году Коминтерн вел свою документацию на немецком языке. Его предполагаемый переезд в Германию означал не географический перенос центра власти, но и прямую ее передачу немецким товарищам: по его уставу партия страны, в которой располагался Коминтерн, имела в его руководстве 5 членов с решающим голосом, а остальные – и то по списку, утверждаемому съездом – по одному. Правда, революционное правительство Германии формировалось из российских коммунистов, – но, будучи интернационалистами, они не стали бы выражать интересы России, возглавляя Германию[165].

---

164. Демобилизация РККА снизила ее численность почти в 10 раз: с максимума в 5,5 млн.чел. осенью 1920 года до 562 тыс.чел. на начало 1925 года.

165. Это было не свойством одних только представителей глобальных сетей, а результатом воздействия традиционных государств на идентичность их правителей и граждан (или подданных). Немецкие принцы и принцессы становились патриотами возглавляемых ими Англии и России, а остзейское дворянство верой и правдой (за не имеющими исторического значения исключениями) служило Российской империи в войне со своими единокровными братьями-немцами.

Предполагалось, что Советская Германия станет будущим индустриальным центром социалистической державы, а Советская Россия – источником сельскохозяйственного сырья.

Все участники глобального социалистического проекта – и не только масоны Временного правительства, но и интернационалисты-ленинцы – рассматривались Фининтерном как его «туземные» менеджеры и во многом и были ими. *(Правда, план ГОЭЛРО, основы которого были разработаны еще царскими инженерами*[166]*, в эту логику не укладывается: Ленин как гениальный тактик, видя, что потребность момента уводит его со стратегического пути в рамках западного проекта, с охотой следовал за ней, отбрасывая при необходимости требования этого проекта как мешающий догматизм.)*

Никакой альтернативы рассмотрению будущей социалистической Германии как основы будущего государства рабочих и крестьян и сердца его власти в советском руководстве тогда не существовало; Сталин был еще не более чем исполнителем, даже не вошедшим, несмотря на свои действительно весомые заслуги и партийный стаж, в число 70 «творцов Октябрьской революции» на соответствующем плакате, подготовленном к ее трехлетию в 1920 году [86].

Практический опыт и житейская сметка подсказывали ему обреченность этой затеи (как и всех предшествующих и последующих попыток российско-немецкой интеграции), но выражать свои сомнения он мог тогда лишь в частных письмах. Сталин исходил из того, что немецкая буржуазия – именно в силу большей развитости капитализма – сильнее и организованнее российской, а опыт Октября усвоен ей не хуже, чем коммунистами; поэтому восстание вызовет ее мгновенную и решительную реакцию, которая не позволит ему развернуться и убьет его в зародыше. Именно так и получилось.

---

166. Этот пример наглядно свидетельствует, что царизм действительно сдерживал развитие производительных сил. Революция получила огромное стартовое преимущество, просто воспользовавшись наработками, которые он удерживал под спудом, и дав свободу массовой творческой инициативе.

Вероятно, не менее важно то, что возникновение на руинах послевоенной Европы сверхдержавы со сбалансированной экономикой (немецкая индустрия и российское сырье) не устраивало никого из тогдашних явных и тайных участников большой политики (кроме, возможно, американского бизнеса[167], но тогда он был лишь частью Фининтерна). Такая сверхдержава (с перспективой мгновенного расширения как минимум на Италию, где креп пришедший власти за год до этого, в октябре 1922 года Муссолини) не просто была бы смертельной угрозой для бюрократий Англии и Франции, – она в силу самого своего существования поставила бы крест на проектах британских и, возможно, части американских глобалистов.

Поэтому вполне вероятно, что Фининтерн аккуратно и незаметно заблокировал свое порождение и свое *alter ego* – Коминтерн – в этом частном и деликатном вопросе.

И этим разрушил весь коминтерновский проект.

После поражения революции в Германии в 1923 году Коминтерн вынужденно, в силу бюрократической потребности в деятельности и экспансии пошел на Восток, где он мог подрывать позиции колониальных империй (в первую очередь Британской) и Японии. Представитель американских глобалистов Троцкий вспомнил свою крылатую фразу 1919 года: «Путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии». Но было понятно, что это была уже геополитическая борьба за влияние, а не прямая подготовка всемирной социалистической революции и не реализация собственного «большого проекта» Коминтерна.

Темп был потерян: Коминтерн остался вспомогательным инструментом Фининтерна, Советский Союз не стал стартовой площадкой для «Всемирной республики Советов» и должен был заново искать свою идентичность. Общность интересов советских интернационалистов и патриотов

167. Разрушенность экономик Германии и России давала американскому бизнесу огромный простор для инвестиций, – который он и освоил на следующем витке исторического развития, в 30-е годы, но уже в этих странах по отдельности.

была уничтожена, ибо оторванность от насущных интересов страны и простой авантюризм очередного «индийского» или китайского похода в ситуации, когда оказались непосильны значительно более простые польский и германский походы, стали слишком очевидны.

Вероятно, именно тогда Сталин осознал и принципиальное различие своих стратегических интересов (и интерес молодых выходцев из беспоповцев – быстро набирающей силу и нуждающейся в руководстве партийной стратой) с интернационалистами, и свое интеллектуальное превосходство над ними (вызванное хотя бы тем, что он мог думать и оценивать любую ситуацию самостоятельно, исходя из ее внутренней природы, – а они были вынуждены смотреть на нее глазами сетей, к которым принадлежали, слишком больших, чтобы обращать внимание на детали). Его восхождение к власти, похоже, стало осознанным именно тогда [265].

Первой реакцией Коминтерна на провал попытки октябрьской революции в Германии (и очевидный переход западных глобалистов на враждебные ему или нейтральные позиции – при сохранении контактов и, вероятно, сотрудничества) стал отказ от глобалистского социалистического проекта. Первым проявлением этого явились «большевизация» национальных компартий (V конгресс, лето 1924 года) – при том, что «большевики», ориентировавшиеся на интересы Советской России, означали на тогдашнем (по крайней мере, западном) политическом языке антагонистов «коммунистам»-интернационалистам, ориентированным на Коминтерн и бывших (сознательно или бессознательно) партнерами Фининтерна.

Во второй половине декабря 1925 года XIV съезд ВКП(б) окончательно зафиксировал провал проекта мировой революции, взяв курс на построение социализма в одной стране и, соответственно, на индустриализацию (в рамках проекта Фининтерна – Коминтерна Советская Россия должна была оставаться сельхозпридатком Германии, – правда, уже социалистической). Характерно, что на съезде была разгромлена «ленинградская оппозиция» во главе с Зиновьевым и Каме-

невым; помимо централизации партии, это означало еще и ослабление Коминтерна, возглавляемого Зиновьевым.

VI конгресс Коминтерна (июль-сентябрь 1928 года) начал борьбу с заклейменными как «социал-фашисты» социал-демо-кратами. Суть изменений – «национализация» Коминтерна, превращение его из инструмента глобальных сетей (британских и американских) в инструмент СССР, пусть пока и исподволь.

Этот путь закончился «чистками» 1937-1938 годов, начавшимися в отношении Коминтерна, что принципиально важно, еще в первой половине 1937, то есть до формального начала Большого террора. *(Подготовка же репрессий против Коминтерна началась и вовсе еще весной 1936 года, до мятежа франкистов в Испании, и была отсрочена гражданской войной в ней.)*

На этом пути было много этапов: расцвет нэпа и культурная революция, одновременно – постепенное отстранение Троцкого от реальной власти, жалкий провал его путча 7 ноября 1927 года и высылка в 1929 году, коллективизация и попытка демократизации середины 30-х, предпринятая несмотря на убийство Кирова и приведшая в итоге к аду Большого террора.

Но общая логика трансформации советской власти была неумолимой: невозможность мировой революции превратила СССР из расходного материала, «растопки» в самостоятельную ценность, – ведь другого государства рабочих и крестьян не было и не предвиделось. Значит, его надо развивать и укреплять, готовясь уже к прямому, непосредственному (а не внутреннему, через развитие революционного движения и «превращения войн империалистических в войны гражданские») участию в следующей схватке мировых держав за мировое господство.

А раз так, то глобальные сети, выражающие в конечном счете интересы этих держав (они окончательно эмансипировались от них лишь с началом глобализации после распада СССР, с исчезновением внешней угрозы капитализму как таковому – см.параграф 16.2, – устранившим необходимость мобилизации и позволившим капитализму расслабиться

и загнивать беспрепятственно, в полной мере реализуя потенциал своих внутренних противоречий) и, шире, капитализма в целом, окончательно становятся врагами, а их представители внутри Советского Союза – представителями врагов (пусть даже и потенциальными).

Из логики борьбы сетей против государств, в которой революционная сеть была подобием и продолжением финансовой, провал идеи Мировой революции выводил Советский Союз в логику борьбы межгосударственной, в которой представители чужих сетей становились врагами и подлежали уничтожению.

Баланс двух логик и систем ценностей менялся постепенно, от революционной романтики никто не отказывался, но идея революционизирования мира все больше связывалась с государством, а не с сетями независимых от него революционеров, использующих его лишь как инструмент и прикрытие.

Признаки качественного изменения значения Коминтерна для советского государства – упразднение в 1926 году должности председателя его Исполкома (которую с его создания в 1919 бессменно занимал Зиновьев), замененной политсекретариатом Исполкома из 9 человек, упразднение организационного бюро Исполкома (созданного в 1921) и, главное, его Секретариата, занимавшегося важнейшими – в основном организационными и кадровыми – вопросами (созданного в 1919 вместе с Коминтерном).

Но окончательно переход количества в качество произошел, как было сказано выше, уже в совсем иной ситуации – в срыве советской управляющей системы в Большой террор.

Пример 19

Большой террор как восстание партхозноменклатуры

Сталин попытался создать механизм обновления политических элит, закрепив конкурентные выборы не только в самой демократичной того времени Конституции 1936 года, но и в реализующем ее законе прямого

действия - вплоть до образца бюллетеня для голосования. Попытка была сорвана восстанием партхозноменклатуры, превентивно уничтожившей потенциальных конкурентов [251] и не допустившей таких выборов: какая конкуренция, когда страна наводнена врагами! В огне Большого террора погибло большинство разжигавших его, – но как формирующийся класс («проклятая каста» по выражению Сталина 1942 года) партхозноменклатура победила, устранив возможность системной политической конкуренции.

В дальнейшем она еще дважды нанесла поражения Сталину, – когда он в 1944 году попытался передать реальную власть правительству[168], оставив в ЦК КПСС лишь идеологический и кадровый отделы, и при попытке обновления и расширения руководства [283].

То, что уничтожение коминтерновских интернационалистов началось, хоть и на фоне восстания партхозноменклатуры против демократизации, но до перехода этого восстания в открытую форму Большого террора, показывает: этот террор был сложным явлением и имел ряд независимых причин.

Подготовка к ликвидации Коминтерна как инструмента Мировой революции началась 9 марта 1936 года, еще до франкистского мятежа в Испании (17-18 июля), постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». *Оно указывало, что в СССР «скопилось большое количество политэмигрантов, часть которых является ...агентами... капиталистических государств» (что было справедливо в отношении ряда функционеров Коминтерна, если понимать под «капиталистическими государствами» их элементы, работающие на глобальные сети). В связи с этим ужесточался въезд в СССР зарубежных коммунистов, закрывались «окна» Коминтерна на границе, проводился пе-*

168. О важности этой меры свидетельствует то, что, по крайней мере, еще одна аналогичная попытка (под предлогом «возвращения к ленинским нормам») была предпринята «сталинским наркомом» Косыгиным в начале 70-х, когда для противодействия ей пришлось даже переносить пленум ЦК КПСС.

реучет политэмигрантов, под руководством еще секретаря ЦК ВКП(б) Ежова была создана комиссия для «очистки от шпионских и антисоветских элементов» аппарата всех международных организаций в СССР, включая Профинтерн и Международную организацию помощи революционерам (МОПР).

По сути, зарубежные коммунисты, политэмигранты и советские сотрудники международных организаций (созданных Коминтерном) стали подозреваемыми, подлежащими проверке. Связь с глобальными сетями, в том числе коммунистическими, юридически признавалась прямой угрозой Советскому государству, взявшему курс на освобождение от внешнего влияния.

25 марта глава НКВД Ягода внес предложение о репрессировании троцкистов (постановление Политбюро ЦК вышло 20 мая), для трансформирующейся власти ставших носителями идеологии мировой революции против советского патриотизма.

Истребление представителей глобальных сетей (в первую очередь, что неизбежно при плохом управлении, не реальных, а потенциальных) было тотальным и коснулось не только Коминтерна, но и всего госаппарата, и всего общества[169] [177].

В армии Большой террор имел еще одну причину.

Пример 20

Операция «Синдикат-4»

С середины 20-х по конец 30-х советские спецслужбы провели серию эффективных операций по разрушению сетей белогвардейского и западного шпионажа созданием в СССР фиктивного антисоветского подполья, ищущего контактов с западными эмиссарами. После привлечения внимания, завоевания доверия и получения значительной поддержки это фиктивное подполье ликвидировалось вместе со значительными сетями действительных агентов и шпионов.

169. Правда, ключевую часть этих представителей – прямо связанных с фабианскими социалистами – стихия террора волшебным образом не коснулась [85].

Понятно, что без проведения этих спецопераций (первые из которых известны нам под названиями «Трест», «Синдикат» и «Синдикат-2») значительная часть оппозиционно настроенных советских граждан не была бы вовлечена в деятельность шпионских или диверсионных сетей, не совершила бы государственных преступлений и, соответственно, не была бы репрессирована. Эти жертвы государственных провокаций, которые без них остались бы добропорядочными, а часто и благополучными советскими гражданами, как правило, даже не рассматриваются в качестве издержек ни мемуаристами, ни нынешними апологетами спецопераций.

Но главный аргумент против спецопераций в качестве методов госуправления – трагический итог серии блистательно успешных по отдельности операций «Синдикат». Поскольку каждая операция западных разведок заканчивались болезненным крахом, для их продолжения и втягивания западных спецслужб во все новые авантюры нужно было раз за разом повышать масштаб подставляемых противнику фиктивных антисоветских операций. Это создавало для него все больший соблазн, которому он не мог противостоять, несмотря на горький опыт. «Наживку» нельзя было наращивать бесконечно; похоже, уже «Синдикат-4» вовлек часть высшего командования РККА. Участники операции эффективно соблазняли западные разведки (в первую очередь германскую) подготовкой военного переворота, призванного уничтожить ВКП(б) и советский строй[170].

170. Скрупулезный анализ массы документов А.Б.Мартиросяном [209] позволяет с высокой степенью вероятности предположить наличие реальных заговоров и в 1937, и в 1941 годах (хотя неадекватное поведение командования Западного военного округа перед войной и в ее начале можно объяснить и предельной степенью разгильдяйства, граничащей с неадекватностью).
Вместе с тем поразительно, что среди причин катастрофического разгрома РККА в первый период войны не называют слабость систем связи, уничтоженных немцами в первую очередь. И в последующем потери советских войск были во многом вызваны недостаточно продуманной координацией (так, немецкая авиация, в отличие от советской, с начала войны имела наблюдателей на передовой, оперативно сообщавших на аэродромы о полетах советских самолетов).

Похоже, знаменитое сообщение о готовящемся в СССР перевороте, переданное Сталину чехословацким президентом Бенешем, отражало именно операцию «Синдикат-4», воспринятую всерьез немцами и тем более чехословаками. Сталин, конечно, знал о проводимой его спецслужбами операции и по идее должен был только радоваться правдоподобности подготовленной ими дезинформации. Но подозрительность, естественная в долгой беспощадной борьбе за власть, вероятно, заставила его поверить его же дезинформации или «на всякий случай» «отреагировать на сигнал», уничтожив участников «Синдиката-4» так, как будто они действительно были подпольем, которое изображали для привлечения западной агентуры.

Конечно, логика укрепления власти все равно потребовала бы освобождения от старых партийных и командирских кадров, воспринимавших Сталина как ровню *(об их нравах свидетельствует публичное обещание в 1927 году комбрига Шмидта, дважды кавалера Боевого Красного знамени, «отрезать уши» Сталину, – на что тот, побелев, смолчал).* Но эта чистка могла быть несравнимо более мягкой. Если бы репрессивный аппарат не набрал чудовищные обороты на уничтожении масс «шпионов и вредителей» во время «ежовщины» (в течение 1937 и начала 1938 годов), затем не возникла бы необходимость в его собственном «прореживании» при помощи «встречного пала» репрессий, направленных на сотрудников самой репрессивной машины. При этом «прививка страхом», полученная советским обществом в конце 30-х годов и парализовавшая значительную часть его творческих сил, были бы несравнимо меньше, а ее влияние – слабее.

В ходе войны глобальные сети Британии сначала отчаянно боролись за спасение империи, всеми силами втягивая в войну сначала СССР, а затем и США. В ходе войны обанкротившаяся (чем было вызвано, в частности, применение ленд-лиза) Британия попала под политический контроль США, который выразился, в частности, в передаче им всех

наработок по созданию ядерного оружия. Британские сети также перешли на роль младших, хотя порой и самостоятельных (например, при организации политического контроля за бывшими колониями после предоставления им независимости) партнеров американских сетей.

Сразу по завершении военных действий Черчилль предпринял попытку стравить США и СССР, что позволило бы Британии вернуть свою значимость, но его сил и сил стоящих за ним британских сетей хватило лишь на ассистирование американцам в развязывании холодной войны. *(Не случайно он провозгласил ее на родине президента Трумэна в Фултоне, на территории США, и как минимум ознакомил Трумэна с ее содержанием накануне выступления для ее оценки; не исключено, что именно тот включил в нее важные абзацы, отсутствовавшие в заранее отпечатанном и розданном журналистам тексте, отредактировав таким образом Нобелевского лауреата по литературе).*

Несмотря на холодную войну (включавшую, например, постоянный ядерный шантаж на всех переговорах с СССР вплоть до испытания советской атомной бомбы), американские сети сотрудничали с советскими, – прежде всего, в добивании Британской империи. Показательна поддержка США Советского Союза в Суэцком кризисе 1956 года против Англии и Франции.

Фундаментальной задачей глобальных сетей Запада было блокирование попытки Сталина создать глобальную социалистическую экономическую систему с единым рынком, собственной обеспеченной золотом валютой (ради чего был укреплен рубль), разделением труда и огромным потенциалом расширения. Поэтапное создание этой системы, провозглашенное советской делегацией в апреле 1952 года на Международном экономическом совещании представителей 49 стран мира [283], было в силу своей сложности и стратегического характера забыто преемниками Сталина, погрязшими в борьбе за власть друг с другом и с набиравшей силу партхозноменклатурой.

После этого Советский Союз боролся преимущественно за политическое влияние в мире, сдавая почти без боя **своим противникам наиболее важное – экономическое – влияние**.

Глобальные сети это вполне устраивало, хотя конкуренция была жесткой. Так, благодаря успешной спецоперации ЦРУ «Расщепляющий фактор» и работы американских сетей в целом после войны в Восточной Европе в 1949-1951 годах были репрессированы наиболее демократически ориентированные коммунистические лидеры *(зампредсовмина Болгарии и секретарь Болгарской компартии Трайчо Костов в мае и глава МВД Венгрии Ласло Райк в июне 1949, бывший генсек ЦК Польской рабочей партии Гомулка в августе и генсек компартии Чехословакии Сланский в ноябре 1951)*, а также, по все видимости, Министр госбезопасности СССР Абакумов в июле 1951 года [109, 283, 287]. В результате этой хирургически точной операции к власти в Восточной Европы пришли догматики, не способные организовать эффективное развитие своих стран и в итоге доведшие их (кроме Болгарии) до дестабилизации.

Советские сети подобные операции не проводили: при Сталине они еще только набирали мощь (так как сети Коминтерна сами использовали советское государство, а не служили ему), а после него советское руководство в целом утратило стратегическое мышление, постепенно переродившись, отказавшись от борьбы за глобальную власть и уйдя в оборону, обеспечившую его поражение.

Жесткой была и конкуренция за контроль над национально-освободительным движением (включая антиамериканское); *так, среди уцелевших при высадке с «Гранмы» соратников Фиделя Кастро, по оценкам, двое сотрудничали с ЦРУ, а сам он стал союзником СССР постепенно, лишь под давлением неодолимых обстоятельств (включая агрессивную глупость политики США).*

Пока СССР был силен, глобальные сети не только сотрудничали с ним и его сетями (как для «размывания» его элиты и в целом общества, так и для достижения общих целей),

но и всерьез рассматривали конвергенцию[171] систем – в русле теорий «революции менеджеров» и «информационного общества», развитых после войны целой плеядой западных мыслителей (среди них следует выделить блистательного Дж.К.Гэлбрейта [20]).

В 1971 году, когда США фактически обанкротились, прекратив размен золота на доллары, переродившаяся к тому времени и стремящаяся лишь к спокойной жизни советская управленческая элита не могла даже представить себе возможности «добить» их и качественно расширить свою сферу влияния.

В 1974 году с отставкой Никсона корпоратократия победила бюрократию: сети возобладали над государством, хотя еще нуждались в нем, переделывая его в свою оргструктуру.

А затем, когда СССР стал слабеть, конвергенция с ним приняла для глобальных сетей форму его пожирания. *Так, предательство Горбачева, необъяснимое с точки зрения логики межгосударственных отношений, самоочевидно при учете воздействия на советскую управляющую систему второй раз (после Коминтерна) глубоко проникших в нее глобальных сетей.*

* * *

Борьба британских, американских и ненадолго, уже при позднем Сталине, высвободившихся из их структур советских глобалистов учит: **побеждает тот, кто мыслит глобальней,** планирует на более долгое время, четче сознает свои интересы.

Ключ к победе в глобальной конкуренции – полный контроль за своим ресурсом власти и придание ему всеобъемлющего характера (для Британии, а после войны для США это был госдолг как инструмент привлечения свободных капиталов со всего мира – см. параграф 7.1.5, для США – превращение своей валюты в мировую и навязывание ее остальному миру через разрушительную войну, для СССР – идея справедливости).

171. На уровне межгосударственных отношений курс на нее впервые взял Ф.Д.Рузвельт на Ялтинской конференции.

5.5.7. Глобализация: трансформация глобальных сетей

Новостью глобализации стало постепенное (в явном виде с начала «нулевых») освобождение глобальных сетей от доминировавших в них интересов государств. Нападение на Ирак, провальное для США, знаменовало их окончательную переориентацию на реализацию собственных интересов (см. пример 21), даже вопреки интересам государств их базирования.

По мере развития глобализации глобальные сети освобождаются от контроля государств и начинают хаотически манипулировать ими в своих, обычно непубличных интересах.

Внятный пример этой парадоксальной ситуации дает пока еще самое сильное государство мира – США.

Сформированные им глобальные сети, связанные с исламским миром, и в первую очередь Саудовской Аравией, все больше действуют в своих интересах, слабо связанных с национальными интересами США (на этом фоне выгодно выделяются сети, связанные с Израилем, – и действующие в его интересах). При этом они успешно манипулируют остальной частью американского государства, не говоря уже о подверженном внушению, интеллектуально и эмоционально незрелом американском обществе. ***Глобальные сети не могут*** *целиком* ***подчинить себе не объемлемую ими часть госаппарата, но внутреннее столкновение интересов в нем дезорганизует госуправление*** *и является важной причиной деградации США.*

Эмансипируясь от государств, глобальные сети больше не отвечают за последствия своей деятельности даже для стран своего «базирования», даже для государств, которыми они некогда создавались и которые еще недавно считали «своими».

Доминирующим элементом глобальных сетей становятся структуры глобальных спекулятивных монополий, об-

ладающих большей рыночной силой, чем производители (в силу несравнимо большей мощи потенциально высвобождаемых ресурсов и большего разнообразия возможных сфер деятельности).

Но, помимо них, глобальные сети включают в себя различные транснациональные структуры: общественные, преступные, религиозные сообщества и организации (см. параграф 5.2), структуры, объединяющие признаки нескольких из них, разнообразные их объединения, как постоянные, так и ситуативные.

Глобальные сети, взаимодействуя друг с другом, сгущаются благодаря качественному упрощению коммуникаций в качественно новое явление – глобальный управляющий класс (см. параграф 7.2.), становящийся главным субъектом истории.

Принципиальное отличие глобальных сетей как субъекта управления от государства (и даже от глобальных производящих, хотя и не спекулятивных корпораций, которым нужна стабильность для производства и сбыта) **заключается в имманентном отсутствии у них ответственности**.

Любое государство, как бы жестко оно ни подавляло своих граждан и как бы мало ни интересовалось их судьбой, заинтересовано в стабильности и гражданском мире в своей стране, а сетям, рассматривающим эту страну извне, «со стороны» глобального мироустройства и представляющим собой объединение «новых кочевников», это не важно. **Им нужен рост совокупного влияния и прибыли** своих участников, **чего проще достичь не в стабильной ситуации, а в хаосе**, «ловя рыбку в мутной воде».

Создавая глобальные сети и затем упуская из своих в их руки ключевые полномочия в сфере общественного управления, **государства**, даже исключительно сильные и эффективные, **сами создают для себя субъект «внешнего управления»** (см. параграф 5.4), неизбежно **пренебрегающий их интересами**.

Это освобождение от ответственности не проходит даром и для самих глобальных сетей. Эмансипируясь, отдаляясь от

государства, они не могут в полной мере использовать его возможности стратегического планирования (от анализа до корректировки реальности), что снижает эффективность не только манипулируемого ими государства, но и их самих.

Пример 21

Агрессия против Ирака в 2003 году: стратегическое поражение США и Саудовской Аравии

Классический пример эффективного преследования глобальными сетями своих целей при игнорировании интересов образующих их легальных элементов – свержение Саддама Хусейна в 2003 году.

Разгром Ирака (достигнутый, вероятно, подкупом армейского командования) привел к достижению лишь локальной цели – поддержанию высоких цен на нефть, выгодных нефтяным корпорациям США и Саудовской Аравии (основы техасско-саудовского клана), и высоких военных расходов США (обогащающих их ВПК).

В то же время стратегическая задача американской части глобальной сети – прочный контроль за иракскими недрами с их неконтролируемым и единоличным (или, в крайнем случае, совместно с Британией) использованием – была провалена.

Для американского государства внешне успешная война и вылилась в далеко не только репутационную катастрофу (нападение обосновывалось откровенной ложью, которая надолго подорвала доверие к США и Англии[172]). Представители глобальной сети в США были дискредитированы, а затем и вовсе утратили власть, что способствовало ослаблению США и подрыву всего опирающегося на их глобальное доминирование мирового порядка.

172. Чудовищная ложь относительно иракской войны вошла в привычку: в 2009 году глава МИ-6 обвинил в развязывании войны… Россию! Впрочем, на фоне лжи о спровоцированной США в 2008 году попытке режима Саакашвили осуществить геноцид Южной Осетии и непрерывном истеричном и голословном обвинении России с 2014 года во всех смертных грехах это выглядит почти пристойно.

Увязнув в Ираке, США утратили стратегическую инициативу, истощились административно и интеллектуально и, как показали эскалации напряженности в отношениях с Ираном и Северной Кореей, надолго исчерпали возможности развязывать новые войны.

Другая часть глобальной сети – элиты Саудовской Аравии – получили резкое усиление своего ключевого соперника – Ирана, избавившегося от сковывающего фактора в лице Хусейна и получившего возможность расширить свое влияние на «шиитский коридор» к Средиземному морю – через нефтеносный юг Ирака и Сирию.

Кровавый хаос в Ираке создал новые проблемы и помимо роста влияния Ирана. Так, Турция получила ужасающий ее призрак курдского государства, де-факто возникшего в Ираке и неизбежно подлежащего оформлению де-юре в ближайшее десятилетие.

Но главное – произошла общая радикализация ислама. Стоит упомянуть и радикализацию палестинского движения, захват ХАМАС власти в секторе Газа и, соответственно, рост агрессивности Израиля.

* * *

Таким образом, с управленческой точки зрения привычная для США стратегия «экспорта управляемых кризисов» выродилась в «экспорт хаоса» именно в результате перехода заметной части реальных властных полномочий к глобальным сетям.

5.6. Сетевые войны: кровь в темноте

Глобальные монополии, лишившись сдерживающей силы после уничтожения СССР, в стихийной погоне за наживой **создали мировой порядок, лишающий более половины человечества возможности развития** (см. параграф 8.6). Формирование новой силы, глобально противостоящей

им и сдерживающей их саморазрушающий произвол, – вопрос времени.

На Западе принято рассматривать гражданское общество как силу, сдерживающую государство и этим обеспечивающую стабильность. Опираясь на традиционные представления о специализации стран и их групп (есть страны-банкиры, страны-пролетарии, страны-менеджеры и так далее), ряд экспертов[173] **рассматривает международный терроризм как проявление нарождающегося глобального гражданского общества**.

Как и в случае традиционного, не над- а внутринационального общественного устройства, это глобальное гражданское общество призвано сдерживать глобальную управляющую систему. *Во время противостояния с СССР и сразу по его завершению в этой роли выступали США как персонификация коллективного Запада, но с начала «нулевых» происходит высвобождение описанных выше глобальных сетей из оболочки американского государства и превращение в глобальную управляющую систему уже их совокупности.* Новая глобальная управляющая система взаимодействует с нарождающимся новым глобальным гражданским обществом столь же разнообразно (а порой и конструктивно), что и традиционное государство – с собственным гражданским обществом.

Пример 22

Чейни и «аль-Каида»[174]

В начале апреля 2007 года вице-президент США Дик Чейни влип в очередную историю. Американский телеканал *ABC* со ссылкой на источники в американской администрации и в пакистанском правительстве сообщил, что **Чейни санкционировал финансовую и консультационную поддержку террористов, связанных с «Аль-Каидой», для дестабилизации внутренней ситуации в Иране**.

173. Приоритет принадлежит, насколько можно судить, американскому политологу советского происхождения Н. Злобину.
174. Запрещенная в России террористическая организация.

По данным телеканала, вице-президент США лично обсуждал возможность использования боевиков связанной с «Аль-Каидой» группировки «Джандаллах» против иранских военных и чиновников на переговорах с тогдашним президентом Пакистана Мушаррафом.

«Джандаллах» – несколько сот человек, в основном белуджи (регион их проживания разделен между Пакистаном, Афганистаном и Ираном). Базы находились на западе Пакистана, деятельность велась в основном в Иране, где боевики группировки совершили несколько терактов, захватили иранских солдат и пограничников, видеозаписи с которыми демонстрировались в эфире ABC. Руководитель группы воевал вместе с боевиками запрещенных в России за терроризм Талибана и «аль-Каиды», обвинялся в наркоторговле.

Источники телеканала *ABC* были так надежны, что власти США не смогли даже формально опровергнуть его сообщение.

Ряд американских экспертов заявили тогда, что «Чейни купил “Аль-Каиду”», но российские и некоторые европейские эксперты[175] указали на ненужность такой «покупки». Ведь она изначально создавалась ЦРУ как база данных исламских террористов (один из переводов «Аль-Каида» – «база») для проведения спецопераций сначала против советских войск в Афганистане, а затем и по всему миру. Американцам было достаточно просто активизировать старые связи.

Публичный скандал вынудил Чейни и его подчиненных приостановить сотрудничество с группировками, входящими в «Аль-Каиду», – но, когда шум стих, сотрудничество, похоже, возобновилось. *Так, в 2008 году было зафиксировано хотя и временное (возможно, в связи с поражением республиканцев на президентских выборах), но очевидное перемещение активности «Аль-Каиды» из Ирака в Иран и Пакистан: теракты против американских солдат и союзных им иракцев на время ослабли, а нападения в Иране и Пакистане (в том числе на китайских специалистов, которых США считают угрозой своим интересам) усилились.*

175. Первым был, насколько можно судить, криминолог В.С. Овчинский.

Для традиционного государства столкновение с гражданским обществом, – и особенно глобальным, не структурированным законами, – приобретает характер **многоуровневого взаимодействия с сетевыми структурами**, сплетение которых и составляет это гражданское общество. Острота современного противоречия между развитыми странами Запада и неразвитой половиной человечества, равно как и между глобальными и национальными управляющими системами, последние из которых ограничены как территориями, так и формализованными правилами, делает **неизбежными войны традиционных государств с указанными сетевыми структурами**.

Такие войны **по своей природе требуют непубличных,** не подлежащих огласке **действий** – от тайных переговоров до тайных убийств. *(Классический пример – убийства США вьетнамских руководителей и активистов во время вьетнамской войны в рамках операции «Феникс». Вьетнамские военные оценивали ее эффективность исключительно высоко.)*

Позорный провал нападения Израиля на юг Ливана летом 2006 года *(разгромить «Хезбаллу» не удалось, а успешное сопротивление качественно повысило ее влиятельность в Ливане)* юридически доказал, что традиционное демократическое правительство, работающее чуть ли не «под телекамеру», не может осуществлять подобные действия просто технологически.

Таким образом, **сетевые войны**, **объективно** ограничивая транспарентность и принуждая управляющие системы к информационной асимметрии, тем самым **требуют не просто ограничения демократии в виде ее формальных**, созданных Западом **институтов**, но и масштабного отказа от нее.

5.7. Тупик несовместимости с технологическим прогрессом: и демократии, и «Железной пяты»

С началом глобализации демократические инструменты в развитых странах способствуют достижению не экономического прогресса, но личного комфорта граждан. Прогресс идет, пока служит достижению комфорта, но по достижении высокого уровня комфорта общество начинает его тормозить, так как коллективные усилия по продолжению прогресса начинают мешать индивидуальному наслаждению комфортом.

Кроме того, **нормальный человек всегда предпочтет сегодняшнее потребление послезавтрашнему – и поэтому откажет в финансировании прорывных исследований**, которые принесут неизвестно какой результат неизвестно когда, а могут и не принести никакого практического результата вовсе.

Привычно издевающимся над лозунгом старого немецкого империализма «пушки вместо масла» не стоит забывать, что формула прогресса похожа: «станки вместо масла»!

Принципиальная **нерыночность технологического прогресса** (точнее, его ключевой части, «ядра» – открытия новых технологических принципов) **делает его совместимым с демократией лишь под давлением** мобилизующего **страха смерти**.

После одностороннего выхода СССР из холодной войны, приведшего к его уничтожению, таких угроз нет. *Попытки сделать ими болезни (см. параграф 9.5.2) провалились из-за неопределенности, международный терроризм – так как «террористы, как блохи, у всех свои», постсоветскую Россию до 2014 года – из-за ее слабости.* Климатическая конференция в Копенгагене в декабре 2009 (показательно проигнорировавшая вспыхнувший накануне «климатгейт») знаменовала собой провал попытки запугать демократию до ее примире-

ния с технологическим прогрессом глобальным изменением климата (хотя на менее масштабные задачи – вроде создания новой идентичности Запада – см. параграф 9.2.2 – этой угрозы хватило).

Без явной угрозы уничтожения демократические институты будут блокировать прогресс массовым предпочтением текущего потребления будущему. *Мы видим это уже сегодня в развитых экономиках Европы (в частности, в кризисах мотивации, социальной и пенсионной систем) с той же неотвратимостью, что 30 и 40 лет назад видели в экономике собственной страны.*

А по-прежнему наиболее передовая страна – США – показывает: даже **попытка поддержания экономического и технологического прогресса сопровождается ограничением демократии**, включая свободу СМИ (в том числе самоцензурой), и глубоким искажением избирательных процедур.

Причина в том, что демократия в ее западном понимании нежизнеспособна без внешних для нее источников мотивации (и требует их наличия, как капитализм требует периферии). «Оставленные в поколе» демократические институты обречены на погружение в «потреблятство» из-за обуславливаемого ими приоритета краткосрочных индивидуальных интересов над долгосрочными коллективными.

Переставшие соответствовать условиям, сложившимся после холодной войны, традиционные демократические институты изживаются и преобразовываются наиболее развитым и находящимся поэтому на острие переживаемых человечеством изменений американским обществом. Подобно тому, как неразвитые общества не доросли до стандартных демократических институтов, **американское общество**, как наиболее развитое, **перерастает их, превращаясь в постдемократию**.

Об этой системе принято говорить в терминах тотального прямого насилия в стиле «Железной пяты» Джека Лондона или изощренного контроля за сознанием по Замятину и Оруэллу. Но все мыслители исходят из современных

им реалий, линейно экстраполируя в будущее наблюдаемые ими тенденции. Технологии формирования сознания меняют механизмы реализации описанных ими принципов, а значит, и характер будущих обществ. Реальность будет более изощренной и менее откровенной, но суть дела от этого не изменится: **постдемократия передает власть глобальным управляющим сетям, преследующим свои частные интересы и перерастающим в глобальный управляющий класс** (см. параграф 7.2)**, криминальный по отношению к остальному миру** по определению.

Являясь совокупностью глобальных монополий и выражая их интересы, глобальный управляющий класс обречен враждебно противостоять технологическому прогрессу (кроме отдельных направлений вроде продления жизни своих представителей, подчинения масс и создания новых рынков), подрывающему господствующие позиции монополий.

Таким образом, и умирающая западная демократия, и сменяющая ее «Железная пята» враждебны технологическому прогрессу, – и потому затормозят его, а затем будут сметены им.

5.8. Можно ли превратить «шаг назад» в движение вперед?

Итак, внутреннее устройство демократии в ее современном западном понимании перестало соответствовать объективным требованиям глобализации и уже не способно автоматически решать порождаемые ею проблемы, – а ведь именно в этом автоматизме и заключалась историческая сила демократии.

Основное направление «ремонта демократии» (если он возможен) – укрепление несущей опоры демократии, государственности в ее традиционном понимании, восстановление и реабилитация в глобальном сознании понятия «суверенитет» и особенно «суверенитет народа», понимаемого

как «большинство населения страны, объединенное общей культурой», восстановление международного права в его виде до 1999 года. Нужен и возврат к национально ориентированной системе ценностей от глобальной системы ценностей, которая, если и возможна (обычно она подменяется системой ценностей США или же Евросоюза), то, во всяком случае, саморазрушается.

Наиболее развитым западным странам, веками считавшими себя светочами цивилизации, придется осознать (хотя пока они не демонстрируют ни тени способности к этому), что они слишком далеко и корыстно забежали в деле объединения мира и теперь ради его спасения обязаны сделать шаг назад.

Необходим приоритет коллективной безопасности над правами человека в их западном понимании, отказ от крестового похода за демократизацию, признание за каждым обществом права жить по своим законам и обычаям. Пора признать, что источник законной власти – народ со всеми его недостатками, а не изменчивая администрация США. Тем более не легитимирует власть в независимых государствах и «агрессивно-послушное», как говорили про большинство последнего советского Съезда народных депутатов, «моральное большинство» Запада, конституированное (во многом еще и в коммерческих целях) несколькими глобальными СМИ, выражающими волю прозападного глобального управляющего класса (см. параграф 7.2).

Потребность в этой консервативной, традиционалистской, патриотической революции, олицетворяемой странами БРИКС и в первую очередь Россией и Китаем, очевидна, но ее возможность не ясна. Она прямо противоречит интересам наиболее влиятельных субъектов глобальной политики и зовет в уже известное и лишь поэтому кажущееся безопасным прошлое. «Обеспечение глобальной безопасности» – лишь шаг назад, сама возможность которого даже методологически сомнительна.

Принудительная глобализация и насильственная демократизация осуществляются именно потому, что служат рав-

нодействующей интересов наиболее влиятельных участников современных глобальных рынков. Эти рынки балансируют на пороге разрушения, – но пока именно их участники остаются наиболее влиятельной частью человечества.

И человечество идет по самоубийственному либеральному пути (см. главу 18) не потому, что кто-то обманул и обольстил его, но потому, что этот путь наиболее соответствует текущим потребностям его наиболее влиятельных членов.

Поэтому «ремонт» демократии в ее западном понимании, кто бы и как бы ни взялся за него, перерастет в коренное изменение всего мирового порядка (и будет идти на его фоне, корректируя его, в условиях срыва в Глобальную депрессию и распада единых рынков на макрорегионы – см. параграф 15.3 – на фоне биполярного противостояния США и Китая – см. параграф 17.1.3). Глупо надеяться, что это катастрофическое изменение затронет лишь несправедливые для нас его элементы, оставив в неприкосновенности все, что мы считаем удобным для себя.

Глава 6. СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС: РАЗДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет.

(Евангелие от Луки)

6.1. «Информатизированное сообщество»

Ключевой частью элиты нового, информатизированного общества становятся участники формирования его сознания.

Причина – эффективность соответствующих технологий, в силу которой причастным к ним проще проникнуть на верхние этажи управленческой пирамиды, чем профессионалам в других областях. *Поэтому периодические прорывы к реальной власти политтехнологов, журналистов, а то и шоуменов, раздражающие здравомыслящих людей, – не сбои управленческой машины, но закономерность глобализации, отражающая объективное снижение эффективности управления (подробней см. в главе 4).*

С другой стороны, при доминировании информационных технологий успех даже в традиционных видах деятельности требует формирования общественного и индивидуального сознания (см. сноску 122 на стр.176). Без убеждения других нельзя закрепиться на достигнутом уровне, не говоря о подъеме на следующий, а без «самовоспитания» и аутотренинга – применения технологий формирования сознания к себе самому – индивид не победит в конкуренции, усиливающейся не только по мере продвижения по социальной лестнице, но и на каждом из ее уровней.

Таким образом, информационные технологии и особенно их стержень, технологии формирования сознания, – источник обновления элиты и средство укрепления положения ее членов.

В информатизированном обществе из профессионалов, связанных с разработкой и применением технологий формирования сознания, формируется внутреннее «информационное сообщество». Оно во многом совпадает с элитой и также обладает специфическим мировоззрением и обособляется не только из-за интенсивного применения к нему как к части элиты технологий формирования сознания (см. параграф 4.6), но и в силу специфического образа действия, влияющего на сознание его членов.

Логично предположить, что члены «информационного сообщества», занимаясь столь творческой деятельностью, как формирование сознания, являются высоко творческими, раскрепощенными (по крайней мере, интеллектуально и духовно), оригинально мыслящими людьми.

Такие есть в каждом «информационном сообществе», но, как ни парадоксально, обычно не играют в нем значимой роли.

У большинства членов «информационного сообщества» энергетика, узкий профессионализм и мастерство пускания пыли в глаза сочетается с внутренней пустотой, интеллектуальной скудостью и граничащим с убожеством догматизмом.

Творческие навыки применяются лишь при выполнении профессиональных обязанностей. Это «творческие винтики», раскрепощенные лишь в узких функциональных рамках, вне которых они демонстрируют весь стандартный набор стереотипов и комплексов, свойственных объектам применения технологий формирования сознания. Формируя сознание других, они становятся образцовыми примерами применения этих же технологий.

Возможно, ограниченность представителей «информационного сообщества» – проявление коллективного сознания (см. параграф 3.6), использующего их в качестве «частичных» интеллектуальных или управленческих работников. *«Частичные работники» ранней индустрии прикованы к станку, на котором выполняли единственную операцию,*

и не могут выжить вне данного производства, ибо не умеют делать ничего другого и не имеют возможности переучиться. «Частичные работники» современных «информационных сообществ» не могут существовать вне господствующих парадигм и стереотипов мышления, ибо не способны воспринимать альтернативные подходы (и в сложившейся системе это их конкурентное преимущество).

Демонстрация обыденных стереотипов производится членами «информационного сообщества» с отнюдь не обыденной напористостью, превращаясь в их навязывание.

Чужое несогласие, вызывающее у большинства обычных людей отстранение, часто даже не сопровождающееся фиксацией разности подходов, и лишь редко – стремление совместно докопаться до истины, членами «информационного сообщества» воспринимается как вызов и порождает попытку немедленно искоренить ересь, переубедив или опорочив ее носителя. Интересно, что агрессия бескорыстна: она проявляется, даже если «еретик» не воспринимается как потенциальный конкурент.

Обычная причина враждебности к инакомыслию – то, что выражающий иную точку зрения воспринимается членами «информационного сообщества» как угроза удобному для них *status quo*, основанном на «правильно сформированном» сознании. В этом отношении формально безупречно демократическое информатизированное общество более догматично и менее терпимо к инакомыслию, чем авторитарное.

Нетерпимость «информационного сообщества» не просто иллюстрирует большую, чем в среднем, степень перерождения его сознания из-за более интенсивного применения (им и уже хотя бы только поэтому и к нему) технологий его формирования[176]. **Косность и нетерпимость разоблачают**

176. Технологии формирования сознания и в целом информационные технологии обоюдоостры: преобразуют и объект, и субъект их применения. Это общее свойство всех технологий, но информационные технологии преобразуют применяющего их не только опосредованно, как инструмент заставляет приспосабливаться к нему мастера, но и прямо: **субъект применения информационных технологий из-за их всеобщего, тотального характера почти неминуемо оказывается и их объектом** (последствия этого для управления см. в параграфе 4.4.).

«информационные сообщества» как инструмент ретрансляции и внедрения, но не создания смыслов. *Члены этих сообществ похожи на магнитофонные записи; даже лучшие из них – не композиторы, но лишь аранжировщики, пусть умелые и изобретательные.*

Они выполняют роль пропагандистов, распространяющих сложившиеся с их минимальным участием стереотипы и реализующие принятые без них стратегические решения. То, что при этом они переполнены ощущением своей значимости, чувствуют себя творцами миров и властителями дум мириадов серых убогих людей, сознание которых они формируют и поведением которых они манипулируют, лишь оттеняет их второстепенную, исполнительскую роль.

Ее осознание ставит проблему механизмов формирования стереотипов, внедряемых «информационным сообществом». Ведь если властители дум (без иронии – его члены, как правило, являются таковыми) и «хозяева жизни» – лишь ретрансляторы, то кто и как разрабатывает и закладывает в них представления, которые они потом навязывают обществу?

Поиск демиурга, занятого этой ответственной работой, – частный случай поиска очередного «мирового правительства» или непосредственно господа бога. Представления, внедряемые членами «информационного сообщества», зарождаются и отбираются в их кругу стихийно, безличностно (хотя всякую новую мысль, конечно, кто-то высказывает впервые), хаотично и под влиянием господствующих в нем и в основном объективно обусловленных интересов, а также психологических особенностей. *(Хотя, конечно, здесь, как и везде, имеет место и проектная работа, – см. параграф 7.3, – но она, как и в остальных сферах, – лишь способ проявления, инструмент реализации объективных закономерностей, а не средство их формирования.)*

Известны механизмы мгновенного распространения идей, соответствующих потребностям «информационных сообществ» (и обществ, на сознание которых они воздействуют), но процесс их зарождения не поддается однозначной реконструкции. Развитие же идеи, которая так и не ста-

ла доминирующей, кроме отдельных счастливых случаев, когда она обретает своего летописца, вообще почти невозможно проследить.

Большую роль играет случайное взаимодействие особенностей личности и внешней среды. Члены «информационного сообщества», при всей отделенности от общества, живут в нем: каким бы узким ни был круг их общения, они получают сигналы, пусть отобранные и искаженные, из внешнего для них мира.

Индукция, наложение, интерференция, взаимопоглощение или взаимоусиление информационных полей, их переход в новое качество до сих пор мало и хаотично изучены; их систематические исследования даже не начинались.

В идейном плане «информационное сообщество» однороднее общества, так как внедрять разнородные и противоречивые представления сложно и затратно. Такая однородность усугубляет косность «информационного сообщества», влияет на все общество, снижая его приспособляемость, а значит, и устойчивость. Вероятно, это делает информатизированное общество менее жизнеспособным, чем традиционное, – но это цена роста мощи за счет массового формирования сознания.

6.2. Базовое социальное противоречие эпохи глобализации

В.Л.Иноземцев в работе «Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества» [166][177] показал изменение основного социального противоречия

177. Написана в те баснословные времена, когда Иноземцев был добросовестным популяризатором западной социологии и еще не занялся массовым одалживанием денег без возврата (в ноябре 2016 года он был признан банкротом в связи с невозвратом долга в 598,6 млн.руб.; общий же его долг, с учетом исполнительных листов по базе ФССП, превысил 686 млн.руб. – более 10 млн.долл.!) и не превратился в заполошного и произвольно сегментирующего реальность либерального пропагандиста [157].

развитых обществ по мере замещения индустриального производства информационными технологиями. Обобщение ею ключевых работ позволяет свести рассмотрение вопроса в той степени, в которой он важен для данной книги, к изложению ряда ее тезисов.

Ослабление влияния буржуазии, в индустриальном обществе находившейся на самом верху социальной лестницы и образовывавшей его элиту, ее вытеснение профессиональными менеджерами – проявление более глубокого процесса: перехода контроля за общественным развитием из рук владельцев капитала в руки владельцев уникальных знаний и умений, прежде всего управленческих. Это естественно при уменьшении значения традиционных производительных сил и превращения науки (причем в первую очередь управленческой, о чем тактично умалчивают не связанные с ней ученые и аналитики) в главную производительную силу. Происходит «замещение денежного капитала интеллектуальным».

В результате в развитых обществах доминирующее положение занимают работники интеллектуального труда, точнее – «носители информации о производственных процессах и о механизме общественного прогресса в целом» [166]. По определению Дж.К.Гэлбрейта, новая управленческая элита «включает всех, кто привносит специальные знания, талант и опыт в процесс группового принятия решений» [20].

Ее особенность – еще меньшая, чем в индустриальном обществе, демократичность (описанная для информационной эпохи в предыдущем параграфе). «Капитал как источник знания и могущества заменяется не трудом, а знаниями, так как они, в отличие от труда, являются «редким производственным фактором» [24], имеющим наибольший спрос при ограниченном предложении. По этой причине складывающееся меритократическое социальное устройство **может быть только пародией на демократию** *(выделено мной – М.Д.)*, и новые возможности социальной мобильности не устраняют, но даже подчеркивают его элитарный характер».

«**Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится** не право распоряжать-

ся благом *(доступом к информации – М.Д.)*, а **способность им воспользоваться**» [166]. Последняя распределена неравномерно в силу как социальных, так и биологических (наследственных) причин, что потрясающим образом иллюстрирует тот общедоступный со времен Великой Французской революции факт, что из-за объективного неравенства людей наделение их равными правами усугубляет их неравенство.

Новую элиту образуют работники интеллектуального труда, способные производить уникальные блага, связанные в основном с информацией и управлением. Их роль неуклонно растет, но «способность продуцировать новые знания отличает людей друг от друга гораздо больше..., чем материальное богатство; более того, эту способность нельзя приобрести мгновенно – она в значительной степени определяется на генетическом уровне.... По мере того, как новый высший класс будет вбирать в себя самых достойных представителей прочих слоев общества, потенциал оставшихся будет ...снижаться...» [166].

В развитых обществах формируется «предельно поляризованная классовая структура», которая «вызовет к жизни противоречия более острые, нежели существовавшие на прежних ступенях общественной эволюции». Исследователи указывают на формирование «двух... оформившихся полюсов социального противостояния. С одной стороны, это высший класс, представители которого ...прекрасно образованы, исповедуют постматериалистические ценности и заняты в высокотехнологичных отраслях..., имеют в собственности или ...распоряжаются необходимыми им условиями производства (т.е. ...занимают высокие посты в корпоративной либо государственной иерархии).

С другой стороны, это низший класс нового общества, рекрутирующий... рабочих... либо неквалифицированных иммигрантов, не имеющих... образования и не считающих его... ценностью; движимые... материальными мотивами, ...они заняты в материальном производстве, сфере услуг либо являются безработными – временно или постоянно».

Именно эти социальные группы «выступают центрами притяжения для тех, кто еще недавно составлял... средний класс – опору индустриального общества» [166]. **Размывание среднего класса**, а с ним – и всего «общества благосостояния», стремительное превращение «общества двух третей»[178] в «общество половины» – грозный сигнал для развитого мира.

Внутренний разрыв развитых обществ лучше всего иллюстрируется динамикой разрыва между доходами наиболее богатых и бедных. Ее сокращение, неуклонно шедшее, например, в США со времен Великой Депрессии, затормозилось к середине 70-х годов, а с начала 80-х – со времен либеральной контрреволюции (см. пример 23 и параграф 16.1.3), «рейганомики» и неумеренного кредитного стимулирования экономического роста (см. параграф 14.1.2) – уверенно пошло вспять. Непосредственная причина (наряду с резким ростом финансовых спекуляций, подавляющих реальный сектор [277, 330]) – растущая роль уникальных знаний и способности к интеллектуальному труду, ставших главной производительной силой.

Потребность в них росла, повышая доходы специалистов; потребность же в рутинном труде неуклонно снижалась, ведя к обеднению занятых им. Сначала это было названо «расслоением по признаку образования»: «с 1968 по 1977 годы в США реальный доход рабочих вырос на 20%, и это увеличение не зависело от уровня образования... Люди с незаконченным средним образованием повысили свой доход на 20%, а выпускники колледжей – на 21%. Но за последующие десять лет разница в уровне образования стала решающим фактором. С 1978 по 1987 годы доходы в среднем выросли на 17%, однако доход работников со средним образованием ... упал на 4%, а доход выпускников колледжей повысился на 48%. Число рабочих мест, не требующих высокой квалификации, резко сокращается» [72].

Если в 80-е годы высшее образование и занятость в финансовой и управленческой сферах позволяли поддерживать

---

178. Одно из обозначений «общества благосостояния»; имеется в виду, что две трети семей живут в собственных, а не съемных домах и квартирах.

высокие доходы, в 90-е требования выросли так, что высшее образование перестало гарантировать успех[179]. Выпускник университета столкнулся с необходимостью послевузовской подготовки и доказывания своих способностей, в первую очередь – к самостоятельному высокоэффективному творчеству.

«Рост благосостояния наблюдается в основном у высококвалифицированных работников и... не затрагивает большинство...» [166]. «...В Америке всегда существовал привилегированный класс, но никогда... он не находился в такой опасной изоляции от окружающего мира» [41].

В развитых обществах все полнее проявляется тенденция к «замыканию новой высшей социальной страты». Только с 1970 по 1990 год реальный (с учетом инфляции) рост стоимости обучения в частных университетах США превысил 1,6 раза.

Как показал Пикетти в «Капитале в XXI веке» [249], в последующий период неравенство в развитых странах (не говоря уже о мире в целом) только продолжило углубляться.

«В рамках... новой социальной структуры можно прогнозировать как продолжение ...поляризации, так и замыкание... социальных и профессиональных общностей с дальнейшей поляризацией внутри каждой из них. ...Не подвергается сомнению наличие разрыва между наиболее обеспеченной и приспособленной к... переменам стратой и большинством..., который будет расти, а также то..., что основной социальной проблемой становится рост бедности формирующегося низшего класса».

Социальный конфликт в информатизированных обществах более глубок и непримирим, чем конфликт **между буржуазией и пролетариатом** в индустриальных обществах из-за:

- принципиального различия мотиваций доминирующего и подавляемого классов (у первого постэкономическая мотивация: стремление к самореализации, а не к богатству); эта **противоположность мотиваций**

179. Разумеется, сыграло свою роль и проявившееся уже тогда «перепроизводство элит», описанное Петром Турчиным [299].

не дает «говорить на одном языке» и достигать компромисса (что делает их конкуренцию близкой к межцивилизационной – см. раздел 14.2.3.);

- независимости доминирующего класса от подавляемого: буржуазия не существует без пролетариата, что и позволяет ему бороться за свои права, но управленческая элита (в силу вывода производств из развитых стран) не нуждается в массовом рутинном труде своего общества, так как производит и реализует новые знания и умения без его помощи;
- ограниченности возможностей вхождения в круг интеллектуальных работников способностями (из-за и воспитания, и наследственности), дороговизной образования и тем, что, «когда человек осознал себя недостаточно образованным, оптимальный период для... образования уже позади» [166].

Эти новые, неведомые индустриальному обществу явления усилены технологиями формирования сознания.

Базовое противоречие развитого общества лишь начинало проявляться в ходе НТР и распространения информационных технологий. На пике этого процесса – в условиях глобализации и доминирования технологий формирования сознания – оно обнажилось во всей своей безобразной самоочевидности.

Это противостояние двух обособленных, не понимающих друг друга и не нуждающихся в этом понимании групп. На верху «социальной лестницы» – интеллектуально-управленческая элита и обслуживающие ее профессионалы, трансформировавшиеся в «информационное сообщество», если уже не в «информационный класс». Они обеспечили себе благосостояние и потому стремятся не столько к доходам, сколько к самореализации. Им противостоят разнородные массы, дешевеющим рутинным трудом добывающие все меньше материальных благ и лишающиеся социальных гарантий, казавшихся незыблемыми их родителям в конце индустриальной эпохи.

Это противоречие обостряется, становится все более антагонистическим и не имеет видимого конструктивного выхода.

Базовым социальным противоречием глобализации стало противоречие между «информационным сообществом», участвующим в разработке и применении технологий формирования сознания, и объектом применения этих технологий – остальных социальных слоев и групп.

Применение к человеку биотехнологий, кардинально повышающих его качества (в том числе, вероятно, творческие и интеллектуальные), если окажется успешным, переведет это противоречие на безнадежный уровень противостояния групп организмов, различающихся не только социально-экономически, но и биологически [19]. Недаром в развитых странах «осознание необратимости нового социального расслоения становится всеобщим» [166].

* * *

Глобализация разделяет людей и общества по степени участия в создании и использовании информационных технологий и, соответственно, по их богатству. В каждом обществ, в свою очередь, необратимо выделяется «информационное сообщество». Наиболее болезненно это разделение в развитом мире, где доля «информационного сообщества» максимальна.

Внутренняя неоднородность – «встроенный дестабилизатор»: информационная революция не оставляет надежды на спокойное и обеспеченное будущее даже наиболее развитым.

6.3. Воспитание – ничто, способности – все?

Способности к творчеству сильнее, чем традиционно значимые для конкуренции внутри человеческого общества способности к обучению и формальной логике, определяют-

ся врожденными, а не приобретенными свойствами личности.

Их тоже можно развить, – но в существенно меньшей степени, чем логические способности и способность оперировать теми или иными фактами. Роль генетического фактора в способности к творчеству намного выше социального (по крайней мере, на современном уровне развития педагогики).

Поэтому конкуренция людей и их **социальный статус** еще не менее жизни целого поколения (пока педагогика не научится развивать способности к творчеству или хотя бы образному мышлению так же, как сейчас она развивает логические способности[180]) **значительно сильнее, чем раньше, будет определяться врожденными, не поддающимися сознательной коррекции факторами**.

Качественное снижение роли социальных факторов при росте значения факторов биологических принципиально меняет сам облик такого «общественного животного», как человек.

Противоречие между способностями личности и ее принадлежностью от рождения к той или иной социальной страте будет усилено до трудно представимой сегодня остроты.

Понятно, что все силы будут брошены на пробуждение в детях творческих способностей, – и достигнут, вероятно, выдающихся успехов. Но человечество вряд ли научится развивать творческие способности так же хорошо, как оно научилось развивать логические, – хотя бы потому, что скорость социальных изменений оставит ему мало времени. Как только логика благодаря биологизации компьютерных интерфейсов станет общедоступной (см. параграф 1.3.), и конкуренция сконцентрируется в поле творческих способностей, – **социальная конкуренция, социальный отбор**

180. Советская экспериментальная педагогика к 60-м годам добилась выдающихся успехов в развитии образного мышления, выявлении и раскрытии творческих способностей, – но управляющая система не знала, что делать с массой творческих личностей, не умела с ними справляться (подробней об этом см. в параграфе 4.7), и потому эта педагогика так и осталась экспериментальной – вплоть до наших дней.

станут вестись на базе биологических по своей сути **параметров**.

Стихийность творчества и реализации творческих способностей означает, что отдельный человек в значительно меньшей степени, чем даже сегодня, будет «творцом своей судьбы».

Произойдет «биологизация» общества; врожденная способность (или неспособность) к творчеству будет определять социальный статус человека значительно сильнее образа жизни (в основном, конечно, богатства или бедности) его родителей.

Профессиональная специализация людей (и тем более их социальный статус) сильнее, чем сейчас, будет определяться сугубо биологическими факторами, которые мы сегодня в силу неумения их разделить обобщенно именуем «способностью к творчеству». Общество начнет напоминать коллектив насекомых, где место каждого во многом определено от рождения, а **значение свободной воли меньше, чем мы привыкли считать достойным для себя**.

Открытым остается вопрос о соотношении биологического и социального в конкуренции. Более успешные и обеспеченные люди, сформировавшие элиту (и особенно – новую, уже творческую элиту, которой предстоит разрушить и преобразовать сегодняшние системы управления), будут защищать высокий статус своих детей вне зависимости от их способностей. В этом им помогут биотехнологии, повышающие способности человека (и продолжительность его активной жизни), недоступные для социальных низов из-за высокой стоимости и «культурного барьера». *(Значимость последнего нельзя недооценивать: для заботы о своей жизни и жизни своих детей необходимо осознание ее ценности, – а элиты обычно стремятся к ограничению самосознания управляемых для поддержания своего лидерства, не говоря уже о власти, и для упрощения управления.)*

Если технологии будущего *high-hume*'а не смогут пробуждать творческие способности так же надежно и массово, как сейчас они пробуждают логические способности, **со-**

циальная система будет неустойчивой из-за деградации творческого (то есть наиболее значимого) **потенциала элит**.

«Социальные лифты» для творческих людей не решат проблему, так как ключевые позиции все равно неминуемо будут заняты деградирующими представителями «старой» элиты (как мы видим в США, несмотря на их пропаганду). Творческие же люди, рекрутируемые «из низов», будут оставаться лишь высокооплачиваемым обслуживающим персоналом, что **превратит их в контр- или даже антиэлиту**[181]. Последняя в неизбежной борьбе за власть сможет опереться на массы, из которых ее представители недавно вышли (возможно, скрытые проявления этой формирующейся тенденции – столь несхожие персонажи, как Барак Обама и Дональд Трамп).

Когда же биотехнологии смогут пробуждать в людях творческие способности в нужных системе управления масштабах, **они** при недостаточно демократическом внутреннем устройстве общества **будут применяться** в первую очередь **к детям элиты**, которая освободится от зависимости от него и «закуклится». Ее задачей станет поддержание жизнеспособности лишь салариата (см. раздел 4.4.5 введения), нужного для жизнеобеспечения *(в этом принципиальное отличие информационных технологий от индустриальных – см. параграф 6.4).* Остальные люди будут биологизироваться, теряя человеческий облик, по образцам трущоб мегаполисов Африки и Латинской Америки, превращаясь из «человека разумного» в «человека фавел», жизнь сообществ которого описывается уже не столько социальными, сколько биологическими характеристиками.

Будущее каждой цивилизации при столкновении с этим вызовом будет определяться степенью ее внутренней демократичности и, с другой стороны, наличием или отсутствием осознаваемой ее членами сверхзадачи, принуждающей

181. Контрэлита борется с элитой за власть в рамках существующей общественной системы, антиэлита – при помощи ее разрушения.

ее элиту отбросить или хотя бы существенно ограничить свой естественный социальный эгоизм.

В недостаточно демократичных культурах в отсутствие такой сверхзадачи произойдет **разделение обществ на расы господ, обслуживающего персонала и утилизируемого избыточного** человеческого **материала** *(масштабный опыт подобной социальной утилизации, помимо отдельных несистемных выплесков вроде режима Пол Пота, поставлен на территориях Африки, Латинской Америки, а совсем недавно – бывшего СССР, включая Россию)*. Но эта система вряд ли сможет просуществовать долго: вторичная социализация «человека фавел» выйдет из-под контроля «расы господ» и, скорее всего, уничтожит ее.

Единство общества (если оно выстоит в конкуренции с соседями) или человечества (если эта модель окажется общей для него) **будет** восстановлено, как и при всяком нашествии варваров, **ценой утраты производственных и социальных технологий, а также резким снижением уровня гуманизации**.

6.4. От «человека разумного» к «человеку трущобному»

Главное для общества отличие информационных технологий от предшествующих индустриальных – сверхпроизводительность.

Индустриальные технологии в силу относительно низкой производительности требуют вовлечения в стандартизированное **производство максимума людей,** служа **объективным инструментом социализации** личности и укрепления общества.

Да, эта социализация принудительна, относительно примитивна, основана на унификации личностей и потому способствует возникновению массового общества и авторитарных режимов.

Но это приемлемая цена формирования благополучного «сред-него класса», «благосостояния для почти всех», «общества двух третей». Для индустриальных технологий каждый человек – ценнейший ресурс производства, ключевой источник прибыли, и потому его надо включить в этот процесс, выучив его, усмирив его животные инстинкты и дав ему комфортную систему мотиваций *(из которой, собственно, и вырастает общество массового потребления)*.

Совершенно иную социальную среду в силу сверхпроизводительности порождают **информационные технологии.** Им **нужна элита, обеспечивающая управление, исследования и культурную среду**, а также относительно **небольшое число людей, обслуживающих системы жизнеобеспечения** *(в широком смысле слова, включая механизированные производства)*.

Остальные – добрые три четверти населения *(их доля зависит как от уровня технологического развития общества и его места в глобальной конкуренции, так и от национальной культуры)* – **оказываются лишними** в прямом смысле слова. Они не производят прибыли и являются для бизнеса чистыми издержками, непроизводительными и потому не имеющими оправдания затратами. Соответственно, коммерчески **эффективное развитие** общества **требует их эффективной же утилизации**, – если и не физической, то хотя бы социальной, снижающей до возможного минимума затраты на поддержание их биологического существования.

Это «социальное людоедство» – объективное требование нового технологического базиса: информационных технологий, неуклонно вытесняющих индустриальные (см. параграф 9.1).

Результат – «размывание», то есть обнищание и люмпенизация «среднего класса», члены которого деградируют вплоть до полной десоциализации. *Наиболее близкая к нам по времени иллюстрация этого процесса – подлинный погром «среднего класса» после уничтожения Советского Союза.*

Пример 23

«Контрреволюция элит» вслед за «восстанием масс»[182]

Национально-освободительные революции XX века (включая Великую Октябрьскую) – проявления шедшей в масштабах всего человечества «революции масс»: их превращения в значимую политическую силу, сознающую и реализующую свои интересы [234]. **«Революция масс» – политическое следствие формирование крупного индустриального** (особенно конвейерного) **производства в глобальном масштабе**. В социальной сфере она создала массовый «средний класс» и «общество всеобщего благосостояния», причем капитализм с социализмом были диалектически разделенным, но единым инструментом решения этой задачи.

Либеральная контрреволюция, начатая Тэтчер и ставшая глобальной благодаря Рейгану, стала проявлением «контрреволюции элит», возвращающих массы в подчиненное и лишенное самосознания положение. Подобно тому, как «революция масс» была порождена индустриальными технологиями, «контрреволюция элит» **была** не только реакцией на эту революцию традиционно господствующих классов, но и **политическим следствием распространения информационных технологий**.

В социальной сфере «контрреволюция элит» означает прогрессирующую десоциализацию, границы и сдерживающие факторы которой пока не понятны. Ее суть – не только политическое, но и социальное, а в ряде случаев и физическое уничтожение прежних «масс». Воспринимаемые элитами в качестве своего непримиримого противника и постоянной угрозы (недаром десоциализированные элитами «массы» получили название «прекариата» – «опасного класса»), в логике этих элит массы подлежат уничтожению, если и не физическому, то социальному, – путем превращения из «масс» в неспособное не только к революции, но даже к осознанию своих интересов «быдло». *Правда, на фоне «человека трущобного» представители последнего выглядят подлинными аристократами.*

182. Подробней см. параграф 16.1.3.

6.5. Эмоции вместо интересов

Наиболее яркая из происходящих трансформаций норм массового поведения – **смена доминирующей мотивации**. *По крайней мере с начала тысячелетия политические силы, обещающие обществу реализацию его насущных, кровных интересов раз за разом терпят поражения, уступая самым вздорным и нелепым противникам, обещающим всего лишь новые эмоции*.

Современный человек и общество склонны жертвовать (в том числе и осознанно) своими интересами ради новых эмоций во всей их мимолетности. *Конечно, эмоции являются «скоропортящимся» и потому дефицитным «товаром»: мгновенное привыкание к ним требует их постоянного обновления, – но в этом нет ничего нового. Так было всегда, и переход от управления через интересы к управлению через эмоции вызван изменением «не на стороне предложения, а на стороне спроса».*

Благодаря информационным технологиям сенсорное голодание, бывшее еще на заре глобализации, на рубеже 80-х и 90-х, болезнью начальников и заключенных, стало нормой для жителей даже не самых крупных городов, то есть для неуклонно растущего большинства человечества *(число горожан превысило численность сельского населения в 2007 году; в середине 2016 их доля, по оценке ООН, составила 54,5% населения мира)*.

И новые ощущения, новые эмоции оказываются главной доминантой и главной ценностью современного человека.

Конечно, возможно, этот поразительный перелом вызван длительной удовлетворенностью базовых потребностей человека. В свое время это было шоком: в начале 50-х годов XX века социологи Западной Европы были шокированы новой эпохой, в которой «ничего не не хватает» и которая просто не поддавалась осмыслению людьми, хорошо помня-

щими голод, постоянную физическую опасность, нехватку одежды, тепла, простейших лекарств и транспорта.

«Сытость в острой форме. Опасно для окружающих», – пророчески диагностировал перед войной, когда страна начала нормализовывать потребление, великий Евгений Шварц [337].

В развитых странах это состояние длится уже более трех поколений и должно привести не к количественным, а к качественным изменениям. Самое очевидное из них – снижение относительной ценности материального потребления (носящего избыточный характер) за счет роста значимости потребления эмоционального (так как духовное потребление, оно же созидание, требует усилий, чрезмерных для человека эпохи «потреблятства» (термин ввела Н.Макарова, переводчик книги [128]).

Если эта гипотеза верна, человечество просто «зажралось», – и глобальный кризис возобновлением страшных, но органичных для его прошлой истории бедствий вернет его в нормальное состояние следования интересам, а не эмоциям.

Но такой подход, при всей его бытовой справедливости и самоочевидности, ошибочен, ибо абстрагируется от существенного: принципиально новых информационных технологий, меняющих саму суть индивида и человечества.

Он представляет человечество идеально упругим, что неверно для любой организационной структуры.

Такой подход безоговорочно верен лишь по отношению к той части человечества, которая в результате развития глобального кризиса утратит доступ к информационным технологиям и архаизуется полностью, – если таковая вообще будет.

В отношении всех остальных, каковы бы ни были их бедствия, он будет неверен в той степени, в которой эти остальные сохранят доступ к информационным технологиям и, соответственно, останутся под их преобразующим воздействием.

Вероятно, это станет еще одним фактором внутреннего разделения человечества, – вдобавок к остальным, еще и по доминирующим мотивациям. Ничего принципиально нового в этом нет: разделение пройдет по «пирамиде Маслоу»[183], надстроенной, правда, контуром эмоций (хотя, судя по современным тенденциям, они могут и заменить собой ее этажи, связанные с признанием со стороны рассыпающегося общества).

6.6. Секты: новая форма и принцип самоорганизации

Качественный фактор изменения современного общества – смена принципа его социально-политической структуризации.

На смену клубов по интересам и профсоюзов, вышедших из немецких пивных конца XIX века, и массовых политических партий, вышедших из казарм Первой мировой войны[184],

183. А.Маслоу распределил потребности по мере возрастания, исходя из того, что человек не испытывает потребности высокого уровня, пока нуждается в примитивных вещах. Первый уровень – физиологические потребности (голод, жажда, секс), второй – безопасность, третий – социальные (потребность в привязанности и любви, принадлежности к социальной группе), четвертый – познание, пятый – потребность в уважении и одобрении, шестой – эстетика, седьмой – потребность в раскрытии внутреннего потенциала. Для перехода на следующую ступень достаточно частичного удовлетворения более низких потребностей [45].

    При всей популярности, теория иерархии потребностей разработана на основе биографий лишь крайне успешных, активных и здоровых творческих людей и не подтверждается практикой [203]. Поэтому обычно «пирамида Маслоу» используется для самого общего описания структуры потребностей: физиология и безопасность, потом связанные с жизнью в обществе, потом связанные с личным развитием.

184. Прошедшие ад Первой мировой молодые люди получили тягчайшую психическую травму и в массе утратили способность общаться с людьми иного социального опыта, – не только на предприятиях и в клубах, но и в семьях. Эта травматическая асоциальность показана художественной литературой, прежде всего Хэмингуэем, который ввел в историю характеристику Гертрудой Стайн военного поколения как “потерянного”, а если дословно – “высранного” [331]. Несмотря

объединенных в политическую и социальную доминанту XX века распространением конвейера, пришла качественно иная доминирующая форма общественного объединения – секты.

<u>Секта</u> – объединение людей на основе некритичного восприятия какого-либо явления.

Некритичное восприятие может быть и позитивным, и негативным (пример – «охота на ведьм»), причем являющееся формальной основой секты позитивное восприятие чего-либо обычно сопровождается негативным восприятием явных или мнимых угроз объекту поклонения. Последнее (по крайней мере, в примитивных случаях, каковыми являются секты в отличие от религий либо идеологий) формально носит вспомогательный, а на деле ключевой характер, так как примитивные негативные эмоции сильнее позитивных и служат более простым средством создания социальных структур.

Объект поклонения (или отвержения) может быть любым: от товара или финансового инструмента (что характерно не только для многоуровневого маркетинга, но и для любой корпорации, стремящейся к формированию «лояльного потребителя») до конкретной личности.

на оскорбительность этой характеристики (а вероятно, как раз благодаря этому), она точна. Молодые ветераны, не имея возможности нормального общения (а оказание им массовой психологической помощи было е невозможно, даже если бы ее необходимость и осознавалась бы кем-нибудь) и будучи в состоянии общаться только в казарме, построили эти казармы для себя в виде массовых партий, ударной силой которых они стали в Европе и, в значительно меньшей степени, – в значительно меньше воевавших США (хотя и те пережили 20-тысячный «марш ветеранов за солдатской надбавкой» в 1932 году, при расстреле которого в Вашингтоне только число убитых, по оценкам, достигло 200 чел.).

Политическая реализация массовых психологических травм Первой мировой войны и Великой депрессии (см. пример 54) соединилась с экономической потребностью в централизации на всех уровнях (от распространения конвейера на производстве до необходимости ограничения произвола монополий и финансовых спекулянтов), породив общую для мира в начале межвоенного периода (и, по тем же причинам, в начале послевоенного – вплоть до потребовавшей в конце 50-х раскрепощения НТР) тенденцию к усилению государственной власти.

Важно, что члены сект, кроме крайних случаев психопатии, в обычной жизни вполне адекватны и социализированы. Они вполне разумно и рационально живут, зарабатывают и тратят деньги, воспитывают детей, – но в их рациональном восприятии мира вдруг возникает «пробой логики», которым они притягиваются друг к другу и слипаются в секту.

Похоже, **информационные технологии создают у человека потребность в иррациональном** – и стихийное удовлетворение этой потребности реорганизует общества в виде сект.

Их множественность и разнообразие – важный фактор внутреннего разделения современных обществ.

6.7. Экзотические типы потребления и поляризация субкультур: распад социальной ткани

Индустриальные технологии требуют максимальной стандартизации всех факторов производства, включая рабочую силу. В их рамках главная производственная ценность человека заключается в его стандартных навыках, позволяющих с минимальной адаптацией использовать его в стандартных производствах. Профессиональные навыки, такие же одинаковые, как и типоразмеры изделий, способствуют выработке и господству унифицированной, усредненной культуры, – и, соответственно, единству общества.

Это касается всех особенностей, включая этнорелигиозные. Крупная промышленность вываривала и перемалывала работников разных национальностей и вер, стирая в своих цехах их культурные различия и переплавляя их в единую общность, по своей природе не национальную, но классовую. Идеология интернационализма отражала этот процесс и, выражая потребность производства в стирании этнорелигиозных различий, мешающих стандартизации рабочей силы, была прогрессивной для индустриальной эпохи.

Информационный технологический базис делает наиболее востребованными не общие навыки механической работы, но творческие способности. Главное условие успеха – не общие черты, соответствующие стандарту, но именно отличия.

Способность «выделиться из общей массы» давала конкурентные преимущества и раньше, – но в индустрии ее рыночная ниша была мала. Найти спрос могли лишь немногие выделившиеся из общей массы, а остальным просто не оставалось места. Индустриальные технологии обрекали их либо на отторжение и люмпенизацию (в культуре – в форме пресловутой «богемы»), либо на возвращение в ряды стандартизированной рабочей силы.

Постиндустриальные, информационные технологии качественно усилили потребность в отличиях и **превратили особенность не только в главное, но и в общедоступное и встречающее массовый спрос конкурентное преимущество**. Если в индустриальном производстве конкурентоспособность работника достигалась за счет унификации, то в постиндустриальных производствах интересы конкурентоспособности требуют противоположного: культивирования этих отличий, разнообразия особенностей носителей рабочей силы.

Эта потребность разрушает общества, в первую очередь мультинациональные, так как потребность в отличиях находит прежде всего этнокультурное выражение.

Непонятно, как сохранять (и можно ли вообще сохранить) целостность традиционных обществ в условиях объективно провоцируемого информационными технологиями роста сепаратизма всех видов. *Это касается не только национального и религиозного, но и культурного сепаратизма, а также разрушающего общества навязывания им (обычно под маской политкорректности) приоритета любых меньшинств как таковых (об особой роли сексуальных меньшинств см. параграф 6.8).*

Глобализация стимулирует и **маргинальное потребление**. Рост масштабов рынков и формирование на них гло-

бальных монополий делают борьбу за стандартного потребителя доступную лишь немногим гигантам. Участие в этой схватке большинству производителей не под силу, – но углубление специализации снижает конкуренцию. Упрощение коммуникаций позволяет найти достаточное число потребителей самому экзотическому товару, – и важным направлением бизнеса становится удовлетворение маргинальных потребностей.

Представления о бизнесе, следующим за меняющимся спросом, устарели еще сильнее представлений о капитализме свободной конкуренции, лежащих в основе либерализма.

Суть превращения западной цивилизации в «общество потребления» как раз и заключается в том, что производство перестало следовать за спросом и начало само создавать его, преобразуя, а все чаще – и порождая предпочтения потребителя в соответствии со своими потребностями. Технологии формирования сознания стали высшим проявлением этой тенденции.

Именно **порождение и углубление все новых потребностей – инструмент, которым современные технологии преобразуют общество**, порождая новые формы поведения, образы действия, стили жизни – и, соответственно, **социальные структуры**. Структуры и психология общества стали прямым объектом активного преобразования бизнесом, расширяющим спрос (см. также параграф 6.8).

Пример 24

Неожиданное влияние технологий на социальную жизнь

Влияния коммерческих интересов на социальное развитие не следует преуменьшать.

Так, сексуальная революция в США в 60-е годы XX века, помимо объективных обстоятельств (вроде взросления поколения послевоенного «бэби-бума») подстегивалась стремлением владельцев мотелей обеспечить приток неженатых пар.

В СССР массовое строительство жилья со второй половины 50-х резко упростило интимные отношения вне брака. *Ведь пуританство официальной советской морали, помимо политической потребности, было вызвано и жилищным кризисом.*

Возможность же приобретения кооперативной квартиры при всей жесткости финансовых условий (более жестких, чем, например, в Австрии в то же время) создала среди других качественно новых явлений и такое, как развод сорокалетнего обеспеченного преподавателя ВУЗа с женой-ровесницей (которой оставлялась старая квартира) и женитьба на студентке с последующей жизнью в кооперативной квартире.

Создание производством новых форм спроса продолжается, по крайней мере, с 50-х годов XX века, но технологии формирования сознания форсировали этот процесс.

Так, если некоей компании при помощи выхода на глобальные рынки (например, через Интернет или транснациональные сети клубов) удалось реализовать значимую для нее партию предметов, по каким-то причинам позиционированных ею как «розовый-галстук-с-пищалкой-для-хромых-негров-индивидуалистов-нетрадиционной-ориентации», то она получила серьезный стимул к созданию, всемерному распространению и пропаганде привлекательности соответствующего образа.

Многие компании успешно специализируются на схожих по экстремальности товарах. Более привычный пример – современная одежда, призванная «подчеркивать индивидуальность» во всех ее проявлениях – от безумных молодежных «прикидов» до фантасмагорических, но успешно продаваемых (и не менее успешно демонстрируемых покупателями!) деловых костюмов[185].

Масштабное внедрение «подчеркивающих индивидуальность» образов и стилей поведения делает их привлекательными. При наличии заметного числа действующих таким об-

185. Одним из первых подметивший данную тенденцию российский писатель В. Пелевин писал о галстуке типа «оргазм плейбоя» [240].

разом компаний это дробит структуру обществ, затронутых соответствующими технологиями формирования сознания, и выделяет в них значительные в совокупности маргинальные группы и субкультуры.

Потребность в устойчивости (а в идеале – расширению) сбыта заставляет бизнес вкладываться в поддержание устойчивости (а в идеале – экспансии) этих субкультур, что делает разделение на них общества постоянным, не преходящим в соответствии с мимолетной модой. И мода, воспринятая в молодости *(а молодежь является идеальной мишенью для создателей новых субкультур в силу неустойчивости психики, стремления к новому и оригинальности, а также максимального времени предстоящего потребления)* становится усилиями бизнеса устойчивым образом жизни.

В результате уже никого не удивляют 60- и даже 70-летние хиппи, 40- и 50-летние байкеры и «металлисты».

Но **возникновение маргинальных типов потребления и порождение ими устойчивых маргинальных социальных групп** – лишь одно из направлений распада информатизированных обществ.

Технологии формирования сознания направлены бизнесом не только на описанное создание новых социальных групп (предъявляющих в соответствии с новым предложением новые виды спроса). Они ориентированы и **на уже существующие социальные группы** – носители специфических типов потребления. *Наиболее укрупненные из них – домохозяйки, молодежь, пенсионеры, госслужащие и так далее, причем каждая из них в зависимости от решаемой маркетинговой задачи может дробиться на более мелкие подгруппы.*

Применение информационных технологий к существующим социальным группам более распространено, чем направленное на создание новых групп. Ведь это больший, более однородный по составу и более подготовленный к воздействию человеческий материал, чем маргинальные группы, требующие усилий по их поддержанию и рентабельные только в глобальных масштабах.

Коммерческий потенциал значимых социальных групп привлекает крупный бизнес, вытесняющий мелкий и сред-

ний в маргинальные сегменты. С политической же точки зрения маргинальных социальных групп обычно и вовсе нет, так как они распределены по разным политическим пространствам. Меньшая размерность последних по сравнению с глобальными рынками до последнего времени делала затраты на формирование политического сознания маргинальных социальных групп, в отличие от их экономического сознания, нерентабельными[186], – хотя госперевороты в форме «цветных революций», а до того феномен международного волонтерства свидетельствуют о формировании глобальным управляющим классом в своих целях глобальных же политических либеральных субкультур.

Таким образом, формирование сознания маргинальных социальных групп – удел малых и средних компаний. К значимым же группам эти технологии применяют все – и коммерческие, и политические пользователи этих технологий, включая глобальные монополии. В итоге значимые социальные группы информатизированных обществ испытывают большее и более разнообразное, чем маргиналы, давление технологий формирования сознания.

Относительно крупные социальные группы, значимые с точки зрения потребления, становятся почти таким же объектом концентрированного применения этих технологий, как и общественная элита (к чему это ведет для элиты, показано в параграфе 5.3.). Эксплуатируя их отличия от остальных социальных групп, эти технологии неизбежно усиливают эти отличия, обособляя «целевую» социальную группу. Результат – усиление внутренней раздробленности, разъединенности информатизированного общества.

Даже когда технологии формирования сознания направлены на решение универсальных задач и применяются ко всему обществу, различные социальные группы в силу

---

186. Исключением были разве что выборы Европарламента, но масштаб европейского политического пространства (измеряемый в избирателях) все же меньше масштаба глобального экономического пространства, с точки зрения дистанционной торговли (даже еще по каталогам, а не только по Интернет-платформам вроде amazon.com или «Али-бабы») представляющего собой единый глобальный рынок.

объективных различий реагируют на одни и те же воздействия по-разному. *(Массированное применение технологий формирования сознания мешает их «тонкой настройке» и может обеспечить лишь самый общий учет специфики восприятия даже значительных социальных групп.)*

В результате **«информационный пресс»** усугубляет психологические различия между базовыми социальными группами и **разрушает социальную ткань общества**, которое быстро, глубоко и, главное, устойчиво сегментируется.

На это накладывается простимулированная упрощением коммуникаций **миграция**, прежде всего в развитые страны, резко выросшая с началом глобализации (даже до безумного приглашения Меркель «беженцев» из мусульманских стран в Германию в 2015 году для отвлечения среднего класса от его обнищания – см. параграф 9.1 – вытеснением из его сознания мотива благосостояния мотивом безопасности).

Но главная причина миграционного взрыва – победа Запада в холодной войне. Она вызвала бегство населения бывших соцстран и неразвитого мира (за который перестали конкурировать) от разрухи, хаоса и насилия, насаждаемых победителями (не стоит забывать, что демографические последствия либеральной политики 90-х и либеральной социально-экономической политики в последующие годы только в России сопоставимы с демографическими последствиями гитлеровского нашествия [354]). Бегство достигло такой интенсивности, что развитым странам уже давно пришлось, забыв треп о правах человека, лихорадочно взяться за восстановление пресловутого «железного занавеса» – не с Востока, а с Запада, включая копирующие Берлинскую (и местами, как на границе Израиля с Палестиной, неизмеримо более грандиозную) стены на границах.

Иммиграция усилила внутреннюю разнородность развитых обществ, дополнив ее социальный характер более значимой и разрушительной этнической и культурно-цивилизационной разнородностью (подробней см. в параграфе 14.2.3).

6.8. Расчеловечивание как требование технологической среды

Информационные технологии сосредотачивают человека на преобразовании уже не мира, но себя самого. Как биологический вид и социальная общность мы приспособлены к изменению мира, – и переход к изменению себя (пока в виде трансформации своего сознания) вызывает шок (см. пример 6).

Среди прочего эта трансформация проявляется как расчеловечивание, дегуманизация: сексуальные извращения как агрессивно навязываемая «новая норма», оборачивающаяся торговлей детьми ювенальная юстиция, поощрение исламского терроризма, поддержка нацизма (пока только антироссийского) и государственное насаждение русофобии, отказ от реальности в пользу оголтелой идеологизации, чудовищная жестокость милых поодиночке людей... Список можно продолжать, но входящие в него явления – плод не помутнения сознания, а трансформации общества и личности в соответствие объективным требованиям информационных технологий и под их влиянием.

Они обнажили ценностный, непреодолимый разрыв между русской и западной цивилизациями, превративший с осени 2013 года конкуренцию во взрыв оголтелой ненависти и истерического непонимания, ставшего в отношении России ценностью *(в кичащейся толерантностью Германии термин «понимающий Путина», то есть признающий наличие у России интересов, – основание для «выбрасывания из профессии» политолога)*.

Западная цивилизация создана капиталом как инструмент извлечения прибыли. И, когда оказалось, что для ее роста надо превратить человека в нечто новое, а порой и шокирующее (ведь то, что мы полагаем извращениями, создает новые рынки и меняет потребительское поведение), –

западная цивилизация, существующая ради денег, не испытала и тени сомнения.

Русская же цивилизация, как оказалось (неожиданно из-за нашей склонности к мазохизму, проявляющейся и в непонимании своего гуманизма) исходит из первичности не прибыли, но человека. Деньги для нас – нужное, но лишь подтверждение справедливости (подробней см. главу 26). И, когда оказалось, что ради денег надо расчеловечиться, мы не увидели выбора так же, как и Запад, – но с противоположным результатом: при всех наших недостатках и даже пороках мы остались людьми.

Валдайская речь президента Путина 2013 года, провозгласившая наше право и обязанность жить по своим ценностям, была именно об этом. Повод был ничтожным для нас – неприятие гомосексуальной пропаганды среди детей (как и в целом их сексуального развращения): пусть сначала дорастут до 18 лет, а уже потом делают с собой все, что взбредет им в головы и другие части тела. Мы даже не ощутили, что этой речью и восприятием ее как чего-то самоочевидного зафиксировали ценностную несовместимость с Западом, – а тот понял это хорошо (см. параграф 16.6.3), ответив организацией украинской катастрофы и возрождением государственного нацизма как единственно действенного инструмента уничтожения русскости.

Разумеется, расчеловечивание вызвано не только фундаментальным требованием рынка, ставшим реализуемым благодаря информационным технологиям, но и более прикладными факторами, среди которых выделяется использование его как средства подготовки новой, глобальной управленческой элиты.

Пример 25

Гомосексуализм как новая технология власти

Неустанная и венчающаяся все новыми победами борьба за права гомосексуалистов (точнее, против прав

«натуралов») – значимый феномен постсоветского времени. Конец холодной войны, избавив мир от страха гибели, почти прекратил антивоенное движение, – и общественная активность обрела новые массовые формы.

Наиболее масштабными стали не только экологическое движение и все более агрессивная борьба этнокультурных меньшинств за гражданские и религиозные права (переходящая в борьбу за право подавлять большинство), но и борьба за права гомосексуалистов.

Можно лишь мечтать о результатах направления этой энергии на защиту, например, материнства и детства или на решение реальных экологических проблем. Но факт неоспорим: по влиянию на общественное сознание и, соответственно, политику рядом с гей-активистами можно поставить только превративших свою национальность или религию в профессию еврейских или иудейских активистов, а также исламистов и, с некоторыми оговорками, «зеленых».

Крепнет ощущение, что гомосексуализм стал на Западе (а значит, и в глобальных масштабах) одним из инструментов формирования глобальной новой элиты, идущей на смену традиционным.

Ведь создание элиты подчинено четким закономерностям.

Прежде всего, реальная власть, какой бы демократичной она ни была, жестко отделена от управляемых. Помимо прочего, это обеспечивает чувство общности, солидарность и взаимовыручку в элите, поражающее стороннего наблюдателя при проявлениях даже между непримиримыми политическими соперниками.

Это отделение долго достигалось образом жизни, но индустрия моды, телевидение, гламур и массовый туризм сделали образ жизни элиты доступным для значительной части даже среднего класса.

Власть часто отделялась от управляемых языком и национальностью, но интенсификация международных связей и превращение английского в *lingua franca* смело этот барьер.

В прошлом элита воспитывала своих детей особым образом. Апофеоз специфически элитного образования – английская система частных школ и университетов, но она не могла давать содержательных знаний, необходимых в технологическую эпоху (см. параграф 7.1.7) и потому беспощадно трансформируется. Решением этой задачи в новых условиях был призван стать Болонский процесс – движение к отказу от равного образования, к возможно более раннему, средневековому делению на власть и подчиненных, – но время ускорилось: воспитывать некогда, да и власти нужны таланты, а не наследники. Кроме того, социальная значимость знания размывается информационной революцией, как и другие устои эпох Просвещения и НТР (см. раздел 4.3. введения).

Имущественный ценз важен для обособления реальной власти, но не достаточен: богатых слишком много (хотя Глобальная депрессия скоро исправит это), а власти по-прежнему слишком мало.

В этих условиях **замена** всех этих на глазах перестающих работать **социальных цензов** простым и надежным **физиологическим барьером**, как это ни кощунственно, почти естественно.

Важно и то, что наиболее мощному и хаотическому информационному воздействию подвергается элита, – и трансформация психики под этим воздействием идет у ее членов быстрее и, вероятно, иначе, чем у общества (см. параграф 5.3.), – что не может не проявляться и в такой сфере, тесно связанной с феноменом власти, как сексуальная.

Кроме того, власть – распоряжение чужой жизнью при недостатке данных – требует преодоления морально-этического барьера[187]. В традиционном обществе оно ком-

187. Высочайшее достижение Макиавелли, за которое его помнят, а в профессиональном сообществе и чтут до сих пор, заключается не в каком-то особом цинизме (представителей управляющих структур им не удивишь), а в безупречном доказательстве того, что ответственный руководитель объективно не может не нарушать нормы морали, выработанные для абсолютного большинства любого общества – управляемых – и потому считаемые ими универсальными [324].

пенсировалось воспитанием ответственности, но его сменило принципиально безответственное общество постмодерна (см. параграф 4.6.), основанное на ценности лишь своего «я» (доходящей до субъективного идеализма) и финансовых спекуляциях как противоположности производительному труду.

Таким образом, традиционный барьер исчез, – а потребность в нем сохранилась и порождает, вероятно, порог «нетрадиционный».

Власть должна быть сосредоточена на своей миссии, – а отсутствие детей позволяет избежать отвлечения.

Наконец, власти нужна жестокость[188]. Это технологическое требование: подчинения нет без демонстративных кар. Европейский гуманизм стал возможен лишь как наследник изуверства, – причем не только Средних веков, но и викторианской эпохи, и Великой депрессии, и Второй Мировой *(при одной лишь бомбежке Дрездена погибло больше людей, чем в Хиросиме и Нагасаки вместе взятых)*.

А криминалисты знают, что исключительная жестокость часто связана с гомосексуальностью.

Таким образом, борьба за права сексуальных меньшинств – не столько один из перегибов в обеспечении прав человека и не столько признак дробления обществ, сколько процесс формирования новой глобальной элиты – и, возможно, не стихийного, а сознательного.

…А всерьез полагающим, что гомосексуализм бывает только врожденным и не поддается воспитанию, стоит подумать о причинах его непропорционального распространения в ряде специфических социальных групп – от танцоров балета до заключенных.

Если, конечно, они не убеждены в том, что эти группы исходно отбираются по гомосексуальным наклонностям.

188. Характерно воспоминание Горького о Ленине, который, страстно любя «Апассионату» Бетховена, не мог позволить себе ее часто слушать, так как от нее «хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей… А… гладить по головке никого нельзя – руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми» [126].

6.9. Новое разделение и новый вызов: кого убьет мистер Гаджет?

Расчеловечивание в соответствии с потребностями информационных технологий – ни социальный прогресс, ни объективная неизбежность. Точно так же сохранение человеческих качеств, даже ведущее к относительному сокращению емкости рынков, не является обреченной на провал тщетной попыткой цепляться за отжившее прошлое. Ведь социальный прогресс возникает не из подчинения изменившейся внешней среде, а из преобразования ее в соответствии с потребностями общества.

Подчинение изменившимся внешним условиям, капитуляция перед ними, толерантность к ним – не гарантия успеха: ни общества, ни индивида. Классический пример – ледниковый период: подчинившиеся холоду человеческие племена вымерзли либо откочевали в теплые края, где и прожили в относительном благоденствии с умеренным прогрессом вплоть до прихода колонизаторов. И лишь оставшиеся, не подчинившиеся внешним условиям, а сопротивлявшиеся им, ценой чудовищных усилий и жертв (бессмысленных с точки зрения рукопожатных общечеловеков, перенесись они в ту реальность) научились добывать и сохранять огонь, охотиться на животных и одеваться в их шкуры, – и дали тем самым начало современной цивилизации.

Сравнение нынешнего технологического вызова с тогдашним природным правомерно: подобно тому, как первобытный человек жил в естественной природе, а человек индустриальной эпохи – во «второй», технологической, мы живем в «третьей» – в ментальной инфраструктуре, созданной соцсетями и технологиями формирования сознания (см. раздел 4.5. введения).

И подчинение новым требованиям изменившейся внешней среды, как и в ледниковый период, не гарантирует ни прогресса, ни даже выживания. Более того: на глазах начав-

ший вымирать Запад (население США растет за счет мигрантов), в отличие от нас не испытавший геноцида либеральных реформ, и самоубийство Европы с помощью принципиально не интегрируемых «беженцев»[189] показывают, что подчинение объективным требованиям рыночной среды в форме расчеловечивания означает не созидание новой цивилизации, а лишь уничтожение старой под благовидными предлогами прогресса и прибыли.

В наше парадоксальное время консерватизм становится революцией, дремучие суеверия просыпаются на передовой науки, замшелая старина несет захватывающие дух новации, жестокая справедливость – добро, а неприятие отклонений рождает цветущее (а не заведомо бесплодное) разнообразие.

Потому что на повестке дня – выбор между самоуничтожения человечества подчинением внешним требованиям и выходом на новый, невероятный уровень через сопротивление неприемлемому и переработку его в новое качество.

Ключ к будущему – не изменчивость, а культурная матрица, и наше неимоверное везение заключается в специфике русской культуры, уникально и неистребимо сочетающей самые дефицитные качества эпохи: творчество, склонность к технологиям, гуманизм и мессианство (см. второй том). Главным сегодня становится наличие воли, единственно способной повернуть этот ключ, – не только для себя, но для всего человечества.

189. Среди русскоязычных европейцев популярно называние их «бешенцами».

Глава 7. НЕПУБЛИЧНЫЕ УПРАВЛЯЮЩИЕ СТРУКТУРЫ: ПОПЫТКИ ПРОЕКТНОГО РАЗВИТИЯ

Светлой памяти А.В. Сурикова[190]

Объективные закономерности технологического и социально-экономического развития **реализуются во многом непубличными и неформальными взаимодействиями**. В силу своей природы они надежнее публичных и формально зарегулированных взаимодействий защищены от внешнего, «постороннего» влияния и уже хотя бы только поэтому более эффективны.

Бесспорно, конспирология как попытка всеобъемлющего объяснения истории непубличными взаимодействиями – признак интеллектуальной импотенции.

Но та же самая конспирология – необходимый элемент изучения причин реализации объективных общественных закономерностей именно в тех или иных конкретных формах (и, соответственно, стратегического прогнозирования). *Без нее не объяснить, например, приход к власти таких значимых фигур, как Гитлер, Мао Цзэдун, Кеннеди и Ельцин*. К ней в полной мере применимо высказывание, обращенное к предметам ее изучения: «Тень, знай свое место!»

Исключительное значение непубличных взаимодействий видно на примере восхождения к мировому доминированию Англии – первого глобального лидера нового времени.

---

190. Антон Викторович Суриков (1961-2009), выдающийся практический аналитик. Сын бывшего первого замдиректора ЦНИИмаша. Выпускник МАИ, к.т.н. (диссертация защищена в 1988 г. на Ученом совете в/ч 73790), лауреат премии Ленинского комсомола (1989), полковник. Сотрудник Института США и Канады РАН (1990-1996), помощник, пресс-секретарь и начальник аппарата Ю.Д.Маслюкова (1996-2007), директор Центра исследования конфликтов ИПРОГа (2006-2009).

7.1. Факторы британского превосходства

Взлет в мировые лидеры Британии и сохранение ее исключительной, глобальной роли (признаком чего служит даже пресловутый *Brexit*) – урок всемирно-исторического значения.

Эта страна (в отличие, например, от России) никогда не располагала исключительными ресурсами. Уголь был значим, но не более. Еще в начале XVIII века она не обладала ни колониальной мощью Испании, ни военной – Франции, ни экономической – Нидерландов; подорванная полувеком революций и войн, политически нестабильная и раздираемая религиозными конфликтами, она была просто бедна. За счет чего же она менее чем за век обрела могущество, стала «владычицей морей» и «мастерской мира» – пионером промышленной революции? Что научило британские элиты создавать и направлять субъекты стратегического действия (см. параграф 5.5.1)?

Ключ к стратегическому успеху Британии – развитие науки и демократизм власти, позволивший применить ее достижения.

7.1.1. Истребление элит и открытый характер их пополнения

Источник **внутренней демократичности** власти (не мешавшей абсолютной жестокости к социальным низам) – война Алой и Белой розы (1455-1487), вспыхнувшая сразу после поражения Англии в Столетней войне. Беспощадное взаимоуничтожение противников привело к тому, что, как во Франции после Ватерлоо, «воевать ...было уже ...некому. Английская знать... истребила друг друга, а заодно и разорила собственную страну» [272]. Погибли почти все принцы

крови обеих боровшихся династий, почти все аристократы, рыцари и служилое сословие в целом. Общее число убитых оценивается в 105 тыс.чел. – около 3,75% населения Англии [114].

Богатства истребленной аристократии и рыцарства достались в основном торговцам (в том числе небольшой части рыцарей, уклонившихся от войны ради выживания и занявшихся торговлей, и разбогатевшим на спекуляциях крестьянам), которые стали покупать дворянские и аристократические титулы. *Как писал в 1701 году руководитель английской разведки Даниэль Дефо, автор «Робинзона», в поэме «Чистопородный англичанин»: «При чем тут рыцари – их нет у англичан! Бесстыдством, золотом тут куплен пэров сан!»* Эта наиболее умная часть общества (кровопролитная война оказалась мощным инструментом социального отбора) стала опорой династии Тюдоров; нынешняя аристократия – в основном их потомки.

Истребившая сама себя старая феодальная знать не могла противостоять формированию абсолютизма, который был по сравнению с ней прогрессивной организацией власти. В результате переход к нему произошел быстрее и проще, чем во Франции или Испании. Абсолютизм опирался на мелких и средних дворян (в том числе бывших торговцев), сражавшихся в войне не за убеждения и даже не против врагов, а за покровительство «своего» лорда-протектора, – на место которого после самоистребления феодальной знати пришел король. Поэтому влияние парламента, большинство в котором составили такие дворяне, снизилось, а власть короля окрепла.

Следствие войны Алой и Белой розы – развитие такого фактора конкурентоспособности, как спецслужбы. «Секретная служба... получила не виданное прежде развитие... Генрих VII Тюдор ...чувствовал себя ...непрочно на престоле. Чтобы иметь исчерпывающую информацию о... своих врагах, он создал... разведывательную организацию... Люди... на секретной службе... делились на четыре группы. Первая... – секретные агенты, которыми обычно были резиденты (английские

дипломаты и купцы[191]), занимавшие... высокое положение в ...стране или области, где они проживали. Ко второй... принадлежали «информаторы» – ...люди из низших слоев общества, нанимаемые для добывания... определенных сведений. Третью... составляли профессиональные разведчики, которым поручалось... следовать за определенными людьми, выявлять их связи, если нужно – организовывать их похищение. К четвертой группе относились профессиональные шпионы, ...прикрывавшиеся какой-либо респектабельной профессией..., дававшей предлог для переезда... и обеспечивавшей ...доступ в круги, которые обладали нужными сведениями» [332].

Но главное следствие войны Алой и Белой розы – **жесточайший дефицит элиты** в целом, создавший в Англии уникальный социальный механизм: мелкое и среднее сельское дворянство (джентри), в отличие от континентального, было открытым сословием, пополнявшимся из купцов и богатых крестьян. Торговцы, более всех выигравшие от войны, не в порядке исключения и с нарушением правил, а открыто, законно и массово пополняли ряды дворянства. Открытый характер формирования дворянства создал предпосылку устойчивой системы «социальных лифтов» (см. параграф 7.1.8).

Опираясь на мелкое и среднее дворянство, абсолютизм в силу происхождения этого дворянства опирался и на купцов, и на разбогатевших крестьян, расширив свою социальную базу до непредставимых на континенте масштабов. Это обеспечило внутренний демократизм английской элиты – и, соответственно, ее эффективность.

Форсировало это и развитие рынка, так как новое английское дворянство вырастало из него (пусть даже и в форме спекуляций на выморочном послевоенном имуществе) и было вскормлено им, а не враждебно противостояло ему (в отличие от континентального).

191. Возможно, именно с того времени всемерное и безоговорочное сотрудничество со спецслужбами и стало неписаной, но непререкаемой нормой поведения практически любого английского джентльмена – и важным фактором британской мощи.

При этом, пусть и с едва ли не полным персональным обновлением, в Англии сохранилась **аристократия** как социальный механизм – значимый и устойчивый **слой, ассоциирующий себя со своей страной, связывающий с ней будущее своих потомков, свободный от изнуряющей и развращающей борьбы за выживание** (пусть даже и социальное, а не физическое).

Эти качества превращают аристократию в стратегический фактор конкурентоспособности, единственный социальный механизм, гарантирующий общество от саморазрушения из-за появления олигархии с ее самоубийственным эгоизмом [324].

7.1.2. «Новое дворянство» как локомотив капитализма

Лишенное всякой сдерживающей силы (феодальная аристократия была истреблена, а островное положение и бедность Англии гарантировали от внешнего вторжения), развитие капитализма приобрело зверский характер, форсировав процесс «огораживания». Богатые землевладельцы (те самые джентри) сгоняли крестьян с земли, превращая ее в огороженные пастбища для овец. Продавать шерсть в Нидерланды, а затем на суконные мануфактуры Англии было выгоднее, чем зерно, и «овцы съели людей»; для увеличения масштабов пастбищ крестьян выгоняли и из домов.

Впрочем, зверства «огораживания» сильно преувеличивались, в том числе современниками. После разрухи, вызванной чумой 1348-1349 годов и войной Алой и Белой розы, Англия лежала в руинах, и еще в 1520-х годах «земли было больше, чем людей»; общий дефицит земли появился лишь в 1550-е годы. Всего же уже к 1500 году было огорожено (выведено из долевого владения в частную собственность отдельных владельцев) около 45%, а за весь XVI век огородили еще не более 2,5% всех английских земель [23, 73].

Болезненность «огораживаний» была качественно усилена тем, что с развитием капитализма им подвергались наиболее плодородные, близкие к рынкам сбыта и населенные земли (так что на 2,5% земель могло собираться 10% урожая и жить 20% крестьян, а то и больше). Кроме того, с земель сгоняли незаконно занявших их за годы разрухи, которые возделывали их иногда поколениями, – и этих сквоттеров никто не считал.

Однако более важным фактором обнищания стал поток серебра после открытия Америки Колумбом, который обесценил его во всей Европе и вызвал «революцию цен»: «в XVI в. из-за огромного наплыва серебра из Южной Америки цены на основные продукты выросли в среднем по Европе в 3-4 раза...» [219]. В частности, за 1510-1580 годы в Англии цены на продовольствие выросли втрое, на ткани – в 2,5 раза, что обогатило торговую буржуазию и «новое дворянство» при разорении крестьян и не занимавшихся спекуляциями или производством землевладельцев, чьи доходы были фиксированы [329]. Это объясняет то, что земельная собственность джентри росла в том числе за счет собственности крупных лордов [28, 65, 66] , и именно «к джентри перешли... земли в результате распродажи секуляризованных в XVI веке монастырских имуществ» [271].

Таким образом, капитализм развивался через не только «огораживание», но и недооцениваемую «инфляционную революцию», которая не менее эффективно разоряла крестьянство.

Когда вызванное этим массовое бродяжничество стало проблемой, за него ввели смертную казнь, обеспечив приток крайне дешевой рабочей силы на мануфактуры и в поместья новых дворян, а затем и на флот, несмотря на его каторжные условия. (Правда, часть бродяг гуманно загнали в работные дома, создав крайне пригодившееся после изобретения паровой машины разделение сложного труда на простейшие операции – см. примечание 46 на стр.72, но, несмотря на создание первого работного дома в Брайдуэлле еще в 1556 году, распространение в Англии они получили

лишь после 1631 года). Общее число казненных за бродяжничество в XVI веке оценивается в более чем 160 тыс.чел. – в полтора раза больше числа убитых в войне Алой и Белой розы [114].

Длительное беспощадное подавление бедных, истребление асоциальных не по своей вине элементов, поощрение и защита богатства стали методами социальной инженерии, сформировавшей английский национальный характер – законопослушный, упорный, патриотичный, гордящийся властью, уважающий права соотечественников и отрицающий права остальных. Этот характер – самостоятельным фактором конкурентоспособности; он хорошо иллюстрирует применительно к нации притчу об английском газоне, который надо подстригать каждый день 300 лет подряд.

В результате развития капитализма при отсутствии феодальной реакции английское крестьянство было уничтожено как класс, деревня форсированно перешла на капиталистические рельсы, но главное – сложился открытый характер формирования элиты, при котором успешные торговцы и богатые крестьяне становились дворянами. *Естественно, по мере их укрепления возник объективный конфликт с абсолютизмом, увенчавшийся Английской революцией 1640-1660 годов, главной движущей силой которой стало имеющее прочный экономический фундамент «новое дворянство» – джентри.*

7.1.3. Банкирские дома как ускоритель прогресса

«Новое дворянство» вкладывало не только в Англии, но и за границей и вступило в союз с банкирскими домами, финансировавшими торговлю и занимавшимися обменом денег и ростовщичеством. Они возникли в итальянских городах-государствах, прежде всего Венеции (а также в Генуе и Ломбардии; уже в первой трети XIII века они «опутали долговой сетью значительную часть Европы», разжигая для последующего финансирования самые разнообразные

войны [315]). Из-за укрепления Османской империи, перекрывшей сухопутный путь в Индию, прорыва в последнюю Португалии через Индийский океан и открытия Нового Света они стали переносить свою деятельность в Западную Европу – вслед за переходом туда центра деловой активности.

В 1582 году венецианская аристократия приняла решение об установлении своего контроля за Голландией, которая была одним из новых формирующихся «центров силы» Европы (альтернативные проекты предусматривали в качестве источника приложения сил Ватикан и Испанию). Вместе с еврейскими купцами венецианцы открыли амстердамскую биржу, а в 1609 году амстердамский *Wisselbank*, «который контролировался 2 тыс. депозитариев и был главным в Европе до первых десятилетий XVIII в., ...когда пик Голландии в мировой торговле остался на полстолетия в прошлом» [315].

Венецианцы первыми признали Голландию в 1619 году, но начавшаяся годом ранее Тридцатилетняя война показала ее уязвимость. Кроме того, венецианцы вынуждены были конкурировать в Голландии с опередившими их буквально на чуть-чуть евреями-марранами (криптоиудеями), бежавшими туда из Испании и Португалии в конце XVI века.

«Единственной альтернативой Голландии была Англия – мало того, что остров..., но государство с ...потенцией превращения в ядро североатлантической мир-экономики. К тому же... Англия была уже подготовлена венецианцами в качестве запасной площадки – они работали над этим с конца 1520-х...» [315].

Венецианские финансисты (вместе с еврейскими банкирами, в среде которых они со временем растворились) во многом сформировали английскую элиту, оплодотворив косную и некультурную среду «новых дворян» богатейшей и изощреннейшей политической и интеллектуальной традицией Венеции (и иудаизма).

О глубине преобразования ими (и объективными требованиями того периода истории) Англии свидетельствует стремительное и драматическое изменение английского

языка, за какие-то сто лет превратившийся из богатого и изысканного языка Шекспира в идеально упрощенный язык торговли и управления – и ничего более.

Финансисты использовали в Англии (как и везде, и всегда) имевшуюся власть, делая при этом особую ставку на способные сменить ее под их контролем политические силы. Поэтому в Английской революции 1640-1660 годов они поддержали парламент, бывший оплотом джентри (тем более, что Елизавета I взяла под полный контроль чеканку монет и в целом денежное обращение, вызвав неприятие финансистов). Оплачивая Кромвеля в ходе гражданской войны, финансисты после его победы взяли под контроль всю хозяйственную жизнь Англии.

В частности, они захватили квадратную милю в центре Лондона и добились ее особого статуса. И сегодня «Лондонский Сити... имеет ...признаки суверена над ...властями Британии. Премьер-министр Британии должен в течение десяти дней приехать..., когда Корпорация Сити ...просит его о встрече. Если в Сити хотят видеть монарха, он должен явиться в течение недели. Ежегодно министр финансов выступает в Гилдхолле (здание ратуши) и резиденции лорд-мэра, где отчитывается..., как служит интересам финансов. Британский монарх может попасть на территорию Сити только с разрешения лорд-мэра. Порядок въезда ...выглядит так. На границе Елизавету II ожидает лорд-мэр Сити с полицейскими, оруженосцем и жезлоносцем. После преклонения перед Жемчужным мечом (Pearl Sword), королева может въезжать в город» [211].

7.1.4. От союза монархии и джентри – к союзу парламента и купцов

Экономическое процветание Англии в первой половине XVII века было неустойчивым: после запрета вывоза необработанной шерсти оно опиралось на единственный предмет экспорта – шерстяные ткани (их доля в экспорте превы-

шала 80% [116]). Английские купцы нуждались в защите от голландских конкурентов, правительство – в росте налогов; результатом стало усиление протекционизма.

Навигационные акты, издававшиеся с 1651 по 1673 годы (то есть и при республике, и после Реставрации, которая не мешала бизнесу), устанавливали, что импорт может доставляться в Англию только напрямую из страны-производителя и только на ее либо английских кораблях. Это выводило за рамки английской торговли флот и порты Голландии. Нужные Европе колониальные товары (включая табак и сахар) шли в Англию, – соответственно, и колонисты покупали все необходимое на ее рынках. Это сделало английских купцов посредниками между колонистами и европейцами, обеспечив им сверхприбыли искусственно созданной монополией.

Голландцы безуспешно пытались защитить выгодную им свободную торговлю в морских войнах 1652-1654 и 1665-1667 годов. В войне 1672-1674 годов Карл II, заручившись в обмен на поддержку католицизма союзом Людовика XIV, заставил Голландию защищаться. Она начала стагнировать, а Англия бурно развивалась (за первые 40 лет XVII века ее внешняя торговля выросла вдвое, а за столетие вдвое увеличилось число ее кораблей и таможенные доходы) и заняла место Голландии в качестве торгового лидера Европы (став лидером и в работорговле).

Бурное развитие капитализма в силу уничтожения остатков феодальных ограничений продолжалось и после Реставрации Стюартов: Карл II вернулся в другую страну и не пытался ее переделать (кроме заигрываний с католицизмом, которые дали ему союз с Францией против Голландии и субсидии от Людовика XIV, позволившие в конце правления отказаться от налогов, сбор которых регулировался враждебным ему парламентом). Сложившиеся в середине 1670-х в английской элите тори (сторонники монархии и англиканства) и виги (сторонники парламента и протестантов), борясь друг с другом, были объединены неприятием католиков и французов, а значит – и настроений Карла II. Это единство позволяло им избегать войны, что стало шагом к **цивили-**

зованному устройству государства, не ослабляемого, но усиливаемого внутриполитической борьбой.

Взошедший на престол после отравления Карла II ртутью в ходе алхимических опытов его младший брат Яков II («веселый король» Карл II, только признавший 14 внебрачных детей, не оставил законных наследников) восстановил против себя Англию за рекордные три года: народ возненавидел его за политику восстановления католицизма, элита («новое дворянство» и финансисты) – за жесткий курс на построение абсолютизма по французскому образцу.

Виги и тори объединились против Якова II, но нового Кромвеля не нашлось, и банковские дома профинансировали «Славную революцию» 1688 года – интервенцию Вильгельма Оранского и госпереворот. Его результатом стал Билль о правах 1689 года, помимо перечисления гражданских прав англичан объявивший вне закона любой абсолютистский режим, каким была и монархия Стюартов. Билль означал переход Англии к конституционной монархии, в которой король подчиняется законам, издаваемым парламентом, и является лишь первым чиновником государства.

Подход вигов победил, но лишь благодаря поддержке тори (получивших в качестве компенсации главенство англиканства). Результат Славной революции стал компромиссом для англичан; основанное на экономическом интересе единство элиты укрепилось, включая партнерство между парламентом и купцами, – и оказалось направлено против Франции [142]. *Через сто лет оно сокрушит Францию, прямо организуя Великую революцию и направляя ее через разветвленную сеть тайных обществ и скрытого финансирования.*

Тривиальный госпереворот в ходе интервенции зовется революцией (да еще и Славной) не только из-за стремления к самовозвеличиванию и даже не из-за окончательного перехода от абсолютной монархии к парламентской. Ее ключевым результатом стало окончательное формирование сохранившегося до наших дней одного из фундаментальных факторов британской конкурентоспособности: **патриотического единства управленческой и коммерческой эли-**

ты, достигаемого, несмотря на все внутренние конфликты, **общим стратегическим интересом, основанным на использовании государства как своего инструмента во внешней конкуренции**.

Осознание этого единства само по себе стало мощным стабилизирующим фактором, способствующим систематическому **компромиссу** в политической борьбе и **урегулированию внутренних конфликтов организацией внешней экспансии.**

Как отмечают знатоки британской системы, в ней был невозможен выход декабристов – победителей в Отечественной войне 1812 года – на Сенатскую площадь с требованием, по сути, своего «куска пирога» от победы. На месте России англичане открыли бы в Париже свои банки и ломбарды, запустили в обращение «золотой червонец» и взяли бы завоеванную территорию под долгосрочный финансовый контроль, значительная часть прибылей которого пошла бы дворянству и умиротворила его.

Традиция объединения разнородных и частично враждебных друг другу интересов ради общего дела породила важнейшую специфику Британии, ставшую **ключевым фактором** ее конкурентоспособности, – тщательную проработку **процедур**, то есть правил поведения во всех ситуациях, позволяющих последовательно действовать совместно, преодолевая неизбежные постоянные разногласия. *Если Франция сознательно обеспечивала свое влияние (в том числе в России) созданием стиля жизни (искусства, моды, кухни и других форм потребления[192]) и, в XIX веке, конституционных норм (как не столько инструмента повышения эффективности управления, сколько элемента этого стиля, обеспечивающего безопасность и комфорт буржуазии в условиях абсолютизма или его пережитков), то Британия основывала свое влияние на более глубоких социальных технологиях – созда-*

192. Изысканность потребления была осознанным оружием французских королей против крупных феодалов на этапе становления абсолютизма. Блеск, роскошь и распутство королевского двора привлекали к нему дворянскую молодежь, превращая его в центр активности правящего класса и тем самым обеспечивая первенство монарха.

нии системы процедур наиболее эффективного поведения[193] *и обучения им в метрополии.*

Важна стихийность возникновения[194] *процедур: закрепленные традицией, со временем они, не обновляясь, становились архаичными и снижали конкурентоспособность Англии.*

Созданное Славной революцией новое качество английской элиты проявилось уже через несколько лет в неожиданной, но фундаментальной для новой эпохи финансовой сфере.

7.1.5. Финансовая революция: Банк Англии как первый частный центральный банк мира

Славная революция, обеспечив единство элиты, создала необходимые предпосылки для глубочайшего преобразования финансовой системы, в результате которого купцы и лендлорды с охотой стали кредитовать правительство,

193. Во второй половине XIX века Германия бросила вызов Британии, создав инженерную науку – науку о также наиболее эффективном поведении, но по отношению к технике. Социальные механизмы, ранее созданные англичанами во многом случайно и интуитивно и ставшие архаичными (да и соответствовавшие английской, а не немецкой культуре) были заново разработаны немцами на основе научного подхода, системное применение которого для реорганизации общества стало таким же важным и революционным вкладом немецкой культуры в развитие человечество, что и инженерия.

194. Так, страховое общество «Ллойд» возникло на базе расположенной на Тауэр-стрит кофейни, посещаемой в силу своего удобного расположения капитанами судов, судовладельцами, банкирами и купцами и бывшей поэтому центром обмена новостями. Ее владелец, Эдвард Ллойд, упоминаемый с 1689 года, вывешивал на стене сведения о различных торговых судах и давал посетителям чернила, перья и бумагу, упрощая заключение сделок. Создание Банка Англии (см. параграф 7.1.5) и института госдолга (см. параграф 7.1.6) обеспечило взрыв деловой активности, – и к 1713 кофейня, переехав на Ломбард-стрит, была закрытым клубом для занимающихся мореходством и морским страхованием; там же устраивались аукционы по продаже судов.
Характерно, что эта деятельность шла помимо и даже отчасти вопреки правительству: в 1720 году оно дало монополию страхования Королевской и Лондонской биржам, и участники клуба смогли сохранить свою деятельность (зарегистрировавшись в формально не попадающее под запрет, в отличие от компаний, общество) лишь потому, что биржи избегали морского страхования как слишком рискованного.

контролируемое ими через парламент, а королевский долг стал национальным и превратился в локомотив развития страны. (*Во Франции одалживать королю деньги было рискованно, что ограничивало кредит – этот двигатель экономики – и способствовало ее поражению в борьбе с Англией).*

Разумеется, оборотной стороной этого механизма стали сверхприбыли финансистов. Кредитуя торговлю, они стремились к ее росту; когда же способствовавшие ему меры вели к столкновениям (вроде англо-голландских войн, спровоцированных Навигационными актами), они с удовольствием финансировали и войны, используя кредитование государства для расширения своего влияния на него.

Так, в 1690 году победители в Славной революции – Вильгельм III Оранский и парламент – взяли большие займы под высокие проценты для войны со сторонниками Якова II в Ирландии и с Францией – в Северной Америке. Денег в казне просто не было, как обычно бывает после революций, да еще славных.

Девятилетняя война (1688-1697) между Францией и созданной Вильгельмом Оранским Аугсбургской лигой после превращения последнего в Вильгельма III потребовала участия Англии – тем более, что Яков II бежал к своему покровителю Людовику XIV, который сразу же начал военные действия против Англии и Голландии.

Славная революция (как и мир, быстро заключенный Австрией – тогда Священной Римской империей – с Османской империей) изменила соотношение сил не в пользу начавшей войну Франции, но финансисты с обеих сторон, стремясь закабалить свои государства, исключили возможность мира.

Новые деньги для ведения активных боевых действий понадобились Англии уже в 1693 году, но финансисты отказали в них ради качественно нового уровня своего влияния: создания частного банка в качестве центрального и установления этим своего контроля за всеми финансами общества. Ситуация была настолько отчаянной, что для поиска денег создали специальный комитет палаты общин.

Предложение шотландца Уильяма Петерсона о создании такого банка для эпохи государственно-частных компаний,

когда классическое государство только начинало формироваться, не было чем-то странным: финансисты предложили королю и парламенту в своей сфере принципиально тот же механизм, который купцы уже давно использовали в торговых компаниях.

Новизна заключалась в двух факторах.

Прежде всего, объектом деятельности была не торговля с дальними странами, а финансирование государства. Обязательства частного банка были обеспечены государством (собираемыми им налогами и его вкладами в банке) и выпускались для оплаты долга правительства. Парадокс (и **смысл частного центрального банка**) заключался в том, что **любое обязательство (банкнота) Банка Англии** с момента выпуска **являлась** в конечном счете **долгом государства** перед ее держателем**, – а выпускаться она могла и без согласования с государством**[195]. Требование сделать банкноты Банка Англии полноценным платежным средством, объективно конкурирующим с монетами, которые чеканило правительство, последнее поначалу отвергло с формулировкой «это зашло слишком далеко», – но деваться было некуда. Правда, банкноты Банка Англии обладали крупным номиналом, недоступным для большинства населения, так что их появление заметила только элита.

Второй фактор новизны заключался в смене характера государства. После Славной революции оно уже отделилось от короля; сказать по примеру французского соседа нормальное для абсолютизма «государство – это я» было уже невозмож-

195. При этом «банковская система нуждается в постоянном наращивании государственного долга…, так как только в момент появления такого долга происходит увеличение банковского актива, на основе которого запускаются процессы создания кредитных денег в банковской системе» [330].
Потребность банкиров в росте госдолга обрекает государство на его увеличение (ведь создание частного центрального банка само по себе является признаком политического доминирования банкиров над остальными силами общества) и ставит его перед выбором между успешной экспансией вовне (находящей применение привлекаемым деньгам) и загниванием (в случае, если привлекаемые средства не находят производительного применения, и растущий госдолг не обеспечен ростом влияния и доходов).

но. Поэтому вхождение короля в учредительный капитал, по инерции, возможно, еще воспринимавшееся современниками как естественное участие государства в «государственно-частном партнерстве», на деле было участием частного лица, пусть даже и исключительно влиятельного.

Таким образом, приватизация государства нового типа, – *le stato* Макиавелли (юридически оформленного Вестфальским миром более чем через столетие после осознавшего его становление гениального флорентийца), отделенного от королевской семьи и являющегося общественным, а не частным институтом, – в Англии произошла практически в момент его создания.

И **стала одним из факторов его будущего могущества, поскольку приватизаторы воспринимали себя как неотъемлемую часть Англии и ее владельцев**, не имея и не приобретя за последующие века иной идентичности, кроме английской (несмотря на свой, вероятно, пестрый этнический и даже конфессиональный состав).

Банк Англии – первый в мире частный[196] центральный банк – был создан в 1694 году для финансирования войны с Францией точно так же, как ФРС в 1913 был создан для финансирования Первой мировой войны [315]. Но, если американские финансисты XX века раздували войну для завоевания господства не только над США, но и над всем миром, их английские предшественники использовали ее в более скромных целях: лишь как способ загнать английское государство в безвыходное положение и захватить экономическую власть в Англии[197]. *Созданием Банка Англии финансисты впервые в истории закрепились в высших эшелонах власти [330].*

---

196. После национализации лейбористами в 1946 году, после войны, Банк Англии стал «публичной корпорацией» – некоммерческой организацией, обеспечивающей не прибыль, но предоставление обществу необходимых ему услуг. Акционерный капитал был передан Казначейству, а его бывшие владельцы получили компенсацию в виде гособлигаций, по сумме вчетверо превышавших номинальную стоимость акций.
197. Признаком качественного усиления финансового капитала стало создание уже в следующем, 1695 году Лондонской фондовой биржи – вторичного рынка торговли уже выпущенными акциями (в Англии было 137 акционерных обществ).

Пример 26

Как был (не) оплачен капитал Банка Англии и что это значило

Акт парламента от 27 июля 1694 года основал Банк Англии как акционерное общество в результате соглашения между почти обанкротившимся к тому моменту правительством и группой финансистов. Для покупки акций банка в момент его учреждения инвесторы, чьи имена так никогда и не были названы, должны были предоставить 1,25 млн.фунтов стерлингов золотом. Но уплачен был лишь 1 млн.фунтов [231], а по некоторым данным, и вовсе 750 тыс. [359].

Иногда капитал Банка Англии называют равным не 1.25, а лишь 1,2 млн. фунтов: «Была открыта общественная подписка на заем в 1 200 000 фунтов; подписчики ...составили привилегированную компанию, ...которой были отданы переговоры обо всех последующих займах. Список подписчиков заполнился в десять дней» [130] , – но, вероятно, речь идет о первом займе, предоставленном Банком Англии правительству как раз в 1,2 млн. фунтов [359]. Речь идет, таким образом, не о подписке «на» займ, а о подписке [на финансирование капитала Банка Англии] «для» последующего предоставления займа.

По официальной версии, подписчиками, то есть основателями Банка Англии стали «40 купцов» [363]. Более вероятно, что в их число (помимо выдвинувшего идею Петерсона) вошли король и наиболее влиятельные члены парламента; по крайней мере, это объясняет поразительный механизм оплаты подписчиками капитала Банка Англии, по степени наглости сопоставимый с махинациями российских либеральных реформаторов в 90-е годы XX века (см. о них [157]).

Мало того, что капитал Банка Англии был оплачен частично – 1 млн. фунтов[198] вместо 1,25 (вероятно, Вильгельм III воспользовался неформальной «королевской привилегий» и просто переложил свои обязательства на подданных, ставших его партнерами).

198. Здесь и дальше используется максимальная, консервативная оценка.

Из миллиона фунтов стерлингов золотом, о котором говорилось выше (вероятно, для укрепления репутации Банка Англии), не было оплачено ничего. Лишь 20% суммы было внесено банкнотами (обязательствами банкирских домов), причем их стоимость, вероятно, была завышена. Основную часть капитала – 80% – внесли средневековыми «мерными рейками» *tally sticks* [11] – деревянными деньгами (обязательствами правительства или его региональных агентов), имевшими тогда цену до 60% ниже номинала [357]. Правительство, оплатив заем с процентами, обеспечило создателям банка фантастический доход: внеся обесценившиеся средневековые рейки вместо золота и получив возврат полноценными деньгами, они только на этом, без процентов получили почти двукратную прибыль (с учетом не оплаченной части объявленного капитала рентабельность операции для учредителей составила 2,4 раза – 140%)[199]!

Система «мерных реек» была введена английским королем Генрихом I около 1100 года в качестве казначейских обязательств для защиты от подделки монеты. На деревянные полированные рейки наносились зарубки, обозначающие номинал, после чего они расщеплялись вдоль так, чтобы зарубки сохранялись на обеих частях. Фактура дерева, характер расщепления и зарубок исключали подделку. Одна часть оставалась у короля, вторая выплачивалась в качестве его обязательств и принималась в уплату налогов, что обеспечивало ее ценность. Формально хождение мерных реек было отменено в 1826 году; пожар, уничтоживший здание парламента в 1834 году, был вызван сожжением мерных реек, загромождавших архив. Возможно, они хранились так долго как инструмент влияния парламента на Банк Англии: как свидетельство мошенничества, с которого началась его история, – на случай конфликта с ним.

Возможно, именно этой вакханалией и объясняется то, что в условиях отчаянной нехватки денег у прави-

199. Таким образом, сетования одного отечественного жулика, уличенного в «нулевые» в завышении рыночной стоимости активов, вносимых им в капитал организаций (для получения кредитов под их залог), на то, что «а вот в Англии в капитал госбанка вообще внесли дрова полутысячелетней давности», как ни странно, справедливы.

тельства и согласованности механизма создания Банка Англии финансирование его уставного капитала («подписка») затянулась на долгие 10 дней.

Помимо короля, «владельцами Банка Англии были крупнейшие банковские династии Европы, часть которых постепенно переселилась в Англию, хотя до самого последнего момента [до национализации в 1946 году – М.Д.] в его капитале было заметно присутствие иностранцев» [330].

Начало работы Банка Англии ознаменовалось провалом: для оплаты долга правительства он сразу выпустил новых денег на 760 тыс. фунтов стерлингов. Это вызвало скачок цен; за два года Банк Англии утратил платежеспособность («на обязательства банка в …765 тыс. фунтов стерлингов было …36 тыс. фунтов… наличных резервов» [330]), что создало хаос в денежном обращении. Свободный обмен его обесценившихся банкнот на серебряные монеты создал огромные возможности спекуляций.

Денежное обращение было нормализовано титанической деятельностью Ньютона как руководителя Монетного двора (см. параграф 7.1.6) и правительством Англии[200], но утрата платежеспособности Банка Англии создала ему угрозу конкуренции.

Уже в 1696 году, когда проблемы управляемого вигами Банка Англии стали очевидны, тори попытались учредить *National Land Bank* с аналогичными в принципе функциями. Будучи землевладельцами, они, похоже, предполагали вносить в капитал реальный актив – землю, но, по-видимому, не знали ни о скрытом участии короля в Банке Англии (что обеспечивало его политический союз с вигами), ни о фиктивности его капитала, что делало его чисто спекулятивным и оттого более мощным в краткосрочном плане предприятием.

200. «Правительство Англии организовало первое в истории «спасение банка», законодательно позволив ему отложить возврат денежных средств, при этом сохранив за банком право требовать возврат наличных в полном объеме от заемщиков. Банк возобновил расчеты со своими вкладчиками через два года, но в дальнейшем пользовался этим приемом каждый раз, когда попадал в затруднительную ситуацию» [330].

В силу заинтересованности короля в Банке Англии (и союза финансистов прежде всего с вигами) попытка тори не увенчалась успехом, и уже в следующем году Банк Англии закрепил свою монополию: парламент запретил создание новых крупных банков и ввел смертную казнь за подделку банкнот Банка Англии.

В 1708 году закон ужесточился: Банк Англии получил монополию выпуска векселей на предъявителя и краткосрочного (до 6 месяцев) кредитования. Запрет создавать компании больше чем из 6 партнеров блокировал создание мало-мальски значимых банков.

Пример 27

**Конкуренты Банку Англии:
Компания Южных морей и Джон Ло**

В правление королевы Анны тори все-таки создали конкурента Банку Англии: в 1711 году под руководством канцлера казначейства, в том же году ставшего лорд-канцлером (премьер-министром) Роберта Харли, ранее спикера Палаты общин, была основана Компания Южных морей (*South Sea Company*).

Предполагалось, что после победы Англии в войне за испанское наследство она получит «асьенто» – исключительное право ввоза рабов-негров из Африки в испанские владения в Южной Америке. Привилегия была получена за обещание выкупа на деньги акционеров госдолга, сильно выросшего за время войн герцога Мальборо (налоги едва покрывали половину расходов правительства).

Вздувание госдолга (с около 1,25 млн.фунтов в 1694 до 16 млн. в 1698 и 22,4 млн. в 1711 году) еще рассматривалось тогда как угроза: перед глазами был пример Шотландии, только что (в 1707 году) утратившей независимость и объединившейся с Англией из-за банкротства после краха Дарьенского проекта 1698-1700 годов (создания колонии на берегу Панамского перешейка, призванной организовать торговлю с Дальним Востоком и богатыми полезными ископаемыми европейскими колониями на атлантическом берегу Америки).

Придя к власти, тори провели аудит контролируемого вигами Банка Англии и обнаружили, что 40% госдолга – 9 млн. фунтов – не обеспечено источниками выплаты (что естественно при исходно спекулятивном характере Банка Англии и использовании госдолга как локомотива кредита и экономического развития в целом). На эту сумму не обеспеченного госдолга и были выпущены акции Компании Южных морей, обмененные на госдолг (впоследствии величина ее капитала была доведена до 10 млн. фунтов). Процентные ставки были снижены с 6,25-9% до 6% годовых, а компания гарантировала отказ от требования скорого погашения суммы госдолга.

В результате основными держателями госдолга стали Банк Англии, Ост-Индская компания и Компания Южных морей [35, 360].

Ожидания компании (и ее обещания акционерам) были завышены: война за испанское наследство окончилась лишь в 1713 году, через два года после создания компании. Она начала коммерческую деятельность лишь в 1717, причем ее привилегии оказались значительно меньше обещанных акционерам (и подрывались массовой нелегальной торговлей рабами), а уже на следующий год дипломатические отношения Англии и Испании ухудшились. Таким образом, Компания Южных морей не имела источника погашения принятого на себя госдолга Англии; выходом стал рост масштабов деятельности.

Расцвет спекуляций (с 1717 по 1720 годы инвестиции населения в акционерные фонды в Британии выросли с 20 до 50 млн. фунтов) создал для этого все предпосылки, и в 1719 парламент разрешил Компании Южных морей выпустить дополнительные акции в обмен на госдолг. В 1720 благодаря интригам (включая подкуп членов парламента) компания получила в управление 64% всего госдолга Британии на 30 млн.фунтов под обязательство снизить процент по нему до 5% к 1727 году и до 4% после него.

Получение этого госдолга финансировалось через четыре публичных размещения акций компании по их стоимости на Лондонской фондовой бирже. На акции ком-

пании было обменено около 80% подлежащего обмену госдолга; спросу способствовала возможность рассрочки, взятки акциями представителям элиты и распускаемые спекулянтами (в том числе, вероятно, руководством компании) слухи.

Результатом стало удорожание акций почти в 8 раз: со 128 фунтов в январе до 1000 в начале августа 1720 года. Когда директора компании начали продавать свои акции, их котировки рухнули до 150 фунтов, и 24 сентября банк компании (но не сама она!) объявил себя банкротом (потеряла деньги почти вся элита, включая руководителя Монетного двора Ньютона, возомнившего непогрешимым, и его ярого критикана, патриота Ирландии Джонатана Свифта). Часть акций компании была распределена между Банком Англии и Ост-Индской компанией, а она продолжала деятельность до 1855 года.

Вопреки легенде, банкротство банка Компании Южных морей не «сожгло» госдолг Британии: достигнув максимума в 1720 и 1721 годах (54,0 и 54,9 млн.фунтов), он лишь на 4% снизился в 1722 году. Спекулянты, вложившиеся в акции компании по завышенным ценам, разорились, но ее актив, госдолг, сохранился.

Нежелание банкротить компанию и списать принадлежащий ей госдолг, несмотря на выявленные подкупы и подлоги, выражало интерес ее крупных владельцев (купивших ее акции по неспекулятивным целям или вовсе получивших их даром – как взятки) и в целом крупного капитала, а также стремление (тогда уже, конечно, сознательное) сделать госдолг Англии самым надежным финансовым инструментом и тем самым основой ее экономического могущества.

Интересы же Банка Англии были достигнуты разорением его конкурента по управлению госдолгом (к которому он, возможно, приложил руку через организацию ажиотажа) и упрочению его монополии. В политике виги вернули себе лидерство, и тори более никогда не пытались создать собственный финансовый инструмент, перейдя к конкуренции за влияние на существующий…

* * *

В 1716 году конкурент Банку Англии появился и во Франции, которая попыталась скопировать английский опыт, уступив после смерти Людовика XIV настойчивым предложениям также шотландца – Джона Ло (удивительная грамотность шотландцев в финансовой сфере – можно вспомнить и Якова Брюса, заинтересовывавшего Петра I в том числе вопросами денежного обращения [218] вызвана бегством тамплиеров с частью их богатств после их разгрома в 1307 году во Франции в, помимо Португалии, где они помогали в борьбе с сарацинами, и Швейцарии также и в Шотландию, где правил отлученный от церкви Роберт Брюс и потому не действовала объявившая тамплиеров вне закона папская булла). При создании и функционировании *Banque generale* (с 1718 года он был превращен в королевский *Banque royale*, а Ло стал Министром финансов*)* английский опыт копировали почти во всем до деталей, но с лета 1719 по февраль 1720 года шло раздувание спекулятивного пузыря Индийской компании (как и в случае с Компанией южных морей, переоценка возможностей вылилась в искусственное завышение курса акций для построения финансовой пирамиды). После ее банкротства оказалось, что значительная часть банкнот *Banque royale* была выпущена для операций с ее акциями и лишилась обеспечения. Паника, вызванная крахом компании, привела к массовому предъявлению этих банкнот к оплате.

Запрет иметь на руках более 500 ливров золотом и серебром, а затем полный запрет обращения золотой и серебряной монеты (для ее притока в *Banque royale*) не спасли положение, и попытка создать второй в истории центральный банк с превращением госдолга в инструмент развития была сорвана и заняла место в истории мошенничеств. Возможно, английские спецслужбы и финансисты содействовали такому развитию событий (например, поддерживая упорство Ло в его ошибочных решениях или даже способствуя их принятию).

В результате банкротств банков Компании Южных морей и Джона Ло (в одном и том же 1720 году) английская пирамида госдолга осталась единственной в Европе. Банк Англии не пытался использовать для обеспечения своих обязательств спекулятивные операции, ограничиваясь налоговой базой правительства, и эта консервативная политика обеспечила ему успех.

Крах Компании Южных морей не только вызвал панику, но и закрепил за Банком Англии еще одну монополию, подтверждающую его исключительность: право (впервые данное в 1696) приостанавливать исполнение своих обязательств золотом и серебром (на фоне французского запрета хождения золотой и серебряной монеты это выглядело безобидно). Это свидетельствовало: управление госдолгом – важнейшая государственная функция, ради которой можно пренебрегать интересами обычных, не связанных с государством субъектов экономики и обычным правом, делая из него исключение.

Почему же госдолг так важен? Для понимания этого рассмотрим финансовую систему, созданную в конце XVII века Ньютоном и ставшую ключевым фактором британской мощи. Уже в 1698 году она позволила окончательно отменить подушевой налог, впервые введенный в 1377 году (несколько раз отменявшийся и вводившийся в критических ситуациях; в XVII веке, вплоть до создания института госдолга, он считался одним из основных источников финансирования военных действий). *Наиболее емко ее эффект описал один из основателей геополитики контр-адмирал Мэхэн: «Хотя мы вышли из тяжелой войны в 1697 году обремененными долгом, слишком значительным для погашения его в течение кратковременного мира, мы... уже около 1706 года, вместо того, чтобы видеть флот Франции у наших берегов, ежегодно посылали сами сильный флот для наступательных действий против неприятельского» [224].*

7.1.6. Исаак Ньютон – отец Британской империи

Как отмечено выше, создание частного Банка Англии, монополизировавшего операции с госдолгом, вначале даже усугубило проблемы денежного обращения. Помимо временной утраты контроля за госдолгом, вызванным его переходом в частные руки, либерализация и общее ослабление власти после Славной революции способствовали усилению порчи монеты (не говоря о также процветавшем фальшивомонетничестве), что стало самостоятельной причиной финансового кризиса.

Основой денежного обращения был серебряный шиллинг низкого качества чеканки. Отсутствие ребристого ободка делало массовым срезание части монет для переплавки. Это каралось виселицей, но режим был слишком слаб, чтобы выявлять и наказывать вредителей, счет которых шел на тысячи.

Борясь с этим, правительство еще в 1662 году начало чеканить высококачественные монеты, в том числе с надписью на ребре, что не давало обрезать их, – но их в силу сложности производства было немного, и из-за гарантии полноценности их либо сразу прятали, как сокровища, выводя из обращения, либо переплавляли в серебряные слитки и вывозили в Амстердам и Париж[201] (так как из-за порчи монеты серебро в виде товара было дороже, чем в виде английских монет [161]).

В результате в обращении оставались лишь обрезанные монеты все более низкого качества, что создавало угрозу коллапса торговли и производства. Маколей называл массовую порчу монет, затрагивавшую интересы всех слоев, злом хуже любой измены [204]. Падение качества денег стало одной из причин начавшихся в 1694-1695 годах массовых банкротств. По оценке Ньютона, к началу Великой перечеканки около 12% серебряных денег в обращении было фальши-

201. Вывоз серебра в Париж не замедлялся даже во время войны с Францией.

выми (что составляло до 10% всех используемых денег [161]), а у оставшихся было срезано около 48% их общего веса [57].

Страна с предельно расстроенным денежным обращением вела войну с Францией, где укрылся свергнутый Славной революцией король Яков II; казавшаяся реальной перспектива его возвращения с последующими тотальными репрессиями вызывала всеобщий ужас.

Для спасения Англии надо было оздоровить денежное обращение, чем занялись четыре человека, чье сочетание демонстрирует уникальность английской политической культуры: ученик Ньютона Чарльз Монтегю (граф Галифакс), внесший билль о создании Банка Англии и назначенный после этого канцлером казначейства (Министром финансов); Джон Сомерс – глава партии вигов, с 1697 года – лорд-канцлер Англии; Джон Локк – врач, философ, теоретик парламентаризма, с 1696 – комиссар по делам торговли и колоний; Исаак Ньютон – автор великих «Математических начал натурфилософии».

С Министром финансов и одним из политических лидеров все ясно, но как оказались среди денежных реформаторов философ и ученый? Почему правительство Англии обратилось за советом об оздоровлении денежного обращения к никак не связанному с ним ранее Исааку Ньютону [362]?

Прежде всего, причина – описанная выше внутренняя демократичность английской элиты, проявившаяся в том числе в существовании Лондонского Королевского общества по развитию знаний о природе (далее – Королевского общества; Локк был его секретарем, Чарльз Монтегю – президентом в 1695-1698 годах, уступив этот пост Сомерсу, занимавшему его в 1698-1703) и в приглашении в него пусть и блестящего, но не знатного, не богатого и не обладающего личными связями Ньютона *(который, впрочем, тоже стал его президентом, сменив Сомерса в 1703 году и пробыв на этом посту почти четверть века, до самой своей смерти в 1727 году)*.

Но такое приглашение было вызвано и необычным, исключительным положением науки в тогдашнем английском обществе.

Пример 28

Англия: исключительная роль науки

В результате долгих социальных катаклизмов все общественные институты Англии, особенно в эпоху Реставрации, безнадежно скомпрометировали себя. И королевская власть, и церкви (англиканская, протестантская, католическая), и аристократия, и суды, и парламент, и представители «третьего сословия» (выражаясь французским политическим языком конца следующего столетия) многократно публично и откровенно лгали, предавали и совершали все неблаговидные действия, какие можно представить, – и потому не годились на роль арбитра в столкновениях интересов внутри общества.

В итоге арбитром стали ученые как сословие, сочетающее интеллект с определенной независимостью, вызванной оторванностью от политической и хозяйственной жизни *(традиция использования ученых в госуправлении восходила еще к Фрэнсису Бэкону, ставшему старшиной юридической корпорации в 1586 году, генеральным прокурором в 1613, Лордом-хранителем Большой печати в 1617 и занимавшим высший пост государства – лорда-канцлера – с 1618 по 1621)*.

Обращение власти к авторитету ученых было важным для формирования общественной морали и как признание властью наличия объективной истины и ценности знаний. Более того: «современники Ньютона воспринимали научные достижения ученых не… столько как… умножение… знаний…, сколько как доказательство способности человека установить на Земле такой же незыблемый порядок, какой ученые уже обнаружили на небе. Не удивительно поэтому, что многие английские государственные деятели этой эпохи серьезно интересовались наукой, а ученые… нередко назначались на высокие посты, внося в политическую жизнь… открытость обсуждения, глубину анализа, смелось и новизну подходов…» [219, 362].

Королевское общество, созданное в 1660 году (на первом же формальном заседании собиравшейся с 1645 Не-

зримой коллегии – неформального клуба выдающихся интеллектуалов, включающего Роберта Бойля и Джона Ивлина) и уже в 1662 утвержденное королевской хартией, – живое воплощение этой тенденции и действенный инструмент ее использования властью. Его форма – частная организация, существующая на субвенции правительства, – выражает уникальное организационное сочетание государственных и частных начал, ставшее одним из факторов британского превосходства.

Девиз Королевского общества – латинское *Nullius in verba* («ничего со слов»), – означая необходимость научных доказательств любого утверждения и недостаточность традиционных не только для средневековой схоластики ссылок на авторитеты, выразило потребность новой эпохи в новых, научных источниках истины.

К моменту, когда правительство обратилось к 52-летнему[202] Ньютону, казалось, он «уже все совершил: с разработки дифференциального и интегрального исчисления прошло тридцать лет, с теории света и цвета – двадцать, с публикации законов механики и ...всемирного тяготения – почти десять» [161].

Его «основным достижением ...стало объединение законов планетарного движения Кеплера, ...падения тел Галилея, концепции инерции, развиваемой Галилеем и Декартом, и... собственной концепции гравитации в единой физико-математичес-кой системе... 20 лет прошло, прежде чем Ньютон убедился в своей математической правоте... В 1687 г. он сформулировал свою теорию притяжения и движения тел и описал ее в эпохальном труде, «Математические начала натуральной философии», обычно известном по ...латинскому названию «Принципы» *(Principia).* Она продавалась по 5 шиллингов за копию.

202. Средняя продолжительность жизни в Европе составляла тогда 35 лет; правда, ее сильно занижала младенческая и женская смертность, а также низкая продолжительность жизни простых людей. Мужчина-аристократ, доживший до 21 года, еще в первой половине XVI века жил в Англии в среднем до 71 года (и даже в XIII веке – до 66 лет).

Ньютон соединил ...математические, астрономические и механические открытия... Его описание Вселенной не требовало исправлений в течение века, а физика продолжала работать... до ...Эйнштейна. «Принципы» были признаны произведением искусства... В отличие от Галилея, вокруг Ньютона поднялась шумиха. Он был ...избран членом Королевского общества...» [142].

Таким образом, к обострению денежного кризиса Ньютон был самым уважаемым и известным ученым не только Англии, но и всего тогдашнего мира.

Ключевая проблема денежного обращения была проста: кому платить за замену порченой монеты на полновесную? В прошлую перечеканку XVI века казна брала на себя расходы по перечеканке монет, а сами они менялись по весу, то есть по стоимости сданного серебра. Это казалось логичным: государство не должно платить за нарушения закона подданными, и, раз в нормализации экономики заинтересовано общество, то и платить должно оно. Но та перечеканка обернулась разорением населения: после обмена человек получал в 1,5-2 раза меньше, чем сдавал, – а долги и налоги оставались прежними. В результате обобранное население с удвоенной энергией бросилось портить уже новую монету.

Революционное решение Ньютона, поддержанное Монтегю, заключалось в оплате перечеканки правительством: деньги менялись по номиналу, и даже обрезанные до половины шиллинги менялись на полновесную новую монету один к одному, – и уже в конце 1695 года[203] парламент при-

203. Великая перечеканка отнюдь не была чем-то заранее спланированным и затем точно исполненным; в силу жестокой политической борьбы ее характер кардинально изменился прямо в ходе ее реализации. На первом этапе, перед рождеством 1694 года, королевский указ прекратил принятие по номиналу изготовленных вручную (и потому обрезываемых и подделываемых) денег с июня 1695 года. «Указ переносил все тяготы реформы с буржуа на бедных людей. Ведь новая монета входила в обращение через правительственные платежи, а изъятие старой монеты… проводилось посредством правительственных налогов и займов… Только богатые люди: те, кто платил прямые налоги, кто получал жалованье, – ….могли заменять …неполноценные деньги по номинальной стоимости. Бедняки же были вынуждены продавать серебряные деньги на переплавку», теряя до 50% [171].

нял закон, потребовавший в течение месяца сдать в казну всю старую (до 1662 года выпуска) наличность – монеты ручной чеканки [6, 15, 161].

Обмен обошелся в 2,7 млн. фунтов стерлингов – почти полтора годового дохода казны[204]; основную часть пришлось одалживать у английских и голландских банкиров и купцов, заинтересованных в стабильности фунта. Монтегю прославился прогрессивностью и гуманностью, отказавшись от восстановления налога на печные трубы (введенного в 1660 году и отмененного в 1684 после вызванного отказом от них Лондонского пожара) в пользу введения налога на окна (из-за дорогого стекла бывшего налогом на богатых). *«Чтобы оценить смелость реформаторов, можно вспомнить, что... в 1992... Гайдар заявил, что компенсация обесцененных вкладов потребует суммы, равной доходу бюджета за 6 кварталов. Величина... произвела на депутатов огромное впечатление, но именно такую сумму ...государство выплатило англичанам в конце XVII века» [217].*

Перечеканка монет за счет государства простимулировала спрос и показала справедливость власти: она не стала наказывать все общество за ошибочную политику предшественников (даже ценой прощения множества невыявленных мошенников).

Логично, что автора идеи назначили ее исполнителем. Возможно, сыграло роль и то, что, несмотря на славу, Ньютон жил скромно (после уплаты налогов, покупки научного

Таким образом, первоначально предполагалось провести перечеканку за счет большинства населения, – как в XVI веке (пресекая возможности порчи монеты новыми технологиями), позволив избежать потерь только обеспеченной части общества. Это соответствовало людоедскому характеру раннего английского капитализма, но вызывало протест и не стимулировало развитие экономики расширением внутреннего спроса.

Именно Ньютону принадлежит основная заслуга в смена принципа Великой перечеканки (благодаря чему она и стала «Великой»): в стимулирующем спрос, а значит, и экономику распространении обмена денег по номиналу на все слои общества, что и было отражено в указанном законе.

204. Прирост налогов с возраставшего благодаря нормализации денежного обращения товарооборота за несколько лет полностью компенсировал расходы.

оборудования и книг на жизнь ему оставалось 500-1000 фунтов в месяц в ценах 2018 года [335]), болел[205], – и высокопоставленные друзья искренне думали, что нашли ему синекуру[206].

Но результат оказался прямо противоположным.

Обмен, едва начавшись, был сорван (что вынудило впервые в Европе выпустить в обращение кредитные билеты): Монетный двор не обеспечил чеканку нужного объема денег. Это было невозможно в принципе, – но ситуацию усугубило полное разложение работников, вызванное бездельем его директора Нила (его связи были так сильны, что отправить его в отставку, пока он не умер, было невозможно, и поставить на его должность Ньютона удалось лишь в 1699 году [171]). В Монетном дворе царили пьянство и воровство; нормой были дуэли, чеканы порой продавали фальшивомонетчикам.

Сразу после назначения хранителем Монетного двора (должность, вообще не предусматривавшая властных полномочий), Ньютон добился от парламента диктаторских прав, вплоть до создания своей тюрьмы и сыскной полиции[207], а также получения прокурорских полномочий [161] и статуса Главного обвинителя короны по финансовым преступлениям[208] [335].

После своего назначения Ньютон работал почти круглосуточно (тогда он спал не более 4 часов в день). Помимо обеспечения дисциплины и войны с фальшивомонетчиками

205. Незадолго до назначения хранителем Монетного двора Ньютон «пережил тяжелую нервную болезнь: депрессия, бессонница, расстройство пищеварения, приступы паранойи, – вероятно, последствия отравления ртутью при алхимических опытах или самолечении» [161].

206. Так, Монтегю писал Ньютону 19 марта 1696 года, накануне его назначения: «…эта должность не потребует …больших затрат времени и сил, вы сможете работать столько, сколько захотите сами» [70, 171].

207. Занимавшейся расследованиями финансовых нарушений и преступлений по всей стране и ставшей, таким образом, предтечей финансовых полиций.

208. 16 июня 1696 года приказ лорда Казначейства дал Ньютону право получать сверх жалованья (как и директору Монетного двора) определенный процент с каждой отчеканенной монеты, – хотя, конечно, его рвение в ходе перечеканки и последующей денежной экспансии определялось далеко не только этим [14].

(великий ученый добился осуждения более ста и казни 28 из них, причем легендарному Уильяму Чалонеру по его настоянию на виселице повесили на грудь медные матрицы, которыми он подделывал популярные тогда лотерейные билеты [192]), он вникал во все технологические и организационные тонкости производства. Совершенствование технологий, открытие 5 временных монетных дворов в других городах и строительство передвижных машин для чеканки денег, удовлетворявших потребность в них «на местах» наибольшего дефицита, позволило в кратчайшие сроки нарастить выпуск денег почти в 10 раз.

Установленные Ньютоном порядки были так эффективны, что английское государство достигло установленного им уровня контроля и управляемости, по оценкам, лишь в середине XIX века! В Монетном же дворе они сохранились, по крайне мере, частично, на протяжении почти четверти тысячелетия. *Так, когда в 1936 году архивы, связанные с управлением Ньютоном Монетным двором (обнаруженные в 20-х), попытались выставить на аукцион в Лондоне, они были засекречены, так как содержащиеся в них сведения о правилах работы Монетного двора могли помочь немецкой разведке.*

Ньютон спас Англию менее чем за два года, ликвидировав катастрофический дефицит монет к концу 1697[209]. И созданный им лучший в мире Монетный двор стал не нужен: огромные (и крайне дорогостоящие) мощности лишились загрузки.

Выходом стала чеканка серебряных монет для международных торговых компаний, прежде всего Ост-Индской, именно тогда остро нуждавшейся в большом количестве серебряных денег. Небольшие заказы такого рода Монетный двор выполнял и раньше, – но Ньютон, чтобы спасти его и обеспечить масштаб работ, добился установления цены серебра почти на 10% ниже среднеевропейской.

209. К 1700 году, за 4 года под руководством Ньютона было отчеканено монет более чем на 5,1 млн. фунтов стерлингов – в полтора раза больше, чем за предшествующие 35 лет с начала машинной чеканки в 1662 году (3,3 млн. фунтов). Из оборота было изъято около 95% фальшивой и бракованной серебряной наличности [14].

Сугубо конъюнктурная поначалу (по-видимому) политика, вызванная стремлением просто поддержать загрузку мощностей и спасти кровью и потом налаженное производство (не говоря о головокружительных личных доходах), крайне удачно вписала Англию в тогдашнее мировое разделение труда. Уже в 1699 году это было осознано великим ученым и его учеником – канцлером казначейства Монтегю – и стало основой финансовой стратегии Англии.

Индия, Китай и в целом Восток тогда торговал с Европой в основном за наличное серебро, бывшее (благодаря наибольшей распространенности из всех драгметаллов) главной мировой валютой. Для прорыва на рынки Востока и закреплении на них, для установления контроля за торговыми путями надо было щедро платить серебром, и несколько компаний-монополистов, сосредоточивших ко времени Великой перечеканки в своих руках основную часть мирового торгового капитала, испытывали постоянную нужду в серебре, особенно в высококачественной монете. Монетный двор Ньютона, удовлетворяя их жажду (да еще и по льготной цене, да еще и быстро, и практически в любых объемах), привязывал их к английской экономике. За поставку монет на льготных условиях эти компании стали предоставлять Англии льготные кредиты, обеспечившие быстрый рост ее хозяйства (дополнительным фактором относительной дешевизны кредита стало поддержание дешевизны серебра).

Аналогичный вывоз серебра в торговле с Востоком и ранее использовался Венецией, Антверпеном и Амстердамом, пусть и в сравнительно небольших масштабах [101]. Таким образом, Ньютон использовал старый опыт венецианских банкиров, перенесших активность через Голландию в Англию, в новых условиях: когда мощные торговые компании, наличие свободных капиталов в Европе и уникальный баланс сил в английской политике позволили ему превратить госдолг в мотор форсированного развития.

Тем самым Ньютон поставил на службу Англии и ее прогрессу, включая создание емкого внутреннего рынка и необходимое полноценному государству преодоление разрыва

в уровне развития между центрами торговли и остальной страной[210], энергию и мощь всего мирового торгового капитала. Дешевый кредит, породив беспрецедентную деловую активность, не только преобразил страну, но и обеспечил беспрецедентно высокие налоги – около 20% ВНП. *(В других европейских странах предельным налоговым бременем, грозящим социальными катастрофами, считалось 10% ВНП; попытка достичь его стала в конце XVIII века роковой для Франции. Англия же без труда собирала почти ту же сумму налогов, что и Франция с в 2,5 раза большим населением [101].)*

Хотя возведение Ньютона королевой Анной в рыцарское достоинство было «не данью его успехам в науке или верной службе в Монетном дворе», а лишь способом «укрепить партию вигов на выборах 1705 года» [171] (которые та проиграла), в историю оно вошло как акт признания его заслуг, причем прежде всего как финансового реформатора (именно они проявились к этому времени; научные же результаты были достигнуты Ньютоном намного раньше). *Ньютон стал первым ученым Англии, получившим дворянский титул; вторым – более чем через сто лет – стал химик Дэви.*

Пример 29

Ньютон: скрытая системность поиска

Интересно, что сам Ньютон, похоже, воспринимал свою деятельность через призму богословия и алхимии. Первое позволяло проникать в божественный замысел, находя его воплощение в природе и пытаясь привести ему в соответствии жизнь людей, вторая давала надежду на преобразование материи. Таким образом, для него деятельность в самых разнообразных (для нас) сферах философии, математики, физики, управления, истории и финансов была объединена поиском и воплощением в жизнь замысла творца и носила строго системный характер. Деньги рассматривались им не только как инструмент преобразования общества (что уже было рево-

210. В те времена эта задача успешно решалась только Англией; в большинстве же стран она не решена и сейчас.

люцией по сравнению с тогдашними представлениями о них как о простом посреднике в торговых операциях), но и как «мощный исследовательский прибор, позволяющий обнаруживать и использовать скрытые или недоступные пока социальные ресурсы» [219].

Алхимия отчаянно искала метод «Великого делания» – создания ценностей из ничего. Еще описание китайских бумажных денег Марко Поло в XIII веке, – «по сути, воплощение мечты алхимиков: неблагородные материалы обретают силу золота, ценности – кредит – возникают из …договоренностей, из слов – собственно говоря, из ничего… Ньютон с таким энтузиазмом взялся за работу на Королевском монетном дворе …потому, что считал эту работу продолжением алхимического Великого делания, которому он отдал едва ли не больше… времени и …сил, чем разработке дифференциального и интегрального исчисления, формулировке теории света и открытию законов механики[211]» [161].

Быстрый рост экономики позволил Банку Англии начать регулярный выпуск гособлигаций, по которым пунктуально выплачивались постоянные проценты (в среднем 5% годовых).

Спецификой стремительно растущего госдолга Англии стало идеально точное обслуживание, – вероятно, вызванное тем, что король и верхи политической элиты как тайные совладельцы Банка Англии оказались на стороне кредитора, а не заемщика – обладавшего повседневной властью парламента. Отказ короля от абсолютной политической власти (по итогам Славной революции) сопровождался захватом им (при учреждении Банка Англии) части власти экономической: так «система сдержек и противовесов» в политике получила аналог в экономике. **Знать, уступив торгово-финансовому капиталу весомую часть политической**

211. Интересно, что значительную часть алхимических работ Ньютона приобрел после их обнаружения второй после него по значимости экономист в истории человечества (по праву делящий эту позицию с создателем межотраслевого баланса Василием Леонтьевым) Джон Мейнард Кейнс.

власти, захватила в обмен часть власти экономической и вместо борьбы с капиталом слилась с ним в единый властно-хозяйственный механизм.

Это слияние было подготовлено внутренним демократизмом элиты и стало основой британской мощи: энергию, которую другие нации растрачивали на внутреннюю борьбу за власть, англичане направили вовне, на расширение своего влияния.

Точность и безусловность обслуживания госдолга перевела его в качественно новое состояние, при котором он стал самым надежным объектом вложения средств для капиталов всей Европы и тем самым для Англии – самостоятельным источником развития, влияния и богатства. Резко расширив бюджетные возможности Англии, он обеспечил ее подавляющую мощь.

Уже к середине XVIII века он достиг астрономических 140 млн. фунтов стерлингов и стал самым большим в мире, вызывая (как сейчас госдолг США) ужас публицистов (они начали сознавать его роль лишь к концу века) и энтузиазм кредиторов. *Так, когда в 1782 году после поражения в войне с североамериканскими колониями Британия попросила у ведущих банкирских домов Европы заем в 3 млн. фунтов, ей немедленно предложили 5 млн..*

Тогдашнее мировое разделение труда выглядело как извлечение странами Европы серебра из Нового света и обмен его на Востоке на товары. Англия смогла занять уникальное положение объекта вложения всех свободных капиталов мира и получать неограниченный кредит. Последний сыграл ключевую роль в ее стремительном техническом перевооружении в ходе промышленной революции: паровые машины мог строить кто угодно, а вот средства на оборудование ими множества фабрик были только у Англии [217].

Систематическая недооценка серебра по сравнению с золотом (для наращивания торговли с Востоком, требовавшим серебро) вела к тому, что в Англию для перечеканки в английскую золотую монету ввозилось золото (поток которого хлынул и так после установления Англией благодаря

Лиссабонскому договору 1703 года фактического контроля за Португалией и ее золотыми рудниками в Бразилии), а вывозились серебро и серебряные монеты. Так сложилась биметаллическая система с преобладанием золота над серебром; английский фунт стерлингов стал первой валютой новой Европы, основанной на золотом стандарте, и затем увлек за собой весь мир.

Будущее этой системы, как и в целом будущее Британской империи, было отнюдь не безоблачным.

Чего стоит потеря североамериканских колоний: проживший в Лондоне почти 17 лет Бенджамин Франклин[212], отстаивая их интересы и протестуя против чрезмерных налогов, имел несчастье объяснить представителям Банка Англии их расцвет использованием своей валюты – «колониальных расписок», – которые выпускались строго по потребностям хозяйства. В результате в 1764 году парламент «Законом о валюте» запретил колониям выпуск своих денег и обязал выплачивать налоги золотом и серебром. «За... год ...эра процветания закончилась... Улицы ...заполнились безработными». К 1775 году такая система налогообложения обескровила колонии, изъяв из них все золотые и серебряные монеты и поставив их перед выбором между гибелью и восстанием; это привело к возникновению США.

В июне 1776 года Людовик XVI предоставил своему агенту, великому драматургу Бомарше 1 млн. ливров на финансирование войны повстанцев Северной Америки против Британии[213]. Так что финансирование и, вероятно, разжигание

212. В 1724-1726 годах работал и учился в типографиях Лондона, в 1757-1770 представлял в Британии интересы сначала Пенсильвании, а потом еще трех североамериканских колоний.

213. Правда, предоставил так, что в итоге Бомарше разорился: Людовик XVI пообещал повстанцам эту огромную сумму в кредит, а дал ее Бомарше. После победы повстанцы тактично забыли об услуге и не вернули долг (заложив один из краеугольных камней политической и коммерческой культуры США), а король не признал своих обязательств перед Бомарше. Этот эпизод показывает опасности финансовой поддержки королей, – на фоне безрискового финансирования английского национального долга, – и иллюстрирует финансовую причину поражения Франции в ее противостоянии с исходно несравнимо более слабой Англией.

*Англией Великой Французской революции было лишь ответным ударом, – еще раз подтвердившим чеканную формулу Макиавелли: **не смертельный удар смертелен для того, кто его наносит**.*

С 1797 война с Францией (Англии быстро пришлось противостоять Наполеону в одиночку) породила обесценивающийся бумажноденежный стандарт, сохранявшийся до 1821 года.

Но, несмотря на эти и другие кризисы, во многом созданная Ньютоном пирамида госдолга Англии, наряду с симбиозом аристократии и предпринимателей обеспечивающая ее могущество и опиравшаяся на него, продолжала эффективно работать и рухнула лишь в XX веке – вместе с Британской империей.

Вероятно, подобные общественные организмы, опирающиеся на общность интересов и патриотизм влиятельных элементов общества, госдолг как средство привлечения свободных капиталов всего мира, а также науку и разведку, обеспечивающие разумность управления, могут погибать лишь по внешним причинам: под ударами более мощных конкурентов или в силу кардинального изменения среды своего существования.

7.1.7. Частные школы: основы социальной инженерии

Условие жизнеспособности любого организма – воспроизводимость, способность продолжать себя в следующих поколениях. Социальный организм обеспечивает это условие воспитанием своих членов и подготовкой управленческих кадров (невнимание к формированию последних означает гибель, что показала, в частности, просуществовавшая лишь три поколения советская цивилизация).

Особенно высоки объективные требования к качеству госуправления (и, соответственно, к подготовке кадров для него) империй, объединяющих разнородные территории,

по-разному откликающиеся на одни и те же управленческие импульсы.

Опираясь на опыт религиозного образования, Британия решила эту задачу созданием системы воспитания элиты в частных школах и университетах. Она стала важнейшим фактором британского превосходства над остальным миром и одним из высочайших достижений социальной инженерии Запада[214]. В первой трети XX века систему английских частных школ рассматривали как высшее достижение модной тогда евгеники.

Ключом к этой системе стали частные школы-пансионы, куда сдавала своих детей в возрасте 6 лет вся английская элита и которые в конце XIX века, в период расцвета империи и максимального уровня ее самодовольства, считались ее представителями главным достижением империи и ее фундаментом.

Дети элиты в интересах империи изымались из семей и навсегда становились в них лишь редкими гостями, приезжающими на каникулы. Это делалось без насилия, добровольно, так как было условием сохранения их социального статуса.

В частных школах (как и в университетах [196, 197]) детям и студентам не давали знаний, имеющих практическое значение. До 50-х годов XX века включительно главными предметами были латынь и греческий; остальное, кроме спорта, не имело значения. Бесконечной зубрежкой вырабатывалось автоматическое, нерассуждающее послушание руководству, трудолюбие, упорство и дух соревнования. Все признаки критического мышления беспощадно выжигались, равно как и чувствительность, способность к сопереживанию, гуманизм и другие качества, противопоказанные колониальным администраторам.

Один из сохранивших эти качества так характеризует уровень психологического насилия, которым детей превращали в «эффективных менеджеров»: «единственная цель – ...пол-

214. О не менее выдающейся и изощренной социальной инженерии других цивилизаций, – например, Османской империи, – мы знаем непозволительно мало.

ностью властвовать над каждый вздохом и... помыслом... Каждый ребенок... должен быть управляем, все потаенные уголки детских душ надлежит найти и раскрыть; а для этого следует убивать... в зародыше любую веру в то, что люди способны приходить на помощь друг другу... Все, кто через эту школу прошел, безошибочно распознают ее друг в друге. Словно члены некоего тайного братства, они обнимают друг друга, забывают на миг зло, что им причинили, и осторожно, робкой лаской пытаются хоть немного успокоить свою боль...» [86].

Несмотря на наличие неизбежного брака (о котором свидетельствует приведенная цитата), частные школы и элитные университеты были конвейером, обеспечивающий детям элиты ликвидацию эмоций, глубокую социализацию, развитие административного интеллекта и физическую крепость.

С этого конвейера и по сей день сходят одинаковые энергичные молодые люди, свободные от содержательных знаний, но являющиеся носителями общих для них процедур управления (этого залога конкурентоспособности Британии – см. параграф 7.1.4), спаянные в единую касту и преисполненные единственными оставленными им чувствами – всепоглощающей преданности (термин «лояльность» непозволительно слаб) короне и друг другу, а также глубочайшего превосходства по отношению ко всем остальным. Это безгранично уверенные в себе и своем всемогуществе функционеры, на которых можно положиться их руководству и таким же, как они.

Беспощадная тренировка учеников превращала их в части единого монолитного целого, одинаково выглядящих и говорящих (по формуле «манеры делают мужчину»), а главное – одинаково действующих и думающих. Оборотной стороной была невозможность специализации, получения каких-либо конкретных знаний и навыков, кроме «командной игры».

Пока система управления не нуждалась в содержательных технологических знаниях, эффективность основанной

на этом образовании и закладываемом им глубоко в подсознание ритуальных социальных практиках [348] административной системы была поразительной. *Так, колониальная администрация Британской Индии (намного превышающей по размерам сегодняшнюю Индию) управляла в 1907 году более чем 1,2 млрд.чел. силами нескольких тысяч гражданских служащих (не считая, правда, военных).*

Элитное образование Британии обеспечивало создание и воспроизводство монолитного социального слоя, резко отделенного от остального общества и даже собственных семей[215]. Этот слой с пренебрежением и презрением относился ко всем управляемым, в том числе и согражданам[216]: их интересы для него существовали лишь в той степени, в которой могли создавать ту или иную проблему для эгоистических интересов элиты или ее представителей.

Основные инструменты социального продвижения в рамках частных школ – подчинение и унижение.

Разумеется, в частных школах для мальчиков был широко распространены гомосексуализм и педофилия: одна из старейших и наиболее уважаемых школ, работавшая более 400 лет, была даже закрыта по этой причине – правда, уже со-

---

215. Оттоманская империя достигла схожего результата созданием сословия янычаров из похищенных детей, не помнящих своих родителей и культуры.

216. В частности, Кима Филби, насколько можно понять по воспоминаниям, не могли раскрыть потому, что следствие по нему вели выходцы из обычных слоев английского общества, которым было страшно обвинять представителя элиты; когда же доказательства стали неопровержимыми, решать судьбу Филби пришлось представителю элиты, который не захотел позорить собрата (это означало бы еще и дискредитацию верхов общества перед низами признанием правомерности обвинений последних в его адрес, что с классовой точки зрения было невыносимо). Лишь когда дальнейшее промедление стало невозможным, к Филби был послан его соученик, чтобы задать прямой вопрос о шпионаже, – и Филби признался, так как не мог солгать представителю своего социального слоя и тем более члену своего университетского братства. В результате ему дали возможность, «сохранив лицо», избежать наказания, – правда, прежде всего потому, что действовавшая в рамках сначала вышедшего под эгидой Фининтерна из «фабианского социализма» проекта Коминтерна (см. параграф 5.5.4), а затем проекта конвергенции с СССР «кембриджская пятерка» не нанесла ущерба интересам Англии.

всем недавно [348]. Помимо использования гомосексуальности как инструмента формирования обособленной от общества и жестокой элиты (см. пример 24), важным было то, что до 1967 года гомосексуализм в Британии считался уголовным преступлением[217]. Соответственно, элитарных носителей этой ориентации дополнительно сплачивало сознание общей преступности, страх перед наказанием и, главное, ощущение своей сверхчеловечности, то есть способности и права пренебрегать общепринятыми нормами, включая мораль и закон.

Непосредственной причиной исторического поражения Британской империи[218] стала деградация управляющего слоя из-за замыкания в себе и отрыва от общества (в 1919 году министерство по делам колоний перестало принимать на работу иначе, кроме как по рекомендации преподавателей частных школ и элитных университетов), но главное – из-за пренебрежения системы образования содержательными

217. В Шотландии уголовное наказание за гомосексуализм было отменено лишь в 1980 году, в Северной Ирландии – в 1982, на заморских территориях – с 1983 (Гернси) по 2001 год (когда гомосексуализм декриминализовало их большинство: Ангилья, Британские Виргинские острова, Монтсеррат, острова Святой Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья, Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова, Теркс и Кайкос).

218. Не менее важная причина исторического поражения Англии – превращение ее управленческой элиты в касту, непреодолимой и невидимой стеной отделенную от остального общества. Еще до того, как это было осознано обществом и вызвало его разочарование, еще до того, как это привело к загниванию самой элиты, ее кастовость жестко ограничила пространство распространения и развития реального общественного знания, что с неотвратимостью привело к его вырождению в ритуалы.

В результате этого вырождения Англия поддалась охватившей Запад тенденции упрощения целей и задач, которые управляющие элиты ставят перед собой, что предопределило и упрощение решений. А примитивизация мышления и деятельности обрекла Англию (даже без учета различий в ресурсном потенциале: после «либеральной контрреволюции» рубежа 70-80-х она смогла стать лишь «финансовым бутиком» Запада, оставаясь второй по темпам развития экономики после США, хоть и с существенным опережением континента) на неуклонную (несмотря на увлекательные и парадоксальные для стороннего наблюдателя «арьергардные бои») сдачу позиций предельно функциональной и склонной к максимизации утилитаризма американской элите.

знаниями. По мере усложнения технологий это создало перманентный конфликт между специалистами и управленцами_[196, 197], подобный наблюдавшемуся в позднем СССР (см. пример 55), а также сделало систему управления неспособной выполнять свою важнейшую с 30-х годов XX века функцию – эффективно направлять технологический прогресс.

7.1.8. «Британский агент» как синтез государства и бизнеса

Специфика английского права – наследование всего (или, по крайней мере, основной части) имущества старшим сыном. Это заставляет младших самим искать себе пропитания и превращает их из потенциальных иждивенцев, разрушающих хозяйство (что происходит там, где имущество родителей гуманно делится между всеми детьми), в фактор развития общества, вынужденно использующий все, пусть даже самые призрачные возможности прогресса.

Сохранение родственных отношений обеспечивает начинаниям младших сыновей (в английском языке устойчивым словосочетанием является «второй сын», но, разумеется, в прошлом их обычно было больше) поддержку старших, – если, конечно, они обладают минимум способностей и добросовестности. Таким образом, их инициатива проходит хотя бы минимальную экспертизу и получает необходимые ресурсы, что повышает ее шансы на успех.

Это в полной мере касается и детей элиты, получающих прекрасное образование и тесно спаянных в единую социальную группу, а внутри нее – в несколько кланов (по частным школам и университетам, а также в зависимости от брачных союзов).

Поддержка «вторых сыновей» естественно распространяется и на их друзей, становясь основой системы мощных **«социальных лифтов»**. Эти молодые люди (структурированные в студенческие братства и землячества) использова-

лись как неисчерпаемый резервуар менеджеров для самых разных предприятий, – в первую очередь для освоения колоний. Если же у кого-то из них появлялась стоящая идея, он без труда получал финансирование и организационную помощь «старших», в том числе родителей и старших братьев своих знакомых. Масштабным проектам банки обеспечивали военное прикрытие и технологии, – с непременным условием возврата заработанного капитала в метрополию. Британия так стремительно выстроила империю, что сумела **создать кипящий социальный котел и** (опираясь на силу незыблемых процедур – см. параграф 7.1.4) **направить его энергию на** освоение и **подчинение мира**.

В частности, государство постоянно имело в распоряжении массу высокообразованных, патриотичных, социализированных и подготовленных по его потребностям молодых людей, опирающихся на средства своих семей и их партнеров и жаждущих в «свернуть горы» для сохранения достатка и социального статуса и его повышения, – под страхом впадения в полное ничтожество.

Разумеется, когда какая-то частная компания или государственное учреждение начинает испытывать потребность в кадрах, к их услугам оказывается значительное количество зарекомендовавших себя за время учебы и хорошо известных общим знакомым «вторых сыновей», о которых надо просто навести справки и выбрать из имеющихся наиболее подходящих под конкретную задачу.

Наличие огромной массы высокоэффективных и при этом хорошо известных, «просвеченных» со всех сторон и в самых разных ситуациях молодых менеджеров, жаждущих карьерного роста и обладающих универсальной подготовкой, сам по себе качественно повышает конкурентоспособность общества и эффективность элиты.

Однако в Англии он дополнен специфическим неформальным, но повсеместно распространенным опытом тесного, вплоть до личной унии и управленческого симбиоза, взаимодействием органов госуправления (в особенности спецслужб) с частным бизнесом (сложившимся благодаря

и в стиле Московской, а затем Ост-Индской компании). Одним из плодов этого взаимодействия является широко распространенное в Англии, но не в других странах, понятие «британский агент»: влиятельный энергичный человек, самостоятельно действующий в интересах английского государства.

Он может иметь прямое, как неформальное, так порой даже и формальное, поручение от тех или иных официальных лиц, но может действовать и без него, на свой страх и риск, по собственной инициативе. Секрет его влияния (и отличие от обычного авантюриста, являющееся причиной массовости этого социального типа) обычно заключается в совпадении соответствующих интересов английского государства с интересами той или иной частной компании, которая предоставляет ему необходимые для выполнения его миссии ресурсы, включая деньги, информацию и контакты.

При этом наличие значительных ресурсов и вкуса к стратегической работе позволяет частному английскому бизнесу ставить в своих интересах долгосрочные задачи, соответствующие государственному горизонту планирования, что эффективно маскирует исходные интересы (так как прямых контактов с государством у таких агентов нет, а иногда даже есть конфликты, а задачи, в решении которых их могут заподозрить, слишком масштабны и сложны для обычного частного бизнеса).

Кроме того, представители государства могут просить обеспечить решение той или иной государственной задачи (например, разведку территорий только что освобожденной от басмачества советской Средней Азии или оплату секретных сотрудников английских спецслужб за счет частной корпорации) являющихся «британскими агентами» руководителей частных фирм, не заинтересованных в этой задаче, – но заинтересованных в партнерстве с теми или иными государственными структурами (как из-за будущих коммерческих преференций, так и просто в силу личных отношений).

Наконец, награбленные в колониях богатства и высокий уровень жизни позволил многим представителям британ-

ской элиты в качестве хобби достигать высот в специфически некоммерческих видах деятельности (например, орнитологии или спорте), прекрасно прикрывающих службу государству.

Таким образом, «британский агент» – высокообразованный и хорошо подготовленный человек, самостоятельно, инициативно и свободно решающий те или иные задачи в интересах одновременно британского государства и частного бизнеса (имеющий возможность при противоречии между их интересами на время становиться на позиции одного против другого по своему усмотрению) с опорой на ресурсы того и другого.

Этот сверхэффективный образ действий (впоследствии, как и другие факторы британского превосходства, унаследованный и институционализированный американцами) стал неотъемлемым элементом национальной культуры, вошел в плоть и кровь англичан, большинство из которых слепо и с энтузиазмом подражали внешним проявлениям поведения «британских агентов», не подозревая о его природе и не интересуясь ей.

Так, вплоть до подрыва британского национального характера реформами Тэтчер (под ее давлением страну покинуло 15 тыс. признанных интеллектуалов, и Британия навсегда превратилась в Англию) обеспеченный джентльмен считал своим долгом бесплатно или за минимальные деньги поработать в колониях, даже бывших. Даже когда эта работа действительно носила благотворительный характер и не была связана с закулисной поддержкой государства, она улучшала репутацию последнего в этих регионах, внося весомый вклад в формирование «мягкой власти» Англии.

7.1.9. Doublespeak: больше, чем лицемерие

В мини-сериале «Шака, король зулусов», посвященном создателю зулусской государственности, с которой Англия ничего не могла поделать и которая представляла собой

огромную потенциальную угрозу ее колониям[219], один из его героев, английский колониальный администратор, мотивировал уверенность в уничтожении зулусского государства, несмотря на скудость тогдашних английских ресурсов, тем, что «за нашей спиной двести лет *doublespeak*».

Двоеречие (из которого потом выросло оруэлловское «двоемыслие») – один из фундаментальных факторов британского превосходства над остальным, не-англосаксонским миром. Он не имеет отношения к «демагогии», как обычно переводят это слово, и значительно более глубже и объемлюще традиционного «лицемерия».

Doublespeak подразумевает одновременное нахождение пользующегося им субъекта в принципиально разных ценностных измерениях: с одной стороны, приспособление к собеседнику, следование его логике, системе ценностей и интересам, а с другой – осознание при этом себя представителем интересов империи и своих собственных с манипулированием собеседником ради них. Этот принцип позволяет сознательно и успешно лгать в полном соответствии с принципом «правдивого мошенника» (см. параграф 4.4), свято веруя в правдивость, то есть целесообразность своих слов.

Подмена истины целесообразностью восходит к иезуитам, но именно английская элита сумела поднять ее до уровня культурной и юридической нормы: «правда» для нее (и для наследовавшей ей в этом американской элиты) означает не «реальное, объективное положение дел», а «то, что выгодно мне и ложность чего не доказана английским (или американским) судом», – и глубоко переживается на личностном уровне именно в этом качестве.

Поэтому разоблачение прямой лжи представителя английской элиты (и в целом носителя англосаксонской управ-

---

219. Ужас перед Чакой был таков, что и более полутора веков спустя главный персонаж серии американских фильмов ужасов о кукле-убийце Чаки (с 1988 по 2017 годы вышло 7 фильмов, и планируется начать снимать ремейки) был назван (вероятно, неосознанно) его именем. В собственной исторической роли Чака вошел в первую-шестую серии компьютерной игры «Цивилизация» (как правитель цивилизации зулусов), а также в многие художественные произведения, включая сериалы.

ленческой культуры), как правило, не вызывает у него ничего, кроме искреннего негодования, так как с точки зрения *doublespeak* является наглой манипуляцией, подменяющей священные и основополагающие интересы сверхчеловека (каким он себя ощущает и сознает, отказываясь признавать это из-за скомпрометированности термина Гитлером) не имеющей непосредственного значения для него реальностью.

На личностном уровне *doublespeak* – результат частного школьного воспитания, приучающего постоянно совмещать жесткий мир формально однозначных официальных норм с инициативной реализацией своих интересов – от карьерных и учебных до еще не до конца выжженного естественного детского стремления к шалости.

Органическая естественность корыстной лжи джентльмена всем, стоящим ниже него по классово-сословной лестнице (и тем более иностранцам), составляющая практическую сторону феномена *doublespeak*[220], дополняется принципиальной невозможностью лгать равному себе и тем более стоящему выше него по этой лестнице (см. параграф 7.1.7): иначе основанное на данном принципе общество просто не могло бы существовать.

Таким образом, *doublespeak* – мощный фактор не только повышения конкурентоспособности общества, но и сплачивания его элиты, что повышает его стабильность.

* * *

Во второй половине XIX века немцы, соревнуясь с Англией и отстаивая свои интересы в противостоянии обслуживающему ее нужды либерализму, создали науку, в том числе об обществе, как фактор национальной конкурентоспособности [301]. Но англичане прошли этот путь раньше – еще в конце XVII века, что и стало одним из факторов их превос-

220. Хотя, безусловно, с точки зрения культурологов, психологов и лингвистов подобное упрощение совершенно неприемлемо: сила феномена *doublespeak* как раз и заключается в том, что его корыстно лгущий носитель при этом совершенно искренне считает свою ложь святой правдой.

ходства и конкурентоспособности, далеко переживших Британскую империю и по наши дни оказывающих огромное влияние на глобальную политику и экономику.

Развитие же банкирских домов, перешедших из Венеции в Англию и на рубеже XIX и XX веков вступивших в союз с молодым американским капиталом, привело с началом глобализации к возникновению качественно нового субъекта мировой истории – глобального управляющего класса.

7.2. Глобальный управляющий класс: новый и главный субъект развития человечества

7.2.1. Природа нового всемирно-исторического субъекта

Глобальным производственным силам неминуемо соответствуют новые, также глобальные производственные отношения [195]. Стержнем этих отношений является формирование на основе интенсификации взаимодействия глобальных сетей качественно нового субъекта мировой истории – глобального управляющего класса.

Его складывание или, по крайней мере, резкое укрепление (так как слабая наблюдаемость не позволяет говорить точно о времени его возникновения) – важнейший практический результат кардинального упрощения всех видов коммуникаций в ходе глобализации.

Упрощение коммуникаций сплачивает представителей управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, медиа и даже культуры на основе общности образа жизни и личных интересов, а усиление концентрации богатств (из-за ужесточения глобальной конкуренции – см. параграф 14.1) расширяет круг этих влиятельных людей. Они живут не в странах, а в охраняемых роскошных отелях и закрытых

резиденциях, которые обеспечивают минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения.

Глобальный управляющий класс по своей природе – сообщество, а не иерархия: недаром провалились все попытки создать «мировое правительство»[221]. А ведь его создание казалось соблазнительным в своей самоочевидности разрешением **противоречия между глобальным хозяйством и частным управлением им через США как оргструктуру** (см. параграф 13.2) **глобального управляющего класса!** Но глобальный управляющий класс – не организация, а **открытая совокупность социальных вихрей**, втягивающая в себя индивидов, обладающих глобальным влиянием, личной энергетикой и мобильностью, и почти молниеносно выбрасывающая их при утрате хотя бы одного из этих качеств.

С точки зрения управленческой теории глобальный управляющий класс описывается как сеть, выживание которой «при наличии внешней турбулентной среды... зависит от су-

221. Последняя попытка создания формализованного мирового правительства в виде, по формулировке Сороса, «финансового Госплана» [281] передачей МВФ функции выпуска и организации обращения новой мировой резервной валюты (интересно, что инициатором этой попытки был глава Народного банка КНР Чжоу Сяочуань, находившийся на этой должности дольше всех в истории – с декабря 2002 по март 2018 года, по достижении 70 лет, выступивший 24 марта 2009 года с вызвавшим фурор докладом «Реформа международной валютной системы») была торпедирована в 2011 году, вероятно, ФРС США, которая не захотела отдавать международной бюрократии связанную с этой функцией исключительную власть. Механизмом срыва полностью подготовленной и согласованной на межгосударственном уровне процедуры стал арест директора-распорядителя МВФ Стросс-Кана по обвинению в попытке изнасилования горничной в гостинице. Суд Нью-Йорка не выпускал его под залог под домашний арест, пока он не подписал заявление об отставке. Через полтора месяца после этого «выяснилось», что горничная лгала, и со Стросс-Кана были сняты обвинения [324].
Другими следствиями провокации стали недопущение участия Стросс-Кана в президентских выборах во Франции (победил ничтожный Олланд) и в переговорах с Каддафи о судьбе колоссальных ливийских золотовалютных резервов. Интересно, что за две недели до ареста Стросс-Кан заявил в интервью *Liberation*, что его «политический противник Саркози попытается подставить его фальшивым изнасилованием» [27].

ществования... «скелета сети». Скелет сети включает в себя узлы сети, которые одновременно принадлежат к различным паттернам и ...обеспечивают связность и тем самым сохранение сети как целостности... Указанные узлы ...не являются слепыми исполнителями и проводниками интересов одного паттерна по отношению к другому, а ...представляют собой относительно независимых агентов, чьи интересы и действия позволяют существовать им одновременно... как минимум в двух паттернах» [277].

В силу объективного различия интересов своих элементов и открытости (а также относительной исторической молодости) глобальный управляющий класс – не монолит, самосознание которого объемлет самосознание хотя бы его наиболее значимых элементов. Борьба его основных элементов за повестку дня, образ желаемого будущего и общее направление развития и составляет основу современной истории человечества.

Но природа глобального управляющего класса – более важная причина невозможности создания им мирового правительства, чем его временная историческая незрелость. Разнородность и изменчивость объемлемых им интересов не дает достичь устойчивых соглашений и, значит, создать для их реализации устойчивые структуры (даже несмотря на устойчивость бюрократических организмов и их склонность к поиску новых задач для самосохранения), обуславливая подрывающие его мощь постоянные внутренние конфликты с постоянно же меняющимися причинами и конфигурациями.

7.2.2. Совокупность социальных вихрей как неразделенный хозяин государств

Члены рассматриваемого нами сообщества не нуждаются в государствах даже с военной точки зрения – их **индивидуальные** интересы (как показывает ряд африканских конфликтов, Афганистан, Ирак, Сирия и Украина) вполне способны обеспечивать частные наемные армии.

Вместе с тем глобальный управляющий класс **в целом** отнюдь не всесилен и самодостаточен. Он нуждается в государстве как оргструктуре, обеспечивающей сбор денег не входящих в него людей и корпораций на решение его масштабных задач (и само решение этих задач) в сфере исследований, создания технологий, поддержания нужного ему мирового устройства (формированием сознания, а также политическим, финансовым и военным давлением), а также организации глобальной экономики (как в юридическом, так и в инфраструктурном плане).

Такой оргструктурой основной части глобального управляющего класса являются США, а для врывающихся в него (что обеспечивает колоссальный внутренний конфликт) представителей Китая – китайское государство. Если представители Китая (по крайней мере, пока) стремятся выражать интересы своего общества, опираясь на него и находясь с ним в симбиозе, то функционирование американского государства как оргструктуры глобального управляющего класса создает внутри США перманентный конфликт представителей этого класса с национально ориентированной американской бюрократией *(которая, правда, потерпела поражение в борьбе с глобальными сетями еще при Никсоне: холодная гражданская война против Трампа отражает борьбу двух фракций глобального управляющего класса, стремящихся предотвратить распад глобального рынка на макрорегионы и использовать этот процесс в своих целях, а также противостояние глобального финансового капитала производительному – см. параграф 16.6.2).*

Новый глобальный класс собственников и управленцев агрессивно **противостоит разделенным обществам в качестве не только одновременного владельца и управленца (нерасчлененного «хозяина» сталинской эпохи**, что отнюдь не обязательно является признаком социальной архаизации), но и глобальной, то есть **всеобъемлющей структуры.**

Как и его предшественник – глобальные сети – он не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни акционеров (как пра-

вило, его члены сами являются акционерами друг друга – см. пример 30 в параграфе 7.2.3). Колоссальная власть его членов опирается на контроль за финансовыми потоками, технологиями и на личные связи. Противоречие между доминирующей мощью глобального управляющего класса и его безответственностью перед управляемым им человечеством характерно для Средневековья и создает угрозу возвращения его норм (см. также параграф 10.2).

В силу своего положения «над традиционным миром» глобальный управляющий класс враждебен не только обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности (и в первую очередь традиционной государственности). Он обречен всеми силами пытаться уничтожить любую обособленность от себя – как отрицание своей власти, подрыв своего влияния и лишение себя считаемых им своими, пусть даже и потенциальных, прибылей.

Государственные управляющие системы, попадая в смысловое и силовое поле этого класса, в корне перерождаются. Высшие уровни госуправления стремительно переосмысляют себя как неотъемлемые части не своей страны и своего народа, а – на основе общего образа жизни (или мечты об этом образе жизни) – глобального сообщества вершителей мировых судеб.

При этом национальные элиты, в том числе и незаметно для себя, переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах глобального управляющего класса – «новых кочевников» [82]. Разумеется, такое управление не просто пренебрегает интересами обычных обществ, сложившихся в рамках государств, но и осуществляется за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления).

Глобальный управляющий класс превратил современное **государство в свой инструмент эксплуатации соответствующего народа** и контролируемой им территории в целом.

Именно эта ситуация на протяжении всего 30-летия национального предательства наблюдается в России. Строго говоря, в ней давно уже нет ничего оригинального.

Основное противоречие современного этапа развития человечества – **противостояние национально ограниченных общественных организмов и** отрицающего их особость и обособленность **глобального управляющего класса**.

7.2.3. Структура и противоречия «хозяина мира»

Превращение государства (кроме Китая и некоторых других) в инструмент эксплуатации народа глобальным управляющим классом сделало доминирующей идеологией либерализм (см. главу 18), требующий от государства служения глобальным финансовым монополиям. Последние образуют наиболее мощную часть, «фундамент» этого класса, так как распоряжаются наиболее мобильными и обладающими максимальной **интегральной мощью** – финансовыми – ресурсами и могут наиболее быстро концентрировать их для решения насущных задач.

Ключевую роль в глобальном бизнесе (и, соответственно, глобальном управляющем классе) играют «фонды фондов», владеющие глобальными корпорациями и друг другом.

Пример 30

Обнажение «ядра» глобальной экономики

В середине 2011 года было опубликовано исследование, проведенное под руководством физика-теоретика Джеймса Глаттфельдера в Швейцарском федеральном институте технологий в Цюрихе[222]. В базе данных *Orbis* по состоянию на 2007, содержащую информацию

222. В России его данные были изложены лишь в октябре [295], – скорее всего, из-за общего низкого интереса медиа к научным исследованиям и публикации статьи об исследовании в авторитетном *New Scientist [12]* лишь 24 октября (о таких публикациях обычно известно заранее), а не в силу политического либо административного умысла.

о 37 млн. компаний всего мира, ученые выявили 600.508 «экономических субъектов, которые соответствовали определению транснациональной компании (90% и менее активов в одной стране)» и проанализировали отношения собственности между ними. «Связи между 43.060 крупнейших компаний были представлены в графической форме; полученную структуру исследователи назвали «галстуком-бабочкой» (с компактным и плотным «узлом галстука»)» [353].

Анализ структуры собственности и участия в прибыли 43.060 компаний показал «ядро» из «1318 компаний с взаимными владельцами: ...среднее число аффилированных партнеров составляет 20. Хотя доходы 1318 компаний составили 20% от общемировой операционной выручки, через свои фирмы они владели большей частью мировых «голубых фишек» и предприятий реальной экономики, обеспечивающих около 60% ...мировой выручки.

Продолжив распутывать паутину собственности..., команда ученых выяснила, что большинство «нитей» идут от «суперорганизации» из 147 компаний: их активы пересекаются..., что ...позволяет им контролировать 40% глобального корпоративного богатства. «По сути, менее 1% компаний контролируют 40% всей сети, – говорит Глаттфельдер. – Как мир уже узнал в 2008 году, такие сети являются неустойчивыми... Если одна компания терпит бедствие, это начинает распространяться на тех, с кем она связана"» [295].

«...Из 147 гигантов ...выделили «ядро в ядре» из 50 корпораций и банков, находящихся на самой вершине этой пирамиды глобальной сети, ... горсткой крупнейших инвестиционных банков, среди которых преобладают зарегистрированные в США» [330].

«Глаттфельдер указал на потребность в глобальном антимонопольном регулировании, которое сейчас существуют только на национальном уровне, чтобы ограничить чрезмерные связи между ТНК. Сугихара считает одним из ...способов исключения порождаемых ими рисков налог за превышение уровня взаимосвязанности...

Образование «супергруппы» вряд ли может быть результатом заговора по захвату власти над миром. “Такие структуры широко распространены в природе”, – говорит Сугихара. В любой сети новички преимущественно подключаются к членам с большим, высоким уровнем связей... Если связи создают кластеры, то то же самое делает капитал, говорит Дэн Браха из NECSI: ...денежные потоки движутся в сторону членов, имеющих наибольшее количество связей...»

Другой вопрос, ...будет ли «супергруппа» предпринимать согласованные политические действия. Дриффилл считает, что 147 – ...слишком много для... сговора. Браха подозревает, что они будут конкурировать на рынке, но действовать вместе, когда дело коснется общих интересов... Сопротивление изменениям в экономической структуре может быть одной из областей, представляющих для «ядра» глобальной экономики общий интерес» [12].

Три четверти «ядра» из 147 корпораций – банки, страховые общества и финансовые компании. В составе 40% мировых активов «супергруппа» контролирует 90% мировых банковских активов.

Но **реальный уровень концентрации еще выше**: «ученые из Цюриха связи между компаниями сводят лишь к участию в капиталах... Между тем... всё большую роль приобретают «неакционерные» формы контроля. На первом месте среди них – кредиты, ...инструмент, находящийся в монопольном владении банков...

...Муллинз в работе «Секреты Федерального резерва» [51] ...приводит списки акционеров ФРС США. В них фигурируют те же... банки, которые были «вычислены» швейцарцами... Можно вспомнить... обнародованные в 2011 году результаты частичного аудита ФРС... В период последнего финансового кризиса Федеральный резерв раздал крупнейшим ...банкам кредитов на... 16 трлн. долл.. ...Мы видим ...тот же набор банков [в скобках указаны суммы ...кредитов ФРС, млрд. долл. – всего более чем на 12,7 трлн.долл. – М.Д.]: *Citigroup* (2500); *Morgan Stanley* (2004); *Merril Lynch* (1949); *Bank of America* (1344);

Barclays PLC (868); *Bear Sterns* (853); *Goldman Sachs* (814); *Royal Bank of Scotland* (541); *JP Morgan* (391); *Deutsche Bank* (354); *Credit Swiss* (262); *UBS* (287); *Lehman Brothers* (183); *Bank of Scotland* (181); *BNP Paribas* (175) [о потерях только на первом этапе острой фазы кризиса см. параграф 16.6.1 – М.Д.] …Их… отношения [к ФРС] крайне простые:

а) банки, образующие суперсубъект [«ядро» глобальной экономики в 147 корпораций], являются основными акционерами частной корпорации под названием «Федеральный резерв»;

б) Федеральный резерв, обладая монопольными правами на печатный станок, снабжает своей продукцией, т.е. деньгами, те самые избранные банки, которые и являются хозяевами ФРС.

…Полученные от ФРС деньги «избранные» банки направляют на скупку активов по всему миру – напрямую или через подконтрольные им нефинансовые корпорации, получающие из их рук дешевые или даже беспроцентные кредиты…» [174].

То, что эта простая и самоочевидная работа при всей актуальности была проведена лишь раз и тем более не ведется систематически (для оценки динамики корпоративной основы глобальной экономики), – признак болезненности темы. Вероятно, исследование было профинансировано и стало возможным потому, что было выполнено не экономистами, а физиком и специалистами по информационным системам, похоже, рассматривавшими его как топологическое и не сознававшими его политическое значение.

Крупнейшие инвестиционные компании, банки и фонды владеют акциями друг друга. «Достоверно выделен кластер… из 15-20 финансовых компаний и банков, тесно связанных между собой через владение акциями, причем… группа крупнейших инвестиционных компаний владеет акциями крупнейших банков… Инвесткомпании, акции которых …выведены на фондовый рынок, находятся в сложных отношениях перекрестного владения между собой. А весь этот конгломерат банков и финансовых компаний, в свою очередь, владеет цен-

ными бумагами американских и иностранных корпораций… Объем активов под управлением топ-20… этой группы составляет …не менее 20 трлн.долл… [на начало 2016 года – М.Д.]. Все… указанные финансовые структуры… вовлечены в государственно-частные органы «согласования и управления» фондовым рынков США…

В пятерку крупнейших инвесткомпаний США входят *BlackRock* (управляет активами на 4,5 трлн.долл.), *Vanguard Group* (свыше 3 трлн.долл.), *State Street Corporation* (около 2,5 трлн…), *Fidelity Management and Research (FMR) LLC* (около 2 трлн…), *Pacific Investment Management Company LLC (PIMCO*, около 1,5 трлн.долл.)… Общий объем активов под управлением этих пяти компаний составляет около 14 трлн.долл.. [**62,8% капитализации всех американских компаний**, акции которых находились в обороте на момент оценки активов в управлении крупнейших инвесткомпаний – М.Д.]…

Группа крупнейших инвестфондов, связанная… партнерскими отношениями, а также отношениями… перекрестного владения, заняла доминирующее положение на фондовом рынке США… вследствие целенаправленной политики по их выращиванию со стороны регуляторов фондового рынка и экономики США в целом» [330].

Структура глобального управляющего класса, как и положено структуре социальных вихрей (пусть и элитарных) в ходе беспрецедентной трансформации человечества, глубоко меняется, – как минимум, в отраслевом и географическом разрезах.

Перерастание социальных сетей в социальную инфраструктуру и, далее, в социальные платформы, создающие среду обитания человека и определяющие его поведение (см. раздел 4.5. введения), качественно повышает значение их разработчиков и управленцев в составе глобального управляющего класса. Финансисты из «фондов фондов», попрежнему владея информационными корпорациями, утрачивают возможность понимать, чем именно они владеют. В результате представители социальных сетей из второсте-

пенных фигур становятся (возможно, временно) как минимум равнозначимыми «хозяевам денег». Ведь **они управляют поведением людей, их мнениями и эмоциями прямо, а не через посредство собственности и денег**.

Это дополняет конфликт внутри глобального управляющего класса между представителями стагнирующего Запада и стремительно возвышающегося Китая (которые вдобавок срощены со своим государством и выражают интересы своего общества, а не используют их как инструменты и потому являются патриотами) принципиально **новым глубоким конфликтом – между финансовыми и социальными владельцами мира**.

Указанные конфликты внутри глобального управляющего класса дополняют главный конфликт современности – между глобальными и обособленными структурами (в частности, между глобальным бизнесом и оформленными Вестфальским миром обществами-государствами, которые и породили народы в их сегодняшнем понимании) – и дают новые шансы **патриотам, стремящимся вернуть захваченные глобальным бизнесом и используемые им государства своим народам**.

Интересно, что об этом явлении как содержании новой эпохи говорил еще Сталин на XIX съезде КПСС в 1951 году[223]. Тогда умирание последней из колониальных, Британской империи и становление первой неоколониальной Американской империи (второй может стать Китай) создавали ситуацию, схожую с нынешним умиранием Американской империи, влекомой историей по пути предыдущих. Конечно, господство индустриальных и аграрных технологий, обеспечивая сплоченность населения, повышали шансы на успех национально-освободительных движений 67 лет назад, – но нынешние

223. «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего»… Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости… придется поднять… представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять» [284].

качество коммуникаций и эффективность технологий формирования сознания могут компенсировать негативные последствия нынешней производственной разъединенности людей возможностью объединять их в процессе всей обыденной, а не только трудовой, жизни.

7.3. Благотворительность: новое лицо глобального управления

7.3.1. Уход на покой и бегство от налогов?

Спрячься от страха, бедный сын Пумы, и тогда страшный Ча не поймает тебя.

(Алексей Толстой, «Аэлита»)

С середины «нулевых» годов заметной тенденцией, вызывающей у наблюдателей недоумение, а то и раздражение (часто порождаемое вульгарной завистью), является перенос значительной частью богатейших людей (от Гейтса до Потанина) своей активности в сферу благотворительности.

Он совсем не обязательно является формой «ухода от дел».

Прежде всего, благотворительная оболочка – едва ли не единственная эффективная защита бизнеса от налоговых расследований (так как некоммерческие организации в развитых странах, в отличие от бизнеса, пока в целом непрозрачны для внешнего контроля, за исключением контроля их жертвователей), – как когда происходит драматическое сокращение офшоров, а база для таких расследований расширяется, причем иногда совершенно абсурдным образом.

Пример 31

Казус 2009 года: налоговая юрисдикция США как чума

Еще сразу после прихода к власти Обамы произошло резкое расширение американской юриспруденцией сферы своей компетенции. Тенденция к этому существовала всегда, но не носила всеобщего характера и часто воспринималась не более чем как курьез.

Однако уже дело Бута (арестованного в марте 2008 года) показало, что даже простая угроза в адрес граждан США (в том числе высказанная абстрактно, без указания на конкретных лиц) в Таиланде в беседе с провоцировавшими ее агентами ФБР является для американских судов основанием для включения дела в свою юрисдикцию.

В 2009 году в США было введено юридическое понятие «неграждан, ведущих предпринимательскую деятельность в юрисдикции США» и потому обязанных платить им налоги. Под «юрисдикцию США» может подпадать (в зависимости от настроения и желания судьи, вызванного, например, нехваткой денег в местном бюджете) любое взаимодействие с американцами и даже операции вне США и без участия их граждан и компаний, но с использованием доллара.

Такое расширение осуществляется прежде всего в фискальных целях. Ведь в США, бюджет которых (в отличие от российского) основан в первую очередь на налоговых платежах физических лиц, почти половина населения слишком бедна, чтобы платить налоги, или же уклоняется от их уплаты. А финансовый кризис очевиден и проявляется в том числе в высоком дефиците бюджетов всех уровней, попытки уменьшить который уже приводили к массовым беспорядкам.

Помимо тактической фискальной задачи непредсказуемое расширение юрисдикции США преследовало и стратегическую задачу расширения глобального влияния – как их могущественного юридического сообщества, так и их самих как доминирующей силы.

Последствия серьезны: налоговые обязательства нерезидентов США, имеющих малейшие контакты с американцами или просто долларами, становятся непред-

сказуемыми. Налоговая юрисдикция США распространяется «по принципу чумы» – при малейшем контакте.

Так, налоговым преступлением может оказаться налоговая консультация не только американцу, но и лицу, вступившему с ним в хозяйственные отношения (если это лицо будет объявленным находящимся в юрисдикции США, – например, если оно купило доллары).

Данный подход прямо противоречит подписанным США договорам об избежании двойного налогообложения, но в США это мало кого интересует. Ведь американское право (в отличие от, например, российского) поддерживает суверенитет США: их закон (и, в силу прецедентного права, решения судов) имеют приоритет над международным правом и международными обязательствами государства.

Таким образом, в 2009 году американская юстиция сделала шаг от административно-территориального принципа к функциональному. Это создало катастрофическую угрозу, так как почти любой контакт с американцем может создать налоговые обязательства перед США, которые они могут предъявить в любой момент.

Менее чем за год в тюрьмы США попало несколько десятков респектабельных иностранцев, вызванных в суды свидетелями и на месте переоформленных в обвиняемых (разумеется, обличители «басманного правосудия» не издали по этому поводу ни звука).

С другой стороны, европейские банки стали отказывать даже в открытии счетов многим гражданам США (включая своих старых клиентов), так как взаимодействие с ними при непредсказуемом расширении американской юрисдикции стало слишком опасным.

Поэтому американские власти заявили о необходимости осмысления ситуации и о переводе данной системы «в тестовый режим» (что выглядит нелепицей в отношении закона), и в 2010 году данное правило практически перестали применять. Но угроза возобновления его использования, по крайней мере, выборочного, дамокловым мечом висит над всем деловым миром планеты и является одним из факторов, принуждающих к повышенной осторожности.

Антироссийский санкционный психоз с 2014 года усиливает стремление защитить бизнес (любого происхождения) радикальным снижением прозрачности. Но сделать это прямо не дают проработанные стандарты корпоративной отчетности и разветвленное регулирования корпораций.

Другое дело – изменение формата самого бизнеса, примерка им личины благотворительности. Ведь прозрачность некоммерческих неправительственных организаций (в том числе из-за использования их как инструмента США и их сателлитов для деликатных операций – вплоть до организации госпереворотов) ничтожна. Они подотчетны лишь своим инвесторам. Вмешательство в их работу государства по образцу регулирования коммерческой деятельности почти невозможно, так как воспринимается (в том числе самим государством) как недопустимое разрушение устоев гражданского общества и подрыв демократии в наиболее интимной сфере ее функционирования.

Благотворительность, несмотря на грандиозные скандалы вокруг даже самых известных персон, сохраняет ореол гуманизма и едва ли не святости[224], обычно обеспечивающий инвесторам неприкосновенность. Поэтому благотворительная сфера оказывается для крупных капиталов таким же убежищем с функциональной точки зрения, каким – с административно-географической точки зрения – являются для них офшоры.

Однако при всей актуальности это менее значимая причина благотворительной переориентации крупных капиталов, чем изменение характера коммерческой деятельности в целом.

224. Еще при жизни Матери Терезы «выяснилось, что на благотворительность шло порядка семи процентов благотворительных сборов, остальное уходило на нужды католической Римской церкви, в Банк Ватикана», – не считая административных расходов самого фонда, включая частный самолет Терезы [182].

7.3.2. Глобальный капитал: освобождение от рынка

Мир продолжает раскачиваться на грани Глобальной депрессии, – и в ее пропасть одинаково страшно заглядывать и профессиональным оптимистам, и «соловьям Апокалипсиса».

«Звоночком с того света» в разгар общемировой паники по поводу Фукусимы стало предупреждение США в адрес японского государства, чтобы оно не вздумало продавать американские гособлигации. Это было уже не пугающим ростом доли краткосрочных бумаг в общем объеме госзаймов, а прямым, односторонним и без предупреждения ограничением ликвидности. Недаром крупнейшим кредитором правительства США стала ФРС, что приблизило «цитадель рынка» к нерыночному Советскому Союзу с его финансированием основной части дефицита бюджета (когда он возникал) кредитной эмиссией Госбанка.

Крупнейшие – сегодня глобальные – капиталы предчувствуют, а сейчас, возможно, и прямо предвидят будущее (это им тем легче, что во многом они его и создают). Реакцией на все более очевидную бесперспективность рыночных отношений и сворачивание традиционной рыночной экономики (см. главу 8) становится отказ от собственно рыночной активности в пользу создания новых правил и стандартов в виде новых культур.

Привычные формы рыночного поведения, погружаясь в новую среду, незаметно даже для самих их участников наполняются новым смыслом, становясь из всеобъемлющих и самодовлеющих зависимыми и частичными. Не меняясь сами по себе, они попадают в зависимость от внешних для себя технологических и иных норм (см. параграф 8.1).

Именно создание этих норм – стандартов, правил и повестки дня – становится главным видом деятельности, определяющей большинство других, и ключевым полем конкурентной борьбы. Это не сознается большинством участ-

ников рынка, так как поле такой борьбы поднимается над рынком, и она ведется уже не за прибыль, а за установление правил ее получения.

Конкуренция из рыночной становится инфраструктурной и технологической. Рыночные отношения заменяются отношениями по формированию (прежде всего глобальными монополиями) стандартов, норм и правил поведения (подробней об исчерпании рынка см. параграф 9.2).

Новые правила формируются через медиа, повестка дня которым задается неправительственными организациями, в свою очередь, **финансируемыми** и направляемыми **благотворительными фондами.**

В результате благотворительность как форма организации деятельности целых направлений некоммерческих организаций стала стратегическим бизнесом, стратегическим инвестированием, – но не в материальные производства, а в создание стандартов, смыслов, идей и организационных структур.

В силу своего всеобъемлющего характера такая деятельность – наиболее рентабельный в перспективе бизнес. Современная благотворительность во многом вкладывает именно в него. Это новая сфера глобальной конкуренции; глобальные медиа и социальные платформы лишь транслируют и навязывают новые смыслы, сформированные некоммерческими организациями по заказам благотворительных структур.

Формирование стандартов некоммерческими организациями в интересах глобальных монополий может в прямом смысле слова ломать мир, создавая качественно новую реальность.

Пример 32

Монополия на семена –
лишь одна из форм монополий на будущее

Интересно в этом отношении, например, колоссальное хранилище семян на Шпицбергене. В его строительстве участвовали Фонд Мелинды и Билла Гейтс; гигант

американского агробизнеса *DuPont/Pioneer Hi-Bred*, один из крупнейших мировых владельцев патентованных генетически модифицированных семян и связанных с их выращиванием химикатов; швейцарская *Syngenta*, один из основных производителей таких семян и химикатов; фонд Рокфеллера – глобальная частная группа [351].

Совмещение интересов НКО и производителей генетически модифицированных семян очевидно. Ведь высокоурожайные гибридные семена можно сеять только раз. Их использование делает сельхозпроизводителей, а через них и все человечество зависимыми от нескольких держателей дикого генетического материала, нужного для создания гибридов.

Простое прекращение продаж нежелательному режиму семян уничтожит его сельское хозяйство за два-три года, а последствия этого если и не сметут, то обессилят его. Такая реальность введет качественно новые стандарты всех международных отношений – без громких деклараций и, более того, вообще без публичных действий.

Можно строить и иные предположения, вспоминая, например, о возможностях закладывания в генетически модифицируемые продукты «дополнительных» функций, до бесплодия включительно, – и участия ряда неправительственных структур в исследованиях и даже действиях, направленных на сокращение численности «низших» рас.

7.3.3. От иерархии – к сети: смена модели управления

Роль бизнеса по формированию стандартов и стратегий (а именно это становится ключевым направлением деятельности благотворительных и в целом некоммерческих организаций) повышается не только изживанием рынка, но и сугубо управленческим фактором: переходом от иерархий к сетям (о его диалектике и последствиях для управления см. параграф 4.2).

Несмотря на свой всеобъемлющий характер, он не будет окончательным: управление будет нуждаться и в иерархиях, и в сетях; меняться будет лишь их соотношение.

Наиболее эффективны трехступенчатые системы управления. На низшем уровне – непосредственного действия – находятся сетевые структуры, направляемые и отчасти конституируемые исполнительными иерархиями. Управляются эти сети в основном косвенно, не административным принуждением или финансовом стимулированием, а формированием поля смыслов и мотиваций, заставляющего их действовать, – в основном, с узко коммерческой точки зрения, бескорыстно.

Непосредственные организаторы этого поля смыслов и мотиваций (поддерживаемого и финансовыми, и грубо административными стимулами) – традиционные иерархические структуры, образующие второй уровень управления. Но сами они, в свою очередь, – лишь исполнители (и, во многом, конкретизаторы) воли, приводные ремни, инструменты сетей высшего уровня, включая сгустки глобального управляющего класса.

Складывание этой системы ослабило иерархизацию мира как внизу, так и на самом верху управленческой (а, значит, и социальной) пирамиды. С точки зрения участия в сетевых структурах господа диалектически оказались подобием рабов, – в то время, как занимающие промежуточное положение линейные, то есть иерархические менеджеры «выпали из контекста».

Снижение степени иерархизации управляющей системы снизило роль внешних для личности административных рычагов и рамок. В сети субъект действия ограничивается и направляется не приказами (которые теряют эффективность – сначала драматически, а затем уже и юмористически), а своими представлениями, мотивацией и «духом комьюнити» (в этом отношении перспективна свойственная русской культуре мотивация, ориентированная на мнении соседей – см. второй том). Поэтому в новых условиях надо управлять мотивациями и общими правилами, которые управляемые

считают комфортными (а в идеале – естественными, подобно законам природы).

Главная функция системы управления в информатизированном мире – формирование (и лишь затем поддержание) **стандартов поведения**, базовых принципов («что такое хорошо и что такое плохо») и основных смыслов, определяющих состав и приоритеты повестки дня, общей для индивида и разветвленной организации. А ключевую роль в этом играют именно некоммерческие, в том числе благотворительные структуры[225].

Совершаемый под давлением информационных технологий, с расширением масштаба сетевых структур переход к управлению формированием стандартов поведения и повестки дня схож с «революцией христианства». Оно появилось в силу усложнения античного общества, потребовавшего дополнить управление на основе внешнего давления (мотива страха) управлением на основе давления внутреннего (мотива вины).

7.4. Пугающий выбор: разнородность Финансового интернационала

Истории, при всей ее ограниченности в этом вопросе, известно огромное разнообразие теневых транснациональ-

225. Создан этот механизм был в доинформационную эпоху: информационная не создала его, но лишь сделала массовым. «Под покровом благотворительных фондов в конце 1930-х гг. Фонд Рокфеллера начал менять всю мировую систему взаимоотношений. Методы и механизмы, с помощью которых эта программа проводилась в жизнь, …тщательно скрывались… В 1939 г., заручившись спонсорской поддержкой Фонда Рокфеллера, Нью-Йоркский совет по международным отношениям приступил к… долгосрочным исследованиям в сотрудничестве с Государственным департаментом США.
Совершенно секретный проект… «Изучение войны и мира» длился… до 1944 г. …и …определил… принципы …послевоенной глобальной американской бизнес-империи… В отличие от Британской империи, основанной на военных завоеваниях и прямом управлении…, американская версия мирового господства базировалась на финансовом завоевании и экономических владениях» [330].

ных управляющих систем. Их изучение возможно, так как **«в тени» действуют те же объективные исторические закономерности, что и «на свету»**.

В дорыночную эпоху, когда ключевые официальные управляющие структуры человечества носили религиозный характер, теневые управляющие структуры также были преимущественно религиозными (хотя важны были и хозяйственные, и чисто преступные).

По мере развития рынка в теневых взаимодействиях, как и в публичных, на первый план выдвигались хозяйственные, а точнее – торгово-финансовые структуры (как наиболее гибкие и наименее уязвимые). *Исследователи конкретных исторических обстоятельств часто признают существование Финансового (он же «Черный», он же «Капиталистический») интернационала, в том числе в противовес, в дополнение Коммунистическому и в симбиозе с ним (см. параграф 5.5.4), но из-за его чрезмерной влиятельности (и в силу порожденного ею вульгарного недостатка информации) стесняются его исследовать. Так, в лучшем исследовании феномена Гитлера [310] говорится о «Золотом» и о «Красном» Интернационалах как об одинаково реальных и бесспорных явлениях.*

Как обычно, **ожесточенная свободная конкуренция** на макрорынках **вела к формированию монополии**: в Европе это была семья Ротшильдов, в США – Рокфеллеры (и сначала Джон Пибоди, а затем уже Морган как представитель Ротшильдов [330]). Именно эти два клана (а со второй половины 90-х годов XX века – и китайские теневые сообщества), а также не менее значимые «старые» европейские структуры вроде Ватикана и некоторых других, являются высшим воплощением глобальных сетевых управляющих структур[226]. Именно они стали основой глобального управляющего

226. Они отнюдь не «ушли в прошлое», как кажется некоторым равно поверхностным и наивным марксистам и либералам. Так, жесткость соперничества во второй половине 90-х и начале 2000-х годов групп Березовского и Гусинского была вызвана не только естественными межолигархическими противоречиями, но и, насколько можно судить, представление ими в России интересы групп Рокфеллеров и Ротшильдов.

класса «новых кочевников», именно они оказывают решающее влияние на деятельность квинтэссенции этого класса – 25 «первичных дилеров» ФРС и контролирующих их, а с ними и ключевую часть мировой экономики крупнейших инвестиционных фондов (см. пример 30).

С началом Великой Депрессии государства массово стали создавать свои теневые структуры – спецслужбы и контролируемые ими корпорации (хотя могущество Британской империи, например, было основано на постоянном создании таких структур – см. параграф 7.1.1). С завершением холодной войны государственные теневые структуры частью рассыпались, частью обособились, попав в силовое поле влияния названных выше основных глобальных теневых структур и подчинившись ему.

Теневые взаимодействия (да еще и трансграничные) **по самой своей природе не регулируются формальным правом**. Поэтому трансграничные теневые структуры, испытанные временем носят семейный характер (ибо отсутствие писаного закона требует компенсации высоким доверием), а в наиболее значимых аспектах действуют принципиально без учета законодательства. Это не только роднит их с организованными преступными группировками, но и, более того, почти предопределяет сотрудничество с ними.

Формой существования описанных финансовых трансграничных теневых структур на всем протяжении их истории было взламывание административных и политических границ, препятствующих их деятельности. Извлекая в силу своего трансграничного характера максимальную прибыль именно из наличия указанных границ, эти структуры всю свою историю последовательно шли к подрыву основы своего существования.

Они были и остаются сейчас **инструментами интеграции человечества** – столь же объективными, что и рыночные отношения, чьим проявлением в непубличной сфере они являются.

Вся история человечества XX века – **непримиримая** в силу самой его природы **борьба Финансового интернаци-**

онала за интеграцию, за разрушение всех экономических границ. Эта борьба «на уничтожение» велась против колониальных империй (см. параграфы 5.5.3, 5.5.5 и 5.5.6), а после их краха – с создавшим огромную технологическую зону, обособленную от контролируемого Фининтерном рынка, Советским Союзом.

Крах последнего, став началом глобализации, знаменовал окончательную победу Фининтерна – и **выполнение, то есть исчерпание им его исторической миссии**.

Глобальная депрессия, мировой кризис перепроизводства, вызванный загниванием глобальных монополий (см. параграф 15.2), – другое выражение исчерпанности этой исторической миссии. Эта исчерпанность превращает финансовые трансграничные теневые структуры, действующие в прежней парадигме, **в реакционную,** противодействующую прогрессу**, направленную на консервацию прошлого историческую силу**. Именно они являются непосредственными выразителями стремления глобальных монополий к блокированию технологического прогресса (см. параграф 5.7) и разделению человечества на расы глобализированных «господ» и обслуживающего их персонала, с одной стороны, и излишней «биомассы», вымирающей в изолированных от «чистого» мира резервациях, с другой.

Причина этой потребности – сверхпроизводительность информационных технологий[227], которая делает избыточным значительную часть человечества, в первую очередь **«средний класс» развитых стран**. С точки зрения извлечения прибыли эти люди и их потребление **из производящего ресурса стали для глобальных корпораций чистыми издержками**, подлежащими сокращению, – особенно в кризисе (см. главу 9).

Это сокращение должно было ударить в первую очередь по среднему классу Запада, культурно и социально близкому

227. Разумеется, исключительно по сравнению с индустриальными технологиями, к которым приспособлены и потребностям которым соответствуют современные социальные институты, болезненная адаптация которых к информационным технологиям и составляет суть современности.

большинству представителей глобальных сетей. Сентиментальность, гуманизм и стремление к сохранению развитых обществ безопасными порождали обреченные на неудачу попытки найти компромисс или какой-либо способ избежать очевидной в условиях доминирования рынка печальной необходимости.

До обострения глобального кризиса в конце 2008 года (когда стало не до сантиментов, и потребление среднего класса начали урезать без колебаний – из чувства самосохранения) значимые глобальные сетевые структуры разделились примерно пополам. *Ряд открытых или рассчитанных на якобы нежелательную огласку призывов к устранению лишних людей свидетельствовали о жесткой внутренней дискуссии, ибо были адресованы внутренним оппонентам, невидимым извне.*

Прошлый раз это наблюдалось в агрессии США и их сателлитов по НАТО против Югославии в 1999 году. Тогда значимые политические системы Запада также разделились примерно поровну, что сделало решающим внешнее (сначала американское, а затем российское коллаборационистское[228]) воздействие.

Подобное **«внесистемное» разделение – признак близящегося слома старой системы управления**. Он показывает, что выбор, делаемый в ее организационных рамках, содержательно перестает укладываться в них и требует нового структурного выражения (которое, впрочем, может так и не быть найдено, как показывает «постюгославский» опыт Запада).

В данном случае решение упрощается естественной склонностью финансистов к рыночной мотивации: **им легче стать рыночными людоедами, чем внерыночными**

---

228. Имеется в виду миссия экс-премьера Черномырдина (уговорившего Милошевича на капитуляцию перед НАТО и на отказ от защиты своей Родины), которая после отставки правительства Е.М.Примакова показала, что российские власти не являются противниками агрессии НАТО и не склонны помогать Югославии. Данная миссия была предпринята Черномырдиным во многом по его инициативе, ради личного возвращения на политическую арену, и ценой уничтожения целой страны позволила ему дожить свою долгую жизнь на должности посла России на Украине, доведя до катастрофы нашу политику и в этой стране.

гуманистами – второе будет означать для них социальное самоубийство, а первое сохранит их суть и комфортное мироощущение.

Другой важный фактор, толкающий глобальные финансовые сети Запада к поддержке людоедства против гуманизации, – погружение развитого мира в глубокий моральный кризис, а точнее – его освобождение от пут традиционной морали.

Пример 33

Аморализация Запада

Проявление морального кризиса Запада и, шире, всего человечества ярко демонстрируют экспаты[229]. Одно из наиболее ярких и неожиданных впечатлений от многих из них – **отсутствие у них внутренней, собственной морали**: они легко принимают правила игры обществ, в которые погружаются, и не стыдятся удовольствий, обычные для этих обществ, но запрещаемые на их родине. *Отсутствие у большой части членов западной цивилизации морали, которой они следовали бы без внешнего принуждения, подтверждает чудовищный опыт трагедий, разыгрывающихся в районах стихийных бедствий (например, во время затопления Нового Орлеана в 2005 году).*

Таким образом, мораль является для значительной части развитых обществ исключительно внешним, но не внутренним, институциональным, но не личностным фактором стабилизации общества – и, как всякий внешний для личности фактор, она вырождается и теряет не только эффективность, но и простую адекватность.

Внутреннее освобождение личности от всякой морали, происходящее в современных развитых обществах, **делает неизбежным и ее внешнее освобождение от нее, от есть разрушение внешних институтов морали и расчеловечивание**, дегуманизацию этих обществ **по отношению** не только ко внешнему миру

229. Некоторое время постоянно живущие в России (обычно в связи с работой), но намеренные вернуться домой представители развитых стран.

(что, в общем, уже произошло), но **и к самим себе** и к своим членам.

Вероятно, завершение дегуманизации произойдет под давлением кризиса пенсионной и социальной систем *(предвестие чего красочно описал бывший спичрайтер Клинтона Кристофер Бакли в книге «День бумеранга» [87]),* который будет ставить индивидов в положение бескомпромиссного выбора между личным и коллективным благосостоянием[230], разрушая тем самым их внутреннюю солидарность.

Разнородность Финансового интернационала проявляется не только в вопросе о судьбе «лишних людей» и, соответственно, выборе между сохранением рыночной парадигмы («жизнь ради прибыли») и гуманизма («жизнь ради человека»).

При всей важности этого вопроса (стихийно решенного под давлением кризиса 2007-2008 годов в пользу людоедства) развитие глобального кризиса сделало главным с практической точки зрения вопрос о будущем глобальных рынков.

И сегодняшняя мировая политика сводится к борьбе в глобальном управляющем классе двух групп: пытающихся противостоять распаду глобальных рынков на макрорегионы и сознающих неизбежность этого распада, пытающихся использовать его в своих целях (рост китайского влияния идет исподволь, китайцы предпочитают пользоваться глобальными процессами, не пытаясь ломать их, но не сопротивляясь им).

Первые поддерживают либералов, вторые – патриотов (консерваторов); в США их противостояние выражено холодной гражданской войной глобалистской либеральной элиты против Трампа. Либералы обречены на поражение (уже *TTP* и *TTIP* Обамы были попыткой разделить глобаль-

230. Примерно как это произошло в нашей стране в результате либеральных реформ начала 90-х; с развитыми обществами, таким образом, будет происходить то же, что их управляющие системы сладострастно и с восторгом делали с нами.

ные рынки и вырезать из них макрорегион США, пусть и абсурдно преувеличенный), но будут сопротивляться и, даже ослабев, сохранят влияние в мире Глобальной депрессии (см. параграф 17.2).

7.5. Публичность как маскировка и возрождение наций

Болтун.
Всегда молчит.
(А. и Б. Стругацкие)

Непубличность, скрытность – естественная специфика деятельности глобальных финансовых сетей. Тайна многократно увеличивает силу – и не только тем, что внезапность действий повышает их шансы на успех, но и, что порой не менее важно, провоцированием у противника безосновательных страхов[231].

Между мы живем в эпоху принудительной открытости: упрощение коммуникаций не только создает объективные технологические предпосылки транспарентности, но и делает ее категорическим условием эффективности.

Глобализация ставит финансовые управляющие сети в противоречивое положение: привыкшие к непубличным действиям и привыкшие использовать свою скрытность в качестве одного из основных конкурентных преимуществ**, они оказались в ситуации, в которой прозрачность считается абсолютной нормой**, не подлежащим обсуждению стандартом.

Выход был найден, как обычно в таких случаях, в **извращении стандарта**, – в том, о чем еще Ленин писал «формально верно, а по сути издевательство».

231. Так, антисемитизм основан на подспудном комплексе неполноценности перед евреями, на приписывании им сверхъестественных возможностей.

Сочетание формальной прозрачности с эффективным сокрытием содержательной информации достигается разнообразными инструментами. Почетное место занимает «белый шум»: распространение колоссального объема разнородной и интересной, но не относящейся к делу информации.

Пример 34

«Гламур»
как инструмент маскировки

Частный случай «белого шума» – информация о светской жизни: терабайты мельчайших подробностей из мельтешения мириадов персонажей разнообразных тусовок надежно хоронит под своими завалами случайно просачивающуюся информацию о передвижениях и встречах тайных властителей нового мира. Да и о них гораздо проще узнать меню их пуделя, чем меню их собственных обедов.

Забавно, что официальные лица, возможности которых существенно уже, чем полагает большинство граждан, подражают представителям глобальных управляющих систем в отвлечении общественного внимания на мелочи. Вероятно, причина – не только политика информационной безопасности, но и элементарное чванство: стремление подражать заведомо более влиятельным людям, неизвестным широкой общественности, но хорошо известным им самим.

Помимо «белого шума», важное проявление извращенной прозрачности – **фиктивная демократичность: возведение формальных демократических институтов в абсолют, извращающий их суть** и отграничивающий основную массу граждан от реального принятия наиболее значимых решений.

Когда Джавахарлал Неру в конце 50-х и начале 60-х годов провозглашал, что «Индией управляют управляемые», он, скорее всего, сам верил в это или хотя бы искренне стремился к этому.

Но сегодня **такие публичность и демократизм** обычно лишь **эксплуатируют «технологии вовлечения». Они создают у управляемых иллюзию участия в принятии** и даже самостоятельной выработки **решений – и** этим **возлагают на них** (причем в их же глазах!) **ответственность за последствия**. По сути, это всего лишь способ обеспечить согласие угнетаемых с угнетением, эксплуатируемых – с эксплуатацией, а в перспективе – и согласие утилизируемых со своей незавидной судьбой.

Именно поэтому демократия не как содержательное явление (**общественное устройство, позволяющее максимально полно учитывать существующие в обществе мнения и интересы** – см. параграф 5.1), но именно как заведомо формальный набор институтов стала фетишем развитых обществ.

Апофеозом извращения прозрачности стала «политическая игротехника» Обамы 2008 года. Целый народ – причем наиболее развитой страны – был втянут в игру, даже не пытаясь сознавать ответственности за свои действия. И президентом США стал человек, о котором всем было известно все, – кроме главного: чьи интересы он представлял. Возможно, это не было известно и ему самому (менеджеров не всегда извещают об их судьбах), – но глобальные управляющие сети возлагали на него надежды и строили связанные с ним планы. Эти надежды и планы и были его стратегией – пусть и вынужденной, – и люди, открыто и публично избравшие этого самого открытого и публичного из всех политиков США (если вообще не мира), не знали о них ничего и были согласны с этим!

Таким образом, формальная публичность стала эффективным инструментом сокрытия намерений и манипулирования обществами, применяемыми в первую очередь глобальными управляющими сетями *(их положение наиболее соответствует требованиям применения этого инструмента).*

А это значит, что формальная демократия, основанная на стандартных демократических институтах, не может огра-

ничить скрытое влияние и, более того, разрушительный произвол глобальных управляющих сетей. Она ведь сама является не только средством реализации ими своих интересов (при помощи извращения публичности), но и средой их существования.

Сдерживание этих сетей требует ограничения стандартных демократических институтов, **отступления от формальной демократии ради восстановления демократии содержательной** *(правда, такие попытки в США, начиная с Патриотического акта, направлены на восстановление не содержательной демократии, а технологического прогресса, несовместимого, как показано в параграфе 5.7, с традиционной демократией в отсутствие смертельной внешней угрозы).*

Опорой в сдерживании глобальных управляющих сетей могут стать все те национально и культурно обособленные силы, которые воспринимаются представителями этих сетей, этими глобальными «кочевниками», новым глобальным правящим классом как непримиримые враги, подлежащие уничтожению.

Это фундаментальное противоречие глобализации – **объективная предпосылка восстановления национального единства**, ибо противоречия между народами и глобальными сетями или, выражаясь классовым языком, между глобальным управляющим классом и отдельными обществами, низведенными им до положения объектов эксплуатации, глубже и острее классовых противоречий внутри обществ (см. параграф 7.2.3).

Основная проблема каждого общества – способность выявить внутри себя «пятую колонну» представителей глобального управляющего класса и освободиться от ее влияния возможно более гуманно (хотя главным условием выживания этих обществ и их народов будет именно лишение ее всякого влияния).

Исчерпание возможностей дальнейшей интеграции и неминуемый, хотя и частичный, откат к протекционизму

создает объективные экономические предпосылки (необходимые, но не достаточные) для успеха национально-освободительной борьбы в этом, современном, глобализированном виде.

7.6. Невидимый глобальный Китай

Образование неформальной глобальной управляющей сети современным Китаем не просто облегчается, но и прямо диктуется самим характером китайской культуры и истории.

С одной стороны, даже если не рассматривать опыт средневековых мореплавателей[232], «вскрытие» Китая колониальными державами в последней четверти XIX века, создав в нем колоссальные социальные проблемы, привело к массовой эмиграции китайцев, *интенсивность которой вынудила, например, США ввести жесточайшие ограничения ради сохранения этнокультурного баланса американского общества (да и просто рабочих мест).*

Способствовала эмиграции и длительная война с Японией, и гражданская война, тем более, что обе сопровождались чудовищными массовыми зверствами *(вроде нанкинской резни или блокады Чаньчуня [334])*. При этом с началом экономических реформ эмиграция не наказывалась даже в периоды ужесточения политического регулирования *(как из демографических, так и, насколько можно понять, из стратегических соображений): скажем, семья студента, уехавшего учиться за границу и не вернувшегося, не подвергалась*

232. Китайские адмиралы Средневековья как минимум пересекали Индийский океан, достигая восточного побережья Африки. Правда, после того, как руководитель крупнейшей экспедиции не нашел там ничего, с его точки зрения, заслуживающего внимания (в соответствии с идеологической доктриной величия Срединной империи и ничтожества окружавших ее варваров), дальние плавания были волевым образом прекращены, и китайская цивилизация замкнулась в искусственно созданной оболочке.

сколь-нибудь значимым репрессиям. В результате в 1987 году работать на родину после получения высшего образования за рубежом вернулось лишь 5% китайских студентов (правда, в 2007 их доля выросла до 30%, а в 2017 – до 79%).

Исторически длительный **опыт жизни** не просто «в рассеянии», но и **в тесной связи с диаспорой** не столько **облегчает формирование транснациональных хозяйственных сетей**, сколько **предопределяет его**. *В этом отношении китайцы близки евреям и армянам, скорее всего, значительно превосходя их (по крайней мере, неформальные еврейские банки развиты неизмеримо слабее китайских, а армянские и вовсе неизвестны исследователям).*

Эмиграция воспринимается китайской культурой (в том числе современной культурой управления) не как сборище потенциально опасных врагов, но **как зарубежное продолжение Китая**, как способ осуществления влияния далеко за его пределами, что выражается афоризмом «Китай не огражден границами; Китай там, где живут китайцы»[233]. Более того: в 2017 году наметилось исчезновение в позиции китайских властей четко проводившейся до того грани между проживающими за границей китайцами, принявшими местное гражданство и сохранившими гражданство КНР.

Формирование эмигрантами из Китая собственных замкнутых сообществ, живущих по своим законам и не допускающих внешнего вмешательства, предопределяет неформальность управляющих систем. Важно, что **неформальность общественных связей является одной из важнейших черт** не только эмигранской, но и **всей китайской культуры**, в том числе культуры управления.

Китайское общество, исторически организованное в региональные кланы и пронизанное непубличными структурами (в том числе именуемыми европейцами «тайными обществами»), **является сетевым по самой своей природе**.

233. Недопустимая, но почти повсеместная ошибка – анализ исключительно континентальной части Китая, а не Большого Китая (рассмотренного во втором томе), включающего его «заморскую» часть: китайские диаспоры, их капиталы и контролируемые ими части экономик и политических систем стран их проживания.

Китайская цивилизация накопила колоссальный исторический опыт именно неформальных взаимодействий и не собирается отказываться от него, ибо он является одной из ее ключевых особенностей, **одним из ее принципиальных конкурентных преимуществ**. *Исторические описания даже формально непримиримых противоборств (см., например, [334]) кишит эпизодами не только совместных действий вроде бы принципиально противостоящих друг другу политических сил, но и, что даже более важно, – согласованными «по умолчанию» действиями. В них ненавидящие друг друга стороны достигают общей цели без всяких даже теневых контактов, демонстрируя тем самым высочайший уровень взаимопонимания.*

Сетевой и неформальный характер управления, свойственный китайской культуре, не только качественно повышает эффективность китайского государства (так как неформальные сети, включая даже преступные, сравнительно легко превращаются в проводников его политики), но и накладывает на него дополнительные, порою весьма обременительные обязанности.

Так, когда после обеспечения видимого успеха экономических реформ (на первом этапе заключавшихся прежде всего в привлечении капиталов эмигрантов в континентальный Китай) китайскому государству удалось обеспечить серьезное влияние на общины эмигрантов, ему долго пришлось использовать это влияние отнюдь не для достижения каких-либо целей своей политики. Главной его задачей оказалось миротворчество: недопущение резни между враждующими общинами выходцев из различных регионов континентального Китая, которые оказались соседями в различных (в том числе фешенебельных) районах США и некоторых других стран.

Наличие разветвленных и в основном неформальных китайских глобальных сетей, как коммерческих, так и технологических, и политических **позволяет рассматривать нынешнее руководство Китая как глобальную финансовую управляющую сеть**, потенциально равнозначную Ротшильдам и Рокфеллерам (а, возможно, и им обоим, вместе

взятым). Непрозрачность и затрудняющие понимание ее образа действия и мотиваций цивилизационные отличия качественно повышают ее эффективность.

В то же время китайская глобальная финансовая управляющая сеть, выражаясь терминологией Гегеля, до сих пор еще является таковой «в себе», а не «для себя»: она **не полностью осознает как свои возможности, так и ограничения, накладываемые на нее ее растущей мощью.**

Это вызвано невероятной скоростью возвышения Китая, его выхода на авансцену глобальной политики. *Не стоит забывать, как в первой половине 2000-х годов китайское руководство безуспешно пыталось снизить темпы экономического роста хотя бы до 8% во избежание «перегрева» экономики.* В результате рост влияния Китая обогнал возможности его управляющих структур даже не по использованию, а хотя бы по осмыслению этого влияния.

Китайское руководство с начала «нулевых» годов и вплоть до Си Цзиньпина напоминало актеров, которые, благодаря длительным титаническим усилиям прорвавшись на первый план, чтобы играть главные роли в пьесе, внезапно обнаружили, что пьеса не написана, и придумывать ее предстоит им самим, прямо по ходу стремительно разворачивающегося действа.

Китайские аналитики с середины «нулевых» годов признают, что сознание **современной китайской управляющей системы в целом отстало от расширения сферы ее влияния и увеличения совокупной мощи последнего**. В результате она, влияя в ходе решения своих текущих задач на весь мир не осознаваемым ею образом, вызывает не представимые ею заранее и оказывающиеся неожиданными (а часто и болезненными) обратные воздействия.

Этот **феномен «внезапной обратной связи»** – одна из основных проблем современной китайской управляющей системы, все еще остающейся глобальным игроком с региональным сознанием.

Специфика китайской культуры, жестко утилитарной, прагматичной и склонной воспринимать некитайцев

как варваров, способствует постановке китайской глобальной мощи исключительно на службу решению собственных проблем. Учет глобальных последствий своих действий (кроме грозящих самим китайским интересам) просто не интересен: основной недостаток начинает восприниматься если и не как достоинство, то как одна из ключевых черт.

Это чрезмерное упрощение ситуации для китайского управления уже в ближней перспективе грозит превращением его в разрушительный фактор **для Китая, – а значит, и для всего мира**.

Начиная с прихода к власти Си Цзиньпина с его глобальными стратегическими проектами китайская управляющая система прилагает колоссальные усилия для преодоления своей ментальной ограниченности и обретения глобального стратегического видения и достигла на этом пути серьезных, хотя еще и не решающих, успехов.

Часть III.

ПРОЩАЙ, РЫНОК! ЗДРАВСТВУЙ, КОММУНИЗМ?

Глава 8. СХЛОПЫВАНИЕ РЫНКА

8.1. Деньги теряют значение

8.1.1. Технологии – несущие конструкции мирового порядка

Позиции на рынке, в том числе мировом, зависят прежде всего от характера используемых технологий. **Ключ к успеху – контроль за рынком. Его дает либо дефицитность, либо степень уникальности продукта**: чем они выше, тем больше рынок контролируется производителем, а не потребителем и, соответственно, тем выше рыночная сила и политическая влиятельность владельца соответствующей технологии.

Однородные, «биржевые» товары (или стандартные продукты технологий) не уникальны: разные производители поставляют одно и то же, что в долгосрочном плане отдает реальный контроль за рынками (если только товары не дефицитны или не становятся объектом вложения глобальных спекулятивных капиталов) покупателям. Производители могут объединяться в картели, но сама однородность продукта, предопределяющая однородность его потребления,

при значительном числе производителей провоцирует конкуренцию между ними и делает их союзы непрочными.

Усложнение продукта и особенно **повышение степени его индивидуализации** расширяет возможности контроля за рынком сбыта. Такое расширение возможностей происходит как само по себе, так и благодаря технологиям формирования сознания, которые делают дизайн, торговую марку и репутацию новыми, «информационными» потребительскими качествами, зачастую более важными, чем обычные (см. параграф 8.3).

Потребители все меньше потребляют физические блага «в чистом виде» и все больше используют их в качестве материальных носителей эмоций и представлений, которые и превращаются в цель, своего рода **квинтэссенцию потребления** [240].

Наибольшей степенью уникальности обладают благодаря этому сложнотехнические потребительские товары, – например, бытовая техника и автомобили. Техническая сложность позволяет разнообразить их реальные (в том числе заведомо избыточные) потребительские качества, а ориентация на индивидуальное потребление создает почву для использования технологий формирования сознания.

Стандартизированность производства полуфабрикатов этих изделий вытесняет конкуренцию в сферу удешевления стоимости рабочей силы. В результате коммерчески такое производство малоэффективно (см. параграф 12.1), а специализация на нем страны в рамках «догоняющего развития» способствует не росту, но снижению благосостояния ее граждан по мере ужесточения конкуренции в сфере снижения зарплаты.

Корректировка сознания резко повышает уникальность сложных потребительских товаров и окончательно превращает их рынки из «рынков покупателя» в «рынки продавца».

В общем случае (без учета дефицита) **рыночная сила производителя растет по мере движения от однородных «биржевых» через сложные товары к уникальным**:

не только производственному оборудованию, но и сложным потребительским товарам, поддерживаемым технологиями формирования сознания.

Производство последних за счет массовости спроса и связанного с ним масштабности воздействия на сознание дает их производителю большую рыночную власть, чем производство сложного производственного оборудования. При этом уникальность потребительских товаров достигается проще – общедоступными технологиями формирования сознания.

Но эта рыночная власть не максимальна. Производственные технологии лишь «венчают» технологические циклы. Уникальнее производства любых товаров и услуг создание и тиражирование самих производственных технологий – разработка «ноу-хау». Рынки «ноу-хау» контролируются их разработчиками сильнее, чем рынки самых сложных потребительских товаров.

«Выше только звезды» – создание новых технологических принципов, которые лишь огромными вложениями денег, интеллекта и времени воплощаются (или нет, что служит одним из барьеров «входа» на эти рынки) в производственно пригодные «ноу-хау».

Именно разработчики новых технологических принципов, а точнее – владельцы организационных и исследовательских технологий их разработки – наиболее влиятельные субъекты глобальной экономики. Они максимально контролируют рынки своей продукции и почти избавлены от конкуренции.

8.1.2. Технологическая пирамида

Таким образом, двигаясь снизу вверх, мы описали технологическую пирамиду, на вершине которой стоят создатели новых технологических принципов, **контролирующие и формирующие рынки и пути реализации своего продукта**.

Эффективность и индивидуализация этих принципов так высока, что они не выходят на открытые рынки, обращаясь в основном внутри глобальных корпораций или госструктур, финансирующих исследования. **Рынки новых технологических принципов носят внутренний для крупных субъектов мировой экономики характер** и контролируются ими не столько коммерчески, сколько наиболее жестко – организационно.

Эффективность создания этих принципов вызвана не только максимальной добавленной стоимостью (которая в общем случае, без учета дефицита и спекуляций, снижается от верхних к нижним «этажам» технологической пирамиды) и максимальным контролем за рынком сбыта (он зависит от степени уникальности товара – реальной или внедряемой в сознание потребителей – и также снижается от верхних «этажей» к нижним).

Их максимальную прибыльность обеспечивает формирование на их основе технических и поведенческих стандартов, дающих их создателю фантастическое конкурентное преимущество. Оно так велико и обеспечивает такие прибыли, что позволяет говорить о получении **ренты**, аналогичной горной, сельскохозяйственной, интеллектуальной и управленческой.

Наиболее эффективна разработка стандартов мышления (стереотипов) и поведения, а уже потом технологической деятельности. Поэтому для конкурентоспособности наиболее важны технологические принципы, связанные с формированием сознания и организацией управления.

Их воплощение в технологии ведет нас на второй этаж технологической пирамиды. Производители продуктов этой группы также контролируют их реализацию, хотя и слабее, чем на первом этаже. В отличие от новых технологических принципов, технологии поступают на рынки (все же не открытые, а дружеских или нейтральных стран – и после своего как минимум морального устаревания[234]). Кроме того,

234. Продажа технологий – не только признак партнерства, но и инструмент «привязывания» страны, получающей технологии, к ее поставщику.

их продажа обычно неполна и касается не собственности, но лишь права их использования и ограниченного тиражирования по лицензиям.

Третий, четвертый и последний, пятый уровни технологической пирамиды образуют производители товаров, использующие разработанные на втором уровне «ноу-хау». Эти уровни перетекают друг в друга по мере упрощения товаров: от уникальных потребительских, оборудования и услуг, поступающих на открытый рынок, но еще позволяющих производителю контролировать его, – к просто сложным однородным и, на последнем, пятом уровне, образующем фундамент пирамиды, – к однородным «биржевым» товарам.

Рынки последних (разумеется, кроме случаев их дефицитности или операций глобальных спекулянтов) контролируются потребителями. Ориентация на производство таких товаров страны (часть расходов которой, – на управление, оборону и социальную сферу – не поддается снижению вне зависимости от уровня ее доходов) служит фактором стратегического риска.

Правда, ограниченность объема добычи многих видов сырья, создающая возможность для картельных соглашений и извлечения природной ренты, обеспечивают часто более высокую эффективность, чем производителям однородных полуфабрикатов предыдущего этажа. Так, добыча нефти выгоднее производства полуфабрикатов, например, для автомобилестроения.

Кроме того, **использование более сложных технологий** (а современные технологии добычи нефти часто сложнее производства полуфабрикатов) **само по себе преобразовывает общество**, улучшает его управление **и повышает конкурентоспособность.** Поэтому ориентация на более простые технологии, даже более прибыльные, способствует проигрышу общества в глобальной конкуренции.

Распределение стран по этажам технологической пирамиды устойчиво. Каждая экономика привязана к одному из них господствующими технологиями. Поэтому технологическая пирамида, задавая «иерархию технологий», создает тем са-

мым **основу международного разделения труда** и основу международной иерархии экономического и политического влияния.

Каждая страна оказывается в своей «технологической нише», от которой зависит и ее значимость, и ключевые экономические партнеры. **Технологическая пирамида вместе с цивилизационной сетью создает матрицу, задающую геополитическую и геофинансовую структуры человечества**.

После уничтожения Советского Союза США стали единственной страной, обладающей достаточным для систематического и массового создания новых технологических принципов потенциалом. Именно это сделало их единственной сверхдержавой. Разработку новых технологических принципов ведет также Англия, но из-за ограниченности ресурсов ее успехи нерегулярны и касаются лишь отдельных направлений. Это «наиболее развитые» страны, в круг которых прорывается Китай.

Концентрация их ресурсов на наиболее эффективных видах бизнеса, связанных с созданием новых технологических принципов, превращает остальные виды деятельности в расточительную трату сил и средств, значимых лишь для борьбы с безработицей и поддержания социального здоровья.

Глобальная конкуренция выдавливала из американской экономики относительно неэффективный бизнес, расточающий ресурсы и приносящий упущенную прибыль. Лишь в середине 10-х общество ощутило социальную деградацию, вызванную утратой производств, и призвало Трампа с его протекционизмом. До того структурная перестройка выражалась не только в стагнации технологически простых отраслей, но и в отставании американских представителей второго и третьего «этажей» технологической пирамиды. *США уступили Японии по ряду компьютерных технологий, Европе и России – по качеству мобильной связи, Европе, Японии и Южной Корее – такого «национального американского продукта», как автомобили.*

Это отставание вызвано не невозможностью, но ненужностью повторения или превышения достигнутого результата.

Информатизированной экономике США не нужно производить лучшие в мире автомобили или компьютеры по тем же причинам, по которым их президенту не нужно лучше всех чинить канализацию. Это не их профессия: владея более эффективными способами обеспечения власти и дохода, при нужде они просто оплачивают специалистов.

На общественные отношения влияет не плод технологии – произведенное изделие, а сама технология: способ его изготовления. Даже самые сложные производства товаров качественно отстают от разработки новых технологических принципов, особенно в сфере общественных отношений (прежде всего, в информационно-финансовой и управленческой сфере, а в последнее десятилетие – в соцсетях, перерастающих в платформы).

По социально-политическим причинам, а также из-за инерционности общественных процессов США не могут избавиться от производящих упущенную прибыль производств низших «этажей» технологической пирамиды. Они вынуждены сохранять производства продукции с невозможной (как в сфере бытовых услуг) или чрезмерно дорогой транспортировкой, а также создающие необходимое для социального здоровья число рабочих мест (и, начиная с Трампа, даже наращивать масштабы последних протекционистскими методами). Но постепенность и неизбежная неполнота этой структурной перестройки не должны заслонять ее однозначности.

Уже здесь видно несовпадение технологического и традиционно-географического, странового разделения труда. На низких этажах технологической пирамиды путаница усугубляется: нет ни одной страны, находящейся только на втором или только на третьем этаже, так как разработка технологий неразделимо связана с производством сложнотехнических товаров.

Так же пятый, последний уровень технологической пирамиды – производство сырьевых товаров и продукции первого передела – технологически «склеен» с четвертым. Ведь большинство экспортеров сырья перерабатывает его часть для своих нужд, даже когда это коммерчески не выгодно (например, из-за более низких, чем мировые, внутренних цен на это сырье).

Каждый уровень технологической пирамиды служит фундаментом более высокого, обеспечивая его сырьем и полуфабрикатами (во все смыслах этого слова, включая интеллектуальное сырье – идеи и молодых специалистов), получая от них технологии производства и управления либо оборудование.

Переработку технологических принципов в «ноу-хау» осуществляют филиалы глобальных корпораций, расположенные в развитых странах (именно поэтому являющихся развитыми).

Удел остальных стран (кроме Китая, создающего по советским лекалам свою технологическую пирамиду) – восприятие и реализация технологий, в зависимости от которых они распределяются по третьему – пятому уровням. По мере устаревания каждая технология перепродается все менее развитым странам.

До начала глобализации и возникновения технологической отделенности развитых стран принадлежность к уровню технологической пирамиды не была постоянной[235]. Каждая страна могла не только «терять высоту», но и подниматься.

Глобализация сохранила возможности лишь деградации. Восхождение по уровням технологической пирамиды затруднено, а со второго уровня (специализация на создании новых технологий) – и вовсе заблокировано характером доминирующих технологий. *Поэтому примеры подъема стран по уровням технологической пирамиды, кроме Китая, относятся только к «доглобализационному» периоду. Наибо-*

235. Технологическая пирамида в ее современном виде сложилась в основном в ходе формирования двух макрорегионов по итогам Второй Мировой войны.

лее эффектный – Южная Корея, в кратчайшие сроки почти с самого низа технологической пирамиды поднявшаяся до ее предпоследнего, второго уровня.

Наиболее эффектное падение выпало на долю стран СССР, который, обладая, как и царская Россия, «многоукладным» хозяйством, освоил все уровни технологической пирамиды, включая высший – генерирование новых технологических принципов.

До уничтожения Советского Союза в мире было две «технологические пирамиды»: советская и западная, которые не могли интегрироваться из-за технологической несовместимости. Хотя последняя наблюдалась зачастую и на низком уровне (так, разные технологии производства стали делали невозможными применение ряда советских металлорежущих станков на Западе, а западных – в СССР), в основном она проявлялась на верхних, наиболее сложных и индивидуализированных уровнях технологической пирамиды.

С этой точки зрения борьба за влияние в «третьем мире», ставшая после создания ядерного оружия основной формой соперничества двух систем, была борьбой за ресурсный потенциал технологических пирамид. Включение развивающейся страны в орбиту влияния СССР или США «привязывало» ее к одной из этих пирамид и со временем, по мере развития (если оно имело место), делало ее невосприимчивой к «чужим» технологиям.

Уничтожение СССР убило его технологическую систему. Простые производства за счет дешевизны ресурсов и рабочей силы, а также доступа на внутренний рынок могли вписаться в западную технологическую пирамиду, ставшую глобальной. Сложные были в целом уничтожены (в том числе лишением сырья, ушедшего на экспорт) как потенциальные конкуренты[236].

236. В качестве исключения порой называют ВПК России. Он сохранил конкурентоспособность, развивается и демонстрирует возможности международной интеграции, в том числе и с западными технологиями. Но его сбыт ограничен, а сам он в условиях олигархической организации не имеет нужных ресурсов развития, за рядом исключений существуя «проеданием» советских наработок.

Поэтому наибольший урон от краха социалистической системы понесли наиболее развитые страны: ГДР и Болгария (промышленность которой в 70-е была больше Греции и Турции, вместе взятых), а в бывшем СССР – Армения и ряд областей России с концентрацией высокотехнологичных производств[237]*.*

Сегодня и бывшие относительно развитыми страны постсоциалистического пространства отброшены на четвертый-пятый уровни технологической пирамиды; России удалось по ряду направлений прорваться на третий уровень и в отдельных сферах сохранить присутствие на втором. Но отставание даже от развитых стран второго этажа, при сложившихся «правилах игры» необратимо.

Оно усугубляется тем, что сама глобальная технологическая пирамида растет, надстраиваясь новыми этажами. Так, «ноу-хау» стало самостоятельным товаром лишь во время научно-технической революции – уже во второй половине XX века. Создание же новых технологических принципов стало фактором рыночного влияния не ранее середины 70-х.

В 90-е и «нулевые» новые технологии, в первую очередь информационные, создали то самое «информационное общество», о котором говорили столько, что перестали воспринимать его всерьез. Реалии его повседневного функционирования, равно как и его конкурентный потенциал, в силу интеллектуального и технологического разрыва мало доступны восприятию находящихся за его пределами. *Так, в России до президентской кампании 1996 года не были представимы возможности технологий корректировки общественного сознания, а характер алгоритмического общества (см. раздел 4.5 введения и параграф 1.5) не сознается управляющими системами даже еще и в момент написания этой книги, в 2019 году.*

Важнейшее проявление качественного технологического рывка, создавшего информационное общество, – метатехно-

237. По данным МВФ, экономический спад в странах с переходной экономикой составил за 1990-1995 годы 34,5% – при том, что мировая экономика выросла за эти годы на 18.0%, а развитые экономики – на 15,0%.

логии (см. параграф 8.1.3). Формально они – еще один реализованный в виде технологий технологический принцип, но их специфичность и создаваемые ими рыночные преимущества уже формируют на их основе следующий – «нулевой» – этаж технологической пирамиды. Ведь, полностью исключая конкуренцию со своим владельцем, они обеспечивают ему абсолютную рыночную власть, в том числе и над создателями новых технологических принципов. *Метатехнологии социальной сферы – социальные платформы (см. раздел 4.5 введения): основа, суть и среда обитания алгоритмического общества.*

8.1.3. Метатехнологии: прозрачность странного мира

Есть в пограничной полосе
Неписаный закон:
Мы знаем все, мы знаем всех –
Кто я, кто ты, кто он.

Сергей Михалков

Метатехнологии – вершина современного технологического прогресса, новый этап не только технологической эволюции, но и развития самих рыночных отношений, диалектически доходящих в своем развитии до самоотрицания. Их признак прост: это технологии, само применение которых **делает для применяющего их невозможной конкуренцию с их разработчиком**. Такая «плата за допуск» к большей эффективности ранее в неполной форме встречалась лишь в дилерских, лицензионных и франчайзинговых системах.

Современные технологии все больше ставят пользователя в положение дилера или лицензиата. *Об этом свидетельствует и **превращение права интеллектуальной собственности в инструмент злоупотребления монопольным положением** владельцев технологий, в первую очередь информационных.*

Ограничение прав пользователя и сведение их к правам лицензиата отчасти объективно: информационные технологии отличаются неполной воспроизводимостью. Они несут неизгладимый отпечаток создавшей их культуры, что затрудняет их использование представителями иных культур и обеспечивает разработчику конкурентное преимущество, которое он лишь закрепляет правом интеллектуальной собственности.

Метатехнологии – логическое завершение этого процесса: за **доступ к большей эффективности субъект рынка отдает не только деньги, но и возможность контроля за своей деятельностью**, а также воздействия на нее. Механизм возникновения метатехнологий разумно рассмотреть на примере уже произошедших переходов обычных технологий в эту категорию.

Возможно, пример перерастания обычной технологии в метатехнологию – операционная система Windows: сначала его можно было использовать в любых целях, в том числе во вред разработчику. Но, по ряду не нашедших полного подтверждения сообщений, ее модификации по крайней мере с середины «нулевых» позволяют осуществлять внешнее управление подключенным к Интернету и использующим его компьютером.

Если это так, Windows превратился в метатехнологию. Попытка использовать его во вред разработчику может быть отслежена и предотвращена последним – от «случайного» заражения вирусом до противодействия в реальном пространстве.

Эти принципы часто используют грантодатели, настаивающие на выполнении оплачиваемых ими работ на компьютерах со специальными программами, обеспечивающими доступ грантодателя к информации без ведома пользователя.

Многие системы контроля головных организаций за дочерними или же внутри организаций за сотрудниками строятся на том же скрытом контроле за используемыми компьютерами.

Основные типы метатехнологий сегодня:

- **«Полицейские технологии»**, основанные на возможности прямого доступа к информации пользователя, например:
  - ❖ **Сетевой компьютер**, память которого рассредоточена в сети. Это экономит средства пользователя и обеспечивает доступ к информации с разных устройств, но дает владельцу серверов всю информацию. Продвигавшаяся У. Гейтсом в конце 90-х идея не осуществлена, но принцип реализован в облачных сервисах, бесплатной почте, бесплатном хранении информации, соцсетях.
  - ❖ **Современные технологии связи,** позволяющие обеспечивать тотальный сбор и анализ информации. *Спецслужбы США с конца 80-х используют систему «Эшелон» для перехвата всех телефонных сообщений сначала в Западной и Центральной Европе, а затем во всем мире. Скандал вокруг этой системы, созданной для обеспечения военно-политической безопасности, поддерживался случаями передачи собираемой ею конфиденциальной информации о намерениях европейских фирм их конкурентам из США.* События 11 сентября 2001 года показали неэффективность системы: переговоры террористов были записаны, но их не успели проанализировать.
- **Организационные технологии**, преобразующие культуру не только объекта, но и субъекта их воздействия, – от всех видов влияния на массовое сознание до построения оргструктур и стратегического планирования. Наиболее важны:
  - ❖ **Технологии организации управления**, в том числе организации деятельности корпорации (частный случай – вывода их на национальный, а затем на глобальный уровень). Ориентированные на культуру и систему ценностей разработчика (преимущественно США), они снижают конкуренто-

способность применяющих их корпораций других культур[238]. *(Распространение в обществе чужеродной культуры, не интегрирующейся с его, обычно подрывает его конкурентоспособность. Это позволяет говорить о* ***«культурной агрессии»****.)*

- Технологии **формирования массового сознания**: адаптация последнего к методам воздействия на него требует их постоянного обновления. Без получения обновленных технологий, создаваемых в основном в США, формируемое ими массовое сознание начнет выходить из-под контроля.
- Социальные платформы (см. раздел 4.5 введения).

Метатехнологии из-за своей наибольшей производительности приобретают господствующий характер. Стремительно распространившись во второй половине 90-х годов, они стали технологическим фундаментом информационного общества.

Метатехнологии – органичная часть информационных технологий. Их обычная направленность на трансформацию сознания людей и организаций позволяет сегодня рассматривать их как специфический и наиболее эффективный вид технологий *high-hume*.

Переход от создания «обычных» информационных технологий к *high-hume'*у и метатехнологиям, к их распространению и возникновению таким образом информационного общества наиболее концентрированно выразил тогдашний лидер этого процесса – У.Гейтс.

Еще в 1998 году он назвал главным фактором развития информационных технологий уже не их совершенствование, но применение имеющихся технических решений для обеспечения «информационной прозрачности» всех стран[239] [263]. Эта прозрачность должна была быть одно-

238. Аналогичное явление наблюдается при распространении всех стандартов, особенно в сфере общественной жизни.
239. Свидетельствуя об отказе от презумпции доминирования технологического прогресса, это служит признаком его замедления (см. параграф 15.2.1).

сторонней и давать конкурентные преимущества американским корпорациям и США.

Глобальные кампании последних лет – от борьбы с отмыванием грязных денег до противодействия международному терроризму и клеветы на Россию – приблизили к этой прозрачности весь мир. Демократия, как и остальные явления, достигая пределов своего развития, доходит до абсурда и обращается в свою противоположность (см. главу 5).

8.1.4. Горизонтальная и вертикальная конкуренция: за рынки и ресурсы

Здесь вам не равнины,
Здесь климат иной…
Владимир Высоцкий

Владение передовой технологией не гарантирует успеха в конкуренции. Несовершенство более простых технологий может компенсироваться большим масштабом деятельности, контролем за ресурсами и установлением за рынками сбыта не коммерческого или технологического, но административно-политического контроля.

Простые технологии могут одерживать коммерческую победу над сложными и даже уникальными и при большей (часто технологически обусловленной) среднеотраслевой рентабельности производства. Другой фактор (обычно отражаемый в рентабельности) – производство критически важных для функционирования общества товаров и услуг. *Добыча «однородной» нефти поэтому даже без ее дефицита гарантирует большую рыночную силу, чем производство самых уникальных джинсов.*

Возможно, прорывы на первом уровне технологической пирамиды, то есть появление новых технологических принципов (наиболее вероятные в биотехнологии и, в частности, генной инженерии) сделают совершившие эти прорывы корпорации влиятельнее владельцев метатехнологий. Но, ско-

рее, они приведут к формированию новых, неинформационных метатехнологий (как создание новых технологических принципов, связанных с управлением через соцсети, породило новый тип метатехнологий – социальные платформы).

Исключения лишь подчеркивают общее правило: **повышение уровня технологической пирамиды затрудняет конкуренцию производств, находящихся на более низком уровне, с производствами более высокого уровня.**

Важно отличие конкуренции между уровнями технологической пирамиды от конкуренции внутри одного уровня.

Конкуренция внутри одного уровня («горизонтальная») ведется за рынки сбыта, так как без наличия внеэкономических преимуществ производители одного уровня имеют примерно равный доступ к ресурсам производства. Чем выше уровень пирамиды, тем более организована и структурирована эта конкуренция, тем меньше она носит ценовой и тем больше – технологический характер.

Конкуренция же между уровнями технологической пирамиды («вертикальная») ведется за ресурсы – материальные, финансовые, интеллектуальные. Производители более простых товаров в общем случае не имеют перспективы, так как большая эффективность каждого более высокого уровня делает ее безнадежной для менее развитых участников.

Эта конкуренция ведется «на уничтожение» и постепенно становится наиболее значимой; под «глобальной» конкуренцией прежде всего подразумевают именно ее. *Россия столкнулась с ней сразу же после вскрытия ее экономики, когда обнаружилось, что способность производить лучшие в мире, например, военные самолеты не значит ничего без способности обеспечить для их производств ресурсы, утекающие в иные сферы.*

Выяснилось, например, что без усилий государства ***произвести из отличного металла просто хорошую машину невозможно: этот способ использования металла менее эффективен, чем используемый конкурирующими производствами – и, значит, металл достанется им.***

То же и с финансами[240]*, и с технологиями, и с рабочей силой (включая управленцев и интеллектуалов).*

Метатехнологии завершают технологическую пирамиду, по сути представляющую собой пирамиду конкуренции, просто потому, что завершают саму конкуренцию: их природа исключает возможность конкуренции с их разработчиком, которым сегодня являются США, а также теснящий их и здесь Китай.

Значение распространения информационных технологий не ограничивается возникновением их высшей формы – метатехнологий – и обеспечением интеллектуального, психологического и технологического лидерства США при помощи создания и поддержания «принудительной информационной открытости» перед ними остального мира, включая их потенциальных конкурентов.

Намного более фундаментально во многом вызванное завершением развития технологической пирамиды изменение соотношения сравнительного значения денег и технологий.

Распространение информационных технологий вообще и метатехнологий в частности **снижает значимость финансов. Бывшие источником и воплощением рыночного могущества, они превращаются в его следствие. Источником рыночной силы** все больше **становится интеллект, воплощенный в оргструктурах**, создающих метатехнологии и контролирующих их применение. Это естественным образом выражается в снижении значимости денег.

Деньги с изменчивостью и нестабильностью валютных курсов и процентных ставок, стабильности который грозят пирамиды государственных долгов, уступают место всеобщего эквивалента, синонима благосостояния и жизненного успеха, наиболее концентрированного выражения господства и влияния технологиям, которые становятся такой же универсальной ценностью, какой когда-то было золото, но более и при этом разнообразно производительны.

240. Ужесточение глобальной конкуренции за финансы выливается для слабых стран в усиление давления на них в целях либерализации валютного регулирования, облегчающего переток национальных капиталов в развитые страны.

Перефразируя М.Фридмана, можно утверждать: **с возникновением информационного общества деньги начинают терять значение**. Ведь собственность на информационные и особенно на метатехнологии неотчуждаема от их владельца – создавшего и поддерживающего их интеллекта. Эти технологии, как и способность к творческому труду, в отличие от труда рутинного (см. раздел 3 предисловия) нельзя не только продать, но и просто передать; передаче поддается лишь доступ к ним и право их использования.

Технологии передаются намного **хуже денег**; поэтому основанное на них господство прочнее основанного на деньгах.

Конечно, документацию и специалистов можно купить или украсть. Но широкое применение технологий, разработанных на более высоком уровне технологической пирамиды, требует более высокого уровня развития страны-реципиента: лучшего образования, лучшей системы управления, более рациональной структуры (не говоря уже о величине) внутреннего спроса. *Предвестие этого «технологического тупика» продемонстрировал СССР после июньского 1967 года пленума ЦК КПСС, на котором первый секретарь московского горкома КПСС Н.Г.Егорычев был отправлен в отставку за попытку приостановить административную атаку на гениального конструктора В.Н.Челомея, разработки которого, обеспечивая легкое и гарантированное уничтожение США, останавливали военное противостояние с ними – и делали ненужным накачку деньгами ВПК и армии (Егорычев предложил провести специальный пленум по военным вопросам, – мол, система ПВО Москвы недостаточна сильна; его отставка привела к уничтожению в 1967-1970 годах группы «комсомольцев» во власти – представителей послевоенного поколения, образованных патриотов, а не либералов).*

В целом в 1965-1967 годах были остановлены три принципиальные разработки, обеспечивавшие Советскому Союзу качественно новую технологическую базу, качественно превосходившую Запад: в случае их применения производительные силы догнали бы передовые производственные отношения,

пришли бы им в соответствие, и неустойчивый антикапитализм (как говорил Ленин в 1917 году, социализм отличается от капитализма лишь характером власти – см. пример 55) превратился бы в стоящий на своих собственных ногах и потому устойчивый посткапитализм.

Общегосударственная автоматизированная система управления (ОГАС) академика Глушкова, по оценке созданной при президенте США Джонсоне аналитической группы, обеспечила бы СССР недосягаемое лидерство уже к 1970 году, но была блокирована (см. пример 55) не столько усилиями США, сколько нежеланием партхозноменклатуры делиться властью с технократами, а также из страха политического руководства утратить возможность произвола, которую оно считало властью.

В начале 1967 года военно-промышленная комиссия признала, что созданные И.В.Филимоненко принципиально новые возможности в области холодного термоядерного синтеза и подавления радиации являются переворотом в энергетике и медицине. Однако они создали угрозу ненужности нефти и перспективам наращивания ее экспорта, в который уже включилась часть советской номенклатуры (см. параграф 16.1.2), а затем и крайне капиталоемким работам на установкам типа «Токомак»: исследования были прекращены, у И.В.Филимоненко изъяли всю техническую документацию.

Наконец, работы В.Н.Челомея своей эффективностью создали угрозу финансирования ВПК (все три описанные технологии были классическими «закрывающими» – см. параграф 15.4.2).

В 60-е Советский Союз опережал США по целому ряду направлений компьютерных разработок. Но в 1968 и 1973 годах на высшем уровне были приняты решения о прекращении масштабных самостоятельных разработок (из-за лоббизма разведки, желавшей повысить значение воровства технологий, а с ним и свое влияние, – см. пример 53, – а также из-за сильного уже тогда влияния Запада на перерождающуюся элиту). Похищая у Запада технологические новинки, СССР в целом не смог, несмотря на частные успехи, обеспечить

их масштабное и эффективное применение. В результате успехи технической разведки превратилась в цепь пирровых побед, способствующих деградации своей науки, паразитировавшей на ее добыче [321].

Деньги теряют значение и начинают существовать **внутри** технологических отношений – так же, как самостоятельная важность бриллиантов и других стратегических ресурсов отчасти сохранилась внутри денежных отношений, а золота – внутри капитала. Точно так же принципиальная значимость рынка труда сохранилась внутри рынка товаров, рынка товаров – внутри рынка капитала, рынка капитала – внутри рынка информации, а рынка информации, в свою очередь, – внутри **рынка ожиданий**, формируемого информационными технологиями, в первую очередь технологиями *high-hume*.

Эта «матрешка» из вложенных друг в друга рынков сохранилась и с появлением метатехнологий. Последние просто добавили глобальной конкуренции новое измерение. Лидер человечества – тот, кто работает на внешнем из образующих «матрешку» рынков и поставляет их участникам используемые ими технологии, пронизывающие и во многом определяющие все рыночное пространство. Сегодня эту роль все более играют метатехнологии.

В силу своего характера они склонны становиться «средой обитания» субъектов коммерческой деятельности, вытесняя и заменяя собой ее прежние правила и атрибуты. По мере укоренения они все больше превращаются во «вторую природу» (социальные платформы в общественной жизни – в «третью» – см. раздел 4.5 введения), образуя рамки и задавая нерыночные, не связанные прямо с экономикой условия развития как отдельной личности и коллектива, так и всего человечества. В этом качестве они будут замещать рыночные отношения и, главное, права собственности, выполняющие соответствующие функции с момента появления денег.

«Третья природа», образованная метатехнологиями (и в первую очередь социальными платформами), станет для информационного общества таким же внешним ограни-

чением и стимулом развития, каким для первобытнообщинного общества была «первая» природа, а для индустриального – «вторая».

В параграфе 1.3 это было показано на примере стимулирующего влияния компьютера на сознание, схожее с влиянием на человечество ледникового периода. Компьютер – воплощение логики – начал вытеснять человеческое сознание в сферу интуитивного творчества так же, как ледниковый период вытеснил его в сферу организации технологической эволюции.

8.2. Конец частной собственности

Выдающейся заслугой Обамы перед корпоративным миром в ходе обострения глобального кризиса 2007-2009 годов стал запрет на выплату топ-менеджерами себе в качестве бонусов за отличное управление корпорациями средств господдержки, ставшей необходимой для спасения этих корпораций из-за не только объективных кризисных обстоятельств, но и низкого качества управления этих же топ-менеджеров.

Вмешательство государства стало необходимым потому, что владельцы корпораций, то есть их акционеры, даже в кризисных условиях оказались не в силах защитить свои естественные интересы даже от открытой и ничем не обоснованной алчности даже заведомо недееспособных топ-менеджеров.

Все, что с ними оказалось возможным сделать, – это уволить их и заменить на точно таких же топ-менеджеров (которые, за редкими исключениями, являются стандартными продуктами современной системы бизнес-образования), только, скорее всего, еще хуже (будь он лучше, вряд ли оказался бы на рынке рабочей силы).

Акционер, даже представленный в совете директоров, несмотря на все стандарты корпоративного управления, может влиять лишь на некоторые решения в некоторых си-

туациях, – и детальное прописывание видов этих решений и ситуаций во все более громоздких документах не меняет положения.

Как со-собственник бизнеса, акционер должен иметь возможность управлять им, но лишен ее – причем не злым умыслом (преодолимым, как и всякий умысел), а объективным ходом развития, самой природой современной корпорации как колоссального и внутренне разнообразного управленческого организма, допускающего лишь коллективное управление собой.

Даже в выросшем до размеров корпорации личном или семейном бизнесе примеры успешного индивидуального управления им редки: делегирование ответственности топ-менеджерам технологически необходимо.

А такое делегирование ответственности, как показано еще Дж.К.Гэлбрейтом [20], означает в итоге утрату возможности управления со стороны собственников. *Этот процесс, развившийся к концу «нулевых» до масштабов, вынудивших государство защищать собственников от их же топ-менеджмента, был замечен Берли и Минсом еще по итогам спекулятивной эры Prosperity 20-х годов. Их классическая работа 1932 года «Современная корпорация и частная собственность» [3] впервые зафиксировала следующие фундаментальные изменения капитализма:*

1) *«параллельные процессы формирования суперэлиты и размывания собственности в крупнейших корпорациях [продолжались в 1940-е, 1950-е, 1960-е[241] гг.];*
2) *возрастание доли в акционерном капитале институтов, аккумулирующих деньги мелких и средних инвесторов, включая пенсионные..., профсоюзные фонды, страховые организации, фонды доверительного управления и т.п.;*
3) *постоянное увеличение разнообразия форм ...контроля над корпорациями, которые в... совокупности ведут к уменьшению процента акций, необходимых для контроля над корпорацией;*

241. Эти процессы продолжились и потом – вплоть до современности.

4) *...запутывание и распыление собственности корпораций [под влиянием антимонопольной политики государств – М.Д.];*
5) *...усиление контроля высшего топ-менеджмента над корпорациями... Авторы подвели статистическую и юридическую базу под высказанное еще К.Марксом предвидение об отделении капитала-собственности от капитала – управленческой функции в монополистических структурах... Топ-менеджеры становились... ключевыми людьми, определявшими решения, политику и эффективность в корпорациях» [277].*

Между тем частная собственность подразумевает неразделимое единство не только владения и присвоения, но и управления: утративший возможность управлять собственник перестает быть собственником в полном смысле этого слова.

И частная собственность, в рамках которой ее собственник уже не может ею управлять, перестает быть частной собственностью и в этом качестве исчезает, перерождаясь в нечто иное.

Исчезновение частной собственности, являющейся фундаментом рыночных отношений, соответствует исчерпанию возможностей их сохранения – см. параграф 9.2 и исчерпанности рыночной парадигмы как таковой – см. параграф 10.4)

Конечно, она остается в малом, среднем и даже крупном национальном бизнесе, – там, где масштаб и разнообразие операций позволяют собственнику сохранять за собой управление. Но на главном уровне глобального бизнеса частная собственность перерождается в новое качество и исчезает.

Это происходит не так, как казалось в позднем СССР. Основу капитализма уничтожают не марксистские партизаны и не возмущение доведенных до отчаяния масс, но сами капиталисты, а точнее – лучшая, наиболее эффективная

их часть[242]*. Но именно этому учит диалектика: сколь-нибудь стоящее, жизнеспособное, полнокровное явление погибает не под ударами противников, но лишь победив их в борьбе и полностью развившись, после полной реализации и раскрытия своего потенциала превращаясь в свою противоположность в результате исчерпания возможностей своего развития без изменения своей сущности.*

Разумеется, процесс перерождения и изживания себя, да еще такого фундаментального института, как частная собственность, без которой просто невозможно представить собственный мир, идет неравномерно, с рывками и откатами.

Принятый в 2010 году в качестве ответа на обострение глобального кризиса по инициативе администрации Обамы Закон о реформировании Уолл-стрит и защите потребителей Додда-Франка – серьезнейшее изменение финансового регулирования США после Великой депрессии – дал среди прочего право акционерам, владеющим более чем 5% акций в течение 5 лет, вносить свои кандидатуры в члены Совета директоров без согласования с топ-менеджментом. Затем Комиссия по ценным бумагам и биржам США в отдельных случаях дала это право акционерам с долей 3% и сроком владения более 3 лет.

Но этим воспользовались не физические лица – собственники, а институциональные инвесторы, прежде всего инвестиционные фонды. Как отмечают О.В.Храбрый и А.В.Денисов в классическом «Карточном доме», к 2014-2015 годам их доля в капиталах корпораций преодолела порог 3-5%. Вероятно, с этим качественным переходом связано то, что ФРС лишь в 2014 году утвердила комплекс мер по применению закона Додда-Франка в ключевой для США финансовой сфере. И в 2015 году произошла корпоративная революция: ак-

242. Как не вспомнить Ф.Д.Рузвельта, заявившего о необходимости ограничить произвол финансовых монополий, что он не боится коммунистов, так как уничтожить капитализм могут не они, а только сами капиталисты, если их алчность не сдерживается госрегулированием. Правда, речь шла о коммунистах Коминтерна, являвшихся частью глобального капиталистического проекта (см. параграф 5.5.4).

ционеры получили реальное право на выдвижение членов Совета директоров. «Количество предложений по голосованиям акционеров в 2015 г. по сравнению с 2014 г. выросло на 400%» [330] – более чем впятеро.

«Именно гигантским инвесткомпаниям доверена роль по исполнению реформы корпоративного управления, которая, как на это надеются бенефициары ФРС и государственные деятели США, позволит уменьшить риски волатильности и неуправляемого поведения рынка акций, что является условием выживания действующей в США социально-экономической системы», – предполагают О.В.Храбрый и А.В.Денисов. Но ценой этого становится еще большая монополизация американской экономики и, соответственно, снижение ее гибкости и адаптивности.

С одной стороны, стремление любой ценой не допустить падения фондового рынка не позволяет ему выполнять свою главную функцию – перераспределять капиталы между отраслями и корпорациями для обеспечения эффективного развития экономики. Тем самым смысл его существования сводится лишь к привлечению капиталов для финансирования США, однако механизм приспособления их экономики к новым потребностям развития и, соответственно, механизм поддержания их эффективности уничтожается.

С другой стороны, рост влияния инвестиционных фондов резко снижает конкуренцию между различными корпорациями, так как они получают общих и при том прямо влияющих на их управление владельцев. Так, еще в 2015 году было доказано, что крупнейшие авиакомпании США, имеющие общих акционеров в лице инвестиционных фондов, координировали распределение маршрутов и удорожание билетов ради повышения общего уровня своих доходов, действуя, по сути, как картель [2].

С точки же зрения укрепления института частной собственности как таковой данная победа акционеров в борьбе с топ-менеджментом корпораций не имеет существенного значения, так как акционерами являются крупнейшие институциональные инвесторы с глубоко распределенной, по сути

дела, коллективной собственностью. Частная собственность как институт укрепляется на уровне корпораций лишь для обеспечения большей экономической власти коллективной собственности, носителем которой выступают инвестиционные фонды. Переход корпораций в подчинение инвестиционным фондам переводит даже глобальные корпорации в категорию слабых, несамостоятельных участников бизнеса (к которым до того относился национальный бизнес в противостоянии глобальному) и частная собственность на них укрепляется лишь как институт их подчинения крепнущим хозяевам мира (см. пример 30) – инвестиционным фондам, в которых она продолжает отмирать.

Кстати, наиболее мощные субъекты мировой экономики – частные регуляторы национальных финансовых систем, сделавших их глобальными (Банк Англии – см. параграф 7.1.5 и Федеральная резервная система США – см. параграф 5.5.2) – сразу создавались как субъекты не частной, но коллективной собственности, совладельцы которых институционально лишались возможности самостоятельного влияния на управление.

Таким образом, попытки воссоздать частную собственность как институт обречены не только в силу своей частичности, противоречивости (призванные защищать интересы бизнеса, они объективно сдерживают его развитие) и слабости на фоне противостоящих им интересов. *(Эти черты –* ***частичность, противоречивость и слабость – надежный признак противоречия*** *тех или иных действий* ***объективной потребности общества****, удобный для оценки деятельности – особенно своей – в условиях, когда объективные процессы не осознаны).*

Гораздо более знаменательным (и поразительным!) является зияющее отсутствие самого субъекта частной собственности. Ведь акционеры крупных корпораций, как правило, не стремятся к реализации своего права на управление. Они желают быть не столько акционерами, сколько пенсионерами: хотят, чтобы бизнес рос в цене, приносил дивиденды и не требовал ни сил, ни времени для вникания в отвлекаю-

щие их от полноценной жизни (под которой обычно понимаются отдых и все более изощренное потребление) вопросы управления.

Подобно легендарным директорам 90-х, искренне считавших, что инвестор должен дать им денег и сделать так, чтобы они больше никогда про него не вспоминали, современные акционеры надеются никогда не вспоминать про объекты своего инвестирования, просто получая от них деньги.

И вот своим стремлением отказаться от управления ради потребления акционеры окончательно хоронят частную собственность, лишая смысла усилия самых заботливых государств. Ведь **право перестает существовать не тогда, когда его насильственно отняли: пока субъект права** помнит о нем и **стремится вернуть его себе** (или хотя бы мечтает об этом), **оно существует, пусть даже и потенциально**, пусть даже и в не реализованной возможности.

У Вас может быть отнято право на честные выборы и свободу слова, – но, пока Вы помните об этом праве и желаете вернуть его себе, оно существует, причем для обоих: как некая неясная перспектива для Вас и как вполне внятная и понятная угроза – для того, кто отнял у Вас это право.

Право исчезает, лишь когда от него оказывается сам его субъект, когда он без принуждения, исходя из своих интересов, признает его ненужность и обременительность для себя.

Именно это происходит сейчас с правом частной собственности, – причем на именно наиболее значимом для развития человечества глобальном уровне.

8.3. Имиджевая стоимость вместо трудовой: возможен ли эквивалентный обмен?

Незыблемый фундамент рыночных отношений – общая эквивалентность обмена. Под влиянием конъюнктуры она так или иначе нарушается почти в каждой конкретной сдел-

ке, но в масштабах всего рынка эти нарушения нейтрализуют друг друга, и в целом обмен остается эквивалентным.

Однако развитие и распространение информационных технологий, все более интенсивно и хаотично преобразующих наше сознание, ставит эквивалентность обмена под вопрос.

Прежде всего, мы видим многократный рост цены в силу формирования соответствующего имиджа. Цена одной и той же одежды, сшитой в одних и тех же китайских (а до того турецких) мастерских, начинает отличаться в десятки раз после наклеивания на ее часть крохотного лейбла, свидетельствующего о признании этой одежды своей тем или иным домом высокой моды.

Аналогичная ситуация наблюдается практически на всех рынках потребительских товаров и услуг, а также на все большей доле рынков товаров для производства.

В результате рыночный обмен становится все менее эквивалентным, порождая специфических потребителей, выискивающих товары соответствующих производств, не получившие заветной маркировки, и радостно приобретающих их за гроши.

Сторонники сохранения эквивалентности обмена даже в условиях появления «имиджевой стоимости» вполне справедливо обращают внимание на то, что имидж является специфической потребительской характеристикой, повышающей ценность вещи в глазах соответствующей группы покупателей. Приобретая такую вещь, лояльные торговой марке потребители приобретают также уверенность в ее высоком качестве и гордость (как за обладание ценностью, так и за правильность своего поведения), – и доплачивают за них вполне справедливо и эквивалентно (см. также пример 35: покупка сама по себе становится средством подтверждения индивидом факта своего существования самому себе, то есть приобретает качественно новую, экзистенциальную ценность).

С точки зрения создания стоимости «имиджевая стоимость» может рассматриваться как результат специфиче-

ской формы сложного труда, включающей в себя преобразование сознания значимой части потенциальных потребителей. Это преобразование вынуждает их платить значительные средства за не существующие или не существенные для всех остальных потребителей блага, – однако тем не менее для них обмен сохраняет свою эквивалентность. Проблема лишь в том, что для общества в целом, в отличие от этой специфической группы потребителей, обмен остается неэквивалентным.

С точки зрения капитализации бизнеса «имиджевая стоимость» продукции воплощается в так называемой «стоимости бренда». В ней, помимо реально существующей (и обычно создаваемой целенаправленными усилиями) лояльности потребителей, обычно скрывается позитивный для капитализации эффект от систематического злоупотребления соответствующей корпорацией своим монопольным положением (в том числе под прикрытием «прав интеллектуальной собственности», давно уже переродившихся в инструмент такого прикрытия из первоначального инструмента защиты прав творцов и стимулирования технологического прогресса).

Теоретически злоупотребление монопольным положением, обеспечивая неэквивалентный обмен в каждый момент существования монополии, ведет к ее загниванию и краху, после чего в силу падения цен обмен становится неэквивалентным в пользу потребителей. Таким образом, эквивалентность обмена обеспечивается не только лишь в масштабах всего рынка (а не отдельных его фрагментов), но и, после возникновения мощных монополий, лишь в течение длительного времени (а не лишь в отдельные моменты).

Однако формирование империализма еще в конце XIX – начале XX века придало долговременную устойчивость монополиям, – а с ними и неэквивалентному обмену (если, конечно, не считать их усилия по манипулированию рынками специфической формой сложного труда, который должен оплачиваться потребителем). Загнивание монополий и снижение эффективности производства с точки зрения обще-

ства очевидно, но экономическая и военно-политическая мощь монополий, превысившая мощь большинства государств, обеспечивает долговременную стабильность им и обеспечиваемому ими неэквивалентному обмену.

Возможно, важным дополнительным фактором сомнений в эквивалентности обмена служит «эффект частичности наблюдений»: из-за глобальности рынков их часть становятся ненаблюдаемой (так как должная статистика собирается лишь на национальном уровне, что делает ее заведомо частичной).

Другим фактором частичности наблюдений является интеграция рынков (в том числе из-за замещения продукции: вместо курицы можно купить свинину или рыбу, вместо картофеля – банан, вместо облигации – фьючерс или золото), традиционно рассматриваемых порознь.

В результате, анализируя лишь часть глобального рынка, мы обнаруживаем неэквивалентность обмена на нем, что может быть результатом лишь частичности нашего наблюдения, – как в физике, анализируя лишь часть системы, мы легко можем обнаружить нарушение закона сохранения энергии.

Тем не менее растущая на глазах неэквивалентность обмена вызывает все большие сомнения в сохранении рынка как такового: то, что скрывается за фасадом традиционных рыночных институтов, все больше начинает напоминать прямой и откровенный грабеж, характерный в лучшем случае для феодальных отношений.

8.4. Экономика ожиданий: ненужность прибыли

Информационные технологии, сделав главным объектом воздействия само человеческое сознание и существенно изменив мотивацию (как индивидуальную, так и групповую, –

см. параграф 6.5), не могли не преобразовать все виды человеческой деятельности, включая коммерческую.

Еще «экономика доткомов» (начавшая надувать свой пузырь в 1995 и рухнувшая в марте 2000 года) наглядно продемонстрировала возможность долговременного извлечения прибыли из убыточной в целом деятельности за счет возбуждения устойчивых ожиданий по ее поводу. Эти ожидания сначала привлекают инвесторов (включая готовых к высоким рискам «бизнес-ангелов» и некоммерческих инвесторов, стремящихся к изменению мира, а не к прибыли), а затем позволяют вывести проект на фондовый рынок и обеспечить длительное повышение котировок его ценных бумаг, создавая мощный спекулятивный эффект.

Данный эффект существенно усиливается из-за стремления акционеров информационной эпохи минимизировать свои энергозатраты и не вникать в специфику своих активов (см. параграф 8.2), а также из-за деградации образования, лишающей значительную часть даже обеспеченных и влиятельных людей способности осознавать заведомую нереализуемость или бессмысленность блестяще презентуемых им (в стиле Илона Маска) обещаний.

Возбуждение и поддержание ожиданий вне связи с реальностью стало в информатизированных обществах отдельным массовым видом деятельности, а в экономике ожиданий – отдельным и весьма прибыльным направлением такого специализированного бизнеса, как «связи с общественностью».

Это качественно увеличило срок возможной окупаемости даже высокорискованных проектов и повысило степень допустимых рисков (в частности, стала возможной реализация проектов с непонятным при начале инвестирования в них механизме их окупаемости). Это расширило возможности стимулирования технологического прогресса, разработки новых сфер деятельности и в целом сделало экономику более гибкой, а значит – и более жизнеспособной.

Так, Facebook стал прибыльным лишь во II квартале 2009 года; до этого, с момента своего создания в феврале

2004 года, получения первых инвестиций в середине 2004 года, открытия для всех пользователей в сентябре 2006 и продажи 1,6% акций Microsoft он оставался убыточным. При этом, насколько можно судить, критическую часть дохода соцсеть получает за счет продажи обобщенных профилей пользователей в маркетинговых целях, то есть от деятельности, которую на начальном этапе ее функционирования невозможно было не только предвидеть, но даже и вообразить (и, соответственно, на нее нельзя было рассчитывать) и которая возникла лишь как побочный продукт работы самой этой сети.

Разумеется, такое расширение возможностей стартапов расширило возможности и ошибок, и прямых мошенничеств, что качественно увеличило потенциальный ущерб от них.

В целом экономика стала менее стабильной и менее устойчивой: значительно выросли вероятности как неожиданных успехов, так и внезапных неудач (при этом вторые по вполне объективным причинам, включая деградацию образования, выросли больше).

Рост значимости ожиданий и снижение важности прибыли как фактора успеха и, в частности, капитализации носит качественный характер. Это еще одно проявление снижения значимости денег как инструмента управления обществом, неумолимо уступающих свою роль технологиям, в первую очередь социальным (ибо ключевая функция последних – производство и поддержание эмоций, ожиданий и впечатлений). Видимое в настоящее время завершение этой тенденции – формирование в сфере общественной жизни специфических метатехнологий в виде социальных платформ.

Разумеется, это не отменяет критерий прибыльности: любая рыночная деятельность в итоге должна давать прибыль. Но смягчение этого критерия кардинально: возбуждение позитивных ожиданий расширяет разнообразие и длительность убыточной деятельности, которая будет восприниматься как успешная.

Дополнительным фактором ее жизнеспособности (разумеется, при создании правильного образа – не бизнеса,

а стремления преобразить и улучшить мир) становится стремление помочь ей бесплатно со стороны волонтеров. Их бесплатный труд (или дотации, в том числе в форме покупок заведомо ненужной им продукции) поддерживает такую деятельность.

Существенным фактором снижения значимости прибыли (и, соответственно, ослабления рыночной мотивации, а значит – рынка и капитализма как таковых) является рост значимости некоммерческой деятельности как таковой, направляемой не прибылью, а некоммерческими ожиданиями. Помимо волонтерства и благотворительности, к ней относятся многообразные сети взаимопомощи. Их значимость усиливается ростом числа «лишних людей» (см. параграф 9.1), теряющих возможность заработка, но располагающих в силу этого свободным временем.

Снижение значимости прибыли представляется частным случаем общего снижения значимости не только рыночных, но и в целом материальных факторов, вызванного не только достижением развитыми обществами критически значимого уровня материальной обеспеченности (при котором большинство его активных членов гарантировано от материальной нужды), но и изменением мотивации и в целом потребностей людей под влиянием преобразующих сознание информационных технологий.

Пример 35

Покупка как акт подтверждения существования

Выдвинутая в 1637 году максима Рене Декарта «я мыслю, следовательно, я существую» на практике остается непосильной для большинства членов и современного информатизированного общества. Более того: даже идея пресловутого «потреблятства» [128] «я потребляю, следовательно, я существую» становится непосильной, так как требует чрезмерных для эмоционально истощенного повседневной жизнью (см. параграф 6.5) человека энергетических затрат.

Доступным для него методом подтверждения ему самому факта его собственного существования становится акт финансовой операции, в наиболее распространенной форме – покупки, как таковой (эта новая реальность была показана и художественно осмыслена В.Пелевиным еще в далеком 1999 году [240]). *Даже склонные к рефлексии и самоконтролю люди при наличии даже небольшого достатка регулярно обнаруживают, что совершают формально избыточные, а на деле символические покупки, исходно не предполагавшие полноценного потребления.*

Значимость потребительных свойств покупки, ее полезность и, соответственно, прибыльность в случае осуществляемой в этих же целях инвестиционной деятельности драматически снижаются или даже утрачивают значение. Таким образом, **операция с деньгами**, рыночная по самой своей сути, **в новых условиях начинает все чаще осуществляться для достижения принципиально новой,** некоммерческой, **нерыночной экзистенциальной цели.**

8.5. Деградация производства и революция роботов

Одна из важнейших тенденций современного развития – превращение производства как такового в относительно невыгодный вид деятельности. Основную прибыль приносит создание новых изделий и продвижение их на рынок, в идеале создаваемый для них, причем пример *iPhone* показывает, что дизайн и маркетинг значительно важнее базовых потребительских качеств товара[243] (определяемых закладываемыми в него технологиями). Само же производство, становясь все более однородным видом деятельности (см. параграф 8.1.1), утрачивает рыночную силу и приносит все меньшую относительную прибыль.

243. Почти всю свою историю *iPhone* проигрывал конкурентам по потребительским качествам (не говоря о критерии «цена/качество»), побеждая их оригинальным дизайном и чувством приобщенности к клубу избранных.

Так, Азиатский банк развития в 2010 году показал, что при розничной цене *iPhone* в США в 500 долл. оптовая цена ввоза в США составляла 178,96 долл. (данные за 2009 год). То есть валовая прибыль, которую делили между собой *Apple*, дистрибьюторы и правительство США, составляла 64,2% (в 2006 она составляла «лишь» 52% [43]). Стоимость, добавляемая Китаем (в основном сборкой), в 2009 году составляла 6,5 долл., то есть 1,3% розничной цены и 3,6% оптовой [74]. Основная часть оптовой цены – стоимость комплектующих из Японии (33.9%), Германии (16,8%), Южной Кореи (12,8%) и самих США (6,0%); на поставки из остальных стран приходится 26,8% [34]. Вклад производства США (мало известно, что в них, несмотря на деиндустриализацию, находится 35% крупнейших производств полупроводниковых компонентов мира [358]) выше, чем вклад Китая [60].

Освоив в начале 10-х годов производство экранов для смартфонов и планшетов, Китай резко повысил долю добавляемой им стоимости, но соотношение стоимости, добавляемой производством изделия и торговлей им, не изменилась.

Такая картина характерна не только для высокотехнологичной продукции. За футболку, проданную в Германии за 4.95 евро, производитель в Бангладеш получает 1,35 евро – 27,3% розничной цены, причем ему достается 0,95 евро (19,2% цены): 40 евроцентов – это цена хлопка из США. 6 евроцентов (1,2%) стоит транспорт, и 3,54 евро (71,5%) стоимости добавляется в стране продажи – Германии: 2,05 евро (41,4%) идет перевозчикам, оптовикам, розничным торговцам и рекламодателям (часть их через налоги идет государству), торговая сеть получает в виде прибыли 60 центов (12,1% розничной цены), государство – 79 центов через НДС, другие расходы составляют 16 центов [60].

Таким образом, основная часть добавленной стоимости создается маркетингом, дизайном и созданием новых технологий; доля производства невелика и снижается.

А постоянно меньшая рентабельность производства означает, что оно постоянно проигрывает более успешным сферам конкуренцию за все виды ресурсов – технологии

управления и производства, финансы, кадры. Это обрекает его на более медленное развитие, а затем и стагнацию, что может через некоторое время привести к неспособности производить спроектированные и в принципе технологически доступные изделия уже не в отдельных странах[244], а в глобальном масштабе.

Относительная деградация производства создает прямую и явную угрозу всему человечеству: увлеченное созданием новых технологий и маркетингом их плодов, оно может утратить способность массово производить многие товары и услуги, непосредственно обеспечивающие его существование. *Непосредственно эта угроза проявляется в нехватке инженеров даже на родине этой профессии – в Германии. Понятно, что пугающие воображение сферы вроде атомной энергетики будут обеспечены всегда именно из-за очевидности угрозы; реальную опасность представляет деградация вытесняемых общественным сознанием непрестижных и не поддающихся рекламированию сфер жизнеобеспечения вроде канализации.*

Стихийным ответом человечества на эту угрозу стала широкая роботизация производства, получившая название «промышленной революции 4.0» [336] и позволившая продолжить снижение доли добавляемой им стоимости, несмотря на рост стоимости рабочей силы, без технологической деградации этого производства. Она форсировала разделение современного общества на «держателей ресурсов (холдеров)», салариат и прекариат (см. раздел 4.4.5 введения и параграф 6.4) и болезненную трансформацию современного человечества, впервые в глобальном масштабе поставив в текущую повестку дня проблему «лишних людей», но не устранила, – да и не могла устранить, – корень проблемы:

---

244. Разумеется, фантазии инженеров всегда опережают возможности производствано по завершении холодной войны деградация производства, доходящая до утраты способности производить старые изделия (например, «космические челноки»), наблюдалась не только на руинах в одностороннем порядке вышедшего из противостояния СССР, но и в оказавшихся победителями США, – при том, что соответствующие производства из них в другие страны не переводились.

снижение способности производства к развитию в силу сокращения доли достающихся ему ресурсов.

Даже гибкие роботизированные производства, собираемые из универсальных модулей под конкретные задачи, лишь отодвигают момент кризисного обострения этой проблемы, которая, как и остальные, рассматриваемые в данной главе, не имеет удовлетворительного решения в рамках рынка.

Технологии формирования сознания вынуждают человека стремиться к новизне, в силу чего основная часть прибыли будет доставаться маркетингу, дизайну и новым технологиям. Лишаемое все большей доли ресурсов производство будет хиреть, и самое масштабное снижение себестоимости лишь замедлит этот процесс, грозящий разрушением самой основы производительной деятельности человечества.

8.6. Конкуренция на уничтожение

Предельно обострив конкуренцию упрощением коммуникаций, формирование глобальных рынков превратило ее из инструмента стимулирования развития в инструмент беспощадного уничтожения ее слабых участников (см. параграф 14.1.3).

Мобильность ключевых ресурсов нового, не индустриального, а информационного производства – интеллекта и финансов – сделало ненужными усилия по развитию коммерчески осваиваемых территорий и существующих на них обществ (см. параграф 11.2).

Усложнение технологий сделало фактически невозможной их передачу, а глобальные монополии своей рыночной и политической властью блокируют трансферт технологий там, где он возможен, и в целом их свободное развитие.

Под влиянием новых технологий отдельно взятые общества стремительно расслаиваются на ничтожное меньшинство, обладающее колоссальными ресурсами и властью,

узким кругом обслуживающих их специалистов и абсолютное большинство бесправных людей, не имеющих значения для существования социума и надежно удерживаемых в подчинении, в том числе технологиями формирования сознания (см. раздел 4.4.5 введения и параграф 6.4).

Таким образом, использование общественных по своей природе информационных технологий в частных интересах, неизбежное в условиях рыночных отношений (и, в частности, капитализма и его нынешней стадии – финансового империализма[245]), создает глубочайшие и острейшие противоречия, раздирающие изнутри современное человечество и каждое из современных обществ.

Конкуренция начинает вестись на уничтожение непрерывно увеличиваемого большинства слабых, то есть для человечества в целом – на самоуничтожение (см. параграф 9.1).

Попытка спастись, предпринимаемая хозяевами возникающего мира (ибо они, являясь олицетворением капитала, остаются вместе с тем и нормальными людьми, страшащимися массовых жертв, общей деградации и тотальной дегуманизации) в рамках единственной среды его обитания – рыночной экономики, – неминуемо заключается в ограничении конкуренции, а затем и в полном отказе от нее как от главной разрушительной силы. Эта попытка тем более естественна, что соответствует объективной тенденции формирования глобальных монополий (см. пример 30), создания и становления глобального управляющего класса (см. параграф 7.2).

Однако она обречена на провал, ибо конкуренция – ключевая движущая сила любого общества, в том числе и рыночного, и ее ослабление неизбежно тормозит развитие, способствует загниванию и деградации. Поэтому, подавляя конкуренцию ради спасения одновременно человечества и рыночных отношений, современные апологеты последних не способны спасти ни то, ни другое: даже сейчас ограни-

245. Он же «сверхимпериализм» (в оригинале «суперимпериализм»: еще один пример перевода лучше оригинала) Майкла Хадсона [31].

чение конкуренции лишь ускоряет деградацию, пусть и несколько иным способом, – не говоря о том, что оно непосредственно разрушает, а то и прямо отменяет рыночные отношения, уничтожая среду обитания капитала (см. подробней об этом в параграфе 9.2).

Таким образом, рыночные отношения обречены, – но их стихийное отмирание при сохранении прежних норм и «правил игры», в том числе превратившейся в инструмент самоуничтожения конкуренции, означает утрату достигнутого уровня культуры и расчеловечивание. Категорическим условием выживания человечества становится сознательное преодоление рыночных отношений, основанное на замене мотива прибыли как главного мотива общественной жизни иными мотивами, не ведущими к саморазрушению в условиях доминирования информационных технологий и, в частности, технологий формирования сознания.

Глава 9. КРИЗИС СВЕРХПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ: ЛИШНИЕ ЛЮДИ

9.1. Доминирование глобального бизнеса над государствами: беспочвенность гуманизма

Прелесть индустриальных технологий заключалась в их низкой эффективности, в силу которых практически каждый человек был потенциальным источником прибыли – сначала как часть производительных сил, а затем как потребитель[246].

Для нормального развития его надо было отловить, обуздать, обучить, поставить к станку и добиться его удовлетворенности своим положением (вкладом русской цивилизации в формирование индустриального общества стала демон-

246. Как тут не вспомнить принцип Форда, допустившего рабочих к участию в прибылях еще в январе 1914 года: рабочий должен иметь возможность купить автомобиль, который он делает, за год работы (пусть и в рассрочку). На деле это формула неосознанного социализма (в виде госкапитализма, служащего всему обществу, а не только буржуазии), ибо организатор производства делится прибылью с рабочими ради поддержания спроса и общего развития общества.
Для капитализма это преувеличение, но оно полезно как максима кейнсианства, предельно выпукло показывающая неразрывную связь производства и потребления без учета финансовых спекуляций (недаром Форд как производитель был ярым противником финансового капитала, – вплоть до антисемитизма и поддержки фашистов, причем до такой степени, что Гитлер назвал его «своим вдохновителем» и держал его портрет в кабинете). С другой стороны, эта максима раскрывает ограниченность традиционных производства и потребления как таковых, объективная необходимость преодоления которой и обуславливает возникновение финансового капитала и его могущество.

страция последствий недовольства рабочего, вынудившая развитые страны временно создать «государство всеобщего благосостояния»).

В этом же заключалась экономическая причина гуманизма: раз человек является потенциальным источником прибыли, его порча (от убийства до недостаточно полного личностного развития) становится бесхозяйственностью, актом уничтожения будущей прибыли и недопустима именно в этом качестве.

Информационные технологии принципиально изменили ситуацию своей сверхпроизводительностью (достигаемой в том числе информационно-компьютерной «обвязкой» обычного индустриального оборудования). Для производства материальных и нематериальных благ, которые способно потребить человечество (а потребление – и даже просто акт приобретения, описанный в примере 35 – требует затрат сил и времени и потому не безгранично), стало нужно значительно меньшее и при том все уменьшающееся число работников. Это создало значительный, постоянный и при этом растущий слой «не вписавшихся в рынок»[247] людей, на глазах становящихся лишними – в прямом смысле этого слова и без кавычек, привычных по изучению творчества Пушкина и Лермонтова (не говоря о произведениях введшего этот термин Тургенева).

Появление лишних людей неизбежно при смене технологического базиса. Его последствия выражают формулы Томаса Мора, отражавшая английскую реальность XVI века, – «овцы съели людей» (см. параграф 7.1.2), и процитированная Марксом британского генерал-губернатора Индии лорда Бентинка в докладе 1834 года – «равнины Индии белеют костями ткачей». Но лишние люди при смене господствующих технологий впервые возникли в условиях глобального рынка, то есть почти во всех странах (и во всех развитых), а главное – при доминировании глобальных монополий над государством, не позволяющем надеяться на быстрое

247. Авторство формулировки приписывается то Гайдару, то Чубайсу. Она предельно точно выражает идеологию либеральных фундаменталистов.

исправление (в том числе и стихийной силой рынка) этого феномена.

Пока государства были в целом сильнее действующего на их территории бизнеса, мотивом социально-экономической политики были интересы общества (разумеется, свой вклад вносил и страх Запада перед коммунистической идеологией) и, в частности, обеспечение его стабильности. Поэтому и социалистические, и капиталистические государства в целом сдерживали технологический прогресс ради ограничения безработицы, поддержания нормальной социальной структуры общества и в целом социального здоровья.

Пример 36

Торможение прогресса ради занятости

Классический пример снижения экономической эффективности ради поддержания социальной стабильности – Подмосковный буроугольный бассейн (Мосбасс), часть которого Хрущев пытался закрыть в силу очевидной убыточности. Результатом стал резкий рост преступности, включая забытую с послевоенных времен организованную, что вынудило восстановить производство ради обеспечения занятости (несмотря на близость к Москве с ее возможностями работы) и в дальнейшем снижать производство медленно, сочетая его с созданием новых рабочих мест для высвобождающихся работников.

В странах Западной Европы развитая система социальной защиты и политическая мощь профсоюзов крайне затрудняла увольнение работников и закрытие предприятий, эффективно сдерживая «созидательное разрушение» по Шумпетеру, необходимое для технологического прогресса.

О сдерживании технологий на Западе свидетельствует то, что прообраз Интернета в виде индивидуальных видеотерминалов домовладельцев, объединенных в единую сеть *Telenet* (иногда называемую *Minitel* по наименованию абонентских видеотерминалов), был разработан во Франции еще в конце 70-х и запущен в 1982 году. Число доступных пользователям страниц в системе дости-

гало 25 тыс.; среди сервисов – расписание транспорта и покупка билетов, биржевые сводки, спортивные соревнования, электронная почта, результаты экзаменов, рекрутинг, проститутки.

К началу «нулевых» аудитория составляла 40% населения Франции (25 млн. абонентов, 9 млн. терминалов). В 2001 году выручка системы составила эквивалент 614 млн.долл., – правда, из них 391 млн. она заплатила компаниям-провайдерам разнообразных сервисов. Так, *France Telecom* еще в 2002 году получала от услуг *Minitel* большую выручку, чем от предоставления доступа в Интернет. При этом система, в отличие от компьютеров, загружалась мгновенно и работала быстрее – так, покупка билета на поезд занимала на *Minitel* 3,5 минуты против 4,5 минут через сайт.

Хотя динамика выручки и трафика системы стала снижаться под воздействием конкуренции с Интернетом уже с 1996 года, еще в 2011 году в системе работало 670 тыс. терминалов и почти 1,9 тыс. коммерческих служб. Закрыта она была 30 июня 2012 года.

Однако, несмотря на самоочевидность и удобство идеи, которая создала целую новую отрасль, она не перешагнула границ Франции, – и не только потому, что другие государства той же Западной Европы обладали меньшими регулятивными возможностями, но и в силу их меньшей политической силы по отношению к «группам давления». Ведь система повышала эффективность общества и тем самым снижала численность занятых (за счет многочисленных посредников, вытесняемых ею), что не могло не вызывать сопротивление профсоюзов, малого и среднего бизнеса.

Ситуация кардинально изменилась после трансформации (в результате уничтожения Советского Союза и начала глобализации) ТНК в глобальный бизнес и складывания политического представителя последнего – глобального управляющего класса (см. параграф 7.2). Его мощь превысила возможности большинства государств и подчинила их политику его интересам и системе ценностей.

Поскольку бизнес по своей природе – инструмент извлечения прибыли из окружающего мира, а пресловутая «социальная ответственность» служит лишь вынужденным компромиссом с чуждыми ему в принципе интересами общества, возобладавший над государствами глобальный бизнес не интересуется сохранением социальной стабильности, стимулируя технологический прогресс без оглядки на его общественные последствия.

Глобальный бизнес, оставаясь по своей природе частным, применяет свойственные бизнесу частные критерии и стимулы к контролируемым им обществам, тем самым разрушая их. Так, действуя в логике экономики фирмы (и игнорируя то, что по своим масштабам она превзошла экономику многих обществ) и ориентируясь на свойственные ей критерии эффективности, глобальный бизнес подавляет логику экономики обществ и уничтожает даже сами критерии общественной эффективности в силу их несоответствия его частным подходам. Ведь с точки зрения эффективности фирмы затраты, обеспечивающие эффективность общества в целом, бессмысленны и являются верхом бесхозяйственности.

В тех редких случаях, когда глобальный бизнес сознает наличие негативных последствий стимулируемого им для своих прибылей технологического прогресса, он по старой памяти исходит из того что компенсировать негативную часть этих последствий должны государства, – тактично не вспоминая о своем контроле за ними, не позволяющем им поддерживать достигнутый ранее уровень социального развития и даже стабильности (так как это требует ограничения свободы наживы бизнеса, в том числе и глобального).

В результате проблема лишних людей, в силу объективных обстоятельств потребляющих больше, чем теоретически способны произвести, встала в глобальную повестку дня и начала решаться сокращением их потребления.

Разрыв между производимым и потребляемым является наибольшим не у африканцев, живущих на полтора доллара в день и умирающих от болезней, которые человечество научилось гарантированно излечивать более века назад,

а у представителей среднего класса развитых обществ Запада. Поэтому главной стратегической задачей глобального бизнеса, самой природой рыночных отношений обреченного стремиться к балансированию спроса и потребления, стало сокращение именно их потребления (о внутренней травматичности этой задачи для исполнителей см. параграф 7.4), – что означает уничтожение не только «золотого миллиарда» (от которого к 2018 году осталось уже не более половины), но и всей западной цивилизации в привычном для нее и остального человечества виде.

Принципиально важно, что решение задачи утилизации лишних людей, поставленная перед глобальным бизнесом информационными технологиями, требует уничтожения человечества как такового (в отличие от задач уничтожения народов или классов, решаемых в ходе геноцидов прошлого).

Ведь число лишних людей ограничено лишь в каждый отдельно взятый момент времени. В динамике оно только растет, так как социальная утилизация лишних сегодня людей (о ее способах см. параграф 10.1) снижает общий объем спроса и делает лишним производство (вместе с занятыми им), ориентировавшееся на спрос этих утилизированных людей. Обеспечивая равновесие производимым и потребляемым отдельными людьми, социальная утилизация избыточно потребляющих в силу объективно неравновесного состояния человечества (как и любой развивающейся системы) ведет к постоянному воспроизводству разрыва между спросом и потреблением на уровне общества (сегодня – на глобальном уровне). Ведь сокращение потребления личности, превышающего производимое ею, лишает спроса еще имеющееся производство и способствует его сокращению, что, в свою очередь, ведет к появлению новых лишних людей, потребление которых вновь надо редуцировать.

Средний класс, пусть даже мало- или вовсе непроизводительный, генерирует ключевую часть спроса развитых обществ, необходимую их экономикам. Его обеднение резко сократит спрос, что сделает ненужными многие производства и столкнет не только развитые страны, но и весь мир

в **депрессионный штопор** наподобие рубежа 20-х и 30-х годов XX века.

Чтобы избежать его, государствам придется либо искусственно поддерживать спрос, что в рыночных отношениях описывается кейнсианством и возможно лишь ограниченное время, либо поддерживать производства без учета сжимающегося денежного спроса, что несовместимо с рыночной парадигмой.

Таким образом, надежное избежание депрессионного штопора потребует отказа от рыночной парадигмы, от ориентации на прибыль как главную цель развития человечества. Этот переход представляется неизбежным и, если он не будет осуществлен сознательно, он произойдет стихийно, через социальную катастрофу, связанную с утилизацией среднего класса, и вынужденную реакцию управляющих систем на ее последствия.

Парадоксальное сочетание наличия масс лишних людей, подлежащих социальной (а иногда и физической) утилизации из-за того, что потребляемое ими превышает производимое ими, с кризисом перепроизводства (см. параграф 15.2.1), вызванной отчаянной нехваткой спроса (см. параграф 15.2.2), выражает глубокий кризис рыночных отношений как таковых.

Породив в процессе своего развития отрицающий их глобальный монополизм, они исчерпали свой потенциал и, вырождаясь в свою противоположность (см. параграф 9.2), утрачивают способность выполнять свою функцию регулятора и стимулятора общественного развития. Стимулируя технологический прогресс, они создали условия, несовместимые с сохранением их самих; порождаемые ими стимулы и нормы ведут цепляющееся за них (в неведении других методов саморегулирования и неспособности их создать) общество к самоуничтожению.

Непосредственная причина этого парадоксального кризиса – драматическое несовпадение характера собственности и технологий. Частное применение общественных по своей природе информационных технологий ведет к тому,

что частный по своей природе бизнес применяет свои объективно локальные, частичные мотивации, сформировавшиеся в жестких задаваемых государствами локальных рамках, в глобальном масштабе – без каких бы то ни было ограничений вообще.

Следствием этого является, среди прочего, повсеместная подмена цели средством, которое обожествляется (будь то рынок или западная формальная демократия) и, что неизбежно при такой подмене, обращается в свою противоположность.

В силу подчинения обществ интересам бизнеса (ставшего глобальным и потому доминирующим) социальная стабильность и прогресс приносятся в жертву сиюминутной прибыли, что ведет к комплексной деградации человечества.

В частности, феномен лишних людей делает гуманизм беспочвенным: если рыночные отношения требуют социальной утилизации лишних людей, создавая ими объективная потребность заключается, наоборот, в предельной дегуманизации (что мы и видим в многочисленных примерах поведения представителей западной элиты – от всемерной поддержки разнообразных извращений на личностном уровне до возведения терроризма в ранг основного стратегического принципа не только отдельных государств, но и объединяющих их глобальных структур вроде НАТО).

Важно, что дегуманизация общественной жизни подразумевает необходимость глубочайших изменений не только на глобальном или групповом, но и на физиологическом уровне.

Дело в том, что «нравственно-этические инструменты поведения стали нарабатываться не в «конце истории» («гуманизм» как результат развития социальных отношений), а в самом ее начале – как фактор видового выживания. Цитоархитектоника головного мозга человека – неокортекс и другие его сложнейшие отделы (особенно фронтальные отделы коры) – стали формироваться для удовлетворения нравственных потребностей как доминирующего инструмента группового поведения. «Эти области возникли и сформировались у приматов не..., чтобы думать, а... чтобы ...делиться пищей... Животные не могут делиться пищей.

Это преимущество получено человеком в результате колоссальных эволюционных усилий и невиданных затрат, которых не знала история эволюции. Наши лобные области – это тормозные центры, чтобы делиться пищей в неродственной популяции... В результате сложного искусственного отбора... возникла огромная лобная область, которая оказалась потом пригодной не просто для торможения, но и для мышления» [266]. Показателен факт, выявленный П.К.Анохиным и Н.Н.Бурденко при реабилитации раненых...: при поражении фронтальной коры головного мозга происходит утрата эмпатии. Если ...боец и был способен вернуться в строй физически, то морально он был непригоден – ... «терял способность к милосердию, состраданию и сочувствию: становился жестоким и **утрачивал способности к коллективному взаимодействию**» *(выделено мной – М.Д.)* [274, 291].

Возможно, информационно-компьютерные и биологические, в том числе генетические технологии, на которые уповает трансгуманизм, представляют необходимый для проведения данного расчеловечивания инструментарий, а формирование коллективного сознания позволит поддерживать и развивать общественные структуры, состоящие из лишенных гуманизма индивидов, – по примеру насекомых. Впрочем, эти структуры не будут устойчивыми: рыночные отношения, как было показано выше, будут требовать от них функционирования в режиме самоуничтожения, самопожирания, – а преодоление рыночных отношений (или утрата информационных технологий) сделает ненужной дегуманизацию.

9.2. Отмирание рынка и рыночной мотивации

9.2.1. Исчерпание спроса

Социальная утилизация лишних людей, описанная в предыдущем параграфе, ведет к сокращению совокупного спроса и к свертыванию экономической активности.

Этот процесс усугубляется естественным загниванием монополий. С формированием после краха СССР глобального рынка на нем сложились глобальные монополии, которые быстро начали загнивать. Внешнее проявление этого – усиливающаяся нехватка спроса или, с другой стороны, перепроизводство (монополии наращивают производство и сокращают издержки, которые в масштабах рынка и являются спросом).

Еще в 60-е годы эта тенденция обозначилась на объединенном рынке Запада, – и тогда временный выход был найден в стимулировании спроса при помощи качественного изменения механизма его возникновения. Усилия государственной пропаганды времен госкапитализма 30-40 годов (вызванного распространением конвейера и реакцией на Великую депрессию) к тому времени показали пластичность человеческого сознания; ее достижения были перенесены в коммерческую сферу и показали, что расширение спроса при помощи рекламы, формирующей у человека новые потребности и потребительские стандарты, неизмеримо более эффективно (более быстро и дешево), чем расширение спроса путем создания новых товаров.

Результатом стал разворот магистрального направления технологического прогресса от преобразования окружающего мира к изменению человеческого сознания, впервые показанный и проанализированный А.И.Фурсовым [318]. Полеты в космос, хотя и поразили воображение человечества, не создали новых рынков и потому стали периферией развития, перешедшего из материального мира в виртуальный, но создающий новые рынки мир развлечений (и сами полеты в космос стали на раннем своем этапе грандиозным всеобщим развлечением, парадоксально показавшим новый, отрицающий их путь развития технологий), коммуникаций, а затем и прямой переделки человека (см. параграф 16.1.1).

Так загнивание глобальных монополий изменило вектор развития человечества (см. раздел 4.2 введения).

Реакция на это фундаментальное изменение – пусть не самих производительных сил и даже еще не их динамики,

но направления, вектора их развития, – оказалась почти мгновенной: уже в 1974 году по заказу Трехсторонней комиссии был подготовлен (и через год опубликован) доклад М.Крозье, С.Хантингтона и Дз.Ватануки «Кризис демократии» (с предисловием тогдашнего директора Трехсторонней комиссии Бжезинского) [16] – манифест предстоящей неолиберальной контрреволюции (см. пример 23, параграф 16.1.3). Он убедительно показал необходимость для сохранения рыночного характера развития решительного ограничения демократии [188] западных обществ (ставшего возможным именно с началом виртуализации развития, его переориентации с трансформации окружающего мира на трансформацию сознания человека), – что и было сделано (о трансформации демократии в целом см. глава 5).

Тем не менее и расширение спроса, основанное на изменении человеческого сознания, также оказалось не безграничным: оно уперлось в естественные психоэнергетические (см. пример 35) и, главное, экономические (см. параграф 9.1) барьеры.

Нехватка спроса ведет прежде всего к отчаянной борьбе за него, которая приобретает характер возрождения протекционизма, – разумеется под сурдинку ритуальных заклинаний о его недопустимости. *Отношение официальных лиц к напоминает отношение святош к добрачному сексу: кликушеское осуждение напоказ обычно сочетается с предельно интенсивным и не афишируемым использованием в собственных целях.*

Между завершением обострения глобального кризиса 2007-2009 годов и организованным США в 2014 нацистским переворотом на Украине из всех стран *G20* лишь Россия, присоединившаяся в 2012 к ВТО на заведомо кабальных, колониальных условиях, не усилила протекционистскую защиту. *Но, если «вся рота идет не в ногу, а в ногу идет один лишь господин поручик», еще и не понимающий слов, его приводят к общему порядку действиями, каковыми для России стали санкции Запада.*

Трамп своими торговыми войнами лишь обнажил, возглавил и усилил объективную тенденцию, возникшую до него даже в собственно американской политике (см. параграф 16.7.1).

Таким образом, нехватка спроса разрушает глобальный рынок, усилением протекционизма разламывая его на макрорегионы. Но главное ее следствие – истощение мотора, движущего рыночные отношения, и невозможность их дальнейшего продолжения. Ведь без спроса рынок исчезает, превращаясь в распределительную систему (каким бы интенсивным ни было пропагандистское воздействие, оберегающее сознание от восприятия этого очевидного факта).

И поддержка гуманитарной помощью огромных масс лишенных возможности прокормить себя беженцев, и социальная поддержка растущего деклассированного слоя Запада, и искусственное удержание жителей фешенебельных стран в состоянии неоперившейся молодежи до 45 лет, и дискуссии о безусловном доходе [138], являясь, с одной стороны, иллюстрацией невозможности производительного использования в условиях рынка все возрастающих масс людей (см. параграф 9.1), с другой стороны, свидетельствует о вынужденном расширении системы нерыночного распределения.

Пока рыночные отношения остаются господствующими, существующие распределительные системы – именно в силу своей чужеродности для них – могут рухнуть под собственной тяжестью, уничтожив сотни миллионов людей, зависимых от них и утративших способность к самостоятельному выживанию.

Изживание рынков самого себя наглядно проявляется и в том, что практически все принципиально значимые стратегические решения третьего тысячелетия принимаются даже не на внерыночной, а на прямо и последовательно антирыночной основе. *Рассмотрим в качестве иллюстраций три наиболее значимых для будущего и при этом разнородных решения: формирование новой глобальной идентичности на основе религии изменения климата, технологический скачок Китая и формирование новых наций в Восточной Европе.*

9.2.2. «Климатгейт» как инструмент создания новой глобальной идентичности

Развитые страны, в первую очередь, Западной Европы уже давно осуществляют масштабный и дорогой переход на альтернативные источники энергии. Еще в 2006 году Еврокомиссия в «Зеленой книге» сформулировала ключевые задачи ЕС в энергетике: к 2020 году на 20% снизить объемы выброса углекислого газа и энергозатраты (в нашем понимании – энергоемкость ВВП), довести балансовую долю возобновляемых источников энергии до 20% («стратегия 20-20-20»), а к 2050 обеспечить «декарбонизацию»: сократить выбросы углекислого газа «на 80-95%» (то есть в 5-20 раз), что означает замену газа и угля возобновляемыми источниками энергии.

Несмотря на выдающиеся успехи по снижению себестоимости энергии, произведенной альтернативными источниками (цитата середины 2018 года: «за последние восемь лет стоимость ветровой энергии снизилась более чем на 65%, солнечной – более чем на 85%» [248], то есть в три и в 6,7 раза соответственно), и ее широкое распространение (так, в Дании возобновляемые источники дают 60% электроэнергии, в Германии – более трети, то есть стратегия «20-20-20» в этой части уже перевыполнена[248]), альтернативная энергетика в целом остается дотируемой государством.

Ее поддержка осуществляется не только в виде финансовой поддержки: прямых субсидий, налоговых льгот, частично компенсируемых тарифов, – но и при помощи приоритетной подачи в сети, благодаря чему атомные и тепловые электростанции, например, вынуждены сокращать выработку (а с ней и доходы) в ветреную или солнечную погоду.

---

248. Правда, полное закрытие АЭС Германии к 2020 году, начатое после катастрофы в Фукусиме, изменит ситуацию: снижение цен на углеводороды после прекращения США «количественного смягчения» летом 2014, несмотря на их частичное восстановление, сделало альтернативную энергетику слишком дорогой (особенно с учетом бюджетного кризиса ЕС). Поэтому выработка закрываемых АЭС будет компенсироваться традиционными газовыми ТЭС.

Безусловно, за последние полтора десятилетия масштабы господдержки существенно снизились *(да и сама она стала более разумной – так, уже забыты времена, когда в некоторых землях Германии было выгодно освещать лампочками установленную в подвале солнечную батарею)*. Но бурный технологический прогресс лишь более выпукло показал очевидное в самом начале вакханалии борьбы с «парниковыми газами» (на деле – лишь с одним из них, причем не самым значимым: с углекислым): **возобновляемые источники энергии в целом не только остаются дотационными, но и останутся таковыми в неопределенном будущем**.

Таким образом, сама идеология замены невозобновляемых источников энергии (газа и угля[249]) на возобновляемые по своей природе антирыночна: коммерчески эффективная деятельность предается анафеме в пользу заведомо неэффективной.

Это выглядит тем более нелепым, что осуществляется на основе научной гипотезы о глобальном потеплении, не только никогда и никем не доказанной, но и опровергаемой бесспорными фактами, и опороченной многочисленными манипуляциями ее апологетов.

Прежде всего, сам термин «глобальное потепление» обнажает безграмотность использующих его и ненужность для них реального знания: потепление в одних регионах планеты сочетается с похолоданием в других; точен нейтральный термин «изменение климата».

Более того: по мнению ряда ученых, Земля вступает в «малый ледниковый период» [214]. *Заявления о «глобальном потеплении» основаны на нерепрезентативных отдельных наблюдениях: необходимые для научного анализа климата сплошные массовые наблюдения есть лишь для части регионов Земли и только с конца XVIII века, а об их точности можно говорить только с начала XX века.*

Но **нет уверенности даже в** главном – в **самом наличии глобального изменения климата**. *Да, большинство людей*

249. Интересно, что с точки зрения минимизации выбросов парниковых газов сжигание угля выгоднее сжигания газа, так как не происходит образования огромных объемом водяного пара, также способствующего парниковому эффекту.

согласны с тем, что «с погодой творится что-то неладное», но длительные и при этом надежные измерения температуры ведутся лишь на части Земли, что не позволяет делать глобальных выводов. Да и сами периодические сообщения о побитии температурных рекордов столетней давности двусмысленны: получается, что схожий пик «глобальной жары» наблюдался всего лишь сто лет назад.

Если предположить реальность глобального изменения климата, – **нет** никаких **доказательств того, что оно вызвано деятельностью человека**. Колебания климата могут вызываться природными факторами, просто неизвестными нам. *Классический пример – обмеление Каспийского моря якобы из-за деятельности человека, которое на закате СССР вызвало сходную истерику и перекрытие залива Кара-Богаз-Гол, где вода испарялась особенно интенсивно. После этого выяснилось, что человек здесь ни при чем, а колебания уровня Каспийского моря носят объективный и долговременный характер.*

Еще недавно по геоклиматическим меркам, в X-XIII веках в Шотландии вызревал виноград – до всякой промышленной деятельности человека и без вызванного ею «парикового эффекта». Даже сегодня, после всех пропагандируемых ужасов «глобального потепления», нам еще далеко до этого положения. С другой стороны, в XIV-XIX веках в Европе наступил «малый ледниковый период» – опять таки без всякого антропогенного фактора.

Даже если предположить, что глобальное изменение климата вызвано деятельностью человека, остается совершенно **неизвестным характер его влияния**. Ведь никаких достоверных моделей формирования климата (и, в частности, влияния на него производств) просто не существует.

И, наконец, даже если все дело действительно в «парниковых газах», кликушествующие по их поводу игнорируют главный из них – водяной пар, а часто и болотный газ (метан)[250].

250. Кроме того, парниковый эффект окислов азота качественно выше, чем углекислого газа и даже водяного пара. Поэтому, несмотря на сравнительно небольшие объемы их выбросов, их почти полное игнорирование – отдельное доказательство научной недобросовестности певцов климатического апокалипсиса.

Перечисленного достаточно, чтобы исключить возможность практического использования гипотезы о глобальном потеплении. Но, будто специально для доведения этого издевательства над здравым смыслом до окончательного абсурда, при определении величин национальных квот на выбросы «париковых газов» апологеты глобального изменения климата учитывают только величину этих выбросов, **принципиально игнорируя поглощение «парниковых газов» биотой** (преимущественно лесами) **соответствующих стран**!

При этом они не устают указывать на рост разрушительности природных катаклизмов, якобы подтверждающий их гипотезу об увеличении масштабов климатических изменений (хотя она объясняется одной только усложнением техносферы, повышающим ее уязвимость). Но даже без учета такого искажающего статистику фактора, как растущая алчность страховых компаний, рост потерь от природных катаклизмов во второй половине XX века примерно соответствует масштабу обесценения доллара за то же время. Таким образом, гипотеза о росте климатической уязвимости человечества (по всей совокупности причин этого) не соответствует реальности!

Будто подытоживая изложенное, Строуб Тэлбот на Родосском форуме «Диалог цивилизаций» прямо заявил, говоря о противодействию глобальному потеплению, что факты не должны мешать действиям развитых стран, – и они не мешают.

Бывший вице-президент США Альберт Гор получил Нобелевскую премию мира за 2007 года за фильм (что само по себе было нонсенсом до присуждения этой премии Обаме «авансом» за то, что он стал президентом США), запугивающий зрителей на основе откровенного вымысла, ложность (если не исходная лживость) которого стала очевидна в последующие годы.

В частности, климатологи постулировали как неизбежный факт сокращение ледового покрова Северного Ледовитого океана в масштабах, из-за которых вымрут белые мед-

веди; прогнозы не подтверждаются, но их повторяют снова и снова, – вплоть до указания точной даты вымирания (сейчас это 2025 год [93]).

Феноменальным по своим последствиям (а точнее, по полному отсутствию таковых) стал «климатгейт» 2009 год, когда хакеры опубликовали переписку авторитетнейших британских климатологов, прямо свидетельствовавшую о фальсификации ими данных и блокировании информации, опровергающей утверждения о вызванном деятельностью человека глобальном потеплении или хотя бы ставящей их под сомнения. Официальные расследования, насколько можно судить, прямо игнорируя реальность, заявили о добросовестности британских «ученых», откровенно сообщавших друг другу о своих подлогах и махинациях: последние были объявлены «нормальной практикой» климатологического сообщества и добросовестным «компилированием больших и сложных наборов данных».

Утечки подобной информации происходили и в дальнейшем (второй – уже в 2011 году). В начале 2017 года климатологов обвинил в манипуляции данными аж Комитет конгресса США по науке, космонавтике и технологиям, обнаруживший, что глава Национального управления океанических и атмосферных исследований США Томас Карл задним числом «корректировал» архив наблюдений, переставших подтверждать антропогенную природу глобальном потеплении (так, в 2013 году эксперты ООН объявили о замедлении потепления климата в 1998-2012 годах, несмотря на рост выбросов парниковых газов, что ставило крест на официальной теории) [106].

Таким образом, климатическая истерия стала новой идеологией, открыто запрещающей критическое мышление и поиск истины, – теперь и в науке (см. раздел 2 предисловия).

На все признаки откровенной недобросовестности закрывали глаза не только официальная наука, но и политические власти, продолжавшие строить свои стратегии на основе заведомо сомнительной гипотезы, превращенной в новую религию.

Причина проста: изменение климата стало (вплоть до кампании по демонизации России) инструментом формирования новой идентичности Запада.

Западная цивилизация была расколота борьбой за власть и деньги на протяжении всей своей истории (чувство единения христиан перед лицом туземцев в полониях и полуколониях, удивительное для самих европейцев, лишь подчеркивало глубину этого раскола). Устойчивое объединение Запада впервые было осуществлено США путем экономического и политического захвата Европы и формирования под своим контролем единого рынка после войны, – однако в результате этого достижения США Запад осознал себя как нечто целое. Западная цивилизация впервые стала единой, – на основе противостояния Советскому Союзу и идее социальной справедливости как таковой.

Выдающийся характер этого достижения породил бесчисленное множество афоризмов в стиле «если бы советской военной угрозы не было, ее надо было выдумать», но уничтожение советской цивилизации погрузило Запад в жесточайший экзистенциальный кризис. С начала 90-х годов он болезненно переживает неспособность найти необходимый для всякой человеческой общности ответ на вопросы «Кто мы?» и «Зачем мы?»

Для США эта потребность усиливалась необходимостью наличия у развитых стран «общего врага» для поддержания своего статуса **сверхдержавы – страны, обеспечивающей слабым союзникам военно-политическую защиту и получающую за нее значительные коммерческие преимущества**. Исчезновение «общего врага» сделало безосновательными притязания американцев на эти коммерческие преимущества, ставшие к тому времени уже не только привычными, но и необходимыми для экономики США.

Сознательные попытки формирования новой общей идеологии Запада очевидны с конца 90-х годов. Одна из причин исступленного уничтожения Югославии (в том числе европейцами, которым оно было невыгодно) – надежда обрести новый смысл жизни ритуальным воспроизведением успехов

прошлого, в данном случае – ритуального уничтожения врага (СССР). Югославия стала его удобным символическим заменителем.

Попытка заменить объединявшую Запад идеологию антисоветизма идеологией «защиты прав человека», выродившейся в концепцию «гуманитарных интервенций» (см. параграф 13.4) провалилась в Сомали в 1994 году, а уже в Югославии в 1999 доказала способность превращаться в свою противоположность и наносить ощутимый вред самим развитым странам.

Попытка заменить в качестве объединяющего и стимулирующего прогресс фактора угрозу быстрой смерти в войне угрозой медленной смерти от болезней (и превратить в новый локомотив прогресса, заменяющий ВПК, индустрию здравоохранения и биотехнологии) провалилась из-за того, что эта угроза оказалась менее убедительной для человечества. Этот провал стал очевиден также к концу 90-х (см. параграф 9.2.5).

Начало экономической рецессии в США не в последнюю очередь связано с этими факторами. Эффектные теракты 11 сентября 2001 года, даже теоретически невозможных без как минимум участия как минимум среднего звена американских спецслужб, открыла период попытки сформировать новую идеологию на основе совместного противодействия «международному терроризму» (см. параграф 14.3). Но быстро выяснилось, что «террористы, как блохи, у каждого свои». Более того, тесная связь значительной части террористов с теми или иными спецслужбами дискредитировало саму идею борьбы с ними как некоего «общего дела».

Периодические попытки сплотить Запад страхом перед Россией, превратить ее (или, на худой конец, «Газпром») в новую «империю зла», грозящую новым уничтожением, до 2014 года проваливались из-за откровенной неадекватности. *И не столько из-за слабости деградирующей ельцинской, а затем и путинской России, сколько из-за глубочайшей зависимости ее элиты (а точнее, «тусовки») от Запада. Храня свои критически значимые активы в иностранных юрисдик-*

циях (см. параграф 18.2), отправляя своих детей в западные вузы (с надеждой, что они не вернутся на Родину), а семьи – жить в комфорте наиболее фешенебельных городов и курортов, представители российской клептократии давно сделали себя добровольными заложниками Запада. Понятно, что бояться таких заложников невозможно, – и все попытки превратить Россию в нового «глобального врага» проваливались с унылой неуклонностью, пока эти заложники не взбунтовались против своего американского регулятора, попытавшегося уничтожить их идентичность приводом к власти на Украине откровенных нацистов. (США это было надо для недопущения перманентным конфликтом между Евросоюзом и Россией их объединения в опасный для США субъект глобальной конкуренции – подробней об этом см. во втором томе).

Возвышение Китая и формирование новой биполярной системы теоретически позволяло превратить в новую объединяющую развитые страны идеологию враждебность к нему – по аналогии с ненавистью к СССР (и такие попытки предпринимались). Но, в отличие от советской цивилизации, китайская никогда не ставила под сомнение само существование Запада, не пыталась подрывать основ его существования – и потому не вызывала столь сильных чувств.

Глубокое экономическое взаимопроникновение Китая и Запада сделало его не просто близким и понятным, но и жизненно необходимым для ключевых элементов западной цивилизации, чего никогда не было у Советского Союза.

Наконец, сетевой характер китайской цивилизации, ее глубокое проникновение в поры западных обществ обеспечил Китаю мощнейшую систему лоббирования, создать которую советская цивилизация не могла в принципе – как из-за свойственной ей прозрачности, так и в силу чрезмерной забюрократизированности (которая в итоге и свела ее в могилу).

Поэтому растущий ужас перед увеличивающейся мощью Китая оставался уделом американской элиты, но отнюдь не мог стать фактором, объединяющим всю западную цивилизацию.

Несмотря на изложенное, **объективная потребность в общей идеологии не позволяла развитым странам отступить перед неудачами**. И к середине «нулевых» годов сложился качественно новый проект: **противостояние глобальному изменению климата**, выступающего новым воплощением абсолютного зла, грозящего уничтожением всему сущему.

Замена «советской военной угрозы» и «международного терроризма» «глобальным потеплением» была прогрессивной: новая идеология, менее агрессивная и конфронтационная, чем предыдущие, обеспечивала не меньшую мобилизацию.

Вместе с тем очевидная неадекватность, недоказуемость и бредовость этой идеологии сделали ее продвижение **качественно новым шагом на пути деградации человечества**, так как **потребовали**, по сути дела, **массового**, касающегося и элит, и обычных людей **запрета** самостоятельного **мышления**. Истерика вокруг «глобального потепления» лишила права голоса серьезных ученых и сделала ненаказуемым прямой обман так же, как истерика вокруг «русских хакеров» освободила Хиллари Клинтон от ответственности за совершенные преступления.

Таким образом, **ради сохранения целостности западной цивилизации она** сама, добровольно и без принуждения **отказалась от своего главного конкурентного преимущества – свободного критического мышления**, оскопив главный источник своей силы – свободную инициативную науку – до состояния заскорузлой догматичной религии, проклинающей реальность как проявление ереси.

Значение этого внутреннего слома для конкуренции цивилизаций (см. параграф 14.2.3 невозможно переоценить).

Однако важно и то, что, если антисоветизм как глобальная идеология развитых стран имел четко выраженную коммерческую основу (стремление взломать последний изолированный от развитых стран масштабный рынок и захватить его спрос и ресурсы), то противодействие глобальному потеплению по своим мотивациям имеет принципиально нерыночный характер.

Этим она выражает общую закономерность нового времени, в котором «деньги теряют значение»: **стратегические решения приобретают принципиально нерыночные мотивы.**

9.2.3. Технологический прыжок Китая в неизвестность

В начале «нулевых» власти Китая осознали: при сохранении прежних темпов развития стране не хватит воды, почвы и энергии. Попытка притормозить развитие, предпринятая в 2003 году, не удалась: слишком сильны были социальный оптимизм и стремление огромных масс людей к улучшению своей жизни.

Страдая от острой и неумолимо нарастающей нехватки ресурсов и видя свою неспособность переориентироваться с экспорта на внутренний рынок как ключевой фактор развития, китайское руководство в середине «нулевых» приняло логичное, но трудное для любой бюрократической системы и поистине удивительное, уникальное для китайской культуры решение о технологическом рывке. *Разумеется, подобных слов, памятуя катастрофические последствия «большого скачка» Мао и трагикомические – «четырех модернизаций» Хуа Гофэна (которые потом слились в общественном восприятии с реформами Дэн Сяопина и были реабилитированы их успехом), не произносили.*

Но вроде бы разрозненные действия и частные решения, принимавшиеся по отдельным вопросам, слились в середине «нулевых» в единый комплекс национальных усилий, который, возможно, и не осознавался отдельными его участниками, но со стороны выглядел целостно и убедительно.

Логика была безукоризненной: нам не хватает ресурсов – и, раз масштабы их потребления не удается снизить замедлением развития, надо сделать его менее ресурсоемким. А для этого надо перейти к на порядок менее ресурсоемким технологиям.

Преимущество Китая перед прошедшими этим путем до него заключалось в наличии уже готовых ресурсосберегающих технологий и социально-управленческих решений: их надо было не создавать, а взять готовыми, адаптировать к китайским реалиям, обкатать на экспериментах (обязательность которых – сильнейшая сторона Китая) и применить по всей стране.

Но эта очевидность была лишь ложкой меда в бочке дегтя.

Трагическая трудность замены ресурсоразрушающих технологий 50-х и 60-х ресурсосберегающими технологиями 90-х и «нулевых» (не говоря уже об опережающих, прорывных, «передовых» в прямом смысле слова технологий) заключалась для Китая в неминуемо нерыночном характере этой замены.

Структура китайских цен делала массовый переход к современных технологиям нерентабельным[251], так как наибольшую прибыль приносили примитивные «живопырки» образца 60-х, а то и 50-х, а сложные ресурсосберегающие механизмы стоили слишком дорого и окупались, если вообще окупались, значительно медленнее (одна из проблем – необходимость квалифицированного обслуживания, возможного далеко не везде).

Привести структуру цен в соответствии западной Китай с его тогда полутора сотнями миллионов крестьян, балансирующих на грани выживания, и 280 млн. лишенных постоянной работы (что вдвое больше населения России!) не мог. Это лишило бы нищих средств к существованию. Пересадить же их на шею государства было немыслимо как по финансовым, так и по культурно-политическим причинам.

Поэтому процесс, который на Западе шел автоматически при удорожании энергоносителей в ходе «нефтяного кризи-

251. Разумеется, во многих секторах экономики ситуация была иной, – но там замена технологий шла автоматически, в силу китайского практицизма и по-прежнему отчаянной бедности. Так, в необъятном Китае уже в конце 90-х не было ламп накаливания, – повсеместно применялись только более экономичные лампы дневного света. Но подобные ситуации были исключением из общего правила.

са» 1974 года, в Китае пришлось осуществлять прямым административным принуждением к технологическому процессу.

Это стало историческим событием, продемонстрировавшим исчерпанность, неработоспособность рыночной парадигмы: стране, явившей ее наиболее наглядное торжество за весь XX век, пришлось принять важнейшее стратегическое решение на принципиально антирыночной основе.

Уникальность Китая проявилась и в наличии у него особого источника внерыночный мотивации к технологическому прогрессу: всепоглощающей экологической угрозы.

Открывать новые технологические принципы для ее ослабления ему было не только не нужно (задачу решало значительно более простое и дешевое заимствование технологий), но и невозможно. Ведь китайский тип культуры, сформированный жизнью в условиях масштабных ирригационных систем и использования сложного иероглифического письма в силу своего принудительного всеобъемлющего коллективизма всё ещё практически не позволяет создавать и массово применять что-либо принципиально новое.

Китайская культура (и культура Юго-Восточной Азии в целом) идеальна для копирования и усовершенствования, но творцы не выживают в коллективах цивилизаций, использующих иероглифическое письмо (даже если они, как корейская, исторически не принадлежат к ирригационным цивилизациям).

Китайское государство осознало эту закономерность как одну из важнейших стратегических проблем Китая (наряду с недостатком природных ресурсов) и взялось за ее решение.

В 2000 году в Китае включился «пылесос», высасывавший из всего мира самых разнообразных специалистов. Причиной честно называлась необходимость в «исторически кратчайшие» сроки создать и укоренить в обществе новые виды деятельности. «Нам нужен спорт высоких достижений, европейский театр и кино, нам нужно разбираться в западной филологии», – не стесняясь, говорили руководители всех уровней и наперегонки выписывали на работу в Китай всех зарубежных (прежде всего постсоветских, в силу их де-

шевизны) специалистов, до которых могли дотянуться. Эти специалисты учили китайцев, те адаптировали их знания к китайской культуре, – и уже добились выдающихся успехов (например, в спорте, кинематографе и музыке).

Но главная, фундаментальная причина массового привлечения иностранных специалистов заключалась в необходимости имплантировать в китайское общество не целые сферы современной деятельности, а способность к творчеству.

Речь шла о фундаментальном изменении самой тысячелетней китайской культуры.

«Программой-минимум» было использование в качестве «островков творчества» иностранных специалистов и их китайских помощников, «программой-максимум» (на которую китайское руководство, сознавая ее сложность, готово было потратить бесконечно долгие усилия в условиях обострения глобальной конкуренции и ускорения общественной динамики) – прививание способности к творчеству китайцам, которые должны были освоить ее так же, как западную технику или потребление кофе и вина (а затем и качественного кофе и вина).

Для китайского руководства, прошлые поколения которого спасли страну и превратили ее в одного из мировых лидеров, рыночные отношения в середине «нулевых» были фетишем, – и оно сознавало антирыночный характер намеченного им рывка.

Стоит воздать должное как глубине отчаяния этих людей, не видевших иного выхода, кроме отказа от привычного механизма, обеспечившего им личный успех, а их стране – прогресс и процветание, так и твердости их духа.

Эксперты, готовившие решение о технологическом рывке, не скрывали от руководства непонятность последствий столь масштабных антирыночных действий для рыночной экономики Китая. Китайская культура не приемлет шагов с неопределенными последствиями: они воспринимаются как высшая степень безответственности и считаются совершенно недопустимыми.

То, что руководство Китая сознательно пошло на них, свидетельствует не только о масштабе и глубине проблем

страны, но и способности носителей китайской культуры нарушать ее каноны, которые они же сами считают незыблемыми.

Если в середине «нулевых» Китай смог решиться на действия, ведущие к неопределенным последствиям, – нельзя исключить, что через поколение или позже значимая часть китайского народа окажется способной к массовому творчеству.

Нетипичное решение китайских руководителей – признак повышения на наших глазах жизнеспособности Китая.

Тем не менее, несмотря на важность технологического рывка, его реализацию пришлось отложить на сентябрь 2008 года. Ведь ни одна управленческая система, – и тем более централизованная китайская, – не может заниматься двумя важнейшими делами сразу, а для Китая «нулевых» приоритетом было проведение Олимпиады в Пекине в августе 2008 года.

А в сентябре 2008 года предвыборным крахом *Lehman Brothers*, обеспечившим приход к власти в США Обамы, этого первого президента информационных технологий и соцсетей, наступил новый этап развертывания глобального кризиса.

«Передышка двухтысячных» сменилась «тряской десятых»; казавшиеся безответственными преувеличениями термины «беспрецедентная неопределенность» и «глобальная нестабильность» стали банальностями финансовых отчетов.

Едва начав переход от проведения Олимпиады к организации технологического рывка, Китай столкнулся с необходимостью выживать в условиях резкого сжатия внешних рынков и ужасающей неизвестности, особенно разрушительной для носителей китайской культуры. Ответ китайского руководства на вызов глобального кризиса был великолепен в своей очевидности: комплексная модернизация инфраструктуры.

Столкнувшись с утратой определенности, китайское руководство стало само творить ее самым непосредственным образом: в виде новых путей сообщения и коммуникационных магистралей. «Впечатляющая ...реакция экономической

политики Китая на глобальный финансовый кризис, в центре внимания которой находилась инфраструктура, то есть автомагистрали, скоростные железные дороги и усовершенствования, облегчающие сообщения между внутриконтинентальными территориями и побережьем, способствовала резкому повышению ...инвестиций... с 41% до кризиса до 48% ВВП к 2009 году. После того как программа стимулов пошла на убыль, и расходы на инфраструктуру стали уменьшаться, энергичная деятельность частного сектора в обрабатывающей промышленности и строительство социального жилья обеспечили сохранение инвестиций на уровне, близком к 50% ВВП, в 2011 году» [225].

Все крупные страны во избежание депрессии (уроки конца 20-х все выучили назубок, – кроме совсем убогих либералов вроде российских) компенсировали сжатие коммерческого спроса, это проявление загнивания монополий и сползания к депрессии, увеличением спроса государственного. Но только Китай (да еще Россия, в отличие от него, не реализовавшая эту возможность) мог увеличивать государственный спрос на рыночной основе – комплексной модернизацией инфраструктуры.

Развитые страны уже решили основные задачи обеспечения общественной эффективности и комфорта; соответственно, возможностей для массового применения в них государственных средств и, в частности, пространства для госинвестиций просто не осталось. Значимые задачи обустройства их внутренней жизни были решены; именно поэтому, например, катастрофа в Фукусиме подстегнула японский экономический рост (переломив даже противоположное воздействие от удорожания энергии из-за закрытия АЭС): масштаб разрушений и выявленных сопутствующих проблем[252] дал государству пространство для рыночно обоснованного (то есть коммерчески эффективного) вмеша-

252. Ярчайшей иллюстрацией серьезности этих проблем стала сама причина катастрофы на АЭС «Фукусима»: атомная электростанция была рационально рассчитана на 9-балльное землетрясение, а вот система энергообеспечения ее управления – лишь на 7-балльное, что и привело к ее выходу их строя.

тельства в экономику в сферах, где частный бизнес был бессильным или же доказал свою контрпродуктивность.

Несмотря на сказанное, возможности для рыночно эффективных и при том масштабных госинвестиций есть во многих развитых странах. Лучший пример – США, инфраструктура которых, даже легендарные автодороги, по меткому замечанию советских диссидентов, «поизносилась» после краха СССР.

Но господствующая либеральная идеология, отражающая интересы глобального (в первую очередь спекулятивного) бизнеса, не дала руководству США и других обеспеченных стран даже задуматься о масштабной модернизации инфраструктуры: основные средства в рамках увеличения государственного спроса получили (как и в России) финансовые спекулянты.

Удешевление энергии за счет организации «сланцевой революции», позволившей начать реиндустриализацию США и, за счет этого, оздоровление их социальной структуры и ускорение развития, было достигнуто незначительными инвестициями и льготами, находившимися на периферии государственной политики и бывшими, строго говоря, почти случайными.

Обустроенность жизни в развитых странах стала даже заметным тормозом технологического прогресса: новые технологии просто не имеют пространства для применения, так как для этого понадобится уничтожать уже существующие производства или инфраструктуру, что нерентабельно.

В результате новые технологии можно применять лишь в менее развитых странах, – «в чистом поле» или же замещая ими безнадежно отсталые технологии, как в Китае.

К обострению глобального кризиса 2008 года им было сделано уже очень многое. Так, создание Единой энергетической системы, существенно экономящей ресурсы, завершилось как раз в 2008 *(через четыре года после того, как в России она была разрушена либеральной реформой Чубайса в интересах спекулятивного бизнеса и отраслевых естественных монополий)*. Железнодорожное сообщение дошло

до столицы Тибета, высокогорной Лхасы, – причем вагоны скорого поезда были герметичны, чтобы пассажиры не страдали горной болезнью.

Но в целом модернизация инфраструктуры дала возможность не просто увеличить государственный спрос для нейтрализации угрозы депрессии, но и сделать это по многом на рыночной основе, обеспечив рентабельность инвестиций в целом (конечно, в масштабе не отдельных фирм[253], а общества в целом). Эта возможность оказалась преимуществом Китая перед остальным миром и позволила ему упрочить свое положение.

Но она же, придав второе дыхание рыночному развитию (рассматриваемому, конечно, с точки зрения «эффективности общества», а не «эффективности фирмы»), отодвинула на второй план идеологию «технологического рывка любой ценой».

Зачем делать «любой ценой» то, что при минимальной корректировке обеспечивает очень неплохую прибыль?

Конечно, экономически эффективной оказалась отнюдь не вся созданная по антикризисной программе инфраструктура.

---

253. Развитие инфраструктуры под силам, как правило, только государству, ибо затраты осуществляет одна фирма, а результат в силу самой природы инфраструктуры, достается всем. Поэтому инвестор поневоле должен быть представителем этих «всех» то есть государством (исключением – немногие пока сверхэффективные отрасли вроде мобильной связи и Интернета).
В «нулевые» годы в развитых странах разрабатывались механизмы, позволяющие передать часть эффекта от создания инфраструктуры негосударственному инвестору (при помощи отчислений от прироста налоговых платежей), но они остались недостаточно эффективными для применения из-за невозможности очистить прирост налогов, вызванный созданием новой инфраструктуры, от разнонаправленного действия бесконечно разнообразных посторонних факторов.
Игнорирование принципиальной разницы между «эффективностью фирмы» и «эффективностью общества» – визитная карточка современного либерализма, обслуживающего интересы глобального бизнеса, который по своим масштабам и влиянию превосходит большинство обществ (включая американское) и навязывает им решение любых проблем с естественных для него, но неизменно пагубных для общества позиций «эффективности фирмы» (см. параграф 9.1).

Китайский ответ глобальному кризису, – строительство асфальтированного шоссе в каждую деревню с асфальтированием как минимум центральной улицы, – и не предполагал быстрой окупаемости каждого шоссе по отдельности: достаточно было, чтобы они окупились в масштабе всей страны в целом.

Более того, расчет был, скорее, на минимизацию убытков, – на то, что доход от коммерческой деятельности, стимулируемой созданием эффективной части инфраструктуры, максимально компенсирует текущие затраты на создание и поддержание той инфраструктуры, которая могла принести результат лишь в долгосрочной до полной неопределенности перспективе.

Но, даже если массированное создание инфраструктуры и не окупилось (что само по себе спорно), чистые убытки общества как минимум на порядок меньше того потенциального убытка от обострения глобального кризиса, который был предотвращен этой стратегией.

Таким образом, она оправдалась не только в геополитическом и социальном, но и в узко экономическом плане: даже если и не оказалась прибыльной, она свела убытки от обострения глобального кризиса к неимоверному, не представимому в его начале минимуму.

Как всякая масштабная программа, спешно осуществляемая в чрезвычайных условиях, антикризисное развитие инфраструктуры обернулось массой феерических проектов, поражающих воображение масштабом расточения ресурсов.

Классический пример – строительство «под ключ» благоустроенных городов, в которые из-за отсутствия работы и должных организационных усилий никто не переехал. Программа их строительства реализовывалась с начала «нулевых», сначала для изменения этнического баланса в Синцзян-Уйгурском автономном районе, а с середины «нулевых» по всему Китаю, – для повышения качества жизни и повышения «совокупной мощи экономики» за счет госинвестиций.

Хотя наиболее популярный крошечный по китайским меркам город Тиандученг в 170 км. от Шанхая (построенная

в 2007 году копия центра Парижа, включая Эйфелеву башню, была рассчитана на богатых шанхайцев, которые предпочли искусственному Парижу настоящий) – ошибка не государственной, а частной инвестиционной политики, часть построенной инфраструктуры, включая жилье и автодороги, оказалась избыточна.

Примером чрезмерной реакции уже на обострение глобального кризиса 2008-2009 годов – введенный в строй около Гонконга в 2012 году аэропорт Шэнчжень Баоань площадью 4,3 млн.кв.м., рассчитанный на 45 млн. пассажиров в год. В него было инвестировано 1,1 млрд. долл., но через год после открытия его мощности были загружены на 0,01%: он принимал один рейс из Хельсинки и один (грузовой) – из Анкориджа на Аляске [355].

Тем не менее создание значительной части избыточной инфраструктуры убыточно лишь с тактической точки зрения, исходя из кратко- и лишь в худшем случае среднесрочных соображений. В долгосрочном же плане качественная инфраструктура создает стратегические возможности развития, ибо **свобода есть не более чем избыток инфраструктуры**, позволяющий двигаться в любом на-правлении с любой скоростью и заниматься любой деятельностью. Даже не востребованная, так и оставшаяся лишь потенциальной возможность все равно содействует развитию, создавая в обществе бесценную для творчества атмосферу свободного выбора.

Разумеется, как и в развитых странах, государственное (в широком смысле, включая за счет эмиссии средств центральным банком) финансирование избыточной инфраструктуры оборачивается ростом ничем не обеспеченных долгов.

Но в Китае, в отличие от развитых стран Запада, эти долги являются лишь меньшей частью общего объема госфинансирования. Если в США, Евросоюзе и Японии (кроме расходов, связанных с восстановлением после Фукусимы) увеличение государственного спроса носит спекулятивный характер (так как экономики отстроены, и возможностей для массового создания новых контуров получения прибыли нет), то в Китае оно преимущественно производительно,

даже несмотря на все погрешности в виде избыточной инфраструктуры и спекуляций.

Необеспеченные долги локализуются в госсекторе и на уровне провинциальных бюджетов, то есть остаются лишь структурной проблемой, которой изобретательная, разнообразная и энергичная государственная политика, как бы ни поражали воображение ее отдельные повалы, в целом не позволяет превратиться в системную.

Тем самым китайская экономика удерживается хотя и в неустойчивом, но все же равновесии, подрываемом лишь углублением глобального экономического кризиса.

И китайское управление уже овладело ключом к выходу из него – сознательному и целенаправленному принятию заведомо антирыночных стратегических решений.

9.2.4. Созидание новых наций разрушением их экономик

Своеобразной пародией на антирыночность стратегических решений Китая и Евросоюза стал выбор национальными элитами Польши, стран Прибалтики и, в 2014 году, нацистской Украины самой оголтелой русофобии в качестве основного принципа и фундамента всей государственной политики.

С экономической точки зрения это представляется нонсенсом, так как хозяйства соответствующих стран исторически ориентированы на Россию, а для Европы представляли интерес преимущественно в качестве рынков сбыта (в случае Прибалтики – крайне незначительных рынков в силу исчезающе малого и бедного из-за разрыва с Россией населения).

Но это социально-экономическое безумие с политической точки зрения было продуманным и принципиальным выбором. Ведь следование самоочевидным национальным хозяйственным интересам автоматически вело к интеграции с Россией, которая в перспективе означала вхождение в ее состав.

Национальные же элиты, желая максимально комфортного потребления для себя и будучи безразличны к судьбам своих народов, стремились любой ценой отделиться от этих народов (обычно глубоко презираемых ими) и стать частью европейских или, если повезет, глобальных элит, для чего надо было полностью пресечь возможность интеграции с Россией в будущем.

Условием «европейского выбора» верхов было, таким образом, разжигание в своих обществах костра неутолимой ненависти к России. Она обрекала народы на безысходную бедность и даже нищету, вынуждала молодежь и в целом активную часть обществ бежать от Родины ради минимально приемлемой жизни, но зато являлась инструментом создания новых наций, не способных вследствие патологической русофобии на сотрудничество с носителями русской культуры и потому обеспечивавших принятие своих верхов Европой – пусть даже и в качестве заведомо младших партнеров или политической прислуги[254].

Вместе с тем рост повседневных бедствий делает общественное сознание более пластичным, упрощая его преобразование технологиями социальной инженерии.

Разрыв отношений с Россией, таким образом, был для элит Польши и Прибалтики (а теперь и нацистской Украины) инструментом переформатирования своих народов, важнейшим средством строительства в своих странах новых наций, – и плата за это разрушением хозяйства этих наций и их едва ли не вечной нищетой представлялась элитам более чем приемлемой.

Антирыночная политика, таким образом, последовательно и энергично осуществляется в этих странах для достижения высших стратегических целей, – как в Китае и Евросоюзе, хотя и на качественно меньших человеческих массах.

---

254. Быть политической прислугой все же комфортнее, чем обычной, – а личные качества руководителей, которых Запад сознательно (в том числе и по принципу их личной ничтожности) ставил по главе отрываемых от России «новых независимых государств» обычно просто не оставляли им выбора.

9.2.5. Блокирование технологического прогресса

Антирыночный характер объективно вставшей перед Китаем задачи стремительного вывода экономики на качественно новый технологический уровень существенно смягчался тем самоочевидным, но не популяризируемым и потому не слишком известным фактом, что технологический прогресс, строго говоря, и сам является нерыночным по своей природе.

Безусловно рыночный характер имеет лишь практическое применение технологических принципов, недаром весьма наглядно именуемое их «коммерционализацией». Стержень же технологического прогресса – открытие этих принципов, – несмотря на колоссальные долговременные усилия, остается принципиально нерыночным делом.

Представьте себя инвестором, собравшимся вкладывать свои кровные в самое главное для человечества – в открытие новых технологических принципов.

К Вам приходит за деньгами ученый (представим редкий случай, когда Вы и он честны друг перед другом и знаете это), и первое же, что он сообщает Вам, – что он не имеет ни малейшего представления о том, сколько денег ему понадобится.

Ведь раз его работа нацелена на открытие новых технологических принципов, она носит прорывной характер и касается неизвестного. Поэтому при начале работ совершенно не ясно, принесут ли они успех или нет, а если и принесут, то когда, – и, соответственно, сколько денег потребуется для его достижения. Более того: как показывает история, при начале действительно прорывных исследований, как правило, нельзя предвидеть даже то, каким именно будет их успех, если он все-таки будет.

Недаром в науке говорят, что «отрицательный результат не менее важен, чем положительный», – но коммерчески ориентированного инвестора подобный подход не утешит.

Таким образом, даже для самого отмороженного «бизнес-ангела» или фонда венчурных инвестиций риски подобных проектов слишком велики и слишком очевидны: в рыночной экономике инвестировать в открытие новых технологических принципов можно лишь «под дулом пистолета».

А это принципиально антирыночный подход.

Он великолепно работал по время холодной войны: «дуло пистолета» в виде постоянной угрозы гарантированного взаимного уничтожения в ядерной войне в сочетании с жестким и никогда не прекращавшимся противостоянием двух сверхдержав было приставлено ко всем вискам в мире без исключения.

Но уничтожение Советского Союза сняло эту угрозу; страх как внерыночный фактор технологического прогресса исчез – и открытие новых технологических принципов практически прекратилось. Наука стремительно выродилась в инструмент коммерционализации прежних открытий и поддержания значимого для общества социального уклада, а обслуживающее ее образование – во вполне средневековый инструмент социального контроля (см. разделы 2 предисловия и 4.3 введения).

Попытки найти новый внеэкономический фактор развития, способный восстановить мотивацию к инвестициям в условиях крайней неопределенности, продолжаются и по сей день. Наиболее рациональной (и вызывающей подлинную гордость за человеческую настойчивость и изобретательность) была попытка заменить быстрый страх смерти в войне отложенным страхом смерти от болезней – с переносом фокуса исследований с разработки новых видов оружия и физики на продление активной жизни и биологию.

Увы: человек оказался еще менее совершенным существом, чем сам думает о себе, и эта попытка в конечном счете провалилась: мотивация оказалась непозволительно слаба, и потенциально прорывные медико-биологические исследования выродились в значительной степени в такую же прикладную работу и получение заранее спрогнозированных результатов, что и остальная наука.

В результате сегодня рыночные отношения блокируют технологический прогресс с той же эффективностью, что и традиционная демократия (см. параграф 5.7). И, подобно тому, как продолжение технологического прогресса – этот категорический императив современного человечества (как и всего Нового времени) – требует от человечества перехода к постдемократии (подходы к которой уже демонстрируют нам современные США как наиболее передовое, то есть показывающее всем их завтрашний день общество), оно же требует и преодоления рыночных отношений (подходы к которому демонстрирует нам глобальный управляющий класс, избравший США в качестве места своего базирования и своей оргструктуры).

9.3. Исчезновение социальной базы демократии

Формальная демократия (см. параграф 5.1) в ее современном западном (а значит – господствующем в глобальном информационном пространстве) – политическая система, существующая от имени и во имя среднего класса. *Именно в этом заключается непосредственная причина категорического отказа западной элиты признавать демократии, основанные на представлении интересов бедного большинства соответствующих обществ (будь то диктатура пролетариата в раннем Советском Союзе в прошлом или исламская демократия Ирана в настоящем). Помимо этого, власть во имя людей с низким уровнем потребления неизбежно является нерыночной по своим мотивам и потому воспринимается апологетами рынка и выразителями его интересов и ценностей как нечто чужеродное и враждебное по своей природе.*

Поэтому обеднение и постепенное исчезновение среднего класса, которое сегодня признают даже экономисты либерального мейнстрима [255], превращает современную западную демократию в религию без святыни, лишает ее

содержательного и ценностного фундамента. Вся управленческая (и в целом политическая, включая институты формирования и поддержания общественной культуры) надстройка, обеспечивающая реализацию интересов среднего класса, при его размывании повисает в воздухе и лишается оправдания своего существования.

Более того: отстаивая по инерции интересы и ценности среднего класса, переставшего быть доминирующей силой общества, политическая настройка поневоле начинает противостоять новому большинству и подавлять его, – причем ради уже не доминирующих в обществе на самом деле, а лишь подразумеваемых по старой памяти ценностей и интересов.

В результате традиционная демократия вырождается в информационную диктатуру, основанную на жесточайшем «промывании мозгов» (интенсивном формировании массового сознания), в силу не только исчезновения ее опоры и источника – среднего класса, но и утраты соответствия управляющей надстройки общества самому этому меняющемуся обществу.

Неизбежная инерционность управляющей надстройки (во многом корыстная, так как каждый управляющий организм, как и любой другой, стремится к своему увековечиванию и воспроизводству) не позволяет ей идти вслед за обществом и вынуждает ее навязывать ему не соответствующие его структуре и потребностям, уже ушедшие в прошлое ценности и интересы.

Пример 37

Когда прогресс становится прошлым, а регресс – будущим

В прошлом, в условиях социального прогресса человечества, несоответствие управленческой настройки обществу носило характер реакционного сопротивления темного, жестокого прошлого наступающему светлому, гуманистическому будущему.

Однако переориентация человечества с преобразования окружающего мира на изменение собственного сознания (см. раздел 4.2 введения и параграф 9.2.1) запустила процесс деградации социума, который в глобальном масштабе наблюдается впервые в истории человечества. В результате привычное несоответствие управляющей надстройки потребностям и самому характеру меняющегося общества впервые выглядит (или, по крайней мере, позволяет демонстрировать ее обществу в таком виде) шокирующе: как противостояние прогресса и цивилизации надвигающимся регрессу и варварству, как противоборство архаичного гуманизма и новой жестокости.

Это придает надстройке моральную правоту и укрепляет ее позиции во внутриобщественном противостоянии, усиливая тем самым общественные противоречия, отдаляя приведение этой надстройки в соответствии состоянию общества и повышая болезненность этого.

Существенно, что технологии формирования сознания позволяют долго навязывать обществу восприятие его состояния, не имеющее отношения к реальности (с 2015 года это ярко наблюдается, в частности, в Западной Европе в отношении миграционного кризиса). При должной эффективности формирования сознания это может привести к длительной неадекватности общества и к снятию его противоречий путем его не трансформации, а уничтожения (например, в результате перерастания Евросоюза в Европейский Халифат).

Таким образом, информационные технологии разрушают современную западную, формальную демократию (помимо факторов, описанных в главе 5) не только ликвидацией ее опоры и оправдания – среднего класса, но и сменой доминирующей тенденции: переходом от социального прогресса к социальной деградации.

Глава 10. КОНТУРЫ НОВОГО МИРА

10.1. Хаотизация регионов и виртуальная реальность

Квинтэссенция современных **социальных проблем** – **нерентабельность** существования основной части **человечества**.

Сейчас видится лишь два выхода из этой ситуации.

Если целью существования человечества остается получение прибыли (то есть оно сохраняет рыночную парадигму и доминанту поведения), его **главная объективная задача – физическое истребление собственной нерентабельной части.** Ведь поддержание сколь угодно нищенского существования миллиардов людей, не имеющих возможности приносить прибыль глобальным корпорациям, означает для последних непроизводительную трату ресурсов.

Побочные, вспомогательные задачи – поддержание если не довольства, то хотя бы покорности уничтожаемых, а также (что не менее важно) видимости гуманизма этого процесса, чтобы его менеджеры не чувствовали себя людоедами. Похоже, вторую задачу решает «экспорт демократии» и рынка, возлагающий на сами уничтожаемые общества ответственность (в том числе и в их глазах) за все, что творят с ними глобальные корпорации и управляющие системы (см. параграф 14.1).

Сейчас никто в управляющих системах развитых стран (и тем более в глобальных) не отказывается от наживы как смысла существования (как человечества, так и своего) – и, соответственно, ими решается именно этот комплекс задач.

Население Африки (по ее пути ведут «Большой Ближний Восток») **удерживается в нищете, социальном хаосе**

и истребляется болезнями (начиная со СПИДа)**: это «биологическая утилизация»,** – по сути, геноцид[255] (см. параграф 12.1.5). Его суть – снижение индивидуального потребления до незначительного для глобальных корпораций уровня, расходы на который во многом компенсируются нелегальным бизнесом *(нерегулируемых торговли оружием*[256] *и добычи ресурсов, наркоторговли, а также использования бандитов – например, сомалийских пиратов и нигерийских повстанцев – для корректировок глобальных процессов локальными кризисами).*

Но физическая утилизация населения крайне сложна: во времена Гитлера с ней не справился даже такой высокоорганизованный народ, как немцы. В неразвитых странах конфликты малой интенсивности, голод, болезни, искусственное бесплодие (включая прививки и планирование семьи) и войны оказались недостаточны для решения задачи (даже Африка к югу от Сахары демонстрирует устойчивый рост населения [137]).

Принципиально важно, что информационные технологии, обеспечивая атомизацию даже самых бедных обществ, лишают их способности к самозащите и сопротивлению даже внешней агрессии. *В этом отношении характерно взятие Мосула запрещенной в России террористической организацией ИГИЛ в июне 2014 года: двухмиллионную агломерацию захватила группировка, не превышавшая 1,5 тыс.чел.. Население не поддерживало террористов: в первые же 2 недели из города бежало около полумиллиона человек, то есть четверть жителей. Но эти люди даже не пытались защитить себя, несмотря на колоссальное численное превосходство и огромное количество брошенного армией вооружения, включая тяжелую технику.*

---

255. Автор сталкивался с откровенной радостью вроде бы приличных западных аналитиков по поводу эпидемии СПИДа в Африке, без которой последняя «превратилась бы в такую же демографическую бомбу, что и Ближний Восток».
256. Разумеется, сами глобальные корпорации не торгуют оружием на «черном рынке». Но нелегальные торговцы продают именно произведенное ими оружие, обеспечивая дополнительный спрос на него и дополнительные прибыли им.

Второй путь решения проблемы лишних людей – **социальная утилизация: бывший «средний класс» превращается в «людей трущоб»** (см. параграфы 6.3 и 6.4) Это реалии прежде всего Латинской Америки.

В обоих случаях уровень потребления утилизируемого населения находится на столь низком уровне, что глобальные монополии не ощущают его потерю как значимый убыток или упущенную прибыль. *В то же время слабость инфраструктуры (в том числе социальной) делает положение населения крайне уязвимым, и его резкое сокращение может не только произойти из-за техногенных, экологических или социальных катастроф, но и остаться незамеченным общественностью развитого мира*[257]*.*

Наиболее остро задача утилизации ставшего убыточным «среднего класса» стоит в развитых странах, где он наиболее многочислен и обеспечен, – и ставшие неоправданными для глобальных монополий расходы на него максимальны.

Развитая часть Европы, как обычно, **решает** вставшую перед ней **задачу наиболее комфортным способом;** первой попыткой еще в «нулевые» стало **развитие наркомании**.

Значимым шагом на этом пути стала исступленная поддержка Евросоюзом (а отнюдь не только одними США) независимости Косово[258], что *de facto* означало придание государственного статуса наркоторговцам *(да и в целом наиболее жестокой в Европе этнической организованной преступности)*.

Другой путь истребления европейского «среднего класса» наркотизацией – кампания Всемирной организации

257. Как прошел незамеченным ею геноцид в Кампучии в 1975-1979 годах (в которой полпотовцы истребили, по западным же оценкам, от четверти до более чем трети населения), а позже – геноцид в «африканской Швейцарии» Руанде, гражданская война в Таджикистане, истребление русского (и в целом невайнахского) населения в Чечне и вымаривание Украины после привода там к власти фашистов (по оценкам, сделанным на основе потребления хлеба [340], население контролируемой ими территории сократилось с начала 2014 по 2017 год с более 38 до 24 млн.чел., – прежде всего, конечно, за счет выезда на заработки и бегства).

258. Конечно, непосредственные и наиболее значимые причины этой поддержки были другими; данная причина второстепенна, но это не делает ее несуществующей.

здравоохранения и ряда правительств по распространению метадона *(синтетического заменителя героина, потребляемого без риска заразиться СПИДом или гепатитом С и D).* Она означает уничтожение наркоманов: если с героина можно «вернуть» примерно 30% его потребителей, то метадоновый наркоман шансов на излечение не имеет.

Таким образом, глобальная экономическая депрессия, ускоряя обеднение американского и европейского «среднего класса» (в США этот процесс идет дольше и быстрее, чем в Европе), создает предпосылки для ускоренной утилизации нерентабельной части населения Земли. Утилизация эта будет идти в первую очередь не столько в и без того уже нищих, сколько в первую очередь в развитых странах: именно они обладают наиболее затратным с точки зрения глобальных корпораций) «средним классом».

Над конкретными механизмами «окончательного решения» (если пользоваться нацистской терминологией) вопроса его утилизации, насколько можно судить по целому ряду обсуждений и контактов в мировой аналитической среде, уже бьются лучшие умы глобального управляющего класса.

Наркотизация опасна преступностью и заметностью, из-за чего общество может осознать происходящее и начать реагировать.

По мере развития технологий мейнстримом в развитых странах стал отказ от рождаемости и отправка представителей вымирающего «среднего класса» «в один конец» в **виртуальную реальность**, обеспечивающую более яркие и интенсивные впечатления, чем реальная жизнь, в которую они уже почти перестали вмешиваться. Пока проблема извлечения прибыли из отправленного в виртуальную реальность тела или хотя бы его самоокупаемости не решена, проблема лишних людей как источника убытка глобального бизнеса сохраняет свою актуальность. Однако после решения этой проблемы перемещение лишних людей развитых стран в виртуальную реальность произойдет быстро и обезлюдит их, открыв для вторжения и заселения представителями но-

вых цивилизаций, скорее всего – беженцами из мусульманского мира.

Существенно, что юридическая неопределенность статуса ушедшей в виртуальную реальность личности и вероятное поражение ее прав в реальном мире не только не затормозит, но и форсирует этот переход в интересах глобального бизнеса (он будет заинтересован успеть как можно быстрее до юридического закрепления прав утилизируемых таким образом лишних людей).

10.2. Новое Средневековье недолго будет компьютерным

Сознательный отказ от коммерческой парадигмы развития (и, соответственно, избежание необходимости проведения людоедской утилизации лишних людей) сейчас невозможен. Он будет означать замену мотива прибыли как ключевого мотива человеческой деятельности мотивом личного самосовершенствования, который слишком неопределен и слишком слаб, чтобы стать значимым политическим фактором.

В рамках рыночной парадигмы человечество развивается на протяжении последних веков. Значимая попытка вырваться из нее пределы была предпринята лишь советской цивилизацией, – но, несмотря на значимость пройденного ею пути и высочайшие достижения, ее историческое поражение не вызывает масштабного желания двинуться по ее следам.

Все участники процесса принятия решений сформировались и добились успеха именно в рамках рыночной парадигмы и потому не могут представить себя в рамках любой иной. Идея отказа от стремления к прибыли как главного мотива означает для них социальное самоубийство и потому вызывает отпор.

Поэтому человечество будет развиваться стихийно: через социальную катастрофу и инстинктивную реакцию на нее.

Это означает глубокую архаизацию, ибо уничтожение среднего класса, даже социальное, а не физическое, приведет к резкой дегуманизации (см. параграф 9.1) как управляющих систем (вынужденных решать людоедские задачи), так и обществ в целом (так как ценность жизни и личности драматически снизится).

Отказ от ценностей демократии и рынка (см. параграфы 9.2 и 9.3) будет означать огромный шаг назад – в «темные века» средневековья, во времена до начала эпохи Просвещения.

Архаизация вступит в жесткое противоречие с технологической инфраструктурой, созданной человечеством на прошлом этапе его существования, – во время прогресса.

Технологический и в первую очередь социальный регресс быстро сделает ее непосильной не только для управления, но даже для понимания. Ведь знание по своей природе недолго бывает тайным: оно вырождается в ритуалы и умирает в них.

Разрушение образования не даст готовить должное количество специалистов не только для развития, но и для сохранения работоспособности технологической инфраструктуры.

По мере своего старения ее элементы начнут вступать друг с другом в сложные и не всегда поддающиеся прогнозированию взаимодействия. Необходимость оперативного выявления и учета этих взаимодействий превращает даже работу по поддержанию работоспособности уже функционирующих старых технологических систем в весьма нетривиальную творческую задачу, – справиться с которой жертвы архаизованной системы образования[259] не смогут.

Таким образом, социальная архаизация будет усугублять нарастающие проблемы: с одной стороны, снижение социальной значимости знания будет повышать число управленческих решений, не учитывающих технологические по-

259. По уже устоявшемуся российскому образовательному сленгу – «жертвы ЕГЭ» или «дети Фурсенко» (они же «дети Кузьминова»).

требности и ограничения, с другой – социальная архаизация будет прямо разрушать технологическую сферу.

Последствия тривиальны: техногенные катастрофы.

В силу масштаба и сложности современных технологических систем жизнеобеспечения (любой мегаполис превратит в «зону смерти» отключение не только света, но и воды) эти процессы могут сократить численность человечества.

Не менее важно, что архаизация массового сознания и систем управления не даст человечеству осознать новые угрозы ему – связанные, в частности, с ухудшением генофонда (как из-за ухудшения окружающей среды, так и в силу успехов медицины), появлением новых заболеваний и все более гипертрофированной ролью различных меньшинств в принятии решений.

10.3. Человек не хочет становиться на четвереньки: технологический социализм

Принципиально важно, что, как многократно было подчеркнуто выше, развитие технологий (в виде технологий формирования сознания и современных компьютерных систем) ведет к архаизации лишь в рамках рыночной парадигмы человеческого развития.

Единственный способ разрубить гордиев узел современных глобальных проблем – форсирование технологического прогресса, обеспечить которое можно лишь на пути отказа от корысти как основной движущей силы человечества.

Безусловно, технологии как возможный стимул и мотив приемлемого будущего (и единственный способ сделать его приемлемым) не отрицают прежнего стимула – корысти и прибыли. Они включают его в себя, преодолевая его доминирование и преобразуя в соответствии со своими потребностями, – как капитал, развиваясь, отнюдь не отрицал роль золота, но гармонично и непротиворечиво включил

его в себя, отобрав у него при этом не только исключительность, но и самостоятельность его общественной роли.

Мы видим, что деньги неуклонно теряют значение, уступая свою роль символа и инструмента достижения успеха технологиям, а те все чаще используются на нерыночных условиях, закрепляющих господство их владельцев (см. параграф 8.1).

Вырываясь из оков рынка, человечество стремится к восстановлению технологического прогресса, надеясь на возвращение его гуманизирующей роли и на то, что технологии обеспечат «благосостояние для всех» и остановят сползание в варварство. Эти надежды могут оправдаться лишь при отказе от рыночной парадигмы.

Рыночные отношения, бывшие незаменимым и всесокрушающим двигателем технологического прогресса, на глазах превращаются в его оковы и потому должны быть преодолены.

Выходом из кажущегося исторического тупика, действенным лекарством от архаизации должно стать настойчивое и целенаправленное развитие технологий.

Человечеству необходим кардинальный переворот в сознании, изменение массового отношения к технологическому прогрессу. Он должен стать не средством достижения прагматических целей вроде извлечения прибыли, каким он был на протяжении всей истории, но категорическим императивом, самостоятельной, едва ли не нравственной сверхценностью.

Подобно тому, как современный человек дважды в день чистит зубы не потому, что боится кариеса, а потому, что так принято, – точно так же этот же человек должен стремиться к технологическому прогрессу. Он должен жертвовать ему свои деньги подобно тому, как в приведенном примере он жертвует общественным приличиям свое время, – как правило, не задумываясь о стоящими за ними потребностями его же здоровья.

Важно, что человечество приближается к коренному изменению мотивации своей деятельности. Признак роста нерыночных мотиваций – широкое распространение волон-

терства, в том числе в отнюдь не самых обеспеченных и благополучных слоях общества.

Уже заметна тенденция к замене узко рыночного стремления к голой прибыли объемлющим, включающим его стремлением к новым технологиям, делающим жизнь не только более богатой и благополучной, но и более разнообразной.

Упование на технологии против всесилия рынка, при всей наивности такого упования (как и любой, во все времена надежды на лучшее будущее), представляется перспективным. По сути дела, это новая, современная форма социалистической идеи, преображающейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею **технологического социализма**.

Вырываясь из оков рынка, человечество стремится к восстановлению технологического прогресса, надеясь на возвращение его гуманизирующей роли, надеясь на то, что технологии вернут и приумножат «благосостояние для всех» и тем самым остановят все более пугающее его сползание в варварство.

Сегодняшняя форма общественного развития – борьба стремлений к прибыли и к технологиям, борьба глобального финансового монополизма и ломающего его технологического прогресса (тут же, впрочем, тоже порождающего монополизм – достаточно оценить феномен социальных платформ и алгоритмических обществ), борьба глубинной тяги к архаизации и жажды возобновления комплексного, всеобъемлющего, гармоничного развития человечества.

Эта борьба двух тенденций вновь, как в годы великих войн, превращают лаборатории и кабинеты ученых в передовой край борьбы человечества за свое будущее.

Но, если раньше речь шла о выживании и прогрессе лишь отдельных народов и их групп, то теперь – всего человечества.

Лишь через превращение совершенствования технологий в самоцель можно **изменить** цель, а значит, и саму **парадигму развития человечества:** обеспечить **переход массового индивида от существования ради прибыли к существованию ради совершенствования** и саморазвития.

10.4. Проблема прошлого, ресурс будущего: зияющая неопределенность

Дальше всех по этому пути прошел Советский Союз, – но его попытка, несмотря на колоссальные успехи (ибо «новая историческая общность людей – советский народ» все же успела сложиться), трагически провалилась.

Она весьма перспективна – в том числе с точки зрения одновременно гуманистичного и производительного решения проблемы лишних людей (см. главу 9). Если вслед за коммунистами счесть целью существования человека его самосовершенствование – как индивидуальное, так и общественное, – проблема избытка рабочей силы сменится проблемой ее жесточайшей нехватки – в первую очередь в сфере образования и здравоохранения (в том числе в странах, не уничтоживших их под видом «оптимизации»). Ведь чтобы превращать молодежь не в «квалифицированных потребителей», «эффективных менеджеров» и «молодых технократов», а во всесторонне и гармонично развитые личности, нужны значительно большие усилия, требующие не только более высокой квалификации, но и большего числа педагогов.

Сегодня механизмы и даже массовые индивидуальные (не говоря уже о коллективных) мотивы движения по этому пути остаются пугающе неопределенными. Человек в массе своей остается хотя и общественным, но животным, предпочитающим в отсутствие внешнего принуждения деградировать, а не совершенствоваться, *причем снижение среднего морального и интеллектуального уровня в последние четверть века на Западе весьма наглядно*.

Другая проблема – отсутствие универсального критерия совершенствования личности. Ведь она, в отличие от денег, многогранна, – и прогресс в одних сферах легко может сопровождаться деградацией в других *(а если судить по личной жестокости и бесчеловечности многих гениев по от-*

ношению к своим близким, то чрезмерны прогресс в главной цели личности, возможно, прямо-таки требует деградации в обыденно жизни).

Но эту проблему, под грузом которой надломилась и рухнула советская цивилизация, придется решать – под страхом наступления новых «темных веков» и вымирания человечества.

Не ставя перед собой эти ключевые вопросы, человечество не найдет на них ответов и продолжит привычный путь к прибыли, ведущий в новых условиях к массовому, невиданному даже для Средневековья, уничтожению людей. Если неприемлемость этого будет осознана (что не обязательно: когда население в Германии в ходе 30-летней войны было сокращено втрое, осознания неприемлемости этого не было), сохранившаяся часть человечества сможет воспользоваться объективными технологическими предпосылками коммунизма – если, конечно, технологии не погибнут вместе с людьми.

Все более ясное понимание этого тревожит интеллектуальную часть и развитых обществ, и глобальных управляющих сетей Запада. Насколько можно судить по ряду косвенных признаков, в них все еще продолжаются глубоко скрытые дискуссии о выборе между сохранением привычной мотивации и превращении в людоедов или же сохранением привычной морали при превращении в еще более пугающее их подобие коммунистов.

Как отмечал один из выдающихся мыслителей постсоветского пространства Марк Ткачук, люди приходят к коммунизму от безысходности, перепробовав все остальные варианты и убедившись в их неприемлемости. Важно лишь не войти в число погибших по дороге.

В современном мире, как и в исторической России, жить надо долго.

Часть IV.

ИЗМЕНЕНИЕ МИРОПОРЯДКА: ДОМИНИРОВАНИЕ И ВЫЗОВ

Глава 11. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ: РАЗДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

11.1. Концентрация интеллекта: территориальная и тематическая

Описанное в параграфе 6.1 обособление работающих с современными информационными технологиями в «информационное сообщество» концентрирует последнее в наиболее развитых странах. Ведь оно устойчиво лишь в относительно богатом и демократическом обществе, способном обеспечить его членам достаток, признание и, что не менее важно, профессиональную среду. На примере России мы видим, что **интеллект**, если и выживает, то **не воспроизводится в бедности и опасности**[260].

260. Возможность удовлетворить новые потребности, возникающие благодаря росту доходов, не менее важна, чем сам этот рост: «когда человек перестает выживать и начинает жить, к потребностям хлеба и зрелищ добавляется потребность в справедливости, бросая управляющей элите вызов, который легко становится роковым» [152]. Ряд корпораций, развивавших Интернет в российских регионах в 90-е, столкнулись с эмиграцией компьютерщиков после 3-6 месяцев получения высоких по местным меркам зарплат (в силу изменения их системы потребительских и жизненных ценностей).

Неблагоприятные условия оставляют специалистам – особенно такой быстро развивающейся сферы, как информационные технологии – ограниченный и жесткий выбор. Они либо выталкиваются в более развитые страны, либо стихийно уничтожаются как профессионалы на месте[261]. Результат – перетекание «информационного сообщества» всего мира в развитые страны, но «утечка умов» этим не ограничивается. Так же, как в погоне за доходами и востребованностью специалисты переезжают из менее развитых стран в развитые, из последних они стремятся в созидающие новые технологические принципы «наиболее развитые» общества – в США, и, в меньшей степени, Англию (а с 2010 года – все чаще в Китай).

Это движение не просто углубляет разрыв между развитыми и остальными странами и дополняет его разрывом между основной массой развитых стран и «наиболее развитыми» странами. При сохранении сложившихся технологических тенденций оно делает оба указанных разрыва непреодолимыми, что предопределяет качественное замедление технологического прогресса вне развитых (а со временем – и вне наиболее развитых) стран и необратимую деградацию развивающихся стран[262].

---

261. Исключения лишь подтверждают это правило, так как достигаются либо сверхусилиями обществ (обычно за счет централизации ресурсов государством), либо на основе предшествовавшей многолетней миграции специалистов.
Так, расцвет оффшорного программирования в Индии был вызван госпрограммой развития математики в рамках атомного проекта. С другой стороны, длительная эмиграция привела выходцев из Индии в том числе на посты влиятельных менеджеров мировых компьютерных корпораций. Участвуя в распределении их заказов на разработку программных продуктов, они учитывали наличие в Индии сильной математической школы (с представителями которой порой были связаны и родственными узами).
Именно так – за счет симбиоза госпрограмм и долгой массовой эмиграции, – и сложилась «индийская школа оффшорного программирования».
262. Нынешние тенденции обещают столь же печальную участь и развитым странам, только позже неразвитых; но это «позже» не наступит. Ведь крах неразвитых стран даже без обрушения мира в Глобальную депрессию (см. параграф 15.3) породит масштабный катаклизм (пусть и растянутый во времени), который изменит основные закономерности развития и обновит большинство тенденций – в том числе и эту.

Из-за обостряющейся конкуренции, в том числе за специалистов, следует ждать сокращения числа по-настоящему (а не по формальному рейтингу) развитых стран. Интеллект лишает покидаемые им территории важнейшего фактора развития и сталкивает их вниз по глобальной «конкурентной лестнице».

Технологический разрыв между развитыми и развивающимися странами превращает само название последних в беспомощный эвфемизм, призванный скрыть трагическую реальность **неразвитых стран**, обреченных на отставание.

Технологически обусловленная пропасть существует и внутри стран. Ведь «информационное сообщество» в силу своего характера обособлено от остальной части общества. Технологии всеобщей коммуникации парадоксально ввергают человечество в трагическую эпоху многообразной разделенности – интерактивной, погруженной в многоуровневую планетарную сеть, – рядом с которой даже феодальная раздробленность выглядит фестивалем солидарности.

11.2. Новые ресурсы для новых технологий

Быстрое распространение и совершенствование информационных технологий (и особенно *high-hume*) изменили функционирование использующих их обществ и их взаимодействие с менее развитыми странами. Эти изменения связаны с изменением ресурсной базы новых технологий.

Технологии *high-hume* и **информационные технологии** в целом, помимо сверхпроизводительности, **отличаются** от предшествующих и **высочайшей изменчивостью, максимальной скоростью прогресса**. Поэтому пионеры их освоения – США – привлекли к их созданию спекулятивный финансовый капитал, мобильность которого соответствует их изменчивости.

Его привлечение в создание обычных технологий опасно из-за их «медлительности». Любой производственный про-

ект требует больше времени, чем приемлемо для спекулятивного капитала. Поэтому его вложения неэффективны: он уходит, подчиняясь текучей конъюнктуре глобальных рынков, не успев создать ничего реального и оставляя после себя разрушения.

Но информационные технологии развиваются быстрее обычных, – и по отношению к ним спекулятивный капитал может стать производительным. Время их обновления так мало, что соответствует его скорости обращения.

В результате часть спекулятивных инвестиций в США (а теперь и Китай) идет на развитие информационных технологий и за счет его быстроты носит производительный, а не спекулятивный характер. Это дает американской экономике дополнительный «запас прочности», невидимый наблюдателям из менее развитых обществ и обычно не понимаемый ими.

Пример 38

О значении различий
в скорости технологического времени

Сосуществование информационных и «медленных» обычных технологий повышает значение «технологического времени».

Причина значимого числа банкротств компьютерных фирм в США даже в периоды наилучше коньюнктуры – относительная длительность внедрения новых технологических принципов. Пока традиционные технологии успевали воспринять новые разработки качественно более «быстрых» информационных технологий, многие из последних морально устаревали прямо в процессе внедрения.

В итоге компания, отвлекшая ресурсы от создания новых технологий на их реализацию, «теряла темп» и выпадала в пространство более медленного «технологического времени», проигрывая конкурентам, остающимся в сфере разработки новых идей, где технологическое время течет намного быстрее.

В информационном мире главным ресурсом развития, которым до начала глобализации служило пространство с относительно жестко закрепленными на нем производствами, становятся мобильные благодаря господству информационных технологий финансы и интеллект. *Поэтому развитие информационных технологий и вызываемая ими глобализация означают смерть «учения о жизненном пространстве» – геополитики*[263]*, несмотря на качественный рост значения транзитных путей.*

В силу этих изменений призыв к «новым варягам» из развитых стран «придите и правьте» в 90-е годы уже не имел смысла. Так как ключевые ресурсы развития лишились территориальной «привязки», эффективное освоение территории информатизированным обществом состоит уже не в развитии находящегося на ней общества, но все больше – в обособлении в осваиваемом обществе с последующим изъятием из него носителей финансов и интеллекта.

При таком освоении прогресс более развитого, «осваивающего» общества идет за счет деградации «осваиваемого», причем масштабы этой деградации, как обычно при «развитии за счет разрушения», превосходят выигрыш более развитого общества. Это классическая «игра с отрицательно суммой».

Этим освоение эпохи глобализации отличается от «старого доброго» колониализма – как традиционного, основанного на прямом политическом господстве, так и неоколониализма, основанного на экономическом господстве при формальном предоставлении политической самостоятельности.

Колониальная держава, даже заинтересованная лишь в разработке недр, поневоле втягивается в освоение террито-

263. З.Бжезинский и другие геополитики, как ни парадоксально, повторяют ошибку К.Маркса: не учитывают влияния технологического прогресса. Марксизм с трудом замечал его роль в изменении современных ему производственных отношений (будучи объективен при оценке этой роли в безопасном прошлом), а геополитика игнорирует его влияние на конкурентоспособность регионов.
Надо отдать должное нашим современникам – так как влияние технологического прогресса на мир сегодня неизмеримо сильнее и заметней, чем полтора века назад, игнорировать его значительно сложнее.

рии, а затем и в обеспечение ее социального прогресса. Ведь любое производство требует местных рабочих, которым надо обеспечить минимальное образование и здравоохранение. Туземные специалисты также дешевле командированных из метрополии, не говоря о наличии у них дополнительной мотивации; подготовка же их (а потребности специалиста качественно выше, чем у рабочих) означает создание местной интеллигенции и требует развития социума.

Такое комплексное освоение имеет тенденцию к неконтролируемому выходу за пределы первоначальной мотивации (освоение ресурсов) и к чрезмерным затратам. Именно затратность и потребность в снижении издержек – фундаментальная причина краха колониальных держав и перехода к нео- или экономическому колониализму, инициированному США.

Неоколониализм снижает издержки на освоение территории перекладыванием на нее расходов на организацию ее политической жизни и социального развития.

Незрелые местные общества не готовы к самостоятельности. *Клинические проявления этого – Африка, ставшая с завершением холодной войны зоной социального бедствия (и находящая сейчас спонсоров взамен СССР и Запада в лице Китая и, в меньшей степени, Катара), страны Восточной Европы и бывшего СССР*.

Таким образом, снижение издержек при неоколониализме сопровождается деградацией осваиваемых обществ.

В условиях глобального биполярного противостояния дотирование социального прогресса вынуждала необходимость сдерживать противника. Уничтожение СССР избавило от нее Запад и позволило снова снизить издержки, открыв **третий этап колониализма – колониализм эпохи глобализации**.

Он отказывается от самой идеи развития осваиваемых территорий и превращает развитие в исключительную привилегию развитых, а завтра и лишь наиболее развитых стран.

Предпосылкой как быстрой концентрации капитала, так и окончательного отрыва его (наряду с интеллектом) от национальной почвы служит глубокий и по возможности

кажущийся безысходным кризис. Ведь, **чтобы обрести мобильность, и капитал, и интеллект должны отчаяться в своей родине**.

Наиболее эффективным, ускоряющим изъятие из общества его финансовых и интеллектуальных ресурсов и потому широко применяемым методом является поощрение всех черт, которые не просто выделяют привлекательные для развитой страны элементы «осваиваемого» общества из него как целого, но и неприемлемы для последнего. Провоцируемое таким образом отторжение привлекательных для развитых стран элементов «осваиваемого» общества облегчает изъятие из этого общества его наиболее прогрессивной части. *Пример – приписываемые Эйзенхауэру слова о том, что подавление венгерского мятежа 1956 года отдало Западу лучшую часть венгерской молодежи, вынужденную покинуть родину [80].*

Осмысление описанного изменения характера сотрудничества между развитыми и развивающимися обществами[264] породило понятие «конченых стран»[265]. К ним относятся страны, подвергнувшиеся разрушающему воздействию нового, глобализационного колониализма[266]. Результат – утрата ими не только важнейших, интеллектуальных и финансовых ресурсов развития, но и способности их производить.

Происходящая при этом утрата или, как минимум, упадок национальной культуры дополнительно подрывает сопротивляемость внешнему информационному воздействию.

Деградация международного сотрудничества и его целей убедительно проанализирована на примере «освоения на-

264. А отнюдь не бескорыстная (и потому противоестественная для рационального Запада) ненависть к славянам, азиатам и африканцам, вопреки бытующим среди последних представлениям.
265. Этот термин пополняет список примеров того, как литературный перевод точнее дословного. Исходный термин политологии – *failed states* (неудачные, неудавшиеся, обанротившиеся и даже «упавшие» государства) – отличается большей политкорректностью и потому меньшей выразительностью. Вкладываемый же в него смысл больше соответствует литературному переводу.
266. Наиболее ярок пример Африки, ставшей «континентом нищеты» с вымирающим от голода и болезней населением, деградирующей экономикой и распадающимся социумом. Колониализм 50-х вспоминается там как «золотой век».

следства» СССР развитыми странами. Важно, что **непосредственной причиной бурного развития информационных технологий**, вызвавшего указанную деградацию, **стало именно поражение самого Советского Союза в холодной войне.**

Оно дало развитым странам столь концентрированную и качественную финансовую и особенно интеллектуальную подпитку, что те резко ускорили развитие «на его костях». *Различие стратегических ориентаций, а значит – возможностей и перспектив Европы и США лучше всего иллюстрирует то, что первая «впитала» в основном финансы, а вторые – интеллект.*

Оказавшись из-за одностороннего выхода СССР из противостояния победителями в холодной войне, развитые страны не ограничились простым уничтожением противника, но захватили и освоили его наиболее важные в новых условиях ресурсы – правда, использовавшиеся им на завершающем этапе его существования из рук вон плохо. *(Ключевое внутреннее противоречие позднего социализма в том, что он, готовя наилучшие в мире человеческие ресурсы, использовал их наихудшим способом. Это породило враждебность советской элиты и среднего класса – инженерно-технических работников – к собственному государству, идеологии и, в итоге, стране; подробней см. параграф 56).*

Освоив ресурсы СССР, развитые страны кардинально усилили свой отрыв от остального мира, создав и закрепив, в том числе институционально, деструктивную модель международного взаимодействия, убийственную для слабых стран.

11.3. Удешевление однородных товаров и обесценение простого труда

Необратимое отставание развивающихся стран от развитых порождено не только вымыванием из них наиболее важных в новых условиях ресурсов, но и падением полезно-

сти традиционных ресурсов и технологий, которые эти общества унаследовали от «до-информационной», индустриальной эры.

Важнейший результат каждого нового этапа развития – **относительное обесценение «старых» технологий и продуктов их применения по мере распространения новых.** В последние 30 лет складывание информационного технологического уклада обесценивает предшествующие.

Это обесценение тем глубже, **чем более примитивны** «старые» технологии (**то есть чем меньше в цене их продукта доля, созданная профессиональным трудом и формированием сознания потребителя**) и чем более конкурентны их рынки. Поэтому распространение информационных технологий «при прочих равных условиях» обесценивает в первую очередь однородные товары, рынок которых наиболее либерализован и в наименьшей степени доступен контролю производителей.

Конечно, «прочие равные условия» в природе не существуют, что наглядно иллюстрирует взлет мировых цен на нефть, начавшийся в 1999 году: сначала из-за опасений ее дефицита, потом как главного объекта спекуляций, а затем в результате недоинвестирования.

Удорожание энергии переориентировало часть сельского хозяйства с нужд продовольствия на нужды энергетики. Одновременно формирование среднего класса в успешно развивающихся странах (в первую очередь в Китае и Индии) подстегнуло мировой спрос не только на энергию, но и на еду.

В результате однородные биржевые товары периодически дорожают – из-за скачка спроса на них и биржевого характера, сделавшего их идеальным объектом вложения глобальных спекулятивных капиталов, а также высокой природной ренты, позволяющей оказывать воздействие на рынки.

Но за этим важным исключением правило прямой связи стоимости с уникальностью продолжает действовать. Так, обесценены массовые промышленные товары (см. параграф 8.5).

Смена технологического базиса всегда сопровождается социально-политическими катаклизмами, усугубляемыми тем, что монополии долгое время сдерживают грозящий их положению технологический прогресс. Хотя «альтернативная энергетика», – все еще чрезмерно дорогая обманка, за редкими исключениями[267] дотируемая государствами (см. параграф 9.2.2), нас ждет распространение дешевых новых энергетических и сельскохозяйственных технологий, искусственно сдерживаемых сегодня глобальными и национальными монополиями.

Смена технологий сопровождается войной между технологическими укладами, формирующими различные политические группы. Так, в США демократы ориентируются в целом на представителей информационных технологий, а республиканцы – на нефтяников, что в периоды пребывания республиканцев у власти дает дополнительный импульс росту цен на нефть.

Пример 39

Удорожание нефти с 1999 года: исключение, подтверждающее правило

Взлет мировых цен на нефть, начавшийся весной 1999 года, стал длительным и значимым в том числе потому, что США использовали его как инструмент борьбы со стратегическими конкурентами – развитыми странами Европы, возвышающимся Китаем и приподнимающейся после «потерянного десятилетия» Японией.

При незначительности количественной разницы между тогдашним уровнем развития США и остальных развитых стран она была качественной: США уже перешагнули порог, отделяющий «информационное» общество от индустриального.

В результате удорожание нефти создавало для развитых стран более серьезные проблемы, чем для США,

267. Ветряки в Нидерландах, биотопливо в Бразилии и выкрашенные в черный цвет баки для нагревания воды на крышах домов в субтропиках и южнее.

и способствовало укреплению глобального конкурентного лидерства последних.

В 2000 году дороговизна нефти поддерживались во многом в рамках президентской избирательной кампании в США. Республиканцы с удовольствием «валили» администрацию Клинтона, провоцируя при помощи дорогой, как тогда казалось, нефти обострение экономических проблем (вплоть до крушения «новой экономики» в апреле 2000 года).

Наряду с разгулом коррупции в пореформенной России (что трактовалось как ее «потеря»), демократической администрации ставилось в вину и обострение палестино-израильского конфликта, поддержавшее высокие цены на нефть. Это внезапное обострение выглядело подозрительно, если учесть, что республиканская партия США исторически имеет большое влияние на Ближний Восток.

При этом крупнейшие нефтяные корпорации США, наиболее тесно связанные с республиканской партией, еще и получали за счет высоких мировых цен на нефть дополнительные прибыли.

После президентских выборов в США администрация Буша попала в конфликт интересов: сросшиеся с ней нефтяные корпорации хотели дорогой нефти, Америка нуждалась в дешевой. «При прочих равных условиях» выбор был бы сделан в пользу национальных интересов, – но объективные факторы помогали нефтяникам: процесс уже обрел неконтролируемый динамизм.

Прежде всего, рост спроса начал грозить нехваткой нефти.

Сверхдоходы же арабских стран – экспортеров нефти, в первую очередь Саудовской Аравии, способствовали росту их самосознания, укреплению их самостоятельности, более твердому следованию своим интересам. Усиление противоречий внутри самого Запада – между США и Европой, проявившееся в дестабилизировавшей Европу агрессии 1999 года против Югославии, воодушевило руководство богатых арабских стран не меньше, чем дополнительные нефтяные доходы.

Наиболее явно это проявилось во всплеске исламского фундаментализма, а также увеличении финансирования антиглобализма как западного движения, отрицающего часть западных же ценностей. **Относительная дороговизна нефти в 2001-2002 годы – результат и внешнее проявление «молчаливого восстания» арабского мира против господства потребляющих нефть развитых стран**.

Другим фактором удорожания нефти стал перенос производств из США и других развитых стран в страны Юго-Восточной Азии после кризиса неразвитых экономик 1997-1999 года и девальваций национальных валют. Помимо дешевизны рабочей силы, преимуществом этих стран были низкие экологические ограничения; использование более простых, дешевых и, соответственно, энергозатратных технологий способствовало росту спроса на энергоносители.

Ограниченность этого фактора в сочетании с резким ростом экспорта российской нефти привело к снижению ее цены в конце 2001 – начале 2002 года. Однако реакция Запада была уже запрограммирована.

Нападение на Ирак готовилось США как солидарный ответ Запада всему арабскому миру. Он заключался не только в «акции устрашения» и даже не в сокращении влияния богатых арабских стран на мировой рынок нефти за счет перехода нефтяных и газовых запасов Ирака под контроль крупнейшего экспортера – США.

Ключевой задачей войны многие аналитики считали уничтожение подлинного центра арабского сопротивления – ОПЕК, которая должна была быть ликвидирована раз и навсегда.

Провал американского государства дал огромный выигрыш во многом манипулировавшему им техасско-саудовскому нефтяному лобби, которое, не установив контроля за нефтью и газом Ирака, ограничилось прибылью от головокружительного удорожания нефти. Выгодность для него как стратегической победы, так и стратегического поражения США и обусловила авантюрность подготовки нападения (см. пример 21).

А затем в дело вступили фундаментальные факторы: растущая угроза дефицита нефти (в том числе из-за сжатия иракского экспорта: свободные мощности добычи упал за первую половину «нулевых» с 5-6 до 1,2%), дезорганизация мирового порядка из-за наглядной слабости США, панический переток спекулятивных капиталов в природные ресурсы из-за финансового кризиса, являющегося оборотной стороной их геополитического бессилия. По этим причинам цена *Brent*-смеси выросла с 29,6 долл/барр в начале 2004 года до 147,5 летом 2008 года, после чего рухнула в результате обострения глобального кризиса до минимума в 39,4 долл/барр в начале 2009 года.

После краха рынка деривативов фьючерсы на нефть стали главным глобальным спекулятивным товаром; существенную роль сыграл и крайне незначительный объем рынка североморской *Brent*-смеси, специально выбранной для максимального удобства спекуляций. Удорожанию нефти способствовала и авария на АЭС в Фукусиме, вызвавшая страх перед атомной энергией и способствовавшая росту спроса на углеводороды. В результате пик цен 2010 года составил 95.2 долл/барр, и с 2011 до середины 2014 года цена колебалась в пределах 88,5-128,4 долл/барр.

Прекращение Обамой политики «количественного смягчения», то есть резкое ужесточение финансовой политики, привело к сжатию главного спекулятивного рынка: с середины до конца 2014 года нефть подешевела со 115,7 до 57,3 долл/барр и достигла в начале 2016 года минимума в 34,4 долл/барр. Это нанесло страшный удар по альтернативной энергетике, относительная невыгодность которой резко увеличилась.

Спекулятивный рынок компенсировал столь резкое (более чем втрое) падение восстановлением цен, с апреля 2016 по конец сентября 2017 колебавшихся в пределах 40,5-57,4 долл/барр.. Однако, достигнув локального минимума в 47.9 долл/барр в конце июня 2017, затем нефть уверенно стала дорожать и с конца марта 2018 года превысила 70 долл/барр (в конце июня достигнув 79,5 долл.).

Переход в новый коридор «70+» (71-79 долл/барр) был вызван высокой себестоимостью нефти ключевых американских компаний: с учетом налогов и, главное, корпоративных аппетитов ее себестоимость при продаже в 2016 году составляла около 60 долл/барр (и снизилась за последующие два года не более чем до 55 долл/барр). Убытки, которые можно было маскировать бухгалтерскими схемами, но которые от этого никуда не исчезали, были таковы, что в 2016 году одной из глобальных американских нефтяных корпораций пришлось брать кредиты специально для выплат дивидендов, – пример самоедской неэффективности, немыслимый даже для позднего СССР! Геополитическое влияние американских нефтяников позволило им обеспечить компенсирование периода убытков (с середины 2014 по конец сентября 2017 года) ростом цен; разумеется, свою роль сыграло и сворачивание ряда проектов добычи в этот период.

Подводя итог, следует отметить: **снижение реальных** (с учетом обесценения валют) **мировых цен на не дефицитные продукты относительно мало интеллектуального труда, станет**, по-видимому, **долговременной тенденцией мировой экономики**.

В этом смысле США, «сбрасывавшие» в «осваиваемые» страны не столько экологически, сколько «интеллектуально грязные», то есть слишком простые, производства, оставляя себе производство относительно наиболее дорогих новых технологий и принципов управления, страховали себя от негативных последствий собственного технологического рывка.

Развивающиеся же страны, принимавшие у себя эти производства, без титанических усилий государства по освоению и совершенствованию чужих технологи (как это делалось в Китае), обрекали себя на увековечивание отставания и окончательное превращение в неразвитые.

Глава 12. СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО МОНОПОЛИЗМА

12.1. Транснациональные корпорации: звериный оскал прогресса

Ключевым инструментом и движущей силой интеграции после войны стали транснациональные корпорации (ТНК).

Степень их изученности сравнима разве что со степенью изученности глобализации и информационной революции: эти термины вошли в повседневный обиход, но большинство использующих их даже не пытается понять их смысл.

До сих пор остается «довольно расплывчатым» даже сам термин! Это позволяет мириадам грантополучателей переводить бумагу и время на «малые и средние ТНК», не имеющие влияния даже в своей стране. *В определения ТНК, исходящие из деятельности в более чем одной стране и доли зарубежных активов, укладываются, например, турагентства и предприятия приграничной торговли.*

12.1.1. Доминирующий фактор мирового развития

Из всех многонациональных корпораций ТНК выделяет **способность влиять на как экономическое, так и политическое развитие стран своего присутствия на основе интересов, находящихся вне территории этих стран.**

Интересы ТНК обычно соответствуют интересам ее «страны базирования»[268].

268. Совпадение интересов корпорации с интересами «страны базирования» достигается не столько патриотизмом ТНК, сколько поиском ею страны с наиболее благоприятными для нее условиями. Ведь наибольший комфорт является результатом наибольшей близости мировоззрений и интересов.

Профессор Сорбонны Петрелла так характеризовал роль ТНК: «Решения о размещении экономических и технологических ресурсов в том или ином регионе..., которые изменяют настоящее и моделируют будущее..., принимаются **крупными ТНК**, которые **делят и переделывают мир по-своему**».

Жизнь человечества определяется и направляется ими.

Уже «в течение 1960-х ТНК окончательно... утвердились как доминирующая сила в ...высокотехнологичных отраслях. Они контролировали 90% рынка электроники, тонкой химии, более 80% рынка тяжелого машиностроения, 75% рынка автомобилестроения, более 60% станкостроения... Монополии сохраняли господствующие позиции и в сырьевой сфере. На рубеже 60-70-х гг. они... контролировали более 70% мирового экспорта нефти, олова, каучука, риса и бананов, свыше 85% меди, бокситов, редких металлов, кукурузы, табака, кофе и какао. На долю ТНК в 60-80-е гг. приходилось от 70 до 85% объема НИОКР и лицензионной торговли. При этом степень монополизации НИОКР... возрастала от года к году» [277].

«На основе транснациональных корпораций формируется новая экономическая система, в которой лидерство определяется наличием крупных финансовых ресурсов, передовых технологий, обширных рынков сбыта и активной, в глобальном масштабе, инвестиционной политикой». 500 крупнейших ТНК уже во второй половине 90-х «обеспечивают более четверти мирового производства товаров и услуг, их доля ...в торговле технологиями и управленческими услугами достигает четырех пятых; 407 из них принадлежат странам «большой семерки»; 24 тыс. транснациональных компаний имеют штаб-квартиры в 14 наиболее богатых странах мира. 300 крупнейших корпораций обладают 25% всего используемого в мировой экономике капитала и обеспечивают 70% прямых зарубежных инвестиций» [167]. ТНК ведут две трети мировой торговли, причем лишь ее половина приходится на торговлю между ними и другими фирмами (часть которых также является ТНК), а половина, то есть треть мировой торговли, – их внутрифирменный оборот.

Усилению ТНК способствуют кризисы. В ходе «азиатского кризиса» 1997-98 годов фондовые рынки Юго-Восточной Азии покинул национальный капитал, зависимый из-за своих относительно небольших масштабов от перепадов конъюнктуры. Его заменил глобальный капитал, влиянием на правительства создающий нужную ему конъюнктуру не только на национальном, но и на региональном, а часто – и мировом уровне.

История ТНК доказывает: **лучший бизнес – управление не действующими на рынках компаниями, но самими рынками посредством** регулирующих эти рынки национальных **правительств**.

Когда последние начинают влиять на международные рынки, масштабы и сложность которых превышают их компетентность, они перестают сознавать последствия своих действий и используются ТНК «втемную». *Это одна из причин распространения иррационального страха перед заговорами.*

Если новые технологические принципы разрабатываются в основном государствами [46], то большинство новых технологий, реализующих эти принципы, создаются уже ТНК.

Информационные технологии, усложняя труд, снижают роль такого важного конкурентного преимущества неразвитых стран, как дешевая рабочая сила. Ведь ее ***дешевизна*** *обычно* ***означает низкую квалификацию****. При этом навыки работников (которые в СССР, например, были высоки – в отличие от сегодняшней) важны для конкурентоспособности лишь в той мере, в которой они используются управляющей системой.*

Растущая потребность в качественном труде и ориентация на конечного потребителя (способствующая приближению производств к рынкам сбыта) создает объективные предпосылки для сокращения масштабов глобальной производственной интеграции и частичного «возвращения» производств ТНК из «третьего мира» обратно в развитые страны, откуда в 70-х годах началась их экспансия.

Когда ТНК сохраняют в менее развитых странах свои производства и размещают там новые, основная часть добав-

ленной стоимости достается странам их базирования (см. параграф 8.5). *Китай решает проблему созданием своих ТНК на основе технологий, полученных (в том числе не добровольно) у западных ТНК, используемых как доноры технологий, но не роста экономики или благосостояния.*

Таким образом, повышение значимости качественного труда создает объективные предпосылки для замены глобальной интеграции региональной интеграцией ограниченного круга развитых стран.

Высосав из «третьего» и «второго» (бывшего социалистического) мира материальные, финансовые и человеческие ресурсы, развитые страны замыкаются для их переваривания, отгораживаясь от неблагополучия, вызываемого потерей этих ресурсов.

Непосредственный двигатель обоих взаимосвязанных процессов[269] (перекачки ресурсов неразвитых стран в развитые и растущей самоизоляции последних) – ТНК.

Ускорение прогресса развитых стран носит качественный характер, который ведет к их несовместимости – как технологической (Дж.К.Гэлбрейт писал еще по поводу вьетнамской войны [136], что сложность предоставляемого слаборазвитым странам оружия должна соответствовать их уровню), так и психологической – с неразвитыми странами, которых в целом ждет утрата ресурсов и деградация.

О реальности этого процесса свидетельствуют рост протекционизма развитых стран, формально остающихся приверженцами либерализации внешнеэкономической деятельности и принуждающих к ней остальной мир (см. параграф 9.2.1).

Движущей силой такой принудительной либерализации оказываются опять-таки ТНК. Ее наиболее глубокий, фундаментальный механизм – **трансфертные цены**, которые при всей их естественности являются одним из ключевых механизмов деструктивного воздействия ТНК на национальные экономики.

---

269. Начавшихся еще в преддверии глобализации и с ее началом лишь достигших максимально полного выражения.

12.1.2. Трансфертные цены

Цены даже регулярных сделок между филиалами одной и той же корпорации, расположенными в разных странах, могут существенно и произвольно отличаться от рыночных цен, которые были бы установлены рынком при аналогичных сделках между не связанными друг с другом фирмами.

Трансфертное ценообразование подрывает национальные рынки (часть сделок на них идет между аффилированными структурами по нерыночным ценам) и насильственно либерализует экономики. Страны, более жестко регулирующие бизнес, лишаются связанных с ТНК финансовых потоков, недополучают налоги, теряют валютные резервы и сталкиваются со сдерживанием своих предприятий, оказывающихся в более суровом, чем ТНК, деловом климате.

Классический пример дала Колумбия, власти которой в середине 80-х установили верхний предел репатриируемой прибыли. Работающие на ее территории ТНК решили проблему повышением цен, по которым головная компания поставляла товары местным отделениям. Через три года импортные цены для колумбийских отделений ТНК на химическую продукцию превышали мировые на 25%, на резину – на 44%, на электротовары – на 54%, а на фармацевтические товары – в 1,9 раза [13].

Для нейтрализации таких действий у развивающихся стран обычно нет квалифицированных специалистов, а часто – и защищающих их интересы политиков.

Глубина принудительной либерализации при помощи трансфертных цен значительна, так как ТНК используют как «эталоны» оффшорные зоны (в этом причина их расцвета именно во время бурного развития ТНК). Многие из офшоров – крошечные государства, не имеющие не только социальных, но и вообще никаких обязательств. *Так, Науру, бывшее до фактического банкротства в начале «нулевых» из-за прекращения экспорта фосфоритов и массовых беспорядков финансовым центром мирового значения, не имеет даже*

столицы – ей считается стоящее среди конгломерата поселков здание парламента.

Ничтожность обязательств позволяет этим территориям устанавливать экономический режим, соревнование с которым по либеральности (то есть низкому уровню налогов и госрегулирования, включая раскрытие информации, и свободе движения капитала) непосильно для любого реально существующего государства.

Чрезмерная либерализация пагубна для слабых экономик. Стабилизация социально-экономического развития за ее счет принципиально невозможна [135, 247]; последние 20 лет экспериментально, даже для самых непонятливых доказали порочность «Вашингтонского консенсуса» (политики принудительной либерализации экономик в интересах ТНК, в том числе при помощи давления международных финансовых организаций).

Пример 40

«Вашингтонский консенсус»

Открывший ворота глобализации «Вашингтонский консенсус» наиболее полно выражен в 10 рекомендациях («заповедях», обязательных для исполнения неразвитыми странами, несмотря ни на какие привходящие условия), сформулированных в 1989 году старшим экономистом Мирового банка Дж.Вильямсоном [71]:

1. Минимизация бюджетного дефицита (что в реальности обычно означает снижение расходов государства и, соответственно, его влияния).

2. Минимизация субсидий предприятиям. Правительство должно финансировать только образование, здравоохранение и инфраструктуру (даже при отсутствии или незначительности бюджетного дефицита).

3. База налогообложения должна быть широкой, ставки – низкими (что исключает возможность действенного налогового стимулирования).

4. Процентные ставки должны определяться внутренними финансовыми рынками, стимулировать вклады

в банки и сдерживать бегство капиталов (то есть быть неустойчивыми, что привлекательно для спекулянтов, и высокими, что блокирует развитие реального сектора).

5. Обменный курс в развивающихся странах должен стимулировать их экспорт (то есть валюта должна быть недооценена, что облегчает скупку активов иностранным инвесторам, то есть ТНК).

6. Внешнеторговые тарифы должны быть минимальными и не должны вводиться в отношении товаров, которые способствуют (как части более сложного продукта) экспорту.

7. Должны стимулироваться иностранные инвестиции.

8. Должна всячески поощряться приватизация.

9. Государственное регулирование должно быть минимизировано, в промышленности – ликвидировано.

10. Права частной собственности должны быть гарантированы (на деле – прежде всего иностранным инвесторам, то есть ТНК).

12.1.3. Контроль за покупателями

Среди «отравленных инструментов» ТНК важное место занимает **продажа товаров зависимым покупателям**.

Эта проблема обычно игнорируется, так как согласно господствующим в либеральных кругах (из-за соответствия интересам ТНК) предрассудкам международные рынки *a priori* считаются конкурентными, а покупатели – информированными. Эти представления ложны в эпоху ТНК, которая является и эпохой формирования спроса как специальной отрасли и доминирующей модели рыночного поведения производителей.

Классический рынок «свободной конкуренции», которому соответствуют постулаты либерализма, исчезает, как утренний туман, сразу после возникновения самой первой, еще далеко не транснациональной монополии, не говоря уже о промышленности и тем более о конвейере. Несовер-

шенство реального рынка было неопровержимо доказано уже к 30-м годам XX века.

Информационная революция сделала важным несовершенство рынка, вызванное монополизацией не только производства и сбыта, но и информации. Распространение технологий формирования сознания сделало «асимметричный доступ к информации» даже более значимым фактором его несовершенства, чем обычный монополизм.

Нобелевская премия по экономике 2001 года была присуждена Дж.Акерлофу, Дж.Стиглицу и М.Спенсу за разработку проблем влияния на рынки изучаемой с 60-х годов «информационной асимметрии», – интуитивно очевидных, но принципиально игнорируемых представителями развитых стран и их ТНК по отношению к остальному миру.

Либеральные представления об эффективности рынка работают лишь при невозможном на практике условии исчерпывающей и равной информированности его участников. Поэтому развитые страны сдерживают реализацию либеральных представлений государственным регулированием; для остального мира, не успевшего выстроить такое регулирование до распространения этих представлений, последние разрушительны.

Несовместимость либеральной идеологии «свободного рынка» и самого существования монополий (и тем более технологий формирования сознания, ставящих своих обладателей в положение специфических монополистов в области информации и поведения) верна не только для внутринациональных, но и для международных отношений. «Ошибочно предполагать, что глобализация – результат действия исключительно рыночных сил. Те рамки, в которых действуют рыночные силы, определяются политикой» [61].

Слабая информированность покупателей и влияние на их сознание, в том числе внедрением убеждения, что только ТНК может обеспечивать качество, позволяет ТНК завышать цены, получая сверхприбыли. *(Так, разница в цене аналогичных лекарств западных ТНК и индийских компаний превышает иногда 25 раз [228]).*

12.1.4. Монополизация технологий: изживание рынка

ТНК делают все для избежания **передачи технологий**, так как владение ими (наряду с эффектом масштаба, позволяющего переносить международное разделение труда внутрь корпорации) – основа их конкурентоспособности. Именно это (наряду с чудовищным монопольным завышением цен на ряд «лицензируемых» товаров) – причина исключительного значения, придаваемого ТНК защите интеллектуальной собственности.

Один из ключевых механизмов защиты технологий – **патентование**. Страна, предоставляющая ТНК патентную защиту, лишает свои компании возможности импортировать более дешевые продукты и технологии и тем более – использовать запатентованную технологию. Продажа запатентованной технологии обычно сопровождается рядом ограничений и принудительной продажей полуфабрикатов по трансфертным ценам.

Тем не менее принято считать (во многом из-за пропаганды самих ТНК), что развивающиеся страны получают от них значительные выгоды, – правда, в основном нефинансовые (в финансовые выгоды верят только принципиально игнорирующие реальность личности вроде осмеянных еще Дж.Соросом российских «либеральных фундаменталистов»[270]). Эти выгоды связывают в первую очередь с переносом в страну современных технологий – не только производства, но и управления.

Но, даже если бы ТНК были альтруистами и стремились к технологическому обогащению неразвитых стран, **возможности передачи технологий** объективно **ограничены.** Ведь конкретная форма воплощения каждой техноло-

270. Дж.Сорос называл их «рыночными фундаменталистами», но мы пользуемся термином, распространенным в современной России, страдающей от подавляющих рынок либеральных извращений (вроде отказа от ограничения произвола монополий), а отнюдь не от чрезмерного развития рыночных отношений.

гии (реализующая ее организационная структура, характер и полнота инструкций и так далее), несет на себе отпечаток социально-экономических и культурных особенностей общества, которым она создана.

Так, большинство технологий *high-tech* не могут быть адаптированы к условиям большинства неразвитых стран, в частности, к преобладанию неквалифицированного труда. Они слишком сложны и требуют часто недостижимой в них точности, а часто нуждаются и в непосильных для них масштабах производства. Адаптация же более простых технологий к неразвитым странам, даже когда она технологически возможна, может требовать неприемлемых издержек, включая дополнительные исследования и изменение оргструктуры.

Поэтому сложная **технология не может быть механически перенесена в страну с отличающимся типом экономики и культуры** (особенно в менее развитую). Поэтому «оцивилизовывающая» миссия ТНК, хотя и существует[271], преувеличивается пропагандистами и сдерживается самими технологиями – производственными и (в особенности) управленческими, не говоря уже о заинтересованности самих ТНК в ограничении передачи технологий, монопольное владение которыми является основой их конкурентоспособности.

Преимущества ТНК уникальны из-за своего технологического характера: как и технологии, они даже при наличии желания передаются лишь с большим трудом. В первую очередь это касается внутренней оргструктуры и системы внешних контактов ТНК. Как и преимущества интеллектуального труда, они неотчуждаемы и не могут быть переданы другим. Хорошо организованная корпорация, как было показано в параграфе 3.3, – потенциальный носитель коллективного разума, и ее неотчуждаемые преимущества могут рассматриваться как составляющие его творческой способности.

Значительная часть этих преимуществ возникает и увеличивается по мере длительности успешного функциониро-

271. В конце концов, именно иностранные менеджеры в первой половине 90-х годов XX века приучили российских носить белые рубашки и галстуки!

вания ТНК и ее экспансии. **Масштаб и длительность деятельности корпорации** сами по себе – **самостоятельные ценности и ресурсы** последующего **развития**, также неотчуждаемые. По важности они сопоставимы с финансовым, административным, интеллектуальным и рыночным (выражающемся в доле на рынке, то есть в наличии устойчивого спроса) ресурсами.

Невозможность продажи все более важных факторов производства и нежелание продавать те **значимые факторы**, которые продать можно, **–** еще один **признак отступления всевластия денег** под натиском технологий и изживания рынка технологическим прогрессом (см. параграф 8.1).

Обычно ТНК экспортируют технологии, ориентированные на удовлетворение потребностей предъявляющих основную часть мирового спроса развитых стран, а не неразвитых стран расположения своих филиалов. Это не способствует удовлетворению основных социальных нужд последних; в то же время они оплачивают не только размещаемые на их территории технологии, но и будущие конкурентные преимущества ТНК.

Ориентация ТНК на производство относительно дорогих товаров **с избыточными для населения неразвитых стран потребительскими качествами** ввергает его (поскольку для его потребления характерно механическое заимствование стандартов стран развитых) в заведомо избыточные расходы.

ТНК объективно стремятся к капиталоемкому производству, так как «при прочих равных условиях» оно быстрее реагирует на изменение спроса, что создает конкурентные преимущества. Это подрывает естественное конкурентное преимущество неразвитых стран – дешевизну рабочей силы. Размещая в них не трудо-, а капиталоемкие производства ведет к:

- относительному обострению проблем занятости (те же объемы производства требуют меньше людей; при этом ТНК «дает работу своим», так как капиталоемкие производства требуют квалифицированного, то есть дорогого труда);

- относительному усилению социального неравенства (количество относительно обеспеченных работников, связанных с ТНК, меньше, разрыв между ними и занятыми в национальной экономике воспринимается более остро);
- торможению развития технологий, не связанных с ТНК, в том числе разрабатываемых национальными силами.

Адаптация технологий к особенностям стран размещения филиалов невыгодна для ТНК, так как повышает вероятность их кражи, а главное – подрывает основной принцип ТНК, обеспечивающий им эффект экономии на масштабе: применение единого технологического «пакета» в разных странах с его минимальным изменением.

Поэтому **размещение в неразвитых странах не адаптированных к их условиям технологий для производства не соответствующих их структуре потребления товаров – основа деятельности ТНК и ключевой источник их рыночного преимущества**.

12.1.5. Могильщики неразвитого мира

Эмпирические данные даже западных источников свидетельствуют о негативном и даже «пагубном» влиянии примерно 40% иностранных инвестиций (среди которых основная доля принадлежит ТНК) на социальное благополучие неразвитых стран, принимающих эти инвестиции [25].

К иноинвестициям восприимчивы лишь наиболее успешные из неразвитых стран: на 10 из них (включая Китай и Индию) приходится более двух третей инвестиций ТНК, которые, таким образом, достаются тем, кому помощь в развитии нужна в наименьшей мере.

При этом без жесткого госрегулирования такие инвестиции затрудняют развитие и способны в конечном счете торпедировать «догоняющую» модель развития.

Таким образом, **в деятельности ТНК наиболее полно воплощается тенденция замыкания развитых экономик**

на себе и их изоляции от остального человечества. Именно ТНК как подлинные экономические хозяева мира формируют эту тенденцию, а правительства и международные структуры (включая ВТО) служат инструментом реализации их интересов.

Планы ВТО [158, 262] с начала века предусматривают регулирование международной торговли на основе компенсирования «экологического» и особенно «социального» демпинга. Реализовать эти идеи не удастся (собственно, из-за них Дохийский раунд и забуксовал окончательно в начале «нулевых», став, вероятно, эпилогом истории ВТО), но само их выдвижение нацелено на лишение неразвитых экономик источников их конкурентоспособности – дешевизны рабочей силы и мягкости экологических стандартов.

Тем самым **развитые страны, реализуя в своих коммерческих интересах принципы свободной конкуренции и глобализации рынков, лишают остальной мир права на существование** и самой его возможности.

Неосознанность этой политики повышает ее эффективность, так как снимает моральные ограничения: ведь лишение неразвитых стран конкурентных возможностей означает массовое уничтожение их населения (кроме узкого слоя элиты), то есть геноцид[272].

Эта политика совпадает с подходами идеологов геноцида как средства устранения избыточного или же чуждого по своей культуре и потому не поддающегося интеграции населения. Наиболее известным после Гитлера (по наиболее распространенным данным, истребившим 6 млн. только евреев[273]) ее приверженцем был лидер «красных кхмеров»

272. Последствия этой политики для России 90-х годов описаны в [123].
273. Попытка обсудить и уточнить число евреев, истребленных нацистами (подобно обычному для научной среды и общественности обсуждению числа погибших советских людей), трактуется в России как отрицание фактов, установленных Нюрнбергским трибуналом, и карается как «реабилитация нацизма» по специально введенной в Уголовный кодекс статье 354.1. В сентябре 2018 года пермский суд присяжных оправдал кандидата наук Р.А.Юшкова, обвиненного органами госвласти по этой статье за репост в соцсетях статьи, ставящей под сомнение

Пол Пот, успевший истребить от четверти до более чем трети населения своей страны). Всего он хотел уничтожить более 60% – 5 млн., так как, по оценкам его «специалистов», экономика тогдашней Кампучии без ее развития (чреватого ростом интеллигенции и утратой власти – см. пример 9) могла обеспечить благополучие лишь 3 млн. человек, а остальные были лишними.

Эта логика, развиваемая либеральными теоретиками и особенно практиками глобализации и реализуемая в первую очередь через «закукливание» развитых стран, означает лишение перспектив, а затем и вымирание не менее 3 миллиардов людей, живущих в неразвитом мире. С точки зрения саморазвития глобальных рынков они оказываются лишними так же, как 5 миллионов кампучийцев – с точки зрения кампучийской экономики середины 70-х годов.

Перед величием этой перспективы теряются достижения Гитлера и Пол Пота, не говоря уже о более мелких массовых убийцах. Но убийцы эпохи глобализации отличаются от своих неумелых предшественников безнаказанностью, обеспечиваемой непрямым характером их действий и гарантированным бессилием жертв.

Подобно тому, как Горбачев «всего лишь» занимался «катастройкой» и гласностью, а Ельцин боролся с коммунизмом (и, запустив процессы, разрушившие нашу страну и залившие ее кровью, они лично не отдавали приказов о массовых убийствах), творцы современного глобального мира «всего лишь» занимаются бизнесом, политикой и стратегическим планированием.

Они могут и не хотеть убивать, но следование интересам собственных корпораций, государств и народов в условиях глобальной конкуренции вынуждает их играть одну из самых зловещих ролей в истории. Их политика, как и терроризм,

---

число истребленных фашистами евреев. Прокуратура опротестовала это решение на том основании, что обвиняемый смел аргументировать свою позицию перед присяжными, но Верховный суд оставил приговор в силе. Между тем достоверных источников информации о числе уничтоженных гитлеровцами евреев, насколько можно судить, нет.

не имеет оправдания, но имеет причины, не позволяющие им поступать иначе.

Как и большинство ощущающих свою неспособность устранить несправедливость, они не желают ее сознавать. Психологически это естественно; стремление отгородиться от ужаса и не думать о нем – защитная реакция нормального организма. Она особенно понятна гражданам России, на которых в катастрофе последних 30 лет обрушилось столько неизбывного ужаса, что от него пришлось отгораживаться, просто чтобы не сойти с ума.

Тем не менее, по необходимости пожимая руки уважаемым и высокоморальным людям в прекрасных костюмах и с обворожительными манерами, владеющими развитым миром, нельзя забывать, что своей корыстной ограниченностью они уничтожают десятки миллионов человек в год, – большинство умирающих от голода и излечимых болезней – не только в неразвитых странах, но и в маргинализированной части развитых обществ.

Катастрофа вырождения, продолжающаяся в нашей стране, не дает нам изменить сложившийся миропорядок. Все, что мы можем, – пытаться спасти свою страну от превращения в объект уничтожения подобно большинству неразвитых стран.

Сохранение описанной тенденции укрепляется отсутствием у уничтожаемых обществ доступа к глобальным рынкам финансов и информации, что делает их неинтересными не только правительствам, но и влиятельной общественности развитых стран. В силу этого «глобального безразличия» они никак, даже терактами не могут изменить сложившегося миропорядка.

Однако механическая экстраполяция сложившихся тенденций некорректна из-за игнорирования неизбежных качественных изменений, которые меняют тенденции. Эти изменения тем более вероятны, чем ближе к катастрофе подходит рассматриваемый объект.

Возможность слома тенденции связана с тем, что **ТНК, подавляя неразвитые страны ради своих краткосрочных**

перспектив, подрывают этим **свои** собственные **долгосрочные перспективы** (см. параграф 12.1.4). Противоречие между ТНК и неразвитым миром затрагивает и фундаментальную проблему будущих источников технологического прогресса.

ТНК – ключевая движущая сила человечества, и их неспособность создавать технологии, отвечающие потребностям его основной части, сосредоточенной в неразвитых странах, не только обрекает ее на углубляющиеся диспропорции, но и подрывает спрос на продукцию и технологии самих ТНК, что ограничивает возможности технологического прогресса и развития в целом. Ограниченность спроса из-за лишения неразвитой части человечества перспектив создает технологический тупик. Из него ведет лишь три пути:

- окончательное отделение развитого мира от остального человечества сначала в технологическом, затем в социальном, а затем, возможно, и в биологическом плане;
- развитие «третьего мира» на основе усиления государств (символы этого пути – Китай и переход основных нефтяных запасов мира от ТНК к государственным и, меньше, частным национальным компаниям), их успешное противостояние ТНК (символом чего является противостояние стран БРИКС глобальному бизнесу, но до распада глобальных рынков на макрорегионы государства в целом будут слабее ТНК и могут противостоять им только выращиванием своих ТНК по примеру Китая) и крах последних;
- перенос развития цивилизации на новый технологический уровень, который решит описанные проблемы, и реалии которого мы не можем представить.

* * *

Распространение информационных технологий многократно усиливает перечисленные качества ТНК и особенности их развития.

12.2. Интеграция рынков: вырождение конкуренции

Современные информационные технологии (вкупе с развитием транспорта) свели к минимуму значение расстояний. *Если 30 лет назад, копаясь на своем приусадебном участке, Вы противостояли почти исключительно собственной лени или усталости, то уже 20 лет назад, начав вскапывать землю (или взявшись за любое другое занятие), Вы конкурировали с сотнями миллионов крестьян (или иных работников) всего мира, часто удаленных от вас на тысячи километров. Работая хуже них или в худших условиях в открытой либерализованной экономике (эта оговорка принципиальна), вы лишь тратите время, производя упущенную прибыль, и* ***будете бедны, пока не займетесь тем, что умеете лучше всех в мире****.*

Глобализация сформировала (слиянием региональных сегментов) **общемировые рынки,** в первую очередь в финансовой и информационной сферах. При этом идет **интеграция** глобальных рынков различных **финансовых инструментов** в **единый мировой рынок финансов**, что выражается в снижении «цены перехода» капиталов из одного инструмента в другой.

Естественно формирующиеся в этой единой финансово-информационной сфере **глобальные монополии** обладают невиданной рыночной властью.

Единый рынок нельзя поделить. Лишенный естественных внутренних барьеров, в силу тяги к концентрации он склонен к формированию единой сверхмонополии (см. пример 30). Конкуренция, развиваясь, диалектически начинает отрицать себя, порождая монополии, – тем более крупные и тем сильнее влияющие на рынок, чем более формально совершенной была исходная конкурентная среда. *Возникновение на едином мировом рынке глобальных монополий, отрицающих конкуренцию самим своим существованием, не менее наглядно выражает ее* ***вырождение****, чем ее превращение*

из инструмента развития в орудие уничтожения слабейших участников.

Современные информационные технологии размывают конкуренцию так же, как демократию (см. параграф 4.6), – и она вырождается в свою противоположность.

Глобальная конкуренция – вырожденная конкуренция эпохи глобализации, ведущаяся в условиях доминирования глобальных монополий на односторонне прозрачных для этих монополий объединяющихся рынках как экономическими, так и неэкономическими мерами, **носящая всеобъемлющий характер и ведущая к необратимой деградации слабейших участников.**

Успешные разделы рынков либо были недолговечны, либо основывались на объективных препятствиях, затруднявших доступ части конкурентов к частям этих рынков.

Современные технологии, минимизируя транзакционные издержки и «цену входа» на глобальные рынки, с этими препятствиями уничтожают и «зацепки» для их устойчивого раздела. Срок жизни ключевого товара – актуальной информации, определяющей поведение субъектов информационных рынков, – стремится к нулю, что затрудняет даже временный их раздел.

Внутренняя однородность финансово-информационных рынков по сравнению с товарными делает их еще более предрасположенными к монополизации. Поэтому монополии мирового масштаба на финансово-информационных рынках формируются быстрее торгово-производственных транснациональных монополий и **являются более мощными.**

12.3. От транснациональных корпораций к глобальным монополиям: великий переход

Несмотря на всю свою мощь, «старые добрые» торгово-производственные ТНК, воспетые еще Кукрыниксами, в ин-

формационную эпоху даже не претендуют на роль хозяев мира. На смену им пришли, подчинив их, **новые глобальные монополии**, во многом вырастающие из них и **контролирующие уже не столько производство и торговлю, сколько технологии и мировоззрение**. *Символом этого стало исключение летом 2018 года General Electric из индекса Dow Jones впервые с 1907 года – после падения котировок в 2,5 раза за полтора года.*

Глобальные монополии часто не формализованы, что затрудняет их анализ, не говоря о внешнем регулировании. Но их эффективность, мобильность и разносторонность на порядок превышают аналогичные качества ТНК, обычно входящих в их состав либо являющихся их устойчивыми партнерами.

Признак качественного роста влияния глобальных монополий – совпавшая с ростом проявлений их активности передача в 1993 году исследований ТНК от специализированного органа ООН (UNCTC), который справлялся с задачей, на более низкий уровень отдела ЮНКТАД. Он рассматривал все ТНК и, в частности, глобальные монополии с точки зрения обеспечения торговли и развития, а не их комплексного влияния, что даже институционально не давало анализировать их деятельность. Так, он не мог должным образом изучать финансовые рынки.

В конце 90-х положение было отчасти исправлено: осмысление уроков кризиса 1997-1999 годов породило мониторинг и международный анализ процессов слияния и поглощения корпораций. Но это был лишь один робкий шаг; в целом же ***глобальные монополии остались ненаблюдаемыми величинами****. Политики и общественные деятели, требовавшие международного контроля хотя бы за глобальными финансовыми спекулянтами, в лучшем случае игнорировались, а обычно высмеивались мировым общественным мнением, формируемым глобальными медиа.*

Замалчивание самого существования глобальных монополий – признак их значения. Первый признак обретения группой «порогового» влияния – прекращение неприятных

для нее (то есть как минимум любых независимых, а при отсутствии потребности в рекламе – вообще любых) исследований ее.

Как мы увидели в параграфе 8.1.3, один из технологических лидеров человечества У.Гейтс даже в 1998 году еще только собирался обеспечивать информационную прозрачность клиентов и потенциальных конкурентов. Глобальные же монополии опередили его более чем на пять лет, превентивно ликвидировав возможность даже примитивного статистического исследования своего развития.

Не только глобальные монополии, но даже и уступающие им по влиянию традиционные ТНК труднонаблюдаемы. Их присутствие в стране не обязательно выражается во владении собственностью: они работают через «дочек» и «внучатых племянниц», используют субконтракты, франчайзинг, исследовательские соглашения и почти неуловимый для наблюдателя контроль за рыночными условиями.

Выбор подобных форм объективен и вызван минимизацией риска[274], которая в информационную эпоху прямо **корреспондирует с минимизацией распространения значимой информации**. *(Поэтому призывы к прозрачности часто односторонни и служат не более чем орудием конкурентной борьбы.)*

Глобальные монополии управляют потоками не только финансов, но и информации. Сознание участников рынка формируется созданием «информационного поля» вокруг всего рынка в целом. **При этом навязывается не только информация и ее истолкование, но и эмоциональный фон**, влияющий на бессознательном уровне, в том числе заставляющий поступать вопреки формальной логике.

Эти возможности на порядок увеличивают мощь глобальных монополий (что отчасти компенсируется снижением эффективности управления, выявленным в главе 4).

---

274. Усиливая ориентацию крупных корпораций на портфельные инвестиции, по своей сути свободные от многих видов риска, свойственных прямым инвестициям, эта доминанта способствовала глобализации фондового рынка.

Все большая уникальность и неповторимость методов производства принципиально нового товара – определенного состояния живого человеческого сознания (как индивидуального, так и массового) – создает новые технологические предпосылки монополизации, особенно с учетом разнообразия интеллектуального «сырья», требующего более индивидуализированных методов воздействия.

На глобальных финансовых рынках **скорость движения капитала близка к скорости движения информации и** заведомо **превосходит скорость ее осмысления**. Поэтому краткосрочное движение капитала все больше зависит от психологического состояния участников рынка, а не объективных экономических процессов. Как было показано (см. параграф 5.3), настроения и ожидания нескольких сотен операторов мировых бирж становятся более важным фактором мирового развития, чем труд и ожидания миллиардов остальных людей. Это создает серьезные объективные, технологические предпосылки для монополизации глобальных финансовых рынков владельцами наиболее эффективных технологий *high-hume*.

В силу описанного глобальные монополии развиваются быстрее «обычных» ТНК. **Глубина и жесткость этого монополизма также превышает все, к чему мы привыкли**. Основные направления его развития:

- формирование глобальных монополий на глобальных рынках финансовых и информационных инструментов;
- формирование единой глобальной монополии (понятно, что в виде не жесткой иерархии, а сетевого сообщества, политическим отражением которого является глобальный управляющий класс) в результате интеграции указанных рынков.

Глава 13. НА ВЕРШИНЕ: США КАК ГЛОБАЛЬНАЯ МОНОПОЛИЯ

Глобализация – это Америка
(У. Клинтон)

В роли единой глобальной монополии все больше выступает не коммерческая организация, но целое общество – США (а с середины нулевых – и противостоящий им Китай), ставшие главным двигателем и выгодоприобретателем глобализации.

Формирование совокупной, огосударствленной монополии – по сути, империи, – вершина, объективное завершение концентрации производства, монополизации рынков (в том числе информации и технологии), сращивания корпоративных структур с государственными и подчинения вторых первыми.

В 90-е годы крупнейшая экономика мира росла наибольшими среди развитых стран темпами. Доля США в валовом мировом продукте составляла около четверти, а в 2000 году превысила 30%, в акционерном капитале составляла около 50%, в новейших технологических разработках – около 80% [303-305]. Чем важнее показатель развития, тем выше в нем доля США, и их доминирование оставалось неоспоримым до середины 10-х годов (когда поблекло перед вызовом Китая) [148].

Но **количественное** доминирование США – пустяк по сравнению с **качественным** доминированием: правила и стандарты американских компаний распространяются на их неамериканских партнеров. Причины – как удобство правил (помогающее американскому бизнесу опережать конкурентов) и естественное следование обычаям более мощного

партнера, так и политика США по экспансии своих деловых стандартов (вплоть до юрисдикции районных американских судов) по всему миру.

Осознаваемая в мессианских терминах распространения «американского образа жизни» как единственно достойного, эта политика повышает конкурентоспособность США насаждением их стандартов. Они наиболее соответствуют американскому образу мысли и действия и не только облегчают экспансию США, но и сдерживают потенциальных конкурентов – тем сильнее, чем больше их культура отличается от американской.

Благодаря успеху **«экспансии стандартов»** США прямо устанавливают правила ряда международных рынков и, реже, управляют ими. Законодательство и традиции США приобретают всеобщий характер, что делает их не только наиболее сильным участником глобальной конкуренции, но и «играющим судьей», способным по ходу игры менять ее правила для себя.

За счет чего же они добились столь завидного положения?

13.1. Ключ к успеху: симбиоз государства и бизнеса

Технологическое лидерство США (см. параграф 8.1.2) реализуется внешне не связанными друг с другом, но образующими единое целое финансовыми, информационными и политическими рычагами, управляемыми многократно осмеянной, но тем не менее самой эффективной бюрократией мира, превратившей самосовершенствование в постоянный процесс, не мешающий повседневной работе.

США обеспечивают свои интересы доминированием в ключевых международных организациях: в военно-политическом плане это НАТО, в экономическом – МВФ и Мировой банк, а также ВТО.

Ключом глобального лидерства США является ФРС, эмитирующая мировую резервную валюту и регулирующая ее использование в их национальных интересах.

Важный фактор их конкурентоспособности – тесное взаимодействие государства с ТНК и, затем, с глобальными монополиями (**американское государство стало их оргструктурой**), но главную роль сыграла приоритетность укрепления и «выращивания» обычных американских компаний до наднационального и, далее, мирового уровня (на рубеже веков эту стратегию в концентрированном виде применил Китай).

Эта стратегия – **наиболее эффективный путь национального развития**, так как в среднем более половины прибыли ТНК за рубежом вывозится в страну их базирования, в данном случае – в США. Именно концентрация ТНК в американской юрисдикции непосредственно обеспечивает коммерческое доминирование США. Как по числу крупнейших корпораций мира, так и по масштабам их операций США вплоть до возвышения Китая оставались бесспорным лидером.

Это предопределяет **изначальную** ограниченность и **ущербность любой борьбы с доминированием США как страны в отрыве от ее делового сообщества**. Ведь ключевую роль в ее лидерстве играют уже не национальные, контролируемые государством, но наднациональные коммерческие структуры, находящиеся в тесном и многообразном симбиозе с ним.

Ярчайшее проявление этого симбиоза раскрыли в 2008 году Ариндраджит Дьюб, Этан Каплан и Суреш Найду в работе «Перевороты, корпорации и закрытая информация», доказавшая изучением больших массивов информации, что государственные «перевороты, осуществляемые ЦРУ или при его участии, решали не только политические задачи государства, но и вполне конкретные финансовые задачи банковских и инвестиционных институтов» США [277].

Симбиоз государства и наднациональных коммерческих структур – условие национальной конкурентоспо-

собности. Благодаря ему госуправление США влияет на весь мир, оказываясь наднациональной по своему воздействию. В результате американская внешняя политика не то что не отделена от внутренней, но является ее простым отражением вовне. Осознание этого вызывала в США даже дискуссию о том, а нужна ли им вообще внешняя политика как отдельная сфера деятельности[275], не будет ли более эффективным прямое, лишенное дипломатических посредников распространение внутренней политики США на остальное человечество?

Несмотря на сложные и изменчивые формы симбиоза государства и бизнеса, его механизм прост. Государство использует ТНК как ключевой инструмент реализации своих целей за границей, – но сами эти цели вырабатываются им под сильнейшим воздействием монополий и выражают их интересы.

Американское государство добилось близости целей корпораций, ориентированных на повышение своей конкурентоспособности, и целей общества, заинтересованного в закреплении той же конкурентоспособности, но не на глобальном, а на национальном уровне.

Американские ТНК и государство, как правило, преследуют единые общенациональные цели, помогая друг другу решать соответственно коммерческие и политические задачи. При решении первых «младший партнер» государство, в остальных случаях – бизнес.

Прославленные американские лоббисты обеспечивают это лишь в небольшой степени. Значительно более важна постоянная ротация топ-менеджеров между государством и бизнесом, обеспечивающая единство интересов и взаимопонимание между ними (конечно, она требует действенного ограничения коррупции: блокирование принятия стратегических решений на основании преимущественно коррупционных мотиваций).

275. Написанная как раз перед 11 сентября 2001 года книга патриарха американской дипломатии Г.Киссинджера, например, так и называется: «Нужна ли США внешняя политика?» [175].

Этот порядок намного эффективнее японской системы, которая также предусматривает горизонтальную ротацию, но лишь в пределах отдельно государства и отдельно – корпорации, создавая эффективные, но обособленные друг от друга классы профессиональных менеджеров и чиновников. В результате чиновники не знают реалии делового мира, который они регулируют, а менеджеры корпораций – реалии государства, на которое они опираются.

В США же миграция руководителей между государством и бизнесом стирает грань между чиновником и бизнесменом, выковывая новый тип ***универсальных топ-менеджеров***, эффективных и в бизнесе, и в государстве. Результат – хотя и не полное слияние крупных корпораций и государства (их мотивы и интересы по-прежнему объективно различны), но общность их представлений о национальных целях и приоритетах. В итоге государство и бизнес США участвуют в глобальной конкуренции не как разделенные союзники, пусть и близкие, но как единый организм, что качественно повышает их эффективность.

Но главный механизм объединения государства и корпораций США – аналитическое сообщество.

Пример 41

Аналитическое сообщество: источник глобальной власти

Термин «аналитика» понимается в США шире, чем в России. В США аналитические центры, начиная с оценки ситуации (включая определение механизмов корректировки, целей и методов их достижений) часто заканчивают работу участием в реализации своих рекомендаций, в том числе и в управлении теми или иными кризисами.

Crisis management, вопреки дурному переводу, означает не «антикризисное управление» (направленное на предотвращение кризисов или исправление их последствий), а «управление при помощи кризисов»: их использование как инструмента достижения целей.

В основе американской аналитики лежат математические методы системного анализа, который и отличает аналитику от *public relations*, использующего «теневые» методы. *Разница видна, например, при сопоставлении трилогии А.Азимова «Установление» (в которой мощь стратегической аналитики фантастически преувеличена) и кинофильма «Плутовство, или хвост виляет собакой», в котором показано интуитивное и успешное из-за огромных ресурсов и локальной задачи применение методов «теневого» public relations. Характерно, что авантюризм интуитивной работы порождает ряд провалов и в итоге – гибель одного из героев.*

Аналитическое сообщество США выросло из антикризисных подразделений корпораций, преодолевавших и использовавших кризисы на уровне сначала предприятий, затем – отраслей (отраслевых монополий), а с начала Великой Депрессии – государства.

Оно сохранило **теснейшую связь с корпорациями**, финансируясь ими и **обслуживая в первую очередь их интересы**. Группа стратегического анализа – такая же неотъемлемая часть каждой серьезной фирмы США, как юридическая группа или бухгалтерия.

На деньги корпораций аналитическое сообщество сопровождает деятельность политических партий, служит их аналитическими структурами. Победа политика на выборах ведет к переходу в его аппарат их сотрудников, понимающих, что пришли в госаппарат временно, и сохраняющих «производственную базу» в аналитических структурах, формально не являющихся частью государства.

Аналитические структуры становятся подлинным «мозгом» государства[276]. Решения, реализуемые госаппаратом, разрабатываются на деньги бизнеса при помощи его техно-

276. То, что американское разведывательное сообщество искренне считало Академию Наук четвертой ветвью власти в СССР (наряду с партией, спецслужбами и Советом Министров), во многом было механическим переносом американской реальности на советскую почву.
Вместе с тем на верхних уровнях советской политической системы имел место ряд попыток привлечения ученых-технократов к управлению государством. Одна из них была с блеском использована женой академика Сахарова.

логий управления и, соответственно, с коммерческой эффективностью, что повышает эффективность государства.

С другой стороны, аналитические структуры, учитывающие глобальные процессы и ценности, – **важнейшее звено, соединяющее корпорации и государство в единое целое**. Именно они (наряду, конечно, с ФРС) – секрет конкурентоспособности США.

Американский путь отличается от характерной для неразвитых стран «олигархии» тем, что сращивание государства и корпораций идет на уровне не только лоббистов, но в наиболее важной части – на уровне стратегических аналитиков: на базе не корыстных интересов корпораций, а долговременных общих стратегических интересов.

Вместо того, чтобы сначала порознь выработать системы корпоративных и государственных интересов, а затем мучительно приспосабливать их друг к другу громоздкой, прожорливой и эгоистичной политической машиной (включающей и лоббистов), **США при помощи аналитического сообщества изначально вырабатывают систему национальных интересов как целое, объединяющее интересы бизнеса и государства**. Это смягчает противоречия и повышает осознанность развития, а с ним – и эффективность общества.

Данный механизм на новом уровне развития воплотил в жизнь нащупанный Британией принцип непосредственного вовлечения ученых в государственное управление (см. пример 28).

13.2. «Хозяева смыслов», страна базирования и организационная структура

Характер взаимодействия государства и монополий неуклонно меняется под воздействием технологий.

30-е – время расцвета государственно-монополистического капитализма: Великая депрессия вынудила капитал ради

спасения согласиться на контроль государства, а повсеместное распространение конвейера, этого апофеоза индустрии, требовало максимально широкого и комплексного планирования деятельности. Государства максимально (насколько возможно в силу объективного наличия социальных функций) приближались к производительным корпорациям; финансовый капитал, доведший мир до катастрофы, дискредитированный и ослабленный, начал регулироваться государствами. *В США он пошел на это под угрозой революции, символом которой был выдвинувший радикальную программу «раздела богатств» сенатор Хьюи Лонг, убитый в 1935 году удивительно вовремя для Рузвельта, за год с небольшим до его вторых выборов.*

Но В США и Британской империи финансовый капитал настолько укрепился в 20-е годы (особенно в США, для которых они стали эрой *Prosperity* – процветания), что госрегулирование, в отличие от континентальной Европы, вылилось не в доминирование государства над ним, а в эффективный и при том частичный симбиоз, при котором части госаппарата и финансового капитала были отчасти независимы, а отчасти даже враждебными друг другу.

Свою роль в сохранении влияния финансового капитала (и его концентрированного выражения – ФРС) сыграло и то, что США исторически создавались бизнесом и для бизнеса[277]. Это же стало ключевым фактором превращения США в страну наиболее комфортного базирования транснационального капитала.

277. Это проявляется в массе даже бытовых нюансов, начиная с ценников магазинов, не включающих местные налоги (они исходят из удобства продавца, а не покупателя) и заканчивая поразительной терпимостью к мелким ошибкам и даже откровенному разгильдяйству, что делает их едва ли не повсеместным. Причина этого феномена, способного довести не готовых к нему носителей европейской культуры до исступления, – осознание того, что мелкую ошибку дешевле исправить, чем предупредить, причем их исправление стало самостоятельным и развитым бизнесом. Разумеется, мелкие ошибки легко переходят в крупные проблемы, – но для этого у США есть уже другие индустрии: страховая и судебная.

Развитие симбиоза американского государства с ТНК естественным образом превратило это государство в их организационную структуру. Ключевым элементом стало формирование в США военно-промышленного комплекса (ВПК) как самостоятельной политической силы, начавшееся в ходе Второй мировой войны и окончательно закончившееся в период холодной войны[278] при Эйзенхауэре, который, уходя с поста, честно предупредил американский народ о созданной им самим проблеме.

Поддерживая базирующиеся в США ТНК как фактор национальной конкурентоспособности и влияния, американское государство укрепляло тем самым своего объективного политического соперника. В смерти Кеннеди не меньшую роль, чем конфликт с мафией и спецслужбами[279], сыграло его лобовое столкновение с финансистами из-за попытки отобрать эмиссию денег у ФРС и передать ее правительству, то есть забрать себе.

Джонсон, пришедший к власти благодаря убийству Кеннеди (как и Трумэн, он был выдвинут на пост вице-президента незадолго до смерти президента), подчинялся интересам финансового капитала и ВПК. Но он сумел сохранять некоторую независимость от них благодаря игре на несовпадении их интересов, а также использованию противостоящего государству движения за гражданские права (в рамках его программы «Великое общество», направленной в соответствии с нереализованными наметками Кеннеди на превращение США, вопреки американской культуре и интересам бизнеса, в социальное государство).

Джонсон не стал выдвигаться на пост президентства под ударами антивоенного движения (одним из лозунгов кото-

278. Которую ВПК разжигал «в четыре руки» вместе с финансовым транснациональным капиталом США.

279. Не только из-за отказа поддержать брошенных в Заливе свиней кубинских контрреволюционеров (в силу ее из рук вон плохой подготовки операции) и отказа подчиняться шантажу директору ФБР Гувера, собравшему компромат на Кеннеди (Гувер смог лишь спастись от казавшейся неминуемой отставки и сохранить свой пост до самой смерти, в течение 48 лет), но и вследствие поддержки гражданских прав.

рого было «Эл-Би-Джей[280], сколько ты сегодня убил детей?»), парадоксальным образом порожденного поощряемой им (в том числе в сугубо политических целях, в качестве противовеса давлению бизнеса) кампании за гражданские права.

Никсон пытался отчаянно сопротивляться давлению транснационального до духу и интересам, но формально все еще американского капитала (как Хрущев за 10 лет до него отчаянно и вслепую пытался сопротивляться давлению оформлявшейся в правящей класс партократии); его поражение стало победой транснационального капитала над американским государством.

Переварив бюрократию в течение жалких президентств Форда и Картера, капитал выдвинул Рейгана как представителя своих интересов – и сумел им сокрушить ветшавший (см. пример 55) Советский Союз, захватив мир и став из транснационального глобальным.

С исчезновением «советской военной угрозы» (как признавал целый ряд политиков Запада, «если бы ее не было, ее надо было выдумать») и у бизнеса, и в целом у западных обществ отпала потребность в военной защите, что резко снизило потребность в государстве и еще более ослабило позицию национальных государств в противостоянии с транснациональным бизнесом (в том числе базирующимся в них же).

В результате ставший глобальным после краха СССР бизнес окончательно эмансипировался от «своих» государств, включая американское[281], и возобладал над ними. Доминирование над государствами позволило бизнесу начать демонтаж систем социальной защиты, сокращая свои расходы

---

280. Инициалы Джонсона; в американской традиции великим признается президент, называемый по «полным» инициалам из трех букв, как Ф.Д.Рузвельт или Дж.Ф.Кеннеди; Джонсон благодаря «Великому обществу» добился такого положения, пока его не низверг протест против войны во Вьетнаме [20].

281. Важную роль сыграло вынужденное безвозвратное кредитование развитыми государствами постсоциалистического мира, осваиваемого их корпорациями, что было безумием с коммерческой точки зрения и, дискредитировав государства в глазах корпораций, способствовало «отстраиванию» последних от них (см. параграф 16.2).

на нее, и дискредитировать саму ее идею как враждебную себе (тем более, что за время «социального государства» она действительно породила массовое иждивенчество).

Качественное ослабление социальной защиты открыло простор технологической революции (лишающей занятые в индустрии массы работы), на первом этапе информационной, а сейчас переходящей в революцию социальной инженерии.

Однако превращение глобальных спекулятивных монополий (с выходом на глобальный уровень они окончательно, даже с учетом военной компоненты информационно-компьютерных и социальных технологий выиграли конкуренцию за влияние у ВПК) в социальный локомотив человечества (правда, тянущий его скорее к деградации, чем к развитию) не освободило их окончательно от потребности в государственности как таковой. Пусть и взяв ее под контроль, глобальный капитал нуждается в ней как в источнике благ, которые он не может поддерживать в должном объеме, прежде всего – военной поддержки (пусть и не тотальной, как во время первой холодной войны, а точечной), аналитики, массовой пропаганды и поддержания минимальной социальной стабильности. В силу этого США как именно как государство остаются оргструктурой глобального бизнеса, а с ним и глобального управляющего класса.

Важно, что глобальное лидерство уже переходит от финансового капитала к социальным монополиям, ставшими благодаря социальным платформам «хозяевами смыслов». Эта власть неизмеримо более глубока, так как социальные платформы управляют людьми непосредственно, без привычного капитализму посредничества денег[282]. Это еще один фактор отмирания последних и перерастания капитализма в коммунизм, но непосредственных участников процесса больше интересует уже развернувшаяся в недрах глобального управляющего класса борьба за власть между финан-

282. Финансисты владеют социальными платформами точно так же, как владели социальными сетями до их перерастания в эти платформы, – но уже не в состоянии осознать, чем именно они владеют.

систами и владельцами социальных технологий, неуклонно усиливающими свои позиции.

Власть, опирающаяся на социальные платформы, глубже финансовой. Ее появление создает новый системный конфликт в глобальном управляющем классе, но суть глобального лидерства и глобального доминирования не меняется: капитал по-прежнему нуждается в стране базирования и государстве, являющемся его оргструктурой; тем и другим остаются США. *Правда, массовое применение социальных технологий ведет к дроблению людей как внутри обществ (см. параграф 6.7), так и на сами общества – по общности культур, так как главный ресурс новой власти – сознание людей – в отличие от денег, уже не является универсальным, общим для всего человечества.*

13.3. Внешняя экспансия как средство снятия внутренних противоречий

Конструируя свои национальные интересы при помощи аналитического сообщества и гармонизируя отношения бизнеса и населения, США вслед за Англией (см. параграф 7.1.6) развернули экспансию своих монополий не внутрь страны, но вовне ее[283], превратив их в **наднациональные, но** во многом **национально ориентированные структуры**.

При этом возникло **противоречие между внутринациональным характером** принятия решений и лежащих

283. Главная заслуга в разрешении этого казавшегося (а некоторым и сейчас кажущегося) неразрешимым противоречия принадлежит Ф.Д.Рузвельту. Его результаты обычно недооцениваются и ограничиваются выводом США из Великой Депрессии и превращением их в лидера западного мира.
Но он смог добиться этого успеха за счет создания новой модели взаимодействия государства и крупного бизнеса, перестройки самой структуры американского общества и разворота его (вопреки его многократно и однозначно выраженного желания) от решения внутренних проблем к глобальной экспансии.

в их основе **интересов**, **и глобальным воздействием** этих решений.

В результате судьбы мира все более определяются микроскопическими по сравнению с ними факторами внутриполитической жизни США *(так, поддержка «Солидарности» во многом была обусловлена влиятельностью польского лобби Чикаго)*. Перед разрушительностью этого «имперского провинциализма»[284] и для мира, и для самих США меркнут все ее, даже самые болезненные и потенциально опасные частные следствия (вроде сначала «ползучего», а после 11 сентября 2001 года и открыто агрессивного распространения американских юридических норм на международные отношения и внутреннюю жизнь формально еще независимых государств [228] – см. пример 31). Он не замечает интересов большинства человечества, что ведет к утрате адекватности, несоответствию стоящим перед ним историческим задачам, а затем – и к утрате влияния.

Во время расцвета проамериканской «команды молодых реформаторов» сфера решения ключевых вопросов внутренней российской политики переместилась с уровня администрации президента и правительства России на уровень Конгресса и администрации США. Аналог – советские времена, когда для решения значимых для регионов вопросов надо было «выходить» не на их руководство, но на кураторов соответствующих направлений в Москве. С 1991 по 1998 годы Россия агонизировала под «внешним управлением», которое рухнуло исключительно из-за неизбежной корыстности и самовлюбленной безграмотности (см. параграф 5.4).

Доминирование глобальных монополий, базирующихся в США, размывала понятие «национального суверенитета»; сам его принцип до идейного банкротства Запада в ходе обострения глобального кризиса в 2007-2009 годах воспринимался как нечто ретроградное. Кричащее исключение, к которому не применялось «фундаментальное правило» естественности и прогрессивности «размывания суверенитета», – США.

284. Иногда также характеризуемого как «имперская местечковость».

Исключения говорят о правилах точнее их самих. Глобализация лишает суверенитета все страны[285], кроме США.

Та самая глобализация, которая размывает суверенитет их конкурентов, суверенитет США укрепляет (в том числе и за счет этого размывания), становясь инструментом повышения их конкурентоспособности. **Идея** же **национального суверенитета трансформируется в идею** доминирования: **суверенитета сильнейшего государства**, признаваемого империей, **над остальным миром**.

13.4. Блеск и нищета «гуманитарных интервенций»

Логическим завершением этой идеи стала концепция «гуманитарных интервенций», давшая развитым странам (а точнее – США как единственной среди них действенной военной силе) право произвольной агрессии любых стран под предлогом нарушения установленных США же «прав человека».

Эта доктрина – реакция развитых стран на уничтожение СССР. Они лишились сдерживающей силы, став бесконтрольными хозяевами мира, – а созданное противостоянием двух систем «силовое поле», которое структурировало человечество и стимулировало его наименее развитые регионы, исчезло, обнажив неспособность ряда обществ[286] не то что к самоуправлению, но даже к самосохранению.

285. Строго говоря, исключение – не только США, но и все мощные страны мира, но исключительность положения Японии и Китая обуславливается цивилизационной спецификой, а в отношении стран Евросоюза – переходом от «суверенитета наций» к суверенитету нового регионального образования. Лишь США демонстрировали незыблемость своего суверенитета откровенно и самодостаточно. Лишь американский суверенитет – не результат более значимых внешних причин, но фундаментальное и самостоятельное, хотя и не рекламируемое для «внешнего употребления» явление.

286. Многие из которых, правда, были сконструированы искусственно в период распада колониализма и перехода от него к неоколониализму в интересах отдельных участников этого системного противостояния.

Это проявилось не только в распаде социумов в «конченых странах»[287], их трагических мутациях (вроде захвата власти в Афганистане талибами[288]) и в череде локальных конфликтов, но и в чудовищных зверствах ряда неразвитых государств в отношении своих граждан. *Наиболее страшными следствиями выхода неразвитых обществ из оцивилизовывающего их «силового поля» биполярного противостояния стали геноцид в «африканской Швейцарии» – Руанде, где было в кратчайшие сроки истреблено более 1 млн.чел., и гражданская война в Таджикистане, сопровождавшаяся массовыми убийствами по факту прописки[289] (погибло более 60 тыс.чел., но «огромное количество пропавших без вести» сверх этого числа никто не считал). Глубокое впечатление (хотя и не на «экспортеров демократии») произвел грабеж и истребление белых фермеров в Зимбабве и ЮАР (при поддержке государства) черным «демократическим» большинством, а также изгнание сербов из Косово.*

Последствия подобных «социальных преобразований» иллюстрирует приводимое рядовое информационное сообщение.

Пример 42

Голод в Зимбабве

Хараре. 4 января (2003 года). ИНТЕРФАКС – Полиция Зимбабве арестовала …39 человек из 4 тыс. осаждающих склад с продовольствием в провинции Булавайо. Стражи порядка использовали слезоточивый газ и огнестрельное

287. Классический пример – Сомали, где американцы впервые столкнулись с бессилием высокотехнологичной армии перед массами людей, не ценящих свою жизнь и потому способных нанести ей неприемлемые для американского общества (хотя и незначительные по меркам неразвитых стран и с военной точки зрения) потери.
288. Насколько можно понять, запрещенное в России за терроризм движение «Талибан» было сконструировано американскими и пакистанскими спецслужбами, а установило свой контроль над основной частью территории Афганистана при определяющей поддержке пакистанской армии.
289. Стоит также отметить длительный и проигнорированный реформаторской Россией геноцид русского (и в целом невайнахского) населения Чечни и голод с большим количеством жертв в горных районах Таджикистана и Киргизии.

оружие… Среди бунтующих, возмущенных отсутствием еды, были женщины и пожилые люди.

Сельское хозяйство …потерпело …крах. С начала прошлого года в стране нет …кукурузы – основной пищи… В Зимбабве 8 млн. из 11,6 млн. жителей страдают от голода и могут умереть от истощения.

…Основная причина …голода – передел собственности, когда белые фермеры были с применением силы лишены своих земель[290].

О мгновенном росте напряженности в мире, избавившемся от структурирующего воздействия «силового поля» глобального противостояния, свидетельствует активизация ООН. В 90-х «было достигнуто... в три раза больше мирных соглашений, чем за предыдущие три десятилетия», а ООН «ввела больше санкций, чем когда-либо ранее» [77]. Интенсификация работы органа, урегулирующего конфликты, – признак роста их числа.

Столкновение ничем более не ограничиваемого всесилия США, опьяненных внезапным торжеством в холодной войне, с захлестнувшими мир гуманитарными катастрофами породило концепцию «гуманитарных интервенций».

Пример 43

Генеральный Секретарь ООН
о концепции «гуманитарных интервенций» [77]

«…Если раньше обеспечение безопасности означало защиту территории от внешнего нападения, то теперь оно включает в себя защиту …от насилия… внутри государства.

290. В 2000 году «в целях ликвидации наследия колониализма» власти Зимбабве приняли закон о передаче земель белых фермеров чернокожим (белым запрещено владеть землей, они могут иметь в собственности только «компании и городское имущество»). После передачи сельхозугодий 6 тыс. белых фермеров в собственность 245 тыс. негров сельское хозяйство погибло, бывшая житница юга Африки погрузилась в голод. У новых хозяев не было знаний, оборудования и, по-видимому, желания. Большая часть продовольствия в страну поступает в рамках гуманитарной помощи США и ЕС. Власти отчаянно борются с передачей чернокожими хозяевами земель в аренду белым фермерам, которые когда-то ею владели.

...В 90-х ...войны велись в основном внутри государств... Эти войны были жесточайшими и привели к гибели более пяти миллионов человек. Эти войны не столько стирали границы[291], сколько губили людей. Гуманитарные конвенции повсеместно нарушались, мирные граждане... становились «стратегическими целями», а детей принуждали становиться убийцами. ...Их питательной средой были этнические и религиозные различия. **В основе их часто лежат зарубежные экономические интересы** *(выделено М.Д.)*, и их подпитывает гиперактивный и в основном незаконный ...рынок вооружений.

...Гражданское население и ...инфраструктура стали прикрытием для ...повстанческих движений, объектами для возмездия и жертвами ... произвола, вызванного... разложением государства.

...Я призвал государства... объединиться..., чтобы положить конец ...массовым убийствам и вопиющим нарушениям прав человека. Хотя я подчеркивал, что интервенция охватывает широкий ряд мер реагирования – от дипломатии до применения вооруженных сил, – именно последняя мера вызвала больше всего споров...[292]

291. Признание руководством ООН интеграционной роли войн останавливается в шаге от признания допустимости войн ради интеграции. Эта случайная фраза ярче любых трактатов показывает, что лидеры современного человечества, выражая интересы глобальных монополий, стремятся к интеграции любой ценой.
292. Идея «гуманитарных интервенций» привлекла внимание из-за не только ее экстремальности, но и сознания неэффективности обычных санкций: «Санкции... находятся ... между... осуждением и применением вооруженной силы... Включают эмбарго на поставки оружия, торговые и финансовые ограничения, прерывание воздушных и морских сообщений и дипломатическую изоляцию.
Санкции не всегда вели к соблюдению резолюций Совета Безопасности ООН. В некоторых случаях лишь ...незначительные усилия были направлены на то, чтобы следить за претворением их в жизнь...
[От санкций] ...страдают простые люди, а не ...элита, ...которая спровоцировала их... Власти часто ...получают выгоду..., поскольку могут контролировать черный рынок, а санкции дают им предлог для ликвидации ...оппозиции.
Поскольку ***экономические санкции оказались*** *таким* ***тупым и даже вредным инструментом*** [выделено М.Д.]*, ...правительства и... организации гражданского общества, а также «мозговые тресты»... стали изучать..., как сделать санкции более тонким инструментом, применяя их более нацеленно» [77].*

…Критики …озабочены тем, что концепция «гуманитарной интервенции» может стать прикрытием для необоснованного вмешательства… Другие считали, что она может подтолкнуть сепаратистские движения к …провоцированию правительств на… нарушение прав человека, …чтобы… последовало вмешательство извне, которое содействовало бы успеху их дела. А третьи отмечали, что в силу …национальных интересов в практике …интервенций было мало последовательности. …**У слабых государств… больше шансов стать объектом такой интервенции, чем у сильных…** *(выделено М.Д.)*.

…Ни один …принцип – даже… суверенитета – не может использоваться в качестве прикрытия преступлений против человечности… Когда совершаются такие преступления, а мирные средства… не дали результатов, у Совета Безопасности есть …долг действовать… Вооруженная интервенция …должна оставаться крайним средством, однако перед лицом массовых убийств от этого …нельзя отказываться».

Популярность концепции «гуманитарных интервенций» достигла апогея в конце 90-х, став обоснованием агрессии США и их сателлитов по НАТО против Югославии[293] в обход ООН и ее Совета безопасности, то есть в прямое нарушение международного права. *За 78 дней нанесено 2,3 тыс. ракетно-бомбовых ударов по 990 объектам в Сербии и Черногории, использовано 23 тыс. бомб и ракет весом более 27 тыс.т.,*

Таким образом, «гуманитарные интервенции» для ООН были средством восстановления утраченной из-за завершения холодной войны, глобализации и «дробления конфликтов» дееспособности мирового сообщества, в первую очередь самой ООН.

293. Осмысление этой агрессии представителями государств-агрессоров и стало разработкой концепции «гуманитарных интервенций». Уже в сентябре 1999 года испугавшийся игнорирования своей организации Западом генсек ООН Кофи Анан официально презентовал концепцию на Генеральной Ассамблее ООН.
Как это часто бывает, официальное признание стало высшей точкой развития концепции: ранее она обсуждалась сторонниками; открытое обсуждение выявило ее несостоятельность и привело к падению популярности. (В информационном обществе последнее равносильно падению влиятельности.)

включая запрещенные боеприпасы с радиоактивными примесями, десятилетия вызывающими рак. Убито около 2 тыс. мирных жителей (включая 400 детей) и более 1 тыс. военнослужащих и полицейских (включая убитых союзными НАТО албанскими террористами); около 10 тыс. мирных жителей серьезно ранено. Уничтожено или серьезно повреждено около 200 предприятий, 82 моста, около 40 тыс. жилых домов, около 90 памятников истории и культуры, более 300 школ, вузов и библиотек, более 20 больниц. Вся Югославия стала зоной экологического бедствия. Общий ущерб никогда не был назван; по оценкам – 50-100 млрд.долл..

Эта террористическая агрессия обнажила неустранимую противоречивость и ограниченность концепции, которые привели к потере интереса к ней.

Прежде всего, она опирается на «двойной стандарт»: Запад объявляет свою систему ценностей единственно верной и силой внедряет ее в не соответствующие ей общества. Часть последних даже при желании не способна приспособиться к ней, и успех Запада означает для нее цивилизационную катастрофу. Методы же Запада противоречат прокламируемым ценностям и перечеркивают их. Принуждение к соблюдению прав человека систематической ложью и массовыми убийствами, предпринятое США и их сателлитами по НАТО в ходе агрессии против Югославии[294] (а затем – против Ирака, Ливии и Сирии), – нонсенс, узаконить который не могут даже лучшие технологии формирования сознания.

Внедрение ценностей методами, отрицающими их, доказывает фиктивность этих ценностей, обнажая **содержание доктрины «гуманитарной интервенции» – оправдание агрессии Запада и инструмент их глобальной конкуренции** с остальным человечеством.

Наиболее инициативным и сильным участником глобальной конкуренции является наиболее развитая страна –

294. Несмотря на резкость термина «политика массовых убийств», массовую бомбардировку гражданских объектов, разрушение инфраструктуры страны, по официальной формулировке представителя США, «вбамбливаемой в каменный век», и провоцирование этнических чисток сложно интерпретировать иначе.

США, которая полностью контролирует НАТО (как и большинство других значимых международных организаций) и определяет характер реализации концепции «гуманитарных интервенций» (как и других международных концепций). В результате эти концепции применяются (в том числе в виде угроз) преимущественно в американских интересах, что дискредитирует их, так как их характер подразумевает международный, а не американский характер действий.

Так как конкурентами США являются не потенциальные жертвы концепции «гуманитарных интервенций», но другие развитые страны и Китай, концепция применяется (агрессия против Югославии показала это предельно ясно) для сдерживания их развития.

Жертвы такой политики вскоре теряют доверие как к ней, так и к концепции «гуманитарных интервенций» как инструменту ее реализации, что снижает ее популярность и вынуждает находить ей замену, которой стала «борьба с международным терроризмом», а затем (применительно к Ирану и КНДР) – «борьба с угрозой распространения ядерного оружия». Эта замена устранила и другой врожденный порок концепции «гуманитарных интервенций» – отсутствие глобального врага, сплачивающего развитые страны вокруг США, в том числе и вопреки экономическим интересам этих стран.

США объявили остальному **миру** ту самую **тотальную, цивилизационную войну**, в которой они обвиняют маргинализируемый ими исламский мир. Исключительность доминирования вызывает их жесткое противостояние и конкуренцию за ресурсы и модели развития с остальным человечеством.

Глобальная конкуренция за ресурсы и модели развития и противостояние США с остальным человечеством, в частности, с крепнущим Китаем будет составлять содержание мировой истории, как минимум, в ближайшие десять лет.

Между тем доведение до логического конца идеи глобального доминирования США привели к их перенапряжению и к самоотрицанию этой идеи.

13.5. Исчерпание традиционной модели развития человечества

Вырождение конкуренции и формирование глобальных монополий делает неизбежным их загнивание, масштабы и болезненность которого пропорциональны масштабам власти глобальных монополий над рынками и человечеством [208]. Оно завершится коренной перестройкой миропорядка, основанного на их доминировании (и доминировании страны их базирования – США).

13.5.1. Прекращение развития за счет интеграции

Загнивание глобальных монополий проявилось в кризисе глобальной экономики, которое до сих пор по политкорректному недоразумению именуют «азиатским фондовым 1997-1999 годов», хотя он охватил все финансовые рынки, а не только фондовый, и затронул не только Азию, но и весь мир, включая США. Он увенчался крахом «новой экономики» в США в апреле 2000, последующей рецессией и в 2001 году – общей дезорганизацией экономики, из которой их на время вывела только мобилизация общества в результате терактов 11 сентября 2001 года. Он сопровождался нападением США и их сателлитов по НАТО на Югославию в 1999, а в 2001 году – на Афганистан.

В начале кризиса глобальной экономики, в 1997-1999 годах беспрецедентный разгул спекулятивных капиталов обрушился на наиболее успешные из развивающихся стран с относительно открытыми экономиками и опустошил их финансовые рынки, приведя к череде разрушительных девальваций. Результат – усиление влияния глобальных монополий, которые сначала высосали финансовые ресурсы жертв кризиса, а потом использовали эти же деньги для установления контроля за ними.

Основным содержанием начала кризиса глобальной экономики стало масштабное изъятие финансового и, в меньшей степени, интеллектуального капитала жертв спекулятивных агрессий. В 1997-1999 годах в соответствии со стратегией «разрушительного освоения» (см. параграф 11.2) развитые экономики захватили ключевые ресурсы развития своих более слабых конкурентов, поддержав этим свою жизнеспособность[295].

Снова ограбив бедных, богатые еще раз доказали им **несовместимость интересов развитых стран и остального мира**, подорвав эффективность своих технологий формирования сознания и пробудив в неразвитых странах понимание своих интересов как несовместимых с интересами развитых стран, и в первую очередь – США.

Ограбив неразвитые страны, еще раз предельно грубо указав им на невозможность преодоления технологического барьера, отделяющего их от благосостояния и благополучия, Запад подтолкнул остальное человечество к своему злейшему сопернику и единственному стратегическому конкуренту – Китаю.

Но даже тех ресурсов, которые развитые страны отняли у неразвитых и за которые они в стратегическом отношении заплатили так дорого, все равно оказалось мало для их аппетитов! – и в 1999 году развитые страны столкнулись за ресурсы развития уже между собой. И агрессия против Югославии, и ряд менее ярких событий (вроде раскрытия счетов жертв нацизма в швейцарских банках[296]) были внешними проявле-

295. В экономической борьбе массовый захват активов может вести к перерождению победителя. Выведя производства и в целом экономическую активность в развивающиеся страны, глобальные монополии обескровили страны своего базирования, усугубив их стратегические проблемы, – и снизили степень своей самоидентификации с ними, заложив фундамент их скорой дезорганизации.

296. Проведенное под давлением общественного мнения, направляемого банковскими конкурентами Швейцарии, в том числе американскими, раскрытие счетов жертв нацизма в швейцарских банках в 1998 году (по итогам было выплачено 1,25 млрд.долл. компенсаций и раскрыты интересные невостребованные с начала века счета, – например, небольшой счет на имя В.Ульянова) продемонстрировало неполноту банковской тайны в этой стране. Результат – отток средств, по оценкам, сокративший пассивы банковской системы Швейцарии на четверть.

ниями системной агрессии США против Евросоюза, воспринимаемого ими как потенциальный конкурент (в 2014 году ее проявлением стал привод к власти фашистов на Украине, в 2015 – организация притока беженцев из исламского мира).

Сокращение возможности дальнейшего изъятия капитала неразвитых стран (из-за его истощения) подорвало модель **развития за счет интеграции** (то есть привлечением новых ресурсов из менее развитых стран), бывшую экономическим содержанием послевоенного периода[297]. Лишенные

297. Интеграция парадоксально сопровождалась все большим замыканием экономик развитых стран на себе. «Если в 1953 г. индустриально развитые государства направляли в страны того же уровня развития 38% своего экспорта, то в 1990-м – уже 76%… Во второй половине 90-х …только 5% торговых потоков, начинающихся или заканчивающихся на территории одного из 29 …членов ОЭСР, выходят вовне этой совокупности стран… Аналогичные процессы прослеживаются и на примере инвестиционных потоков… Более 80% всех инвестиций в США… осуществлены компаниями семи стран – Англии, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов, – причем доля Англии составляет… 31%, а Японии – менее 14. Эти же страны выступали реципиентами более чем 60% всех американских капиталовложений за рубежом, тогда как на долю …новых индустриальных стран Азии приходится не более 8%, а на долю Мексики – менее 3% …прямых американских иностранных инвестиций».
«Суммарные инвестиции США, европейских стран и Японии друг в друга, а также в Сингапур, Китай, Малайзию, Индонезию, Таиланд, Гонконг и Тайвань обеспечивали 94% (!) общего объема прямых иностранных инвестиций в мире; хозяйственные же субъекты… за пределами стран-членов ОЭСР, осуществляют… не более 5% общемирового объема прямых зарубежных инвестиций» [167].
До информационной эпохи развитые страны нуждались в остальном мире как источнике ресурсов. Но информационные технологии отменяют эту зависимость. «Сегодня в экономике США используется меньше черных металлов, чем в 1960 году». **Рубеж – 1991 год**, «когда в США расходы на приобретение информации и информационных технологий, составившие 112 млрд. долл., превысили затраты на приобретение производственных технологий и основных фондов (107 млрд. долл.); разрыв между ними рос в среднем на 25 млрд. долл. в год» [167].
В результате зависимость развитых стран от остального мира ограничена энергоносителями и рабочей силой (в первую очередь интеллектуальной, а также поддающимся культурной интеграции «демографическим сырьем», необходимым для компенсации демографического кризиса). Такая самоизоляция (обусловленная прежде всего технологически) подрывает сама себя, так как (см. параграф 15.2.1) лишает развитые страны необходимых им рынков сбыта. Возвышение Китая усугубляет ситуацию, так как, предоставив на ограниченное время модернизации емкий рынок капитала, еще более ограничивает рынки сбыта Запада.

необходимого и привычного притока ресурсов извне (само понятие – «извне» – скукожилось до менее чем 30% мировой экономики), развитые экономики начали захлебываться. Менее чем через год после успеха агрессии против Югославии экспортировавшаяся ими в остальной мир нестабильность вернулась к ним. Они провалились – сначала в болезненную корректировку фондового рынка США в апреле 2000 года и крах «новой экономики», основанной на так и не оправдавшихся ожиданиях и, наконец, в рецессию и структурный кризис (см. параграф 16.4).

13.5.2. Богатство избранных больше не несет благополучие всем

Загнивание глобальных монополий и их оргструктуры – США – проявляется в том, что **накопление богатства перестало сопровождаться решением основных проблем человечества.**

Эта тенденция показана в документах ООН рубежа тысячелетий (затем ее стало скрывать укрепление Китая), в частности, в докладе Генерального секретаря ООН Кофи Анана к Саммиту тысячелетия («Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» [77] – драйв). Их прелесть в том, что с бюрократической осторожностью, политкорректностью и боязнью обобщений, не говоря о политических выводах, они рисуют предельно объективизированную картину состояния человечества, в том числе масштаба стоящих перед ним гуманитарных проблем, вызывающую ужас. Эта картина доказывает: бурный прогресс 90-х затронул лишь развитый мир и в лучшем случае не сопровождался значимым прогрессом в решении наиболее острых, первичных проблем человечества – голода, болезней, нехватки воды, отсутствия жилья и многих других.

Пример 44

Восприятие ООН: ключевые проблемы человечества на рубеже тысячелетий [77]

В конце 90-х население Земли превысило 6 млрд. чел., причем «последний миллиард добавился всего лишь за 12 лет – это самый короткий период подобного прироста…. К 2025 году мы можем ожидать еще 2 млрд. чел.[298], …почти исключительно в развивающихся странах и в основном в беднейших из них».

15% населения живет в богатых, 78% – в бедных странах и 7% – в странах с переходной экономикой.

20% населения сконцентрировали в своих руках 86% «всего богатства» мира, а почти половина «едва сводит концы с концами, имея менее 2 долларов на день». 22% – более 1,2 млрд.чел., в том числе «500 миллионов в Южной Азии и 300 миллионов в Африке – существуют меньше чем на 1 доллар в день…»

Средняя продолжительность жизни в развитых странах – 78 лет, в бедных – 64 года, в самых бедных – 52 года.

Постоянно недоедает более 100 млн. детей; более 500 млн.чел. не доживет до 40 лет; около 750 млн. не имеет доступа к медицине; 22% населения (включая более 850 млн. взрослых) неграмотно, из них 2/3 – женщины; 20% населения не имеет чистой питьевой воды.

«Почти 2 млрд.га …подвержены вызываемой деятельностью человека деградации, что ставит под угрозу наличие у почти 1 млрд. чел. средств к существованию… Каждый год …20 млн.га сельхозугодий становятся непригодными для возделывания …по причине деградации почв или наступления городов… В течение следующих 30 лет спрос на продовольствие в развивающихся странах удвоится».

298. Население планеты достигло 7 млрд.чел. в конце 2011 года, в июне 2018 – 7,6 млрд., пересечение рубежа в 8 млрд. ожидается в 2024 (хотя гиперболический рост населения прекратился после 70-х, а в 90-е годы ощутимо замедлился).

«В течение следующего поколения население городов возрастет вдвое – с 2,5 миллиарда до 5 миллиардов человек[299]. Почти весь… прирост произойдет в развивающихся странах… Треть городского населения в развивающемся мире живет в …нищете, большинство… в трущобах… Хотя население …в среднем становится более пожилым, жители трущоб становятся все более молодыми».

«Половина мирового населения не имеет доступа к надлежащим санитарно-гигиеническим услугам».

«Причиной 80% всех заболеваний в развивающихся странах служат отсутствие безопасной воды и плохие санитарно-гигиенические условия. Каждый год по этой причине умирает более 5 миллионов человек – в 10 раз больше среднего количества… ежегодно погибающих в войнах. Более половины таких жертв – дети».

«Хотя ежегодно в… мире на научные исследования в сфере здравоохранения расходуется более 56 млрд.долл., для решения … проблем, затрагивающих 90% населения…, выделяется менее 10% от этой суммы. На борьбу с пневмонией, диареей, туберкулезом и малярией, а все эти болезни – …проблема для развивающихся стран, направляется менее 1 процента глобальных ресурсов на научные исследования в здравоохранении.

Результат… ужасает. Только от малярии… каждую минуту погибает 2 человека, …в основном дети …до пяти лет и беременные женщины».

«Четверть всех детей в мире, в большинстве своем в бедных странах, …не защищены от шести самых распространенных болезней: полиомиелита, дифтерии, коклюша, кори, столбняка и туберкулеза. Для этих детей вероятность умереть от этих болезней в 10 раз выше, чем для детей, защищенных вакцинами».

«Свыше 130 миллионов детей начального школьного возраста в развивающихся странах – более половины из них… в Индии, Бангладеш, Пакистане, Нигерии и Эфи-

299. По тем же прогнозам, население вырастет с 6 до 8 млрд.чел. – значит, население, живущее вне городов, сократится (с 3,5 до 3 млрд.чел.), что с учетом тенденций развития последних грозит ростом социального неблагополучия.

опии – лишены возможности посещать школу… Девочки составляют примерно 60% таких детей».

«Четверть миллиарда детей в возрасте 14 лет и младше… вынуждены работать, …нередко в опасных или нездоровых условиях».

«…Из 3 млрд.чел. рабочей силы в мире 140 млн. …не имеют работы, а от …четверти до …трети заняты неполный …день[300]». Среди полностью безработных – 60 млн. молодых, «примерно 80% …живет в развивающихся странах и странах с переходной экономикой».

«…Менее 6% жителей Земли владеют компьютером, 2.4% имеют доступ к Интернету, а более половины не только не имеют телефона, но и никогда в жизни не пользовались им».

Еще более сильное впечатление производит перевод бюрократического языка этих документов на общепринятый.

Пример: «Нет более благородной задачи и более высокой ответственности, чем предоставить мужчинам, женщинам и детям... по всему миру возможность улучшать свою жизнь. Лишь... когда это начнет происходить, мы увидим, что глобализация... принимает всеохватный характер, позволяя каждому человеку воспользоваться предоставляемыми ею возможностями» [77].

В пышности декламации таится червь истины. Формулировка «лишь когда это начнет происходить» свидетельствует: авторам известно, что этого не происходит, и «возможность улучшать свою жизнь» для миллиардов людей в неразвитых странах так же недостижима, как и возможность поесть досыта.

В 90-е годы развитый мир начал все более пренебрегать остротой проблем остального человечества, превращая

300. На рубеже тысячелетий международные бюрократы (в целом обслуживающие глобальные монополии) еще рассматривали неполную занятость как проблему; вскоре они научились трактовать ее как благо, как признак «постиндустриального общества», с позиций бизнеса рассматривая всякое снижение защиты труда как признак экономического прогресса, а не социально-экономической деградации.

(как было показано выше – см. параграф 11.2) их трудности в ресурс своего развития.

Наглядно это проявилось в сокращении помощи бедным странам после максимума 1991 года. За первое десятилетие глобализации она сократилась в 1,5 раза – до 0,25% ВНП развитых стран, превратив цель ООН довести эту помощь до 0,7% ВНП в несбыточную мечту[301]. Международная помощь сельскому хозяйству голодающих стран уменьшилась за 1986-1996 годы в те же 1,5 раза [304].

Рост богатства не только перестал смягчать нищету – он сопровождается ростом числа бедных (с начала XXI века – кроме Китая, развивающегося в прямом противостоянии развитым странам). По данным Мирового банка, число живущих менее, чем на 1 доллар в день, с 1987 по 1999 год выросло на 200 млн.чел. [18] – при том, что покупательная способность этого доллара за то же время из-за инфляции снизилась более чем в полтора раза!

Дело доходит до гротескного воплощения в жизнь агитационных плакатов 100-летней давности на тему «толстых и тонких». По данным конца 90-х, «1,2 млрд.чел., живущих на Западе, потребляют пищи значительно больше, чем требует их организм. В США... ежегодно расходуется более 100 млрд. долл. на борьбу с последствиями переедания». 55% населения США «страдает от избыточного веса[302], а каждый пятый – от тучности... В Британии избыточный вес наблюдается у 51% населения, **численность тучных людей за последние десять лет удвоилась** (выделено автором. – М.Д.). В Германии избыточный вес имеют 55% населения» [21]. В то же время «1,2 млрд.чел. страдают той или иной болезнью, по-

301. В 2000-е годы ситуация улучшилась – за счет нелепых списаний российскими реформаторами долгов даже успешно развивающихся стран, уже к 2002 году превративших Россию в крупнейшего донора. К 2018 году сумма таких списаний превысила 150 млрд.долл. [156]. Но сама Россия уже не была развитой.

302. Конечно, ожирение жителей развитых стран во многом вызвано нарушением обмена веществ из-за потребления недоброкачественной пищи в фастфудах, – но верно и то, что эти фастфуды слишком дороги для большинства жителей бедных стран.

тому что... голодают, а втрое больше людей недоедают. В Индии от голода страдают 53% населения, в Бангладеш – 56%, в Эфиопии – 48%. Средний индус... потребляет пищи в 5 раз меньше уровня жителя Северной Америки и Западной Европы» [304].

С началом глобализации прогресс развитого мира не просто перестал облегчать, но и начал усугублять проблемы неразвитых обществ. Так как ужесточение конкуренции увеличивает долю отстающих, их количество начнет переходить в качество.

Глобализация лишила стандартный рыночный лозунг «обогащайтесь!» функции «универсальной отмычки», ответа на все вопросы развития. **Глобальные монополии ограничили рынок так, что он перестал быть двигателем прогресса**. Это признак **исчерпания возможностей традиционного**, основанного на обогащении наиболее развитых обществ **механизма развития человечества и доказательство объективной необходимости смены его парадигмы**.

Исчерпание возможностей привычной модели мирового развития проявилось не только в хозяйственной, но и в идеологической сфере[303], обернувшись кризисом ключевого фактора самоидентификации Запада, – демократии (см. главу 5).

В XXI веке неравенство еще более усилилось: освобожденные от сдерживающей силы социализма, глобальные монополии стали в прямом смысле слова рвать мир на части. Ситуация стала настолько острой и настолько противоречащей либеральной идеологии, что подробно описывающий ее «Капитал в XXI веке» Пикетти [249] произвел революционное впечатление и стал для жертв этой идеологии главным интеллектуальным событием после распада СССР.

303. По-видимому, это закономерно; так, в России исчерпание возможностей модели «дикого капитализма», созданной либеральными фундаменталистами, выразилось в дефолте, который стал не только экономической и политической, но (для носителей либерального сознания) и идеологической катастрофой.

Пример 45

Из доклада о неравенстве в мире-2018[304]

В 2016 году доля национального дохода… 10% лиц с самыми высокими… доходами, составляла 37% в Европе, 41% в Китае, 46% в России, 47% в США и Канаде и около 55% в Африке южнее Сахары, Бразилии и Индии. На Ближнем Востоке – …61%…

После 1980 года[305] неравенство в доходах росло быстро в Северной Америке, Китае, Индии и России и умеренно в Европе…, обозначая конец эгалитарного режима, который …принимал разные формы после Второй мировой войны.

…Рост неравенства в последние десятилетия был особенно резким в России [скачок с 22% в 1988 и 24% в 1991 до 48% в 1996 году, 52% в 2007 со снижением до 46% в 2014-2016], умеренным в Китае и… постепенным в Индии [с 30% в 1982 до 55% в 2012-2016]…

Если в 1980 году доля верхнего 1% составляла около 10% [национального дохода и в Западной Европе, и в США], то к 2016 году в Западной Европе она выросла всего до 12%, а в США взлетела до 20%. В США доля нижних 50% по уровню доходов сократилась с более чем 20% в 1980 до 13% в 2016 году. [В Западной Европе снизилась с 23,5 до почти 22%.]

Траектория неравенства в доходах… в США во многом объясняется значительным неравенством в образовании, сочетающимся со снижением прогрессивного…

304. «Классические методы измерения неравенства… основываются на исследованиях домохозяйств, в которых… недооцениваются доходы и имущество… на верху социальной лестницы… Мы применяем …новую… всестороннюю методологию, которая охватывает все имеющиеся… источники…: оценки совокупных доходов и имущества, учтенных …статистикой (включая, когда …возможно, оценки имущества, выведенного за рубеж); исследования по доходам и имуществу домохозяйств… на основе опросов; …данные по уплате подоходного налога; данные о наследствах и имуществе (когда …имеются); рейтинги крупных состояний» [1].

305. То есть с началом либеральной контрреволюции элит (см. пример 23, параграф 16.1.3).

налогообложения в то время, когда происходил быстрый рост самых высоких вознаграждений за труд, …с 80-х годов XX века, и наиболее высоких доходов с капитала в 2000-е годы. А в Европе прогрессивность налоговой системы снижалась… в меньшей степени, в то время как неравенство в зарплате смягчалось политикой в области образования и начисления зарплат, которая… благоприятствовала группам с низкими и средними доходами…

С 1980 по 2016 годы на 1% самых богатых в мире лиц пришлось вдвое большая доля [общемирового] роста [частных доходов за это время], чем на 50% самых бедных [27% против 13%]. Рост доходов был слабым для… находящихся между этими двумя категориями (в том числе для всех средних и низших классов в США и Европе).

Рост неравенства в мире не был равномерным… Доля верхнего 1% в …доходах [населения] мира выросла с 16% в 1980… до [21% в 2000 и 24% в 2006-2008 годах, в 2009 она упала до 21% и затем медленно снижалась до почти 20% в 2016 году. **Это признак объективного конца либеральной контрреволюции элит** (см. пример 23, параграф 16.1.3) из-за выработки ею своего потенциала, проявившейся прежде всего в возвышении Китая – М.Д.]… Доля… нижних 50% по уровню доходов выросла [с 8% в 1980 до 9% в 1985 и дошла до почти 10% к 2016 году]. Прерывание тенденции [роста неравенства] после 2000 обусловлено сокращением среднего уровня неравенства в доходах между странами [из-за прогресса Китая – М.Д.], тогда как неравенство в каждой конкретной стране продолжало расти.

После 1980 почти во всех странах… осуществлялось масштабное перетекание собственности от госсектора в частный…

Чистое частное имущество [частные активы за вычетом частных долгов] выросло с 220-320% [национального дохода] в самых богатых странах в 1970 году [220% – Германия, 290% – Англия, 305% – Япония и Франция и 326% – США до 420-630 в 2016 году (420% – Германия, 500% – США, 580% – Франция, 600% – Япония, 630% – Англия)]. На этот процесс почти не повлияли ни …кризис

2008 года, ни спекулятивные пузыри… на рынке недвижимости… [Доля чистого частного имущества в национальном доходе] увеличилась в Китае и России в 3 и 4 раза… и приближается к [уровню] Франции, Англии и США.

Напротив, чистое госимущество (т.е. госактивы минус госдолг) … с 80-х годов… снижалось почти во всех странах. В Китае и России – с 60-70% национального дохода до 20-30%. Чистое госимущество… достигло отрицательных значений в США [с 36% национального дохода в 1970 году оно снизилось до 16% в 1981 и -17% в 2016; в Британии с 29% в 1981 оно упало до -4% в 2014 году] и лишь немного превышает ноль в Японии, Германии и Франции… Это ограничивает возможности государств в… смягчении растущего неравенства…

Растущее неравенство в доходах и …перетекание госимущества в частные руки… в последние сорок лет усилило имущественное неравенство между частными лицами. Тем не менее оно еще не достигло… уровня Европы и США начала XX века…

Рост имущественного неравенства был очень значительным в США, где доля 1% самых состоятельных людей [в общем имуществе всех домохозяйств] выросла с 22% в 1980… до 39% в 2014 году [в 1910 году их доля составляла 45%, в 1929 – 49%, минимум – 21% – был достигнут в 1978 году], причем этот рост по большей части был обусловлен увеличением собственности… в руках верхнего 0,1%. Увеличение доли верхних категорий во Франции и Англии в последние 40 лет было более умеренным… [доля верхнего 1% в Англии монотонно снижалась с 68% в 1911 до 15-17% в 1984-1991 годах, затем начался рост до 10% с небольшим в 2006-2011 годах; схожая динамика наблюдалась во Франции] благодаря смягчающему воздействию роста недвижимого имущества среднего класса и более низкому уровню неравенства в доходах по сравнению с США.

…С 1995 по 2015 год доля [имущества] верхнего 1% удвоилась… с 15 до 30% в Китае и с 22 до 43% в России…

Прогрессивное налогообложение – эффективный инструмент борьбы с неравенством… [Поэтому прогрес-

сия] сильно урезана[306] в богатых и ряде развивающихся стран… с 70-х… до середины 2000-х…

Имущество, хранимое в налоговых гаванях, значительно выросло… с 70-х годов и …составляет более 10% мирового ВВП…

Между общественным дискурсом о равенстве возможностей и доступом к образованию может пролегать… пропасть. Так, в США [лишь 20-30% детей], чьи родители входят в 10% …с наименьшими доходами, … учатся в вузах… Этот показатель достигает 90% для детей, чьи родители относятся к 10% …с наибольшими доходами» [1].

13.5.3. Создание новых рынков: змея съедает свой хвост

Основа успешного развития современной экономики – управление рынками. Основа хозяйственного и, соответственно, социального прогресса – расширение их емкости, которое наиболее эффективно за счет создания новых рынков, то есть формирования у человечества качественно новых потребностей.

Новые потребности создаются новыми технологиями, а не наоборот (исключения вроде компьютера, созданного для расчетов при разработке атомной бомбы, или чемодана на колесиках, появившегося лишь с эпохой массового и потому демократичного туризма, лишь подтверждают правило). Лишь после появления новых технологий, – причем обычно с промедлением, – человек начинает открывать возможности их использования.

Но новые технологии, создающие новые рынки, как правило, обеспечивают экономию труда: снижение трудоемкости. Это основа всего известного нам технологического прогресса.

Мотивация к снижению трудоемкости на протяжении всей истории значительно сильнее, чем к снижению капита-

306. Это представляется непосредственным выражением либеральной контрреволюции элит (см. пример 23, параграф 16.1.3).

лоемкости, – прежде всего в силу естественных приоритетов каждого человека, которому свойственно стремиться к экономии своего рабочего времени для высвобождения времени на саморазвитие и удовольствия. Цивилизация, сделавшая иной выбор, лишила бы себя машин и представляла бы собой безрадостное царство примитивного и непроизводительного ручного труда.

Однако не менее важно, что снижение капиталоемкости производства обесценивает предшествующий труд, воплощенный в оборудовании и иных формах основного капитала, и, таким образом, представляет собой акт черной неблагодарности по отношению к предшествующим поколениям. Значимое снижение капиталоемкости, абсолютно необходимое для нормального развития (чтобы не быть раздавленными под бременем накопленных в прошлом громоздких инструментов), представляет собой акт созидательного разрушения по Зомбарту-Шумпетеру [62, 345] и осуществляется обычно при смене технологического базиса и связанного с этим массовой заменой оборудования.

Снижая трудоемкость в рыночных условиях, новые технологии загоняют человечество в ловушку нехватки спроса, являющегося в конечном счете оплатой труда. Все усилия по территориальному расширению рынков и созданию новых потребностей (то есть созданию рынков новых продуктов, сначала диктующих и лишь затем удовлетворяющих эти потребности) лишь откладывают кризис нехватки спроса (то есть классический кризис капиталистического перепроизводства) на все более короткое время, одновременно делая его все более глубоким острым (см. параграф 9.2.1).

Выдающимся открытием США, едва ли не главный их вклад в мировую цивилизацию (идея частного центрального банка была заимствована ими у англичан еще конца XVII века – см. параграф 7.1.5), – создание систематического, регулярного и потому предсказуемого в макроэкономическом масштабе процесса коммерционализации (то есть воплощения в рыночно эффективные стандартные технологии) новых технологических принципов, во-первых, и соз-

дание на базе этого постоянного и регулярного процесса самостоятельного, качественно нового рынка, во-вторых.

Этот подход стал двигателем технологического прогресса и инструментом постоянного, индустриального в своей регулярности производства, – путь и не новых технологических принципов (их открытие остается нерыночным по своей природе), но способов их практического применения и воплощения их в новых технологиях.

Он качественно ускорил технологический прогресс и придало человеческой цивилизации ее современный вид, основанный на постоянном обновлении технологий, постоянном создании на этой основе новых потребностей и, соответственно, новых рынков.

Экономика, основанная на быстром технологическом прогрессе (и, соответственно, на быстром снижении трудоемкости), сталкивается с проблемой нехватки спроса в наиболее явной, открытой и, главное, постоянной форме *(что делает беспомощными рассуждения о каких бы то ни было циклических или даже структурных «кризисах»: безусловно, они по-прежнему имеют место, но протекают на фоне постоянной нехватки спроса, сохраняющейся даже в периоды восстановительного роста).* Такая постоянная нехватка спроса создает **объективную потребность в постоянном** же (а не только в кризисные моменты, на которых фокусировалось соответствующее потребностям индустриальной экономики кейнсианство) **притоке формально не обеспеченных товарами** (но легко обеспечиваемых ожиданиями, что вполне достаточно для информационной экономики с ее способностью создавать и поддерживать сверхдолгие спекулятивные пузыри) **денег**, которые вынуждено эмитировать форсирующее технологический прогресс государство[307].

Однако спекулятивные пузыри, какими бы сверхдолгими они ни были с точки зрения обыденного здравого смысла,

307. Мариана Маццукато [46] убедительно показала: именно государство, вопреки либеральным предрассудкам и коммерческой саморекламе, является основным двигателем технологического прогресса даже после запуска в глобальном масштабе непрерывной коммерциализации новых технологических принципов.

все же отнюдь не являются бесконечными. Поэтому запущенный рынком технологический прогресс, качественно ускоряя снижение трудоемкости технологий, в итоге изживает породившие его рыночные отношения и кладет им конец (см. параграф 9.2).

Интересным временным выходом из положения (не преодолевающим, но вновь откладывающим переход кризиса нехватки спроса в фатальную фазу окончательного обострения и отмены рыночных отношений[308]) представляется, вероятно, неизбежное (в том числе в связи с распадом глобальных рынков на макрорегионы – см. параграф 15.3) снижение не трудо-, но капиталоемкости господствующих технологий при помощи широкого распространения «закрывающих» технологий, сочетающих простоту и дешевизну со сверхпроизводительностью (см. параграф 15.4.2). Они, безусловно, не смогут снять описанное выше внутреннее противоречие капитализма, обеспечивающее его самоизживание, но позволят выиграть время для снижения болезненности реструктуризации мира после обрушения в Глобальную депрессию (см. параграф 15.3).

Интересно, что другим паллиативом, также позволяющим выиграть время для вызревания в недрах сегодняшних агонизирующих элит адекватных будущему социальных институтов, является возрастание степени бесплатности благ.

Оно производит впечатление объективной потребности, способа преодоления разрыва между разбегающейся во все стороны, растаскиваемой новыми рынками в самых неожиданных направлениях личностью и объективной ограниченностью средств этой личности. Если ограниченность ее времени и сил преодолеть пока не получается (хотя силы подкрепляют разнообразные химикаты – как в ночных клубах, так и в виде вполне законных лекарств), ограниченность денег оказалось возможным преодолеть (помимо эмиссии формально необеспеченных денег) расширением

308. Как не вспомнить Черчилля с его бессмертным (и сказанным, как обычно, по другому поводу) «большинства войн удалось избежать, просто отложив их».

сферы бесплатных благ, позволяющим личности расширить разнообразие своего бытия и (в конкурентной логике рынка) расширить спектр оцениваемых ею и принимаемых либо отвергаемых сфер общественной активности. Это интенсифицирует общественное развитие (ибо критерием отбора становится не ограниченный спрос, но значительно более широкое личное время членов общества), но ценой сжатия, подавления рыночных отношений (ибо люди в целом больше склонны к бесплатному, чем к платному).

Расширение сферы бесплатных благ означает формирование[309] в рамках рыночных отношений и для продления их существования совершенно чуждого и враждебного им коммунистического уклада, – чуждого и враждебного также и всей основанной на них американской (и в целом современной западной) цивилизации.

---

309. Наряду с другими признаками коммунизма вроде преодоления в развитых странах необходимости труда для существования индивида, расширения творческой компоненты труда, стирания разницы между рабочим и свободным временем и иными, рассмотренными в главе 8.

Часть V.

КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ ЕДИНОГО РЫНКА – В ГЛОБАЛЬНУЮ ДЕПРЕССИЮ

Всеобщность и фундаментальность перемен подтверждает исключительность современности: глобализация – действительно новая эпоха, а не просто псевдонаучный жаргон.

Мы показали, что она достигла высшего уровня, означающего самоотрицание. Технический прогресс и интеграция блокируют развитие большинства человечества, а конкуренция, став всеобщей, породила глобальные монополии.

Самоотрицание основных принципов глобализации – признак ее кризиса: глобализационные процессы достигли предела и начали трансформироваться, а охваченное ими человечество – готовиться к новому скачку, разрешающему накопленные противоречия и преодолевающему возникшие барьеры.

Глава 14. ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: БИТВА НАОЩУПЬ

14.1. Новое лицо интеграции: орудие конкурентной борьбы

Во многих случаях интеграция в мировое хозяйство ведет не к ускорению роста, а к закреплению периферийной модели экономики и потере …ресурсов.

(А.Р. Белоусов [91])

14.1.1. Экспансия: неотъемлемая черта рыночной экономики

Постоянное расширение рынков, неукротимая и неутолимая экспансия – единственная форма существования рыночной экономики. Это ее врожденная и неустранимая характеристика.

Один из забавных исторических анекдотов – вывод о невозможности войны между Англией и Германией, сделанный в 1909 году (при том, что Первая Мировая война едва не началась еще в 1912) на основании их высокой хозяйственной взаимозависимости (с пугающей точностью воспроизводимый сейчас профессиональными бизнес-оптимистами в отношении США и Китая). Но хорошо смеется тот, кто успевает думать, – и смех над сногсшибательной ошибкой не должен отвлекать от ее причин.

Почему теснота экономических связей не помешала глобальному конфликту, пролившему реки крови, растоптав-

шему мечту человечества о справедливости и прервавшему мировую интеграцию на 30 лет – более чем на жизнь поколения?

Причина ошибки – концентрация на текущей взаимосвязанности двух экономик при небрежении более важным будущим: ограниченности их перспектив. Обе нуждались в расширении рынков сбыта, – и для этого в «переделе мира», каким стала Первая Мировая война. И их текущая взаимозависимость не стоила ничего перед стратегической перспективой.

Эта закономерность фундаментальна: **цели развития доминируют над целями сохранения *status quo***. *Зовущий в будущее политик всегда выигрывает у создавшего настоящее.* Природа людей такова, что будущее важнее настоящего, недостающий ресурс – ресурса имеющегося. «Что имеем – не храним»: в этой ненасытности – движитель развития человечества.

Вторая Мировая война также велась за захват рынков и ресурсов, но отличалась от Первой неоднородностью: каждый из ее основных участников вел собственную войну.

Поражение Германии, Японии и Италии во многом обусловлено тем, что они вели «войну вчерашнего дня» – за передел мира ради расширения рынков сбыта завоеванием колоний. Через 20 лет после катастрофы в Первой Мировой Германия пыталась взять реванш: Вторая Мировая война была для держав «оси» продолжением Первой. Но «в одну и ту же реку нельзя войти дважды»: **в жизни общества повторение невозможно**.

Советский Союз, бывший главной мишенью агрессора, оказался на краю гибели, но переломил ход войны, в том числе привлечением на свою сторону США и Англии.

Величайшее напряжение сплавило общество в монолит, соединенный общими жертвами, ценностями и победой. *Анна Ахматова, которую трудно заподозрить в симпатиях к Советской власти, отказывалась принимать саму мысль о возвращении ее городу названия «Санкт-Петербург»,*

ибо он пережил блокаду под именем Ленинграда. Война окончательно сформировала советский народ[310].

Расширение влияния обеспечило СССР ресурсами и рынками сбыта. Он стал сверхдержавой, способной не просто противостоять Западу, но и теснить его по критически значимым для того направлениям и навязывать ему свою «повестку дня».

СССР невольно **решил** во Второй мировой войны **качественно новую – глобальную задачу**, создав невиданную в истории политическую систему планетарного масштаба, самокритично названную социалистическим «лагерем»[311].

Но его система управления, закостеневшая в своей правоте в результате Победы (и истощения сил в войне), не справилась с глобальным вызовом (и даже не смогла осознать его), соответствовавшим его новому положению. Оказавшись перед необходимостью создания не только эффективного, но и привлекательного, а значит гуманного образа, требующего изменения самой ее природы, она не раз отказывалась от возможностей.

Впервые это произошло еще при жизни Сталина, похоронившего планы создания еврейской автономии, а, возможно, и государства в Крыму[312]. Ведь приток иммигрантов и иностранных инвестиций сопровождался бы инфильтрацией

310. До сих пор, через 78 лет после начала Великой Отечественной войны, когда в живых не осталось почти никого из ее ветеранов, уже внуки переживших ее советских людей не называют ее, говоря просто – «война». Как самая страшная, она стала воплощением ужаса и всех страданий, приносимых ими. В ее тени меркнут остальные войны, – чтобы отличить их друг от друга, нужно усилие, и поэтому они имеют названия; «война» же, ставшая из имени собственного именем нарицательным, только одна.

311. Попытка сделать эту систему экономической, основанной на едином рынке и общей валюте, предпринятая И.В.Сталиным в последний год его жизни созывом Международного экономического совещания в апреле 1952 года [283], провалилась из-за нехватки сил истощенного войной советского общества и, в частности, во многом вызванной этим истощением деградации системы управления (см. параграф 5.5.6).

312. А ведь одной из причин депортации татар из Крыма, насколько можно понять, как раз и была «расчистка места» для создания еврейских поселений.

чуждой идеологии и, создав угрозу перехвата власти Фининтерном, требовал бы кардинальной (и, нельзя не отметить, исключительно рискованной) перестройки системы управления.

Вскоре после этого был потерян второй шанс: «ленинградская группа» во главе с Вознесенским[313], стремившаяся переориентировать ресурсы с военного противостояния с США на повышение уровня жизни, проиграла послевоенную борьбу за власть и была репрессирована [141, 283] (о злоупотреблениях членов группы, в том числе во время блокады, см. [293]).

Из-за негибкости, то есть неприспособленности к мировому лидерству в меняющихся условиях, советская система утратила сначала привлекательность, а затем и чувство правоты, что привело ее к одностороннему выходу из «холодной войны», обернувшимся чудовищным геополитическим поражением[314], и бесславной трагической гибелью. Главным победителем, извлекшим из войны наибольшие блага и заплатившим за них наименьшую цену, стали США.

Их целью было разрушение колониальной сегментации мировой экономики. Взлом неэкономических границ и экономическая интеграция выводили американские корпорации на мировую арену.

Столь революционная мотивация проявилась публично лишь на переговорах о послевоенном мироустройстве, но сознавалась уже после нападения Германии на Польшу[315], ког-

313. Председатель Госплана, обеспечивший блестящую организацию работы советского тыла. Один из молодых руководителей, до ареста – любимец Сталина.

314. Поразительно, но впервые вывод о поражении СССР в холодной войне был сделан в российской демократической литературе, насколько можно понять, лишь в 1994 году [149]. Государству же понадобилось еще почти шесть лет, чтобы устами Путина признать этот самоочевидный факт.

315. Договоренность о разделе Польши между сталинским СССР и гитлеровской Германией не должна вызывать недооценки того принципиального обстоятельства, что СССР вошел в отторгнутые от него Западную Украину и Западную Белоруссию лишь 17 сентября, через 2,5 недели после немецкого нападения. Он не пересекал границу, пока польская армия не была уничтожена, польская государственность не перестала существовать, а Польша, что исключительно важно, не была брошена своими союзниками – Англией и Францией.

да Рузвельт и его соратники (в союзе с британскими агентами – см. параграф 5.5.5. [86]) начали кропотливо заталкивать преисполненную изоляционизма Америку в войну.

Для США война была инструментом создания нового мирового экономического порядка. «С каждым ...успехом агрессоров..., по мнению президента..., приближалось будущее, осуществление которого означало бы катастрофу для американской экономики: победа Гитлера и Муссолини в Европе, Японии на Дальнем Востоке принудят оба региона к системе почти независимого от импорта ... хозяйства, что означало бы конец... мирового рынка и ...угрозу американской экономической и социальной системе» [347].

Когда Германия, Япония и Италия сражались за приобретение колоний, а Советский Союз – за самосохранение и освобождение мира от «коричневой чумы», лидеры США создавали мировой рынок! Они были единственным участником военной катастрофы, который стремился к созданию качественно нового и ясно понимаемого будущего, – и во многом поэтому стали главными победителями.

Рузвельт уже в конце 30-х годов отождествлял с успешным развитием США преодоление угрозы сегментации мирового хозяйства и сохранение устойчивой потребности в импорте ключевых регионов мира – Европы и Юго-Восточной Азии.

Это было новой формой стремления расширить рынки сбыта: США обычно не пытались захватить их силой,

---

Это промедление не позволяет считать СССР агрессором. Не будучи ее союзником, он, вопреки договоренностям с Германией, вступил на ее территорию, лишь когда она исчезла как государство и обратилась в бесхозное трофейное пространство. Наступательная с тактической точки зрения операция по присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии была для СССР мерой стратегической обороны, отдаляющей от жизненных центров рубежи возможной агрессии.

Актами стратегической обороны были и агрессия против Финляндии, не имевшая оправдания с точки зрения международного права и едва не приведшая СССР к войне со своими потенциальными союзниками – Англией и Францией, и возврат оккупированной (вне каких бы то ни было правовых рамок) Румынией в 1918 году и зверски эксплуатировавшейся ею Бессарабии (где вплоть до освобождения в 1940 году не было построено ни одного общественного здания из камня или кирпича).

как «старые» колониальные державы. Они стремились лишь к свободе доступа к этим рынкам, то есть к **поддержанию конкуренции между развитыми странами**, к разрушению неэкономических барьеров, – и к уничтожению самостоятельных, конкурирующих с США центров эмиссии (прежде всего в виде Третьего рейха и Британской империи).

Чтобы ввергнуть себя в горнило всеобщей конкуренции, надо было быть преисполненным непоколебимой верой в свои силы, – но тогда США не могли создать свою колониальную империю и должны были довольствоваться разрушением чужих.

Вера в себя укреплялась тем, что конкуренты уже попали в мясорубку войны и были измождены ею, а американский бизнес был эффективен и агрессивен. Кроме того, решение задачи сохранения, а в идеале и расширения мирового рынка требовало на порядок меньше ресурсов, чем традиционный колониальный захват и удержание, – в том числе потому, что частная инициатива всего мира содействовала США. Высвобождаемые же за счет упрощения задачи ресурсы дополнительно укрепляли их конкурентоспособность.

Главный мотив США – **снятие барьеров для конкуренции и превращение ее в глобальную, чтобы победил сильнейший, то есть американский бизнес, опирающийся на мощь сильнейшего, американского государства**.

Рузвельт знал, что новый миропорядок мало создать – его надо поддерживать, причем инструменты этой поддержки могут быть лишь надгосударственными. Через четверть века после «великого мечтателя» Вудро Вильсона он реализовал его идею о действенном органе глобального регулирования, поддерживающего наиболее выгодный для США мировой порядок именем всего человечества.

Понимая разнородность проблем мирового развития и, соответственно, разнородность американских интересов, руководители США способствовали созданию целой сети таких органов: военно-политические вопросы решала ООН (ввязавшаяся вскоре после Второй Мировой в корейскую

войну, которая формально была войной ООН против Северной Кореи), финансовые – МВФ, Мировой банк и обычно забываемая Международная финансовая корпорация, торговые – Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), углубление которого породило в 1993 году ВТО[316].

Таким образом, Рузвельт еще более 75 лет назад демонстрировал новый тогда и актуальный сейчас, перехваченный Китаем у США подход к **экономической интеграции как инструменту глобальной конкуренции**. Именно она стала главной формой экспансии после Второй Мировой войны. Интеграция с более слабым партнером – наиболее изящная форма его поглощения, позволяющая избежать прямого насилия и иных аморальных действий[317].

США стали главным бенефициаром Второй Мировой именно потому, что сумели превратить экономическую интеграцию в преобладающую форму развития рыночной экономики. Подавляющая мощь США, а затем и победа в «холодной войне» были достигнуты расширением экономической интеграции с преимущественно товарных на финансовые, а затем и на информационные рынки.

Если **могущество Британской империи основывалось на вывозе товаров** (в поисках рынков сбыта – это была модель классического капитализма), то **США** еще Первой мировой войной **создали новую модель доминирования, основанную на вывозе**[318] **капиталов** (в поисках ресурсов – это был классический империализм). **Третьей моделью**

316. Создать ВТО в виде Международной торговой организации пытались одновременно с МВФ и Мировым банком на Бреттон-Вудской конференции, но для тогдашнего хозяйства Европы, разрушенного войной, свободная торговля была непосильна, а ее идеология оказалась неоправданным забеганием вперед.

317. Моральная правота – условие долговременного успеха. Для достижения стратегических целей надо публично заявить о них (скрытые цели в информационном мире могут быть только локальными), – значит, они должны позволять назвать себя.

318. Старомодный «вывоз» используется вместо общепринятого «экспорт» ради точности, а не почвенности или дурно понимаемого патриотизма, так как «экспорт» капитала, технологий и тем более информационных услуг (а все чаще – и высокотехнологичных товаров) осуществляется при сохранении за ними контроля «экспортера».

доминирования, реализованной опирающимися на США ТНК (см. параграф 12.1.4)**, стал вывоз технологий** (в поисках дешевой и квалифицированной рабочей силы, которая была на короткий исторический момент получена уничтожением советской цивилизации)**, а четвертой, реализуемой базирующимися в США глобальными монополиями** (см. параграф 12.3)**, – экспорт информационных услуг**, от глобального телевидения до предоставления социальных платформ, то есть **экспорт служащих их нуждам типа сознания и картины мира** (в поисках людских масс, способных воспринять соответствующую картину мира и подчиниться ей).

14.1.2. Краткая «история успеха» США: от экспансии к глобальной интеграции

Стратегия США подчинена интересам крупнейших корпораций, прежде всего финансовых, базирующихся на их территории. Создав ФРС – второй в истории после Банка Англии частный центральный банк (см. параграф 7.1.5) – финансовые капиталы США занялись фактически саморегулированием, всемерно поощряя свои спекуляции и расширяя их масштабы на весь мир. В результате 20-е годы стали эрой *Prosperity* – их процветания, которая загнала США и весь мир в Великую депрессию. Стремясь ограничить ее последствия, правительства развитых стран усилили госрегулирование и дезинтегрировали мировой финансовый рынок, создав преграды международному движению капитала.

Масштаб операций ФРС сократился, но ее поражение было вызвано прежде всего ее монетаристской, бухгалтерской финансовой идеологией, свойственной спекулянтам. После 1935 года, когда чрезвычайные меры Рузвельта облегчили положение, ФРС начала повышать норму резервирования и к 1937 году увеличила ее вдвое, с 13 до 26%, в то время как интересы развития требовали ее снижения. В ре-

зультате ФРС столкнула США во второй виток депрессии, получивший тогда название «депрессию Рузвельта».

Это ослабило ее политические позиции, и с началом Второй мировой ФРС была *de facto* подчинена Казначейству (Минфину) и вплоть до конца 70-х была вынуждена служить ему для наращивания госдолга и финансирования бюджетных проектов (прежде всего для борьбы с безработицей). Госрегулирование финансового сектора было жестким, и вплоть до начала 70-х – до банкротства США (см. параграф 16.1.2) – в мире не было крупных банковских кризисов.

ФРС использовала стагфляцию и ослабление института президентства при Картере для достижения независимости. В рамках «либеральной контрреволюции» Рейгана ФРС с 1979 года взялась за «стабилизацию инфляции и смягчение макроэкономических циклов», полностью отказавшись от сдерживающих бурный рост кредитования и потому болезненных для финансовых спекулянтов инструментов вроде норм резервирования. Из всего спектра регулирующих мер ФРС оставила себе лишь процентные ставки (вплоть до обострения глобального кризиса в 2007 году, когда ей пришлось начать прямую поддержку банков и вернуться к прямому финансированию дефицита федерального бюджета, – см. параграф 16.6).

Основы новейшего экономического могущества США заложены «рейганомикой»[319]; поэтому эволюцию геофинансовой политики США при кратком обозрении разумно прослеживать с 1980 года. Повышением ставки ФРС с 11,2% в 1979 до пика в 20% в 1981 году была начата «политика **тяжелого доллара**» – его ревальвация для повышения конкурентоспособности сильной экономики открытием ее для международной конкуренции, сдерживания этим национальных монополий

319. «Рейганомика», вопреки стереотипам, заключалась не столько в снижении налогов на корпорации и сокращении социальных расходов, сколько в замалчиваемом «военном кейнсианстве»: стимулировании экономики ростом военных расходов. В их отношении Рейган безмятежно игнорировал собственные декламации о недопустимости бюджетного дефицита, которые сыграли важную роль в формировании догм «либерального фундаментализма», агрессивно навязываемых затем неразвитым странам.

и подстегивания структурной перестройки в условиях нового удорожания нефти (не говоря о подавлении инфляции).

Негативные последствия этого для американских производителей были компенсированы **качественным облегчением кредита**[320]: с 1981 года залог по нему должен был обеспечивать уже не его возврат, но лишь выплату процентов. Аккуратное обслуживание почти гарантировало пролонгацию кредита, обычно с ростом суммы. Эта спекулятивная мера (через 20 лет вогнавшая в кризис все основанное на долларе мировое хозяйство), резко увеличив «кредит – двигатель экономики», раскрутила маховик бизнеса, вырвала США из стагфляции, обеспечила им уверенный рост[321] и, несмотря на локальный биржевой крах октября 1987 года, вызванный чрезмерно быстрыми и глубокими изменениями финансовой политики, – экономическую победу над Советским Союзом *(сугубо хозяйственные проблемы которого в 1980 году, несмотря на жестокий потребительский кризис, когда на трети территории РСФСР были введены карточки на отдельные виды еды, были менее глубокими)*.

«Политика тяжелого доллара» позволила одновременно с расширением кредита остановить галопирующую инфляцию – одну из составляющих стагфляции, поразившей в ходе структурного кризиса рубежа 70-х и 80-х годов экономику США. Другая составляющая стагфляции – стагнация производства – была преодолена стимулированием кредита, но в первую очередь беспрецедентным наращиванием военных расходов, ставших «локомотивом» не только инвестиционного подъема, но и структурной перестройки.

«Политика тяжелого доллара» привлекла капиталы для этой перестройки: значительная часть отрицательного

320. Соответствующие меры были подготовлены руководством ФРС еще для Картера, и его политическая слабость, не позволившая ему стать двигателем назревшей реформы, стала одним из факторов его ухода с политической арены.

321. В 1980 году экономический спад в США составил 0.2% и после увеличения ВВП в 1981 году на 2,6% возобновился в 1982 году, превысив 1,9%. После этого рост ВВП в 1983-1989 годах составлял 3,5% или больше, достигнув в 1984 году не превзойденных по меньшей мере с 1965 года и даже трудно представимых сейчас 7,3%.

торгового сальдо стала возвращаться в виде иностранных инвестиций и роста платежей по долгам (дефицит доллара вызвал четырехкратный рост ставки *LIBOR* и соответствующее удорожание этих долгов; развивающиеся страны были раздавлены ими и в массе стали неразвитыми, а США профинансировали 43% своего огромного бюджетного дефицита 80-х годов высасыванием денег из них [330]). Рост деловой активности позволил быстро снизить ставку ФРС до 8-10%.

Благодаря специальным усилиям государства и общего увеличения привлекательности «потяжелевшего» доллара резко выросла долларовая масса, «сбрасываемая» за пределы США. Это нейтрализовало краткосрочные негативные последствия беспрецедентного роста как бюджетного, так и (частично) внешнеторгового дефицита.

По достижению ключевой цели данного этапа – преодоления структурного кризиса и выхода на качественно новый уровень – произошла естественная смена концепции.

Вторая половина 80-х стала временем ослабления доллара для стимулирования экспорта (при балансирующем финансовые рынки росте ставки ФРС с 6 до 10%), повышения конкурентоспособности США и притока средств в базирующиеся на их территории ТНК. Девальвация доллара обеспечивала также защиту от влияния активов, выведенных из США на предыдущем этапе, путем их обесценения.

Стимулирование экспорта означало новый уровень глобальной экспансии США: вслед за распространившимся по миру на предыдущем этапе долларом пошли американские товары и, за ними, производители. *(Одно из достижений США – понимание, что **политическая экспансия прочна лишь при поддержке ее экономической экспансией**, и, главное, – **организационное закрепление выводов из этого** в структурах как представительной демократии, так и государственной и корпоративной бюрократии, как американских, так и осваиваемых стран).*

Изменение политики отражало смену стратегической задачи: после нормализации хозяйства пора было укрепить экономическое и политическое господство. Это требовало

роста конкурентоспособности корпораций и закрепления их положения как мировых лидеров. Важен был акцент на развитие не космополитичных, но именно **американских** корпораций, базирующихся в США и воспринимаемых как их продолжение и как элемент их совокупной мощи.

Это позволило укрепить эффективный симбиоз американского государства и бизнеса.

В первую очередь на службу США надо было поставить развитые страны, остававшиеся военно-политическими союзниками и становившимся по мере осознания завершения «холодной войны» потенциальными экономическими конкурентами. Их ресурсы были наиболее качественными и потому под контролем США – наиболее полезными, а вне его – наиболее опасными для них.

Эта геофинансовая политика позволила закрепить доминирование США в мире, в том числе и в постсоциалистических странах. Крах СССР привел к нескольким рефлекторным укреплениям доллара, которые быстро преодолевались из-за их противоречия «генеральной линии», – но в середине 90-х новая реальность была осмыслена, и США вновь начали укреплять доллар, стимулируя приток портфельных инвестиций и захват своим капиталом командных высот в экономиках мира (и держали этот курс до конца 2001 года).

Важную роль сыграло распространение информационных технологий, выведших на первый план глобальные финансовые рынки. **Финансовые спекуляции стали более эффективным инструментом, чем прямые инвестиции**, – из-за не только лучших возможностей концентрации ресурсов, но и институционального отсутствия контроля за ними регуляторов и, что важнее, инвесторов.

Такое отсутствие контроля само по себе, без учета технологических различий в перетоке портфельных и прямых инвестиций повышало не только скорость, но и качество принятия решений. Ведь прямой инвестор обычно не владеет информацией о потенциальном объекте инвестирования и вынужден тратить силы на подтверждение хорошо известных самому этому объекту факторов. Портфельный же инве-

стор передает средства действующему управляющему, которому уже известны его потребности, слабые и сильные места. Так как в целом управление американскими корпорациями было относительно эффективным, то и портфельные инвестиции в них стали эффективней традиционных прямых.

Важное преимущество портфельных инвестиций перед прямыми – более низкая «пороговая цена» входа на рынок (за счет не только меньшей минимальной суммы инвестиций, но и меньшим профессиональным требованиям, предъявляемым к инвестору). В результате международные масштабы инвестиций, в том числе и в саму американскую экономику, резко выросли.

Увеличение риска из-за возможности обмана или серьезной управленческой ошибки получателя инвестиций компенсировалось снижением риска устаревания внедряемой технологии, который из-за ускорения развития стал более весомым, чем указанные традиционные риски. А высокий уровень развития информационных технологий именно в США позволил им (см. пример 38) в отличие от всего мира привлекать «короткие», спекулятивные деньги для совершенствования технологий.

Вкупе с развитием технологий формирования сознания развитие портфельных инвестиций превратило в ключевой фактор краткосрочного развития экономики не ее реальное состояние, но связанные с ней ожидания. Поскольку формировать позитивные ожидания (особенно у не отягощенных знаниями портфельных инвесторов) проще, чем формировать здоровую экономику, возглавившие этот процесс США пожали небывалый урожай внешних инвестиций (сыграло свою роль и повышение ставки ФРС с 3% в 1994 до 6% в 1996 году, ставшее катализатором кризиса развивающихся экономик, прежде всего Юго-Восточной Азии[322]).

322. Удорожание доллара привело к оттоку из них капиталов и затруднению экспорта; они отреагировали повышением своих ставок и открытием финансовых рынков для привлечения спекулятивных капиталов, которые в силу своей мобильности вскоре стали их могильщиками.

Приток капиталов превысил потребности американских корпораций в финансировании, что привело к беспрецедентному скачку котировок их акций: за вторую половину 90-х годов индекс *Dow Jones* (при стабильной ставке ФРС около 5%) вырос втрое, немного не дотянув до 12000, а индекс высокотехнологичных компаний *NASDAQ* – и вовсе в 6 раз. Длительный взлет котировок фондовых рынков подстегивал «бум ожиданий» в отношении американской экономики и нес США новый вал капиталов со всего мира.

Реализация казавшихся безумными прогнозов о превышении индексом *Dow Jones* порога в 10 тысяч пунктов породила безудержную эйфорию. «Финансовая пирамида» в конце концов хотя и не рухнула, но надломилась. Если индекс *Dow Jones* первоначально упал на 20% и еще длительное время держался, чтобы обвалиться почти в полтора раза лишь осенью 2001 года, то *NASDAQ* рухнул в полтора раза уже летом 2000 года, став чисто спекулятивным; к лету 2001 его сокращение достигло 3 раз.

Но деньги инвесторов всего мира, потерянные ими на фондовом рынке США, не растворились в воздухе, а остались в них и послужили (хотя и слабее, чем предполагалось) укреплению именно их экономики, а не экономик их стратегических конкурентов.

...Возвращаясь в середину 90-х годов, отметим, что переориентация США на привлечение портфельных инвестиций **сделала привлечение мобильного спекулятивного капитала важнее развития** традиционных видов **производства**, – а решение этой задачи требовало не девальвации, но, наоборот, новой ревальвации доллара.

Таким образом, в условиях глобализации США заменили свойственный классическому империализму экспорт капитала его массированным привлечением для разработки информационных технологий. **От экспорта товаров США перешли к импорту капитала для** разработки и **экспорта технологий**, экспортируя при этом активный капитал для экономии на труде и захвата командных высот других экономик. Но ключевым стал незначительный в стоимостном

выражении экспорт метатехнологий (см. параграф 8.1.3), обеспечивающих требующийся экспортеру образ жизни и мышления у потребляющих эти технологии обществ.

С лета 1997 года кризис неразвитых экономик окончательно выкристаллизовал новый переход США от девальвации доллара к его ревальвации, но уже не самой по себе (за счет укрепления самого доллара), а за счет ослабления других валют. Такое ослабление укрепляло позиции США как лучшего объекта для инвестирования, своего рода «инвестиционной гавани», и доллара как единственной мировой резервной валюты. Она способствовала подрыву всех его действительных и потенциальных конкурентов.

14.1.3. Разрушительность глобальной интеграции

Ревальвация доллара и превращение его в символ стабильности стало **новой стратегией глобальной экспансии** и поддержания лидерства США (отказ от ревальвации в конце 2000 года и ослабление доллара, шедшее с начала 2002 до весны 2008, были уже вынужденными действиями в новых условиях).

Эта ревальвация шла через болезненные кризисы потенциальных участников региональной интеграции и способствовала девальвации их валют. Хаотичность подобных девальваций дестабилизировала экономические связи, способствовало переходу контроля за ключевыми предприятиями под контроль глобальных монополий и компенсировало рост конкурентоспособности их товарного экспорта (помимо того, что многие производители экспортируемых в США товаров перешли под контроль американского капитала). Конкуренты США вынуждались девальвациями к беспорядочной конкуренции друг с другом, а не с США.

Ведь дестабилизируемые экономики вынужденно сосредотачиваются на рынках, доступных им в условиях кризиса, то есть без серьезных усилий. Это прежде всего региональные,

как правило, небольшие, а также мировые рынки примитивных товаров с низкой добавленной стоимостью. Мировые же рынки, значительные по емкости, и рынки высокотехнологичных товаров с высокой долей добавленной стоимости требуют для прорыва на них сплочения усилий, что невозможно в кризисе, девизом которого неизбежно является лагерное «умри ты сегодня, а я завтра».

Подобный кризис экономик (в основном неразвитых стран) вкупе с девальвацией их валют позволял США сдерживать развитие потенциальных конкурентов, в том числе навязыванием им выгодной для США политики принудительной открытости. При девальвации она позволяет транснациональному (в первую очередь американскому) капиталу дешево скупать наиболее привлекательные и важные, структурообразующие корпорации этих стран.

Но главная опасность «принудительного либерализма» для неразвитых стран в том, что принудительное освобождение от скорлупы защитных барьеров ставит их под такой удар глобальной конкуренции, который они заведомо не могут выдержать.

Длительный голод в Эфиопии и ряде других неразвитых стран Африки возник из-за не столько действительно плохого управления и эрозии почв, сколько разрушительного «вскрытия» слабых аграрных экономик беспощадной международной конкуренцией.

При этом ВТО, как ранее ГАТТ, запрещает неразвитым странам методы защиты своих рынков, применяемые развитыми. В результате глобальная конкуренция разрушает отстающие экономики не только из-за их неспособности конкурировать «на равных», но и из-за применения «двойных стандартов». *Это напоминает ситуацию, при которой новичка-боксера не просто выставили бы на ринг против чемпиона мира, но еще и связали бы ему руки.*

Разрушительность глобальной конкуренции для неразвитых стран проявляется двояко. С одной стороны, обеспечивая приток относительно дешевых товаров, внешнеэкономическая либерализация делает их традиционные про-

изводства нерентабельными[323]. С другой стороны, импорт меняет структуру потребностей населения этих стран, отказывающегося в его пользу от традиционных продуктов[324].

Таким образом, глобальная интеграция, проповедуемая США как универсальный рецепт процветания, равно как и обосновывающий ее либерализм, навязываемый миру как идеология этого процветания, направлены на увековечивание лидерства развитых стран в глобальной конкуренции. Они столь популярны, несмотря на свое интеллектуальное убожество, а зачастую и откровенную лживость исходных постулатов, именно потому, что служат «абсолютным оружием» в глобальной конкуренции (см. главу 18).

Глобальная интеграция, доведя конкуренцию до небывалой бескомпромиссности, принесла успех США как наиболее развитым и лидирующим в важнейших сферах: создания новых технологических принципов, технологий управления и формирования сознания.

Пример 46

Первая развитая жертва глобальной интеграции: Япония

Печальный опыт Японии показывает: глобальная интеграция грозит не только неразвитым, но и всем менее развитым, чем США, странам.

Как только СССР перестал быть конкурентом Западу, и интересы экономики в международных отношениях были либо осознаны (конечно, не всеми даже в США), либо прочувствованы как преобладающие над военно-

323. Лидер глобального консалтинга, компания *McKinsey* пришла к выводу, что доля глобально конкурентоспособной продукции, производимой в мире, вырастет с одной пятой в 2000 году (6 из 28 трлн.долл.) до четырех пятых в 2030 году [220]. В той степени, в которой этот вывод достоверен, он пессимистичен, ибо доля «глобально конкурентоспособной» продукции вырастет за счет не столько улучшения качества продукции, неконкурентоспособной сегодня, сколько прекращения ее производства.

324. Подобное произошло в пореформенной России, в которой доля импортного продовольствия превысила 50% уже к 1997, а затем, после дефолта – в 2008 году.

политическими, США стали «топить» наиболее развитого союзника, который мог составить им наибольшую конкуренцию, – Японию.

Они первыми отреагировали на реалии нового, «однополюсного» мира, когда он еще не осознавался (это признак адаптивности, то есть жизнеспособности американского общества). Формой удара стало любимое оружие США – открытие экономики, «вхождение в мировой рынок».

Трагедией Японии стало вхождение в мировой рынок банковских услуг на его условиях, то есть резкое подчинение чуждым нормам. **В результате национальная специфика, бывшая источником силы, стала причиной краха.** Японские банки (как и вся экономика) работали с минимальными резервами, достаточными с учетом традиционной точности, деловой культуры и подстраховки со стороны государства.

Мировой рынок, нормы которого устанавливались под определяющим влиянием американских конкурентов Японии, это в расчет не принимал, для него резервы японских банков казались низкими, а сами они, хотя и крупнейшими, но недостаточно надежными.

Чтобы исправить это, в 1991 году Япония подписала международную конвенцию, предусматривавшую резервы в 8-12%. Резкий рост резервов привел к падению ликвидности, дестабилизации финансовой системы («проколу фондового пузыря», который был плох прежде всего тем, что конкурировал с таким же пузырем в США; его гибель позволила США избежать аналогичных последствий) и краху японских банков – тогда крупнейших и наиболее мощных финансовых институтов мира.

Сумма безнадежных кредитов, выданных банками Японии, и через десятилетие после этого кризиса достигала 30% ВВП.

Экономический рост Японии затормозился с 4,9% в 1990 году до 3,4% в 1991 и 0,8% в 1992, а в 1993 году и вовсе наблюдался спад на 0,5%. За 1992-2001 годы рост составил лишь 10% – по сравнению с более чем полуторакратным увеличением ВВП за 1982-1991 годы. При этом

в 1998 году, под воздействием «азиатского кризиса», ВВП сократился на 2.0%, в 1999 – на 0.1%; в 2000 году компенсационный рост составил 2.8%, но затем японская экономика вновь начала стагнировать: в 2001 рост составил 0.4, а в 2002 – 0.1%, и лишь дальше до кризиса 2007-2008 годов колебался в пределах 1,4-2,2%. (2004 – 2.7%, 2005 – 1.9%, 2006 – 2.4%, 2007 – 2,1%).

В середине 90-х экономике Японии удалось приблизиться к темпам прошлого десятилетия: 1995 – 2.7%, 1996 – 3.1%, но ее доля в мировой экономике сократилась более чем втрое – с 17,7% в 1995 до 15,2% в 2000, 8.9% в 2007, 5.9% в 2015 и 2018 годах.

Япония уже не оправилась от разрушительных последствий принятия международных банковских правил и не только не смогла конкурировать со своим злейшим геополитическим и историческим противником – Китаем, но и сама расчистила тому место для возвышения.

Таким образом, направленная на максимальное обострение глобальной конкуренции и освобождение ее от всякого регулирования, на «вскрывание» национальных экономик, подобно консервным банкам, либеральная идеология стала инструментом обеспечения и закрепления глобального лидерства США и связанных с ними глобальных монополий. Это эффективное конкурентное оружие США разрушительно для всех менее развитых, чем США (а не только развивающихся) стран, то есть для всего современного мира.

Конкуренция считается благом не только в экономической теории, но и в быту, так как при умеренном разрыве между участниками она стимулирует слабых и содействует прогрессу.

Но с уничтожением сдерживавшего Запад Советского Союза разрыв между участниками конкуренции стал чрезмерен – и, как было показано в параграфе 12.2), «галстук превратился в удавку». **Конкуренция** из взаиморазвивающего соревнования стала подавлением, ведущим к деградации

обеих сторон, **обернулась невиданным в истории монополизмом**. Сметая национальные барьеры, она уже не вынуждает слабые экономики искать скрытые ресурсы, а лишает их возможности даже не развития, но существования. Сильных она делает сильнее, а слабым не оставляет шансов.

Глобальная интеграция и либерализм ведут к возникновению и росту числа «конченых» стран, само обиходное наименование которых бросает чудовищный вызов человеческому разуму и прямо оскорбляет все ценности и традиции гуманизма.

Исполнители этой политики – ВТО и МВФ, навязывающие либерализацию миру. Они – инструмент глобальной реализации узко понимаемых и разрушительных конкурентных интересов даже не развитых стран в целом, а одной наиболее развитой страны (крупнейшего и главного акционера МВФ) – США.

На фоне этого характерны периодические дискуссии в США о целесообразности их участия в работе МВФ. Американскую элиту не пугает ограниченность взглядов этого символа международной бюрократии («врача, выписывающего рецепт, не интересуясь диагнозом») и его скомпрометированность. Проблема в ином: помимо США, у МВФ есть другие акционеры, – и формально США даже не располагают в МВФ контрольным пакетом. В результате им приходится хоть как-то, но учитывать мнение других стран, что пусть чуть-чуть, но теоретически может ограничить свободу их произвола и возможности реализации ими глобального доминирования.

Значительная часть американской элиты воспринимает это как недопустимое расточительство: зачем учитывать чужие мнения, когда можно навязать свое? Зачем согласовывать позиции, когда можно продиктовать свою – или прямо, или влияя на мировые рынки?

Такие идеи не реализуются потому, что при господстве информационных технологий конкурента эффективнее не «ломать через колено», но убедить (в том числе скорректировав его сознание), получив его добровольное согласие

или даже инициативу, реализующую интересы более сильного партнера. А лобовые столкновения не только в дипломатии, но и в конкуренции – такой же брак, каким в бухучете является убийство.

14.2. Карта разноуровневой конкуренции

14.2.1. Региональная интеграция: слабая, но единственная альтернатива

Сопротивляются глобальной интеграции не те, кто более всего страдает от нее: у них нет ресурсов для защиты, а то и для осознания своих интересов. Защищаться могут лишь сильные.

Ближайшие конкуренты США (после краха Японии и до возвышения Китая) – развитые страны Европы – выработали политику не глобальной, но региональной интеграции, при которой в глобальной конкуренции участвуют не отдельные страны, силы которых заведомо недостаточны для нее, но целые группы стран, поддерживающих и дополняющих друг друга.

Региональная интеграция в силу своих меньших размеров мягче глобальной и потому дает больше шансов развитию отстающих стран и рациональному использованию их ресурсов, недостаточных для их участия в глобальной конкуренции[325].

Предоставляя отстающим странам историческую возможность, региональная интеграция поддерживает вну-

325. Тем не менее региональная интеграция не безопасна для ее слабых и одновременно крупных участников: то, что деградирующая Россия не сумела стать ее центром, запустив процессы постсоветской (а лучше постсоциалистической) реинтеграции, создало угрозу включения ее различных регионов в различные интеграционные контуры вне ее, что чревато новым витком территориального и социального распада.

треннее разнообразие, а значит – и устойчивость человечества. Тем самым она вступает в непримиримое противоречие с насаждавшейся США до Трампа либеральной идеологией глобальной интеграции. Это не меньше экономической конкуренции поддерживает стратегическую напряженность между США и Евросоюзом.

Региональная интеграция успешна, если ее движут сильные участники глобальной конкуренции. Ведь, чем слабее общества того или иного региона, тем более проницаем он для глобальной конкуренции и тем менее эффективна региональная интеграция. Поэтому она относительно успешна лишь в Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА), Евросоюзе и без оформления – в Большом Китае (см. параграф 7.6); попытки Латинской Америки, постсоветского пространства и Африки принесли лишь разочарования.

Кризис развитых экономик усилил региональную конкуренцию: ориентированные на них экспортеры стремились компенсировать затруднение своего экспорта углублением регионализации.

Необходимость согласовывать их интересы активизировала региональную интеграцию, в первую очередь в Европе (в рамках расширяющегося Евросоюза) и Юго-Восточной Азии. Регионализация подкрепила развивающиеся страны, доля которых в мировом ВВП, снизившаяся с 1980 по 1995 год с 24,1 до 18.7%, выросла затем до 20,8% в 2000, 23.8% в 2005, 34.5% в 2010, 39.4% в 2015 и 40,1% в 2018 году. Правда, в основном этот прогресс достигнут за счет Китая, отнесение которого к развивающимся странам – методологический предрассудок. Доля неразвитых стран без Китая в ВВП мира снизилась с 21,4% в 1980 до 16,3% в 1995 году, затем выросла до 25,3% в 2010 году, а потом стала снижаться – до 24,0% в 2018 году.

Перспективы неразвитого мира вновь ухудшаются. Надежды на региональную интеграцию не оправдались.

14.2.2. Дробление субъектов конкуренции

Спектр субъектов глобальной конкуренции расширяется в том числе за счет труднонаблюдаемых структур.

Глобальные монополии – уже давно не просто самостоятельная, но доминирующая надгосударственная сила (см. параграф 12.3). Новый элемент глобальной конкуренции – превращение в ее субъектов **регионов**, которые в силу значимых ресурсов иногда успешнее страны и в ряде направлений действуют самостоятельно.

Самостоятельную роль могут играть не только экономически сильные, но и слабые регионы, требующие у государства помощь (в том числе специальные правовые режимы) – как обычными, так и демонстративными методами (вплоть до террористических). Они привлекают внимание международной общественности, формируют у нее нужную региону позицию и превращают ее в инструмент принуждения национальных властей к желательным для региона действиям.

Так как подобные действия ухудшают конкурентные позиции страны в целом, активные силы ее слабых регионов часто поддерживаются, а то и направляются стратегическими конкурентами – другими странами либо глобальными монополиями.

Использование международного общественного мнения роднит экономически слабые регионы с негосударственными некоммерческими структурами, объединенными внеэкономическими методами достижения внеэкономических же целей, что позволяет называть их **«внеэкономическими организациями»** (часть из них, с наднационального уровня ограничивающих возможности государства, перечислены в параграфе 5.2.). К этим организациям, ставшим значимой группой участников глобальной конкуренции, относятся:

- традиционные НКО, ориентированные на решение частных задач – от защиты окружающей среды и отстаивания интересов меньшинств до совместного досуга «по интересам»;

- религиозные организации;
- преступные организации;
- спецслужбы ряда стран (в том числе и развитых), обладающие значительной степенью самостоятельности[326].

Среди них в основном экономические задачи преследуют только преступные структуры, но и они используют преимущественно внеэкономические методы (чем и отличаются от обычных, формально законопослушных корпораций).

Приведенное деление внеэкономических организаций условно; многие структуры, формально призванные решать частные задачи, на деле стремятся к власти или влиянию, а ряд религиозных сект схожи с преступными организациями. Многие внеэкономические организации связаны со спецслужбами. *Так, игорный бизнес Японии, по некоторым данным, во многом контролируется северокорейской оргпреступностью, часть прибылей которой от этого бизнеса в конечном итоге питает ракетную и атомную программы КНДР.*

Внеэкономические организации используются как друг другом, так и традиционными участниками глобальной конкуренции, как для решения отдельных задач, так и системно, как явно, так и «втемную». Это важный, хотя обычно и периферийный элемент большинства глобальных монополий и сетевых структур, сохраняющий свои задачи и методы[327].

---

326. Автор сознательно не рассматривает случай полного разложения спецслужб, их обособления от государства и перерождения в отдельные корпорации.

327. Здесь сознательно игнорируются формально «общественные» организации, занятые якобы независимым лоббированием или наукообразным прикрытием интересов корпораций и правительств (и ярко описанные в, например, [88]).
Они внеэкономические только внешне; по сути это элементы корпоративной или государственной бюрократии, обособленные для маскировки ее интересов. Вопреки распространенному подходу, к этой категории относятся далеко не все внеэкономические организации. Многие из них участвуют в лоббистских кампаниях для разового заработка, но не превращаются в «удаленные подразделения» корпораций или государств (хотя даже одиночный их успех может вызвать поток подобных заказов, ведущий к перерождению удачливой организации).

Характер внеэкономических организаций делает их трудно наблюдаемыми не только в глобальном, но и в национальном масштабе, что **резко снижает риски их деятельности**.

Упрощение коммуникаций, позволившее создавать эффективные сетевые структуры, распределенные не только в географическом, но и в правовом отношении (что позволяет минимизировать и юридический риск), повысило влиятельность негосударственных участников мировой конкуренции, в том числе и внеэкономических.

Новая структура глобальной конкуренции, определяющая современную мировую среду, почти не изучается. Стандартные подходы исключают из рассмотрения ряд ее важных субъектов, в том числе внеэкономические организации, что делает анализ неадекватным.

Современная **глобальная конкуренция** (структурирующая часть которой – рассматриваемая ниже конкуренция между цивилизациями), **ведется разнородными** и часто ненаблюдаемыми **субъектами, существующими в различных плоскостях, преследующими несопоставимые цели и действующими разнородными методами**. В силу фундаментальных различий в системе ценностей и образе действия они не могут понять (а порой и заметить) друг друга, что часто лишает их возможности прийти к соглашению.

Общий знаменатель, к которому сводятся их усилия, – **влияние на человечество**. В бизнесе роль общего критерия выполняет прибыль, но **глобальная конкуренция** носит надэкономический характер и **ведется за навязывание миру своей модели развития** и, соответственно, своих стандартов успеха или неудачи. Материальные блага – побочное, хотя и приятное следствие успеха. В этом глобальная конкуренция, несмотря на рыночную форму, напоминает биологическую: ее смысл – не прибыль, но самовоспроизводство и экспансия в чистом виде[328].

328. Удивительно, но впервые на это указал не кто-нибудь, а признанный герой и непризнанная жертва диссидентского движения СССР академик Сахаров.

При сравнении сил участников глобальной конкуренции надо учитывать масштаб не только их деятельности (как показано в параграфе 12.1, он важен и как залог устойчивости), но и поддающихся быстрому высвобождению ресурсов, в том числе нематериальных.

Незаменимые ресурсы, без которых невозможен даже частичный успех, – обладание технологиями, в первую очередь управления, и склонность к агрессии, ибо стратегическая оборона остается (как указал Ленин) единственным гарантированным путем к поражению.

Пример 47

Агрессивность как фактор конкурентоспособности

Важность готовности к агрессии как фактора конкурентоспособности видна на примере оценки значимости ядерного оружия. Оно повышает влиятельность лишь при готовности применить его.

США испытывали так и не прошедший ужас перед СССР именно потому, что не понимали психологии его руководителей и верили в их готовность к глобальной ядерной катастрофе. *Если бы американские аналитики знали, как принцип «лишь бы не было войны» въелся в переживших ее лидеров СССР (по крайней мере, после Карибского кризиса), страх перед нашей страной и, соответственно, уважение к ней были бы иными.*

Без решимости применения ядерное оружие политически не существует, и его обладателю остается лишь жалкий шантаж конкурентов возможностью его «утечки» или перехода под контроль более сильных лидеров. *Такого поведение в 90-е годы явило ельцинское руководство России.*

Именно поэтому мизерный ядерный потенциал Индии, Пакистана и других «новых» ядерных держав (как официальных, так и нет) был до 2014 года политически более значим, чем колоссальный арсенал, унаследованный Россией от СССР. Они могут получать политические

дивиденды даже от просто радиоактивных материалов и даже не обладая средствами доставки, так как их лидеры готовы отстаивать интересы своих стран в ущерб остальному человечеству.

Россия до 2014 года не имела этой возможности: ракета, которая точно не взлетит, – фактор не глобальной конкуренции, но лишь бюджетных расходов. Внезапная всеобъемлющая агрессия, развязанная Западом против России приводом к власти фашистов на Украине и стремительным русофобским перекодированием украинского общества, повысила адекватность российского руководства (хотя, возможно, лишь временно).

14.2.3. От экономической конкуренции – к конкуренции цивилизаций

Глобализация резко повысила значимость конкуренции между **цивилизациями – культурно-историческими общностями, объединенными системами ценностей и мотиваций, мировоззрением, образом жизни и действий**.

Человечество разделяется не только по технологиям и уровню благосостояния (см. главу 6), но и по цивилизационному признаку – по культурной совместимости. *Наиболее откровенное законодательство Англии (пусть и игнорируемое ее властями) указывает: иммиграция ограничивается не для защиты от угрозы подрывной деятельности, сохранения рабочих мест и даже экономии бюджетных средств на социальную адаптацию, но «во избежание культурного противостояния» [304].*

Социализм (о причинах его краха см. пример 55) и капитализм конкурировали в рамках единой культурно-цивилизаци-онной парадигмы, и силовое поле биполярного противостояния удерживало в ней остальное человечество, при этом преобразуя его. Исчезновение биполярной системы уничтожило это силовое поле, выведя цивилизации на поверхность политики.

Разные исследователи применяют разные сочетания критериев экономической мощи и культурной общности.

Тойнби, исходя из историко-культурной парадигмы, выделял 34 цивилизации [296], многие из которых утратили экономическое значение. Поразительна сила сформированной им традиции – даже такой прагматик, как Бжезинский, хотя и сократил число цивилизаций вдвое [97], явно допускал перекос в пользу этнографического подхода, пренебрегая их экономической значимостью, а, следовательно, и участием в глобальной конкуренции.

Более практичен А.Уткин [304], выделявший семь «цивилизационных комплексов»: Запад (объединяющий США и Европу), латиноамериканский, православный, мусульманский, индуистский, конфуцианский (включающий, помимо Китая, ряд родственных культур, в частности, Кореи и Вьетнама) и японский.

Но для оценки перспектив глобальной конкуренции и этот подход слишком детален. Признавая потенциал Индии (включая медленное укрепление осознания первичности своих интересов и готовности их защищать), нельзя не отметить отсутствие склонности к глобальной экспансии. Эти черты отягчены сдерживающим индуистскую цивилизацию продолжающимся уже более полувека конфликтом с исламским миром.

Латиноамериканская и японская цивилизации не обладают экономическим и, что в долгосрочном плане более важно, демографическим потенциалом экспансии. По оценкам, доля первой в населении Земли с 9,3% в 1995 году сократится до 9,2% в 2025, а второй – и вовсе сократится почти в полтора раза (с 2,2 до 1,5%) [304].

Православная же цивилизация в качестве не культурного феномена в стиле Бжезинского, но субъекта глобальной конкуренции не существует. Такие православные страны, как Греция, Кипр, Болгария, Румыния, Черногория необратимо вовлечены в европейские региональные процессы и участвуют в глобальной конкуренции как элементы западной цивилизации, пусть и периферийные.

Постсоветские же общества, в том числе преобладающе православные по своей культуре, объединены не столько вероисповеданием, сколько общностью истории и светской, а не религиозной культуры. Это позволяет говорить о продолжающей распадаться советской или о складывающейся на ее руинах российской цивилизации, которая даже в самом оптимистичном случае не оформилась и потому пока не участвует полноценно в глобальной конкуренции.

Снятие «силового поля» биполярного противостояния высвободило лишь две глобальные цивилизационные инициативы: исламскую и китайскую[329].

Мировая конкуренция становится цивилизационной – и кошмарный смысл этого еще не осознан. Его можно понять по аналогии с межнациональными конфликтами, разжигание которых является преступлением особой тяжести из-за их иррациональности: их сложно погасить, так как стороны существуют в разных системах ценностей и потому не могут договориться.

Участники конкуренции между цивилизациями разделены еще глубже, чем стороны межнационального конфликта. Они преследуют разные цели разными методами и не могут даже понять ценности, цели и методы друг друга. Финансово-технологическая экспансия Запада, этническая – Китая и социально-религиозная – ислама не просто развертываются в разных плоскостях; они не принимают друг друга как глубоко чуждое явление, враждебное не в силу различного отношения к ключевому вопросу общественного развития – вопросу о власти, – но в силу самого образа жизни. **Компромисс возможен только при изменении образа жизни, то есть уничтожения** участника компромисса **как цивилизации**.

Взаимопонимание, в отличие от внутрицивилизационных конфликтов, здесь не только не является универсальным ключом к достижению компромисса, но часто уничтожает саму его возможность, так как выявляет несовместимость конфликтующих сторон.

329. Здесь и далее понятие «Китай» используется в его китайском, а не европейском понимании, – не столько географическом, сколько этнокультурном.

Конкуренция между цивилизациями не просто идет по отношению к каждому ее участнику внесистемными для него и потому крайне болезненными методами. Она бескомпромиссна и нарастает даже при видимом равенстве сил и отсутствию шансов на чей-либо успех. Она иррациональна – и потому опасна и разрушительна. Каждая из трех великих цивилизаций, проникая в другую, не обогащает, но, напротив, разъедает и подрывает ее (классические примеры – этнический раскол американского общества и имманентная шаткость прозападных режимов в исламских странах). Ислам уже становится «ледоколом» США применительно к Европе (что несет основную выгоду Китаю) подобно тому, как ранее по отношению к ней таким «ледоколом» рузвельтовских США стали гитлеровская Германия и, в конечном счете, сталинский СССР.

Это показывает, что рассмотрение традиционного мирового «треугольника цивилизационных сил» (Запад – исламский мир – Китай) все менее достаточен. Мы участвуем в не менее драматическом, чем столкновение западной и исламской цивилизаций, начале разделения Запада, – уже не хозяйственного, но цивилизационного расхождения между Евросоюзом и США [33].

Экономическая конкуренция играет здесь подчиненную роль: пагубная для европейской экономики агрессия против Югославии и события 11 сентября 2001 года, когда европейцы спасали американскую финансовую систему в том числе и в ущерб своим интересам, не говоря о постиракском «трансатлантическом ренессансе» 2006-2008 годов и безоговорочном присоединении к «крестовому походу» против России в 2014 году доказывают, что для них зависимость от США доминирует над экономической конкуренцией с ними.

Размежевание, видное в мириаде мелких деталей, но более всего в различном отношении к агрессии США против Ирака, свидетельствует не о политическом или хозяйственном, но о более глубоком мировоззренческом, ценностном расхождении двух обществ.

Американское ориентировано на конкурентоспособность. Правила, мешающее ей, игнорируются. *США – боксер, который не бьет ножом не потому, что это не принято, а исключительно потому, что за это засчитают поражение*[330].

Европейское же общество стремится жить по своду принципов (в целом разумных и гуманных), в прошлом обеспечивавших ему комфорт и благополучие. Это обрекает его на пассивность, догматичность, коллаборационизм (позавчера перед лицом фашизма, вчера – «советской угрозы», сегодня – глобального ислама) и слабость в глобальной конкуренции.

Но списывать Европу со счетов, даже с учетом ее внутренней неэффективности и разнородности, нельзя: именно ее коллаборационизм и склонность к уклонению от конфликтов могут привести ее на тот самый холм, с которого процветающая обезьяна китайской стратагемы вот уже несколько тысячелетий наблюдает за схваткой убивающих друг друга и оттого постоянно меняющихся тигров[331].

Цивилизационная конкуренция более любой иной ведется за определение «повестки дня», то есть конкретной области (и, соответственно, принципов) противостояния.

Важность определения «повестки дня» – выбора «поля боя», на котором соперники будут меряться силами, – вызвана глубиной различий между цивилизациями: для каждой характерен собственный, непривычный и малопонятный для других образ действий. Навязав противнику свою «повестку дня», Вы навязываете ему свои правила, – свои

330. Почти буквальным воплощением этой метафоры служат, например, события Зимней Олимпиады 2002 года, когда американцы, недовольные вторым местом канадских фигуристов, давлением на судей и обвинением их (а также победивших российских фигуристов) во всех смертных грехах добились беспрецедентного решения о присуждении канадцам второго комплекта золотых медалей. Терпимость к этому российских чиновников, вызванная, вероятно, их рабской психологией «офшорной аристократии», привела к беспрецедентной кампании клеветы и допингового террора, развязанной против наших спортсменов после их героической победы на Олимпиаде в Сочи.

331. Правда, популярность этого образа играет злую шутку с использующими его для оправдания чрезмерного уклонения от конфликтов: сегодня актуальнее бесконечно дерущиеся равные по силе тигры, периодически подкрепляющиеся премудрыми обезьянами, умершими от голода на своих холмах в тщетном ожидании их трупов.

стандарты, которые чужды, а то и не знакомы ему. *Это то же самое, что выманить тяжелоатлета на стометровку, а шахматиста – на чемпионат по скоростному употреблению пива.*

Любое масштабное взаимодействие идет в разных плоскостях, по разным вопросам, и каждый из его участников стремится свести его к рассмотрению наиболее важных или удобных для себя вопросов. Это стремление облегчается объективной необходимостью выбора главного аспекта, по которому и будет достигнута принципиальная договоренность; определение остальных аспектов будет носить подчиненный характер и вытекать из этой договоренности.

В итоге победителем обычно становится тот, кто перетянул конфликт в наиболее удобную для себя систему понятий, навязал противнику свое «поле боя», свои стандарты и свой образ действий.

Пример 48

Конфликты: критическая важность определения «повестки дня»

Классический пример важности определения «повестки дня» – противостояние Советского Союза и Запада. В 20-50-е годы XX века, когда оно носило военно-идеологический характер и тем самым шло «на поле» СССР, он вел экспансию и в целом побеждал. Но берлинский кризис 1946-1948, корейская война 1950-1953 годов и карибский кризис 1962 года доказали опасность военного противостояния и перевели конфликт «на поле» стран Запада – в сферу экономического соревнования, где из-за разложения системы управления у Советского Союза не было шансов. С конца 60-х годов его отставание нарастало, пока не привело к краху социалистической системы в череде «революций потребителей» [270].

Удар по СССР нанесло и согласие обсуждать в Хельсинки в 1975 году права человека в их западной трактовке, что стало катализатором диссидентского движения и размывания советского общества.

Понимание важности затягивания противника на «свое поле» отразилось и в советской деловой культуре. Так, бесконечные словоизлияния – одна из особенностей советской школы менеджмента – при кажущейся бессмысленности исключительно функциональны. Они помогали устанавливать личные отношения и выигрывать время при общении с руководством *(растратив время начальника на пустяки, Вы не даете ему обсудить болезненные для Вас вопросы)*.

Но главная цель безудержных словоизлияний – навязывание своей «повестки дня». Утопив собеседника в потоке слов, советские менеджеры заставляли его обсуждать то, что было нужно им, а не то, что было нужно ему. Так они направляли своих контрагентов на пользу себе, даже вопреки должностным инструкциям и логике служебного положения.

Важно, что до определении «повестки дня» масштабный конфликт может длиться неограниченно долго, так как разнородность целей участников позволяет каждому из них систематически объявлять себя победителем (пример – палестино-израильский конфликт). Общая же «повестка дня» означает его перевод в общую плоскость с однозначным критерием победы и, главное, где один из конфликтующих обычно гарантированно сильнее другого. Поэтому выработка единой «повестки дня» – предвестие разрешения конфликта.

14.2.4. Культура как ключевой фактор конкурентоспособности

Технологии формирования сознания позволяют внешне безупречными логическими построениями обосновать все, что угодно. *Пример – ставшее основой политики Запада навязывание заведомо пагубных либеральных реформ*[332].

332. В качестве примеров подобного действенного манипулирования сознанием можно привести [117, 118, 349, 350].

В обнажающейся слабости индивидуального восприятия мира (см. параграф 3.1) спрессованные в идеологию и, глубже, культуру убеждения и инстинкты общества становятся стабилизирующим фактором, поддерживающим его адекватность.

В эпоху социальной инженерии (см. раздел 4.4.4 введения) идеология неустойчива. Катаклизмы, в том числе и направляемые сознательно, приводят общества к ее пересмотру и порой стремительному отказу от недавно казавшихся незыблемыми убеждений.

Только нынешнее поколение россиян из-за либеральных реформ отказалось от формально социалистической, а на деле крестьянской, общинной идеологии солидарности в пользу индивидуалистического «человек человеку волк». Оно же болезненно пережило отрицание интернационалистской идеологии и подлинный взрыв национализма в республиках СССР (и чуть позже – в республиках в составе России) на переломе 80-х – 90-х, а в «нулевых» – рост национализма в ответ на волну мигрантов из брошенных постсоветских республик и формально российских республик Северного Кавказа, несущую с собой заразу этнической преступности.

Смена идеологии – реакция общества на системный кризис, которой оно пытается исправить вызвавшие его ошибки и адаптируется к новым условиям. Так, «Великая депрессия» в США и молодежные волнения конца 60-х[333] (не говоря о военных катастрофах Германии и Японии) решительно меняли доминирующие идеологии.

Относительная неустойчивость последних вызвана не только их адаптивной ролью, но и вторичностью по сравнению с культурой. Идеологию можно сравнить с воспитанием, культуру – с генетикой. Если идеология дает обществу

333. Развитие молодежной контркультуры и волнения в конце 60-х, помимо спецоперации Фининтерна против национальных правительств («троечники» победили «профессоров», ослабив государства, в том числе в их противостоянии ТНК), стали стихийной реакцией и инструментом приспособления обществ к вызванной научно-технической революцией потребности в демократизации и социальной гибкости.

систему приобретенных, то культура – систему безусловных рефлексов, не поддающихся корректировке.

Именно **культура как совокупность систем ценностей, стереотипов мышления и поведения, свойственных обществу, –** ключевой элемент его устойчивости. «Культурный код» общества, определяя и сохраняя его существенные черты в рамках общей изменчивости, – аналог генетического кода индивида.

Так же, как генетический код включает безусловные рефлексы, необходимые для выживания, культура общества является носителем и ретранслятором социальных рефлексов, определяемые как «национальный характер» и «национальная психология». Они на бессознательном уровне, культурными стереотипами обеспечивают выживание общества, поддерживают разумность его поведения и следование собственным, а не навязываемым интересам[334].

В результате **культура становится** стихийным и потому **важнейшим** в условиях информационной революции и хаотического, а часто и насильственного формирования сознания **механизмом поддержания общественной адекватности**. Обеспечивая разумность общества, несмотря на информационное давление его конкурентов, культура поддерживает его конкурентоспособность.

Конечно, в новых ситуациях архаичная культура может порождать тактические ошибки. Но стратегический, ценностный подход остается верным, «инстинкт самосохранения» общества сохраняется, не позволяя информационному воздействию, как правило, незаметному для менее развитого общества, подменить его интересы интересами конкурентов. В условиях широкомасштабного и направленного формирования сознания обнаружить подмену и тем более нейтрализовать ее можно лишь инстинктивно, и культура служит концентрированным выражением здравого смысла

334. Это причина войны либералов с «господствующими мифами и стереотипами». Навязывая либеральную парадигму не созревшим для нее и потому разрушаемым ею обществам, они нуждаются в разрушении их инстинктов самосохранения, закрепленных прежде всего на культурном уровне – в мифах и стереотипах.

общества, своего рода **«критерием истины» для неопределенных**[335] **ситуаций**.

Повышает значение культуры и ужесточение глобальной конкуренции (см. параграф 12.2); в условиях информационной революции оно позволяет найти спрос любой культурной особенности вне зависимости от ее обыденной полезности.

Причина этого парадокса – **стандартизация производства при индивидуализации потребления** в предъявляющих основную часть спроса развитых экономиках. Дизайнерские изыски лишь частично и ненадолго смягчают это противоречие, являющееся одним из «скрытых моторов» современного рынка.

Его следствие – **колоссальный спрос на необычное**. Небольшое и стандартное по своим механизмам информационное воздействие легко фокусирует его на конкретных товарах.

Комфорт поразил развитый мир жестоким сенсорным голоданием (см. параграф 6.5). Быстро привыкая ко все новым эмоциям, стремительно поставляемым ему информационными технологиями, он нуждается в обновлении впечатлений, подобно пресыщенным аристократам, нуждавшимся во все новых вкусовых ощущениях[336].

Это делает напряженным производство всех стандартизированных товаров, которые требуют минимальных издержек на изготовление и обслуживание потребления. Разнообразие же вкусов в условиях сенсорного голодания (см. параграф 6.5) позволяет создавать свою рыночную «нишу» почти

335. Ситуаций с неопределенными важными обстоятельствами (например, неясной мотивацией создавших их сил) и напрашивающимися «естественными» действиями – признак искусственного конструирования реальности.

336. При этом великие национальные кухни были лишь отрекламированы аристократами, а блюда, составившие их славу, за редчайшими исключениями – еда простых людей, а часто и вовсе создававшиеся смешением всех съедобных остатков в доме (как итальянские пасты и пиццы, французский луковый суп, буйабес, яичницы и бесконечные салаты). Путь в мировую кулинарию лежит для аристократической кухни через кухню народную, очищающую ее от нефункциональных излишеств (исключения – пекинская утка, фуа-гра и прочее – лишь подчеркивают правило); классическим примером служит «оливье», оригинальный рецепт которого утерян в гражданскую войну.

любой особости при ее способности противостоять обезличивающему давлению внешней среды.

Оригинальный товар не встречает конкуренции и оказывается монополистом на рынке, создаваемом им для самого себя. Если этот рынок прибылен, емок или специфичен, производитель получает ресурс[337] для защиты своей «интеллектуальной собственности» (на деле монопольного положения) от «подделок» (то есть конкуренции). *Его монополия защищается не только законами, но и формированием у потребителя «приверженности» – иррациональной и обычно ошибочной веры, например, в том, что «правильное» сакэ производится только в Японии, виски в Шотландии, а коньяк во Франции.*

В этих условиях ключевой вопрос национальной конкурентоспособности – поиск и распространение оригинальных, а желательно уникальных товаров и услуг.

Для каждого общества сфера его максимальной особости и минимальной воспроизводимости для окружающих – культура. При разумном отношении это неисчерпаемый кладезь оригинальных и трудно копируемых представителями иных культур товаров и стереотипов. Они конвертируются в конкурентоспособность стандартными процедурами, – правда, по интеллектуальным, организационным и финансовым причинам посильными далеко не всем.

Таким образом, стремление к сохранению национального[338] «образа жизни» и культуры вызвано не только сенти-

---

337. Данный ресурс может выражаться как в свободных финансовых средствах, которые можно направить на развитие и расширение рынка, то есть на формирование спроса, так и в обусловленном теми или иными обстоятельствами отсутствии конкуренции – при достаточной прибыльности рынка, как правило, временном.

338. Общественная и национальная культуры совпадают лишь в мононациональном обществе; обычно первое шире второго (что позволяет говорить, например, о стремлении к сохранению национальных культур, не подрывающему необходимое единство общественной культуры). Правда, что под «обществом» может пониматься не только «общество в границах государства», но и община внутри него.
На практике при анализе международной конкуренции разница между национальным и общественным обычно игнорируется (в том числе и чтобы не давать лишний раз осознать себя бесу сепаратизма):

ментальностью и стремлением сохранить внутреннее разнообразие общества как залог его приспособляемости[339]. Не менее важный мотив[340] **стремления к** поддержанию и **развитию общественной культуры** и «национального духа» – их ощущение как **залога поддержания особости общества и, соответственно, его конкурентоспособности.**

Превращение информационной революцией информации в ключевой предмет труда резко повышает значимость культуры как фактора глобальной конкуренции: ведь информация по своей сути – носитель культуры, неотделимый от культуры создающих ее. Даже формально информация обычно передается и воспринимается на том или ином языке, несущем определенный культурный код.

Различие культур передающего и воспринимающего информацию влияет на воздействие передаваемого сообщения. **Чем выше различия в культурах, тем выше это влияние**, которое может[341] превосходить даже влияние самой этой информации.

Влияние культурного фактора неоднозначно и ситуативно; в условиях массового формирования сознания, подрывающего значение логики, непонимание (в том числе из-за культурного разрыва) иногда оказывается единственным спасением.

Именно **культура задает стандарты**, стереотипы мышления и эмоций, **в соответствии с которыми создается и воспринимается информация**. А ведь наиболее эффективная стратегия конкуренции – навязывание конкурентам

то и другое сводится к понятию страны. Поэтому мы обычно говорим о национальных интересах, национальной политике и даже национальном характере и культуре, имея в виду свойства общества как целого.

339. Напомним, что адаптивность тем выше, чем выше внутреннее разнообразие (правда, очень важно исключение, описываемое законом Седова: чрезмерное разнообразие управляемой системы разрушает управляющую [291]).

340. Влияние на поведение не сознаваемого мотива свидетельствует о его больших глубине и значимости по сравнению с аналогичными по силе проявления, но сознаваемыми мотивами. Ведь осознание мотива усиливает его влияние.

341. Когда смысл сообщения из-за культурного разрыва непонятен, трактовке подлежит сам факт передачи, который и вызывает реакцию получателя.

стандартов, соответствующих своим склонностям. Стандартизация в важнейшей, информационной сфере объективно несет на себе отпечаток «материнской» культуры.

Для обществ с иными культурами этот стандарт чужд и потому как минимум неудобен, а как максимум – разрушителен. Особенно эффективно навязывание носителям той или иной культуры чуждых ей стандартов повседневной деятельности.

Изложенное делает культуру сердцем конкурентной борьбы и, соответственно, конкурентоспособности. Именно она определяет ключевые моменты конкуренции: в стратегическом плане это социальная инженерия (см. раздел введения 4.4.4), в тактическом – определение повестки дня (см. параграф 14.2.3).

14.3. «Международный терроризм»: выход из-под контроля?

Приобретение глобальной конкуренцией цивилизационного характера, при котором у ее участников нет почти ничего общего, «заново рождает» наиболее грубые и потому наиболее универсальные – террористические и военные – инструменты конкуренции.

14.3.1. Терроризм как инструмент глобальной конкуренции

Ставшие двигателем глобализации информационные технологии, включая технологии формирования сознания, кардинально изменили не только облик и образ действий человечества в целом, но и характер конкретных явлений, – включая терроризм.

Всю свою многотысячелетнюю историю, вплоть до конца 80-х он, за редкими исключениями, был направлен на уни-

чтожение представителей принимающей решения элиты для ее дезорганизации и запугивания [256]. Удар не наносился по обычным гражданам, так как их страдания обычно не имели широкого резонанса и не оказывали значимого влияния на управляющие системы[342].

Массовое телевидение породило «терроризм в прямом эфире», который, опираясь на коммуникативные возможности электронных медиа и естественную тягу к сенсациям, стремится к дезорганизации уже не столько управляющей элиты, сколько общества в целом.

Его эффективность усиливается тем, что шокированное общество чувствует себя брошенным своими лидерами (защищенными от террористов спецслужбами) и испытывает симпатию к террористам как к принципиальным людям, рискующим жизнями за свои идеалы.

Представители же элиты ощущают свою беспомощность как перед террористами, способными по своему усмотрению внезапно наносить ужасающие удары, так и перед недовольством общества.

К этому следует добавить частую безопасность терактов для исполнителей, так как обычные граждане, в отличие от представителей элиты, не защищены охраной. *По распространенным представлениям, представители спецподразделений значительно больше опасаются гибели непричастных к общественным конфликтам женщин и детей, чем гибели взрослых и сознающих последствия своих действий мужчин, составляющих основную часть элит.*

---

342. Исключения – демонстративные акции массового уничтожения вроде бомбардировок Германией Герники и Ковентри, США и Англией – ряда городов Германии и Японии, а также сбрасывания атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки.
Но в новое время, в отличие от прошлых периодов, такие действия редко достигали цели (решение о капитуляции Японии было принято после вступления в войну Советского Союза вне связи с атомными бомбардировками, значение которых стало понятно японскому государству далеко не сразу, а бомбардировки Гамбурга дали задыхавшейся от нехватки людей военной промышленности Германии новые рабочие руки [136]) и в целом были контрпродуктивными, так как возбуждали ненависть, а не отчаяние и лишь усиливали сопротивление.

Приобретение терроризмом информационного характера не меняет его сути. По мотивации и принципам терроризм альбигойцев, манихеев, павликиан, исмаилитов и прочих, не принимавших жизнь как таковую [133], мало отличим от современного терроризма одиночек[343], групп, государств[344] и международных организаций (крупнейшей и наиболее успешной террористической организацией в истории является НАТО).

Более того: террористы раннего Средневековья добивались успехов, недостижимых для их современных последователей! Так, в 929 г. н.э. карматская (исмаилитская) община Бахрейна разорила Мекку, перебила паломников и похитила главную святыню ислама – черный камень Каабы, который вернула лишь в 952 году. Первый же «старец горы» в сельджукском султанате – Хасан Саббах – в конце XI века и вовсе «нашел способ сломать не социальную, а этническую систему. Он направил своих убийц на самых талантливых и энергичных эмиров, места которых... занимали ...менее способные, а то и вовсе бездарные тупицы и себялюбцы... Последние, занимая низшие должности, способствовали действиям исмаилитов, ибо знали, что кинжал фидаина откроет им путь на вершину власти. Такой целенаправленный геноцид за 50 лет превратил сельджукский султанат в бессистемное скопление небольших, но хищных княжеств, пожиравших друг друга, как пауки в банке» [133][345].

343. Классический пример индивидуального террора – Унабомбер, долгие годы рассылавший заминированные посылки и бандероли по почте.
344. Разумеется, государства могут прикрыть совершаемые ими теракты правдоподобными обоснованиями вроде уничтожения террористических гнезд, необходимой самообороны, предотвращения гуманитарных катастроф, борьбы с диктаторами и устранения угроз, якобы существующих для всего человечества.
345. Это был первый известный пример целенаправленно организованного отрицательного отбора в управленческих системах – первый пример социальной инженерии, современные, относительно бескровные методы которой мы наблюдаем в том числе и в нашей стране, клан либеральных реформаторов которой формировался под определяющим влиянием ее стратегических конкурентов, в первую очередь США.

Пример 49

Что такое терроризм: квалификационные признаки

Критерий признания того или иного действия терроризмом прост: **наличие трех основных квалификационных признаков:**

1) принуждение управляющей системы или общества в целом к тем или иным действиям (или бездействию)**;**

2) осуществляемое насилием или угрозой насилия;

3) в нарушение действующих правовых норм или распространенных обычаев (без этой оговорки актом террора может быть представлено любое требование соблюдения закона).

Поэтому сообщение о якобы заложенной в школе бомбе – акт террора: воздействие на управляющую систему (директора школы) угрозой насилия в нарушение действующих правовых норм, а американская (формально интернациональная) интервенция в Корею в 1950 или удар по Ираку в 1991 году, осуществленные на основе решений ООН, – нет.

Орудийный расстрел религиозной вместе с женщинами и детьми, осуществленный в США по закону (хотя, возможно, и неверно примененному), – не террор, в отличие от выстрела в окно управленца, принявшего неправильное с точки зрения стрелявшего решения.

Фраза «кошелек или жизнь» не является актом террора (нет воздействия на управляющую систему), а взятие заложника неудачливым грабителем с требованием выпустить его из кольца полицейских – является.

Акты геноцида не являются террором, если не направлены на принуждение управляющей системы или общества к тому или иному действию. Но даже угроза нанесения локального «превентивного удара» по объекту на территории чужого государства, осуществленная в нарушение международных правил[346], не может быть квалифицированы иначе.

346. И в целом любая «полицейская операция» [269] в международном масштабе, совершаемая в нарушение международного права.

> Важна разница между угрозой якобы уже подготовленным актом насилия и угрозой, из которой следует необходимость предварительной подготовки этого акта. Достаточно сравнить анонимные сообщения о том, что тот или иной объект уже заминирован и о том, что он будет заминирован при невыполнении определенных требований. Первое – акт террора, второе – шантажа, как и любая угроза действием, не являющимся прямым насилием (вроде угрозы обнародования компрометирующих материалов).

Возросшая эффективность и безопасность делает «терроризм в прямом эфире» более доступным и массовым, превращая его в инструмент глобальной конкуренции. Он применяется почти на всех ее уровнях, в том числе и на уровне конкуренции между цивилизациями, что превращает его в новый фактор глобальной нестабильности.

Ключевую роль в его распространении играет ужесточение глобальной конкуренции, лишающее возможности развития все большую часть человечества.

Как было показано в параграфе 8.6, технологический прогресс, усиливая на этапе глобализации конкуренцию до невыносимого для большинства уровня, подрывает само развитие человечества и делает его невосприимчивым к своим же достижениям. Технологический прогресс ограничивается только развитыми странами, обострение конкуренции сужает их круг, а ограниченность рынков сбыта дорогой высокотехнологичной продукции, производимой ими, начинает тормозить их собственный прогресс.

Неразвитые общества лишаются приемлемых перспектив, а глобальные медиа, стремящиеся устранить культурные барьеры на пути информационных технологий, насаждают высокие стандарты потребления, характерные для развитых стран. Это порождает в неразвитых обществах глубокую и безысходную неудовлетворенность.

Их население в целом враждебно ценностям развитых стран, так как, все полнее (в силу формирования единого

информационного пространства) знакомясь с этими ценностями, все острее сознает их недоступность для себя и своих детей. Вызванное этим отчаяние закономерно порождает озлобление и враждебность к развитым странам и в первую очередь к их лидеру и символу, – США.

По мере того, как корректные методы протеста против столь очевидной несправедливости доказывают свою несостоятельность, растет склонность представителей неразвитых стран к террору, единственно создающему иллюзию эффективности.

Террористы сознают и используют эту тенденцию, стремясь стать для большинства человечества не преступниками, но революционерами, борющимися за неотъемлемые права каждого человека, рискующими своими жизнями «за себя и за того парня».

Пример 50

Может ли богач выражать интересы и чаяния бедняка?

Порождение усиления международного терроризма осознанием населением неразвитых стран безысходности своего положения отрицается целым рядом респектабельных и уважаемых в развитых странах людей.

Их аргумент сногсшибателен в своем лицемерии и лживости: оказывается, теракт 11 сентября 2001 года (например) не может быть связан с относительным ухудшением положения населения неразвитых стран просто потому, что якобы спланировавший эту атаку Усама бен Ладен лично богат (а многие другие террористы – выходцы из обеспеченных семей)!

А богатые, как прекрасно знает про себя большинство современных либералов, часто не выносят бедных, особенно своей страны, и искренне считают их недочеловеками, уродливым быдлом, лишь мешающим нормальным (то есть богатым) людям наслаждаться жизнью и потому недостойным права на существование. *Один из российских нуворишей, сделавших состояние в ходе чубай-*

совской приватизации, за счет погружения своих сограждан в безысходную бедность и лишения их всех жизненных перспектив, с глубокой и искренней печалью вздохнул по этому поводу: «Какой прекрасной была бы наша жизнь без этого народа!»

Но этот классовый подход лишь ограниченно применим в глобальной конкуренции, которая все больше ведется не между классами одного общества, а между самими обществами и даже цивилизациями. В ней богатые и бедные, причем в первую очередь именно богатые, осознают свою принадлежность к одному и тому же обществу и понимают, что их положение и перспективы определяются положением всего их общества.

Общества стали **совокупными носителями классовых функций** в зависимости от места в технологической пирамиде:

- наиболее развитые – создатели и владельцы новых технологий (в том числе формирования сознания и управления поведением масс);
- развитые общества – «капиталисты»: владельцы и организаторы производства (по мере развития информационных технологий – «салариат», то есть квалифицированные специалисты);
- развивающиеся – «пролетариат»: нежизнеспособная без «капиталиста» рабочая сила (по мере развития информационных технологий становится не имеющим социальных гарантий «прекариатом»);
- утратившие способность к развитию и в целом превышающая треть человечества его систематически недоедающая часть, – «люмпены», не имеющих устойчивых источников существования.

Осознание связанной с этим национальной и все более цивилизационной солидарности уже долго гасит остроту классовых конфликтов.

Ненависть современных либералов неразвитых стран к бедным своего общества экстремальна и бесчеловечна, так как ее классовый характер усиливается цивилизационным. Ведь либералы в силу своей идеологии сознают себя представителями и, более того, миссионерами Запа-

да. Принадлежность к своему народу, приверженность его мировоззрению и системе ценностей, вытравленная в них внешними обстоятельствами и личными, действительно титаническими усилиями, воспринимается ими как порок, как напоминание об их собственной неполноценности.

Естественно, что они искренне не понимают и не принимают своих сограждан, отождествляющих себя с «этой страной», а не с получением «гринкарты» или на худой конец западных грантов. А цивилизационное непонимание при вынужденном взаимодействии в едином финансовом и культурно-информационном поле рождает сильнейшую враждебность.

Богатые люди более полно и непосредственно, чем бедные, вовлечены в глобальную конкуренцию и потому острее чувствуют ограниченность возможностей своего общества, безысходность его неконкурентоспособности и цивилизационного отторжения со стороны развитых стран.

Бедность воспитывает приниженность, и бедный человек, как правило, более терпеливо, чем богатый, относится к унижениям и неприятию себя как представителя той или иной цивилизации. А даже если он переживает унижения столь же остро, у него нет возможности выразить свое недовольство этим (в конце концов, у него просто нет времени для этого, так как он поглощен борьбой за существование).

Помимо изложенного, абсолютизация классового подхода, – как и любого другого, – неверна и сама по себе. Ведь многие революционеры были даже не обеспеченными, а откровенно богатыми людьми. Достаточно вспомнить фабриканта Энгельса и сына помещика (чуть ли не единственного еврея-землевладельца в царской России!) Троцкого.

Естественное эмоциональное отторжение террора, не имеющего морального оправдания, часто мешает осознать, что **он**, как и любое систематическое явление, **имеет причину**. Часто даже попытка ее поиска отвергается и преследуется (едва ли не так же жестко, как и сам терроризм) не только истеричными либералами, не сознающими, что понимание –

путь не к прощению зла, но к его искоренению, но и внешне цивилизованными политиками развитых стран.

Позиция последних рациональна: ведь международный терроризм вызван в том числе и неоправданно эгоистичной политикой Запада, подрывающей остальное человечество. Стремясь защитить свои национальные и групповые интересы, они пытаются отвлечь внимание от объективных причин, порождающих терроризм, и превратить борьбу с ним из устранения его причин модернизацией человечества в устранение его следствий полицейскими мерами.

Между тем спецслужбы, умея бороться с террористами, не способны предотвратить превращение в них обычных людей, – а победу принесет лишь искоренение причины этого.

Искренняя солидарность с народами США после 11 сентября 2001 года не должна заслонять то, что **фундаментальной причиной распространения терроризма стала стратегия самих США**.

Как было показано выше (см. параграфы 11.2, 13.3, 14.1.3), они строят свое благополучие на дестабилизации всего остального мира (не только развивающихся, но, как показала подорвавшая экономику Европы террористическая агрессия против Югославии в 1999 году, и развитых стран). Их цель – процветание за счет глобальной неустойчивости, привлечение капиталов и интеллекта всего мира созданием ситуации, когда его проблемы гарантированно качественно и долгосрочно превосходят проблемы США.

Они высокомерно игнорируют интересы других народов и, попирая божеские и человеческие законы[347], всеми силами

---

347. Классический пример – заявления высших руководителей США после теракта 11 сентября 2001 года, из которых следовало, что в рамках «информационной войны» они официально присваивают себе право на ложь, то есть на сознательное введение в заблуждение всего мирового сообщества.
Между тем, по устоявшимся к тому времени правилам, официальные лица могут недоговаривать, намекать и даже вводить в заблуждение, но не могут лгать прямо, так как допустимость прямой лжи, делая невозможными международные отношения как таковые, наносит невосполнимый вред всем ее участникам.

углубляют пропасть между развитым и, за редкими исключениями, уже неразвитым миром, из которой и вырывается дьявол международного терроризма. «Кто сеет ветер – пожнет бурю»: назначенный американцами «террористом № 1» Усама бен Ладен воспитывался и обучался именно ими – и как оружие именно против нашей страны[348].

После террористических агрессий в Югославии, Ираке, Ливии и Сирии, череды госпереворотов (в том числе в виде «цветных» революций) по всему миру и привода фашистов к власти на Украине, после официального присвоения себе – и широко используемого – права беззастенчиво лгать, пользуясь глобальным информационным доминированием[349],

---

Характерно, что те же официальные лица, которые делали эти заявления, затем выражали искреннее раздражение и даже недоумение недоверием в мире к аргументам, предъявляемым США уже после открытого присвоения ими права на ложь. Еще забавней выглядело их недоумение по поводу негативного отношения к США в мире.

Затем, в 2014 году присвоение США права на официальную ложь породило **феномен «постправды» – ситуации, когда интенсивность официальной лжи, транслируемой глобальными медиа, настолько высока, что растерзанное и подавленное ею отдельное и коллективное человеческое сознание лишается способности выявлять правду и отказывается от ее поисков, как и в целом от поиска истины.**

348. Чтобы прочувствовать глубину неприятия либералами своей страны (если она, конечно, не является Америкой), полезно вспомнить заявление одного из наиболее авторитетных либеральных телекомментаторов России, и сегодня пользующегося славой мудрого, взвешенного и конструктивного обозревателя.

В прямом эфире главного телеканала страны он возложил вину за 11 сентября на ...СССР! Признавая, что Усама бен Ладен был создан и воспитан американцами как орудие против нашей страны, либеральный телеведущий, лучась мудрой, всепонимающей и почти всех (кроме русских) прощающей улыбкой, разъяснил, что, по его мнению, это возлагает вину за все последующие преступления Усамы бен Ладена на СССР. Ведь, не будь нас, американцам просто незачем было бы готовить террористов, которые затем вышли из повиновения и злодейски повернули оружие против самих США!

349. Саддама Хусейна (как затем и Каддафи) раздавили именно после того, как он разоружился и выполнил все требования США, в том числе и снизившие обороноспособность Ирака. При этом американцы не удосужились даже «найти» в Ираке оружие массового поражения, ставшее предлогом агрессии. Информационное доминирование позволяет не подтверждать обвинения: повод к войне можно выдумать, а потом официально признаться в этом, заявив о прекращении поисков этого оружия!

и даже выносить на основе заведомой лжи судебные приговоры[350], – американское общество и элита выглядят живым воплощением лжи и насилия. **Слово «свобода» звучит в устах лидеров США, как слово «любовь» в устах сутенера.**

Самоубийственная в своем разрушительном эгоизме стратегия обеспечения процветания США за счет «экспорта нестабильности» продиктована не злым умыслом или групповым помешательством, но объективной реальностью и потому не может быть изменена ни внешним воздействием на США, ни самой их элитой. Это лишь форма реализации основного противоречия глобализации.

<u>Основное противоречие глобализации</u> **– торможение развития или прямое ухудшение условий существования увеличивающегося большинства человечества за счет ускорения развития и роста благосостояния его сокращающегося меньшинства.**

Поэтому, хотя в краткосрочном плане безопасность развитой части мира обеспечена давлением на потенциальных террористов, а в среднесрочном – сотрудничеством перепуганных спецслужб (американские специалисты так и не смогли выяснить, кто организовал теракт 11 сентября!), **глобальная нестабильность будет** продолжать **нарастать**, порождая новое усиление терроризма.

14.3.2. Источники терроризма в развитых странах

Нет ничего более соблазнительного, чем ограничиться приведенными соображениями и, даже не отрицая вины

350. Американский суд признал справедливым иск семей пострадавших от теракта 11 сентября к Саддаму Хусейну, основанный на выступлениях представителей США и Англии в ООН, не содержащих никаких доказательств причастности Саддама к теракту, но лишь голословные обвинения. Это решение позволило изъять замороженные в банках США иракские активы. А, затем, в мае 2018 года американский суд признал виновником терактов 11 сентября уже Иран, – когда понадобилось ограбить его.

развитых стран, объявить международный терроризм «исчадием третьего мира», приписав его вековечному противостоянию между Севером и Югом.

Но такой подход неприемлемо упрощен. Как и большинство устойчивых явлений, терроризм многогранен и имеет много по-разному проявляющихся причин, даже и имеющих общие корни.

Развитым обществам в силу активности освобожденных от изнуряющей борьбы за существование граждан свойственны движения протеста. *Объяснения студенческих волнений 60-х*[351]*, левацкого террора 70-х и движения за мир 80-х «происками Москвы» – плоды избыточного доверия к саморекламе спецслужб в той же степени, что и объяснение распада СССР спецоперацией ЦРУ (которое еще в конце 1990 года предостерегало руководство США от доверия к Горбачеву, считая «перестройку» и «гласность» дезинформацией).*

В конце 90-х развитые страны столкнулись с новым протестным движением – антиглобалистами. Несмотря на финансирование в основном из развивающихся стран (вероятно, в основном левацкими, связанными с наркомафией группировками Латинской Америки, а также отдельными корпорациями и, эпизодически, – исламскими организациями), движение антиглобалистов укоренено в развитых обществах и является именно их порождением.

Массовый и длительный протест способствует насилию. Антиглобалисты предпринимали попытки убийств полицейских, а те издевались над задержанными антиглобалистами и порой даже пытали их в начале «нулевых» годов, а во время беспорядков в Генуе в июле 2001 года от рук полицейских погибли случайные люди (правда, после 11 сентября 2001 года радикализм антиглобалистов сошел на нет из страха сопоставления с террористами). А взаимное насилие может выковать из элементов массового аморфного и циви-

351. Явившихся способом перекодирования западных обществ и переключения их энергии с опасной для властей и глобальных сетей социально-политической на безопасную для них личностную проблематику.

лизованного движения протеста отдельные террористические организации.

Терроризм, рождающийся в развитых странах, быстро начинает сотрудничать с терроризмом развивающихся обществ, получая от него деньги и решая острую для него проблему техники.

Таким образом, терроризм имеет не истребимые в среднесрочной перспективе корни и в развивающихся, и в развитых странах.

Рассмотрим механизм взаимодействия «внешних» и «внутренних» (для развитого общества) факторов терроризма на примере «эталонного» теракта – 11 сентября 2001 года.

Прежде всего, столь сложная и точно скоординированная операци[352] (одновременный захват четырех самолетов с успешным использованием трех из них – против ВТЦ и Пентагона[353]), не могла быть организована только представителями арабской культуры, которая затрудняет планирование. *Вероятно, в силу большей молодости ислама общий тезис всех религий «все в руках божьих» трактуется им наиболее последовательно, из-за чего мусульманин-араб, пытающийся четко планировать будущее, может восприниматься едва ли не как святотатец, пытающийся присвоить себе исключительные полномочия Аллаха.*

Вместе с тем совпадение теракта с годовщиной Кемп-Дэвидских соглашений и активизацией связанных с бен Ладеном сил (удары в Чечне, убийство лидера Северного альянса Ахмад-шаха Масуда и наступление талибов на этот альянс) – признак причастности последних к теракту даже без информации, якобы имевшейся у руководства США *(обнародованные им материалы либо ничего не доказывали,*

---

352. Реальные операции всегда проходят хуже, чем планировалось, – как из-за невозможности предугадать все влияющие на них факторы, так и из-за ошибок, обычно допускаемых исполнителями из-за эмоциональной перегрузки. Поэтому даже неполный успех операции – признак высокого качества ее подготовки.
353. По официальной версии, хотя отсутствие у Пентагона остатков самолета и не свойственные ему разрушения свидетельствуют в пользу альтернативной версии – применения крылатой ракеты.

либо были еще более грубой и грязной фальшивкой, чем состряпанные провокаторами «протоколы Сионских мудрецов»).

Вероятное сотрудничество с американскими мусульманами вкупе с вызванным спецификой общественного сознания разгильдяйством служб безопасности США (уже после теракта на внутренних рейсах тщательно проверяли в основном иностранцев) может объяснить глубокую укорененность террористов в американском обществе. (То же относится и к другим развитым обществам: английские спецслужбы оказались в шоке, обнаружив у себя под носом производство эффективного химического оружия, а несколько лет спустя – «жидкой бомбы», снаряжаемой уже на борту самолета!)

Важно и влияние арабских (в первую очередь саудовских) капиталов на экономику и политику США, позволяющее говорить о едином саудо-техасском нефтяном лобби (см. пример 21).

По оценкам, звучавшим на международных конференциях по терроризму, разработки американскими спецслужбами крупных исламских экстремистских организаций на территории США блокировались американскими же госструктурами. Так, аналитик ЦРУ, пожаловавшийся в своем докладе на то, что полиция не реализует разработки его ведомства, на вопрос, означает ли это наличие у исламских террористов политического прикрытия в США, заявил: «Для ответа на этот вопрос мне потребуется адвокат».

Подготовка подобного теракта технологически затруднена без организаторов и психологов из развитых стран либо Израиля. (Ведь если традиционный террорист – человек, не нашедший места в жизни, то в данном случае на смерть шли молодые люди в расцвете сил, владеющие рядом хорошо оплачиваемых и востребованных профессий, интегрированные в западное общество).

Неизбежная инфильтрация спецслужб в экстремистские организации делает исчезающе низкой вероятность сохранения подготовки теракта подобных масштабов в тайне.

Наконец, отказ руководства США рассматривать «американские» следы терактов (характерен отказ от расследования преступления Тимоти Маквея: его спешно объявили членом крохотной группы, хотя совершенный им взрыв торгового центра[354] требовал усилий, превышающих возможности двух человек) – признак не только желания «сохранить лицо», но и серьезного противодействия в правоохранительных органах.

Аналогичное впечатление вызывает эффективное и продуманное поддержание напряженности и внутренней мобилизованности в США после 11 сентября распространением по почте «белого порошка», объявленного «спорами сибирской язвы», а также забытого ныне падения самолета А-300 в Куинсе.

Потери США при продемонстрированном американцами отсутствии представлений об обеспечении безопасности показывают: рассылка писем со спорами сибирской язвы была не «бактериологической войной», а «бактериологическим недоразумением» (сибирская язва не передается от человека к человеку, что ограничивает ее распространение).

Письма с «белым порошком» – акт не бактериологической, но психологической войны. **Ведущие ее силы любили и берегли Америку**: они хотели довести ее до истерики, повышающей ее внушаемость, управляемость, мобилизованность и внутреннюю агрессивность, но не нанести ей физический вред.

Падение самолета А-300 в Куинсе по первоначальным и потому наиболее достоверным сообщениям медиа произвело впечатление попадания в двигатель «Стингера». Второй теракт в условиях общей паники и повышенной бдительности спецслужб теоретически не мог произойти без хотя бы опосредованного содействия их представителей. (Объявление

354. 19 апреля 1995 взрыв заминированного автомобиля в Оклахома-Сити убил 168 чел., включая 19 детей до 6 лет, ранил свыше 680 чел. Взрыв уничтожил или повредил 324 здания, уничтожил 86 автомобилей, нанес ущерб в 652 млн. тогдашних долларов. Это был крупнейший теракт в США до 11 сентября 2001 года.

этой катастрофы «технической неисправностью» напоминает шутку, по которой первый вариант доклада комиссии Уоррена сообщал, что президента Кеннеди сбил пьяный мотоциклист, а также реальное заявление аналитика по CNN утром 11 сентября о том, что попадание двух самолетов в башни ВТЦ «может быть вызвано несчастливым стечением обстоятельств», а не злым умыслом.)

В силу изложенного вероятно участие в подготовке теракта профессионалов из спецслужб США, обслуживающих интересы части глобального управляющего класса (см. пример 52). Но версия о его подготовке спецслужбами США как части госаппарата (для дискредитации Буша, игры на бирже, создания повода для «чистки» соперничающих силовых структур и так далее) – лишь обычная экстраполяция интеллигенцией ее представлений о себе на мир, в данном случае США. Помимо психологических аспектов, бюрократия (даже американских спецслужб) не способна на столь тщательную и эффективную подготовку, что вполне показала бездарная подготовка войны против Ирака[355].

Для снятия противоречия – «теракты не могли быть совершены без косвенного участия спецслужб и не могли быть совершены ими» – надо рассмотреть их отношения с терроризмом.

14.3.3. Самостоятельность спецслужб как фактор развития международного терроризма

Часть террористических структур создавалась спецслужбами во время «холодной войны» для дестабилизации противника (или для сохранения контроля за союзником: подразделения «Гладио» создавались США во всех странах

355. Американцы умудрились затянуть подготовку к войне, включая, по всей вероятности, коррумпирование отдельных руководителей Ирака и его силовых структур до степени, которая дискредитировала их собственные заявления о наличии у Ирака оружия массового уничтожения, позволила окрепнуть оппозиции в Совете Безопасности ООН и набрать силу общественному антивоенному движению по всему миру.

НАТО). Они представляли собой частично законсервированные стратегические диверсионные отряды, которым для поддержания боеспособности, обеспечения финансирования и сохранения иллюзий самостоятельности, а иногда и для создания напряженности позволялось периодически проводить те или иные операции.

Прекращение блокового противостояния ускорило их естественный выход из-под контроля «материнских» спецслужб. Борьба последних с международным терроризмом малоэффективна, так как борьба против каждой группы террористов создает угрозу разоблачения создававших их спецслужб *(так, Талибан вместе с финансировавшими его героиновыми лабораториями создавался спецслужбами США и Пакистана, – так же, как «аль-Каида» до и Исламское государство*[356] *после него создавались американскими спецслужбами).*

Ситуация усугубляется «самофинансированием спецопераций»: чтобы обеспечить оперативную независимость, многие спецслужбы мира занимались бизнесом. Времена ГУЛага, занимавшегося им официально, канули в Лету, а описанные в фильме «Люди в черном» буколические порядки, при которых спецслужба получает доходы от патентов, так и не наступили.

Пандемия наркомании, захлестывающая относительно демократические страны, вероятно, связана с использованием спецслужбами наркомафии для финансирования спецопераций (хотя скандал «Иран-контрас»[357] обнажил и иные механизмы).

---

356. «Аль-Каида», Талибан и Исламское государство запрещены в России как террористические организации.

357. Сделка «Иран-контрас» – едва ли не единственный полностью доказанный пример самофинансирования спецопераций: для освобождения дипломатов спецслужбы США тайно обеспечивали продажу Ирану оружия для войны с Ираком, финансируя из прибыли антисандинистских боевиков в Никарагуа.
Эта операция, противореча всем (тогда еще действовавшим) нормам мирового права, соответствовала интересам США. Их дипломаты освобождались за счет истощения двух противников США в регионе (Ирана и Ирака), что помогало борьбе против третьего врага – революционной Никарагуа. Вероятно, поэтому скандал был погашен, а выявленные виновники получили мягкое наказание.

В США развитие наркомании стало действенным «социально-этническим стабилизатором», тормозящим прогресс конкурирующих с белыми этнических групп и «выбраковывающих» асоциальные элементы среди белых. Фактическое отсутствие наркомании в СССР свидетельствует о цивилизованности советских спецслужб. Но «кубинский скандал» 1989 года (расстрел генералов де ля Гуардия и Очоа[358]) и скандалы, связанные с контрабандой оружия, дают признаки этой практики (нацеленной на емкий рынок США и Западной Европы) и в части соцстран.

В общем случае, чем демократичней страна, тем труднее спецслужбам получать деньги на спецоперации и тем реальней угроза огласки. Это стимулирует самофинансирование спецопераций (в том числе через наркоторговлю) в демократических странах сильнее, чем в относительно авторитарных, где спецслужбы толкали к самофинансированию более слабые мотивы – бедность или жадность. Кроме того, спецслужбы бедных стран обычно оставались «филиалами» спецслужб развитых стран.

Соответственно, связь спецслужб с наркомафией должна быть в развитых (формально демократических) странах сильнее, чем в авторитарных. Используя наркомафию, спецслужбы не могут сами не попадать под ее влияние, которое распространяется через них на всю политику развитых государств.

Пример 51

Развитие наркобизнеса как побочное следствие спецопераций

Слабость внешнего и отсутствие общественного контроля, предопределяемая характером спецопераций, создает объективные предпосылки для злоупотребле-

358. Заслуживает внимания и версия, по которой генералы были расстреляны за участие в организованной КГБ попытке свержения Кастро, не принявшего перестройку (знаменательны трагические смерти армейских руководителей ряда стран Восточной Европы, расчистившие дорогу «бархатным революциям»).

ний, среди которых почетное место занимает исключительно рентабельная наркоторговля. Из всех спецслужб США лучше всего документирована наркоторговля ЦРУ, финансировавшей за ее счет спецоперации с момента своего создания.

«С 1947 по 1951 гг,
Франция

...Оружие, деньги и дезинформация ЦРУ позволили корсиканским преступным синдикатам в Марселе бороться с Коммунистической партией за контроль над профсоюзами [47]. Корсиканцы захватили политическое влияние и контроль над доками, а это идеальные условия для... долгосрочных партнерских отношений с мафией распространителей наркотиков, которая превратила Марсель в послевоенную героиновую столицу западного мира. Первые героиновые лаборатории в Марселе были открыты в 1951 году, спустя ...месяц после захвата корсиканцами набережной.

Начало 1950-х,
Юго-Восточная Азия

[Руководство] националистической китайской армии, [поддерживаемой] ЦРУ в войне против коммунистического Китая, стало опийными баронами «Золотого треугольника» (части Бирмы, Таиланда и Лаоса), – крупнейшим в мире источником опиума и героина. Авиакомпания «Эйр Америка», главным собственником которой является ЦРУ, развозила наркотики по всей Юго-Восточной Азии [56].

С 1950-х до начала 1970-х,
Индокитай

...«Эйр Америка» распространяла опиум и героин по всему региону... Для очистки героина использовалась лаборатория, построенная в штаб-квартире ЦРУ на севере Лаоса. После десятилетия американской... интервенции Юго-Восточная Азия стала источником 70% ...мирового

незаконного опия и основным поставщиком сырья для героинового бума на американском рынке[359].

1973-80 гг.,
Австралия

Nugan Hand Bank в Сиднее был банком ЦРУ… Среди его сотрудников был ряд американских генералов, адмиралов и людей ЦРУ, в том числе бывший директор ЦРУ Уильям Колби, который …являлся одним из его юристов. Имея филиалы в Саудовской Аравии, Европе, Юго-Восточной Азии, Южной Америке и США, *Nugan Hand Bank* финансировал незаконные оборот наркотиков и …оружейные сделки, отмывал деньги. В 1980 на фоне нескольких таинственных смертей банк обанкротился, оставив 50 млн.долл. долга [39].

1970-е и 1980-е,
Панама

Более десятилетия [лидер] Панамы …Норьега был… высокооплачиваемым сотрудником ЦРУ, [хотя] антинар-

359. Американский гангстер Фрэнк Лукас обеспечил массовую перевозку героина из Юго-Восточной Азии в США в мебели (его заявления о перевозке героина в солдатских гробах подняли бурю негодования, потребовавшую опровержений, которые и привели к огласке факта масштабной наркоторговли) [44].
В развитии наркоторговли играл роль и спрос армии США, порождаемый жестокостью и явной бессмысленностью войны. «Спрос среди американских солдат рождал предложение, уже в 1970 году …лаборатории «Золотого треугольника» наладили производство… героина… По оценкам медицинской службы, в 1971 от 10 до 15% военнослужащих были героиновыми наркоманами», а использовало героин около трети [222].
Командование США предоставляет военнослужащим наркотики и сейчас. «Известен случай, когда в ходе операции в Афганистане пилот американского бомбардировщика сбросил бомбы на свои позиции, убив четырех солдат из Канады. Его адвокат заявил, что виной всему – амфетамины: пилотов обязывали принимать наркотик, в ином случае к полету не допускали. В ответ командование ВВС США заявило, что решение о приеме амфетамина пилоты принимали самостоятельно.
…Американских солдат и сегодня заставляют принимать психотропные препараты. Речь идет о «Зодаке» и анальгетике «Percocet», который производится на основе опиума. Нередко военнослужащим выдают запас таблеток на 180 дней… Чаще всего психотропные препараты принимают в морской пехоте» [113].
Понятно, что «официальное» применение наркотиков ведет к «неофициальной» торговле ими.

котикотическое ведомство США еще в 1971 знало, что генерал принимал активное участие в незаконном обороте наркотиков и отмывании денег. Норьега способствовал рейсам «оружие в обмен на наркотики для контрас», обеспечивая защиту и летчиков, а также безопасное убежище представителям наркокартеля и удобные банковские услуги. Должностные лица США, включая… директора ЦРУ Уильяма Вебстера и… офицеров *DEA*[360], направляли Норьеге …благодарности за …пресечение незаконного оборота наркотиков (хотя только по отношению к конкурентам его покровителя «Медельинского картеля»)… США выступили против Норьеги, вторгнувшись в Панаму в декабре 1989 года и захватив генерала, только …когда он начал снабжать кубинцев и сандинистов разведданными и прочими услугами… Незаконный оборот наркотиков через Панаму возрос после вторжения США [17].

1980-е,
Центральная Америка

…Одержимая свержением …сандинистов в Никарагуа, администрация Рейгана мирилась с …оборотом наркотиков, пока наркоторговцы поддерживали контрас. В 1989 году Сенатский подкомитет по терроризму, наркотикам и международным операциям …завершил трехлетнее расследование, указав в докладе «Наркотики, правоохранительная деятельность и внешняя политика»: «Есть… доказательства контрабанды наркотиков …со стороны …контрас… и сторонников контрас по всему региону…. Официальные лица США …не решали эту проблему…, опасаясь поставить под угрозу военные действия против Никарагуа…. В каждом случае то или иное учреждение правительства США имело информацию… Высшие политики США не имели иммунитета к идее о том, что наркоденьги были идеальным решением для «проблем с финансированием» контрас.

В Коста-Рике, которая служила для контрас «Южным фронтом» (Гондурас был Северным…), существовало не-

360. Управление по борьбе с наркотиками – агентство в Минюсте США.

сколько… сетей ЦРУ-контрас, участвовавших в …обороте наркотиков… В 1989 году после того, как правительство Коста-Рики обвинило [оперативника ЦРУ] Халла в незаконном обороте наркотиков, нанятый *DEA* самолет тайно и незаконно вывез его в Майами через Гаити. США неоднократно срывали усилия Коста-Рики по выдаче Халла … для предания суду…

Гватемала, чьи военные разведывательные службы, тесно связанные с ЦРУ, пригрели многих торговцев наркотиками, согласно *DEA*, была еще одной станцией вдоль кокаинового шоссе.

…Бухгалтер «Медельинского картеля» в Майами Рамон Милиан Родригес свидетельствовал…, что …перевел почти 10 млн.долл. никарагуанским контрас через …оперативника ЦРУ …Родригеса, который обосновался на авиабазе *Ilopango* в Сальвадоре. Контрас обеспечивали защиту и инфраструктуру (самолеты, летчиков, взлетно-посадочные полосы, склады, подставных компании и банки) этим связанным с ЦРУ наркосетям. По меньшей мере четыре транспортные компании из находящихся под следствием за торговлю наркотиками получали контракты от правительства США на перевозки …для контрас… Груженые кокаином самолеты вылетали во Флориду, Техас, Луизиану и другие места, в том числе на несколько военных баз… Эти поставки не подлежали досмотру…

Начало 1980-х – начало 1990-х,
Афганистан

Поддерживаемые ЦРУ моджахеды активно участвовали в незаконном обороте наркотиков, пока вели боевые действия против… правительства и его планов по реформированию… Основным клиентом ЦРУ был Гульбеддин Хекматияр, …ведущий производитель очищенного героина. Поставляемые ЦРУ грузовики и автопоезда, которые везли оружие в Афганистан, обычно использовались для перевозки опиума в афганские лаборатории вдоль пакистанской границы. Это производство обеспечивало **половину героина от всего количества, используе-**

мого ежегодно в США, и три четверти от западноевропейского [выделено М.Д.]. Официальные лица США в 1990 году признавали, что им не удалось провести расследование и принять меры против наркобаронов ввиду нежелания обидеть своих пакистанских и афганских союзников. В 1993 году сотрудник *DEA* назвал Афганистан новой Колумбией в мире наркотиков.

Середина 1980-х – начало 1990-х,
Гаити

Удерживая у власти ...гаитянских ...лидеров, ЦРУ закрывало глаза на [их] незаконную торговлю наркотиками... В 1986 Агентство добавило еще несколько имен к этим структурам за счет создания новой гаитянской организации – Национальной разведывательной службы (*SIN*). *SIN* была создана якобы для борьбы с торговлей кокаином, хотя офицеры *SIN* сами занимаются этой торговлей...» [261].

XXI век,
Афганистан

Война СССР в Афганистане, усугубленная антиалкогольной кампанией, способствовала формированию советской наркомафии, – но гуманистическая коммунистическая идеология ограничивала ее.

Резким контрастом стал бум производства наркотиков в «освобожденном» от талибов Афганистане. В 2001 году талибы (взявшие Кабул в 1996) более чем в 10 раз по сравнению с 2000 сократили посевы (с 82 до 8 тыс.га); производство рухнуло в 17,7 раза – с 3,3 тыс. до 185 тонн. Причины варьируются от улучшения международного имиджа до поддержания высоких цен или лишения дехкан возможности зарабатывать самим (и быть поэтому независимыми от талибов), – но факт налицо.

После покупки американцами поддержки племенных вождей (по оценкам, только на первом этапе было выделено 70 млн.долл. наличными, хотя неясно, какая их часть дошла до афганцев), позволившей им говорить

о победе над талибами и построении демократии, производство наркотиков в Афганистане, по данным ООН, увеличилось с 2,2-4,6 тыс.т. в год в 1994-2000 (в среднем 3,0 тыс.т/год) до 3,3-9,0 тыс.т. в 2002-2017 (в среднем 5,0 тыс.т/год – рост на 2/3). Соответственно вырос наркотрафик в Россию, Европу, Иран и Китай.

Первоначально формой подкупа для обеспечения лояльности афганцев стало предельно толерантное отношение к производству наркотиков. В середине «нулевых» президент Буш прямо запретил военным препятствовать выращиванию опиумного мака афганцами.

Президент Карзай называл «международные силы» ответственными за увеличение посевов опийного мака (среднегодовые посевы выросли в 2,4 раза – с 68,1 тыс.га в 1994-2000 до 161,3 тыс. в 2002-2017 годах).

В 2017 году международные силы и НАТО отрапортовали об уничтожении крупнейших центров по производству наркотиков. По отчету Генеральной инспекции США по восстановлению Афганистана (SIGAR), затраты США на борьбу с наркоторговлей в 2017 составили минимум 8,5 млрд.долл., – но производство опия-сырца выросло в 1,9 раза – до 9 тыс. метрических тонн (а посевы – до 320 тыс.га). Урожайность опия-сырца вырос за год на 15% (с 23,8 до 27,32 ц/га), хотя в целом в 2002-2017 годах среднегодовая урожайность снизилась по сравнению с 1994-2000 почти на 30% (вероятно, из-за расширения посевов на худшие земли).

Наркотики составляют от 40 до 60% финансирования войны в Афганистане. Наибольшую выгоду извлекают запрещенные в РФ «Талибан» и ИГ, контролирующие половину Афганистана. Годовой доход наркопроизводителей Афганистана – 1,4 млрд.долл. (цена наркотиков на мировых рынках в десятки раз больше, основная прибыль достается международной мафии). Афганистан обеспечивает 80% мировых поставок героина, более 11% населения наркозависимо (4 из 35 млн.чел.).

Классический пример влияния наркобизнеса на политику развитых стран – последовательная поддержка

НАТО боевиков наркомафии в Косово[361], игнорировавшая международное право и завершившаяся жуткими этническими чистками, отрывом Косово от Югославии и превращением его в европейский «рай для наркомафии», охраняемый НАТО.

Едва ли не единственный пример успешной борьбы с наркомафией дала Боливия: площади выращивания коки в этом третьем в мире производителе упали в 2010-2015 годах на 30% (а по спутниковым данным – и вовсе в полтора раза, с 30 до 20 тыс.га), достигнув минимума за 12 лет, а незаконный оборот наркотиков снизился до незначительного для Боливии уровня – менее 1% ВВП. Президент Моралес подчеркивал, что успех наступил лишь после изгнания из страны *DEA* в 2008 году (по обвинению в заговоре и шпионаже). Это обнажает глобальную роль США и их спецслужб как стимулятора и, вероятно, организатора наркоторговли.

И поддержка наркопартизан в Косово, и развитие наркобизнеса в Афганистане ударили прежде всего по стратегическому противнику США – Европе. Возможно, здесь кроется причина исключительно спокойного отношения руководства США к этим проблемам.

Наиболее опасен в самофинансировании спецопераций частичный выход спецслужб из-под контроля. *Это видно на примере Пакистана, где, как отмечала Беназир Бхутто, даже захвативший власть в ходе военного переворота Мушарраф так и не смог взять под контроль спецслужбы, «создавшие» вместе с американцами Усаму бен Ладена.*

Выход элементов спецслужб из-под контроля делает их самостоятельными субъектами не только внутренней, но, в условиях глобализации, и мировой политики. В этом отношении терракт 11 сентября 2001 года действительно знаменует новый этап развития человечества *(хотя самостоя-*

361. Поставивших «на конвейер» расчленение военнопленных сербов и представителей мирного сербского населения на органы для развитых стран Европы [252], эффективно поддержавших эту практику, вероятно, в том числе и в силу ее очевидной медицинской выгодности.

тельность элементов спецслужб проявлялась и раньше, например, в отсутствие реакции ФБР на данные о подготовке убийства Дж.Ф.Кеннеди[362]).

Оторванность от объективных общественных интересов и закрытость делают освободившиеся от гражданского контроля элементы спецслужб непредсказуемыми, а пренебрежение к гуманитарным ценностям, наличие слабо ограниченных ресурсов и умение манипулировать мнением элит и обществ, не говоря уже о своем начальстве, – смертельно опасными.

Теракт 11 сентября, вероятно, проводился с как минимум косвенным участием таких самостоятельных элементов спецслужб, и энергичная реакция развитых стран на него была призвана в том числе и скрыть этот неприглядный факт.

Раскрытие мотиваций затруднено недостатком информации и сложностью анализа «на стыке» психиатрии, геополитики и экономики, но его следствия, в целом благоприятные для США и Израиля, – признак точности и адекватности организаторов.

Пример 52

Заговор-2001: общие контуры

Ключ к пониманию теракта 11 сентября дает совпадение технологий двух покушений, произошедших в его преддверии: удачного – на Ахмад-шаха Масуда, лидера противостоявшего талибам при поддержке России Северного альянса, и неудачного – на президента США Буша. О последнем известно (хотя данные не поддаются проверке) из воспоминаний ветеранов спецслужб США в местной прессе.

362. «Его смерть стала переломным событием второй половины XX века. В сфере денежной политики …была поставлена точка в борьбе за существование в США денежной системы, альтернативной …ФРС. Другим важным следствием… стало формирование узкой государственно-частной корпоративной группы путем слияния высших политических кругов …с высшим руководством банковского сектора (через систему «вращающихся дверей»). Новая кадровая политика призвана была пресечь… возможность… появления… новых линкольнов и кеннеди» [330].

Накануне теракта на внутренней линии контроля техасского ранчо Буша, где тот находился, появилась съемочная группа телевидения одной из арабских стран. По правилам находившийся на посту сержант должен был пропустить их к президенту (раз они были пропущены за периметр ранчо, они имели на это право), однако в силу личной неприязни к арабам, приобретенной во время «Бури в пустыне», он начал требовать их разрешения и собрался их проверить.

Мнимые журналисты расстреляли его (оружие было встроено в телекамеры) и бежали. Следов их найти не удалось: они загадочным образом были как пропущены, так и выпущены с ранчо, причем этот эпизод не расследовался (как не расследовались многочисленные противоречия событий 11 сентября официальной версии), что свидетельствует о высочайшем уровне их поддержки в спецслужбах.

Ахмад-шах Масуд был убит аналогичной группой «журналистов» во время интервью, и Афганистан перешел под контроль талибов идеально вовремя для развертывания агрессии США.

Вероятно, заговор опирался на набиравших тогда силу (после безнаказанного уничтожения Югославии) «неоконов» и предполагал приведение к власти их лидера – вице-президента Дика Чейни. Спасение Буша изменило лишь то, что курс «неоконов» стал проводиться через него, а не непосредственно Чейни (см. параграф 14.3.4).

Самое трагичное в терроре – объективная неустранимость порождающих его факторов, включая частичный выход спецслужб из-под гражданского контроля. Его полноту исключает сама природа спецслужб, сама специфика их общественно необходимых функций.

Как бы ни стыдились этого правоведы и демократы, особенность специальных служб, за которую они, собственно говоря, и получили свое наименование, заключается в неявном делегировании им обществом права нарушать при необходимости его законы.

Необходимость этого связана с инерционностью, а возможно – и имманентной недостаточностью демократических процедур, из-за чего общество может оказаться не в состоянии (и уж точно – не в состоянии вовремя) отреагировать изменением законов на внезапно появившуюся новую опасность. Спецслужбы призваны восполнять неизбежную инерционность управленческого (и в особенности наиболее медленного – демократического) механизма, в том числе, при необходимости, – и путем его прямого отрицания.

Так, они неизбежно реализуют не поддающиеся огласке интересов методами, также не допускающими огласки вследствие своей аморальности (эти интересы в силу несовершенства общественных механизмов могут быть как национальными, так и частными, включая интересы корпораций и частные интересы должностных лиц).

Трагедия спецслужб (и всех, связанных с ними) – в том, что при неизбежных нехватке времени, ограниченности информации и несоответствии алгоритмов принятия решений (в том числе и спецслужбами) новым ситуациям определение критериев необходимости нарушения норм и даже законов оказывается в их компетенции.

Это порождает их стремление расширительно толковать свои полномочия и рассматривать любую кризисную (и некризисную) ситуацию как «чрезвычайную», требующую игнорирования закона.

Именно поэтому история эффективных[363] спецслужб – череда превышения полномочий, необоснованного нарушения гражданских прав (в первую очередь их сотрудников), скандалов и трагедий.

<u>«Парадокс спецслужб»</u> заключается в их частичной исключенности из гражданского контроля, ибо их основная функция состоит в восполнении его объективной недостаточности, в том числе прямым нарушением закона, не успевающим меняться вслед за изменением угроз обществу и его потребностей.

363. А неэффективных – тем более.

Пример 53

Самостоятельность советских спецслужб: возможная причина афганской войны и распада Советского Союза

Распространенные представления о спецслужбах позднего СССР как полностью находившихся под гражданским контролем и оттого утративших эффективность представляются результатом успешной попытки выдать желаемое за действительное.

Так, ряд знающих людей называли одной из причин афганской войны соперничество представителей ГРУ и КГБ за исключительно значимый с точки зрения советской «теневой экономики» канал поставок контрабанды из Пакистана в Афганистан и далее в Среднюю Азию.

В 70-е речь шла не о наркотиках, а о бытовой электронике: она давала сопоставимую доходность. Канал был создан для поставок компьютерной техники в обход санкций Запада (физики вспоминали о стремительном, за месяц после составления заявки, получении большого числа необходимых им высокопроизводительных компьютеров «через Пакистан»), но быстро стал использоваться и для извлечения частной прибыли.

За приходом к власти в сентябре 1979 года премьера и Министра обороны Амина (группа «Хальк») стояли профессионально близкие (и, как положено, контролировавшие его) представители ГРУ, за Кармалем («Парчам») – представители КГБ, которые обеспечили свержение Амина.

Разумеется, в борьбе за контрабандный транзит участвовали не спецслужбы как целое, а лишь неформальные кланы в их составе. Поэтому ГРУ, представители которого обеспечивали охрану Амина (и, вероятно, вошедшее в историю «неожиданно ожесточенное сопротивление его охраны»), одновременно играло, как ему и полагалось, главную роль в вводе советских войск в Афганистан.

Конечно, даже при верности этой гипотезы борьба представителей ГРУ и КГБ за канал контрабанды явно

была не главной причиной войны. Президент США Картер подписал директиву о финансировании антиправительственных сил в Афганистане еще 3 июля 1979 года [22], понимая, что она делает неизбежным советское вмешательство, а его тогдашний советник по нацбезопасности Бжезинский 19 лет спустя констатировал *Le Nouvel Observateur*: «Мы не толкали русских вмешиваться, но мы намеренно увеличили вероятность того, что они это сделают».

Однако руководители Советского Союза, принимавшие решение о вводе войск в Афганистан (Брежнев, Андропов, Громыко и Устинов), в том числе руководители КГБ и Минобороны, явно не имели представления о мотивах собственных спецслужб в развитии афганского конфликта.

А затем на «афганском транзите» выросла советская наркомафия, после краха СССР получившая огромное политическое влияние.

Другой пример пагубной самостоятельности спецслужб – сам распад Советского Союза. Похоже, важным элементом задуманной Андроповым операции «Звезда» по рыночному преобразованию страны [169] (М.Любимов, – вероятно, в целях конспирации – описал ее в художественной форме под названием «Голгофа» [201, 202]) был переход власти от прогнившего к тому времени и дискредитировавшего себя ЦК КПСС к относительно не коррумпированному (что признавал даже Сахаров] и адекватно понимающему ситуацию в стране и мире КГБ.

Насколько можно судить сейчас, организация глубокого комплексного кризиса советского общества при помощи поощрения национального сепаратизма должен был дискредитировать партию беспомощностью ЦК КПСС и привести к переходу власти к спасающему страну КГБ.

По воспоминаниям, почти все лидеры национал-демократических движений, поднявшихся в СССР в конце 80-х, были сексотами КГБ, действовали по приказам его руководства и опирались на его мощь. Некоторые сексоты (включая как минимум одного руководителя «независимо-

го государства», затем принятого в ЕС и тем более НАТО) понимали смысл происходящего и буквально валялись в ногах кураторов, умоляя не подводить их под расстрельную статью, – но тщетно.

Однако после смерти Андропова смысл этих действий был утрачен, и в условиях активности окрепшей национальной бюрократии[364], развития рыночных отношений (включая легализацию теневой экономики и обретение оргпреступностью политического значения), краха потребительского рынка (по оценкам, в ноябре 1987 года) и активного вмешательства западных спецслужб в политическую жизнь инспирированные КГБ национал-демократические движения стали ключевым фактором распада СССР, а подготовленные им «молодые реформаторы» – кадровой основой либерального клана, неутолимо уничтожающего Россию до сих пор.

Другими элементами операции «Звезда» представляются:

- подготовка «команды молодых реформаторов» в Международном институте прикладного системного анализа в Лаксенбурге под Веной (после смерти Андропова перешедшая под контроль США);
- превращение советских министерств в глобальные корпорации, эффективно действующие на мировых рынках и манипулирующие ими (частично – кроме манипулирования рынками – реализовано в отношении «Газпрома»; создание таких корпо-

364. Первые массовые беспорядки на национальной почве в СССР произошли в середине декабря 1986 года в Алма-Ате. Причиной стала замена руководителя республики – первого секретаря ЦК Компартии Казахстана казаха Кунаева русским Колбиным, а не казахом Назарбаевым, тогда председателем Совета Министров Казахстана (Назарбаев все же занял место Колбина – в июне 1989 года). Массовые беспорядки, включавшие попытку штурма здания ЦК компартии, продолжались три дня. Погибло по различным оценкам от 3 до 150 чел (включая зарезанного в троллейбусе 16-летнего русского юношу), около 1700 чел. было тяжело ранено, но осудили лишь 99 чел..
Блокирование бензовозами в аэропорту самолетов, которыми на второй день беспорядков в Алма-Ату были переброшены подкрепления силам правопорядка, свидетельствует о поддержке протестующих казахстанскими властями. Сейчас представляется наиболее вероятным участие в организации этих беспорядков Назарбаева.

рации в рамках ВПК сорвано «делом кооператива АНТ» в январе 1990 года);

- административное переустройство Советского Союза с переходом от национальных республик и иных образований к 40-50 «штатам» со схожим экономическим потенциалом (было разработано академиком Арбатовым, по его воспоминания, по указанию Андропова, но по политическим причинам никогда не обсуждалось в практическом плане).

Возможно, предусматривались и иные направления действий.

Этот пример иллюстрирует общее правило **невозможности реализации стратегии спецоперациями**: стратегические действия по своей природе долгосрочны и обычно переживают своих организаторов, что в условиях неизбежной для спецопераций секретности ведет к утрате понимания их смысла, перехвату управления ими и глубокому искажению как их смысла, так и преследуемой ими цели.

Для успешной реализации стратегии необходимо формирование, по Фурсову, «субъекта стратегического действия» (см. параграф 5.5.1). Отличия спецоперации от его деятельности (даже при полной секретности):

- спецоперация предусматривает крайнюю узость (а значит, уязвимость) круга сознающих ее смысл организаторов при ее непонимании исполнителями (которые поэтому могут следовать своим интересам, начиная с простой человеческой лени), а члены субъекта стратегических действий сверху донизу объединены сознанием общих интересов: «каждый солдат понимает свой маневр», пусть даже и блюдет его тайну;
- спецоперацию осуществляет спецслужба – бюрократическая структура, власть членов которой может быть аннулирована решением вышестоящих; субъект же стратегического действия сам обладает ресурсами власти и включает в себя элементы бюрократических структур, подчиняя их себе, но не подчиняясь им сам;

- поэтому спецоперация по своей природе краткосрочна, разова и локальна (при тиражировании и перерождении в стратегию она обретает свою логику и инерцию и может выйти из-под контроля – см. пример 20), в то время как деятельность субъекта стратегического действия долгосрочна, постоянна и комплексна; поэтому он может проигрывать спецслужбам отдельные столкновения, но обычно выигрывает длительные систематические противостояния.

В силу своего парадоксального положения в системе госуправления спецслужбы создают угрозу прямого или косвенного стимулирования терроризма. Так, обнаружив, что опасность обществу может быть устранена только террористическими мерами или с привлечением террористических организаций, ответственный сотрудник спецслужб обязан совершить действия, объективно способствующие развитию терроризма.

Но это еще полбеды.

Самое неприятное – то, что управление информатизированным обществом во многом основано на формировании сознания широким спектром мер – от статей до терактов, направляющих мысли и эмоции в нужное русло. И теракт из-за силы влияния на эмоциональное состояние может оказаться «минимально необходимым воздействием» для достижения общественно необходимой цели[365].

Применение для формирования сознания столь опасных для не только личной, но и общественной психики мер, как теракты, возможно только в чрезвычайных обстоятельствах.

365. Автор сознательно сосредотачивает внимание на наиболее трагической ситуации объективной необходимости совершенно непростительных мер, при которой объективная потребность общественного развития вступает в прямое противоречие с моральными ценностями практически любого общества.
Осуществление террора в аморальных целях (реализации групповых или вообще личных интересов) не рассматривается в силу своей тривиальности.

Но, как было показано в главе 4, управляющие системы проявляют все меньше адекватности при столкновении с ускорением изменений, с одной стороны, и широкомасштабным и разнонаправленным формированием общественного сознания, с другой. Поэтому число их серьезных ошибок как минимум остается высоким (если не стремительно растет), – и, соответственно, высоким остается число «запущенных» проблем, требующих экстраординарных мер.

Гипотеза о терактах как средства формирования общественного мнения в силу отсутствия общепризнанной информации недоказуема. Но ключевое содержательное возражение против нее, заключающееся в априорной несовместимости представителей спецслужб и политтехнологов, несостоятельно.

Различия между ними очевидны, прежде всего, в образе действия (первые склонны к закрытости, вторые – к открытости) и вытекающего из этого несовпадения систем ценностей. Но их масштаб и значимость обычно преувеличиваются. Эффективные спецслужбы и политтехнологи выступают (и должны выступать) единым фронтом, действуя по единому плану, дополняя и страхуя друг друга. Ведение «информационный войн», обеспечивающих «глубокое комплексное воздействие на чувства отдельного человека или управляющей системы для подчинения их поведения программируемым эмоциям», не по силам только спецслужбам или только политтехнологам.

Поэтому, вероятно, теракты не только применялись и применяются, но и будут применяться для управления, в том числе внутри обществ, к которым принадлежат террористы.

Такое управление, как ни кощунственно, может быть эффективным, хотя в силу характера побочных эффектов и не постоянным путем решения отдельных проблем. Для иллюстрации этого тезиса рассмотрим влияние теракта 11 сентября 2001 года на решение основных стратегических проблем США.

14.3.4. 11 сентября 2001 года: глобальный рубеж

Теракт ввергнул американское общество в глубочайший шок [256]. Истерические реакции эмигрантов на Интернет-форумах и доходящая до призывов к геноциду по религиозному признаку риторика либеральной интеллигенции РФ способны дать о его глубине лишь приблизительное представление. Многочисленные наблюдатели в один голос отмечали, что в глазах национальных гвардейцев, дежуривших в оцеплении вокруг руин Всемирного торгового центра (ВТЦ), застыло выражение остервенелого отчаяния.

Потрясение усилило то, что в ВТЦ (и в также уничтоженном аналитическом центре Пентагона) работала элита «новой экономики».

Но главная причина шока – исключительное значение, которое американцы придают не только своему доминированию в мире, но и своей безопасности (как личной, так и коллективной). *Так, мировоззренческий смысл программы ПРО заключался в отгораживании «крепости Америка» от ширящейся вне ее нестабильности – пусть даже и вызванной ее собственными действиями.*

Наглядная угроза безопасности мобилизовала США на решение их основных стратегических проблем: экономической, этнической, технологической, гео- и внутриполитической.

Экономическая проблема заключалась в дезорганизации американской экономики из-за собственного структурного кризиса и удара со стороны неразвитых стран в рамках общего кризиса глобализации – см. параграф 16.3 (последнее не признается до сих пор, так как подрывает представления о величии и неуязвимости Америки). Теракт 11 сентября дал оправдание падению котировок американского фондового рынка, позволив США «сохранить лицо». Одно дело – пасть жертвой вызванного внутренними причинами структурного кризиса, связанного с вытеснением предприятий реального

сектора более эффективными предприятиями, использующими информационные технологии (см. параграф 15.2.1), и совершенно другое – жертвой жестокого нападения. Теракт заставил руководство США активизировать разнообразные и в целом эффективные программы стимулирования экономики, которые ранее оно игнорировало.

Государственные расходы США в 2001-2003 годах стали максимальными после Второй мировой войны; в 2003 году они превысили уровень 2001 на 16% (большую роль сыграл рост военных расходов из-за интервенций в Афганистан и Ирак).

Смертельно напугав угрозой мести США арабских игроков мирового рынка нефти, теракт способствовал ее резкому, хотя и временному удешевлению (практически вдвое – с 30 до 17 долл. за баррель), «дав вздохнуть» американской экономике.

Но главное – он дал США повод качественно углубить применяющуюся ими для привлечения капитала стратегию «экспорта нестабильности» (не случайно доля иностранных вложений в госдолг США выросла с 17% в 2000 до 34,4% в 2014 году[366]). Бесконечная война с терроризмом, о которой говорил Буш, планировалась далеко от США – в Евразии. Нанося удар по мишеням, произвольно превращенным в очередной символ «мирового зла», – Афганистану и Ираку, – США объективно провоцировали ответ, который не мог быть слишком сложным, не мог наноситься на большое расстояние и должен был дестабилизировать лишь соседей «исламской дуги напряженности».

Таким образом, **с экономической точки зрения «американская месть» стала продолжением политики дестабилизации конкурентов при помощи одновременного укрепления и раздражения «исламского фактора»**.

366. Затем доля иностранцев в госдолге начала снижаться – до 28,6% в октябре 2018 года (6,2 из 21,7 трлн.долл.); поскольку это произошло по завершении «количественного смягчения», вероятная причина – не вложения ФРС, а рост коммерческой привлекательности (в том числе с учетом воздействия «экспорта хаоса»).

В 1999 году она сокрушила Европу; теперь дестабилизация расширились на Азию, чтобы сменить бегство капиталов из США удесятеренным бегством капиталов уже на к ним. *(Умелая дестабилизация натовцами Македонии во время сентябрьского кризиса 2001 года привела к бегству капитала из США в основном в страны вне еврозоны. При этом в Швейцарии, которая, в отличие от другой «гавани» – Англии, – не является ближайшим союзником США, произошел демонстративный расстрел одного из региональных парламентов сумасшедшим террористом).*

За счет шоковой мобилизации и сплочения была смягчена острота **этноцивилизационного разделения общества**.

Внутриполитическая проблема заключалась в недостаточной легитимности Буша, вызванной как минимальным перевесом и неубедительным подсчетом голосов на выборах, так и архаичностью самой процедуры выборов при помощи коллегии выборщиков.

Именно теракт заставил Гора, за несколько месяцев до того отозвавшего поздравления с победой, публично присягнуть Бушу и надолго исключил возможность открытой оппозиции.

Патриотический акт резко ограничил американскую демократию, непредставимо расширив права спецслужб и поставив под их законный контроль всю деятельность не только американцев (в том числе и за пределами США), но и всех, кто соприкасается с ними.

Управленческая проблема выразилась в непоследовательности ряда назначений (из-за недостаточной легитимности президентской команды). В результате руководители ряда ключевых ведомств оказались плохо совместимы друг с другом. Критическая ситуация провела форсированный «естественный отбор» управленцев.

Кроме того, теракты и их освещение доказали: при должной эффективности и интенсивности информационного потока его содержание будет восприниматься даже при полном противоречии здравому смыслу. Целый ряд очевидных несообразностей официальной версии навсегда остался на пе-

риферии не только американского общественного, но и глобального сознания. Таким образом, американское и глобальное управление убедились в возможности игнорировать не только любые логические и содержательные соображения, но и саму реальность, очевидную для аудитории, глуша ее сознание информационным шумом и эмоциями. **«Постправда»**, замеченная лишь в 2010 году, **родилась в руинах ВТЦ**.

Технологическая проблема заключалась в том, что крах в апреле 2000 года рынков акций высокотехнологичных компаний разрушил сложившуюся модель стимулирования технологического прогресса. Единственной возможной альтернативой стало госфинансирование, символом которого стала программа ПРО. Она имела в первую очередь не военное, но экономическое значение, так как в тактическом плане была ключевым элементом заимствованного у Рейгана «военного кейнсианства», стимулирующим экономику наращиванием внутреннего спроса за счет военных расходов. В стратегическом плане программа ПРО поддерживала технологическое лидерство и, соответственно, экономическое доминирование.

Широкий международный протест и отсутствие единодушной внутренней поддержки тормозили программу ПРО, но вызванное терактом общее помешательство на безопасности позволило мгновенно сломать скепсис в отношении к ПРО и объявить о ее начале. При этом США разорвали договор о ПРО, который 30 лет был основой стратегической безопасности всего мира, но руководство России продолжило курс Горбачева на отказ от стратегических интересов (что вызвало закрытие военных баз вне бывшего СССР и привело НАТО в Среднюю Азию). Сопротивление американским «оборонным» (а на деле сверхагрессивным) инициативам оказалось невозможным, так как трактовалось бы как пособничество террористам.

Таким образом, вместе с башнями ВТЦ и частью Пентагона террористами были сметены помехи развертыванию ПРО.

Была решена и **геополитическая проблема** США, лишившихся с распадом СССР оправдания мирового доминирования.

На этом фоне решение стратегических проблем **Израиля** выглядело новогодним подарком. Безысходный конфликт с палестинцами, подогреваемый эгоизмом различных групп влияния в США и сильным в Изоаиле комплексом вины перед арабами, дрейф настроений мирового сообщества в пользу арабов (с осуждением применения силы Израилем) углубили раскол в мировом сионистском движении, опасно усилив стремление перестать тратить на поддержку Израиля средства американской общины. Это создало угрозу; на время до прихода Обамы его спасла война США с исламским терроризмом, ассоциирующимся и с палестинскими боевиками.

14.3.5. Утопия антитеррористического интернационала

Таким образом, террор – не только неизбежный элемент современного этапа развития человечества, но и, как это ни чудовищно звучит, один из механизмов саморегулирования его развития.

Естественно, это не отрицает того, что террор является злом, против которого надо бороться. Даже если пока его нельзя искоренить полностью, его можно ограничить, подготовившись к тому времени, когда прогресс человечества позволит избавиться от него.

Один из инструментов борьбы с международным терроризмом (помимо внедрения медиастандартов, исключающих все, что может вызвать симпатии к нему[367]) – сотрудничество правоохранительных органов и спецслужб. Его ключевой и обычно игнорируемый аспект – необходимость пере-

367. Эти стандарты разработаны на Западе тщательно и разумно. Так, при передаче заявлений террористов, которое иногда вынужденно, текст их заявления всегда должен озвучивать диктор. Это мешает зрителям установить эмоциональный контакт с террористами, являющийся естественным следствием живой человеческой речи.

носа центра тяжести со спецслужб на правоохранительные (в первую очередь полицейские) органы.

Причина проста: многие эффективные спецслужбы когда-то поддерживали отношения с террористами (или подозревались в этом), что ограничивает их возможности. Полиции же, как правило, не сотрудничали с террористами и считают их только врагами.

Перспектива эффективного международного ограничения терроризма видится в совмещении усилий Интерпола (при котором, возможно, придется создать специализированное бюро), национальных полиций и здоровых общественных и политических сил. Роль спецслужб должна заключатся в первую очередь в предоставлении полиции и Интерполу всей полноты информации.

Но объективное противоречие интересов спецслужб и правоохранителей, равно как и государств (и тем более надгосударственных структур), использующих терроризм как инструмент конкуренции, данная реформа не только не отменит, но даже и не ослабит.

Глава 15. СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

15.1. Разделение труда: объективный предел капитализму и технологическому прогрессу

Сегодня рыночные отношения блокируют технологический прогресс не только своей бесконтрольной всеобщностью, но и, что представляется более важным, истощением своих возможностей [139]. Капитализм, существующий за счет постоянного расширения рынков и исключительно в ходе этого процесса, с уничтожением Советского Союза создал наконец глобальный, то есть всеобъемлющий рынок и уперся в его принципиальную ограниченность (см. параграф 9.1): все возможности расширения и углубления этого рынка, все потенциальные источники нового спроса близки к исчерпанию (см. параграфы 9.2.1, 13.5.3).

Эта ограниченность прямо сейчас, на наших глазах и с нашим участием кладет конец традиционному технологическому прогрессу, основанному на усложнении и удорожании технологий в интересах крупнейших монополий (открытие новых технологических принципов практически прекратилось[368], что стало еще одним фактором глубочайшего кризи-

368. Когда автор впервые отметил это в конце 90-х [154], его буквально распяли адепты безграничного технологического прогресса. Однако в конце «нулевых» об этом же громко заявил гуру венчурного инвестирования – «крестный отец» *Facebook* (и многих других выдающихся новаций) Питер Тиль. Занимаясь коммерционализацией идей, основанных на использовании новых технологических принципов, он внезапно столкнулся с их дефицитом, вызванным фактическим прекращением создания этих принципов по завершении холодной войны. Его сразу объявили «потерявшим нюх» и «утратившим деловую хватку», – но со временем эти обвинения сошли на нет, ибо реальность стала очевидной даже для недавних технологических кликуш.

са традиционной науки; продолжается лишь коммерционализация старых открытий). Такой прогресс невозможен без постоянного расширения рынка, создающего пространство для все большего углубления разделения труда, то есть постоянного появления все новых видов человеческой деятельности (при чем не только, при всей ее понятной и определяющей важности, коммерческой, но и вполне альтруистической). Утратив возможность расширения рынков, капитализм лишился возможности обеспечивающего рост доходов технологического прогресса и повис в воздухе (о чем много пишет и говорит, в частности, М.Л. Хазин [324]).

Эта исчерпанность старой модели развития открывает будущее дешевым, простым и сверхпроизводительным «закрывающим» технологиям (см. параграф 15.4.2), основанным не на усложнении и, соответственно, повышении издержек, а, напротив, на упрощении конкретных технологических решений за счет межотраслевого синтеза. Однако такие технологии (и такой подход в целом) в принципе несовместимы с доминированием монополий, так как снижают издержки, на увеличении которых в первую очередь зарабатывают монополии (с какой бы яростью ни отрицали этот самоочевидный факт нанятые ими профессиональные бизнес-оптимисты).

Поэтому закрывающие технологии смогут найти широкое применение и преобразовать мир лишь благодаря краху монополий (как минимум нынешних глобальных), то есть как минимум после распада глобальных рынков на макрорегионы, а в идеале – после преодоления рыночных отношений и преобразования, переработки их в нечто большее, чем инструмент превращения заведомо уникальной человеческой жизни в погоню за заведомо стандартными прибылью и потреблением. Возможно, именно их распространение станет фундаментальным источником такого преобразования.

Характерно, что в 2012 году этот успешнейший инвестор в стартапы на их ранней стадии создал фонд инвестиций в них именно на поздней стадии (*Mithril*): это явилось наглядным проявлением сокращения числа принципиально новых и при этом жизнеспособных идей, из-за доработка проектов оказалась привлекательнее их создания.

Интересно, что закрывающие технологии как результат масштабного синтеза разнородных знаний представляют собой шаг к универсализации как знаний, так и самой деятельности человека (являющейся сначала их источником, а затем порождением). В этом отношении они представляются ощутимым продвижением к классическому коммунизму, при котором, как предполагается, благополучие человечества будут обеспечивать вечные самоподдерживающиеся и саморазвивающиеся машины, предвестием которых видятся некоторые продукты современных информационных технологий [313] (о других его признаках см. главу 8), а деятельность большинства людей будет носить более однородный и в целом гуманитарный характер, чем сейчас. Соответственно, разделение труда в его современном понимании исчезнет, так как будет перенесено на специализированных роботов (в том числе функционирующих в сетевом и в целом в информационном пространстве).

Пока же рыночные отношения, порожденная им форма организации общества на основе саморазвития капитала и свойственный им механизм обеспечения технологического прогресса выработали свой ресурс и исчерпали возможность своего развития без кардинальной, сущностной смены модели функционирования, принципиально меняющей саму их природу.

Подобные преобразования (правда, значительно меньшие по масштабам и глубине) наблюдались в истории многократно. Приведение производственных отношений в соответствие развившимся производительным силам осуществляется обычно стихийными усилиями обладающего властью класса (или социальной группы), вынужденного бороться за сохранение своей власти (то есть в социальном смысле за самосохранение в качестве властного субъекта) и ради этого кардинально и часто насильственно меняющего как правила функционирования общества, так и его структуру, приводя их в соответствие объективным требованиям производительных сил.

При этом грандиозные социальные преобразования осуществляются обычно в результате решения локальных по-

литических задач и осознаются как нечто целостное уже «задним числом», с существенным опозданием, а то и вовсе последующими поколениями. *Классическим примером периода до начала скачкообразного технического, а с ним и социального прогресса эпохи первой НТР служит «революция менеджеров», проявившаяся в ходе деятельности окружения Сесила Родса в конце XIX века, создателей ФРС и российских большевиков в начале XX века, художественно и политически выраженная Уэллсом [68, 69], но теоретически осмысленная лишь Рицци и Бернхемом в 1939-1941 годах [10, 55], а ставшая достоянием широкой общественности и вовсе лишь в 60-е годы [20].*

Разумеется, задача приведения производственных отношений в соответствие развившимся производительным силам может быть по тем или иным причинам и не решена управляющей системой в необходимые сроки; в этом случае происходит крах общества (или иной рассматриваемой структуры, например, корпорации) и существенная деградация (обычно под внешним воздействием) его вынужденных заново переформировываться элементов.

Принципиально важно, что информационные технологии, ускоряя развитие и делая несоответствие производственных отношений производительным силам постоянной, нормальной ситуацией, тем самым качественно повышают риск их фатального отставания и, соответственно, саморазрушения системы в силу чрезмерности несоответствия. *Не менее важно, что в условиях деградации общества разрыв между производственными отношениями и производительными силами может быть вызван отставанием первых от вторых не только в позитивном, но и в негативном смысле: возникать в результате отставания производственных отношений не только от развивающихся, но и деградирующих производительных сил. Таким образом, общественные и (как минимум) корпоративные катастрофы могут порождаться не только отсталостью производственных отношений и, в частности, социальных (и, более глубоко, управленческих) структур, но и их чрезмерной развитостью (в плане как гуманизма и*

культурности, так и управленческой изощренности), из-за которой они также могут перестать соответствовать потребностям деградировавших и примитивизировавшихся производительных сил.

15.2. Загнивание глобальных монополий

15.2.1. Суть дела: информационно-финансовое перепроизводство

Но главная, фундаментальная причина кризиса развитых экономик, общая для всех стран и отраслей при всем их многообразии, – резкий рост эффективности, вызванный переходом крупнейшей экономики мира – США, а затем и ряда других на постиндустриальную, информационную модель.

Этот рост эффективности привел к **классическому «кризису перепроизводства» информационных услуг**, понимаемых в широком смысле слова, – не только коммуникаций и исследований, но и создания и поддержания нужных ожиданий и, более того, нужного образа мыслей и типа сознания. В этом смысле информационное перепроизводство – это «перепроизводство ожиданий» и, более широко, «перепроизводство представлений».

В самом деле: большинство из нас при всем желании не может смотреть две телевизионные программы одновременно[369], а кофеварка с выходом в Интернет[370] даже в наи-

369. Применяемые в ряде моделей телевизоров технологии разделения экрана между разными программами позволяют-таки смотреть сразу несколько программ на одном и том же экране телевизора. Этого же можно достичь и с помощью пульта дистанционного управления, быстро переключаясь с одного канала на другой.
Но и тот, и другой, и иные способы одновременного просмотра нескольких программ не свидетельствуют о качественном расширении возможностей человеческого восприятия. Человек может смотреть несколько программ одновременно, как и в целом воспринимать разнородную информацию из разных источников, лишь ценой снижения качества восприятия информации каждого из этих источников.

370. В отличие от популярной среди журналистов «стиральной машины с выходом в Интернет» такая кофеварка – не просто реально существующий, но и маниакально продвигаемый на рынки несколькими поколениями маркетологов подряд продукт.

более богатых странах так и не стала мечтой большинства домохозяек.

Стремительное развитие и рост эффективности информационных технологий сделал масштаб оказываемых (в том числе принудительно навязываемых – не случайно, что подтвердил пожар на Останкинской телебашне в 2000 году, перерывы в телевещании сопровождаются снижением нервных и психологических расстройств) информационных услуг чрезмерным даже для глобальных рынков.

Именно это взрывообразное увеличение предложения – фундаментальная причина системного кризиса мировой экономики, нарастающего по меньшей мере с 1997 года. При всей специфике в основе его лежит обычный кризис перепроизводства, традиционный для смены доминирующих типов технологий.

Расширение глобальных и национальных рынков не успевает за ростом информационного предложения из-за не только чрезмерной быстроты последнего, но и сдерживания увеличения спроса на информационные услуги двумя серьезнейшими факторами: барьером благосостояния (он, правда, действовал лишь до второй половины «нулевых») и культурным барьером.

С первым все просто: пока информационные технологии и их продукты оставались чрезмерно дорогими (см. параграф 8.1.4), основная часть человечества, включая ощутимую (маргинализированную) часть жителей развитых стран оставались слишком бедны для их полномасштабного потребления. Цены на них даже при значительном превышении предложения над спросом долго не снижались в силу глобального монополизма, описанного в параграфе 12.3. Таким образом, системный кризис развитых экономик и, соответственно, мировой экономики до второй половины «нулевых» годов являлся в том числе и результатом вполне стандартного загнивания монополий, пусть даже и глобальных.

Специфика доминирующих информационных технологий проявляется в дополнении стандартного барьера благосостояния качественно более важным культурным барьером.

Его значимость недооценивалась, пока трагический опыт не показал, что технологии пропаганды и даже обработки информации, разработанные для одной цивилизационной парадигмы, в рамках другой могут либо не восприниматься вовсе, либо восприниматься совершенно по-другому (из-за чего, например, пропагандистские усилия могут обернуться своей противоположностью[371]).

Культурный барьер, почти не ощущаемый индустриальными технологиями, становится роковым для сверхэффективных информационных технологий и особенно для технологий формирования сознания. ***CNN* останавливается там, где легко проходит *Ford***, – и для его продвижения нужно изменить сознание. Именно решению этой задачи служит универсализация образования по западным стандартам, переформатирующая элиты незападных цивилизаций (а значит, через поколения, и большинство их обществ) в по-западному мыслящих и чувствующих, – но его возможности не безграничны.

Сдерживание развития рынков сбыта информационных технологий барьером благосостояния и культурным барьером тормозит технологический прогресс развитых обществ не только напрямую (через снижение финансовых потоков), но и через стагнацию и существенную корректировку фондовых рынков мира.

Они играют стержневую роль в жизни развитых обществ, определяя развитие технологий и состояние соцобеспечения. А «встроенного механизма» защиты от снижения или даже простой стабилизации котировок нет. В результате даже недостаточно быстрый или недостаточно устойчивый рост фондовых рынков не только замедляет технологический прогресс, но и к создает проблемы в социальной сфере,

---

371. Классический пример – книги Резуна-Суворова о подготовке сталинского Советского Союза к войне и его агрессивности [289, 290]: вероятно, задуманные английскими спецслужбами как способ «добивания» советской идентичности, в середине 90-х они оказались мощным фактором возрождения патриотизма и национальной гордости.

в итоге **уменьшая общий уровень ожиданий**, – этот источник развития информатизированного общества.

Системы соцобеспечения развитых стран ориентированы в конечном счете на фондовый рынок. Не только снижение котировок последнего из-за глобального кризиса, но и их стагнация разрушает всю систему соцзащиты Запада, ставя тем самым под вопрос главное завоевание западной цивилизации – «общество благоденствия» – и запустив процесс маргинализации части среднего класса.

Снижение уровня ожиданий в развитых странах уже ведет к стагнации потребительского спроса и, соответственно, к стагнации их внутренних рынков, которая может перерасти и в их сжатие.

Поддержание спроса вливанием денег, как показали США (вынужденно прекратившие «количественное смягчение» летом 2014 года), эффективно лишь ограниченное время, так ка финансовая система со временем теряет способность «впитывать» прирост денежной массы, что ведет к инфляции и разбалансированию.

Сжатие же спроса стран Запада подорвет экономики Юго-Восточной Азии и Китая, работающие на США и Евросоюз, и экономику Японии, подпитывающую технологиями страны Юго-Восточной Азии и потому также зависящую от конъюнктуры США.

Итогом станет сокращение общемирового спроса, замедление или даже остановка технологического прогресса. При доминировании глобальных монополий это приведет к новому сжатию спроса на дорогие высокотехнологичные и информационные продукты и дополнительному усугублению глобального кризиса.

Наиболее естественные действия развитых стран в этих условиях будут направлены на укрепление базирующихся на их территории монополий и попытку компенсации убытков от сокращения рынков сбыта повышением нормы монопольных сверхприбылей.

Монополизация высокотехнологичных секторов (включая информационный и связанный с интеллектуальной соб-

ственностью) будет дополняться монополизацией запасов наиболее важных видов сырья, в первую очередь нефти. Это зажмет не развитые экономики, в первую очередь новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, в тисках с одной стороны, сырьевых и с другой – высокотехнологичных монополий. Базирующиеся в развитых странах или связанные с ними, они будут нерыночным диктатом цен изымать у остального человечества все большую часть добавленной стоимости: с одной стороны, избирательно завышая цены сырья, с другой – завышая цены высокотехнологичных товаров[372].

Эта подобная политика, естественная для глобальных монополий, ухудшит положение мировой экономики, которая начнет двигаться по сужающейся депрессионной, дефляционной спирали к катастрофе, обеспечивающей разрушение самих этих монополий.

Но уповать на эту катастрофу как на панацею нельзя, – и не только потому, что большинство катастроф не переживается слишком многими, а некоторые катастрофы не переживаются никем.

Фундаментальная проблема в том, что описанные последствия дальнейшего нерегулируемого обострения глобальной конкуренции, являющиеся символом и признаком новой по своим масштабам глобальной неустойчивости, развиваются на фоне все большего числа признаков **ограниченности потенциала развития человечества**.

В первую очередь надо отметить ограниченность наращивания совокупного мирового спроса из-за необратимости отставания стран, не имеющих широкого доступа к информационным технологиям, а также ограниченность развития традиционных технологий из-за ограниченности емкости рынка.

---

372. Включая «имиджевые» товары, потребительская ценность которых заключена в их бренде, то есть в примененных для их удорожания технологиях формирования сознания, а также товары, цена которых монопольно завышается злоупотреблением правом интеллектуальной собственности.

Более глубокое ограничение – порождаемое интеграцией **исчерпание потенциала развития человечества за счет взаимообогащения культур**. Ведь глобальная интеграция стирает различия между ними (в том числе универсализацией образования – именно для преодоления «культурного барьера», сдерживающего торговлю плодами информационных технологий, и унифицирует в том числе и культуры. Возможность возрождения этого потенциала дает «отгораживание» стран и регионов в рамках парадигмы региональной интеграции, но это лишь замедляет унификационные процессы.

Предел им кладут только цивилизационные различия, но их глубина делает интенсивность и потенциал взаимообогащения культур, принадлежащих к различным цивилизациям, более низким, чем у культур одной цивилизационной общности.

Раскрытые выше возможности масштабного торможения технологического и социального прогресса – частные проявления более общего правила: в объединенном коммуникациями, глобализированном мире уверенное **развитие может быть только общим.** Всякое подавление конкурентов подрывает его, сужая и обедняя, усиливая монополизацию, подрывая сбыт продукции победителя, и ведет к общему торможению прогресса человечества и к его загниванию.

Доминирование рыночных отношений и, соответственно, рыночной парадигмы при господстве отрицающих их (см.параграф 8.1) информационных технологий делает нашу перспективу на обозримое будущее (не только 3-5, но и 10 лет) именно такой.

15.2.2. Спрос: главный дефицит эпохи

Непосредственно загнивание глобальных монополий проявляется прежде всего в нехватке спроса: как на производимые сейчас товары и услуги (что выглядит как кризис

перепроизводства), так и на товары и услуги, намеченные к выпуску на рынок реализуемыми инвестиционными проектами (что выглядит как кризис переинвестирования, ведущий к обесцененению, пусть и отложенной, значительной части ранее сделанных инвестиций).

Спрос становится главным дефицитом, и борьба за него объективно ведет к всеобщему применению протекционистских мер (см. параграф 9.2.1). Но, направленные на временного улучшения положения каждой национальной экономики за счет всех остальных, в целом эти меры лишь усугубляют глобальный кризис и способствуют приближению распада глобальных рынков на макрорегионы.

Главным проявлением стихийного протекционизма стало давление на Китай, стремительно ставшего новой «мастерской мира», вытеснивший США с почетного положения главного выгодоприобретателя глобализации и победителя в свободной конкуренции.

Уже в январе 2009 года, только вступив в должность в условиях обострения глобального кризиса, Обама сообщил через президента федерального резервного банка Нью-Йорка Тимоти Гейтнера (накануне его назначения Министром финансов), что считает Китай «валютным манипулятором», – термин, которого всячески избегала администрация Буша-младшего. Официально этот статус, ведущий к применению импортной пошлины до 25%, к Китаю так и не был применен: ведь снижение дефицита торговли с Китаем (как и в целом дефицита внешней торговли) снизило бы возможности «экспорта инфляции» из США (вместе с экспортом эмитируемых долларов, который означает бесплатное получение активов за рубежом и возможность решать социально-экономические проблемы внутри страны безнаказанной эмиссией). Но эта угроза висела над Китаем постоянно; по иронии судьбы, США отказались от нее лишь в апреле 2017 (вопреки предвыборным обещаниям Трампа), – за год до развязывания против него беспрецедентной торговой войны.

Однако и без этого статуса наряду со снижением издержек своих зарубежных производств (что означало перевод их части из Китая в другие страны Юго-Восточной Азии) американский бизнес с началом «сланцевой революции» и удешевлением энергии в СШАначал возврат производств в них и их реиндустриализацию[373]; по оценкам, без форсирования этого процесса Трампом к концу 2020 года в США все равно было бы возвращено не менее четверти производств, выведенных из них в 90-е и «нулевые».

Помимо усиления протекционизма, стихийной реакцией на нехватку спроса стали попытки девальваций и валютных войн, – тени предшествовавших Великой депрессии и усиливших ее. *Так, первоначально панику вокруг начавшегося в 2010 году греческого долгового кризиса, качественно усугубившую его, подняли именно европейцы (хотя потом они громко и справедливо обвиняли в «информационной атаке» и пристрастности американские медиа). Им надо было ослабить евро для поддержания конкурентоспособности своих производств (в Германии загрузка машиностроительных заводов, производящих уникальную несерийную продукцию только «под заказ», упала до неприемлемых 50%), и они «выстрелили себе» – пусть и не в ногу, а в цивилизационно чуждую им Грецию.*

Наконец, важными направлениями смягчения дефицита спроса стали усилия по расширению рынков – как технологическим прогрессом (сланцевыми технологиями и попыткой широкого распространения 3D-печати, ради которой монополии даже отказались от своих патентных прав), так и хаотическим захватом новых рынков. *(Для США это были попытки Обамы по Транстихоокеанскому и Трансатлантическому торгово-инвестиционному партнерствам, а также Соглашению по торговле услугами – см. параграф 16.7.1, для Евросоюза попытка захвата Украины участием в приводе к власти в ней американцами антироссийских марионеток,*

373. Важную роль сыграл также рост значимости экономии на транспорте, управлении и контроле качества, вызванный как кризисом, так и технологическим прогрессом, и изменением структуры спроса.

для Китая прорыв на рынки Австралии и промышленной продукции США, а также стратегия «Один пояс, один путь», воспринятая поначалу как противовес Транстихоокеанскому партнерству США, но затем проявившая свой фундаментальный характер).

Однако все эти попытки были лишь выигрышем времени (пусть во многом и успешным), которое стремительно утекало сквозь пальцы: в условиях загнивания глобальных монополий преодолеть общую попытку загнивания спроса нельзя ничем.

Отдельной и наиболее масштабной попыткой, заслуживающей в силу этого отдельного внимания, стало поддержание спроса развитыми странами при помощи кредитной эмиссии.

15.2.3. Кризис безвозвратного долга

Наученные страшным опытом Великой депрессии[374], развитые страны пытаются компенсировать сжимающийся коммерческий спрос растущим государственным[375]. Поскольку интересы глобального бизнеса требуют ослабления государств (что достигается в том числе ограничением их возможностей через сдерживание расходов при помощи

374. Непосредственная причина срыва в нее – резкое ужесточение финансовой политики в США в условиях прорыва раздутого спекулянтами «финансового пузыря»: борьба с последствиями сжатия спроса традиционной для либералов экономией (навязанная и России с начала 90-е годов) – аналог тушения пожара бензином. Так, даже классик монетаризма Милтон Фридман утверждал: «ФРС… спровоцировала Великую депрессию путем ограничения количества денег в обороте на треть между 1929 и 1933 годами». «В 2002 г. член совета директоров ФРС [и ее председатель с 2006 по 2014 годы – М.Д.] Бен Бернанке, выступая на 90-летииМилтона Фридмана, заявил: «…Я хотел бы сказать Милтону…: что касается Великой депрессии – вы правы, это сделали мы… Но благодаря вам мы не сделаем это снова» [330].
375. Один из ключевых инструментов выхода США из Великой депрессии – более чем двукратное увеличение федеральных расходов в 1932-1940 годах.

ограничения роста бюджетного дефицита[376]), спрос стимулируется не прямыми, бюджетными расходами, а кредитной эмиссией, осуществляемой национальными банками.

Если возможности масштабного роста экономики (обычно в силу ее развитости и насыщенности рынков, включая фондовый рынок и рынок недвижимости) отсутствуют, кредитная эмиссия не находит себе применения (что находит выражение в резком снижении величины банковского мультипликатора[377], в частности, в США в период «количественного смягчения»), и во избежание инфляции направляется на приобретение госдолга (как это было в США в период «количественного смягчения») и увеличение госрасходов, укрепляя государство, но и увеличивая бюджетный дефицит.

Возможности развитых стран (а после 2013 года и Китая) по «перевариванию» дополнительной кредитной эмиссии близки к исчерпанию (флагман мировой экономики – США – исчерпали ее к лету 2014, что вынудило прекратить «количественное смягчение» и обусловило нарастание торговых войн (см. параграф 16.7.2), так как в этих странах просто в силу их развитости нет возможностей массового создания

---

376. Разрушительность которого для национальных экономик корыстно и неоправданно преувеличивается либеральными пропагандистами, действующими в интересах глобальных спекулятивных монополий. Так, бюджетный дефицит такой развитой и благополучной страны, как Канада, в 1990-1995 годах без чрезмерных негативных последствий для экономики составлял (по данным МВФ) 5,5-9,2% ВВП, Франции в 1993 и 1994 – 6,4 и 5.4%, а в 2009 и 2010 – 7,2 и 6,9% ВВП, Италии – 6,7-11,1% в 1988-1996 годах (чтобы не вспоминать предшествовавшие кошмарные дефициты, обыденные для всего послевоенного времени) и 5,2% ВВП в 2009, Японии – 5,9-10,2% в 1998 – 2004 и 5,5-10,2% в 2009-2014 годах, а также 4,3% ВВП в 2017, Англии – 5,0-5,8% ВВП в 1992-1995 и 5,2-10,1% ВВП в 2008-2014 годах. Бюджетный дефицит США составил 4,3% в 2003 году, а в 2008-2012 он колебался в пределах 6,3-12,7% ВВП.
И даже Германия – образец бюджетной дисциплины среди стран «большой семерки» – имела дефицит в 4,2% ВВП в 2003 и 2010 годах.
377. Отношение денежной массы в обращении к денежной базе (хотя правильнее сопоставлять их приросты); выражает масштаб увеличения денежной массы операциями банков (почему и называется «банковским»), то есть то, во сколько раз увеличивает финансовая система одну денежную единицу, вводимую в нее национальным банком.

новых крупных прибыльных контуров. Поэтому эмиссия оборачивается ростом заведомо безвозвратного, не поддающегося погашению долга – как государственного, так и частного.

Конечным и единственным эффективным способом списания безнадежных долгов в рамках сохранения рыночной экономики представляется масштабная война. Угроза ее перехода в ядерную фазу с высокой вероятностью уничтожения Запада (при всех достижениях социальной инженерии, позволившей уничтожить советскую цивилизацию без вооруженного нападения на нее, и при всем развитии ПРО) вынуждает полностью использовать все возможности всех паллиативных подходов.

Очевидный способ выиграть время – частичное аннулирование госдолга под тем или иным предлогом (он должен быть благовидным, чтобы избежать дискредитации финансовой системы и сохранить его привлекательность).

Введение новых «голубых» 100-долларовых купюр, объявленное первоначально на февраль 2011 года (дизайн был презентован в апреле 2010), откладывалось без каких-либо внятных объяснений более чем 2,5 года – до октября 2013 (лишь с большим опозданием причиной были названы технические сложности печати: мол, разработанный дизайн оказался настолько заковыристым, что превысил имевшиеся возможности печати). Возможно, причина была прозаичней и заключалась в соблазне снизить госдолг США аннулированием находящихся за их пределами 100-долларовых купюр старого образца, – на том справедливом основании, что они используются в основном для криминальных операций (включая неуплату налогов). Но это оказалось неприемлемо, так как дискредитировало бы США в глазах их многочисленных непубличных партнеров, расчет с которыми осуществляется в значительной степени именно наличными.

Другая возможность частичного аннулирования госдолга – заморозка части иностранных вложений в него по-

сле дискредитации кредитора. Однако эта мера[378] требует значительных усилий по разрушению репутации страны-кредитора, а главное – может применяться лишь точечно, то есть в масштабах, заведомо недостаточных даже для смягчения проблемы национального госдолга.

В преддверии и во время обострения глобального кризиса в 2006-2010 годах некоторую популярность получило обсуждение вопроса о нормальности более высокой, чем предполагалось ранее, инфляции: не 3-4, а 6-7% годовых. Это было простым отражением исчерпания потенциала традиционных мер и подготовкой почвы для идеи инфляционного стимулирования экономического роста, а также попыткой превратить неизбежность в добродетель в предчувствии кризисного ускорения инфляции. Скрытая идея заключалась в том, что признание нормальной более высокой инфляции позволит решить проблему госдолга его обесценением.

Но, поскольку госдолг развитых стран все равно рос быстрее любой инфляции, которую можно было признать при-

378. США замораживали активы Ирана (всего на 107 млрд.долл.), Ирака, КНДР, Ливии (с начала госпереворота в феврале по декабрь 2011 года – на 30 млрд.долл.), Сирии, но далеко не все эти средства были вложены в их госдолг. Последний на момент написания книги случай – замораживание в середине октября 2017 года 22,6 млрд.долл., более 40% активов Нацфонда Казахстана по решению бельгийского суда (по заведомо вздорному поводу: в обеспечение иска с выплатами, включая штрафы, чуть менее 1 млрд.долл., по которому Высокий суд Лондона поддержал Казахстан, а ряд европейских судов, включая Стокгольмский арбитражный – истца, молдавского бизнесмена Стати, обладателя сомнительной репутации, подозревавшегося в финансировании госпереворота в Молдавии в 2009 году), – при том, что в Европе уже было заморожено казахстанских активов более чем на 5,5 млрд.долл., так что с точки зрения обеспечения иска уже наблюдалась неоправданная избыточность. Средства Казахстана в США были разморожены лишь благодаря визиту Назарбаева к Трампу в январе 2018 года и заключению договоров о закупке американских товаров на 7,5 млрд. долл. (во многом подавляющей аналогичные казахстанские и российские производства), реинвестировании *Chevron* 251 млн.долл. полученной в Казахстане прибыли, допуска США на казахстанские железные дороги и о создании двух военных транспортных пунктов (но, конечно, не «военных баз») на каспийском побережье Казахстана.
Чтобы избежать потери средств, Россия весной 2018 года сократила свои вложения в госдолг США со 109 до 14,5 млрд.долл..

емлемой, речь изначально шла лишь о выигрыше времени, а не о решении проблемы. Когда же возникла реальная угроза дефляции (так как концентрация эмиссии в финансовых спекуляциях ограничила средства реального сектора) и срыва развитых стран в дефляционную спираль (в которой нехватка средств у субъектов экономики сокращает спрос, разрушая производства и этим еще боле сокращая спрос), пожелания ускорения инфляции на время утратили актуальность.

Сегодняшняя мировая экономика основана на приросте долга развитых стран. Госдолг США стал такой же основой национальной экономики, каким с конца XVII века был госдолг Британской империи (см. параграф 7.1.6); поэтому невозможность погашения накопленных долгов развитых стран по умолчанию рассматривается не как проблема (и, действительно, она станет таковой лишь в случае их краха), а как основа могущества и средство обогащения.

Попытка хотя бы начать погашать госдолг США была сделана лишь Клинтоном в период процветания на костях разрушенной России (и в целом постсоветского пространства), но профицит бюджета 1998-2001 годов (максимум – более 200 млрд.долл. – был достигнут в 2000), лишь замедлил, хотя и заметно, рост госдолга (он вырос за эти 4 года на 394 млрд. долл.). Без стимулирующей роли быстрого наращивания госдолга экономика США рухнула в кризис, из которого ее пришлось вытаскивать, насколько можно судить, чрезвычайными мерами в виде терактов 11 сентября 2001 года (см. пример 52), а демократы потеряли власть; не случайно Клинтон решился на эту политику лишь под занавес своего президентства.

Однако понятно, что бесконечное наращивание госдолга все же невозможно. При этом ускорение скорости оборота денег из-за электронных систем расчетов снижает потребность в них и обостряет проблемы потенциально лишних денег и, в частности, чрезмерного госдолга, приближая момент, когда его придется обесценивать при помощи той или иной катастрофы (войны или обрушения в Глобальную де-

прессию). Существенно, что данная катастрофа, скорее всего, будет организована искусственно, до ее естественного вызревания, так как ключевые игроки (крупнейший заемщик – США – и крупнейшие кредиторы, относящиеся к ФРС) попытаются провести ее под своим контролем и к своей выгоде.

Вместе с тем, рассматривая невозвратные долги, нельзя игнорировать их сравнительное качество. «Порог безопасности» внешнего долга для сравнительно неразвитых, коррупционных и монополизированных экономик оценивается в 30% ВВП; для развитых стран он несравнимо выше, – но он в любом случае должен учитывать специфику страны-эмитента, включая не только ее влиятельность, но и культуру. *Так, валовый госдолг Франции в 96,7% ВВП в 2018 году является большей потенциальной проблемой, чем валовый госдолг США в 106,1% ВВП, так как Франция обладает качественно меньшим влиянием и, соответственно, ее госдолг заведомо хуже обеспечен. А валовый госдолг Японии в 238,2% ВВП в 2018 году воспринимается как меньшая проблема, чем вдвое меньший долг США, так как японский бизнесмен до сих пор в первую очередь японец, а уже потом «машина по извлечению прибыли» и, в отличие от американского, сделает все, чтобы не наносить ущерб своей стране. Разрушительность же валового госдолга Италии (130,3% ВВП) сдерживается ее принадлежностью к еврозоне, которая ради своей стабилизации фокусирует внимание не на абсурдном уровне этого госдолга, а на его снижении (со 132,0% ВВП в 2016 году).*

Для развитых стран ключевым фактором конкурентоспособности является репутация: дискредитация из-за обсуждения их потенциальной финансовой неустойчивости способна сделать нормальный уровень долга чрезмерным и породить панику. *(Это парадоксально стирает разницу между правдивой и ложной информацией: даже заведомая ложь, распространяя панику, изменяет поведение участников рынка и объективно ухудшает положение заемщика. Поэтому один и тот же уровень госдолга может быть комфортным*

для комфортного или нейтрального информационного фона и неприемлемо высоким для условий информационной агрессии, организация которой стоит для глобального бизнеса или государств, влияющих на глобальные медиа, сущие копейки.)

15.2.4. Цена и противоречие глобального регулирования

Стихийное развитие технологий, приводя (как было показано в параграфе 12.3) к глобальной монополизации, само тормозит себя, создавая неразрешимые в рамках стихийного саморазвития проблемы и, следовательно, объективную потребность в осознанном вмешательстве человечества в свое развитие. Развитие технологий достигло уровня, создающего категорическую необходимость распространения сферы действия общественных систем саморегулирования с национального на наднациональный уровень.

Мы видим четыре модели такого расширения национального регулирования – по числу моделей цивилизационных экспансий (подробно они рассмотрены во втором томе):

- американский, основанный на навязывании своих интересов при помощи информационной, военной и финансовой силы;
- европейский, заключающийся в гармонизации разнородных интересов на основе единых принципов с выносом управления на наднациональный уровень (Евросоюз показал его тупиковость);
- китайский, опирающийся на этническую экспансию с последующим установлением государственного контроля за общинами, в целом самостоятельно добившимися влияния в иных обществах;
- исламский, предполагающий религиозное управление (как при значительном государственном влиянии, так и без него).

И все они не работают, так как глобальный бизнес сильнее национальных, а глобальный управляющий класс мощ-

нее национальных элит, которых он вбирает в себя в наиболее значимых их элементах (см. параграф 7.2.1).

Даже самый постепенный перенос управляющих центров на наднациональные уровни принципиально изменит смысл таких базовых понятий, как суверенитет, государство и Родина[379]. Это уже меняет всю модель взаимодействия национального государства с региональными и общемировыми международными организациями. Данные процессы будут еще более, чем сейчас болезненными, сопровождающимися ломкой сознания и разнообразными кризисами.

Но для человечества его проблемы уже стали слишком тяжелыми. Государства сталкиваются с тем, что «среду их обитания» образуют наднациональные структуры (в том числе владеющие метатехнологиями и технологиями формирования сознания), которые во многом предопределяют их действия и нередко подталкивают человечество к серьезным катаклизмам и замедлению развития.

Не допустить катастрофического развития событий можно лишь международным как минимум экономическим регулированием: «экономической ООН», отличающейся от действующей меньшей бюрократизацией, так как финансовые и тем более информационные процессы идут быстрее политических и потому требуют для регулирования большей скорости и эффективности в целом.

Существующие интеллектуальные и консультационные «площадки» глобальных монополий в виде разнообразных клубов, на которых сложился глобальный управляющий класс (см. параграф 7.2), стали зародышем подобной организации, – но не более. Капитал, даже осознавая реальность самоуничтожения, оказался не в силах искать компромисса

379. В отношении «суверенитета» и «Родины» этот процесс идет полным ходом: политика США отменяет суверенитет относительно слабых государств, а массовая скупка либо выращивание послушной национальной элиты в относительно слабых странах привела к появлению (в том числе и в России) целых плеяд политиков, ощущающих своей Родиной если не США и Швейцарию, то, по крайней мере, Кипр.
Кроме этого, в бизнесе (и в политике, воспринимаемой как тривиальный бизнес, без чувства ответственности перед управляемыми народами) появилась масса космополитичных менеджеров, успешно избавивших себя от самого понятия «Родина».

со слабыми и тем более признать за ними права «вето» по сколь-нибудь значимым вопросам (строго говоря, именно в этом причина его краткосрочной эффективности).

Сложившееся в результате уничтожения советской цивилизации глобальное регулирование внутренне противоречиво и недееспособно, так как осуществляется США в конечном счете в эгоистичных национальных целях. Превращение США в зону базирования ключевой части глобальных монополий и даже в оргструктуру глобального управляющего класса проблемы не решило: они остались «играющим судьей», что обеспечило нарастание дисбалансов.

Частным случаем этого противоречия является использование в качестве международной резервной валюты доллара США, регулируемого и эмитируемого на основе узко национальных интересов.

Попытки создать глобальное регулирование, учитывающее интересы всех значимых участников мировой экономики (иное неэффективно и потому не имеет смысла и перспектив), регулярно срываются США, так как, объективно ограничивая их влияние и власть, неприемлемы для них.

Поэтому перспектива – не трансформация, но стихийное и оттого болезненное разрушение современного глобального регулирования, которое воспроизведет, – возможно, уже до 2025 года – трагическую ситуацию рубежа 20-х и 30-х годов XX века.

В то время господство частных монополий в экономиках наиболее развитых стран привело к их загниванию и охватившей мир Великой депрессии (использованной Советским Союзом для всеобъемлющего преобразования благодаря импорту технологий к ходе культурной революции, индустриализации, коллективизации). В ходе борьбы с этой депрессией Запад на национальных уровнях создал механизмы госконтроля за монополиями, но преодолена она была лишь подготовкой ко Второй Мировой войне.

Ужасающая современного наблюдателя «воля к катастрофе», проявленная ведущими странами мира в 30-х годах [142, 155-драйв], во многом объясняется стремлением националь-

ных экономических организмов к масштабному военному столкновению как к пугающему, но единственному средству, способному преодолеть депрессию и обеспечить долгосрочное оздоровление мировой экономической конъюнктуры (подробней см. параграф 7.2).

Но чисто экономический подход всегда недостаточен: судьбоносные решения на переломах эпох принимаются (даже неосознанно) ради власти, а не ради прибыли. Так, непосредственной причиной обрушения США (а с ними и мира) в Великую депрессию принято считать роковую ошибку государства: в критический момент, когда с экономической точки зрения надо было радикально смягчать финансовую политику, ее, наоборот, кардинально ужесточили, что привело к биржевому краху и хозяйственной катастрофе.

Однако указанные действия руководства США, с экономической точки зрения представлявшие собой непростительный просчет, с политической точки зрения были единственным выходом из сложившегося к тому времени положения. Ведь в те дни перед Америкой стоял не вопрос об экономическом благополучии, второстепенный для любого практического политика, но главный и, в конечном итоге, единственный для всякого государства вопрос о власти.

В дни угрожающего ухудшения экономической конъюнктуры решалось, кто будет править страной: государство – в условиях сколь угодно потрясенной и несовершенной демократии и в целом все же в интересах общества или частные спекулятивные монополии – в своих интересах, заведомо не соответствующих общественным.

И ради восстановления своего господства, частично утраченного после бурного расцвета в 20-е годы частных монополий и спекулятивного капитала, американское государство без раздумий и колебаний, с безоглядной и чудовищной, поистине чубайсовской решимостью ввергло свою страну в беспрецедентные в истории Запада бедствия, уничтожившие почти половину экономики и оставившие свой шрам в душе каждого пережившего катастрофу американца.

Пример 54

Некоторые последствия Великой депрессии в США

Масштабы этой катастрофы в одном лишь сельском хозяйстве – «дефарминг» (то есть уничтожение ферм, освобождение от них экономики) вполне сопоставимы с катастрофой коллективизации.

Интересно, что сопоставимы и последствия для экономического развития: произошло резкое повышение эффективности сельского хозяйства и высвобождение огромного числа рабочих рук (только с 1929 по 1932 годы совокупные доходы фермеров упали в 3,5 раза – с 7 до 2 млрд. долл. [84]; всего же за_время депрессии с земли было согнано 5 млн. фермеров – около миллиона семей, каждый шестой фермер). Другое дело, что в отсутствии модернизации высвобожденные из села работники лишились средств к существованию – и необходимость занять их породила ряд прогрессивных начинаний (включая планирование развития территориально-производственного комплекса Администрацией долины реки Тенесси), подобно тому, как необходимость занять изгнанных в ходе «огораживания» в Англии ... века породила искусственное создание в работных домах специализации на отдельных операциях, пригодившееся после распространения паровой машины (см. параграф 7.1.2).

За 1930-1933 годы падение ВВП США составило 30% (для сравнения: в России в 1991-1996 годах – 40%[380]), безработица выросла с 8,7% в 1930 до 24,9% в 1933 году. В 1932 году 20-тысячный марш протеста ветеранов Первой мировой войны (которым не выплатили установленные законом ветеранские пособия) в Вашингтоне подавляли даже танками.

О масштабах катастрофы Великой депрессии в США свидетельствует то, что демографическая статистика за соответствующие годы откровенно фальсифицировалась

380. По данным Всемирного банка; МВФ целомудренно дает данные по динамике ВВП России лишь с 1993 года, а Росстат – и вовсе лишь с 1996 года, чтобы скрыть масштабы организованной либералами Катастрофы.

(наблюдалось даже снижение смертности), а за 1932 год, по официальным данным, не составлялась вообще. Консервативные оценки демографического ущерба (нерожденных и умерших раньше времени, включая погибших от голода, холода и болезней), по данным предшествующих и последующих лет, – около 7,5 млн.чел. (2,5 млн. не родилось, а 5 млн. умерили раньше времени) [99].

Прежде всего, это чудовищное решение было исторически оправданным, так как частные (да еще и спекулятивные) монополии не могли выполнять необходимые функции государства, а их господство грозило обществу еще большими бедами, хотя и позже (что видно на примере России 90-х и последующих годов).

Данное решение, вероятно, принималось стихийно, на уровне «коллективного бессознательного» государства и общества. Нет свидетельств осознания его политического аспекта отдельными, пусть даже самыми высокопоставленными, участниками его принятия (хотя сознававшие политический аспект событий никогда и никому не захотели бы признаться в этом).

Вероятно, при дальнейшем промедлении с сознательными действиями через подобное стихийное и не осознаваемое отдельными современниками решение некоего подобного вопроса о власти придется пройти в ближайшем (учитывая ускоряющийся ход прогресса) будущем и современному человечеству – на уровне уже мировой экономики и мировой политики. Оно будет не менее трагичным для развитых экономик, чем для промышленных и финансовых центров США конца 20-х годов (что подтверждает наш прогноз о возможности общего замедления технологического развития человечества и даже массовой утраты технологий – см. параграфы 10.2 и 17.3), и не менее разрушительным для неразвитых стран, чем для американских сельскохозяйственных захолустий того времени.

Возможно, «экономическая ООН» возникнет (если возникнет) именно как механизм контроля за глобальными

монополиями, то есть как механизм непосредственно мировой власти, чем-то напоминающий по неформальному характеру своей работы раннюю администрацию Франклина Рузвельта.

Но перед этим нам предстоит Глобальная депрессия.

15.3. Неизбежность Глобальной депрессии

Закон концентрации производства с его монополизацией и, затем, загниванием – проблема всего развития человечества.

Вспомним: монополизация на национальном уровне была одной из причин не только Великой депрессии рубежа 20-30-х, но и жестокого структурного кризиса рубежа 70-80-х, когда национальные правительства не смогли ограничить национальные же монополии. Вероятно, это общее правило: государство не может сдерживать монополии, действующие на соответствующем его возможностям национальном уровне.

Подлинное историческое величие Рейгана и Тэтчер заключалось не в неожиданном для них самих успехе затеянного ими «крестового похода против коммунизма», но в нахождении выхода из «ловушки монополизма»: они ограничили набравшие силу национальные монополии за счет международной конкуренции, раскрыв ей национальные экономики, как бы «открыв форточку» в мир.

Этим они не только дали миру сильнейший импульс к принудительной интеграции, но и качественно ускорили развитие своих стран, превратив их из просто развитых в качественно отличающиеся от остальных «наиболее развитые» страны.

Сегодня вновь сложилась жесткая система монополий, – уже не национальных, но глобальных (см. параграф 12.3), – которые снова начинают загнивать (мировая финансовая нестабильность – признак именно такого загнивания).

Источников внешней конкуренции нет. Более того: если на национальном уровне государства не могли контроли-

ровать монополии, находящиеся с ним «на одном уровне», то сейчас уровень монополий выше уровня государств: они глобальны. Поэтому даже создание международного регулирования, о котором говорилось в прошлом параграфе, не решит проблему, ибо, подобно событиям рубежа 20-х и 30-х годов, поднимет регулирующие механизмы лишь «на уровень» самих монополий, что заведомо недостаточно.

Недостаточность национального регулирования для национального развития стала очевидна через 40 лет после начала Великой депрессии. Учитывая ускорение развития, можно быть уверенными: аналогичная недостаточность подобного регулирования для глобального развития проявится в на порядок более сжатые сроки.

Кризисы национального и глобального регулирования глобальных монополий могут совпасть во времени или перейдут один в другой: кризис, сначала охватив системы национального регулирования, прямо по мере формирования наднациональных регулирующих систем распространится и на них.

Единственно возможное ограничение глобальных монополий в условиях невозможности дальнейшего расширения масштабов регулирования – метатехнологии, которые уже приобретают характер жестких рамок развития (ограничивающих даже тех, кто создает их).

Но конкретные формы развития и самоорганизации человечества в этих новых рамках пока не ясны.

Тем не менее очевидно: конкуренция за спрос, усиливая протекционизм, разорвет глобальные рынки на макрорегионы, обрушив мир в новую, Глобальную депрессию, – и желание списать невозвратные долги развитых стран будет важным фактором реализации этой объективной закономерности.

Вероятно, распад будет значительно более глубоким, чем мы можем представить в настоящее время. Еще в середине 10-х казалось, что информационные рынки в любом случае сохранят свой глобальный характер, однако созданная Западом (не столько в политических целях, сколько ради сохранения ощущения собственного экономического благополучия

и, соответственно, своей кредитоспособности) индустрия заведомо ложных новостей оказалась неконкурентоспособной по сравнению с реальностью и вынудила введение протекционизма и в информационной сфере – ради самосохранения.

То, что *Google* не выдает по запросам новости, противоречащие западным стандартам единомыслия, а *Facebook* осуществляет агрессивную цензуру, замораживая противоречащие этим стандартам аккаунты, является цензурой лишь с точки зрения свободы слова. С экономической точки зрения это распад глобальных информационных рынков, который уже идет.

15.4. Алгоритмы преодоления кризиса

Очевидность столь негативных перспектив вызывает многочисленные и разнообразные попытки избежать срыва в Глобальную депрессию. Однако они нереальны, а частью оборачиваются своей противоположностью из-за естественного эгоизма инициаторов.

15.4.1. Расширение высокотехнологичных рынков: культурная агрессия и «военное кейнсианство»

В краткосрочном плане наиболее заметные попытки изживания глобального кризиса связаны с поддержкой наиболее бедных стран (на просто бедных не хватит всех денег и всех сил мира) в типичном гуманитарно-ооновском стиле. Прямое противоречие таких попыток текущим интересам всех ключевых сил развитых стран и сложность задачи (см. параграфы 11.2 и 13.5) обрекает их на провал.

Они останутся не только признаком хорошего тона в международных отношениях и «гуманитарным фетишем», но и способом утонченной конкуренции: страны стараются

навредить конкурентам, «спихивая» им все большие объемы «помощи развитию». *Пример – Россия, заплатившая за ненужное ей вступление в Парижский клуб кредиторов списанием основной части долга неразвитых стран, лишившим ее наиболее естественного пути восстановления влияния в них[381]. Всего же с момента распада СССР Россия, сама находясь в бедственном положении, простила долги на более чем 150 млрд. долл., в том числе и заведомо платежеспособным странам вроде Вьетнама и Ливии времен Каддафи [156].*

Страны, осуществляющие экспансию (в первую очередь Китай) будут, как некогда СССР[382] и США, помогать ряду бедных стран для расширения и упрочения влияния в ключевых для себя регионах. Но в масштабах глобального развития такая помощь не сократит разрыв между развитыми странами и остальным миром.

Под видом стимулирования развития отставших стран осуществляются и будут осуществляться следующие меры:

381. Необдуманное списание долгов развивающихся стран России, среди прочего, лишило ее средств для оплаты арендной платы за военную базу в бухте Камрань во Вьетнаме (которая перечислялась из процентных платежей Вьетнама). А ведь Камрань – не только геополитический «ключ» к Юго-Восточной Азии, но и перспективный инвестиционный проект, связанным с возможностью создания в исключительно благоприятных природных условиях транспортного узла, не уступающего Сингапуру.

382. Во время холодной войны безвозмездная помощь, оказываемая странам Африки Советским Союзом, превосходила все, получаемое ими из остальных источников. Ее прекращение с завершением холодной войны – одна из основных причин деградации Африки (как социально-экономического и политического, так и биологического, выразившегося в ухудшении здоровья ее населения).
В рамках стратегии «Один пояс – один путь» Китай перешел к предоставлению уже не помощи (пусть в виде безвозвратных кредитов), но кредитов, за которые приходится расплачиваться. По не подтверждаемым, но и не опровергаемым обеими сторонами сообщениям еще до начала реализации этой стратегии Таджикистан передал Китаю 1,5 тыс.кв.км. оспариваемых последним территорий, в том числе в качестве погашения кредита. Шри Ланка передала Китаю на 99 лет 70% акций гигантского порта Хамбантота из-за невозможности выплатить 8 млрд.долл. кредита за строительство Китаем этого порта и «самой пустой аэрогавани в мире» Матталы. Подчиняя себе местные элиты при помощи кредитной экспансии и финансирования инфраструктурных проектов, Китай стремительно берет под контроль африканские страны, в частности, Замбию, Зимбабве, Мозамбик и Анголу [162].

- Извлечение интеллектуального ресурса распространением западных стандартов образования под видом борьбы с бедностью. Да, образованный человек богаче необразованного, но образование, не соответствующее условиям его общества, закрывает перед ним ряд возможностей и вынуждает специализироваться на сотрудничестве с источником этого образования. Насаждение западного образования (для России это и снижение его качества), не только концентрирует на Западе и в его глобальных монополиях таланты, лишая породившие их общества возможности использовать их, но и формирует в неразвитых странах не национально-, а западноориентированные элиты (см. параграф 18.1).
- Искренние, но слабые и непоследовательные (из-за противоречия с текущими конкурентными интересами развитых стран, описанными в параграфе 11.2) попытки преодоления «цифрового неравенства» в итоге служат расширению сбыта высокотехнологичной продукции по монопольно завышенным ценам. Такие попытки ориентированы на создание высокотехнологичной, в первую очередь коммуникационной инфраструктуры, что недостаточно для повышения спроса в масштабах, необходимых для изживания кризиса информационного перепроизводства.
- Внедрение в сознание неразвитых обществ представлений о необходимости высокотехнологичного потребления, чтобы те тратили скудные средства не на жизненно необходимые, но на избыточно высокотехнологичные товары. *Так, часть небогатой российской молодежи соревнуется в обладании последними моделями мобильных телефонов, чрезмерно дорогих по сравнению с их функциями и доходами их хозяев.*

При недостаточности этих попыток для достижения прокламируемой цели – преодоления бедности – важна их общая концентрация на изменении сознания неразвитых обществ (или их наиболее платежеспособной части и части,

служащей образцом для подражания), на его адаптацию к сознанию развитых стран и, соответственно, **на снятие культурного барьера**. (см. параграф 15.2.1).

Не имея возможности преодолеть кризис информационного перепроизводства ни удешевлением своей продукции, ни ростом благосостояния осваиваемых обществ, развитые страны обречены пытаться расширять свои рынки сбыта снятием культурного барьера «культурной экспансией», посягая этим на идентичность (см. параграф 14.2.3) осваиваемых обществ.

Последствия «культурного империализма» зависят от прочности самосознания обществ, являющихся объектом его экспансии.

Для слабых обществ культурная агрессия ведет к перерождению элиты, размыванию идентичности и национальной катастрофе, ибо они принимают чуждые им стандарты и механизмы управления, которые не могут справиться с их проблемами. Это не способствует росту их общего спроса, хотя увеличивает элитный спрос на престижную, в том числе информационную продукцию развитых стран[383]. Поэтому

383. Структура спроса неразвитых обществ отличается от структуры спроса развитых обществ наличием двух полюсов – спроса беднейших и богатейших слоев – при малости спроса «среднего класса» (основного в структуре спроса развитых обществ).
Причина в неэффективности политической системы, которая, обуславливая неразумность социально-экономической политики, отбрасывает основную часть неразвитого общества в бедность и удерживает в ней за счет обогащения численно незначительных групп, захвативших власть. Работа для богатых выгодней, чем для бедных, так как последние считают каждую копейку и потребляет некачественные товары ради дешевизны. В итоге в предложении для бедных высока ценовая конкуренция, которая ведется в отношении простых товаров, которые могут производиться многими фирмами.
Богатые же нуждаются в уникальности и престижности, что сводит конкуренцию к минимуму и позволяет обеспечивать высокую (иногда – произвольно высокую) доходность. При появлении новых товаров престижного потребления в неразвитых обществах часто возникает их дефицит, так как спрос намного превышает предложение.
В России в «нулевые» известны случаи массовой записи на месяцы вперед на престижные новые марки автомобилей (разумеется, иностранных) с необычным дизайном, в 10-е – очереди за новыми моделями айфона или других престижных телефонов.

усилия развитых стран даже при отсутствии злого умысла ведут к катаклизмам, в том числе и глобальным, но не к достижению официально объявляемых целей.

Относительно сильные, культурно конкурентоспособные общества способны противостоять «культурной экспансии». Для них это самосохранение перед лицом смертельно опасной и не спровоцированной внешней агрессии; противостояние увековечивается впечатыванием в их культурный код.

В результате возникает фундаментальное взаимонепонимание.

Развитые страны не могут осознать, что безобидное расширение рынков и создание в отстающих обществах новых потребностей для объектов этих благородных действий оборачивается попыткой уничтожения последних, обостряющей инстинкты самосохранения.

Мимолетное движение могучих развитых стран за мотыльком рыночной конъюнктуры, может быть, забытое ими через мгновение, в силу высочайшей эффективности информационных технологий меняет культурных код наций, ставших его объектом, и либо разрушает его, либо впечатывает в него вражду к развитым странам как фундаментальный фактор.

Именно поэтому конкуренция между цивилизациями становится враждебной. Если в рамках биполярного противостояния она напоминала соцсоревнование времен СССР между если и не добрыми, то терпимыми соседями, то сегодня она все ближе к войне.

Это парадоксально способствует временному смягчению проблем развитых стран.

Дестабилизация слабых и конфронтация с сильными неразвитыми странами сама по себе, без стремления США к «экспорту хаоса» (см. параграф 16.6.3) усиливает военно-политическую напряженность. В среднесрочном плане она смягчает структурный кризис развитых экономик, компенсируя нехватку рыночного спроса на дорогие высокотехнологичные и информационные продукты долговременным и стабильным спросом государства.

«Военное кейнсианство» стало для американских президентов, начиная с Буша-младшего, такой же доминантой, какой было для Рейгана. США сознают значение победы в холодной войне: они вышли из «стеклянного дома» и до окончательного выхода на мировую арену Китая могут швыряться камнями, как заблагорассудится.

Поэтому «экспорт напряженности» перерос в стимулирование уже не финансово-экономических, но военно-политических кризисов (этот переход подробно рассмотрен во втором томе), призванных не только корректировать движение мировых капиталов в пользу США, но и обосновывать (как в самом американском обществе, так и в мировом общественном мнении) «военное кейнсианство».

Оно привлекает иностранные капиталы, так как создает не только макроэкономическую потребность в них, но и новые возможности их применения. Этим оно служит эффективным в среднесрочном плане ответом на долгосрочный вызов глобального информационного перепроизводства. Несовпадение временных горизонтов вызова и ответа превращает ответ в паллиатив, способный облегчить положение, но лишь ненадолго.

В итоге «военное кейнсианство» – эффективное средство лишь выигрыша времени, столь же недостаточное для вывода развитых экономик (не говоря уже о мировой) из кризиса, как и объективно порождающая его культурная агрессия.

Пути выхода из кризиса, причины которого носят технологический характер, находятся на более глубоком уровне – не экономической, но технологической политики.

15.4.2. «Закрывающие технологии»: управляемая технологическая революция?

Важная особенность глобального кризиса – резкое замедление открытия новых технологических принципов.

Помимо собственно технологических причин (см. раздел введения 4.4.3 и параграф 8.1.3), оно вызвано укреплением

глобальных монополий, которые стремятся затормозить способный подорвать их доминирование технологический прогресс (см. параграф 15.2.1).

Монополии создают все более сложные и дорогие технологии, разработка которых вне них невозможна из-за сложности управления и дороговизны. Сложность оргпроцессов начинает превышать управленческие возможности даже глобальных монополий, а рыночная ориентация на результат сужает возможности прорывных исследований с непредсказуемым исходом (см. параграф 9.5.2).

При этом глобальные монополии (в том числе в силу злоупотребления своим положением под видом защиты интеллектуальной собственности[384]) препятствуют распространению знаний, что также усложняет технологический прогресс, делает его более затратным и способствует его торможению. *(Снятие патентной защиты с 3D-печати, изобретенной еще в конце 80-х, исключение: признак способности монополий жертвовать своими интересами ради поддержания технологического прогресса, – но лишь после того, как они убедились в бесперспективности соответствующих изобретений для себя).*

Для монополий важно не допустить качественного упрощения и удешевления используемых технологий, которое расширит их доступность и снизит возможности и уровень монополизации рынков.

Между тем методы такого упрощения и удешевления становятся все более известными. Пример, показывающий магистральное направление развития технологий, – операционная система *Linux*[385], отрицающая наличие интеллекту-

---

384. Концентрация в ТНК серьезных исследователей оргструктур и прекращение соответствующих публикаций с середины 70-х годов XX века (см. параграф 3.3) свидетельствует, что право интеллектуальной собственности – хотя и эффективный, но отнюдь не единственный для ТНК способ сдерживания распространения знаний.

385. *Linux* – открытая система: она распространяется бесплатно, ее коды общедоступны, и любой человек имеет право совершенствовать ее (правда, бесплатно) и распространять в уже усовершенствованном виде. Если усовершенствование признается разумным и существенным, разработчики *Linux*'а включают его в базовый вариант системы, создавая тем самым ее новую версию.

альной собственности как фактора сдерживания технологического прогресса. В силу бесплатности она теснит *Windows* в ряде сегментов мирового рынка.

Но до прорыва дело не дошло даже здесь: глобальная монополия *Microsoft* и потеснивших ее *Apple* и *Google* (хотя *Android* и основана на ядре *Linux*) сохраняется. В целом позиции глобальных монополий не ставятся под сомнение. *Так, доля браузера Firefox, разрабатываемого, как и Linux, независимыми специалистами, упала в мире с 24% в 2012 до 12,9% в 2017 и менее чем 10% в 2018 году. Он остается третьим, но по-прежнему уступает Internet Explorer, развитие которого прекращено (его доля упала за 2012 год с 38 до 32% и снизилась до менее чем 12% в 2018 году), и даже сокращает свою долю быстрее (за 2017 год – на 2,98 процентных пункта против 1,09). Лидер же бесспорен: Google Chrome за 2012 год увеличил свою долю с 28 до 34%, а в 2018 году превысил 62%.*

Уверенность в неизбежности радикального упрощения и удешевления господствующих технологий основана на невозможности длительного масштабного торможения технологического прогресса, этой основы существования человечества (см. раздел введения 4.4.3), и очевидности технологического, экономического и социально-политического тупика, в который привело мир доминирование уже загнивающих глобальных монополий (см. параграф 13.5).

Упрощение и удешевление господствующих технологий будет болезненным, в том числе из-за сопротивления сегодняшних «хозяев мира» – глобальных монополий. Но нет оснований ждать изменения одной из фундаментальных закономерностей развития, по которому **социальные и адми-**

При превосходстве *Linux*'а над *Windows* (*Linux* не «зависает», неуязвим для большинства вирусов, так как они разрабатываются для *Windows* и занимает качественно меньше места, что позволяет почти отказаться от обновления компьютеров), *Linux* менее распространен из-за недостатков, являющихся продолжением его достоинств.

Так, из-за открытого характера усовершенствования одновременно существует множество версий *Linux*, что затрудняет его использование. Его самостоятельная установка требует познаний в программировании. А отсутствие монопольных сверхприбылей у его разработчиков делает для них недоступным характерные для глобальных монополий агрессивный маркетинг и политическое лоббирование.

нистративные механизмы, сдерживающие технологический прогресс, в конечном итоге **разрушаются**.

При их прочности они могут разрушаться вместе с самим охваченным ими и затормозившим свою технологическую эволюцию обществом – либо под ударами внешних завоевателей, либо из-за экологических катаклизмов (включая эпидемии смертельных болезней), вызванных чрезмерным воздействием на природу.

Таким образом, альтернатива кардинальному упрощению и удешевлению господствующих технологий – уничтожение человечества. Их упрощение и удешевление может идти за счет технологий, получивших название **«закрывающих»** [146, 147], так как емкость создаваемых ими новых рынков намного ниже емкости рынков, «закрываемых» вызванным ею ростом производительности.

Строго говоря, к «закрывающим» относятся все технологии, качественно повышающие производительность.

Классический пример – лазерное упрочение рельсов, трехкратно снижающее потребность в них (при их удешевлении) и соответственно сокращающее выпуск.

«Закрывающие» технологии наиболее концентрированно разрабатывались в советском ВПК – единственном месте в мире, где (в силу некоммерческого характера управления, с рыночной точки зрения выглядящего поэтому неэффективным) проводились массовые и длительные исследования без заранее известного результата. Существенно, что «закрывающие» технологии с их простотой, оригинальностью и потенциальной общедоступностью в наиболее полной степени соответствуют специфике русской культуры (см. второй том).

В развитых странах такие разработки частью не велись вовсе (из-за своей опасности для рыночных механизмов и потому, что рыночная экономика не дает массово тратить ресурсы на слишком рискованные разработки), а частью блокировались патентными механизмами и другими инструментами «защиты интеллектуальной собственности». *(С точки зрения эволюции технологий разрушение СССР вы-*

глядит как захоронение смертельно опасных для развитого мира и его монополий технологий – своего рода оружия их массового уничтожения – в одном гигантском могильнике).

До срыва в Глобальную депрессию (см. параграф 15.3) выход «закрывающих» технологий на мировые рынки представляется невозможным, так как вызовет резкое сжатие индустрии и ввергнет большинство успешных стран в катастрофу. Скачок производительности труда в кратчайшие сроки сделает лишними сотни миллионов рабочих рук, что создаст беспрецедентную социально-политическую напряженность. Широкое применение «закрывающих» технологий возможно лишь как реакция на эту напряженность уже после ее возникновения в результате распада глобальных рынков.

Если Россия сумеет выступить владельцем и основным продавцом «закрывающих» технологий, она получит не только деньги, но и колоссальный политический ресурс в силу свободы выбора, какую именно технологию из своего «ящика Пандоры» и в каких объемах выпускать в мир – и, соответственно, в каких отраслях и в каких объемах уничтожать производство.

Но деградация российского общества делает осознанное развитие этих технологий – и тем более их управляемый экспорт – маловероятным. Значительная часть потенциально «закрывающих» технологий либо патентов, необходимых для их (вос)создания и развертывания, скуплена глобальными монополиями[386] и либо заморожена ими, либо применяется «для внутреннего пользования» с надежной защитой от просачивания в окружающий их мир.

---

386. Основные «сливки» с достижений советской, а затем и российской науки и техники были сняты глобальными монополиями в начале 90-х годов. Значительная часть наработок, все-таки оставшихся в России, не досталась эмиссарам развитых стран потому, что попала под контроль более или менее криминальных элементов, не способных на организацию их масштабного применения и напоминающих собак на сене. Многие создателей «закрывающих» технологий умерли, унеся свой секрет в могилу, некоторые сошли с ума, некоторые отчаялись и используют их лишь в личных целях, не желая их распространения, – в частности, боясь кары конкурентов.

Изживание кризиса «информационного перепроизводства» осознанным развитием и распространением «закрывающих» технологий пока маловероятно из-за отсутствия субъекта такой политики. Кроме того, в условиях рынка «закрывающие технологии» не позволят преодолеть кризис перепроизводства, так как резко сократят число занятых и, соответственно, совокупный спрос, – и принесут плоды лишь одновременно с преодолением рынка как доминирующей формы организации человеческой деятельности и с перерастанием его в **пострыночную экономику**.

Следовательно, искать пути гармонического, не катастрофичного изживания глобального монополизма, являющегося первопричиной структурного кризиса мировой экономики, надо на более глубоком, стихийном уровне – не технологической политики, но стихийной технологической эволюции.

15.4.3. Стихийное изживание «цифрового неравенства

Единственный не катастрофический выход из системного кризиса – стихийное распространение «закрывающих» технологий, напоминающее просачивание через преграды, воздвигаемые глобальными монополиями, незаметное и в каждый отдельный момент незначительное.

Распространение этих технологий идет через малые и средние компании, в первую очередь успешных неразвитых стран (кандидат номер один – Китай). Эти компании, не обладая навыками распространения новых технологий, страшась как конкурентов, так и гнева глобальных монополий, отрешились от амбиций, связанных с резким расширением бизнеса. Их цель – незаметное получение ограниченной технологической ренты.

Этот этап может длиться долго, но ухудшение конъюнктуры и обострение конкуренции может рано или поздно

спровоцировать одну из глобальных монополий на масштабное применение каких-либо «закрывающих» технологий. Это станет началом технологического переворота, ибо ее соперницы будут вынуждены следовать ее примеру. *Воистину, картель хорош, пока существует: нарушенный хотя бы в одной точке и хотя бы одним серьезным участником, он сыпется, как карточный домик.*

Первоначально указанные технологии начнут распространяться в недрах глобальных монополий, которые будут препятствовать утечке этих технологий, стремясь не дать использовать их как конкурентам, так и «простым смертным». Но усилия по их созданию и промышленный шпионаж, подстегиваемые острой потребностью всего мира в удешевлении и упрощении господствующих технологий, преодолеют сопротивление.

«Закрывающие» технологии найдут массовое и открытое (или едва прикрытое) применение в неразвитых странах, которым нечего терять, а часто и незачем утруждать себя соблюдением прав чужой интеллектуальной собственности. Вероятно, это (как в Китае) будет сопровождаться ритуальными заклинаниями и даже действиями по борьбе с контрафактом; возможно, использование украденных технологий (общедоступных из-за своей простоты) будет засекречено.

Но насущная потребность сделает распространение «закрывающих» технологий неизбежным; сохранить их будет так же невозможно, как и пригодные для индустриального тиражирования секреты средневековых мастеров. Неразвитые страны, «вытащившие» эти технологии из недр глобальных монополий, а то и из собственных «закромов Родины», также не смогут сохранить секретов и станут источниками нового витка технологического прогресса.

Этот процесс может занять годы. Он будет идти неравномерно в различных отраслях и странах. Многие глобальные монополии успеют приспособиться к нему и сохраниться, несмотря на снижение доходов; банкротства неудачников не станут обвальными и сами по себе не вызовут мирового кризиса.

Сжатие спроса и высвобождение рабочих рук будет локализовываться в отдельных отраслях и регионах. Правительства развитых стран смогут сохранять контроль над ситуацией и создавать новые рабочие места, в том числе и наращиванием расходов за счет бюджетных дефицитов.

Технологически обусловленный провал между развитыми и неразвитыми странами сократится, **богатство и, что важнее, возможности распределятся более равномерно**, – и человечество станет более единым.

Эта картина выглядит идиллической, но для богатейшей части человечества (наиболее влиятельной и потому распространяющей свои представления и социальное самочувствие среди не принадлежащих к ней масс) она станет трагедией. Выравнивание благосостояния в мировом масштабе будет означать снижение богатства развитых обществ и богатейших людей – возможно, и абсолютного, но уж точно относительного, то есть снижение отрыва их уровня благосостояния от уровня основной массы. *А ведь именно величина этого отрыва и составляет основу мироощущения современной элиты.*

Вопросы об областях применения «закрывающих» технологий (а ведь они, какими бы мягкими и щадящими ни были, «закроют» не только отрасли, но и, вместе с отраслями, целые страны), темпах их распространения и характере влияния на структуру мировой экономики остаются открытыми.

Собственно, открытыми остаются почти все вопросы, которые сегодня можно сформулировать.

Но апокалиптические прогнозы эвтаназии незападных цивилизаций неверны, так как это не только не разрешает, но консервирует и даже усугубляет основное противоречие глобализации (см. параграф 14.3.1) и его выражение в современном глобальном кризисе: емкость мировых рынков снижается относительно растущего предложения и становится все более недостаточной для развития сложных и дорогих технологий.

Ключ к изживанию кризиса – качественное удешевление и упрощение современных технологий с формированием пострыночной экономики. Но нежелание глобальных монополий и выражающего их волю глобального управляющего класса поступаться властью делает гармоничный сценарий постепенного распространения «закрывающих» технологий маловероятным; скорее всего, оно произойдет в результате катастрофического срыва в Глобальную депрессию (см. параграф 15.3). Вероятно, она будет усугублена широким применением технологий изменения личности – как на индивидуальной (в ходе выращивания «частичных», служебных людей разного назначения, в первую очередь топ-менеджеров – см. раздел введения 4.4.5), так и на коллективной (методами социальной инженерии, через социальные платформы и формирование алгоритмического общества – см. раздел 4.5 введения) основе.

Глава 16. ТЩЕТА ПОБЕД: ПЕРИОДЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Но их бедой была победа:
За ней открылась пустота.
(Наум Коржавин)

Основные этапы глобализации вполне очевидны:

- 1970-е годы – возникновение ее технологической базы за счет перехода от развития материальных ценностей к развитию сферы индивидуализирующихся развлечений для расширения рынков не освоением новых территорий и созданием новых материальных благ, но формированием новых потребностей со все более низкой себестоимостью их удовлетворения (см. параграф 9.2.1);
- создание в 1973-1975 годах механизма нефтедоллара, обеспечившего финансовому сектору большие прибыли, чем реальному, и тем самым – его политическую победу над реальным (подготовившую освобождение ФРС от роли «служанки Казначейства»);
- рубеж 70-х – первая половина 80-х годов – либеральная контрреволюция, опирающаяся на созданные на прошлом этапе информационные технологии, позволяющие игнорировать массы, и на качественное смягчение финансовой политики США в 1981 году;
- конец 80-х – начало 90-х годов – уничтожение советской цивилизации и освоение ее «наследства»;
- 90-е годы – безвозвратное кредитование неразвитого мира для компенсации нехватки его спроса в обмен на его принятие глобального политического доминирования США;

- структурный кризис 1997-2001 годов;
- «нулевые» годы до 2007 – реструктуризация мировой экономики и безвозвратное кредитование потребления в США;
- 2007-2009 – обострение глобального финансового кризиса;
- 2009 – 2014 – политика «количественного смягчения» и превращение стратегии «экспорта хаоса» в доминанту;
- с середины 2014 – стратегия разрушения глобальных рынков, от безысходности начатая Обамой и осмысленная Трампом.

16.1. Подготовительный этап: накачка финансово-информационных мускулов

16.1.1. Вертикальный прогресс в создании новых рынков: цена – отказ от будущего

Наука изучала человека и закономерности его поведения со столь же давних пор, что и окружающий мир. Соответственно, технологии управления поведением человека развивались параллельно технологиям материального производства. В далеком прошлом мы не видим их и не сознаем их наличия потому, что изменение общества, а с ним и нашего собственного восприятия общественных процессов, – несравнимо более быстрое, чем изменение окружающей среды и даже технологической сферы (разумеется, после ее формирования), – делает их непонятными, а то и невидимыми для нас.

В конце XIX века управление поведением получило прочный фундамент, с одной стороны, в виде психологии как науки, а с другой – в виде газет, которые благодаря расширяющейся грамотности повысили масштабы воздействия

управляющих систем (как государственных, так и частных) на людей. Одновременно с этим достигли расцвета крупные государства в виде империй, а коммерческие и прежде всего финансовые структуры вышли в своей деятельности за их пределы и начали прилагать усилия для их разрушения в более мелкие и потому более слабые и сильнее поддающиеся коммерческому влиянию общества в виде национальных государств.

Империи опирались на прямое принуждение и пропаганду, а боровшиеся в формируемом ими общественном пространстве за расширение своего влияния и ослабление государств финансовые структуры – на управление рыночной конъюнктурой и более изощренные, косвенные, но и более объемлющие методы управления поведением людей через эмоции и идеи.

В условиях прямых столкновений империй и крупных государств (особенно в Первой и Второй мировых войнах) ТНК служили «своим» государствам. Но при этом они преследовали и собственные цели – от фактической подмены государственной разведки Британской империи в Европе частной разведкой английских банков (так называемая «организация Z», ставшая незаменимой после якобы случайного получения Германией полных списков английских государственных агентов в Европе в так называемом «инциденте в Венло») до продажи *De Beers* необходимых военной индустрии технических алмазов немцам, продолжавшимся на протяжении всей Второй мировой войны вопреки усилиям США, так как прибыль от такой продажи в 30 раз превышала обычную, а английское государство было срощено с империей Оппенгеймеров (De Beers контролировали выходцы из нее же) [85].

В результате управление поведением человека (включающее технологии пропаганды, информационной и всеобъемлющей политической войны) быстро развивалось, и мировые войны давали ему такое же мощное ускорение, что и обычному технологическому прогрессу. Перенапряжение советской управляющей системы в войне и ее бюрократи-

ческое окостеневание по ее завершении отдали лидерство в этой сфере Западу.

Получив, по сути, монополию на технологии всеобъемлющей политической войны[387], США как лидер Запада сразу применили их для чистки (получившей наименование «маккартизма») своего общества и его элиты от влияния нового «главного противника» – СССР. Но основными обладателями этих технологий были уже не государства, а ТНК, в первую очередь финансовые и медийные (руководители спецслужб и силовых структур США и Англии имели обычно двойную лояльность, – перед государствами и перед базирующимися на их территориях ТНК).

После исчезновения угрозы «горячей войны» с СССР значение западных государств (связанное в первую очередь с монополией на легитимное военное насилие) для ТНК объективно снизилось, и они начали применять разработанные для борьбы с нами всеобъемлющие технологии тотальной «политической войны» не только против собственных же обществ, но и для достижения своих, в первую очередь коммерческих задач.

Важным проявлением демократизации в этой сфере стало разрешение, данное властями Англии на выход в 1962 году[388] [85] книги Монтгомери Хайда The Quiet Canadian:

387. Политическая война (*political warfare*) – термин английского госуправления XX века (и, соответственно, политической науки), означающий достижение политических целей всеми доступными методами, применяемыми в комплексе, за исключением крупномасштабной «горячей» войны. В официальном документе английского правительства 1940 года ее суть сформулирована так: «Выполнить все, что в настоящий момент не выполняется и не может быть выполнено не тайными средствами, с целью обеспечить надлежащую помощь» Англии (в том конкретном случае – «со временем вовлечь Америку в войну» [8, 85]. В XXI веке госуправление США стало использовать для этого явления (правда, обогащенного социальной инженерией) термин «гибридная война» (в изобретении которой затем – в полном соответствии с ее принципами – на основании сделанных в России переводов и обобщений была обвинена Россия).

388. Принципиально, что это случилось до Карибского кризиса, положившего конец иллюзии возможности победы в «горячей войне» с СССР и переориентировавшего конкуренцию с ним Запада на методы размывания ценностей и подмены идентичности, то есть с обычной на всеобъемлющую политическую войну.

The Secret Service Story of Sir William Stephenson [32] о деятельности английских спецслужб в США во время Второй мировой войны (полный текст был опубликован лишь в 1989 году в США и в 1998 в Англии под исчерпывающе откровенным названием British Security Coordination: The Secret History of British Intelligence in the Americas. 1940-1945 [8]. Она раскрыла общественности (пусть и не широкой в силу ограниченности тиража и замалчивания темы) технологии политической войны во всей их тотальности и неприглядности, включая массовое и системное похищение немецких специалистов и технологий в интересах частных британских фирм в 1945 году.

Однако подлинным рубежом масштабного применения технологий политической войны (и в первую очередь технологий социальной инженерии) стала череда «молодежных бунтов» 1968 года. Удар по политическим режимам, враждебным финансовым и медийным ТНК (в первую очередь благодаря своей ориентации на конкурировавшие с ними в борьбе за возникающую глобальную власть производственные ТНК – см. параграф 16.1.2) вроде лишенного в итоге власти де Голля[389] и дискредитированного Советского Союза, представляется сегодня второстепенной, побочной задачей.

Главным было решительное переформатирование самих западных обществ: слом в них традиционных структур индустриального гражданского общества в пользу прямой власти контролируемых финансистами медиа и нащупывание технологий управления на основе эмоций с разрушением и дискредитацией конкурирующих традиционных же институтов, ориентированных на управление на основе интересов (см. параграф 6.5).

Не менее важным представляется стерилизация энергии окрепшего к тому времени благодаря развитию демократии и социального государства массового среднего класса в заведомо тщетных и гарантированно безопасных для глобальной элиты направлениях, в том числе стерилизация энергии

389. Не только поставившего на грань (а как потом выяснилось, и за грань) банкротства США, но и выведшего Францию из военной организации НАТО.

сытой (что тогда воспринималось старшим поколением Запада, помнящим войну, весьма болезненно) молодежи с изменения социума и подчинение власти народу на личное совершенствование. Распространение и популяризация контркультуры (включая наркотики как ее элемент) позволила начать разворот вектора приложения энергии народов Запада с общества (что опасно для элит) на частную жизнь и собственное сознание, что для элит безопасно и позволяет им, атомизируя массы, гарантированно безнаказанно и относительно легко манипулировать ими.

Осознание или хотя бы ощущение этого позволило представителям финансовых ТНК, создав в июле 1973 года (по инициативе Дэвида Рокфеллера) Трехстороннюю комиссию формально для борьбы с советской цивилизацией, немедленно и открыто поставить задачу свертывания традиционной демократии на Западе [16, 188].

Развязывание политической войны внутри собственных обществ неизбежно привело к выходу соответствующих информационных и организационных технологий из-под спуда секретности и элитарности, массовому их применению в сугубо коммерческих целях. *Предельный цинизм этих технологий и полная беззащитность перед ними традиционного и индустриального сознаний отражены, например, в ранней комедии Пьера Ришара «Рассеянный» (1970).*

Помимо помощи элитам в борьбе за власть, эти технологии способствовали смягчению вечной проблемы капитализма – нехватки спроса – при помощи создания качественно новых рынков, связанных с развлечениями и, затем, с трансформацией человеческого сознания (см. параграф 9.2.1). Оказалось, что создавать новые рынки прямым воздействием на сознание человека значительно проще и дешевле, чем традиционным изменением окружающего мира. Это обеспечило качественный рост емкости рынков и продление времени существования капитализма, по крайней мере, на поколение[390].

390. А потом еще на поколение продлило существование капитализма уничтожение советской цивилизации.

В результате прогресс приобрел новое, ментальное измерение и ушел преимущественно в него, став из привычного «горизонтального» «вертикальным»: направленным не на изменение существующего мира, но на создание новых миров в воображении человека.

Погрузив значительную часть активного человечества из реальности в грезы (включая грезы индивидуального самосовершенствования, массово невозможного без совершенствования общества и не являющегося, что бы ни твердили праведники, его инструментом), это лишило человечество возможности творить свое реальное будущее в соответствии со своими потребностями. *(Более того: как подметил А.И. Фурсов, тема будущего вообще стала вытесняться с повестки дня, со временем становясь чуть ли не табуированной.)*

Этот уход из реальности как раз на пике развития социального государства качественно облегчил задачу его демонтажа враждебно противостоящим ему финансистам (в отличие от производственников, для которых порожденное индустрией социальное государство было не «чистыми издержками», а гарантией спроса и наличия квалифицированной рабочей силы).

При этом спекулятивный характер создаваемых рынков качественно укрепил наиболее гибкий финансовый и зарождающийся информационный капитал в его противостоянии с традиционным производственным и в целом с реальным сектором.

16.1.2. Создание нефтедоллара: победа финансового сектора над реальным

В конце 60-х экономически окрепшие страны Западной Европы начали все шире применять право (установленное Бреттон-Вудскими соглашениями) свободного обмена долларов на золото. Зарабатывая экспортом доллары, они обменивали их на американское золото, обеспечивая им свои валюты.

Перед выборами 1965 года (вторые прямые выборы президента, первые были в 1848) после потери Алжира в 1962 и более чем 30 покушений де Голль стал укреплять суверенитет Франции (в том числе отказом от «многосторонних ядерных сил» под командованием США в 1963 и признанием КНР в 1964 году).

Один из элементов этого курса – экономическая независимость. С февраля 1965 де Голль занялся подрывом Бреттон-Вудской системы и доминирования США (в июле курс был дополнен отстраиванием от евробюрократии: бойкотом всех заседаний Европейского экономического сообщества, кроме решающих рабочие вопросы). С февраля 1966 года де Голль вынудил США обменять на золото 1,5 млрд.долл., доведя золотой запас Франции до 4.2 тыс.т..

Из-за политического давления США Франция вышла из военных структур НАТО, закрыла ее штаб-квартиру в Париже и все 189 баз, изгнала 35 тыс. ее солдат (в 1959 Средиземноморский флот Франции уже вышел из-под командования НАТО).

«С 1965 до 1967 США были вынуждены обменять... доллары на 3000 тонн ...золота... За Францией к обмену на золото предъявила доллары ФРГ. В начале 70-х... произошло перераспределение золотых запасов в пользу Европы. Появились значительные проблемы с международной ликвидностью [рост значимости золотого обеспечения ограничил кредит – М.Д.]... Доверие к доллару как резервной валюте дополнительно падало из-за гигантского дефицита платежного баланса США. Образовались новые финансовые центры (Западная Европа, Япония), и их ...валюты начали ...также использоваться в качестве резервных. Это привело к утрате США... абсолютного доминирующего положения в финансовом мире» [330].

Золотые запасы США сокращались а объемы долларов росли. Сохранение золотого стандарта требовало снижения международного значения доллара и официального превращения немецкой марки и японской иены в равноправные с ним резервные валюты, обмениваемые на золото. Такое падение политического значения было неприемлемо для США,

а испытывающие вину за Вторую мировую войну и страх после своего поражения элиты Германии и Японии не были готовы к повышению своей роли. (*Кроме того, золотой стандарт сдерживал кредит, а с ним и развитие экономики.*)

Результатом стало банкротство США в 1971 году, когда Никсон прекратил свободный обмен долларов на золото, отказавшись от фундаментальных бреттон-вудских обязательств США. *(С декабря 1971 по февраль 1973 года доллар был девальвирован к золоту более чем на 20%: с 35 до 42,2 долларов за тройскую унцию.)*

Банкротство США, пусть и техническое (не связанное с требованием кредиторов о даже частичном переходе под их управление), создало высочайшую неопределенность. *Не случайно власти СССР даже не попытались воспользоваться ситуацией для прорыва к мировому лидерству или хотя бы укрепления своих внешнеполитических позиций. Помимо их перерождения (в целом они стремились уже не к доминированию и даже не распространению коммунистической идеологии, а к буржуазным комфорту и прибылям – см. пример 55), они давно уже утратили глобальное стратегическое видение, характерное для сталинской эпохи, и просто не сознавали происходящее. А ощущение сложности мирового развития и страх перед этой не сознаваемой ими сложностью парализовывал их.*

Банкротство США поставило на повестку дня два вопроса:

- сохранение их положения как лидера Запада (и в этом качестве – основы всей тогдашней международной архитектуры, основанной на противостоянии двух общественных систем);
- перспективы всей созданной Бреттон-Вудскими соглашениями мировой финансовой системы (очевидно выработавшей свой ресурс), в том числе соотношения даже основных, свободно конвертируемых валют, а значит – всей системы международных цен как основы мировой экономики.

Ответ на первый вопрос был дан наиболее драматическим образом, хотя драматизм остался скрыт от сторонних

наблюдателей. Внешне все осталось по-прежнему: США полностью (причем при неявной поддержке своего противника, Советского Союза, что дополнительно свидетельствовало об их могуществе и влиянии) сохранили свое положение.

Но это были уже совершенно другие США.

Формально техническое банкротство оказалось банкротством «внутренним» и изменило характер государства: оно перешло под контроль базирующихся на его территории ТНК.

Американское государство, созданное бизнесом и для бизнеса (что было и остается источником его силы), всю свою историю было полем борьбы между национальной бюрократией, опиравшейся на национальный бизнес и внутренний рынок, и международным бизнесом, базирующимся в США и опирающимся на их мощь.

Противоположность их интересов проявлялась много раз, включая гражданскую войну (в которой столкнулись конкурентоспособный в мировом масштабе Юг, жаждущий свободы торговли, и только поднимавшийся на ноги индустриальный Север, не способный выжить без протекционизма). По мере расширения международной торговли и роста значимости мировых рынков баланс сил менялся, а формирование в начале XX века финансового империализма (ознаменованное в том числе созданием ФРС как инструмента завоевания и удержания глобального доминирования) предопределило доминирование «глобалистов» над «патриотами».

Но окончательный перелом произошел в начале 70-х: начался техническим банкротством США и их отказом от золотого стандарта и закончился уходом Никсона под страхом импичмента.

Банкротство превратило США из национального государства в оргструктуру ТНК (см. параграф 13.2), которые с крахом СССР выросли в глобальные монополии, породившие глобальный управляющий класс (см. параграф 7.2), – и, создав новый формат их международной власти, дало ответ на второй вопрос: о мировой валютной системе. Финансисты США договорились с арабскими экспортерами нефти

(прежде всего с Саудовской Аравией) о кратном удорожании нефти при условии, что экспортеры направят свои доходы на их поддержку: будут держать в их банках и тратить на покупку американского оружия. *(Дополнительным условием, вероятно, стало отказ арабских монархий от желания уничтожить Израиль).*

Такая договоренность стала возможна в силу окончательного уничтожения Британской империи: к началу 70-х США наконец отобрали у Англии определяющее влияние на ее бывшие колонии и смогли начать использовать их против бывшей метрополии.

Скачок цен на нефть (и, соответственно, бензин) в 1973-1974 годах носил всецело политический характер. Обычно называемые в качестве его причины освобождение от колониальной зависимости, рост арабского национального и элитарного самосознания (не говоря уже о ставшем их следствием создании ОПЕК) смогли реализоваться лишь благодаря системной договоренности с США, ключевым представителем которых (объединившим интересы ТНК и национальной бюрократии) стал признанный военный преступник, а также лауреат Нобелевской премии мира 1973 года Киссинджер.

Достижение этой договоренности шло через жесткий конфликт. В начале 70-х король Саудовской Аравии Фейсал из-за девальвации доллара принял решение о постепенной национализации совместных с США нефтяных компаний. В 1973 году он объявил нефтяное эмбарго США и Нидерландам, поддержавшим Израиль в войне Судного дня; другие жертвы эмбарго – Англия, Бельгия, Франция, Филиппины и Япония – «вскоре высказались против Израиля и за освобождение оккупированных им территорий, что сулило им некоторые поблажки» [179]. Эмбарго было отменено в марте 1974 лишь угрозой военной интервенции США в Саудовскую Аравию. ***Но окончательно механизм «нефтедолларов» оформился лишь в 1975 году, когда Фейсал был застрелен своим племяннико****м, пристрастившимся к наркотикам в военном училище США. Это вновь сделало Саудовскую Аравию их вер-*

ным слугой, создав возможность создания уже в 1976 году Ямайской валютной системы, модифицировавшей Бреттон-вудскую систему в соответствии с новой ролью США и «нефтедолларами» как их новым инструментом.

Нефтяной кризис 1973-1974 годов нанес сильнейший удар Западу, повысив себестоимость его продукции и став одной из причин социально-экономических проблем середины – конца 70-х, увенчавшихся стагфляцией конца 70-х – начала 80-х годов. *(Выходом из стагфляции стала лишь «рейганомика» с ее военным кейнсианством и бурной накачкой деньгами экономики – как увеличением бюджетного дефицита, так и, в первую очередь, качественным ростом кредита благодаря смягчению требований к его обеспечению).*

Но для США этот ущерб (его символом стали драки в очередях на автозаправки) быстро стал с лихвой компенсироваться притоком арабских нефтедолларов в их банки. Положение их реального сектора ухудшилось, но наравне с реальным сектором всего Запада (он даже оказался в более выгодных условиях, чем конкуренты в Японии и Европе, не имеющие своего сырья[391]).

Финансовый же сектор США расцвел под живительными потоками нефтедолларов. По сути, они пошли на удорожание нефти, чтобы связать долларовую массу, заработанную другими развитыми странами (приток которой в золото только что привел к банкротству США), и направить ее в свою банковскую систему, превратив в ресурс своего глобального доминирования. Кроме того, рост мировой потребности в долларах повысил возможности США по увеличению бюджетного дефицита и их доходы от сеньоража (от эмиссии денег).

Возросшая стоимость импортируемой в США нефти возвращалась нефтедолларами в их банки: деньги перетекали из одних карманов нации в другие (точнее, из карманов населения и производителей в карманы международных финансовых спекулянтов). Возросшая же стоимость арабской

391. Правда, японские автомобилестроители, специализировавшиеся, в отличие от американских конкурентов, на экономичных машинах, оказались в выигрыше и смогли благодаря удорожанию бензина завоевать рынок США.

нефти, потребляемой в других странах, через арабских экспортеров также пошла в США, укрепляя их финансы; удорожание нефти стало ограблением союзников США с перетоком их бывших средств в распоряжение американских банков.

Другие импортеры нефти оказались в военно-политической зависимости от США, которые в силу своего влияния на Ближний Восток стали гарантами ее бесперебойной поставки, способными в любой момент отрезать от нее (в том числе и по формально непреодолимым или якобы не связанным с ними причинам) нелояльных.

Нефть Ближнего Востока стала источником глобальной власти США, – а точнее, базирующихся в них международных финансовых монополий, которые, именно опираясь на механизм «нефтедолларов», смогли окончательно взять под контроль американское общество, возобладав и над реальным сектором, и над национальной бюрократией, и над его самосознанием (воплощенным в интеллигенции). Именно эта победа стала предвестием либеральной контрреволюции элит рубежа 70-80-х годов (см. пример 23, параграф 16.1.3).

Эта победа аукнулась во всем мире. Наиболее важным представляется возобладание финансовых ТНК над производственными, ставшее результатом начала переориентации прогресса с производства материальных благ на создание разнообразных иллюзий (см. параграфы 9.2.1 и 16.1.1) и вполне диалектически обеспечившее экономический и управленческий фундамент этой переориентации.

Конфликт финансового и промышленного капитала (и в целом капитала, занятого в реальном секторе) – такая же сквозная тема истории, как и конфликт глобально и национально ориентированного капитала, и, более того, является стержнем последнего: финансовый капитал обычно ориентирован глобально и больше всего зарабатывает на дестабилизации, а реальный сектор, объективно нуждаясь в стабильности, обеспечиваемой лишь государством, тесно связан с тем и в итоге служит ему. Гильфердинг [122] доказал неизбежность победы международного финансового капитала над ограниченным границами государств капиталом

реального сектора (в первую очередь промышленным). В нашей стране эта тема затушевывалась, так как (как показал тот же Гильфердинг) социалисты и в целом левые радикалы развивались как оружие финансового капитала против промышленного, в нужные моменты подрывая стачками и социальными протестами его положение, что резко повышало спрос на кредит и укрепляло финансистов [233].

Крах империй в Первую мировую войну был триумфом финансового капитала над промышленным (см. параграф 5.5.3), но Великая депрессия, подорвав международную интеграцию и качественно повысив роль госрегулирования, вернула лидерство вынужденно связанному с государством реальному капиталу.

«В 50-60-е происходило последовательное усиление... производственного капитала по отношению к финансовому... После... Второй мировой войны... конверсию ...США и восстановление производства в Западной Европе финансировали в основном не частные банки, а государственные органы. В дальнейшем государственные финансовые источники... начинают... замещаться не банковскими, а собственными средствами производственных монополий. Если в 1951-55 гг. собственные источники... составляли 45% ... средств корпораций, расходуемых на расширенное воспроизводство, то 1956-60 гг. – уже 52%, в 1961-65 – 55%, а в 1966-70 гг. – 61%...

В послевоенный период произошло размежевание... собственников... [финансовых и промышленных – М.Д.] групп ТНК, и они с каждым годом все в большей степени стали представлять собой не единое целое, а враждующие группировки...» [277].

Превосходство нефинансового капитала над финансовым сохранялось вплоть до реванша финансистов созданием механизма «нефтедолларов»[392], причем очевидным он стал

392. Завершив послевоенное восстановление, нефинансовый капитал столкнулся с проблемами, связанными прежде всего с загниванием монополий и ограниченностью возможностей экспансии, которые подточили его преимущество по сравнению с финансовым капиталом и создали возможность для реванша последнего. Так, норма прибыли в корпоративном нефинансовом секторе США снижалась с 9,3% в 1951-55 гг. до 7,1% в 1956-60, 6,5% в 1961-65 и 6,1% в 1966-70 гг. К 2013 она упала до 2,2%.

лишь на рубеже 70-80-х годов: «...В послевоенный период, до конца 1970-х, наблюдался... реванш промышленного капитала как в лице... корпоративных капиталистов, так и топ-менеджмента над финансовым капиталом, фактически безраздельно господствующим в период классического империализма как высшей стадии капитализма, особенно до Великой депрессии» [277].

Как раз с созданием этого механизма СССР, соблазнившись конъюнктурой, начал масштабный экспорт сырья на Запад, сев на «нефтяную иглу» и войдя с Западной Европой в симбиоз, который из-за ее слабости и зависимости (доминирование США было в ней несокрушимым[393]) стал для него пагубным.

Еще важнее, что при этом[394] он вступил в партнерские отношения с понятными и близкими советским руководителям (в отличие от финансовых спекулянтов) производственными ТНК, глобальное влияние которых как раз из-за создания механизма «нефтедолларов», как было показано выше, неотвратимо снижалось. В результате идеология конвергенции, для реализации которой были созданы многие респектабельные институты (включая знаменитый Римский клуб [277]) и в рамках которой всецело находился про-

---

Экспансия производственных ТНК в развивающиеся страны подрывалась хаосом в них из-за как управленческих проблем, так и разорения этих стран спекуляциями финансовых ТНК. Норма прибыли прямых инвестиций американских ТНК в развивающиеся страны упала с 1960 по 1970 гг. с 24,3 до 10%, а в обрабатывающие отрасли – с 16,3 до 2,4%. В итоге ТНК США в 1967-1971 гг. ликвидировали 557 своих зарубежных проектов, а ТНК Англии с 1963 по 1970 гг. – 487. Важно, что в странах, где к власти пришли патриотические силы, обычно сотрудничавшие с СССР, производственные ТНК несли качественно меньшие потери или увеличивали свои инвестиции.

Это стало одной из причин того, что производственный капитал стал рассматривать СССР как своего союзника в борьбе с финансовым капиталом (а также с правительствами стран их базирования), и одним из фактором идеологии конвергенции [277].

393. Помимо военного, политического, экономического, культурного и информационного контроля за Западной Европой, США создали в ней развернутую секретную диверсионно-террористическую сеть «Гладио», тайные армии которой прибегали к террору (как в Италии в 70-е годы) при возникновении угрозы их доминированию.

394. А также при операциях при импорте зерна за нефтедоллары.

ект Андропова «Звезда» (см. пример 53), опирался на Западе на «уходящую натуру» и в силу этого был обречен на стратегическое поражение, – а с ним и опершаяся на него советская цивилизация.

Это было тем более обидно, что накануне, в 60-е годы Советский Союз сыграл ключевую роль в создании рынка евродолларов [75, 180], что обеспечивало ему союз с европейским финансовым капиталом, который мог использоваться для конкуренции с финансовым капиталом США, – и, таким образом, СССР сам ушел со стратегически доминирующих позиций, простое сохранение на которых обеспечивало ему глобальное лидерство. Но краткосрочная выгода от экспорта нефти и «профессиональная близость» советского руководства (в силу решаемых им задач и модели экономики инженеров, а не банкиров) к производственным ТНК обусловили союз СССР с последними именно тогда, когда они утратили свое стратегическое лидерство, – и тем самым и его крах.

При этом на связях с международным бизнесом – сначала финансовым, затем сырьевым – вырос целый слой советских международных чиновников, ставших политической силой и сыгравших одну из ключевых ролей в подчинении советской элиты Западу (о других факторах гибели советской цивилизации см. пример 55).

А в 1981 году финансовые монополии взяли новую высоту, качественно смягчив кредитные ограничения (вносимый залог стал достаточен не для возврата кредита с процентами, а лишь для обслуживания кредита в течение времени его предоставления [324]). Это позволило резко раскрутить кредитный маховик, вытащивший США (а за ними и весь Запад в целом) из болота стагфляции и сокрушить СССР (с конца 90-х неограниченный по сути кредит стал скрываемой хуже стыдной болезни причиной глобального долгового кризиса, но у любой медали две стороны). Добиться этого без опоры на ресурсы, предоставляемые новой американской системе при помощи механизма «нефтедолларов», было в принципе невозможно.

16.1.3. Либеральная контрреволюция: восстание элит

Индустриальные технологии (и особенно конвейер) в силу своей природы не только создали организованные и сплоченные массы, но и дали им знания, позволяющие осознавать свои интересы и осмысленно добиваться их реализации. *Марксизм, развитый Лениным и (в основном в практическом плане) Сталиным, выразил эту тенденцию исчерпывающе.*

Однако уже в 70-е годы XX века, достигнув исторической зрелости, индустрия и ее общественные порождения (как и положено в диалектике) начали отрицать саму себя: зарождающиеся в виде рекламных информационные технологии сделали более выгодным бизнесом создание иллюзий, а не преобразование реальности, транснациональный финансовый капитал стал влиятельнее производственного, социальное государство породило неприемлемое иждивенчество[395], поставившее его под сомнение, а порожденная индустрией и создавшая социальное государство традиционная демократия стала осознаваться наиболее передовой[396] и сознательной (уже финансово-информационной, а не производственной) частью транснационального бизнеса как опасность, подлежащая изживанию.

Разумеется, как и все объективные тенденции, эта нашла свое высшее выражение в политико-идеологической сфере: вдохнула новую жизнь в замшелую идеологию либерализма и вывела ее носителей на авансцену глобальной политики.

Социалистическое по сути «восстание масс», в 1930 году замеченное Ортегой-и-Гассетом [234] (а до того вздыбившее Китай, создавшее Советский Союз, породившее авторитарные режимы в Западной и Восточной Европе), на рубеже 70-80-х годов сменила либеральная «контрреволюция элит»,

395. В том числе и в Советском Союзе.

396. В социальном смысле слова, то есть не «хорошей», а «наиболее быстро развивающейся и показывающей собой остальным их завтрашний день».

выразителями и провозвестниками которой стали Тэтчер и Рейган.

Информационные технологии освободили бизнес от масс, сделали его независимым от них и, более того, начали разрушать сами массы. Высокий уровень самосознания транснационального бизнеса (особенно финансового и медийного) позволил увидеть это, сделать конкретные политические выводы, – и изменить лицо человечества.

Началось энергичное уничтожение накопленных на этапе индустриальной социализации общественных благ: материальные достижения приватизировались и превращались в инструменты эксплуатации и получения частной прибыли, нематериальные прекращали поддерживаться (для экономии) и либо разрушались, либо превращались в свою противоположность (как, например, образование и культура) и также использовались как база для развития частного (а в случае привлекательности – глобального) бизнеса. *Результат сопоставим с погромом среднего класса, впоследствии учиненном либералами в Восточной Европе: в Англии доля семей за чертой бедности (то есть не имеющих средств на еду, одежду, отопление и страхование жилища) выросла с 14% в начале 80-х до 33% в 2015 году (при том, что ВВП за то же время увеличился вдвое).*

Приватизации и уничтожению в качестве общественных благ подвергалось и многое из того, без чего общество существовать не может; наиболее наглядным примером представляется общая практически для всех ведущих стран Запада нехватка инженеров, в перспективе создающая прямую угрозу системам жизнеобеспечения.

Но эмансипировавшимся от общества элитам, мстящим ему за долгое время зависимости и агрессивно утверждающим свое превосходство над ним, в принципе безразлична его судьба. При этом они отказываются сознавать свою зависимость от положения масс, так как подобное допущение неприемлемо оскорбительно для них.

Кроме того, оно прямо противоречит всему их жизненному опыту: на протяжении всей либеральной «контррево-

люции элит» их благосостояние росло на фоне и благодаря стагнации, а в последнее время и ухудшения условий жизни масс, – и их ограбление под различными благовидными предлогами стало нормой даже не поведения, а самосознания современных элит Запада и глобальных элит.

Наиболее креативные либералы России отлили этот подход к чеканную формулу «люди – новая нефть», порождающую стремление максимально интенсивного применения к ним «гидроразрыва пласта». Мысль, что ухудшение положения масс через некоторое время ударит и по элитам (особенно в условиях их все более наглядного перепроизводства [299]), не признается последними не только в силу противоречия их интересам и опыту, но и из-за сложности доказывания (так как, запустив процессы деградации общества – см. раздел 1 предисловия – элиты деградируют и сами). Даже поверив в это, каждый член элиты рассчитывает индивидуально уклониться от общей тенденции, переложив ее бремя и риски на своих конкурентов и выиграв на этом (таким образом, порождаемая информационными технологиями атомизация действительно носит всеобщий характер и разрушает не только массы, но и элиты).

Изменилась и стратегическая функция государства: из опоры национального производящего оно стало региональным менеджером глобального спекулятивного бизнеса. По необходимости разобщая и подавляя массы (которые из политической, экономической и технологической опоры превратились в ненужного противника) развитых стран Запада, глобальный бизнес стремительно создал организационные структуры и практические навыки, применение которых к противостоящей советской цивилизации обеспечило ее сокрушение, – и, соответственно, захват ее ресурсов и рынков.

Именно этот захват и создал глобальный рынок, формирование и освоение которого стало коммерческой сутью и важнейшим экономическим элементом глобализации.

С того времени минуло почти три десятилетия – целая эпоха, в которой мировая экономика прошла несколько существенно различающихся этапов.

16.2. Победа, или захват нового мира: вторая Конкиста

Катализатором глобализации стал односторонний выход Горбачева из холодной войны, явившийся непосредственной причиной гибели Советского Союза, так как Запад и не думал прекращать борьбу на его уничтожение.

Пример 55

Советский Союз: уроки возникновения и фундаментальные причины поражения

Поражение Советского Союза – глобальная катастрофа, отбросившая назад все социальное развитие человечества. Вероятно, советская цивилизация была первой масштабной репетицией коммунизма, как Венеция и Генуя были репетициями капитализма.

Многие ее элементы уже вынужденно возрождаются на глобальном уровне (см. параграфы 8.1, 8.2); перерождение капитализма делает актуальными уроки политической победы над ним.

К урокам Великой Октябрьской Социалистической революции

1. Ключевая причина краха царизма – **сословный характер** сформированного им **общества**, лишавший социальной перспективы большинство народа, ограничивавший привлечение талантов на службу обществу (в лице государства – других лиц у общества нет) и в силу этого вступивший в непримиримое противоречие с развивавшимися индустриальными технологиями. Царизм попытался искусственно сохранить его, блокируя социальные лифты, – и защищать его стало некому. Крах СССР во многом был вызван возрождением сословного общества.

Сейчас в России сословное общество восстанавливается «с разных концов» либералами и консерваторами.

Они уповают на то, что информационные технологии сверхпроизводительны и в условиях рынка, в отличие от индустриальных, делают «лишними» массы населения и лишают его возможности защищать свои интересы. Это порождает иллюзии возможности сохранения сословного общества в виде заведомо нежизнеспособного «нового феодализма».

Человек не хочет и не может становиться на четвереньки, – и успехи в создании новой «Железной пяты» [199] приведут к утрате технологий, в том числе жизнеобеспечения. Это обернется катастрофой обществ или даже цивилизаций и откроет простор обществам, сохранившим относительную демократию (см. параграф 6.3).

2. Невменяемость власти порождает нерешенность ключевых проблем, блокирование развития и **тупик,** – в котором неизбежны **заговоры**. Сегодня такую пагубную невменяемость демонстрирует руководство как ключевых государств Запада, так и глобальных финансовых групп, равно не способных противостоять глобальному кризису (см. пример 52). Хаотическое столкновение порождаемых этим заговоров дает возможности незападным силам (как в первой половине XX века обострение противоречий между империалистическими державами позволило построить социализм, что было невозможно еще в конце XIX века).

3. В хаосе заговоров на первом этапе (в 1917 – в Февральской революции) побеждает разрушительное внешнее влияние. С реформ Витте Россия была полем битвы английского, французского, американского и немецкого капиталов, и освободилась от них уже Сталиным в ходе индустриализации, – за это и ненавидят его либералы.

Это значит необходимость для патриотов в борьбе за власть использовать все возможности внешнего влияния, опираясь на них.

4. Либералы не могут обеспечить ни порядок, ни тем более **развитие**, так как служат глобальным спекулянтам против своего народа. Политический либерализм и в 1917 году жил не по Вольтеру, а по Березовскому и потому нес только разрушение и кровь.

5. В общественной жизни ничего нельзя копировать без учета **народной культуры**. Столыпин копировал западные образцы, и при успехе устроил бы революцию еще до Первой мировой войны: миллионы лишенных земли крестьян хлынули бы в города, где им не было работы, так как царизм не мог провести индустриализацию.

Формула победы большевиков – постоянная связь с народом, диалектическое единство его пробуждения, организации и направления со следованием его интересам по мере того, как он, пробуждаясь, осознавал их. Внешне это выглядело как свобода от догм и постоянное вслушивание в изменение народного сознания [140].

6. Справедливость – основа человеческой цивилизации, явленная в культуре России. Несправедливость неэффективна: все несправедливое или само мертво, или убивает общество, а через него себя.

Российское государство, похоже, создавалось в рамках СССР для разграбления советского наследства. Гибрид патриотической (с 2014 года) внешней и либеральной социально-экономической политики нежизнеспособен: если народ не обеспечит переход от разграбления страны к ее развитию, Россия рухнет в новую Смуту.

7. Справедливо распределить можно лишь справедливо произведенные блага. Легкость демонтажа «государств всеобщего благосостояния» Запада показала: перераспределение в интересах народа произведенного в интересах буржуа противоречиво и потому неустойчиво. Без внешнего принуждения, – например, без страха перед СССР, – буржуазия забывает о немецкой Конституции, по которой священна лишь собственность, которая служит обществу, – и начинает это общество грабить.

Поэтому надежна лишь **справедливость, начинающаяся с производства и коренящаяся в нем**. «Командные высоты» хозяйства (включая обычную и финансово-информационную инфраструктуру) должны принадлежать народу в лице государства, а бизнес призван развивать остальные сферы и осваивать внешние рынки (и то под контролем государства: ведь если бизнес в своей глобальной экспансии станет сильнее, он обеспе-

чит перерождение государства и, опираясь на него, поработит народ).

8. В борьбе за власть в 1917 году Ленин подчеркивал, что социализм отличается от капитализма не материально-технической базой, – она у них общая, – и даже не формой собственности (в критических условиях капитализм идет на огосударствление), а лишь **характером власти**: если она служит народу – это социализм, если бизнесу – это капитализм.

Перерождение власти, ее отстранение от народа ведет, как в СССР (где партхозноменклатура еще при Сталине оформилась в сознающий себя класс «для себя»), к перерождению социализма обратно в капитализм.

Поэтому сохранение, укрепление и развитие социалистической демократии – вопрос не столько эффективности, сколько самосохранения социализма: ее разрушение означает ее перерождение во власть «новой буржуазии» и, неизбежно, возврат в капитализм. Информационные технологии дают демократии новые возможности: эпизодическая (существующая непосредственно только в моменты выборов и политических кризисов) представительская демократия впервые со времен Древней Греции и новгородского вече может быть заменена постоянной и прямой демократией на основе постоянного волеизъявления народа, вовлекающей в управление каждого члена общества.

9. В глубоких кризисах практика идет впереди теории, даже передовой. Как говорил Сталин, «есть логика намерений и логика обстоятельств, и логика обстоятельств сильнее логики намерений».

Малоизвестные причины поражения советской цивилизации

Важнейшая причина гибели Советского Союза – **хозяйственное перерождение**. Превращение правящей элиты в буржуазную тусовку, живущую ради личного потребления и в 1971 году, при банкротстве США, оказавшуюся не в силах даже помыслить о мировом лидерстве, во многом вызвано сменой экономической модели в конце 50-х.

Уникальность созданной в ходе индустриализации «сталинской» экономики – не только в централизованном планировании и разделении денежного оборота на наличный и безналичный, обслуживающие потребление населения и развитие экономики. Сказочную эффективность обеспечила, прежде всего, ориентация не на естественный для рынка рост доходов, а на **снижение издержек** (вызванная, помимо теоретической недопустимости подчинения социалистического хозяйства капиталистической максимизации прибыли, скудостью ресурсов и крестьянской привычкой экономить), закрепленная в методологии с невоспроизводимым названием **«метод повышения эффективности производства (МПЭП)»**.

Граничное условие – выполнение плана производства в натуральном выражении, целевой функцией – снижение издержек. При невыполнении плана оно не вознаграждалось, но при выполнении вознаграждение было проработано с немецкой тщательностью (перевыполнение плана поощрялось не всегда, так как нарушало сбалансированность экономики).

Предприятие получало фиксированную часть экономии. Ее половина делилась поровну между изобретателем и руководителем, под свою ответственность реализовавшим изобретение. Другая половина также делилась поровну – между всеми работниками вне зависимости от вклада в снижение издержек. Это кровно заинтересовывало коллектив в поддержке «умников», которые превращались в аналог куриц, несущих золотые яйца для всех, и формировало не представимый ныне психологический климат, объединяющий людей задачей роста эффективности.

Результаты шокируют. Так, себестоимость знаменитой трехлинейки Мосина, массово выпускавшейся более полувека – с 1891 по 1943 годы (что означало высокую отлаженность технологии), – за последние три года производства была снижена еще в 1,6 раза!

Советская модель была убита во второй половине 50-х технологическим прогрессом: НТР, усложнив производ-

ство, сделало невозможным натуральное планирование резко выросшего числа значимых товаров, и от МПЭП отказались. Но инерция созданного им психологического климата сохранялась на многих производствах десятилетия, а в отдельных случаях дожила, несмотря на дикий капитализм, и до 10-х годов XXI века.

Сегодня мы понимаем, что использовавшиеся к концу 50-х годов компьютеры технически были достаточны для решения этой проблемы. Но имевшиеся в этой сфере ресурсы (включая внимание управляющей системы) были направлены на обороноспособность: задача выживания не позволила решить задачу развития.

Когда же в начале 60-х интеллект СССР, с одной стороны, развился и расширился, а с другой, смог отвлечься от задач самосохранения страны в силу их принципиальной решенности и породил несколько проектов кибернетизации общественного управления, они были парализованы партхозноменклатурой, осознавшей свои интересы и не желавшей ограничивать свой произвол компьютерами. Окно возможностей, приоткрытое хаосом борьбы между наследниками Сталина, захлопнулось с победой Хрущева в 1957 году; **осознать его просто не успели**. «Оттепель» была лишь его эхом в культуре и самоощущении масс, возникшим, когда порожденные им реальные управленческие возможности уже исчезли.

Среди проектов, способных восстановить «сталинскую» по эффективности модель экономики, ориентированную на снижение издержек и рост эффективности, наиболее известна ОГАС (Общегосударственная автоматизированная сеть) академика Глушкова. Она была подготовлена к 1962 году[397] *на основе наработок 1956-1959 военного программиста, создателя самого быстрого в мире компьютера 1958 года А.И.Китова. Сам Китов в конце 50-х был уволен с работы и исключен из партии под дав-*

397. О назревшем характере ОГАС свидетельствует то, что в том же 1962 году идею общесоюзной вычислительной (а на деле управляющей) сети пытались продвинуть создатель Института проблем передачи информации А.Харкевич и руководитель Главного вычислительного центра Госплана СССР Н.Ковалев.

лением военной контрразведки, расценившей идею единого управления военной и гражданской экономики как отвлечение ресурсов ВПК на гражданские нужды и подрыв обороноспособности (он был восстановлен в партии и несколько лет был заместителем Глушкова).

В 1962-1964 годах от проекта Глушкова (и ряда аналогичных) отказались в пользу идеи «хозрасчета», легшей в основу реформы Косыгина-Либермана: она не требовала инвестиций, а главное, хозяйственные руководители жаждали большей самостоятельности и более свободного (включая личные цели) распоряжения контролируемыми ими ресурсами.

В 1970 Глушков дошел до Политбюро, которое кастрировало ОГАС, убрав главное – единое управление экономикой страны: партхозноменклатура не могла делиться властью со специалистами[398]*.*

Усложнение производство под влиянием первой НТР в условиях отставания (чтобы не сказать «отсутствия») гражданской управленческой кибернетики[399] вынудило заменить натуральные показатели стоимостными, позволяющими объединять разнородные товары *(такие обобщения на основе натуральных показателей были нелепы – как учет военной техники в миллионах тонн)*. А опора на **стоимостные показатели** объективно **переориентировала экономику со снижения издержек на**

398. Фрагмент ОГАС показал высочайшую эффективность в Чили: правительство Альенде в 1970 году пригласило (по косвенной рекомендации СССР, не хотевшего дразнить США своими специалистами в Чили) английского кибернетика Стаффорда Бира для разработки ее аналога, названного «Киберсин». К 1972 элементы кибернетической сети объединили около 500 предприятий. Несмотря на отраслевую и функциональную частичность, «Киберсин» показал сверхэффективность: именно благодаря ему правительство Альенде выстояло в условиях организованной ЦРУ забастовки водителей грузовиков (которые были основным транспортом в протянувшейся на 4,3 тыс.км. с севера на юг стране). После военного переворота сеть была целенаправленно разрушена режимом Пиночета по указанию американских кураторов как источник суверенитета и угроза не только гегемонии США, но и капитализму как таковому [50].
399. Техническая слабость обеспечения управления вообще свойственна российской власти (см. сноску 171 на стр.214). Возможная причина – характерное для русской культуры придание общественному управлению сакральных свойств (см. второй том).

рост дохода[400]. Эта цель была рыночной; ее преследование привело к перерождению социалистического мировоззрения в обычное капиталистическое.

То, что ориентация на рост дохода в нерыночной экономике объективно, в силу устремлений монополий (порождаемых самой индустрией) способствует завышению издержек, обусловило ориентацию на завышение себестоимости («затратный характер») и негибкость позднесоветской экономики. Эта ориентация включала материальное стимулирование без оглядки на сбалансированность потребительского рынка (начиная с реформы Косыгина-Либермана), что увековечило дефицит и привело к потребительским кризисам 1969 (когда появились «колбасные электрички» в Москву), 1979-1981 и 1987 и последующих годов (горбачевские реформы уничтожили потребительский рынок уже в ноябре 1987 года).

Но катализатором возникновения устойчивого дефицита, дискредитировавшего СССР в глазах его же граждан и ставшего одним из ключевых факторов его краха, стала **денежная реформа 1961 года**, вынудившая отставку не согласившегося с ней бессменного «сталинского наркома», Министра финансов СССР А.Г.Зверева (1938-1960). Помимо деноминации, она в 2,25 раза девальвировала рубль к доллару и золоту; выросли цены на предметы роскоши[401]. У нее было три причины:

1. К концу 50-х стал ясен провал сталинской попытки (утонувшей в болоте бюрократии и страхе перед шпио-

400. Непосредственным выражением этого стал отказ под давлением лоббистов вместе с МПЭП и от соответствующего ему «сталинского» принципа ценообразования, при котором цены в оптовой торговле были равны себестоимости, а розничная наценка была главным источником дохода бюджета. Включение в оптовую цену нормативной прибыли производителя выражало переориентацию экономики со снижения себестоимости на ее увеличение и со стремления к эффективности на раздувание затрат, а в политическом плане было проявлением и важным инструментом буржуазного перерождения власти. Наиболее полно проблематику смены методики ценообразования раскрыл выдающийся советский и российский экономист Л.С.Беляев [94].
401. Так, в 1958 году «Москвич» можно было купить в магазине за 16 тыс. руб. «старыми», а в 1961 году только официальная цена «Запорожца» (качественно ниже классом) составляла 1800 руб.. В 1970 году, уже в разгар дефицита, государственная цена первых «Жигулей» (класс которых примерно соответствовал классу «Москвича») составляла 5500 руб. – более чем в 3,4 раза выше.

нажем, так и не получившую теоретического подкрепления, о категорической необходимости которого говорил Сталин) объединить социалистические и освобождающиеся от колониализма стран в единый экономический комплекс, как минимум на равных конкурирующий с капитализмом. Сама эта идея была слишком сложна для Хрущева и обременительна для партхозноменклатуры; ее забвение делало ненужным сильный рубль, ориентированный на привлечение капиталов и технологий, и требовало его девальвации для стимулирования экспорта и внутреннего производства (ограничением импорта).

2. Рост добычи нефти в СССР[402] сделал актуальным ее экспорт, который был возможен (не говоря о прибыльности) лишь при девальвации рубля. Она и создала сырьевую ориентацию экономики и политики.

3. Рост расходов на вооружение и в целом НТР, на улучшение условий жизни людей (из-за как их тяжести, так и борьбы за популярность кланов, схватившихся за власть после смерти Сталина) в сочетании со снижении эффективности экономики (из-за переориентации со снижения себестоимости на увеличение издержек) создал избыточную денежную массу, которую надо было стерилизовать (что и было сделано относительным удорожанием золота, импорта и предметов роскоши).

Но неожиданно оказалось, что рыночная экономика, бывшая органичной частью сталинской экономической модели[403], ориентировалась на золотое обеспечение

402. Добыча нефти в СССР выросла за послевоенные 15 лет более чем в 7,6 раза: с 19,436 млн.т. в 1945 до 148 млн. в 1960 году, когда было принято решение о ее масштабном экспорте в соцстраны. До 1948 года она не экспортировалась вообще; доля нефтепродуктов в валютной выручке выросла до 3,9% в 1950 и 9,6% в 1955 годах.

403. Сразу после восстания в 33-тысячном городе Вичуга в 73 км. от переименованного по его итогам Иваново-Вознесенска (город был захвачен рабочими, в основном ткачами, в апреле 1932 года после снижения месячных норм выдачи хлеба по карточкам с 12 до 8 кг. для рабочих и с 8 до 4 кг для иждивенцев, то есть до 133 грамм – нормы блокадного Ленинграда!) по инициативе подавлявшего его Кагановича по всей стране были открыты «колхозные рынки», что стало началом т.н. «нэонэпа» – сознательного развития рыночных отношений в недрах социалистической системы для ее стабилизации и корректировки. Хотя о необходимости хозрасчета, причем для обеспечения инвестиций, Сталин говорил еще в 1931).

рубля. Вероятно, избыточная денежная масса концентрировалась в том числе в руках ее деятелей (в том числе легальных), которые, нуждаясь в твердом ориентире стоимости, выбрали им «всеобщий эквивалент» (нелегальные валютные операции, несмотря на расцвет «черного рынка» в Москве в конце 50-х – начале 60-х и последующие громкие дела «валютчиков», были явно недостаточны для формирования ценовых ориентиров всего рыночного сектора экономики).

В результате цены колхозных рынков (наиболее значимый сегмент рыночной экономики) в 1961 году снизились не в 10 раз, как должно было быть при деноминации, а лишь в 4,5 раза[404], что выразило обесценение рубля по отношению к золоту. Впервые с 1950 рыночные цены существенно превысили цены госторговли. Деньги для поддержания спроса по выросшим на колхозных рынках ценам у населения были. Возникновение двухуровневой системы цен привело к массовому и постоянному перетоку товаров из государственной торговли в частную (а колхозы перестали продавать свою продукцию государству, направив ее на рынки), что создало в первой постоянный дефицит и четко разделило торговлю: лучшие товары продавались на колхозных рынках, худшие – в магазинах.

Ориентация рыночных цен на золото, а не решения партии и правительства показала партхозноменклатуре второй, рыночный центр власти, не подчиняющийся ей. Она всей мощью подавила политического конкурента[405]: провела укрупнение колхозов и их перевод в совхозы (которые не могли продавать продукцию на рынках, а были обязаны всю ее сдавать государству), подрыв подсобных хозяйств (вплоть до уничтожения личных садов

404. Так, если в декабре 1960 года 1 кг. картофеля стоил в госторговле 1 руб., а на колхозном рынке от 75 коп. до 1,3 руб., то после реформы в госторговле его цена составила 10 коп., а на рынке – 33 коп..

405. Именно в этом причина расправы над «валютчиками» Рокотовым, Файбишенко и Яковлевым, которых за одни и те же преступления судили трижды и в конце концов расстреляли по личному требованию Хрущева на основе выпущенного задним числом указа президиума Верховного Совета СССР: звериным политическим чутьем победитель послесталинской свары ощутил, что хозяйственные преступления и личное обогащение переросли в вопрос о власти.

и скота повышенными налогами) и в целом ликвидацию рыночного сектора экономики, что резко снизило ее общую эффективность.

Основной удар пришелся по более заметному, более понятному ей и потому более уязвимому производству, что усугубило дефицит и вызвало новый виток цен[406]. Для сокращения зияющего разрыва между рыночными и государственными ценами 31 мая 1962 года постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР были повышены госцены на мясомолочную продукцию. Но к тому моменту механизм, обеспечивающий превышение рыночных цен над государственными, уже сложился, и рост цен в госторговле подтолкнул цены на колхозных рынках, сделав их недоступными для огромной части трудящихся. Результатом стали массовые протесты: только «крупных народных выступлений» в 1961-1964 годах зарегистрировано 11, для подавления 8 из них пришлось применять оружие (наиболее известна трагедия в Новочеркасске).

Но, главное, из-за инстинктивной реакции государства рыночный сектор стал в основном спекулятивным: не созидательным, а разрушительным, – а стремление людей к благосостоянию стало из союзника власти ее врагом. Это оказало колоссальное влияние и на саму власть.

Политические процессы поддержали ее перерождение.

Наиболее осознана роль **отсутствия механизма обновления элит**. Попытка создать его в виде конкурентных выборов (закрепленных, кроме Конституции 1936 года, законом прямого действия - вплоть до образца бюллетеня для голосования) была сорвана восстанием партхозноменклатуры, превентивно уничтожившей потенциальных конкурентов (см. пример 19). В огне «Большого террора 1937-1938 годов» погибло большинство разжигавших его, – но партхозноменклатура как класс

406. Так, цены картофеля на рынках крупных городов в 1962 году превысили прошлогодний уровень на 23%, в 1963 – на 22%, в первой половине 1964 – на 14% (отставка Хрущева в октябре 1964 года изменила политику государства; Косыгину удалось несколько сблизить разрыв цен на рынках и в магазинах, хотя рынки остались дороже, а разница в качестве продуктов была шокирующей).

победила, устранив возможность системной политической конкуренции.

Малоизвестный фактор крушения советской цивилизации – **ошибочное восприятие партхозноменклатурой понятия «рабочий класс»**.

При всех недостатках партаппарат честно пытался служить рабочему классу. Но его руководство не увидело, что высокотехнологичные производства сделали передовым классом общества новый рабочий класс – инженерно-технических работников, и сделало ставку на занятых на ставших производствах, ставших «уходящей натурой».

В результате партаппарат, ориентируясь на индустриальный рабочий класс, в силу изменения положения последнего из прогрессивной общественной силы незаметно для себя стал силой реакционной. Отказ от служения новому прогрессивному слою (ИТР) породил конфликт с «передовой частью общества» и сделал ее (в лице технической, то есть подлинной интеллигенции) объективным противником государственности. Это вызвало враждебность советской элиты (в первую очередь интеллектуальной) к своему государству и, в итоге, крах последнего.

Враждебность партхозноменклатуры к определяющей будущее технической интеллигенции была вызвана и описанной выше переориентацией со снижения издержек на рост дохода. Завышение издержек – более естественный для монополий (созданных индустрией и не сдерживаемых конкуренцией в экономике распределения) способ роста дохода, чем технический прогресс. Это породило отторжение обеспечивающей прогресс социальной группы, стремящейся к созданию и «внедрению» (этот термин с обескураживающей откровенностью выразил противоестественность процесса для управляющей системы) новых технологий.

Рухнувшая советская цивилизация отдала победителям в холодной войне весь свой мир, то есть бывшие социалистические и ориентировавшиеся на СССР страны: колоссальные финансовые и людские ресурсы, рынки сбыта, а главное – технологии и интеллект.

Исчезновение угрозы общей гибели не просто породило энтузиазм, но и позволило на первых порах сократить военные расходы, высвободив огромные средства для освоения и доработки советских технологий и технологического рывка на этой основе. Корпорации ВПК, осознав угрозу «вечного мира» для себя, приложили огромные усилия для разработки новых гражданских и конверсии военных технологий. И на сочетание финансов с оргусилиями пролился «золотой дождь» квалифицированных эмигрантов из соцстран, в первую очередь из СССР, несших с собой колоссальный интеллектуальный ресурс – вплоть до готовых технологий.

Развитые страны получили «сразу все»: финансы, организационный ресурс, технологии, интеллект и новые рынки сбыта, казавшиеся поначалу неограниченными.

И первый этап глобализации, ее рассвет – это экспансия ТНК, ставших глобальными в ее ходе, на новые рынки сбыта в сочетании с информационной революцией, в решающей степени опиравшейся на советские технологии и разработчиков.

Технологически завершение этого этапа связано с распространением Интернета, завершившим формирование глобального финансового пространства, а рыночно – с завершением первичной экспансии ТНК, освоением ими всего «трофейного» пространства.

16.3. Финансовая ловушка подавленной конкуренции

Принципиально важно, что носителями глобализации были именно корпорации, осваивавшие новые пространства, приспосабливая их под наиболее удобные для себя правила.

Государства, несмотря на энергичные действия отдельных их элементов (например, спецслужб, бросившихся в бывший СССР и в целом соцстраны захватывать технологии

и научные разработки), были парализованы кризисом идентичности. Запад привык воспринимать себя через призму Советского Союза как его врага, и исчезновение СССР вызвало непонимание им своего места в мире и самой своей сущности, затянувшееся на все постсоветское время (см. параграф 9.2.2). *Так, Буш-старший, пытаясь сохранить понятную для себя реальность, отчаянно цеплялся за Горбачева, надеясь на сохранение хотя бы и стерилизованного, но единого СССР.*

Поэтому государства не понимали происходящих процессов и, соответственно, не ограничивали саморазрушительные аспекты естественной рыночной экспансии ТНК. Ведь только слепые начетчики от марксизма да зашоренные юристы, перечитавшие уставов разнообразных АО, всерьез полагают главной задачей бизнеса «максимизацию прибыли». Бизнесмены же более прагматичны: зная, что путь к прибыли лежит через отсутствие конкурентов, они направляют свои силы прежде всего на их ликвидацию.

Это правило верно и в отношении экспансии: осваивая новые пространства, бизнес (и тем более ТНК как в то время его наиболее осознанная и эффективная часть) прежде всего заботится о подавлении конкуренции и о надежном устранении самой возможности ее появления на осваиваемой территории, пусть даже и в неопределенно далеком будущем. Эта политика выжженной земли и превентивного блокирования развития была применена – при либеральном идеологическом оформлении и оргподдержке МВФ и прочих «экономических убийц» [247] – ко всему постсоциалистическому пространству и провалилась лишь в Китае[407] и Вьетнаме.

407. Во время визита в Китай «отца монетаризма» Милтона Фридмана руководство Китая крайне жестко восприняло его рекомендации. Демарш был воспринят международной либеральной бюрократией как важный сигнал, и затем на Китай не пытались давить так, как на страны с менее твердым руководством. Представители МВФ регулярно посещали Китай, консультировали отвечавших за социально-экономические реформы чиновников, наслаждались изысканным сервисом принимающей стороны, закрывали глаза на то, что, как в разные времена рассказывали автору, «китайцы делают все наоборот по отношению к нашим рекомендациям», и довольно часто приписывали себе успехи Китая, укрепляя тем самым свои бюрократические позиции в МВФ и в целом в глобальном либеральном сообществе.

Но, гарантируя себя от угрозы будущей конкуренции со стороны осваиваемых пространств, ТНК блокировали их развитие, лишая их будущего, а себя – возможности увеличения спроса. Более того: уничтожая существующих и превентивно выжигая возможность появления будущих конкурентов, ТНК руками местных либеральных реформаторов обрушили десятки миллионов людей постсоциалистического мира в нищету.

Так, «в 1989 году, по данным доклада о бедности ООН 2002 года, в Восточной Европе, включая Европейскую часть СССР, за чертой бедности [в нищете – М.Д.] жило 14 млн.чел.. Это очень небольшая группа населения... 1996 год – за чертой бедности живет 169 млн.чел.. Это было охарактеризовано в докладе как самый крупный в истории... погром среднего класса – значительно... более масштабный, чем погром латиноамериканского среднего класса в 80-е годы, когда структурные реформы МВФ уничтожили 92% среднего класса Латинской Америки» [316].

В результате ТНК драматически сократили емкость осваиваемых ими рынков и стремительно приблизились к их исчерпанию, внезапно для самих себя оказавшись в кризисе перепроизводства!

Первым звоночком этого кризиса в условиях уже сложившегося глобального рынка стала неспособность Мексики обслуживать свой долг из-за обвального падения международных резервов и девальвации песо, вынудившая в начале 1995 года срочно прокредитовать ее на астрономические по тем временам 51,8 млрд.долл. (20 млрд. предоставили США, 17.8 – МВФ, 10 – центробанки Европы и Японии, 3 – коммерческие банки, 1 млрд.долл. – латиноамериканские страны). *Конечно, непосредственной причиной были собственные проблемы Мексики, но при более благоприятной глобальной конъюнктуре она справилась бы с ними сама.*

Нехватка спроса для ТНК была временно преодолена масштабным кредитованием постсоциалистических экономик правительствами развитых стран Запада и международными финансовыми организациями. Формально это кредито-

вание предоставлялось по рецептам МВФ, до блеска отработанным при установлении политического контроля за элитами стран Африки и Латинской Америки и уничтожении их экономик [247], но политический мотив этого масштабного кредитования впервые отсутствовал: Советский Союз уже был уничтожен, и бороться за контроль, в том числе и методом «выжженной земли», было уже не с кем.

Во время противостояния двух систем освоение неразвитого мира его хозяйственным разрушением, внешне будучи борьбой Запада с СССР, внутри Запада было борьбой финансового транснационального капитала против промышленного. Финансовые спекулянты победили созданием нефтедоллара (см. параграф 16.1.2) и закрепили победу уничтожением СССР (а с ним и созидательной идеологии конвергенции, на Западе порожденной и продвигаемой промышленниками), но их разрушительный образ действий после исчезновения противника обернулся на сам Запад, ставшим глобальным и в ценностном смысле всеобъемлющим.

В этой новой реальности кредитование развитыми государствами и международными финансовыми организациями (контролировавшимися США) осваиваемого глобальным капиталом неразвитого мира было экономическим безумием в силу заведомой безвозвратности: кредиты предоставлялись в конечном счете для покупки товаров у ТНК и, как правило, не предусматривали создание крупного бизнеса, способного генерировать прибыль (чтобы не создать конкуренцию западным победителям), из которой можно было рассчитаться с кредиторами. Единственно возможным источником расплаты была приватизация, то есть распродажа народных активов тем же самым ТНК или их туземным представителям, проводившаяся за гроши (в силу как коррупции, так и ужасных макроэкономических перспектив разрушаемых экономик).

Кредитное закабаление осваиваемых стран утратило политический смысл с уничтожением советской цивилизации, так как они и так стали обречены на контроль Запада (в случае его заинтересованности в них). Долгосрочного экономи-

ческого смысла же в нем не было и раньше в силу разрушающего характера освоения: оно имело смысл лишь в отдельных случаях захвата ценного сырья (как в ряде африканских стран) или иных специфических возможностей[408], а в целом деградация экономик вела к разрушению человеческого капитала и сжатию спроса. Смысл кредитного закабаления сжался до краткосрочной выгоды финансового капитала, что, даже несмотря на доминирование последнего, стало несопоставимо с масштабом наносимого им глобального вреда.

Но, даже с точки зрения финансовых спекулянтов, старавшиеся ради их блага (и для временного поддержания сбалансированности глобальной экономики поддержанием спроса) развитые государства, дававшие осваиваемым странам кредиты (как напрямую, так и через контролируемые ими международные финансовые организации), занимались заведомой глупостью, так как кредиты эти были очевидно безвозвратными.

Осознание этой глупости стало важным фактором отстранения, эмансипации ТНК (даже производственных) от «своих» государств, в прошлую, индустриальную эпоху государственно-монополистического капитализма поддерживавших и направивших их, и формирование на этой основе глобального капитала как самостоятельного, негосударственного феномена.

То, что государства делали эту глупость ради помощи ТНК, не извиняли их в глазах ТНК: способность партнера на заведомую ошибку, свидетельствуя о его слабости и опасности отношений с ним, важнее и его намерений, и благодарности ему.

Безвозвратное кредитование неразвитых стран, как и любая попытка исправить симптом проблемы, оставляя в неприкосновенности ее причину, лишь ненадолго (на 2,5 года) отодвинул конец первого этапа глобализации: 2 июля 1997 года девальвацией тайского бата разразился новый экономический кризис.

408. Так, глобальная специализация Ганы заключается в том числе в предоставлении своей территории для всемирной свалки отслужившей электронной техники.

16.4. Второй этап глобализации: структурный кризис 1997-2001 годов

Финансовый кризис неразвитых экономик 1997-1999 годов[409], крах «новой экономики» в апреле 2000 и отмененная «задним числом» рецессия 2001 в США парадоксально сосуществуют в общественном сознании порознь, независимо друг от друга, – как эхо бессмертной репризы «Студенты! Запомните раз и навсегда: Карл Маркс и Фридрих Энгельс – это не муж и жена, а четыре совершенно разных человека!»

Эти события – разные проявления одного и того же системного кризиса глобализации, расширявшегося в неразвитом мире, а в конце 1999 года, когда накопившиеся в нем диспропорции были в основном выровнены, перекинувшегося на американскую «новую» экономику, крах которой обескуражил США и оттолкнул их то ли на, то ли за грань рецессии[410].

«Правила игры», созданные без учета интересов менее развитых экономик для обеспечения экспансии ТНК и закрепленные «Вашингтонским консенсусом» (см. пример 40), привели эти экономики к краху. Популярный тезис «МВФ – это врач, выписывающий рецепт и не интересующийся диагнозом», отразил непонимание того фундаментальное факта, что МВФ – не «врач», а «бульдозер», устраняющий

409. Целомудренно именуемый «азиатским финансовым кризисом 1997-1998 годов», как будто он не вышел за пределы Азии и не продлился в 1999 году финансовыми кризисами в Бразилии и в целом в Латинской Америке (под его влиянием Эквадор в марте 2000 года вовсе отказался от своей валюты сукре и перешел на доллар), да и на постсоветском пространстве; последний его удар – крах аргентинской экономики в декабре 2001 года, уже после начала оккупации США Афганистана.

410. В Англии рецессия – снижение ВВП два квартала подряд; в США четких критериев нет. Текущая статистика показала снижение деловой активности несколько месяцев подряд, но вскоре, после оживления экономики уточненная статистика показала, что этого не было. Однако психологические ощущения участников рынка и аналитиков между апрелем 2000 и сентябрем 2001 годов были характерны для условий депрессии.

помехи экспансии ТНК и вынуждающий ее объекты принимать облегчающие ее правила. Помимо выращивания зомбированных или прозападных (см. параграф 18.3) элит, это обеспечивается системной «промывкой мозгов», прямым подкупом, а при необходимости – и убийствами мешающих политиков [247].

Хотя поддержка неразвитых экономик и вывод их из кризиса шла за счет кредитования Западом и массовой скупки ТНК их подешевевших активов, резкое ухудшение положения развивающихся стран вызвало новое сжатие рынков сбыта для стран развитых. Наиболее болезненный удар испытали рынки наиболее передовой в технологическом отношении, в первую очередь информационной продукции и их производитель – США.

Удар был усугублен тем, что обеднение развивающихся стран совпало с завершением экстенсивной экспансии глобального бизнеса: уже освоенные рынки резко сжались, а новых, к постоянному появлению которых этот бизнес уже привык, неожиданно не оказалось. Экспансия захлебнулась – исчезло новое пространство для первичного освоения, и институты, привыкшие процветать за ее счет, внезапно лишились возможности даже простого существования.

Между тем выгоды, получаемые США от экспансии первого этапа глобализации, породили в американском обществе иллюзии – практически «легенды о счастье без конца» – и сделали его максимально уязвимым в условиях общего кризиса. Еще Сорос недоумевал по поводу американских участников фондового рынка: «Музыка кончилась, а они еще танцуют», – и они протанцевали так долго.

Итак, структурный кризис 1997-2001 годов был порожден тем, что у развивающихся стран было слишком много займов и слишком мало порядка, а у развитых – слишком много экспансии и иллюзий. Но ключевая причина – аппетиты ТНК, после краха СССР «сорвавшихся с цепи» биполярного противостояния.

Развивающиеся страны вышли из кризиса за счет экономии (то есть падения и так низкого потребления), новых

и реструктуризации старых займов, массовой распродажи активов глобальным корпорациям и стимулирования конкурентоспособности девальвациями.

Развитые страны активизировали усилия в сфере технологического прогресса и расширили спрос на свою продукцию смягчением условий кредитования (большую роль сыграло и восстановление развивающихся стран).

Значительную роль в оздоровлении экономики сыграли мобилизовавшие общество теракты 11 сентября 2001 года (см. параграф 14.3.4). Они же вернули США к «военному кейнсианству» – стимулированию развития хозяйства и технологий за счет роста военных расходов государства, применявшемуся в рамках «рейганомики». США вошли в кризис, когда развивающиеся страны как раз выкарабкивались из него, а Китай уверенно креп. Это несовпадение перебросило их развитие на новые рельсы: они окончательно перестали быть кредитором и стали должником.

16.5. Третий этап глобализации: реструктуризация мировой экономики

Структурный кризис 1997-2001 годов показал: США как локомотив мировой экономики утратили устойчивый источник развития.

На смену экспансии в рамках постсоциалистического пространства пришла реализация стратегии «управляемых кризисов», которые становились все менее управляемыми, пока не выродились, уже при Обаме, в стратегию «экспорта хаоса». Создаваемая такими кризисами напряженность загоняла мировые капиталы в США, ставшие единственной «тихой гаванью», а с другой стороны – подрывала их экономических конкурентов, которые, будучи одновременно политическими союзниками, в обмен на защиту в глобальном масштабе делали США определенные коммерческие уступки (именно такова суть сверхдержавы: предоставление сател-

литам военно-политической защиты в обмен на коммерческие уступки).

Эта стратегия была нащупана при уничтожении Югославии и с блеском применена накануне введения евро (см. параграф 13.4), хотя 11 сентября 2001 года на время помешало ей: образ США как «тихой гавани» не соответствовал кошмару терактов. Захват Афганистана привел к увязанию в конфликте, а Ирака, несмотря на успешное решение глобально-экономических проблем на первом этапе, показал исчерпанность стратегии «управляемых кризисов»: у США не осталось значимых противников, которых легко было уничтожить. Продемонстрировав исчерпанность этой стратегии, США не смогли напасть на Иран в 2005-2006 годах, несмотря на полную военную и пропагандистскую подготовку к этому.

Ситуация усугубилась переносом производств развитых стран – отчасти в Восточную Европу, но в основном в Юго-Восточную Азию, прежде всего в Китай, который стал подлинной «мастерской мира» и осуществил новый технологический прорыв, вступив глобальную конкуренцию с США.

Утрата развитыми странами производств запустила отмирания их среднего класса (см. параграф 9.1). Коммерчески это естественно: развитые страны, сбрасывая в «третий мир» рутинные производства, концентрируются на наиболее сложных, обеспечивающих максимальную прибыльность и глобальный контроль управлении (включая информационные технологии, а затем и социальную инженерию), создании принципиально новых технологий и финансах.

Но **экономически рациональное поведение, как обычно в условиях рынка, порождает социальные проблемы**, так как названные виды деятельности, обладая повышенной по сравнению с теряющей значимость индустрией эффективностью, без резкого роста емкости рынков нуждаются в меньшем числе занятых, увеличивая число тех, для кого в обществе нет производительной работы.

Это поощряет не интегрирующихся иммигрантов и их потомков, так как их неспособность работать по нормам развитых стран перестает быть проблемой для бизнеса и потому

мало кого волнует. Но для большинства местных жителей это означает падение уровня жизни и люмпенизацию, то есть утрату производительного образа жизни и самоуважения. Для государств же размывание среднего класса означает рост потребности в социальных расходах и внутренней напряженности, также не повышающие конкурентоспособность.

Исчерпание возможностей традиционных источников развития и конкуренция с новыми финансовыми центрами (Лондоном, Франкфуртом-на-Майне и уже тогда Шанхаем) вынудили США еще в 1999 году Законом о финансовой модернизации (Акт Грэма-Лича-Блайли) отменить Акт Гласса-Стигала, с 1933 года сдерживавший финансовые спекуляции, и разрешить интеграцию обычных банков с инвестиционными и страховыми компаниями. Ключевым направлением финансовых спекуляций, ставших локомотивом развития экономики США, стала рискованная ипотека с созданием рынка необеспеченных ипотечных бумаг и связанных с ними деривативов. Чтобы он мог обеспечить рост экономики, его масштаб надо было форсированно наращивать, что вместе с алчностью спекулянтов требовало минимизировать его госрегулирование. Это привело к вырождению рынка в финансовую пирамиду, крах которой стал детонатором нового обострения глобального финансового кризиса.

16.6. Пиррова победа над временем

16.6.1. Четвертый этап глобализации: структурный кризис 2007-2009 годов

Пока серьезнейшим обострением глобального финансового кризиса – системного кризиса всей мировой капиталистической системы – стал структурный кризис 2007-2009 годов.

а) *Взгляд снаружи: динамика, масштабы, убытки*

Уже в 2006 году в США из-за чрезмерного строительства в 2002-2005 началось снижение цен на жилье, а средний срок продажи домов резко вырос.

Рынок ипотеки привык к удорожанию недвижимости, и проблемы у его наиболее уязвимого сегмента – высокорискованного ипотечного кредитования – возникли уже в конце 2006 года. В январе-феврале 2007 большинство американских банков ужесточило условия кредитования, но о кризисе заговорили лишь в июне-июле 2007, когда два хеджевых фонда, управляемых пятым по величине инвестбанком США *Bear Stearns*, потеряли на ипотечных облигациях 1,6 млрд.долл. – почти все деньги клиентов[411].

14 августа три основных инвестиционных фонда, работавших на рынке производных ипотечных инструментов, прекратили работу с ними из-за невозможности определения их рыночной стоимости, что (вместе с последствиями убытков *Bear Stearns*) вызвало панику на фондовом рынке. Финансовый рынок США перешел в качественно новое состояние: ипотечные инструменты стали неликвидными, что подорвало ликвидность большинства его участников и вынудило ФРС взять на себя задачу ее поддержания.

В сентябре 2007 года ряд средних банков, в том числе в Англии и Германии, не расплатились по обязательствам.

411. 14 марта 2008 года *Bear Stearns* объявил о срочной необходимости финансирования; хотя ФРС и *JPMorgan Chase* предоставили его, акции банка подешевели почти вдвое. Продан же он был почти в 15 раз дешевле рыночной цены.
Интересно, что за 10 лет до этого, в сентябре 1998 года *Bear Stearns* и *Lehman Brothers* оказались единственными банками, отказавшимися участвовать в закрытии кассового разрыва у *Long-Term Capital Management* (накануне контролировавшего через опционы ценные бумаги на 1,2 трлн.долл., что было сопоставимо с тогдашним бюджетом США), возникшего из-за финансового кризиса неразвитых стран 1997-1999 годов и, в частности, из-за дефолта России (общим объем поддержки был незначителен даже по тогдашним меркам – 3,625 млрд.долл.) [330]. Возможно, их уничтожение стало карой за измену корпоративным интересам глобальных спекулянтов.

Это показало, что ипотечный кризис вышел за пределы США, а в ноябре стало ясно, что он вышел и за рамки ипотеки, создав проблемы для основы мировой экономики – банковских систем США и Европы.

Потеря доверия и неясность ситуации вызвали сжатие межбанковского кредита как в США, так и в Европе.

Государства, несмотря на надежды ограничить антикризисные меры поддержкой небольшой части частных заемщиков, столкнулись с необходимостью не просто смягчать финансовую политику ради поддержания ликвидности банковской системы, но и поддерживать прямыми кредитами ликвидность страховых компаний.

Даже лишь признаваемые убытки (то есть та их часть, которую не удавалось скрыть бухгалтерскими ухищрениями) приобрели угрожающие масштабы и быстро росли. Так, в ноябре 2007 года полные потери финансовых компаний США оценивались в 400 млрд.долл., или 3% ВВП. К началу декабря только крупные компании признали 107 млрд. только прямых убытков, к середине января 2008 года только банки признали уже 150 млрд.долл. убытков.

Крупнейшие потери составили: Citigroup – к началу декабря 11 млрд.долл., в январе 2008 года признано 22 млрд.; Merryl Lynch в конце сентября признал потерю 4, но через две недели из документа Goldman Sachs стало ясно, что минимальные потери – 15; еще через неделю Merryl Lynch признал убытки в 8, затем – в 12.5, а в начале января – 15 млрд.долл.; Morgan Stanley – 3,7; HSBC – 3,4; Freddie Mac (субсидируемая организация!) – 3,7; Deutsche Bank (то есть кризис уже в начале декабря ударил и по Европе) – 2,2; UBS-AG – 3,6; Swiss-Re (перестраховочная компания) – 1,1 млрд.долл..

Последствия ипотечного кризиса были хуже, чем от краха «новой экономики» США в 2000 году, так как с того времени долг домохозяйств драматически вырос. Простор для маневра стал значительно меньше – как в силу исчерпания возможностей стратегии «экспорта нестабильности», так и потому, что из главного кредитора США превратились в главного должника мира, а Китай стал их ключевым креди-

тором (31 мая 2007 года он занял второе место, опередив по вложениям в госбумаги США Англию – 699 против 640 млрд. долл., – а в сентябре 2008 обогнал уже и Японию[412]).

Наконец, в 2000 году люди теряли сбережения, – а в 2007-2009, уже не имея сбережений, теряли жилье, что гораздо болезненней.

К сентябрю 2008 жилье в США подешевело на 20% по сравнению с пиком середины 2006 года; удешевление составило 5 трлн. долл.. В марте 2008 число заемщиков, для которых выплаты по кредиту сравнялись со стоимостью купленного в кредит жилья или превысили его, составило 8,8 млн.чел. – 10,8% всех домовладельцев. К ноябрю 2008 их число выросло до 12 млн.; к сентябрю 2010 года 23% всей жилой недвижимости США стоила меньше, чем сумма выплат по ипотеке для их приобретения [330].

Характерно, что вплоть до президентских выборов в ноябре 2008 «независимые» институты США и их либеральные последыши по всему миру категорически отрицали рецессию американской экономики. После же выборов они немедленно признали ее, причем задним числом – аж с декабря 2007 года (см. параграф 18.7) [325].

б) Специфические финансовые инструменты

Жертвами ипотечного кризиса стали прежде всего три типа высокорискованных кредитов.

Первая – *subprime*: заемщик имеет плохую кредитную историю, или займ превышает 55% его дохода, или 85% стоимости залога, или совокупные долговые выплаты превышают 35% дохода заемщика. Первоначальный взнос часто равен нулю, то есть ипотеку можно брать без денег; часто

412. С февраля 2015 по июнь 2017 года крупнейшим иностранным кредитором США вновь была Япония, но разрыв между ее вложениями и вложениями Китая был и остается незначительным при колоссальности их отрыва от остальных. Так, 1 ноября 2018 года вложения Китая в госбумаги США составляли 1.138,9 млрд.долл., Японии – 1.018,5 млрд. (разница менее 12%), а третьего кредитора – Бразилии – 313,9 млрд. (в 3,2 раза меньше, чем Японии).

возвращение кредита начинается после существенной паузы, а обслуживание ведется по льготным ставкам. В результате выплаты по кредиту резко, на 25-40% повышаются через 2-3 года после получения, увеличивая риск невозврата. Смысл – выдача ипотечных кредитов тем, кто заведомо не вернет их.

В 2005-2006 годах из ипотечных кредитов *subprime* у 80% ставки были льготными на первые 2-3 года, у 37% в первые годы выплачивались только проценты; у 43% кредит выдавался без подтверждения сведений о доходах, у 38% кредит выдавался на всю стоимость дома (то есть удешевление недвижимости делало его необеспеченным). В результате к середине декабря 2007 года доля дефолтов составила 13-14%, еще по 8% кредитов заемщики пропустили не менее двух платежей.

Вторая категория рискованных ипотечных кредитов – *«Alt-A»* («лучшие среди худших»): отношение суммы займа к доходу заемщика или стоимости залога ниже, чем у *subprime*, и приемлемы, но документы представлены не полностью (так называемый «быстрый кредит»), из-за чего банк не уверен в платежеспособности заемщика.

Третья категория – *second mortgages:* под залог прироста цены купленного в ипотеку дома (первый кредитор имеет приоритет).

Обычно в высокорискованные кредиты включают и «*Jumbo*»[413]*:* кредиты выше 417 тыс.долл. (с 2008 года – 725,75 тыс.), их выкупают субсидируемые государством ипотечные брокеры.

В примерно 10 трлн.долл. ипотечных кредитов, не погашенных в США к осени 2007 года, доля *subprime* – 12%, *second mortgage* – 11%, *«Alt-A»* – 10%, всего 33%. Их доля росла до 2006 года: в выданных в 2001 году ипотечных кредитах доля всех видов рискованных составляла лишь 9%, а в 2006 году – уже 50%: доля *subprime* увеличилась до 21%, *second mortgage* – до 16%, *«Alt-A»* – до 13%.

---

413. В Индии – большой слон; используется в современном английском для доброжелательного обозначения чего-то огромного.

Первые две категории у субсидируемых государством ипотечных брокеров *Fanny Mae* и *Freddie Mac* достигали 55%.

Высокорискованной ипотеки практически не было до 1998 года. Она стала попыткой стимулировать экономику в условиях глобального кризиса. В 2001 году ее объем составил 150 млрд.долл., в 2005 – 600 млрд., в первом квартале 2007 года – уже 1,3 трлн.долл..

Но ее важность заключалась даже не в темпах роста, а прежде всего в системе деривативов, при которой последующий кредит использует предыдущий как обеспечение.

Из ипотеки в 10 трлн.долл. закладные на 6,7 трлн. были секьюритизированы и перепроданы. Из *subprime* секьюритизировано 85%, то есть кредиторы обычно предусмотрительно не оставляли кредиты у себя на балансе, а перепродавали их. Они были заинтересованы в масштабах кредитования, а не в надежности заемщика, даже когда выдавали кредиты аффилированным структурам.

В результате рост ипотечных ценных бумаг был стремителен. В 1998 году их еще практически не было; в 2004 их объем составлял 8 трлн.долл., в 2005 – 17, 2006 – 34, в 2007, несмотря на начало ипотечного кризиса, – 46 трлн.долл..

Операции с деривативами страдали тремя проблемами, принципиально не поддававшимися разрешению (из-за чего их при создании рынка деривативов как локомотива экономики США и пришлось фактически выводить из сферы госрегулирования); эти проблемы во многом актуальны и сейчас из-за восстановления этого рынка во второй половине 10-х годов.

Первая – большое «плечо» инвестирования. *Если читатель занял 90 долл., добавил своих 10 и купил на 100 долл. ценную бумагу, то при ее удешевлении на 5% кредитор, поскольку потери ложатся на инвестора, требует сохранить прежний уровень обеспеченности залога – 10% – и добавить 4,5 доллара. При отказе он продает ценную бумагу, возвращает свои деньги, а неудачливому спекулянту возвращает 5 долларов за вычетом комиссий. То есть при плече в 10 раз падение котировок на 5% обернется для инвестора потерей*

более половины средств, – хотя оно может быть просто колебанием.

Продавая активы для получения экстренно необходимых денег, попавшие в подобное положение инвесторы продают сначала наиболее надежные бумаги, чтобы не переплачивать за ликвидность. Это максимизирует негативное влияние их продаж на рынок.

Но главное, что при выпуске производных бумаг (деривативов от деривативов) никто не может оценить свои риски адекватно. В условиях погони за прибылью это обеспечивает занижение рисков[414], и «плечо» оказывается в целом неприемлемо большим.

Вторая проблема рынков деривативов – вывод банками за баланс фондов («кондуитов»), выпускающих краткосроч-

414. Этот феномен отражается большей вероятностью отклонений от нормы в общественных процессах, чем в природных (под влиянием не только корысти, но и других устремлений, подавляющих восприятие реальности теми или иными мечтами), что нарушает распределение Гаусса (графически выражающееся симметричной колоколообразной кривой с быстро истончающимися по мере снижения вероятности «хвостами») более «толстыми» (или «тяжелыми») «хвостами», которые при этом еще и асимметричны (обычно вправо). Математикам это давно известно, но финансисты обнаружили это лишь по итогам обострения глобального кризиса 2007-2009 годов, что глава ФРС на протяжении 18,5 лет (1987-2006), представитель Морганов [330] Гринспен с изумлением отразил в своей прощальной книге «Карта и территория» [131].
Забавно, что в ней он во многом объясняет обострение глобального кризиса в 2007-2009 годах склонностью людей к пессимизму, что якобы повышает вероятность необычных негативных событий, снижая вероятность необычного позитива (в гауссовской кривой «хвост», обозначающий вероятность негативных событий, якобы качественно «толще» симметричного «хвоста», выражающего вероятности позитивных событий, – хотя обычно ситуация строго противоположна: «толще» как раз правый «хвост», что свидетельствует об избыточной склонности людей к оптимизму). То, что чрезмерный оптимизм уже в среднесрочном плане как минимум не менее разрушителен, чем чрезмерный пессимизм (в обострении глобального кризиса 2007-2009 годов недооценка рисков вызвана как раз чрезмерным оптимизмом, а не пессимизмом, что соответствует математической теории и прямо противоречит утверждениям Гринспена), он принципиально игнорирует, как и другие апологеты либерализма – «профессиональные оптимисты», обслуживающие глобальных спекулянтов и систематически занижающие риски ради привлечения чужих средств на спекулятивные рынки.

ные ценные бумаги, обеспечиваемые еще более краткосрочными. Смысл – экономия на резервировании капитала и в целом на отсутствии госрегулирования таких фондов (для увеличения масштаба спекуляций и, соответственно, поддержания деловой активности). Банки покрывали этим фондам кассовые разрывы, но при общих кризисах не могут это делать, что ведет к распродаже по бросовым ценам и потерям. В США такие фонды выпустили бумаг на 1,3 трлн. долл. – половину американского рынка высокорейтинговых краткосрочных облигаций со сроком погашения от нескольких дней до нескольких месяцев, и этот рынок сжался в 2007-2009 годах, как шагреневая кожа.

Третья проблема рынков деривативов – непрозрачность рисков в результате их многоуровневой «перепаковки».

Механизм «перепаковки» рисков прост. Допустим, инвестбанк купил портфель рискованных ипотечных закладных на 1 млрд.долл.. На его основе он выпустил и разместил бумаги трех классов:

- на 100 млн.долл. – с высокой доходностью (до 20%), которые первыми несут риск дефолтов по закладным, то есть при невозврате 10% ипотечных кредитов держатели этих бумаг теряют все, а при невозврате 5% – половину;
- на 200 млн. – с доходностью, например, 10%, которые несут риск дефолтов более 10% (то есть при дефолте 15% держатели первой категории теряют все, а этой – 25%);
- на 700 млн. – с низкой доходностью (например, 6%): чтобы их держатель понес потери, дефолт должен превысить 30%, что маловероятно. Это надежные бумаги.

Оценку стоимости деривативов затрудняла не только молодость рынка, но и то, что риски перепаковывались по нескольку раз, причем сливались и разделялись самые разные риски. Это снижало их общий уровень ценой непрозрачности самих инструментов снижения, **порождая стратегические риски взамен тактических**.

Многие банки и хеджевые фонды, приобретя корзины производных ипотечных ценных бумаг, просто не знали их состава, положившись на оценки рейтинговых агентств (которые заинтересованы в точной оценке слабее инвестора, так как рискуют не своими деньгами), – и, соответственно, не знали уровня своих убытков при кризисе. Это качественно новый уровень неопределенности.

Так, удешевление недвижимости, обесценивая залоги, делало ипотечные кредиты необеспеченными, что автоматически «включало» в банках-кредиторах жесткие механизмы чрезвычайного реагирования, которые, поддерживая каждый банк в отдельности, дезорганизовывали в силу своей консервативности всю систему ипотеки, а с учетом ее масштабов – и всю экономику.

С 1966 по 1976 долг домохозяйств США составлял 41-43% ВВП, в том числе по ипотеке – 28-30% (лишь в 1970 из-за кризиса доллара общий долг упал до 39, а ипотечный – до 26% ВВП).

В 1976 начался умеренный рост; общий долг вырос до 47% ВВП в 1979-1980, ипотечный – до 33% ВВП в 1980 году. Стагфляция подкосила кредит домохозяйствам, и общий долг с 1981 по 1984 снизился до 44-45% ВВП, а ипотечный – до 31% ВВП.

С 1985 по 1991 годы долги уверенно росли – до 58 и 45% ВВП соответственно. Долг по ипотеке остался на этом уровне до 1997, а общий долг вырос к 1996 и 1997 годам до 61% ВВП.

Затем рост ускорился: сначала плавно (к 2000 – 67 и 49% ВВП), а с 2001 стремительно – до 92 и 74% ВВП в 2006. (Для сравнения: совокупный долг домохозяйств Франции – менее 40% ВВП).

А неипотечный долг вырос лишь с 13 до 18% ВВП за 40 лет!

В 2007 году долг домохозяйств достиг пика – 97,8% ВВП, затем снижался и последние годы держится на уровне 65% ВВП. Абсолютная его величина росла вместе с ВВП с III квартала 2014 по III квартал 2018 (это последние данные на момент сдачи книги в печать) – 17 кварталов подряд (за счет

ипотеки, хотя она подорожала с 3,4% в 2013 до 4,6%). В середине 2018 года долг домохозяйств по ипотеке составил 44,6% ВВП, неипотечный – 20,1% ВВП (то есть последний вырос по сравнению с предкризисным временем).

* * *

Необеспеченность деривативов в сочетании с их непрозрачностью (а значит, и неопределенностью рисков) предопределила крах их системы. Уже в 2007 году, по оценке *The Economist*, они потеряли более 80% своей стоимости, но по завершении острой фазы кризиса вновь стали бурно развиваться: инвесторам нужно снижение рисков, спекулянтам – сверхприбыли, а экономике США – локомотив развития. Уже в 2013 сфера применения деривативов была шире, чем в докризисный период 2008 года, – и она продолжает быстро расширяться, несмотря на нерешенные проблемы с оценкой их стоимости и с их разрушительностью для экономики при внезапных шоках (из-за чего Уоррен Баффет считает их «оружием массового финансового поражения» и «бомбой замедленного действия» [103]).

в) *Стратегический смысл безнадежной ипотеки*

Основная причина выдачи необеспеченных ипотечных кредитов – спекуляции. Очень часто они выдавались для застрахованной перепродажи, но и конечный покупатель, и страховщик были аффилированы с банком-кредитором.

До начала 90-х динамика невозвратов ипотечных кредитов была прямо связана с динамикой экономики. Но в 90-е ситуация изменилась: рост ипотечного кредитования (с 2000 года – высокорискованного) стал инструментом стимулирования экономики, от которого не смогли отказаться, даже когда его опасность стала очевидной.

Третья причина выдачи необеспеченной ипотеки – замещение социальной помощи в обществе, официальная идеология которого отрицает такую помощь в явном виде.

По мере отмирания среднего класса США потребность в ней неуклонно росла.

Беднеющий средний класс требовал дополнительной ипотеки в качестве социальной помощи. Но в конце 2007 года долг домохозяйств достиг 127% их годовых доходов (увеличившись с 77% в 1990), а сбережения домохозяйств составили в 2006 лишь 1,5% ВВП.

О масштабах кризиса свидетельствует то, что 40% всех ценных бумаг, которыми располагали американские банки, – ипотечные. Ряд городов США в свое время инвестировал в пакеты ипотечных ценных бумаг и понес огромные убытки, а то и обанкротился.

С августа 2007 года центробанкам развитых стран пришлось непосредственно обеспечивать ликвидность своих банковских систем. Это знаменовало качественный перелом ситуации и стало началом (что тонко подметил Сорос [282]) открытой фазы глобального финансового кризиса, которая стала явной лишь более чем через год, с банкротством *Lehman Brothers*.

Промежуточным сигналом о глобальном характере проблем стало быстрое удешевление нефти, свидетельствующее о всеобщей нехватке ликвидности.

* * *

Ипотечный кризис в США, этот первый этап глобального финансового кризиса 2007-2009 годов, стал наглядным проявлением закона сохранения рисков (см. раздел 4.1. предисловия).

г) *Несовершенство рынков и конец глобализации*

Безрассудство инвесторов, покупавших непрозрачные пакеты необеспеченных деривативов, аналогично их поведению в кризисе 1997-2001 годов. На вопрос, как они могли вкладываться в заведомо не обеспеченные активы (вроде ГКО правительства РФ), инвесторы честно отвечали: «Мы не можем отказываться от 40% годовых».

За всю историю кризисов они ничему не научились, еще раз доказав, что рынок сам по себе не способен создавать даже категорически необходимых для своего существования инструментов.

Практика еще раз подтвердила теоретические построения, по которым рынкам присуща информационная асимметрия, а имеющихся у их участников данных недостаточно для рационального выбора (а жажда наживы неизменно сильнее разума). Поэтому участники рынков ориентируются не на реальную ситуацию, а на поведение друг друга (точнее, на свое понимание поведения друг друга).

Доходы топ-менеджеров зависят не от положения их компаний, но от их отношений с акционерами, что часто освобождает их от стремления повышать эффективность бизнеса. Это делает их мощной дестабилизирующей силой, стремящейся к максимизации текущей доходности, чтобы выглядеть лучше в глазах акционеров, и равнодушной к долгосрочным последствиям своей деятельности.

Эта позиция часто оправдана: отказ менеджеров от спекуляций не изменит тенденции рынка и не спасет его от краха, но может привести к их дискредитации в глазах руководства и акционеров. На высококонкурентных и при этом дерегулированных рынках «лучше ошибиться со всеми, чем быть правым в одиночестве»[415].

Такие рынки – аналог мощного и комфортного лимузина, обреченного на катастрофу отсутствием тормозов.

Ситуация усугубляется тем, что курсы валют в либерализованной финансовой среде не отражают состояние национальных экономик и определяются не им, а монополизированными финансовыми спекуляциями. В то же время эти курсы сами определяют состояние экономик, оказывающихся беспомощными заложниками глобальных финансовых монополий.

415. Как говорил Дж.М.Кейнс, Вы можете быть умнее рынка, но, скорее всего, не удержитесь на нем до того момента, когда он осознает свои ошибки.

Это делает необходимым жесткое госрегулирование как минимум либо финансовой системы, либо частных инвестиций. Дерегулирование обеих сталкивает экономику в хаос.

В самом деле: полностью либерализованная финансовая система нуждается в надежном фундаменте в виде эффективного реального сектора. Но его привлекательность в краткосрочном плане всегда будет ниже привлекательности спекуляций, и потому без регулирования частных инвестиций реальный сектор не привлечет их объем, необходимый для поддержания конкурентоспособности.

С другой стороны, дерегулирование частных инвестиций создаст потребность в ограничении финансовых спекуляций, грозящих экономике дестабилизацией. *Так, и предельно либерализованная Чили, и жестко протекционистская Малайзия в кризисе 1997-1999 годов одинаково ввели налог на вывод спекулятивного капитала, что позволило Малайзии выйти из кризиса быстрее всех остальных экономик Юго-Восточной Азии, а Чили и вовсе избежать кризиса (хотя глобальные медиа милостиво «не заметили» «свою» Чили и буквально распяли идеологически неприемлемую для них Малайзию). Противоположности сходятся в истине.*

16.6.2. «Количественное смягчение» и конец вытеснения инфляции

Обострение в 2007-2009 годах глобального кризиса, в США проявлявшееся прежде всего через нарастание описанного выше ипотечного кризиса, было форсировано и переведено в открытую и всеобъемлющую форму в сентябре 2008 крахом *Lehman Brothers* во многом в политических целях. Впоследствии многократно признавалось, что поддержка этого банка (даже с учетом ее вероятных пролонгации и расширения) обошлась бы американскому государству и экономике неизмеримо дешевле, чем последовавшая паника.

До конца октября 2008 года число ипотечных кредитов, по которым заканчивается льготный период и начинаются

нормальные (то есть повышенные) платежи, было максимальным, то есть на рынок выбрасывалось максимальное число домов неплательщиков: поддержав Lehtan Brothers, можно было преодолеть пик обострения ситуации и продержаться до другого.

Но, похоже, финансисты сознательно форсировали кризис, который еще можно было еще некоторое время откладывать, чтобы привести к власти президента от традиционно поддерживаемой ими демократической партии: малоизвестный Обама получил не только поддержку новых тогда социальных сетей[416], но и крах экономики при республиканском президенте, – прямо накануне выборов[417].

Dow Jones рухнул с максимума осенью 2007 до минимума в начале 2009 года в 2,2 раза (с 14.164,53 до 6.547,05 пункта).

Разрушительность для мировой экономики оказалась максимальной со времен Великой депрессии и была названа Великой рецессией. Мировая торговля в 2009 году сжалась на 10%, достигла докризисного уровня лишь в 2011, но и потом росла более медленными темпами, чем до обострения глобального кризиса.

«Пять ведущих инвестиционных банков США прекратили своё существование в прежнем качестве: Bear Stearns был

416. Уже при избрании его назвали «первым президентом соцсетей». Об эффекте их применения свидетельствует множество впервые проголосовавших взрослых (хотя важно, конечно, и то, что Обама – негр); на массе фотографий с избирательных участков видны растерянные американцы, не знающие, что там делать (а некоторые, похоже, не понимали даже, зачем туда пришли, – но они пришли и проголосовали за Обаму).

417. Это было всего лишь открытым и потому циничным проявлением общепринятых в США норм госрегулирования. Первичные дилеры ФРС традиционно покупают фьючерсные индексы фондового рынка для его поддержания или создания тенденции роста на специальные займы ФРС или Казначейства. Данные о таких интервенциях обычно закрыты для исследователей и сторонних наблюдателей; участники такого манипулирования, не просто знающие заранее о движениях рынка, но периодически сами определяющие их, испытывают сильнейший соблазн формально преступной инсайдерской торговли. Поскольку динамика фондового рынка влияет на избирателей, манипулирование им является и манипулированием политическими процессами. Так, «рост американского фондового рынка в 2003 г. на этапе начала военной операции в Ираке был… обеспечен масштабными интервенциями ФРС… через банковский сектор» [330].

перепродан, Lehman Brothers обанкротился, Merrill Lynch перепродан, Goldman Sachs и Morgan Stanley сменили ...вывеску, перестали быть инвестиционными банками в связи с особыми рисками и необходимостью получить ...поддержку ФРС» [181].

В октябре 2010 года появились явные признаки характерной для входа в Великую депрессию мировой валютной войны – стремления США, еврозоны, Японии и Китая ослабить свои валюты для получения конкурентного преимущества за счет остальных, – но ее развитие удалось остановить. В 2011-2013 годах еврозона погрузилась в рецессию, связанную с кризисом греческого, а затем кипрского долга, и в конце 2018 года вновь балансировала на ее грани.

Официально считается, что крупные экономики выходили из кризисного состояния с 2009 по 2013 годы. Но и в начале 2016 главы ЕЦБ и МВФ порознь отметили низкий инвестиционный рост даже при нулевых ставках центробанков, высокую безработицу и снижение уровня жизни, – признаки продолжения глобальной рецессии.

Мировые регуляторы реагировали на финансовую катастрофу оперативно и эффективно: уже 8 октября, через 3 недели после краха *Lehman Brothers*, «все ведущие центробанки мира» согласованно и беспрецедентно снизили процентные ставки (кроме Банка Японии, которому было уже некуда ее снижать, и невменяемого в своем либерализме Банка России, стремившегося любой ценой сохранить благоприятные условия для иностранных финансовых спекуляций, что требовало высокой процентной ставки). Таким образом, глобальность событий была осознана сразу (это облегчалось глобальным характером их предвестника – ипотечного кризиса), как и их значение: уже 13 октября *The Times* указала на неизбежность постепенного отхода от однополярной валютной системы.

13 ноября ОЭСР зафиксировала вход всех развитых экономик в рецессию, – синхронный впервые после Второй мировой.

Но ФРС реагировала на финансовую катастрофу эффективно: резким смягчением финансовой политики. Ставка

рефинансирования была опущена до 0,25%[418] (что можно сравнить с вжатой в пол педалью газа), а уже в конце ноября началось беспрецедентное «количественное смягчение»[419] –

418. Стимулирование экономики резким снижением ставки было привычным; так, ФРС вырывала США из рецессии, вызванной эхом кризиса неразвитых стран 1997-1999 годов и крахом «экономики доткомов», ее сокращением в 6,5 раз за три года (с 6,5% с 16 мая 2000 года, когда ФРС боролось со спекулятивным «перегревом», до 1,0% с 25 июня 2003 года). По мере нормализации экономики ставку вновь начали плавно повышать, и она достигла максимума – 5,25% – с 29 июня 2006 по 18 сентября 2007 года, когда ее начали снижать для противодействия нараставшему, как снежный ком, ипотечному кризису. После банкротства Lehman Brothers ставку снижали трижды за два с четвертью месяц (с 2,0 до 0,25%), и на рекордно низком уровне она пробыла рекордные семь лет, до декабря 2015, когда ее наконец осмелились увеличить до 0,5%.

419. Первый раунд количественного смягчнения (*QE1*) был начат в ноябре 2008, когда ФРС заявила о намерении купить на 100 млрд.долл облигаций государственных ипотечных брокеров и примерно на 500 млрд. ипотечных облигаций. В марте 2009 года ФРС расширила программу на 850 млрд. для покупки облигаций государственных ипотечных брокеров, а также направила 300 млрд.долл. в долгосрочные гособлигации. Раунд продолжался по июнь 2010 года и прежде всего спасал банки, а также корпорации выкупом обесценившихся ипотечных бумаг, в которые они вложились. В ее рамках ФРС выкупила ипотечных и других облигаций более чем на 1,7 трлн.долл..
QE2 шла с ноября 2010 по июнь 2011 года и заключалась в скупке ФРС гособлигаций (для поддержания их цены и финансирования дефицита бюджета) на 75 млрд. в месяц в течение 8 месяцев – на 600 млрд. долл. (кроме того, ФРС реинвестировала 300 млрд., полученных ей от реализации скупленных ею в ходе *QE1* обязательств).
В сентябре 2011 ФРС запустила программу *Operation twist* для снижения долгосрочных процентных ставок (а также поддержки вялого рынка жилья и стимулирования корпоративного кредитования), переложив 400 млрд.долл. из облигаций со сроками погашения от 3 месяцев до 3 лет в облигации со сроком погашения 6-30 лет.
QE3 была начата 13 сентября 2012 без ограничения по времени. ФРС скупала в месяц облигации на 40 млрд.долл. (в результате, с учетом *Operation twist,* долговые долгосрочные бумаги на ее балансе росли на 85 млрд.долл. в месяц).
В декабре 2012, по завершении *Operation twist*, ФРС объявила о продолжении покупок долгосрочных гособлигаций и ипотечных облигаций на 85 млрд.долл. в месяц до выздоровления экономики: снижения безработицы ниже 6.5% или роста инфляции выше 2,5%. Одни считают это четвертым раундом количественного смягчения – *QE4*, другие продолжением *QE3*, третьи *QE Infinity* (поскольку у *QE3* не было четкой даты окончания). Формально программа была завершена 29 октября 2014 года, в реальности она перестала оказывать поддерживающее влияние уже в мае-июне.

систематическое вливание денег в экономику (прежде всего в ее финансовый сектор) для ее спасения.

Экономика США была буквально залита деньгами, что при фактическом прекращении омертвлявших стоимость спекуляций привело к постепенному восстановлению ликвидности.

Но даже форсированного смягчения финансовой политики оказалось мало: нехватка ликвидности потребовала подпитку экономики заведомо преступными деньгами. Только наркодолларов, только в 2008-2009 годах и только в крупнейшие банки мира было вброшено 352 млрд.. Не случайно Обама исключительно часто встречался с марионеточным президентом Афганистана Карзаем: благодаря американской оккупации Афганистан стал крупнейшим производителем наркотиков в мире (см. пример 51), обеспечивающим базу для генерирования «грязных» денег, без которых больше не могла обойтись глобальная экономика[420]. Специалистами, близкими к разведсообществу и госдепартаменту США, «общий объем элитного грязного бизнеса, который ...проходит через ведущие мировые банки, ...оценен в 3,5-4 трлн.долл. в год... Это... наличные деньги, которые по отношению к налогооблагаемому безналичному обороту обладают значительным мультипликативным эффектом, оцениваемым... в диапазоне от 1:5 до 1:9» [277].

Неустранимая потребность мировой финансовой системы в «грязных» деньгах**, вызванная глобальным кризисом, **качественно повысила глобальное влияние оргпре-

---

20 сентября 2017 ФРС заявил о сокращении находившихся на его балансе гособлигаций США и ипотечных облигаций, купленных в 2008-2014 годах (всего баланс вырос с 0,8 в 2008 году до 4,5 трлн.долл., избыточные резервы оценивались на максимуме, по завершении программы, в 2,6 трлн., а к осени 2017 снизились до 2,2 трлн.долл.). С октября 2017 года в месяц гасили гособлигаций на 6, а ипотечных облигаций – на 4 млрд.долл., с января 2018 – соответственно на 12 и 8 млрд.долл..

420. Это касается и отдельных государств; так, летом 2018 года Канада легализовала марихуану во многом для пополнения бюджета и оживления экономики.

ступности и сделало ее неотъемлемой частью глобального управляющего класса *(см. параграф 7.2).*

С апреля 2012 года ФРС выкупала 50-60% прироста госдолга США, с апреля 2013 – почти 70%, финансируя тем самым дефицит бюджета [364] (что применительно к другим странам либералы рассматривают как смертный грех, неминуемо ведущий к катастрофе).

Основная часть выделяемых средств пошла на спасение крупнейших финансовых спекулянтов, но масштабной была и поддержка реального сектора. Буквально через запятую с мерами вроде финансирование выпуска игрушечных луков со стрелами в списке приоритетов оказались и сланцевые технологии – обеспечившие (в условиях удорожания нефти из-за восстановления объема спекулятивных денег) взрывообразный рост добычи сланцевых нефти и газа и превращения США в нетто-экспортера газа в ноябре 2016 (впервые с 60-х годов), а в годовом выражении – с 2017 года, и нетто-экспортера нефти – в конце ноября 2018 (впервые с 1943 года).

В силу глобального значения американской экономики «количественное смягчение» оказало позитивное влияние на весь мир, но оно не было (и не могло быть) направлено на поддержку ликвидности остальных развитых экономик. Япония традиционно проводила мягкую финансовую политику из-за длительной депрессии (см. пример 46): так, Банку Японии принадлежит честь изобретения политики «нулевой процентной ставки» (с 1995 года; на деле она колеблется от 0.1 до 0,75%) и «количественного смягчения» (с перерывами применяется аж с марта 2001 года). Из-за катастрофы на АЭС в Фукусиме 11 марта 2011 года Япония дополнительно (и без противодействия других развитых стран) смягчила финансовую политику, ослабила йену и реализовала пакет стимулирующих мер.

Еврозона таких бед не испытала – и, проводя с некоторыми кризисными отступлениями либеральную политику сдерживания эмиссии и бюджетной экономии (при сниже-

нии ставки ЕЦБ до 1%), влетела в 2010 году в кризис греческого[421], а в 2012 – кипрского долга *(греческий кризис был переведен в вялотекущий, приемлемый для Евросоюза режим не только реструктуризацией долга Греции означавшей смягчение финансовой политики, но и его переносом на Кипр, не важный для еврозоны и использованный затем как полигон для отработки нового механизма урегулирования банковских кризисов – за счет вкладчиков[422]),* доказав необходимость

421. Власти еврозоны некоторое время всерьез колебались, не пойти ли на банкротство Греции. Это не принесло бы им никаких выгод (их внешнее влияние на власти Греции, кем бы те ни были, и так близко к абсолютному, так как с отказом от национальной валюты государство утрачивает главный институт обеспечения суверенитета, восстановить который крайне сложно – см. параграф 18.7) и было, похоже, эмоциональной реакцией на их поведение – приукрашивание экономической стасистики для вступления в еврозону и немедленное признание в обмане, когда для получения финансовой помощи надо было продемонстрировать свои трудности.
Во время этих колебаний из-за неопределенности ситуации (ясность существовала лишь в отношении держателей долгов Греции, но не их страховщиков и тем более перестраховщиков, то было не понятно, по кому и в какой степени ударит ее банкротство) в Евросоюзе резко сократилась выдача межбанковских кредитов, что привело к нехватке ликвидности. В результате ее мгновенно высосало из либерализованной российской экономик, на ровном месте получившей в 2011 году отток капитала (он вырос более чем в 2,6 раза – с 30,8 млрд.долл. в 2010 до 81,4 млрд. в 2011), падение фондового рынка и ослабление рубля просто из-за проблем соседей.
А заявление английских денежных властей о готовности ограничить трансграничное движение спекулятивного капитала в случае дестабилизации евро показало, что отсутствие таких ограничений – священная корова лишь для либералов, управляющих финансовыми колониями Запада (вроде России), но не для развитых экономик.
422. Разумеется, лучше, если эти вкладчики будут чужаками. Из-за офшорного характера кипрской банковской системы в ней сгорели огромные суммы российских – как частных, так и корпоративных (и даже государственных в лице госбанков) – денег. Вероятно, даже «покупка» Россией Кипра предоставлением чрезвычайного кредитования в обмен на политическое влияние в конечном итоге обошлось бы нашей стране дешевле, чем реструктуризация банковской системы, проведенная во многом за наш счет.
Но этой идее воспротивились не только Евросоюз и еврозона (для которых она была конкуренцией за влияние на одного из его членов) и не политические конкуренты России в лице США и их сателлитов по НАТО (в том числе входящих в ЕС и еврозону), но и правящая Россией «офшорная аристократия» (в том числе нелиберальная), боящаяся ответственности за что бы то ни было даже более, чем конкуренции с Западом.

экстраординарного смягчения финансовой политики в новых условиях.

Завершение количественного смягчения США летом 2014 года ужесточило глобальную финансовую политику и обострило нехватку ликвидности в мире. Уже осенью ЕЦБ начал программы выкупа ценных бумаг, обеспеченных активами (*ABS*), и ипотечных облигаций (примерно на 10 млрд.евро в месяц), а для поддержки кредитования – программу целевого долгосрочного кредитования (*TLTRO*) банков для выдачи ими целевых кредитов реальному сектору[423]. Но этого оказалось недостаточно: в декабре в еврозоне наблюдалась дефляция (цены снизились на 0.2%), – и уже в январе ЕЦБ объявил о запуске с марта 2015 программы количественного смягчения еврозоны – выкупа инвестиционных госбумаг ее членов на 60 млрд.евро в месяц – всего на 1,1 трлн.евро. Она сыграла решающую оздоравливающую роль[424]: рост ВВП еврозоны ускорился с 1,4% в 2014 до 2,1% в 2015 году

Важно, что реструктуризация банковской системы за счет «чужих» вкладчиков – не изобретение властей еврозоны: похоже, они заимствовали этот принцип у Исландии, неподъемные долги спекулятивных банков которой перед иностранцами (прежде всего англичанами и голландцами – *ice bonds*) в 900% ВВП (в 2007 году, а в момент банкротства в 2008 и тем более после девальвации кроны к евро в 6,7 раза были еще выше) привели к оздоровившей экономику «банковской революции»: смене народом власти и отказу платить иностранным кредиторам на референдуме в марте 2010 года.

Принципиальная разница в том, что народ Исландии применил этот механизм против спекулянтов, а защищающие спекулятивные структуры «старой» Европы власти еврозоны обратили его в защиту спекулянтов против обычных людей и компаний, не покупавших спекулятивные ценные бумаги, а хранивших средства на депозитах.

423. До конца 2016 года программа предусматривала 400 млрд.евро кредитов, но в первом раунде заемщики взяли лишь 82,6 млрд. при прогнозируемых 100-300 млрд..

424. ЕЦБ предполагал завершить программу количественного смягчения в сентябре 2016 года, но она была продолжена в размере 60 млрд. евро в месяц до конца 2017 года и лишь потом сокращена. Летом 2018 было сообщено о двукратном (до 15 млрд.евро в месяц) сокращении программы с октября и ее прекращении в декабре, – причем реинвестирование доходов предполагалось продолжать еще «длительное время». В начале 2019 о завершении количественного смягчения не сообщалось, активы ЕЦБ росли прежним темпом: *de facto* оно было продолжено, – вероятно, из-за ухудшения торможения роста в еврозоне во второй половине 2018 года.

(при том, что в 2012 и 2013 годах ВВП сокращался – на 0,9 и 0,2%), а призрак дефляции, хоть и не сразу, но отступил (инфляция, составлявшая в 2014 году 0.4%, в 2015 – 0.03, а в 2016 – 0.2%, в 2017 и 2018 восстановилась до 1,5 и 1,7%).

Высочайшее достижение США – умение фокусировать обесценение доллара из-за его чрезмерной эмиссии, во внешний мир («экспорт инфляции») или на сегменты экономики, где рост цен полезен: фондовый рынок и рынок недвижимости. Но масштабы «количественного смягчения» были чрезмерны для ограничения инфляционных последствий этими рынками.

Помимо возможностей восстановления фондового рынка (который рос при каждом раунде «количественного смягчения» и падал по его завершении) и рынка недвижимости спастись от инфляции при резком росте денежной массы можно вывозом эмитируемых денег (экспортом капитала свойственным США отрицательным сальдо внешней торговли), – но «количественное смягчение» слишком масштабно для нейтрализации его инфляционных последствий и этим путем (а главное, его эффект для США нейтрализуется импортом капитала). Остается замедление оборота денег (проблематичное в эпоху бурного прогресса электронных платежей) и сокращение их создания банками (так называемой «кредитной эмиссией», порождаемой частичностью резервирования[425]). Последнее отражается статистикой в виде снижения банковского мультипликатора[426].

---

425. Основная часть денег в экономике создается банками. Так, при нормативе резервирования 8%, отражающем средний риск невозврата кредита, банк, получив (привлечением на счета или в кредит) 100 единиц денег, может выдавать их в кредит, пока сумма резервов (8% от каждого кредита) не составит 100 единиц. При нормативе 8% банк может выдать кредитов до 1250 единиц. Норматив резервирования устанавливается центробанком (при развитом регулировании – для каждого вида операций отдельно), но обычно мультипликатор меньше максимально возможного (в нашем случае 12,5) из-за неидеальной конъюнктуры (на которую также влияет государство).

426. Банковский (денежный или кредитный) мультипликатор – отношение денег, выпущенных в обращение центробанком, к порождаемому ими приросту денежной массы; выражает интенсивность банковского кредитования (которое увеличивает денежную массу) и, соответственно, эффективность эмиссии для развития экономики. Обычно

Как справедливо отмечает М.Л.Хазин, его нормальная величина – от 4 до 6 раз. В 2008 году он достигал 17, что свидетельствует о колоссальном «финансовом пузыре» (который, правда, можно было поддерживать еще некоторое время), а к лету 2014 рухнул вчетверо – до 4,2. Именно благодаря этому в ходе «количественного смягчения» удалось за то же время увеличить денежную базу в 4,6 раза (с 0,87 до 4,0 трлн.долл.) [326, 356]: рост денежной массы ускорился незначительно и остался безопасным[427].

Но снижение банковского мультипликатора выражало исчерпание возможностей «количественного смягчения» (каждый его раунд вызывал все меньший рост фондового рынка [285]): выпускаемые деньги все больше замыкались политически доминирующим финансовым капиталом внутри самой финансовой системы, минуя реальный сектор и порождая минимум даже спекулятивной активности; это снижало эффективность смягчения – как по политическим причинам, так и для сдерживания угрозы инфляции[428].

Кроме того, снижение банковского мультипликатора ниже 4 раз означает чрезмерное ужесточение финансовой политики, чреватое памятным России по 90-м кризисом неплатежей [159].

Таким образом, продолжение «количественного смягчения» означало инфляцию при прекращении снижения банковского мультипликатора и кризис неплатежей при продолжении его снижения; при этом эффективность его уже сошла на нет по политическим причинам – из-за запирания

рассчитывается упрощенно: сопоставлением не приростов показателей, а общих величин денежной базы (имеющихся в экономике «первичных денег», выпущенных центробанком – его обязательств перед банками и наличных) и денежной массы.

427. ФРС прекратила публикацию агрегата денежной массы М3 в марте 2006 года под предлогом его незначимости и дороговизны расчета (скорее, из-за опасений чрезмерности долларовой массы вне США и при «первых звоночках» ипотечного кризиса). М3 включает, помимо М2 (достаточного для оценки экономики США) депозитные сертификаты свыше 100 тыс.долл., депозиты в евродолларах и сделки РЕПО.

428. Точнее, угрозы превышения инфляцией уровня, за которым ее стало бы невозможно скрывать ухищрениями даже статистики США, качество которой намного ниже не только советской, но даже, при всех ее пороках, и нынешней российской.

денег в финансовой системе. В результате с конца октября 2014 года оно было прекращено[429].

Это привело к удешевлению сырья, в первую очередь нефти как самого спекулятивного товара: с июня 2014 по январь 2016 года нефть сорта *Brent* подешевела почти в 3,5 раза, а максимальное падение цены в пиковые моменты превысило 4 раза. Золото обесценилось с июля 2014 по декабрь 2015 более чем на четверть; индекс Dow Jones с осени 2014 года прекратил уверенный рост (почти непрерывный с начала 2009) и стагнировал вплоть до осени 2016, когда фондовый рынок приветствовал Трампа.

Но главное следствие – острая нехватка ликвидности в развитых странах, в том числе долларов в международной банковской системе. Развитые страны решили проблему новым смягчением финансовой политики, а нехватка долларов отчасти была компенсирована рекомендацией МВФ развивающимся странам ослабить свои валюты, что вызвало бегство капиталов из них *(сверхисполнительность российских либералов представляется главной причиной катастрофической, в более чем в 1,6 раза и полностью рукотворной[430] девальвации рубля в ноябре-декабре 2014 года, – всего же с на-*

429. Формально «количественное смягчение» отменено с конца октября 2014 года, но быстрый и неуклонный рост денежной базы шел с 26 декабря 2012, когда она составила 2,63 трлн.долл., до 16 апреля, когда она превысила 4,01 трлн.. Затем рост стал неравномерным и замедлился; хотя 17 сентября денежная база почти достигла 4,15 трлн., а 15 апреля 2015 года – абсолютного максимума в почти 4,17 трлн. (к 5 декабря 2018 она снизилась до 3,42 трлн.), именно середину апреля, «точку перегиба», после которой денежная база если и росла, то уже по инерции, надо считать реальным завершением «количественного смягчения» (рынки осознали ее с опозданием: нефть стала дешеветь лишь с середины июня).
Справедливости ради надо отметить, что после резкого скачка после краха *Lehman Brothers* (с 0,87 до 1,77 трлн.долл. с 10 сентября 2008 по 14 января 2009 года) рост денежной базы шел умеренно и неравномерно до 24 февраля 2010, когда она превысила 2,18 трлн., затем она снизилась до 1,98 трлн. к 29 декабря, после чего подскочила до 2,73 трлн. 13 июля 2011 года и снизилась до 2,63 трлн. 26 декабря 2012 [356].
430. Об этом свидетельствует постоянная избыточность международных резервов России, превышавших достаточный для гарантированной стабильности национальной валюты уровень, устанавливаемый международно признанным критерием Редди (трехмесячный импорт товаров и услуг плюс годовые выплаты по внешнему долгу страны), не менее чем на четверть даже в кошмарном декабре 2014 года.

чала 2014 до пика в начале февраля 2015 года рубль ослабел более чем вдвое, – вызвавшей скачок чистого оттока только частного капитала в 2,7 раза – со средних для 2010-2013 годов 56,6 млрд.долл. в год до рекордных 152,1 млрд. в 2014 году[431]*).*

Бонусами для США стали рост спроса на доллар из-за девальваций, что позволило увеличить его безопасную эмиссию, и снижение внутреннего инфляционного давления в силу удешевления сырья после отмены «количественного смягчения».

Тем не менее ослабление валют неразвитых стран было лишь краткосрочным, а продолжение «накачки» фондового рынка и рынка недвижимости – заведомо недостаточным инструментом поддержания американской экономики.

Первой реакцией на это стала интенсификация стратегии «экспорта хаоса».

16.6.3. Стратегия «экспорта хаоса»: спасение шагреневой кожи

Валдайская речь В.В.Путина, показав Западу так и не осознанную Россией ее ценностную несовместимость с ним (см параграф 6.8), качественно усилила его враждебность, что проявилось в том числе в организации госпереворота в Киеве и приводе к власти откровенных фашистов. *Ключевым фактором была враждебность к России: будь русофобами на Украине филателисты или кактусоводы, США как осознающий стратегическую ситуацию лидер Запада ставили бы на них, – но русофобами оказались только бандеровцы.*

Сопротивление России, выразившееся в позволении спастись от фашизма жителям Крыма и поддержке Донбасса,

431. Разумеется, свою роль сыграли украинский кризис, паника «офшорной аристократии» из-за противостояния России Западу, успешная психическая атака, связанная с санкциями, а также падение мировых цен на нефть. Однако даже с учетом всех этих факторов международные резервы России были избыточны с точки зрения обеспечения стабильности рубля, что и доказывает искусственность его девальваций.

лишь раззадорили США. В дальнейшем США и их сателлиты всеми силами крепили целостность Украины именно как «ледокола», призванного развалить Россию на части. Интенсификация стратегии «экспорта хаоса», помимо форсирования наступления запрещенного в России террористического Исламского государства (не случайно Мосул был сдан террористам 10 июня 2014 года – буквально накануне завершения «количественного смягчения»), проявилась в развязывании против России холодной войны на уничтожение: что может создать больший хаос, чем уничтожение и распад ядерного государства?

«Экспорт хаоса», поддерживавший США и в целом долларовую архитектуру мировой финансовой системы (созданной еще в Бреттон-Вудсе) запугиванием капиталов всего мира и загоном их в США и доллар как в единственную «тихую гавань», с 2001 года откладывал срыв мира в Глобальную депрессию (см. параграф 15.3) и обеспечивал сохранение стабильности сужающегося под его воздействием, как шагреневая кожа, относительно цивилизованного мира. В 2014 году ему еще было, куда сжиматься.

Но Россия сорвала эту стратегию, жестко прочертив границы распространения хаоса и остановив его, как минимум, трижды: не допустив своего втягивания в гражданскую войну на Украине[432], сорвав провоцирование своего кон-

432. Автор считает отказ российских властей от денацификации Украины стратегической ошибкой, приведшей, помимо создания «анти-России», к безнаказанной отладке Западом новейших технологий социальной инженерии, культурного перекодирования огромного народа и фактического его уничтожения (ибо прививаемый ему смысл жизни заключается в ненависти, что несовместимо не только с развитием, но и с существованием), к отказу России от создания и нового субъекта глобальной конкуренции (объединяющего европейские технологии и спрос с российскими ресурсами и мессианством), и собственного макрорегиона. Последнее объективно превращает ее в, выражаясь языком китайских аналитиков, «надежный стратегический тыл Великого Китая в его противостоянии американскому империализму» и ставит под удар не только глобальных либералов, но и американских представителей «глобальных патриотов», всеми силами стремящихся ослабить Китай в уже сложившейся биполярной системе.

фликта с Турцией (сначала уничтожением нашего самолета в Сирии, а затем убийством посла) и уничтожив в Сирии созданный США террористический интернационал как военно-политическую силу.

Это лишь усилило враждебность политического класса США к России, однако привело к драматическому изменению его структуры: носительница провалившейся стратегии «экспорта хаоса» ради сохранения глобальных рынков Клинтон потерпела поражение, уступив место представителю сил, сознающих неизбежность их распада и концентрирующих усилия на извлечение выгод из грядущей катастрофы и превращении ее в инструмент укрепления США.

Конечно, глобальные либералы и без России уступили бы место «глобальным патриотам», – но наше сопротивление сыграло роль катализатора объективного процесса, спускового курка пистолета, приставленного к виску глобальных либералов; без этого их агония вполне могла затянуться еще на один президентский срок.

Правда, Обаме ограниченность стратегии «экспорта хаоса» стала очевидна, похоже, еще до отмены «количественного смягчения»[433], – и в преддверии ее он запустил новую стратегию преобразования мира.

Эта стратегическая ошибка, похоже, вызвана доминированием офшорной аристократии, парализующим политическое самосознание. Повлиять могла и слабость армии, к 2014 году не оправившейся от сердюковщины,

Тем не менее для хаотизировавших мир США отказ России от ввязывания в украинский конфликт и последовательное превращение его во внутриукраинский означал крах их усилий и необходимость к вынужденной смене стратегии.

433. Отставка апологета «экспорта хаоса» Хиллари Клинтон с поста госсекретаря была вызвана, вероятно, не только личной неприязнью, но и сменой стратегии.

16.7. Разрушение глобальных рынков: от Обамы к Трампу

16.7.1. Исключение БРИКС: три глобальных проекта

Обвиняющие Трампа в разрушении единого мира и «торговых войнах» забывают или сознательно умалчивают, что в силу исчерпанности попыток сохранения глобальных рынков (в том числе из-за срыва стратегии «экспорта хаоса») это разрушение начал еще Обама, – причем задолго до начала политической активности Трампа.

Если сутью его первого президентского срока стало использование исламского терроризма для хаотизации мира, то второй был посвящен подготовке преобразования мира тремя стратегическими проектами: Соглашением о торговле услугами (*TISA*), Трансатлантическим торгово-инвестиционным и Транстихоокеанским партнерствами (*TTIP* и *TPP*).

Эти проекты объединяли три поразительные особенности.

Прежде всего, они были закрытыми: в отличие от обычных международных соглашений и организаций, в них нельзя было войти по своему желанию на основании соответствия заранее известным параметрам. Их организаторы (прежде всего США) приглашали и принимали их потенциальных участников сами.

Во-вторых, они были секретными: их условия не разглашались и даже после присоединения к ним оставались тайной для народов даже стран – участниц. Хотя эти народы испытывали порождаемые этими соглашениями ограничения и несли соответствующие обязанности, они не имели возможности получить всю информацию даже о получаемых ими правах! *(Невольно вспоминается, как Макрон вскоре после вступления в должность на традиционной встрече ново-*

го президента с послами Франции в других странах сообщил им, что место демократии ограничено в новом мире исключительно местным уровнем власти [216] – о вырождении демократии см. главу 5).

В-третьих (что объясняет его и закрытость, и секретность, саму по себе отрицающую и суверенитет, и демократию), все три соглашения вводили качественно новый, революционный механизм урегулирования конфликтов государства с корпорациями: они передавались на рассмотрение арбитража, создаваемого при решающем участии самих этих корпораций! Таким образом, споры государств с корпорациями рассматривали бы представители последних, а не первых, как сейчас. Это создало бы во всем мире (поскольку соглашения охватывали все развитые и значительную часть неразвитого мира, остальным странам поневоле пришлось бы в основном следовать его нормам) правовой режим доминирования глобальных корпораций (прежде всего американских), низводящий государства до положения их региональных менеджеров.

Но глобальный стратегический маневр, задуманный при Обаме, эти не ограничивался: в дополнение к окончательному, уже на уровне формального права, а не политики, подчинению государств глобальным монополиям, соглашения вырезали из мирового рынка огромную зону, связанную с Западом и контролируемую им.

TPP было призвано оторвать Юго-Восточную Азию от Китая и отгородить его от США, уничтожив его как их глобального конкурента без вреда для них, так как необходимые им производства с низкой себестоимостью перешли бы из Китая в азиатские члены *TPP*. Китайский же бизнес, обладающий колоссальным влиянием в азиатских странах - членах *TPP* и в Австралии, был бы изгнан из них при помощи специфического механизма арбитража.

Получая необходимые для своего потребления дешевые товары из стран *TPP*, США обеспечивали бы сбыт своим товарам взламыванием европейского рынка при помощи *TTIP*. Европа, в силу более значимых социальных гарантий

и бюрократизации не способная конкурировать с американскими товарами, неминуемо деиндустриализовалась бы, но США интересовала ее судьба не больше, чем Западную Европу – судьба прошедшей этим путем Восточной Европы. Главное, что США временно решили бы для себя проблему разрушающего развитые экономики перепроизводства.

Наконец, *TISA* распространяла функции *TPP* и *TTIP* – снятие каких бы то ни было ограничений для недобросовестной конкуренции со стороны глобальных корпораций и подчинение им национальных государств при помощи формируемого ими арбитража - на торговлю всеми услугами, включая связанными с жизнеобеспечением (водоснабжения, медицины, образования, доступа к информации и т. д.). В переговорах о *TISA* участвовало более 50 стран (США, Евросоюз и еще 22, а по некоторым данным 23 страны).

В целом намеченный при Обаме «новый порядок» не только отдавал развитый мир и половину неразвитого в рабство глобальным монополиям, но и вырезал из глобальных рынков весь остальной мир (в первую очередь страны БРИКС), обрекая его на изоляцию и экономическое уничтожение.

Если злой умысел и был, он не доминировал: вероятно, Обама ощутил недостаток сил США для доминирования на всех глобальных рынках и отделил от них американскую «львиную долю»: наиболее привлекательную часть, которой США еще могли править.

Но, если при возникновении идеи она и была посильна США, ко времени реализации проектов это уже явно было не так, – и конгресс отказался от *TPP* еще до инаугурации Трампа.

16.7.2. «Сделаем Америку снова…»: дурная бесконечность торговых войн

Администрация Обамы попыталась откусить слишком большой для слабеющих на глазах США кусок – и пришел Трамп, пытающийся ограничить зону их ответственности

их границами. *Pax Americana*, охвативший при Рейгане весь мир, из которого Обама попытался вытолкнуть БРИКС, сжимается до пределов самих США.

Торговые войны Трампа, развязанные им едва ли не против всего мира, и агрессивное вымогательство роста военных расходов с сателлитов по НАТО[434] продолжают объективную тенденцию, выраженную Обамой (по старой памяти он размахнулся слишком широко).

Победы Трампа в развязываемых им торговых войнах (даже против грозного не только своей силой, но и симбиозом с Америкой Китая) не должны заслонять их вынужденную перманентность. Трамп не имеет возможности остановиться по достижении какой-то цели; он, как Портос, «воюет просто потому, что воюет».

Это вполне подтверждает победа над Китаем: добившись от того обязательств резкого повышения импорта[435] для снижения своего отрицательного торгового баланса, США немедленно, не дожидаясь даже начала выполнения Китаем своих обязательств, продолжили наступление: Китай был обвинен в недобросовестной конкуренции, воровстве технологий и государственных тайн США, а также вмешательстве в промежуточные выборы в них, во взятках в Африке, «стратегическом использовании долгов» и действиях против интересов ее народов, граждане Китая – в кибератаках, а в рамках стратегии уничтожения облыжко обвиненного в шпионаже *Huawei* в Канаде была арестована по запросу США его финансовый директор – дочь его основателя. Ответом Китая стало последовательное задержание в нем трех канадцев и запрет *Apple* продавать семь моделей *Iphone* (кроме трех но-

434. Что формально не имеет оправданий, так как сателлиты платят сверхдержаве за военно-политическую защиту коммерческими уступками (см. параграф 9.2.2): именно этим сверхдержава отличается от сильного участника мировой политики. То есть Трамп требует заплатить дважды за одно и то же – просто предпочитая международное право, умершее еще под бомбами НАТО в Белграде в 1999 году, праву сильного.

435. В первую очередь сельхозпродукции; так как Китаю она не нужна, это делает его ее вынужденным дистрибьютером, опирающимся на свое политическое влияние.

вейших, важных для китайских производств), что привело к падению его выручки (до запрета Apple продавал в Китае 18% своей продукции) и капитализации (с более чем 1 трлн. долл. в августе 2018 до менее 800 млрд. в начале 2019 года). В начале января эсминец США осуществил провокацию у спорных Парасельских островов в Южно-Китайском море.

Агрессивность США после их победы на саммите *G20* в начале декабря 2018 года, как и предельно жесткие, размытые и заведомо невыполнимые требования[436] с угрозами развязывания холодной войны против Китая, заявленные вице-президентом Пенсом перед саммитом, скорее всего, призвана сформировать переговорную позицию «под сдачу» (что понятно китайцам, создавшим переговоры как вид деятельности[437]), но сам характер их выдвижения показывает: торговые войны становятся новым *modus operandi* и, более того, *modus vivendi*[438] США. Новая экономическая реальность обрекает старую империю вести их бесконечно – вплоть до распада созданного ею мира и, таким образом, ее самоуничтожения.

Победа над Китаем ярко иллюстрирует эту невозможность для США остановиться на достигнутом, каким бы оно ни было. Цель – снижение отрицательного сальдо торговли с ним (а заодно и создание новых рабочих мест в Америке) – достигнута. Но она же снижает возможности экспорта долларов, а с ним – и «экспорта инфляции», ограничивая эмиссию доллара и подрывая основу американской мощи. Это сопровождается ослаблением финансового капитала США и их политических представителей – врагов Трампа – и усилением выдвинувшего его производительного капитала

436. В список требований США пошли прекращение неназываемых нарушений прав в области интеллектуальной собственности, обеспечение уважения к опять-таки неназываемым международным нормам и правилам, обеспечение свободы мореплавания (то есть отказ от территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море) и даже прекращение «вмешательства Коммунистической партии Китая в политику западных стран» без каких бы то ни было доказательств такого вмешательства!
437. Подобно тому, как французы создали в качестве глобальной идеи комфорт, немцы – инженерное дело, итальянцы – дизайн, а американцы – бизнес.
438. Образ действий и образ жизни.

(чей экспорт он увеличил), так что политически Трамп выигрывает, – но за счет снижения совокупной мощи Америки, порождаемой прежде всего эмиссией мировой резервной валюты, а отнюдь не производством.

Это снижение не вызвано его эгоистической политикой, как твердят его враги-либералы, а является, как показано предыдущим изложением, объективным процессом: Трамп лишь научился извлекать политическую выгоду из глобального ослабления США.

Но это ослабление не исчезло, – и требует новых усилий для его компенсации. И Трамп, одержав над Китаем пиррову победу, обречен тут же начинать бороться за новую, еще более масштабную, – и все большие победы будут оборачиваться все большими потерями, пока равновесие – причем глобальное – не нарушится окончательно.

Ситуацию качественно усугубляет рост ставки ФРС. По исчерпании «количественного смягчения» и паллиативов вроде «экспорта хаоса» (см. параграф 16.6.3) ставку приходится повышать для недопущения выхода инфляции из-под контроля и привлечения мировых капиталов в США, причем успехи Трампа в торговых войнах, снижая возможности эмиссии доллара, требуют привлечения больших капиталов и этим вызывают большее повышение ставки ФРС (хотя руководящие ею финансисты как политические враги Трампа и без того рады ему нагадить). Возможно, поэтому в конце 2018 года, именно после торговой победы над Китаем, ФРС подняла ставку внезапно, – и подорвала фондовый рынок, обеспечив ему худший сочельник за всю историю США и худшее вступление в Новый год за 18 лет (с исторического краха «экономики доткомов», выбраться из которого удалось только реакцией на теракты 11 сентября 2001 года – см. параграф 14.3.4)[439].

---

439. Разумеется, свой вклад в падение котировок (с начала декабря по начало января, когда завершился очередной раунд торговых переговоров, индекс *S&P500* упал на 8%) внес и «шатдаун» – частичная приостановка работы правительства из-за конфликта Трампа с Конгрессом по поводу строительства стены на границе с Мексикой. Но второстепенность этого фактора не вызывает сомнений.

Дело даже не в том, что рост процентной ставки удорожает обслуживание госдолга и создает этим бюджетные проблемы. Главное, что он удорожает деньги и тем самым сдерживает внутреннюю конъюнктуру, что прежде всего отражается на фондовом рынке. А удорожание денег создает ясную перспективу укрепления национальной валюты, что подорвет конкурентоспособность производства, – и вынудит Трампа поддерживать его последним оставшимся у него инструментом: новыми торговыми войнами.

Именно поэтому Трамп так резко обрушился на главу ФРС из-за повышения ставки в конце 2018 года, – но любой глава ФРС объективно, самой логикой событий будет вынужден повышать ставку из-за успехов Трампа в торговых войнах, вынуждая тем самым его развязывать все новые, – и так до конца: разрушения глобальных рынков и сталкивания человечества в Глобальную депрессию.

К концу 2019 года потери от конфронтации стали неприемлемыми для обеих сторон. В частности,, падение капитализация китайского фондового рынка на 2,4 трлн.долл. болезненно ударило и по среднему классу, и по внутриполитическому авторитету консолидировавшего власть в своих руках Си Цзинпиня.

Поэтому новый раунд переговоров на уровне всего лишь заместителей министров торговли не только начался 7 января 2019 года, но и удостоился позитивных откликов как экспансивного Трампа, так и традиционно сдержанных китайских властей уже на третий день. По завершению переговоров без сообщения об их результатах представитель китайского МИДа назвал их «хорошей новостью» не только для Китая и США, но и для всей мировой экономики, – и верно: фондовые рынки подросли уже просто на отсутствии информации об углублении и ужесточении конфликта: *best news – no news*.

Осознав перспективы интенсификации борьбы, обе стороны выдохнули и отползли от края срыва в Глобальную депрессию, на край которой играючи поставили все человечество.

Но эта хорошая новость недолговечна: загнивание глобальных монополий (естественное в отсутствие глобального антимонопольного регулирования) никуда не делось. Оно создало жесточайшую нехватку спроса, волей-неволей порождающая протекционизм, который разорвет трещащее уже сейчас одеяло глобальных рынков.

Считающие это нереальным зашоренные догматики вроде Хиллари Клинтон, отлаяв свое с трибун, уже сходят с политической сцены. На ней остаются лишь осознающие неизбежность процесса и пытающиеся его максимально затормозить, как китайские лидеры, либо направить в выгодное для себя русло и под своим руководством, как Трамп.

Но камень уже катится с горы: процесс разрушения пошел во всем мире, как когда-то в Советском Союзе, и распадаются *даже* информационные рынки – см. параграф 15.3.

Правда, некоторые рынки, похоже, все же не разрушатся.

16.7.3. Криптовалюты: параллельное измерение

Потрясающий, более чем 10-кратный скачок котировок биткоина во второй половине года, даже несмотря на последующий обвал, поставили криптовалюты в мировую повестку дня.

История существующих только в Интернете денег началась 18 августа 2008 года: за месяц до банкротства Lehman Brothers было зарегистрировано доменное имя bitcoin.org. Но «день биткоина» можно отмечать и 31 октября, когда был опубликован документ о создании первой в истории криптовалюты, и 3 января 2009 года, когда были сгененированы первые 50 биткоинов.

12 января легендарный (и не обязательно реальный) создатель биткоина Сатоши Накамото перевел первые 10 «монет» программисту Хэлу Финни, а 5 октября 2009 года начались торги на электронной бирже. По начальному курсу

на 1 доллар приходилось 1309,03 биткоина. 22 мая 2010 была сделана первая покупка – пицца обошлась в 10 тыс. биткоинов (тогда 25 долларов). Эта пицца и сейчас остается самой дорогой в истории.

Уже 6 ноября курс биткоина достиг полудоллара, а капитализация – 1 млн.долл.. Через 2,5 года, 28 марта 2013 года капитализация биткоина превысила 1 млрд. долл. В конце 2013 на пике популярности биткоина его курс достигал 1147 долл., но в январе 2015-го он рухнул до 210. Одна из причин – кража у клиентов токийской биржи Mt Gox 850 тыс. биткоинов, стоивших тогда 450 млн. долл.

В начале 2014 года биткоин распространился в Ирландии, где множество компаний согласилось принимать его в оплату. В марте 2016 виртуальные валюты (включая биткоин) были признаны платежными средствами правительством Японии – третьей экономики мира; платежи в биткоине начали принимать многие компании по всему миру (включая Uber в Аргентине, такси в Будапеште и железные дороги в Швейцарии).

К ноябрю 2016 года было произведено три четверти всех возможных биткоинов – 15,75 млн. В январе 2017 котировки биткоина вновь достигли 1 тыс. долл. и с апреля уже не опускались ниже.

Мир охватили авральные скупка видеокарт и создание «ферм» – компьютерных мощностей для генерирования биткоинов (для их производства компьютер должен решать непрерывно усложняющиеся задачи, а видеокарты оказались идеальными для этого).

12 июня курс биткоина превысил 3 тыс. долл., 1 сентября – 5, 29 ноября – 10, 6 декабря – 12 тыс.: в этот день биткоин стал шестой по капитализации валютой мира, обогнав рубль (во многом нашими усилиями: Россия еще за полтора года до того стала пятой в мире страной по популярности биткоинов). В ночь с 7 на 8 декабря курс биткоина превысил 18 тыс.долл.. Скачок во многом был вызван признанием в начале декабря фьючерсов на биткоин официальным бир-

жевым товаром в США. 17 декабря курс достиг максимума – 19,7 тыс. долл., второй пик (после падения до 12,5 тыс. долл.) наблюдался в ночь на православное Рождество – около 17 тыс. Но затем Китай и Южная Корея заявили о намерении регулировать рынок криптовалют, и перегретый спекулятивный актив рухнул: за 10 дней подешевел на 7 тыс.долл., а в середине июня провалился ниже 6 тыс. До 14 ноября он держался выше этой планки, но затем терпение незадачливых инвесторов кончилось, и он за месяц рухнул до 3,1 тыс.долл., стабилизировавшись затем на уровне 3,5 тыс.

Рост популярности (и котировок) биткоина породил другие криптовалюты (наиболее распространен эфириум, созданный выходцем из России Бутериным). Программисты говорят о сугубо технических пороках биткоина, исправляемых в следующих проектах, которые, однако, пока так и остаются «альтернативными».

Причина в том, что биткоин занял в мире криптовалют положение, которое в мире денег занял доллар: все криптовалюты котируются в нем. Ведь он стал первым и создал весь мир криптовалют, а техническое несовершенство не может нейтрализовать это исходное преимущество и мешает ему так же мало, как мало мешала доллару низкая защищенность купюр старых образцов.

Одно из наиболее очевидных следствий технического несовершенства биткоина – его небезопасность: по оценкам, около 6% всех выпущенных биткоинов украдено, в основном из-за несовершенств программного обеспечения. Впрочем, подозрения в воровстве касаются и работников интернет-бирж, подвергшихся атакам. 3,8 млн. биткоинов (включая 1 млн. его легендарного создателя) никогда не использовались и, похоже, потеряны навсегда – при перезаписи флешек или с выброшенными старыми компьютерами.

Тем не менее биткоин сохранит свою ключевую позицию в мире криптовалют до появления универсальной платформы, объединяющей легкость расчетов и широкий функционал (включая смарт-контракты); надежды на ее разработку под эгидой создателя «Вконтакте» и Telegram Дурова как наибо-

лее творческого и энергичного представителя информбизнеса, похоже, не оправдались.

В основе биткоина и других криптовалют, как и обычных денег, лежит доверие, но особое: доверие отчаявшихся. Ведь способных разобраться в программном коде и оценить достоверность связанных с ним обещаний (полная прозрачность, невозможность модификации без согласия большинства держателей, ограниченность выпуска 21 млн. и прочее) неизмеримо меньше числа участников спекуляций. Большинство производителей биткоина и инвесторов слепо полагается на «экспертов», многие из которых тоже заведомо не могут разобраться во всех нюансах пропагандируемой ими темы; таким образом, **надежды возлагаются на очевидную пустоту**.

Но для десятков миллионов людей и тысяч компаний эта нелепость предпочтительнее привычной реальности. И дело не в жажде наживы: большинство участников спекуляций с криптовалютами понимают, что риски выше того, что они могут представить.

Они ничего не знают о криптовалютах и обычно сознают свое незнание. Но они знают свои государства – их мотивы и их политику, и на их фоне выбирают зияющую и пугающую неизвестность.

Криптовалюты – приговор не только денежной политике либерализма, заведшей мир в слишком очевидный и слишком пугающий тупик, но и традиционной демократии (см. главу 5): если люди и даже корпорации в ее рамках гарантированно не могут изменить неприемлемую для них политику государств, – это не демократия, а конченая диктатура, пусть и в постиранных одеждах.

Поразительная пассивность правительств Запада в отношении не контролируемых ими денег, подрывающих их суверенитет, позволяет предположить: биткоин нужен тем, кто сильнее их.

Такой субъект один – глобальный спекулятивный бизнес. Глобальные финансовые монополии, мощь и масштаб операций которых превосходят даже мощь американского

государства, враждебно противостоят любой национальной обособленности как таковой (см. параграф 7.2). Глобальным операциям нужны глобальные деньги; противоречие между глобальными функциями доллара и его национальной природой (усилившиеся с приходом патриота Трампа, собравшегося взять под контроль ФРС) стало нетерпимым для глобального бизнеса. Раз сделать доллар международным не удалось (в 2011 году, вероятно, ФРС провокацией против Стросс-Кана торпедировала план создания «мирового правительства» или «финансового Госплана» – см. сноску 222 на стр.293), объективная потребность будет удовлетворена иным путем: глобальной по своей природе криптовалютой. Выход биткоина на сцену истории будет описываться учебниками будущего именно так. *Это не исключает популярной гипотезы об участии в создании криптовалют спецслужб Запада (о специфике спецслужб см. параграф 14.3.3): из-за размывания государств они все ближе к служению глобальному управляющему классу бизнесу, а их руководство может входить в него.*

Биткоин создает огромные возможности не только для криминала и спецслужб, но и для организаций и целых стран, дискриминируемых современными финансовыми операциями. Пытаться криптовалютой обойти санкции (или создать новую твердую валюту, параллельную обесцененной и призванной заменить ее по примеру ряда денежных реформ), вероятно, будет не только Венесуэла. Возможно, экспансия Китая вскоре начнет опираться и на свою криптовалюту – при сохранении запрета внутри страны.

Если архаизация, парадоксально опирающаяся на новейшие технологии, столкнет мир в новое Средневековье, в нем, как и в историческом, разные социальные группы смогут обслуживать разные виды денег. Новая универсальная криптовалюта из-за ограниченности эмиссии и обращения может стать аналогом золота, доступным лишь новой глобальной элите. Свободно конвертируемые валюты, включая доллар и, вероятно, юань станут аналогом серебра: ими будет пользоваться новая буржуазия, лишенная власти и не способная

защитить себя от глобальных элит. Остальные национальные деньги станут аналогами меди, обслуживающей бесправных бедняков.

Эта система вряд ли будет устойчивой, как и новое Средневековье (см. параграф 10.2).

Но даже заведомо тщетный ажиотаж вокруг новых технологий полезен, так как привлекает стихийную энергию огромных масс людей, способную сделать непредвиденные открытия. Побочный результат создания биткоина, уже очевидно более важный, чем основная цель – блокчейн, обеспечивающий полную прозрачность всех совершаемых действий и невозможность фальсификаций.

Не только качественно новое и простое управление, не только резкое ограничение возможностей мошенничества в бизнесе; всеобщая доступность всеобщей информации обо всем кардинально преобразует весь мир. *Так, экзамены при учебе и собеседования при приеме на работу могут кануть в Лету из-за открытых досье всех работ (а не только результатов испытаний) каждого.*

Глава 17. БУДНИ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕПРЕССИИ: ПАДЕНИЕ ВСЛЕПУЮ

17.1. Механизм реализации и масштабы трагедии

17.1.1. Протекционизм как новая норма

Всемирный экономический форум в Давосе стал в 2017 году подлинным шоком. Если в 1995 Клинтон провозгласил: «Глобализация – это Америка!», то Си Цзинпинь, в лучших либеральных традициях пропевший осанну свободной торговле и снятию всех и всяческих ограничений в глобальной экономике, показал (возможно, и неосознанно): теперь глобализация – это Китай. Именно он благодаря своей крайне эффективной политике стал ее главным выгодоприобретателем, – что оказалось совершенно неприемлемым для воочию увидевшего свое поражение Запада.

И едва ли не главной реальной темой следующего же Давоса уже в январе 2018 года стали, несмотря на все ритуальные заклинания о вреде протекционизма, протекционистские меры сдерживания китайской экспансии Западом. Подготовленный к нему доклад «Глобальные риски – 2018», традиционный камертон последующих обсуждений, выделил среди основных рисков человечества несколько связанных с успехами Китая.

Прежде всего, существенным риском признан переход от однополярного не просто к «многополярному», но и к «многоконцептуальному» миру: для Запада (который традиционно понимается его либеральными аналитикам как синоним всего человечества, то есть нечто всеобъемлющее) опасна

не только угроза американскому доминированию (причем это взгляд европейцев), но и возникновение очевидной для всех идеологической, парадигмальной альтернативы, носителем и символом который выступает не называемый ими (в силу не только политкорректности, но прежде всего, думается, страха перед его растущей мощью) Китай.

И, хотя сам Китай не расценивает себя в таком качестве (истово веруя как в выгодные для него либеральные ценности глобального рынка, так и в собственную исключительность), его укрепление бросает Западу прежде всего не геополитический, а идеологический вызов, знаменуя собой исчерпание возможностей рыночных отношений и конец капиталистической эпохи (см. главу 8). Именно это является главной угрозой Западу, хотя он болезненно переживает и то, что на глазах перестает быть универсальным идеалом для всего мира, да еще и заведомо (в силу ужесточения глобальной конкуренции – см. параграф 8.6) недостижимым.

Авторы базового для Давоса-2018 доклада (выражая доминирующую на Западе точку зрения) считают глобальным риском «зацикленность», да еще и возрастающую, властей на поддержке государственных интересов, то есть повышение ценности национального суверенитета для самых разных обществ. Это также в первую очередь камень в огород изо всех сил не называемого Китая.

Экономическая взаимосвязанность развитого Запада и «всемирной фабрики» во главе с Китаем ранее считалась безусловно полезной и для тех, и для других, – но теперь, когда Китай укрепился, «это уже отнюдь не очевидно».

Забавно, что авторы доклада считают риском лишь «бесконтрольное» «вмешательство одних стран в дела других», поддерживая тем самым давно отмершую концепцию гуманитарных интервенций (см. параграф 13.4), – и явно сознавая, что требуемый контроль осуществляется сейчас не абстрактным «мировым сообществом», а конкретным Западом в лице США. Для которых рост влияния Китая (обвиненного в конце того же 2018 года во вмешательстве в дела Африки) создает крайне опасную конкуренцию и в этой сфере.

Отдельным от перехода к «многоконцептуальному» миру глобальным риском признается продвижение не названными в докладе странами альтернативной господствующему на Западе либерализму экономической повестки. Авторы доклада прямо указывают, что ранее тенденцию к глобализации поддерживали ведущие страны Запада, которые теперь замыкаются на себе, обращаясь к протекционизму, – но главной проблемой в их восприятии мира оказывается не это (что было бы естественно для искренних идеологизированных либералов), а возникновение ряда проектов «масштабных торгово-экономических коридоров» на Востоке.

При этом озабоченность вызывает не только глобальное переваривание мира Китаем в рамках стратегии (почему-то называемой «инициативой») «Один пояс, один путь», объединяющей инвестициями в почти триллион долларов более 60 стран. Запад тревожат и даже всего лишь проекты региональных торгово-экономических коридоров между Китаем и Пакистаном, Индией и Японией, Индией, Ираном и Россией.

Авторы основополагающего для Давоса доклада прямо демонстрируют категорическое неприятие интеграции, приветствуемой ими на Западе и в глобальном масштабе, для Востока. И дело не только в том, что «амбициозность и напористость, с которой продвигаются некоторые из этих проектов, могут спровоцировать дальнейшие трения между державами из лагеря сторонников и противников этих планов» (при том, что заведомо б*о*льшую «амбициозность и напористость» Запада, в том числе США, его представители считают абсолютным благом).

Оказывается, по словам известного американского политолога Роберта Каплана, в ходе интеграции без контроля Запада «Евразия объединяется в систему единой торговли и единого конфликта». То есть Запад якобы заботит, что любой спор между двумя участниками нового единого торгового пространства может стать проблемой для всех остальных, и его представители, не зная, к чему придраться, притворяются, что понятия не имеют о том, что проблемы такого рода давным-давно научились эффективно решать, причем не только в зоне НАФТА, но даже и в Евросоюзе.

В конце концов аналитики прямо называют главную причину неприятия Западом интеграции Востока (то есть на основе Китая) без его участия: она намного более устойчива к внешнему давлению, чем обычные торговые соглашения, и потому его «значительно сложнее демонтировать»!

Характерно, что под прикрытием разговоров о необходимости защиты глобализации США накануне форума в Давосе повысили тарифы на импорт целого ряда товаров, в том числе солнечных панелей, крупнейшим производителем которых является Китай.

По сути, осознавший свое поражение в глобальной конкурентной борьбе Запад сделал протекционизм новой нормой, – право на которую он, разумеется, зарезервировал исключительно за собой. Это было осмыслением опыта экономического аспекта санкционной войны, развязанной им против России еще в 2014 году. А сразу после Давоса Трамп распространил протекционистские принципы, выработанные Западом против Китая, и на сам Запад.

17.1.2. Поливалютный хаос

Помимо политики ФРС, ключевым фактором поддержки доллара в обострении глобального финансового кризиса 2007-2009 годов стали усилия стран Китая, Японии и Юго-Восточной Азии ради поддержания конкурентоспособности их товаров на рынке США: девальвация доллара подорвала бы их экспорт.

В поддержании доллара этими странами (кроме Китая[440]) сложился устойчивый цикл: пока они скупали долларовые

440. Встревоженное ослаблением доллара в 2010-2011 годах (с октября 2010 по апрель 2011 курс евро вырос с 1,22 до 1,45 долл/евро, – хоть и не так, как с ноября 2005 по апрель 2008 года, с 1,18 до 1,57 долл/евро, но долларовые резервы Китая – и, соответственно, его потери от обесценения доллара – были существенно выше), руководство Китая, насколько можно судить, предложило США гарантировать его покупательную способность (хотя бы только для китайских инвесторов).
Американцы искренне не поняли, о чем речь, и Китай с июля 2011 года перестал наращивать вложения в госдолг США (тогда они достигли максимума в 1,315 трлн.долл., но затем были снижены до немногим более 1 трлн.), а с апреля 2014 года и вовсе начал снижать свои меж-

ценные бумаги, он сохранял стабильность или крепнул. Достигнув установленного лимита, денежные власти прекращали скупку, лишая доллар подпитки, после чего тот обесценивался, делая лимит «невыбранным», – и они вновь начинали скупку долларовых инструментов вплоть до достижения лимита. Между двумя обострениями глобального кризиса, с 2002 по 2008 годы эти страны, по сути, **сжигали свои деньги ради поддержания доллара** (который за это время обесценился к евро почти вдвое – с 0,86 до 1,58 долл/евро, а США на эмитируемые за их счет доллары скупали их же активы).

Ради сохранения экспорта им надо было продолжать поддерживать доллар, а выход из долларовой зоны для сохранения активов был связан с неприемлемыми рисками (прежде всего мести США[441]).

дународные резервы, достигшие тогда исторического максимума в 3.978,8 млрд.долл. (если в начале 2000 года они составляли 156,1 млрд., то в октябре 2006 достигли 1,0 трлн., в апреле 2009 – 2,0 трлн., а в апреле 2011 – 3,1 трлн.долл.), финансируя их частью и избыточными текущими доходами свою глобальную экспансию. В январе 2017 года международные резервы опустились ниже 3 трлн. (2.998 млрд.), за год выросли до 3,14 трлн., а за 2018 сократились до 3,07 трлн.долл..

441. Оба лидера, попытавшиеся экспортировать нефть не за доллары – Хусейн и Каддафи – были не только свергнуты вскоре после своих заявлений об этом, но и убиты. А после заявления председателя Еврокомиссии Юнкера 12 сентября 2018 года о намерении увеличить долю евро в расчетах ЕС за энергоносители и в целом во внешней торговли во Франции с 9 ноября вспыхнули массовые (десятки тысяч участников), разрушительные (только вынужденные уступки стоили французскому бюджету 8-10 млрд. евро в год) и длительные протесты «желтых жилетов».

Конечно, они имели серьезные внутренние причины (включая удорожание газа более чем на четверть и ложь правительства об экологической направленности новых акцизов на бензин). Возможно, внешнее влияние (выразившееся в том числе в отличной организации и безусловных тактических навыках части протестующих) было вызвано заявлением Макрона 6 ноября (хотя общественная кампания против инициированного его правительством удорожания бензина стартовала 12 октября) о намерении создать европейскую армию для защиты в том числе и от США (после чего в Европе высадился десант «интеллектуального спецназа» во главе с экс-руководителем избирательном кампании Трампа Стивом Бэнноном, нацеленный не только на уничтожение Макрона как политика, но и на ликвидацию Евросоюза). Но после начала протестов Юнкер больше не возвращался к теме расширения использования евро. Хотя в начале декабря Еврокомиссия и предложила обещанный им план этого расширения, к теме не привлекали внимание, а сам план производил впечатление формального.

Это противоречие концентрированно выражало невозможность действенного глобального финансового регулирования. Поскольку все попытки его создания провалились, а создать новый финансовый мир криптовалют не удалось (см. параграф 16.7.3), единый финансовый рынок ждет распад на ряд валютных зон, как это было в межвоенный период, и утрата долларом функции мировой резервной валюты: в каждой зоне будет своя резервная валюта.

Контуры основных валютных зон: доллара, юаня и, скорее всего (поскольку распад еврозоны возможен, но мало вероятен), евро, – сегодня уже представляются очевидными (хотя экспансия Китая в рамках стратегии «Один пояс, один путь» может существенно расширить зону юаня за счет долларовой в неразвитом мире). Надежды на рублевую зону, пестовавшиеся с 2006 года, похоронены сначала бездельем отечественной бюрократии[442], а затем кошмарными рукотворными девальвациями 2014 и последующих годов, причем главную роль сыграла именно очевидность сознательного нежелания властей России обеспечивать стабильность рубля[443] (ведь это требует ограничения финансовых спекуляций, что неприемлемо для служащих глобальным спекулянтам либералов).

Не смогут создать свои зоны и свободно конвертируемые валюты, кроме доллара и евро: фунт стерлингов и йена -из-за подверженности (как и рубль) девальвациям, используемым в качестве метода поддержки национальной экономики, а швейцарский франк – из-за отсутствия у Швейцарии глобального политического влияния.

Понятно, что валютные зоны станут основой новых субъектов глобальной конкуренции, жестоко и хаотично сра-

442. Фактическим торпедированием реинтеграции постсоветского пространства «офшорная аристократия» вновь продемонстрировала не то что нежелание, а органическую неспособность противостоять Западу – ее земле обетованной (см. параграф 18.2).

443. Китай терпел до конца 2018, но после двух девальваций рубля за год (с конца 2017 по конец 2018 он обесценился на 20,6%), в основном вызванными всего лишь словесными интервенциями США, официально отказался даже обсуждать даже плавный переход на национальные валюты в двусторонней торговле.

жающихся друг с другом за влияние во всех сферах деятельности человека. Эта борьба, скорее всего, разорвет единый глобальный управляющий класс на части, руководящие соответствующими валютными зонами (причем более плотно и явно, чем сейчас руководят развитием мира).

Страны, сохранившие свою валюту, смогут стать агентами валютных зон, конкурирующих с той, к которым они будут принадлежать в силу наибольшей экономической связанности.

Распад мирового финансового рынка на валютные зоны станет ключевым процессом обрушения человечества в Глобальную депрессию и явится ослаблением интеграции, глубина которой (как в 10-е и 30-50-е годы XX века) вновь придет в соответствие регулирующим возможностям человечества, и концом глобализации.

17.1.3. Усложненная биполярная система

Человечество, снова забежав вперед по дороге интеграции и опередив возможности своих управляющих систем, снова частично возвращается назад – к меньшей интеграции и большему протекционизму. Это возвращение сопровождается ростом конфликтов, усугублением «права силы» и формированием на его основе нового права, снижением общего уровня даже показной цивилизованности.

Уже сложилось биполярное противостояние США – Китай, требующее от России филигранного балансирования. Исламский мир уже превращен в таран, управляемый глобальным капиталом при помощи его оргструктуры – США (см. параграф 13.2). В 90-е и_начале «нулевых» он был опробован на России, сегодня направлен против Европы, его вполне очевидная следующая цель – Китай.

Биполярное противостояние США и Китая (несмотря на все ожидающие его кризисы, он останется одним из глобальных центров силы в бурях ближайших, по меньшей мере, 10 лет), скорее всего, будет сдерживаться для предотвра-

щения чрезмерной разрушительности и создания неприемлемых рисков для всего человечества «державами второго эшелона»: Евросоюзом (в маловероятном случае его распада – Германией и Францией), Японией, Англией, Индией, а также, в случае предельной разумности ее руководства (что, правда, с каждым годом все сложнее представить), Россией. Впервые эту конструкцию предвидел, насколько можно судить, американский политолог Параг Ханна в 2008 году [37]).

При этом наиболее жестокая конкуренция между США и Китаем будет вестись за влияние на самый лакомый приз – Евросоюз. Единый, при этом все еще расширяющийся и углубляющийся рынок, объединяющий полумиллиардное и при этом весьма обеспеченное население, обладающий высоким уровнем технологического развития и колоссальным потенциалом создания новых технологий, да еще и исключительно развитой и масштабной по мировым меркам инфраструктурой при всем этом практически полностью лишен политического и конкурентного самосознания! Это первый подобный случай с периода агонии советской цивилизации, причем масштабы Евросоюза очевидно превосходят масштабы СССР.

Потрясающая политическая деградация Европы, стремительное, наглядное и безысходное вырождение ее правящего класса, которое способно уже в обозримом будущем столкнуть его за грань вменяемости, делает ее идеальным объектом освоения. Первыми это продемонстрировали организованные колонны беженцев, ворвавшиеся в нее по приглашению Меркель (см. параграф 6.7) еще в 2015.

Но от времени, когда Евросоюз станет Еврохалифатом, утратив при этом (даже для самых ортодоксальных мусульман) значительную часть своей привлекательности, в том числе инвестиционной, нас отделяет еще активная жизнь целого поколения. И, вероятно, это время (ориентировочно до 2050 года) станет периодом активных попыток Китая если не полностью вытеснить, то, во всяком случае, существенно подточить американское влияние в Европе, после Второй мировой войны близкое к абсолютному.

Впрочем, концентрация усилий участников глобальной конкуренции на «главном призе» – Европе – ни в коей мере не отменяет их отчаянной борьбы за влияние во всем остальном мире. Причем, как мы знаем по опыту предыдущего биполярного противостояния, столкновения на периферии подобных конфликтов могут быть более ожесточенными и обычно бывают более разрушительными (так как участникам конфликта попросту не жалко этой периферии), чем на главном «театре военных действий».

Конкуренция проектов описанных в данном параграфе стран и их объединений, как и других глобальных проектов, будет подробно рассмотрена во втором томе настоящего исследования.

17.2. Новый межвоенный период: провоцирование войн, но не излечение ими

Глобальная депрессия представляется сегодня значительно страшнее Великой, уже стершейся из памяти человечества, – и далеко не только в силу сугубо психологических причин[444]. Она точно так же (и, возможно, даже в большей степени) будет способствовать развязыванию войн (другое дело, что войны современности ведутся прежде всего технологиями социальной инженерии [276], переходя в «горячую» стадию лишь на завершающей, финальной стадии), но, в отличие от ее предшественницы, война сама по себе отнюдь не будет способствовать ее прекращению.

Причина проста: Великая депрессия, традиционно датируемая 1929-1933 годами, окончилась отнюдь не в 1933. Из-за переоценки Рузвельтом своих достижений и недооценки глубины и системного характера проблем достигнутое было им оживление сменилось в 1937 новым кризисом, выйти

444. Происходящее с человеком кажется ему наиболее важным; как писал Маяковский, «гвоздь в моем сапоге кошмарней, чем фантазия у Гете».

из которого удалось только благодаря уже непосредственной подготовке ко Второй мировой войне и ее началу. В 1939 экономика США все еще была почти на 10% меньше, чем за 10 лет до того, накануне срыва в Великую депрессию, и достигла ее уровня только в 1940 году. Зато за 1939-1944 ВВП США вырос почти в 1,9 раза [308].

Суть Великой депрессии заключалась в загнивании монополий в четырех из пяти сложившихся к тому времени макрорегионах: США, объединенной Гитлером Европе, Британской империи и японской «Великой восточноазиатской сфере сопроцветания». Бурно развивавшийся на основе централизованно планируемой экономики с растущим после 1932 года[445] рыночным сектором, практически идеально соответствующей по своему характеру объективным потребностям тогдашних индустриальных технологий, Советский Союз вышел из Великой депрессии первым в мире – после коллективизации (выполнившей те же экономические функции, что и дефарминг в США – см. пример 54) – и был единственной развитой частью тогдашнего мира, не нуждавшейся в войне для решения своих социально-экономических проблем[446].

По итогам Второй мировой войны пять макрорегионов объединилось в два – советский и американский, – что качественно расширило емкость их рынков (см. параграф о монополиях), снизив уровень монополизации и открыв простор развитию как минимум на последующую четверть века – время активной жизни целого поколения (до структурного кризиса и стагфляции начала 70-х годов).

Таким образом, с Великой депрессией было покончено в результате укрупнения макрорегионов, предоставившего их монополиям новые пространства для освоения и тем приостановившего их загнивание.

445. О восстании в Вичуге под Иваново-Вознесенском, приведшем к официальному развитию рыночного сектора, см. сноску 405 на стр.565.

446. При этом СССР эффективно использовал последствия Великой депрессии, обеспечив привлечение лучших технологий, инженерных и управленческих специалистов и даже просто рабочих Запада, лишившихся возможностей применения в своих странах. Нельзя не отметить, что его форсированная модернизация жестко стимулировалась убедительно показанной Сталиным еще в 1931 году неизбежностью войны.

Глобальная депрессия будет, по крайней мере, вначале, характеризоваться строго противоположными процессами: она начнется, вероятно, в результате распада глобальных рынков на макрорегиональные и будет сокращать емкость рынков[447]. Соответственно, загнивание монополий будет качественно усугубляться, ставя под угрозу само их существование и, соответственно, всю современную организацию экономики и производства – от межнационального (уже не глобального, а макрорегионального) уровня до отдельного предприятия и населенного пункта. Принципиально, что распадаться будут даже информационные глобальные рынки (см. параграф 15.3), то есть разделение на макрорегионы будет всеобщим.

Естественно, границы макрорегионов, на которые будут распадаться глобальные рынки различных товаров и услуг (да и само число этих макрорегионов), не будут совпадать, причем зачастую существенно. В условиях всеобщего дефицита спроса это будет порождать болезненные конфликты, весьма часто (особенно на периферии) порождающие войны. А финансисты будут, как обычно в периоды нестабильности, еще и провоцировать войны для ослабления обществ и укрепления своего контроля над ними (или для захвата обществ, контролируемых другими группами финансистов, или для уничтожения обществ с извлечением из них, как описано в параграфе 11.2, мобильных ресурсов, прежде всего финансов и интеллекта).

Поэтому новые **войны, порождаемые Глобальной депрессией, не будут**, в отличие от порожденной Великой депрессией Второй мировой войне, **способствовать выходу из нее.**

Бедствия масс будут кардинально усугублены тем, что развившаяся со времен Второй мировой войны технологическая инфраструктура общества объективно делает общественные катаклизмы и масштабное применение оружия

447. Великая депрессия, правда, тоже на первом этапе резко снизила уровень международной интеграции, – прежде всего, из-за валютных войн. Но нынешний уровень интеграции несравнимо выше, – и падать будет несравнимо больнее.

более разрушительными. *Строго говоря, современный мегаполис без электричества превращается в братскую могилу, из которой почти невозможно вырваться, в течение считанных дней, а то и часов.*

Другой фактор усугубления бедствий по сравнению с историческими примерами – воздействие информационных технологий (включая технологии социальной инженерии), которые атомизируют общества, разобщают их, драматически снижают способность масс к сопротивлению внешним воздействиям и взаимовыручке.

Единственным утешением служит общий страх перед применением ядерного оружия, который, скорее всего, убережет человечество от глобального военного конфликта по примеру первых двух мировых войн и, соответственно, от уничтожения *(хотя военные столкновения между ключевыми державами, в частности, между Китаем и США в Южно-Китайском море, представляются в период с 2020 года если и не неизбежными, то весьма вероятными)*.

17.3. Технологическая революция и новый коммунизм: недоступность «закрывающих технологий» для бизнеса

Логика экономического эгоизма… может отбросить мировую экономику… в эпоху…, когда каждый производил все сам, ведет к растрате достижений науки и технологий…

(В.В.Путин
на XXII Петербургском международном
экономическом форуме, 25 мая 2018 года)

Распад глобальных рынков на макрорегионы может привести к масштабной утрате технологий, в том числе технологий жизнеобеспечения, и серии техногенных катастроф,

растянутых во времени и переходящих из одного макрорегиона в другой.

Современные технологии разрабатываются и применяются монополиями, ориентированными на рост издержек. Поэтому они избыточно сложны и дороги, – и требуют для своего развития и даже простого поддержания значительной емкости рынка.

Складывание глобального рынка объединением двух макрорегионов при уничтожении советской цивилизации, несмотря на сжатие спроса постсоциалистического пространства (см. параграф 16.3) обеспечил бурный рост совокупного спроса, – и этим открыл простор взрывному развитию технологий, став, наряду с потоком ресурсов из постсоциалистического мира, одним из ключевых факторов информационной революции.

Но распад глобального рынка (на любое количество макрорегионов любой конфигурации и с любым характером отношений между ними), естественно, кардинально – в разы – снижает емкость любого рынка. Логично предположить, что для многих современных технологий емкость, по крайней мере, некоторых макрорегионов окажется недостаточной.

Популярное соотнесение технологий с численностью населения (вроде «для своего автомобилестроения нужно 20 млн. чел.» или «для производства дальнемагистральных самолетов нужно 300 млн. чел.») применимы для качественных, ни не количественных сравнений. Ведь значение имеет не число потребителей, а емкость (и устойчивость) рынка. Ясно же, что 126 млн. жителей Японии генерируют более масштабный и устойчивый спрос, чем любые полмиллиарда жителей Африки.

Наиболее важные, ключевые технологии можно поддерживать на нерыночной основе, за счет расходов государства. Но это возможно лишь при наличии денег (которых в Глобальной депрессии не будет ни у кого), а также при условии доминирования в соответствующем макрорегионе социально ориентированной идеологии, что не может быть массовым явлением, по крайней мере, на начальной стадии

Глобальной депрессии, так как эта идеология неутомимо и тщательно выжигалась и выжигается (и в первую очередь из управляющего слоя) на протяжении всей либеральной «контрреволюции элит», то есть почти 40 лет, – более полутора сроков активной жизни поколения!

Поэтому наиболее распространенным следствием распада глобальных рынков на макрорегионы станет не поддержание их властями технологий, а их разрушение и утрата даже возможности их восстановления (по крайней мере, быстрого и дешевого). Не случайно на угрозу «растраты» технологий указал президент В.В.Путин, выступая в 2018 году на Петербургском международном экономическом форуме. В случае дальнемагистральных самолетов это не создаст критических проблем, так как летать можно и с пересадками, – как в 30-е и 40-е. Но с технологиями жизнеобеспечения ситуация будет иной.

Наиболее очевидный пример, – антибиотики: в силу адаптации к ним микроорганизмов нужно постоянное создание все новых их поколений, требующее колоссальных вложений и, соответственно, глобального рынка. Прекращение этого процесса вернет человечество в Средние века, когда любая царапина могла стать смертельной. В регионах, сочетающих тщательный медицинский контроль с растущими очагами безысходной бедности, наблюдается рост смертности от устойчивых к существующим антибиотикам инфекций. Так, в Евросоюзе от них уже в 2015 году погибло 33 тыс.чел., в США в 2017 – около 23 тыс.. Время обновления поколения антибиотиков уже подходит или даже пришло, – а новые антибиотики еще (или уже?) не созданы.

Таким образом, и без распада глобальных рынков, уже по мере приближения к обрушению в Глобальную депрессию механизмы своевременного развития технологий, чрезмерно усложненных за счет влияния монополий, уже перестают работать.

Угроза утраты критичных технологий жизнеобеспечения – это угроза существованию человечества, по крайней

мере, в его нынешнем, относительно комфортном и безопасном состоянии.

Поскольку эти технологии уничтожаются в конечном счете рынком, наиболее вероятно драматическое ускорение его технологически обусловленного (см. главу 8) изживания, – уже под прямой угрозой если не гибели, то неприемлемых человеческих и материальных потерь. Тем не менее механизм этого как минимум ограничения рынка, не говоря о реальных нормах и закономерностях функционирования общественного и частных хозяйств в новых условиях, в настоящее время все еще остается полностью неопределенным.

Выход из «ловушки схлопывания рынков», позволяющий избежать разрушительных последствий утраты технологий жизнеобеспечения, – их коренная модернизация на основе широкого распространения и усовершенствования «закрывающих технологий» (см. параграф 15.4.2). В силу своей дешевизны и простоты, во многом обусловленных не только самой их природой, но и не индустриально монополистическим, а частно-ремесленническим характером разработки они обладают крайне низкой себестоимостью и, соответственно, нуждаются для своего применения и даже совершенствования в незначительных по своей емкости рынках.

Невозможность их масштабного применения в современных условиях очевидна, но в условиях распада глобальных рынков на макрорегионы, что приведет к утрате ряда обычных технологий, а также ослаблению и даже гибели ряда кажущихся сегодня незыблемыми монополий, «закрывающие технологии» получат не только необозримый простор для применения и развития, но и станут единственным спасением для сотен миллионов, а возможно – и миллиардов людей (см. параграф 15.4.2).

Их простота и общедоступность будут способствовать глубокой реструктуризации мировой экономики и всего человеческого общества, которое получит возможность отказаться от принудительного единства и подчинения внеш-

ним силам, сделав самодостаточными даже небольшие государства, а иногда – и отдельные общины.

Принципиально важно, что «закрывающие технологии» по своему характеру соответствуют не рыночной модели максимизации прибыли, а социалистической модели снижения себестоимости (см. пример о распаде СССР), в условиях глобального кризиса вынужденно применяемой и глобальными корпорациями, и, вероятно, являются технологической базой перехода к пострыночной экономике, которая будет иметь очень много общего с наиболее распространенными представлениями о коммунизме (см. параграфы 8.2, 10.4).

«Закрывающие технологии», в силу своей простоты и дешевизны максимизирующие не частную прибыль, а общественное благо (как и инфраструктура), наиболее соответствуют характеру стремящейся к наибольшей справедливости даже в ущерб себе русской культуры (ее специфика рассмотрена во втором томе). Поэтому их выход на авансцену исторического развития дает значительные конкурентные преимущества России, – которые она отнюдь не обязательно сумеет использовать (и тем более в полной мере).

Глава 18. САМООСКОПЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Либерализм как идеология служения глобальным финансовым монополиям популярен во многом потому, что служит сильнейшим участникам конкуренции: даже равные правила (не говоря о преференциях) позволяют им реализовать свои преимущества.

Либерализм выражает интересы крупного или успешного капитала, привлекательного величиной (то есть стабильностью) или успехом (то есть динамизмом), или тем и другим. **Сила всегда привлекательна, а рыночная сила – особенно.**

Либерализм отвечает склонности людей судить по себе: влиятельные люди часто верят, что любой сапожник может стать миллионером, а любой студент – олигархом, и не становятся ими исключительно из-за слабости желания. Более того: вершащие судьбы других часто не подозревают, что огромная часть общества по объективным причинам не может полностью отвечать за свои поступки.

Либерализм отвечает потребности чиновников к безделью (раз роль государства должна быть минимизирована), а богатых – к эгоизму и немилосердию. Это единственная религия (кроме разве что кальвинизма), отвечающая стремлению успешных людей отгородиться от реальности зеркалом самолюбования и сосредоточиться на своем успехе, игнорируя остальных.

18.1. Феномен предательства элит в либеральное время

Подобно тому, как **государство является мозгом и руками общества, элита[448] служит его центральной нервной системой,** отбирающей, заглушающей либо усиливающей побудительные импульсы, концентрирующей их и передающей социальным мышцам.

Ключевой среднесрочный фактор национальной конкурентоспособности – эффективность управления. Но в долгосрочном плане, снижающем роль ресурсов, главным становятся мотивация и воля общества, воплощаемые его элитой.

Предательство ею национальных интересов фатально: в глобальной конкуренции его можно сравнить лишь с изменой командования воюющей армии в полном составе.

Этот феномен не нов. Яркий пример предательства собственных (правда, классовых) интересов дают охранка и купечество царской России, во многом создавшие революционное движение ради расширения своего влияния. Именно они сильнее любого Фининтерна (см. параграф 5.5.3) раздули революционный костер, вышедший из-под контроля и превратившийся в пожар, который смел все тогдашнее общество [237, 257].

Потом, в революцию российская буржуазия не оказала сопротивления восставшему народу в том числе и потому, что около 70% базовых отраслей промышленности – машиностроения и горного дела – контролировались иностранных капиталом. И его представители не легли в безысходности с пулеметом перед заводоуправлением, а списали убытки и перешли к управлению другими своими активами. Грубо говоря, тогдашняя коммерческая элита оказалась в итоге менеджерами иностранного капитала, которому было дешевле

448. Определение элиты см. в параграфе 5.3.

отказаться от борьбы. *Реальной движущей силой социально-экономического развития в конце XIX – начале XX века поразительным образом стали оказавшиеся неузнанными первенцами «революции менеджеров» [20, 20, 55, 68, 69] царские администраторы, однако они оказались бессильны перед косностью и бюрократизмом самодержавного пережитка феодализма, которому служили [257].*

Более близкий пример разрушения национальной элитой своей страны дает Япония рубежа 80-х – 90-х годов. Тогда в мире было два «финансовых пузыря» – в Японии и США, место оставалось лишь для одного, а другой надо было «прокалывать». И именно японская элита при всем своем патриотизме приняла решения, приведшие к «проколу» именно японского, а не американского «пузыря», от чего японская экономика так никогда и не оправилась (см. пример 46). Причина – не только интеллектуальный контроль США, но и глубина проникновения японских капиталов в их экономику. Освоив американский рынок и привыкнув зарабатывать на нем мировую резервную валюту, они справедливо считали основой своего успеха процветание именно США, а не Японии[449].

Шокирующим предательством элит отмечена война США и их сателлитов по НАТО против Югославии (см. параграф 13.4). Ее стратегическая цель, как и всей политики США на Балканах с 1990 года, – подрыв экономики ЕС, стратегического конкурента США, превращением руин некогда процветающей Югославии в незаживающую рану Европы. *Конкретная цель агрессии 1999 года – подрыв евро как угрозы доллару.*

Европейские лидеры поддержали США, несмотря на протест не только обществ, но и среднего звена их политических структур. Повестка дня для Европы формировалась ими под контролем США, и привычка к этому превратила

449. Опыт Японии, как и СССР, показывает опасность однопартийной системы: лишая элиту общественного контроля, она способствует не только коррупции, но и более страшному ее перерождению и безнаказанному предательству. Однако Китай показывает способность однопартийной системы избежать такого разложения элиты.

руководителей Европы в могильщиков ее стратегических перспектив: война обрушила евро почти на четверть как раз в тот исторический момент, когда он мог стать глобальной валютой и бросить вызов доллару; европейская экономика окончательно стала лишь дополнением американской.

Это же качество европейской элиты проявилось после 11 сентября 2001 года: Европа, спасая доллар, показала, что рассматривает США не как конкурента, а как структурообразующего лидера мирового порядка, в котором исчезла сама идея «европейского вызова». Формирование сознания европейской элиты американцами примирило Европу с положением, при котором в то самое время, когда падение евро оказывается для американцев маленьким конкурентным удовольствием, симметричное падение доллара представляется перепуганным европейцам концом света.

До сих пор потрясает «казус Милошевича»: причиной парадоксального и катастрофического «непротивления злу насилием», за которое он заплатил не только жизнью, но и судьбой страны и народа, представляется вероятное размещение активов его окружения в активах стран-агрессоров. Ответные удары Югославии, к которым она была полностью готова, попросту обесценили бы эти активы.

Перечень подобных примеров бесконечен, – и, чем ближе к современности, тем чаще элиты продают вверившие себя им народы, причем не только цинично, но и удивительно дешево.

Горбачев дал нестерпимо соблазнительный пример того, что сотрудничество с Западом против своего народа дает благополучие и безнаказанность. Но с конца 90-х ситуация изменилась. Прозападные лидеры теряют власть и – от Пиночета до Каддафи – идут под суд или прямо на тот свет, а предатели Родины живут скудно и даже служат расходным материалом провокаций, как Скрипаль [144].

Но круг элитариев, убеждаемых этими трагедиями, поразительно узок. Почему же элиты незападных стран, как лемминги к пропасти, бегут на Запад?

18.2. Либеральная ценность: личное потребление

«Я не столько патриот страны, в которой живу, сколько патриот своего капитала».
(Олег Киселев, олигарх)

Ответ очевиден: рыночное перерождение элит.

Критерий их **патриотичности** до тошноты прост: **местонахождение активов**. Вне зависимости от мотивов ее отдельных членов, как целое элита обречена действовать в интересах своих активов (материальных, политических или символических). Если критическая часть (которой члены элиты не могут лишиться) активов контролируются конкурентами ее общества, элита становится коллективным предателем.

Как минимум это значит, что элита, ориентированная на свои национальные и цивилизационные интересы, должна хранить критически значимую часть средств в своей валюте, а не в валюте своих конкурентов.

Это, кстати, причина обреченности исламского вызова, лидеры которого, в отличие от лидеров США, Евросоюза и Китая, хранят средства в валютах противников и потому не могут последовательно противодействовать им (см. второй том).

Отсюда вытекает и сомнительность риторики о «поднимании с колен» в никогда не упоминаемую позу, популярной среди «офшорной аристократии» России. Ведь она по-прежнему, несмотря на развязанную против нас холодную войну, держит на «проклятом Западе» все свои активы, до семей включительно.

«Офшорная аристократия» служит личному потреблению (неважно, материальному или символическому), ощущая свою Родину «трофейным пространством», вместе с населением подлежащее переработке в личные активы (матери-

альные или символические), выведенные в фешенебельные страны (см. подробней во втором томе).

Солнце для нее восходит на Западе, и она молится этому черному солнцу наживы, уничтожая ради нее свои народы.

...Но этот ответ при всей актуальности поверхностен.

Ведь рынок развивается века; почему же именно сейчас, когда деньги теряют значение, уступая ключевую роль технологиям (см. параграф 8.1), а стратегические решения становятся все более антирыночными (см. параграф 9.2), – почему вдруг именно сейчас он стал доминировать в сфере ценностей?

Почему людей, которые вслед за генералом Торрихосом хотели входить не то что не в замок на Лазурном берегу, но даже не в историю, а «всего лишь» в зону Панамского канала, массово сменяют ничтожества, грезящие о жалкой участи гауляйтеров?

Что ломает ценности элит?

18.3. Универсальность и комфортность либеральных ценностей

Глобальная конкуренция ведется прежде всего между цивилизациями – на основе их культуры, прежде всего ценностей и вытекающего из них образа действий (см. параграф 14.2.3).

После уничтожения советской цивилизации наиболее предпочтительно положение Запада, чей образ действий – финансово-экономический – наиболее универсален и останется таким до распада глобальных рынков и срыва в Глобальную депрессию (см. параграф 15.3). В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии финансовая экспансия никого не отталкивает *a priori*, поэтому круг ее потенциальных сторонников и проводников наиболее

широк, – а с ним наиболее широка и возможность выбирать лучший человеческий и организационный «материал».

Конечно, ужесточение глобальной конкуренции, лишая все новых ее участников возможности экономического успеха, сужает этот круг. Но западные ценности пока по-прежнему кажутся наиболее универсальными и общедоступными.

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии Запада в цивилизационной конкуренции служит почти всякий участник рынка. Он может ненавидеть США, быть исламским фундаменталистом и даже финансировать террористов, но сам его образ действий делает его проводником интересов и ценностей Запада. **Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации пролегает не столько по осознаваемым ценностям, сколько по обычно не осознаваемому образу жизни.** *Финансист принадлежит незападной цивилизации, не когда он приветствует теракты 11 сентября, но лишь если он хочет отказаться от использования финансовых рынков, от самого себя как их участника и перейти к образу жизни представителя этой цивилизации.*

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе основы глобальной конкуренции – ориентации элит погруженных в нее стран.

Поскольку глобализация переводит конкуренцию прежде всего в сферу формирования сознания, **важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится то, кто формирует сознание его элиты** [151].

Если общество само формирует это сознание, оно сохраняет возможность адекватности, то есть способность преследовать свои цели и – посредством интеллигенции (см. пример 9) – сознавать и формулировать их.

Формирование сознания элиты извне – форма внешнего управления (см. параграф 5.4); в силу связанных с ним издержек оно обычно формируется извне наиболее заинтересованными в этом силами: стратегическими конкурентами ее общества.

Такое общество утрачивает адекватность (пример – наша история с начала русской Катастрофы [157], с 1987 года[450]): ценности, идеи, приоритеты элиты отвечают интересам стратегических конкурентов и разрушают общество. Элита, сознание которой сформировано конкурентами, обречена на систематическое предательство национальных интересов и имеет к своей стране то же отношение, что охранник – к заключенным.

Исключение возможно, если рассматриваемая экономика так мала и однородна, что вписывается в мировую в качестве одной клетки, звена в глобальной технологической цепочке. Тогда интересы внешнего управления могут соответствовать ее интересам. Но такие случаи, вопреки либеральной пропаганде, – исключения, лишь подтверждающие правило.

Однако даже формирование сознания элиты ее обществом не гарантирует ее ориентации на его интересы. Ведь возможности членов элиты намного выше, чем рядовых граждан. Глобализация, обостряя конкуренцию, разделяет общества, принося блага первым и проблемы последним. С личной точки зрения членам элиты естественно стремиться к либерализации, дающей им новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимые беды их народам. При этом уровень конкуренции, нужный представителям элиты, просто чтобы держать себя «в тонусе», может быть непосилен для основной части их обществ.

Это естественное разделение усугубляет угрозу превращения национальной элиты в антинациональную силу.

А В неразвитых обществах традиционная культура, усугубленная косностью бюрократии, еще и отторгает инициативных, энергичных людей, порождая в них обиду. А ведь именно такие и образуют элиту! Отправившись «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», они вос-

450. Горбачевский СССР, ельцинская России и стада «эффективных менеджеров», а с 2017 года еще и «молодых технократов», получивших западное по закладываемой системе ценностей образование.

принимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются оздоровить свою Родину механическим насаждением их реалий и ценностей. Такое слепое культуртрегерство (особенно успешное) разрушительно не только при незрелости общества, его неготовности к внедряемым в него ценностям, но и при их цивилизационной чуждости для него.

Даже войдя в элиту страны, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности, от ощущения своего отличия от большинства сограждан. Это также провоцирует их враждебность к своей Родине: «Умный человек неправ уже потому, что он умный и невольно, как и все люди, судит о большинству по себе».

По мере распространения западных стандартов образования это противоречие обостряется. Прозападная молодежь и прозападная часть элиты, стремясь к простым человеческим благам и комфорту, утрачивают собственные цивилизационные (не говоря о национальных) ценности, и (часто незаметно для себя) начинают служить ценностям своих стратегических конкурентов (в том числе эффективности фирмы против эффективности общества, то есть конкуренции против справедливости – см. параграф 9.1).

В результате значительная часть образованного слоя, который является единственным носителем культуры и развития как такового, оказывается потерянной для страны, так как предъявляет ей заведомо непосильные для нее требования.

Еще важнее, что современное образование включает западные стандарты культуры, во многом не совместимые с культурами и с объективными потребностями незападных обществ.

Воспринимая как идеал и свою цель источник этих стандартов (существующий лишь в рекламе либо для богатейшей части Запада), образованные слои неразвитых обществ начинают если и не служить ему, то соотносить с ним свои действия.

С этого начинается размывание системы ценностей, затем размывающее и общество. Без этих деликатных аспектов цивилизационной конкуренции нельзя понять широкое распространение активной и сознательной враждебности к своей стране.

18.4. Фундаментальный порок либерализма

Даже классический, еще честный и прогрессивный либерализм времен Вольтера исходил из того, что каждый человек в полной мере может отвечать за последствия своих действий.

Не «должен», а «может», вот прямо здесь и сейчас.

И потому его должно прямо здесь и сейчас ставить в соответствующие условия и соответственно с него спрашивать.

Эта установка неверна даже для большинства жителей развитых стран, – что в практической политике обычно учитывается властью (потому эти страны и остаются развитыми). И человек, и человечество, как бы гордо они ни звучали, пока еще несовершенны.

Для России же, контуженной шоком обрушения в дикий рынок, философская максима либерализма – и вовсе заведомая ложь. *Ее применение напоминает даже не бросание в воду заведомо не умеющего плавать, – мол, если не выплывет, сам виноват, – но требование к слесарю (а хоть бы и профессору биологии, если кто обиделся) немедленно сдать экзамен по квантовой физике с нищетой в качестве кары за провал.*

Применение этой доктрины к заведомо не соответствующим ей обществам становится социальным геноцидом.

Абсурдность фундаментального тезиса либеральной идеологии и его откровенная несовместимость с реальностью накладывают отпечаток и на сознание его носителей.

18.5. Либералы как тоталитарная секта

Современное либеральное сознание потрясает неспособностью воспринимать мнение, отличающееся от своего. Это не просто «отторжение», «враждебность» или «нетерпимость к инакомыслию[451]», это именно неспособность самого восприятия как такового.

Российские либералы порой выглядят пристойно лишь в силу своей отделенности от власти, которая не дает им реализовать свои представления о прекрасном и устроить стране новые 90-е годы.

Объективная враждебность современной либеральной идеологии, служащей глобальным спекулянтам, интересам большинства граждан (и далеко не только России, но даже и США) исключает для ее носителей возможность быть демократами, то есть людьми, учитывающими мнения и интересы своего народа.

Идеология либерализма полагает социально полноценными лишь богатейших людей, следуя реконструированному Стругацкими древнему принципу: «ни о каком принуждении... не могло быть и речи... , и даже самый последний землепашец имел не менее трех рабов». Этого же подхода придерживается и правящая бюрократия; в сфере социально-экономической политики (кроме вопросов усиления госвмешательства в жизнь общества) она либеральна.

У оставшихся «за ее бортом» либералов нет власти, и потому они требуют прав человека, но лишь в политике. Мысль об экономических и социальных правах граждан (без которых политические права объективно превращаются в бессмысленную формальность, но которые мешают обогащению финансовых спекулянтов) и даже о том, что де-

451. Россиянку Марию Бутину, несколько месяцев подвергавшуюся в американской тюрьме фактическим пыткам, официально обвиняли в том числе именно в «насаждении инакомыслия» в США.

мократическое государство должно следовать убеждениям граждан, в том числе и нелиберальным, проникает в сознание либералов лишь при острой практической надобности, по миновании которой немедленно изживается без следа. *(Когда на одной из встреч с американскими учеными во второй половине «нулевых» я подчеркнул необходимость критики российской бюрократии за нарушение не политических, а близких обычным людям социально-экономических прав, они растерялись, а один из известнейших советологов того времени, Р.Пайпс, стал искренне утешать меня тем, что организаторы изымут эти слова из стенограммы, – мол, никто не узнает, какую глупость я сказал.)*

В силу изложенного либералы – носители наиболее тоталитарного сегодня сознания. *Ведь отнюдь не Жириновский, а один из признанных столпов российского либерализма заслужил от однопартийцев говорящую кличку «Дуче».*

Неспособность воспринимать инакомыслие и, соответственно, уважать чужую точку зрения в сочетании с ощущением личной ущемленности (объективно порождаемой неадекватностью своих убеждений) вызывает высокую агрессивность.

Вопрос «сколько сребреников тебе заплатили, Иуда?» в качестве основного аргумента против даже не вызывающей одобрения точки зрения гармонично переходит в угрозы.

Забавно, что агрессия как способ ведения дискуссии проявляется и в отношении к партнерам, хотя бы и ситуативным. Так, один из либеральных организаторов российской оппозиционной Национальной ассамблеи, агонизировавшей под эгидой Каспарова в 2008-2009 годах, вдумчиво, со вкусом и без всякого подвоха рассказывал участнику-коммунисту, как он поучал своего сына, что хорошие коммунисты все же бывают, – но только мертвые. Это был честный максимум сотрудничества, на который способен либерал.

Хотя либералы образованней и успешней большинства их сограждан, наибольший отклик у них вызывают не относительно сложные мысли, а примитивные агитки. Даже в

сложных статьях реакцию вызывают обычно мелкие, глубоко частные детали. Это общее следствие развития Интернета, но у либералов такая примитивность в силу их большей образованности наиболее режет глаз.

Другое массовое проявление примитивизации – неспособность воспринимать мир многомерно. Увы, речь идет не о демагогическом огрублении мира до дихотомии «черное – белое»: речь идет о неспособности воспринимать более одной стороны явления.

С середины «нулевых» я ставлю эксперимент и специально в одной и той же статье высказываю противоречивые точки зрения (например, и ругаю, и хвалю Жириновского). Именно либералы впадают по этому поводу в негодование, не будучи способны осознать, что ряд явлений может быть не совсем однозначными. Да, они убеждены (как минимум со стакана сока, выплеснутого в успешно провоцировавшего его Немцова), что Жириновский – подонок. Да, они видели его эффективность как политика. Но их сознания столь примитивны, что эти две простейшие мысли, не противоречащие друг другу, просто не помещаются в них одновременно, – и первая напрочь вытесняет вторую.

18.6. Отрицание патриотизма

Давно уже разжевано и доказано даже для самых идеологизированных «глотателей газет», что великий Л.Н.Толстой, переводя сложный текст со староанглийского языка, сумел-таки ошибиться. В оригинале было «патриотизм может оправдать даже негодяя», а у классика вышло «патриотизм – признак негодяя».

Очень хотелось подтвердить свою мысль, с кем не бывает.

Но почему в России именно либералы сделали неверный перевод фактором общественной жизни?

Сначала – понятно: валили КГБ, КПСС и СССР. Но свалили же – почему не поднимать собственный, российский патриотизм, как во всех постсоциалистических странах?

Почему все 90-е годы, пока либералы были у власти, любить Родину было стыдно? Почему термин «национальные интересы России» в служебной бумаге в 1995 году (личный опыт автора) грозил немедленным увольнением из администрации президента?

Потому что, когда в начале 90-х, по известному выражению, «попали в Россию», далеко не все «целили в коммунизм». И те, кто промахнулся, вроде Зиновьева и в целом диссидентов, горько раскаивались и никакой карьеры в этом раскаянии не сделали.

А карьеру сделали либералы – попавшие, куда целили.

Лучше всего это выразил откровеннейший из либералов Кох, сказавший о бесперспективности России с такой чистой детской радостью, что она повергла в шок даже его коллег [157].

Не менее откровенна была еще одна «прорабша перестройки», которая при обсуждении 11 сентября 2001 года стала яростно доказывать, что любые люди, готовые сознательно отдать свои жизни за что бы то ни было, – выродки рода человеческого и должны физически уничтожаться в превентивном порядке, чтобы не мешали нормальным людям. Дело было в Ленинграде (тогда и ныне Санкт-Петербург), недалеко от Пискаревского кладбища, где лежали эти самые, по ее терминологии, «выродки».

Даже американцы в своих агрессиях, даже террористы, даже фашисты ближе мне, чем эта визжащая либеральная дама. Потому что они искренне думали, что сражаются за свой народ, – а она сознательно сражалась против своего народа.

Возможно, это вышло у нее нечаянно – просто потому, что в основе ее мироощущения лежали запросы потребления.

Это слово – главное для понимания либералов.

Ведь либерализм – идеология обожествления бизнеса. Крупный делец для либерала не может быть плохим (конечно, если не совершает доказанных и признанных самим либералом преступлений) уже лишь потому, что он получа-

ет большую прибыль, которая сама по себе воспринимается либералом как высший критерий истины.

И критически значимая часть либералов коммерционализирована, а коммерция в конечном итоге – всего лишь способ обеспечения потребления, пусть даже и символического, а не материального.

И либералы просто стремятся обеспечить себе качественное потребление, оставаясь равнодушными к цене этого потребления для всех остальных. «Ничего личного – только бизнес». Дело здесь не в какой-то специфической ненависти: хотя она часто имеет место, как причина либерального поведения она все же второстепенна.

Россия нелюбима либералами не столько как враг, сколько как неудобство, как гвоздь в ботинке: ее народ (тоже запрещенное после победы демократии слово, положено говорить «население»!) мешает им красиво потреблять, как плохому танцору мешают ноги.

Обычным людям свойственно застывать в тяжком раздумье между севрюгой и Конституцией; при выборе же между Конституцией и куском хлеба 95% не задумаются, и всерьез осуждать их может только тот, кто не голодал сам.

Но именно у либералов – и именно в силу их идеологии – потребительская ориентация выражена предельно полно. И, служа своему потреблению, они автоматически, незаметно для себя самих, начинают служить странам и регионам, где потреблять наиболее комфортно, – нашим объективным, стратегическим конкурентам. И, живя ради потребления, они начинают любить те места, где потреблять комфортно, и не любить те, где потреблять неуютно.

Не любить Россию.

Справедливости ради надо сказать, что либералам враждебен, хотя и значительно в меньшей степени, даже патриотизм в отношении комфортных для потребления мест, будь то Италия, США или ОАЭ. Ведь они служат глобальным спекулянтам, интересы которых объективно несовместимы с любой обособленностью, особенно оформленной в виде государства (см. параграф 7.2).

18.7. Вырождение идеологии, ставшей реакционной

Либеральная контрреволюция (см. пример 23, параграф 16.1.3), начатая Тэтчер и превращенная в глобальный тренд Рейганом, была чудовищным регрессом с точки зрения социального развития, но выражала доминирующую тенденцию эпохи. И, пока глобальные спекулятивные монополии развертывали свою экспансию и укрепляли свое доминирование, либеральная идеология как служанка хотя и не прогрессивного, но наступающего класса сохраняла не только привлекательность, но и творческий потенциал, несмотря на все свои выявленные выше недостатки и даже пороки.

В это время исторического наступления сложилась и полностью закостенела в своих догмах либеральная идеологическая (с самого начала антинаучная, скорее религиозная) школа [246, 320], стремительно прошедшая все этапы вырождения общественно значимой концепции. Опираясь на тотальное политическое доминирование и завоевав глобальный характер, либеральная секта каленым железом выжгла идеологических конкурентов – и для себя, и для финансовых спекулянтов – проведя в масштабах всего человечества беспрецедентную лоботомию всего социального слоя, занятого интеллектуальным трудом.

Длительное время почти любое неосторожное высказывание о хотя бы возможности серьезного, не вызванного случайностью несовпадения интересов финансовых спекулянтов и общественного блага почти полностью отсекало возможность успешной карьеры, обретения благосостояния и высокого социального статуса. И, напротив, повторение клишированных благоглупостей, имевших все меньшее отношение к реальной жизни, практически гарантировало полное благополучие и общественное уважение.

Даже исследователи, не говоря о преподавателях, политиках и менеджерах, всем существом ощущая категорическую недопустимость малейших «неполиткорректных», то есть противоречащих либеральному дискурсу, высказываний, постоянно находились под жесточайшим прессом самоцензуры, полностью исключавшей даже само восприятие реальности.

Последствия такой дрессировки вскрыл, например, М.Л.Хазин в беседе с ректором ультралиберальной Российской школы экономики Гуриевым [325]. Накануне президентских выборов 2008 года в США тот категорически отрицал самоочевидный факт рецессии в их экономике (ипотечный кризис нарастал уже третий год – см. параграф 16.6.1, а Lehman Brothers уже обанкротился без одного дня месяц, то есть не только Аннушка уже пролила масло, а и Берлиозу уже отрезало голову, – но российский либерал искренне почитал его за живого [104]!), объясняя свою позицию единственно тем, что уважаемые либералами и якобы независимые от американского государства и бизнеса специализированные институты рецессию не признавали.

Естественно, как только выборы прошли, и признание очевидности перестало угрожать создать политическую проблему, данные институты без тени стыда пересчитали статистические данные задним числом и не просто признали рецессию, но и признали ее аж с декабря 2007 года! Однако кастрированное либеральное сознание в принципе не способно не только ставить неудобные вопросы даже само себе, но даже и просто отражать реальность. Надо сказать, что выявленная глубокая неадекватность и полная зашоренность Гуриева сослужили ему добрую службу: через несколько лет он стал (и долгое время оставался) самым цитируемым на Западе российским экономистом.

Таким образом, либеральной дрессировке удалось добиться потрясающего результата: создать в виде либерального сознания специфическую форму материи, полностью лишенную (пусть даже и лишь в отношении отдельных тем)

одного из ее казавшихся неотъемлемыми фундаментальных свойств, – а именно отражения!

В результате столь эффективной дрессировки и в государственном, и в корпоративном управлении, и в науке, и в преподавании по всему миру поколение, считавшее либерализм одной из ряда идеологий и теорий (пусть даже и единственно верной), было сменено поколением, искренне почитающим либерализм единственной, окончательной и всеобъемлющей истиной, прямо и непосредственно выражающей объективные природные закономерности. Научный подход, опирающийся на критическое мышление, в общественной жизни практически повсеместно уступил место религиозному подходу, рассматривающему в качестве критерия истины не практику, а догмы либерализма. (В сфере управления эту смену поколений ярко показал Перкинс в «Исповеди экономического убийцы» [247].)

Эффективно используя мощь информационных технологий, либералы смогли выжечь саму возможность критического мышления даже из вузов, которые с момента своего зарождения еще в Средневековье служили (наряду с монастырями) фабриками и складами запасных идеологических концепций на непредвиденный случай. Альтернативные концепции, сумевшие кое-где выжить под их всесокрушающим напором, либо утратили способность к воспроизводству (у профессоров, считающихся бесперспективными, не бывает учеников и, соответственно, дееспособных продолжателей), либо выродились в секты, игнорированием реальности мало отличающиеся от либералов. В результате **сектантство стало нормой интеллектуальной жизни перед тем, как стало формой организации жизни общественной** (см. параграф 6.6).

Со времен крушения античных обществ под ударами варваров история не знала интеллектуальной катастрофы подобных масштабов и глубины!

По мере изменения вектора развития человечества и оставления глобальными спекулянтами доминирующих позиций в политике и экономике неадекватность либерализ-

ма и необходимость его замены в качестве доминирующей концепции развития становится все более острой. Однако даже осознавать эту необходимость, как правило, некому, ибо управляющие элиты в своем абсолютном большинстве (а во многих обществах и поголовно) состоят из конченых либералов: в условиях их засилья иных туда просто не допускают.

Это обеспечивает системную неадекватность управления почти на всех уровнях и усугубляет его кризис (см. главу 4).

Более того: если какая-то управляющая элита под воздействием катастрофического ухудшения ситуации вдруг прозревает и обретает (пока обычно на крайне короткое время) способность задуматься о возможности проведения не либеральной, а адекватной потребностям соответствующего общества политики, – оказывается, что разрабатывать эту политику попросту некому, так как тотальная интеллектуальная катастрофа выжгла все: не только государственное, но и коммерческое управление, и науку, и школу, и все остальные сегменты экспертного сообщества до последнего закоулка!

Так, многие общества в ходе развертывания глобального кризиса подходили вплотную к осознанию обязанности любого государства эмитировать деньги по потребностям своей экономики, а не в зависимости от суммы свободно конвертируемой валюты, попадающей в его экономику по воле конъюнктуры или его хозяйственных и политических партнеров.

Однако к этому моменту они под воздействием либерализма обычно успевали уничтожить не только кадры и институты, способные осуществлять эту суверенную эмиссию, но и научные школы, и даже отдельных специалистов, способных понимать ее основные правила (непосредственная причина ее неприемлемости для либералов – в категорической необходимости ограничивать финансовые спекуляции при суверенной эмиссии): не только навыки практического осуществления экономического суверенитета, но и сама его возможность ампутирована из сознания не только полити-

ческой, но и интеллектуальной элиты подавляющего большинства обществ мира, обрекая их на жалкую участь Греции в 2011 году, которой необходимо было возвращать драхму, но в которой некому, даже в самой лютой оппозиции, было даже представить это!

Таким образом, административно-ментальное доминирование либерализма оказалось достаточно длительным, чтобы сделать большинство обществ безоружными перед эпохой завершения глобализации и срыва в Глобальную депрессию.

И Россия обладает в этой сфере уникальным стратегическим преимуществом: она одна сохранила (вероятно, в силу исторической традиции интеллектуального сопротивления тоталитаризму – в данном случае либеральному) не просто отдельных специалистов, но целую развивающуюся экономическую школу, напряженно прорабатывающую наиболее актуальные именно сейчас, накануне срыва в Глобальную депрессию, вопросы перехода от либеральной политики поддержки спекуляций к прогрессистской политике организации развития национального хозяйства, в том числе во враждебном политическом и конкурентном окружении [324].

Заключение

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ПОРОГОМ

Человечество уже перешагнуло порог качественно нового и потому неведомого периода своего развития.

С одной стороны, как было указано в разделе 4.2 введения, заканчивается занявшая всю осознаваемую часть истории эпоха изменения природы: антропогенная нагрузка приблизилась к объективному пределу, и человек начинает решать проблему приспособлением себя к окружающей среде. С другой стороны, технологии вот-вот вырвутся из-под общественного контроля, как при переходе от феодализма к капитализму, неся на плечах уже не просто новые общественные отношения, но и новый облик всего человечества.

Говорить о механизме разрешения глобального кризиса рано: мы лишь входим в него. По формальной логике средством выхода станет то же распространение новых технологий, которое породило кризис (он «изживает себя», а не прерывается извне «богом из машины»). Переориентация господствующих технологий с изменения мертвой материи *(high-tech)* на преобразование живого человеческого сознания *(high-hume)* уже трансформирует рыночные отношения (см. параграф 8.1): деньги теряют значение, их место как основного инструмента, результата и символа успеха занимают технологии. Сосуществование информатизированного мира с обычным «рыночным», менее развитым, возможно, будет упрощено идеологизацией последнего, в том числе

из-за осознанного противостояния с развитыми странами в информационной сфере.

Трансформация рыночных отношений, сужение сферы их доминирования и исчезновение их в нашем сегодняшнем понимании идут неравномерно и будут отягощены расширением сферы применения новых технологий, меняющих уже не только сознание, но и боблик человека.

Одним из нетривиальных выходов из недостаточности спроса для развития сложных технологий может стать сужение сферы их применения при сохранении прежней сферы получения денег творцами этих технологий. Это возможно, если потребители сложных технологий будут помимо своей воли и неосознанно (как это сейчас происходит с интеллектуальной собственностью) оплачивать разработку качественно новых технологий, призванных ускорить развитие той части человечества, которая принципиально (и непредставимо с сегодняшних позиций) изменится и перестанет нуждаться в традиционных формах конкуренции и кооперации.

Это звучит фантастично лишь в отношении биологической, индивидуальной эволюции человека. В отношении эволюции социальной описанное уже произошло: это создание и распространение не только традиционных «высоких» технологий при помощи защиты «интеллектуальной собственности», но и общедоступных технологий формирования сознания. Данные технологии применяются всеми против всех, но основной доход достается их разработчикам.

При распространении этих же отношений на биологическую эволюцию человека обеспеченная часть граждан развитых стран и богатейшие жители остального мира получат возможность усовершенствовать свой организм (в том числе не представимым сегодня образом) и, вероятно, свои мыслительные способности.

В силу их возросшей эффективности остальной мир превратится не более чем в их «дойную корову» – и, при вероятном сохранении формальных демократических институтов

и процедур, будет иметь не больше реальных прав и возможностей, чем это в высшей степени достойное и уважаемое животное.

Тогда в мире воспроизведется модель спроса неразвитых стран (и периода феодализма), заключающаяся в концентрации подавляющей части спроса у численно незначительной, но доминирующей экономически и политически богатейшей элиты с выделением из остального общества ее хорошо оплачиваемой обслуги. Для остального общества характерна нищенская по уровню потребления, а со временем и по типу потребительского поведения модель спроса.

Эффективное рыночное поведение в таком обществе – ориентация на богатых, готовых переплачивать за престижность потребления, что вслед за структурой спроса уродует и структуру производства, подрывая саму способность общества к развитию.

Это исторический тупик, выход из которого связан с чудовищными катаклизмами и потрясениями (Францию, например, трясло революциями почти сто лет – как минимум с 1789 по 1871 год). Разложившись, общество может и погибнуть в этом тупике.

Альтернатива концентрации технологического прорыва в богатейших обществах – широкое демократичное распространение дешевых «закрывающих» технологий. Реализация обоих этих моделей невозможна: хотя в практику пробьются отдельные элементы и отвергнутой модели, одна из них неизбежно будет преобладать.

И **это та самая сфера, в которой позиция каждого отдельного взятого человека** может сыграть свою роль и – в соответствии с поговорками о «последних каплях» и «последних соломинках» – **повлиять на модель и направление развития всего человечества**.

Более приемлемая традиционно демократическая модель обладает массой недостатков и также несправедлива во многом и ко многим. Но она все равно неизмеримо более эффективна и справедлива, так как оставляет возможности

развития, самореализации и благосостояния как большинству отдельных людей, так и всем цивилизациям, и человечеству в целом.

Поэтому каждый из нас должен сообразовывать свои действия с глобальным выбором, перед которым, истово зажмурясь (за исключением глобального управляющего класса, жаждущего стать «железной пятой»), – даже не от ужаса, а от простого желания сохранить все более призрачный комфорт, – стоит современное человечество. **Когда выбор станет очевидным для всех, он – просто в силу этой очевидности – уже будет так или иначе сделан**. Сегодня же, **«на дальних подступах», даже ультраслабое воздействие отдельной организации и даже отдельного человека может изменить все наше будущее**.

Мы должны думать о нем – прежде всего потому, что при жизни вступающего сегодня в мир поколения действительно можем изменить его своими ничтожными в обычных условиях силами.

БИБЛИОГРАФИЯ

На иностранных языках:

1. Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World Inequality Report – 2018. https://wir2018.wid.world/.
2. Anti-Competative Efects of Common Ownership. http://www.tse-fr.eu/sites/default/files/TSE/documents/sem2015/io/schmalz.pdf.pdf.
3. Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. NY: Macmillan, 1932.
4. Blanc O. Les hommes de Londres. Histoire secrète de la Terreur. P.: Albin Michel, 1989.
5. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press, 2014.
6. Brew J. The Sinews of Power: War, Money and the English State 1688-1783. Unwin Hyman Inc., London, 1989.
7. The British Empire. Caledonian Mercury, 15 October 1821.
8. British Security Coordination: The Secret History of British Intelligence in the Americas, 1940-1945. London: St. Ermin's, 1998.
9. Brockman J. Thinking: the New Science of Decision-Making, Problem-Solving, and Prediction. N.Y.: Harper Perennial, 2013.
10. Burnham J. The Managerial Revolution: Or, what is Happening in the World Now. London: Putnam, 1941.
11. Carswell J. The South Sea Bubble (Revised ed.). England: Alan Sutton Publishing Ltd., 1993.
12. Coghlan A., MacKenzie D. Revealed – the capitalist network that runs the world. New Scientist (USA), 24 октября 2011 года https://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed--the-capitalist-network-that-runs-the-world].

13. 74. Clegg J. TNCs in developing countries: Highlights from the 1989 UK AIB Conference. «The CTC Reporter», No.30 (Autumn 1990).
14. Craig J. Isaac Newton and the counterfeiters. "Notes and Records of the Royal Society". Vol. 18. 1963.
15. Craig J. Newton at the Mint. Cambridge University Press, 1946.
16. Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis Of Democracy. NY.: University Press, 1975. http://trilateral.org/download/doc/crisis_of_ democracy.pdf.
17. Dinges J. Our Man in Panama: How General Noriega Used the United States – And Made Millions in Drugs and Arms. NY.: Random House, 1990.
18. Foreign Affairs. January-February 2000. P.83.
19. Fukuyama F. Our Posthuman Future. NY.: Farrar, Straus & Giroux, 2000.
20. Galbraith J. The New Industrial State. Boston: Houghton Mifflin Co., 1967.
21. Gardner G., Halweil B. Underfed and Overfed. The Global Epidemic of Malnutrition. «Worldwatch Paper», No.150. Washington. March 2000.
22. Gates R. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. Simon & Schuster, 2007.
23. Gay E. The Inquisitions of Depopulation in 1517 and the 'Domesday of Inclosures'. «Transactions of the Royal Historical Society» 14.1, 1900.
24. De Geus A. The living Company. Boston (Ma), 1997.
25. Gold D. The determinants of FDI and their implications for host developing countries. «The CTC Reporter», No.31 (Spring 1991).
26. Goodman M. Future Crimes: Inside the Digital Underground and the Battle of Our Connected World. NY: Random House, 2015.
27. Guiral A. Qui, j'aime les femmes, et alors? "Liberation", May 17, 2011.
28. Habakkuk H. English landownership 1680-1740, "The Economic History Review", 1940, v. 10, No 1.

29. Harari Y. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Harper, 2017.
30. Henderson D. The Federeal Reserve Cartel: Freemasons and The House of Rothschild. GlobalResearch, January 31, 2018. https://www.globalresearch.ca/the-federal-reserve-cartel-freemasons-and-the-house-of-rothschild/25179.
31. Hudson M. Super imperialism: the economic strategy of American empire. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.
32. Hyde M. The Quiet Canadian: The Secret Service Story of Sir William Stephenson. London: Hamish Hamilton, 1962.
33. Kagan R. Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. NY.:Alfred A.Knopf, 2003.
34. Kaplinsky R. Global Value Chains: Where They Came From, Where They Are Going and Why This Is Important. Innovation, Knowledge, Development Working Papers. 2013. № 68.
35. Kennard F., Hanne A. Boom & Bust: A Look at Economic Bubbles. 2015.
36. Keynes J. A Treatise on money. L.: MacMillan, 1930. Vol. II.
37. Khanna P. The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. NY: Random House, 2008.
38. Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines. NY.: Viking Press, 1999.
39. Kwitny J. The Crimes of Patriots. A True Tale of Dope, Dirty Money and the CIA. WW Norton & Co., 1987.
40. La Haute Finance et les Révolutions. Numéro spécial. Lectures françaises publié sous la direction de Henry Coston. Rennes.: Imp. Réunies, 1963.
41. Lasch Ch. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democrasy, New York, London, 1995.
42. Leshuk L. US intelligence perceptions of Soviet power, 1921-1946. London: Frank Cass, 2003.
43. Linden G., Kraemer K., Dedrick J. Who Captures Value in a Global Innovation System? The Case of Apple’s iPod. Personal Computing Industry Center, UC Irvine, June 2007.
44. Lutz Ch. The Cadaver Connection. “Vietnam Magazine”. http://www.historynet.com/the-cadaver-connection.htm.
45. Maslow A. Motivation and Personality. New York: Harpaer & Row, 1954.

46. Mazzukato M. The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths. London: Penguin, 2018.
47. McCoy A., Read C. The Politics of Heroin in Southeast Asia. NY.: Harper and Row, 1972.
48. McLuhan M., The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1962.
49. McLuhan M., Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964.
50. Medina E. Cybernetic Revolutionaries: Technology and Politics in Allende's Chile. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2011.
51. Mullins E. The Secrets of the Federal Reserve. Banker Research Institute, 1983.
52. Levy S. We Are Entering the Era of the Brain Machine Interface, Wired, 22 апреля 2017 года. https://www.wired.com/2017/04/we-are-entering-the-era-of-the-brain-machine-interface/.
53. Pentland A. Social Physics: How Good Ideas Spread. The Lessons from a New Science. Penguin Press, 2014.
54. Report on Fabian Policy, напеч. в «Fabian Tracts», № 70, 1896.
55. Rizzi B. La Bureaucratisation du Monde, Édité par l'auteur. Paris: Les Presses Modernes, 1939.
56. Robbins C. Air America: the explosive true story of the CIA's secret airline. NY.: G.P.Putnam's Son, 1979.
57. Roseveare H. The Trasury 1660-1870. The foundations of control. London, 1973.
58. Schneier B. Data and Goliath: The Hidden Battles to Collect Your Data and Control Your World. NY, London: WW Norton & Company, 2016.
59. Schwartz J., Begley S. The Mind and the Brain: Neuroplasticity and the Power of Mental Force. NY.: HarperCollins, 2009.
60. Smith J. The GDP Illusion. Value Added versus Value Capture. Monthly Review. July 01, 2012. https://monthlyreview.org/2012/07/01/the-gdp-illusion/.
61. Social Consequences of Globalization. Marginalization or Improvement. Conference by H.E. Fernando Henrique Cardoso at the Indian National Centre, New Delhi, 1996.

62. Sombart W. Studien zur Entwicklungsgeschichte des modernen Kapitalismus. Zweiter Band. Krieg und Kapitalismus. Munchen und Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1913.
63. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury, 2011.
64. Stubbs C. Charles Kingsley and the Christian Social Movement. London: Blackie & Son, 1900.
65. Tawney R. The rise of the gentry, 1558-1640, "The Economic History Review", 1941, v. 11, No 1.
66. Tawney R. The rise or the gentry, "The Economic History Review", 1954, v. 7, No 1.
67. Turing A. Computing Machinery and Intelligence. "Mind", October 1950.
68. Wells H. A Modern Utopia. London: W. Collins Sons & Co., 1905.
69. Wells H. The New Machiavelli. London: John Lane, 1911.
70. Westfall R. The Life of Isaac Newton. Cambridge, 1993.
71. Williamson J. (ed.). What Washington Means by Policy Reform. Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Wash. Institute for International Economics, 1990.
72. Winslow Ch. And Bramer W. FutureWork. Putting Knowledge to Work in the Knowledge Economy. New York, 1994.
73. Wordie J. The chronology of English enclosure, 1500-1914. "The economic history review", Vol. 36, No. 4 (1983).
74. Xing Y., Detert N. How the iPhone Widens the United States Trade Deficit with the People's Republic of China. ADBI Working Paper Series No. 257, December 2010 (revised May 2011).

На русском языке:

75. Авдокушин Б. Международные экономические отношения: Учеб. Пособие – М.: ИВЦ «Маркетинг», 1996.
76. Аксенов Л. Клиповое мышление – гениальность или деменция. Современное машиностроение. Наука и образование: Материалы 4-й междунар. науч.-практ. конференции. Под ред. М.М. Радкевича и А.Н. Евграфова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014.

77. Анан К. Доклад Генерального Секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке». 54-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, п.49(b) повестки дня. Ассамблея тысячелетия ООН. М., 2000.
78. Андреев А. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX века. М.: Русская панорама, 1998.
79. Андреев И. Философские аспекты нейрофизиологии. Вестник Российской академии наук, том 85 № 3, 2015.
80. Амброз С. «Эйзенхауэр. Солдат и президент». М.: Книга, лтд. 1993.
81. Анчишкин И. Лекция «введение в специальность» на экономическом факультете МГУ, сентябрь 1985 (запись автора).
82. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия М.: Международные отношения, 1993.
83. Афанасьев Ю. Кажимости и мнимости победили в борьбе с данностями. «Независимая газета», 28 января 1998.
84. Ашберг У. Автопортрет в контексте эпохи. В сб. De Personae / О личностях. Т.1. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018.
85. Багаев А. Британские агенты, легендарные и настоящие. В сб. De Personae / О личностях. Т.2. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018.
86. Багаев А. Презумпция лжи. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016.
87. Бакли К. День бумеранга. М.: Иностранка, 2008.
88. Бакли К. Здесь курят. М.: Иностранка, 2001.
89. Бек А. Новое назначение. М.: Книжная палата, 1987.
90. Бек У. Что такое глобализация? М: Прогресс – Традиция. 2001.
91. А.Белоусов (под ред.) «Тенденции развития национальной экономики России в среднесрочной и долгосрочной перспективе». Доклад. М., 1999.
92. Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Книга III. Тяжелые годы роста и обновления. М.: ИздАТ, 2002.
93. Белые медведи вымрут к 2025 году, предупреждают экологи. https://ria.ru/science/20150706/1116320327.html.

94. Беляев Л. Экономика «зрелого» социализма. «Свободная мысль» № 6, 2016.
95. Берберова Н. Люди и ложи. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
96. Бешенков С., Лыскова В., Ракитина Е. Информация и информационные процессы. Омск: Издательство ОмГПУ, 1999.
97. Бжезинский З. «Великая шахматная доска». М., «Международные отношения», 1999.
98. Болтянский Г. Ленин и кино. М.: Гос. изд-во, 1925.
99. Борисов Б. «Настоящий голодомор был не в СССР, а в США!» «Комсомольская правда» 20 августа 2009 года https://www.kp.ru/daily/24346.4/535294/.
100. Брикнер А. Смерть Павла I. СПб, 1902.
101. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.
102. Брюханов В. Трагедия России: цареубийство 1 марта 1881 г. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.
103. Буланов К. Баффет назвал деривативы «бомбой замедленного действия». ИА «Росбизнесконсалтинг», 1 мая 2016 года. https://www.rbc.ru/finances/01/05/2016/5725281f9a7947be00113dec.
104. Булгаков М. Мастер и Маргарита. Петрозаводск: Карелия, 1991.
105. В 2017 году было сделано 10% всех существующих фотографий. "Новые известия", 4 августа 2017 года. https://newizv.ru/news/tech/04-08-2017/v-2017-godu-bylo-sdelano-10-ot-vseh-suschestvuyuschih-v-istorii-fotografiy.
106. В США разгорелся «климатгейт» 2.0. https://www.infox.ru/news/232/science/human/171435-v-ssa-razgorelsa-klimatgejt-20.
107. Вавилов Н. Китай реанимирует коммунизм. «Завтра» 28 октября 2017 года.
108. Вайль П., Генис А. Американа. М.: Слово, 1991.
109. Вдовин А. СССР. История великой державы (1922-1991 гг.). М.: Проспект, 2018.
110. Веллер М. Энергоэволюционизм. М.: АСТ, 2010.
111. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.

112. Винер Н. Кибернетика. Управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1958.
113. Война под наркотиками. «Дилетант», 2 ноября 2016 года. https://diletant.media/articles/31755720/.
114. Войны Алой и Белой розы. http://www.zaxodi-v-internet.ru/wars-of-the-roses.html.
115. Волобуев В. Ленин и кино: достоверность цитаты. 13 ноября 2010 года. https://g-gumbert.livejournal.com/157742.html.
116. Всемирная история. Эпоха английской революции. М.: ЛСТ, 2000.
117. Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.
118. Гайдар Е. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России. М.: Институт экономики переходного периода, 2003.
119. Гарт Л. Вторая Мировая война. М.: АСТ, 1999.
120. Гессе Г. Игра в бисер. М.: АСТ, 2017.
121. Гете И. Фауст. Харьков: Фолио, 2013.
122. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.: Госиздат, 1924.
123. Глазьев С., Кара-Мурза С., Батчиков С. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001 гг.. М.: Алгоритм, 2003.
124. Голованов С. Католическая Церковь и Россия. СПб.: Мария Царица Апостолов, 1998.
125. Голубев А. «Если мир обрушится на нашу Республику. Советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е гг.» М.: Кучково поле, 2008.
126. Горький М. О Ленине. «Известия ВЦИК» № 84, 11 апреля 1924 года.
127. Горький М. Старуха Изергиль. Мать. На дне. В.И.Ленин. М.: Учпедгиз, 1957.
128. Грааф Дж. де, Ванн Д., Нэйлор Т. Х. Потреблятство: болезнь, угрожающая миру. Перевод Н. Макаровой. Екб.: Ультра.Культура, 2003.
129. Грин Г. Наш человек в Гаване. Тихий американец. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

130. Грин Дж. История Англии и английского народа. М.: Кучково поле, 2007.
131. Гринспен А. Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. М.: Альпина паблишер, 2015.
131.1. Гузенкова Т. Глобальный кризис глазами глобализаторов. «Свободная мысль» № 1, 2019.
132. Гулыга А. Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1986.
133. Гумилев Л. Конец и вновь начало. М.:Ди Дик, 1997.
134. Гусев Д., Матвейчев О., Хазеев Р., Чернаков С. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. Пермь: Alex J.Bakster Group, 2002.
135. Гэлбрейт Дж. Кризис глобализации. «Проблемы теории и практики управления» № 6, 1999.
136. Гэлбрейт Дж. Жизнь в наше время. М.: Прогресс, 1986.
137. Давтян В. «Кривизна катастрофы». Цивилизационные проблемы мирового энергопотребления. «Свободная мысль» №3, 2018.
138. Давыдов Д. Смена общественно-экономической формации? Несколько слов о рентном обществе и перспективах посткапитализма. «Свободная мысль» № 4, 2016.
139. Давыдов Д. Сможет ли коммунизм совладать с личностью? «Свободная мысль» № 5, 2018.
140. Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017.
141. Данилов А., Пыжиков А. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001.
142. Данн Р. Эпоха религиозных войн. 1559-1689. М.: Центрполиграф, 2011.
143. Делягин М. «Англосаксы толкают нас в рабство, обещая свободу» «Свободная пресса», 26 июня 2017 года, http://svpressa.ru/society/article/175518/.
144. Делягин М. Британские элиты: факторы глобального превосходства. От Плантагенетов до Скрипалей. М.: Книжный мир, 2018.
145. Делягин М. В ожидании войны: Китай готовится к глобальному кризису. «Московский комсомолец», 1 декабря 2017 года.

146. Делягин М. Глобальная нестабильность. В защиту Соединенных Штатов Америки. Полит.ру. 05.10.2000, 10.10.2000.
147. Делягин М. Глобальная неустойчивость и тоска по апокалипсису. В сб. «Крах доллара. Пособие для российского общества по выходу из приближающегося кризиса». М., Изд. Чернышева Н.Е., 2000.
148. Делягин М., Шеянов В. Империя в прыжке: Китай изнутри. Как и для чего «алеет Восток». М.: Книжный мир, 2015.
149. Делягин М. Куда идет ?великая? Россия. М.:Кондор, 1994.
150. Делягин М. Мировой кризис: общая теория глобализации. М.: Инфра-М, 2003.
151. Делягин М. Некоторые соображения о следующем экономическом кризисе. Доклад. М.: Политиздат, 2003.
152. Делягин М. Некоторые технологические факторы и проблемы революции. Доклад Института проблем глобализации, сборник XX. М.: Политиздат, июль 2006.
153. Делягин М. Нужна ли нами интеллигенция. «Московский комсомолец», 18 февраля 2018 года.
154. Делягин М., под ред.. «Практика глобализации: игры и правила новой эпохи». М., «Инфра-М», 2000.
155. Делягин М. Риски системы: тропой бесплатного сыра. «Ведомости» 5 февраля 2008 года.
156. Делягин М. Россию губит альтруизм: страна простила долги на 151 миллиард долларов. «Московский комсомолец», 10 октября 2017.
157. Делягин М. Светочи тьмы. Физиология либерального клана от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Книжный мир, 2016.
158. Делягин М. Торопись медленно. «Ведомости», 26 февраля 2001.
159. Делягин М. Экономика неплатежей. М.: Оригинал, 1997.
160. Докука С. Клиповое мышление как феномен информационного общества. «Общественные науки и современность» № 2, 2013.
161. Ефимов А. Исаак Ньютон и «Великая перечеканка 1696 года». N+1, 8 августа 2017 года, https://nplus1.ru/blog/2017/08/08/tao-physics.

162. Зотов Г. Лапша вместо Калашникова. Как Китай захватил бывшую «советскую» Африку. «Аргументы и факты», 7 ноября 2018 года.
163. Из беседы В.И.Ленина с А.В.Луначарским. «Советское кино», № 1-2, 1933.
164. Ильенков Э. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984.
165. Иноземцев В. «Идущие врозь». «Независимая газета», 8 апреля 2003.
166. Иноземцев В. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М.: Экономика, 2003.
167. Иноземцев В. «Расколотая цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи». «Вопросы философии», № 5, 1999.
168. Иноземцев В. «Слабость “силы” и сила “слабости”». М., 2003.
169. Калашников М., Кугушев С. Великое противостояние – Россия против Голема. М.: Астрель, 2005.
170. Караганов С. СВОП – это масонство, но без мастерков. «Коммерсант-Власть» от 29 ноября 1999 года.
171. Карцев В.П. Ньютон. М.: Молодая гвардия, 1987.
172. Катасонов В. Куда девалось золото России? «Столетие» 1 апреля 2014 года http://www.stoletie.ru/voyna_1914/kuda_devalos_zoloto_rossii_283.htm.
173. Катасонов В. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. М.: Кислород, 2014.
174. Катасонов В. Суперсубъект или Комитет 147... О тех, кто действительно нами управляет... Diskred.ru 15 января 2013 года https://www.discred.ru/news/mirovaja_politika_i_ehkonomika_o_tekh_kto_dejstvitelno_nami_upravljaet_supersubekt_ili_komitet_147/2013-01-15-2631.
175. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002.
176. Ковальчук М. Клеточная война, колонии и «служебные люди» США. 1 октября 2015 года. http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b.
177. Кожинов В. Правда сталинских репрессий. Разгадка 1937 года. М.: ЭКСМО, 2009.

178. Конобеев Ю., Павлинчук В., Работнов Н., Турчин В. (составители). Физики шутят. М.: Мир, 1966.
179. Корягин В. Цены на нефть стреляют в голову. «Газета.ру» 25.03.2015 https://www.gazeta.ru/science/2015/03/25_a_6613061.shtml.
180. Кротов Н. Пламенные банкиры в пыльных шлемах. В сб. De Personae / О личностях. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018.
181. Кудрин А. Россия и финансовый кризис. «Ведомости», 2 октября 2008 года.
182. Кузьмина О. Разоблачение Матери Терезы: вокруг имени святой по-прежнему много тайн. “Вечерняя Москва”, 17 июля 2018 года.
183. Кузьмичев П. Из истории униатской церкви. Гомель: Сож, 1993.
184. Кулишер И. История экономического быта Западной Европы. Челябинск: Социум, 2004, т.II.
185. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
186. Кургинян С. Качели. Конфликт элит или развал России? М.: ЭТЦ, 2008.
187. Курдюмов С., Малинецкий Г., под ред. Новое в синергетике: взгляд в третье тысячелетие. М.: Наука, 2002.
188. Кьеза Дж. Выйти за пределы «денежной карты». Читая Грамши сегодня. «Свободная мысль» № 6, 2018.
189. Лабутина Т. Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2016.
190. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.: Государственное издательство, 1927.
191. Ларина Е. Понимание алгоритмических обществ. Гибридный интеллект и его зомби. «Свободная мысль» № 5, 2017.
192. Левенсон Т. Ньютон и фальшивомонетчик. О том, как величайший ученый стал сыщиком. М.: Корпус, 2013.
193. Лем С. «Сумма технологий». М.: «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
194. Ленин В. Беседа В.И.Ленина с А.В.Луначарским. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т.44. М.: Издательство политической литературы, 1970.

195. Ли Шэнмин. Материалы VIII Всемирного социалистического форума. Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 2017.
196. Линн Дж., Джей Э. Да, господин министр. Из дневника члена кабинета министров достопочтенного Джеймса Хэкера, члена парламента. М.: Римис, 2005.
197. Линн Дж., Джей Э. Да, господин премьер-министр. Из дневника достопочтенного Джеймса Хэкера. М.: Римис, 2007.
198. Логинов В. Неизвестный Ленин. М.: Эксмо, 2010.
199. Лондон Дж. Железная пята. М.: Азбука, 2018.
200. Луценко Е., Орлов А. Асимптоматический информационный критерий качества шума. Научный журнал КубГАУ № 116(02), 2016 год.
201. Любимов М. Декамерон шпионов. М.: Центрполиграф, 1998.
202. Любимов М. Операция "Голгофа". «Совершенно секретно» № 2, 1995.
203. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007.
204. Маколей Т. История Англии. Полное собрание сочинений. Т.6-13. СПб.-М.: изд-во М. О. Вольфа, 1863-1868.
205. Максименко В. Глобализация: риторика, идеология, реальность. Православие.ру, http://www.pravoslavie.ru/analit/globalisation.htm.
206. Малахов С. Первый доклад второму футурологическому конгрессу. «Свободная мысль» № 6, 2017.
207. Манфред А. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1986.
208. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001.
209. Мартиросян А. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М.: Вече, 2003.
210. Мартиросян А. Заговор советских генералов. День-ТВ, 22 июня 2017 года. https://www.youtube.com/watch?v=3ukXJw18tH0.
211. Маслов В. На поклон банкирам в лондонский Сити. ИЦ Aftershok, 1 ноября 2015 года. https://aftershock.news/?q=node/345604&full.
212. Маркс К. К критике гегелевской философии права, 1844. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.I. Изд.2. М.: Государственное издание политической литературы, 1955.

213. Маяковский В. Во весь голос. М.: АСТ, 2017.
214. Маяковский В. Владимир Ильич Ленин. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.
214. Медведев Ю. Ученые: Земля вступает в очередной ледниковый пер5од. «Российская газета», 7 января 2014.
216. Мейсан Т. Эммануэль Макрон: эпоха народовластия закончилась. Сеть Вольтер, 6 сентября 2017 года. https://www.voltairenet.org/article197755.html.
217. Менцин Ю. Закон испорченной монеты. «Независимая газета» 7 ноября 2015 года.
218. Менцин Ю. Засекреченная встреча Петра I и Ньютона. «Независимая газета» 12 октября 2016.
219. Менцин Ю. Монетный двор и Вселенная. «Вопросы истории естествознания и техники». № 4, 1997.
220. Мир в 2000 году. «The Economist» – «Эксперт». Специальный выпуск. Лондон – Москва, 1999.
221. Митчелл М. Унесенные ветром. М.: Эксмо, 2003.
222. Могирев С. Употребление наркотиков в американской армии во время вьетнамской войны. Портал «История США». 2010. https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/437-upotreblenie-narkotikov-v-amerikanskoj-armii-vo-vremja-vetnamskoj-vojny.
223. Моруа А. Жизнь Дизраэли. М.: Политиздат, 1991.
224. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю 1660-1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002.
225. Набар М., Унтеробердерстер О. Изменение направленности. Активное сальдо внешней торговли Китая сокращается, что вызывает последствия для его торговых партнеров в Азии. «Финансы и развитие», сентябрь 2012.
226. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: синергетика, психология и футурология. М.: ПЕР СЭ, 2001.
227. Некрасов Н. Современники. Стихотворения, поэмы, проза. М.: Парад, 2007.
228. Нетунаева Н. Роль ТНК в экономике развивающихся стран. Доклад, М., 1998.
229. Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002.

230. Норман Д. Пластичность мозга: Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. М.: ЭКСМО, 2010.
231. Овчаров А. История денежного обращения в Британской империи. http://akmos-trade.tumblr.com/post/308726346/история-денежного-обращения-в-британской-империи.
232. Овчинский В. Трамп, ФБР, искусственный интеллект. «Завтра», 6 февраля 2017 года. http://zavtra.ru/blogs/tramp_fbr_iskusstvennij_intellekt.
233. Огородников А. Могильщики Третьего Рима. Завтра.ру, 2 апреля 2015 года. http://zavtra.ru/blogs/mogilschiki-tretego-rima-3.
234. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2016.
235. Оруэлл Дж. Скотный двор. М.: АСТ, 2017.
236. Оруэлл Дж. Сочинения в двух томах. Т.2. Пермь: КАПИК, 1992.
237. Островский А. Кто стоял за спиной Сталина. Тайны революционного подполья. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
238. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас. М., Альпина Бизнес Букс, 2012.
239. Паркинсон С. Законы Паркинсона. М.: Попурри, 1998.
240. Пелевин В. Generation «П». М.: Вагриус, 1999.
241. Переслегин С. Бесконечность простых решений. Предисловие к книге А. и Б.Стругацких «Парень из преисподней. Беспокойство. Жук в муравейнике. Волны гасят ветер». М.: АСТ, 1997.
242. С.Переслегин «Военное искусство и историческая наука». Комментарий к книге К.Макси «Вторжение, которого не было». М.: «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2001.
243. Переслегин С., Переслегина Е. “Дикие карты” будущего. Форс-мажор для человечества. М.: ЭКСМО, 2014.
244. Переслегин С., Столяров А., Ютанов Н. О механике цивилизаций, «Наука и технология в России», 2001-2002.
245. Переслегин С. Некоторые замечания к классической модели антропогенеза, «Конструирование Будущего», т.1, вып.2, 2001.

246. Переслегин С. Того, что достаточно для Геродота, мало для Геротрата. Комментарии к книге С.Лема «Сумма технологий». М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
247. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст, 2014.
248. Перцовский О. Неисчерпаемый источник. «Известия», 4 июля 2018 года.
249. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2016.
250. Питер Л. Принцип Питера, или почему дела идут вкривь и вкось. М.: Прогресс, 1990.
251. Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. М., «Алгоритм», 2015.
252. Пономарева Е. Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика. В сб. De Conspiratione / О заговоре. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016.
253. Попов Г. С точки зрения экономиста (о романе А.Бека «Новое назначение»). «Наука и жизнь», № 4, 1987.
254. Почему немецкие мужчины избегают вступления в брак. Deutsche Welle, 3 ноября 2006 года, https://www.dw.com/ru/почему-немецкие-мужчины-избегают-вступления-в-брак/a-2224429.
255. Прайс М. «Новый позолоченный век» и будущее США. «Голос Америки», 1 сентября 2018. https://www.golos-ameriki.ru/a/mike-price-iunterview-new-gilded-age/4553200.html.
256. Примаков Е. Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002.
257. Пыжиков А. Взлет над пропастью, 1890-1917 годы. М.: Концептуал, 2018.
258. Пыжиков А. Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2016.
259. Рассел Б. Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987.
260. Расторгуев С. и Чибисов В. Цель как криптограмма. Криптоанализ синтетических целей. М.: Яхтсмен, 1996.
261. Реальные наркобароны: краткая история участия ЦРУ в мировой наркоторговле. http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/26886/.
262. Ремчуков К. Россия и ВТО. Правда и вымыслы». М.: Международные отношения, 2002.

263. «Российско-американские отношения на современном этапе». Конференция. Совет по внешней и оборонной политике, М., декабрь 1998 года. (запись автора).
264. Россия и процессы глобализации: что делать? В сб. «Стратегия для России: 10 лет СВОП». М.: Вагриус, 2002.
265. Рыбас С., Рыбас Е. Сталин. Судьба и стратегия. М.: Молодая гвардия, 2007.
266. Савельев С. Управление мозгом человека. http://poznavatelnoe.tv/savelev_upravlenie_mozgom.
267. Савельев С. Церебральный сортинг. М.: Веди, 2016.
268. Свердлов Е. Статья может хорошо цитироваться потому, что она ошибочна. «Индикатор», 7 февраля 2018 года. https://indicator.ru/article/2018/02/07/impakt-faktor/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
269. Светлов Р. Полицейские войны. Комментарий к книге А.Бутакова и А.Тизенгаузена «Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840-1842, 1856-1858, 1859 и 1860 годах». М.: АСТ, 2002.
270. Сегела Ж. «Национальные особенности охоты за голосам». М., «Вагриус», 1999.
271. Семенов В. Джентри. Советская историческая энциклопедия в 16 томах. М.: Советская энциклопедия. 1973-1982. Том 5.
272. Сидорчик А. Резня Алой и Белой Розы. Настоящая история “игры престолов”. «Аргументы и факты», 29 марта 2016 года. http://www.aif.ru/society/history/reznya_aloy_i_beloy_rozy_nastoyashchaya_istoriya_igry_prestolov.
273. Сильвер Н. Сигнал и Шум. Почему одни прогнозы сбываются, а другие – нет. М.: КоЛибри, 2015.
274. Симонов П., отв.ред. Петр Кузьмич Анохин: воспоминания современников, публицистика. М.: Наука, 1990.
275. Сироткин В. Зарубежное золото России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
276. Слипченко В. Войны шестого поколения. М.: Вече, 2002.
277. Смирнов Н. Римский клуб. В сб. De Personae / О личностях. Т. II. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018.
278. Современная социал-демократия. Словарь-справочник. – М.: Политиздат, 1990.

279. Соколов Б. Чехословацки легион: освободители или агрессоры? «Свободная мысль» № 1, 2018.
280. Соколов Г., Черных Е. Убийство Распутина организовала британская разведка. «Комсомольская правда», 30 декабря 2016 года. https://www.kp.ru/daily/26624/3642415/.
281. Сорос Дж. «Кризис мирового капитализма». М., 1999.
282. Сорос Дж. «Новая парадигма финансовых рынков» М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.
283. Спицын Е. Осень патриарха. Советская держава в 1945-1953 годах. М.: Концептуал, 2018.
284. Сталин И. Речь на XIX съезде КПСС. «Правда», 15 октября 1952 года.
285. Стариков Н. Современные деньги – как ФРС скупает долги. 05 декабря 2012 года. https://nstarikov.ru/blog/22285.
286. Стенюи Р. Сокровища Непобедимой армады. М.: Мысль, 1979.
287. Стивен С. Операция «Раскол». М.: Эксмо, 2003.
288. Стругацкие А. и Б. Волны гасят ветер. М.: АСТ, 2016.
289. Суворов В. Аквариум. М.: Новое время, 1993.
290. Суворов В. День-М. М.: Все для вас, 1994.
291. Сундиев И., Фролов А. Субъекты и инструменты инверсии квантового скачка. «Свободная мысль» № 1, 2018.
292. Сутулин П. Ленд-лиз. Мифы и реальность. «Военное обозрение», 9 января 2013 года. https://topwar.ru/1706-lend-liz-mify-i-realnost.html.
293. Сушков А. «Ленинградское дело»: привилегированная жизнь «ленинградских вождей» в первые послевоенные годы. «Свободная мысль», № 4, 2018.
294. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2018.
295. Танас О. Мир в паутине корпораций. Газета.ру, 20 октября 2011 года. https://www.gazeta.ru/financial/2011/10/20/3807590.shtml.
296. Тойнби А. Исследование истории: цивилизации во времени и пространстве. М.: АСТ, 2011.
297. Тудоровский Я. Николай II умер в 1958 году. Расстрела царской семьи в реальности не было? «Версия», 7 августа 2017 года. https://versia.ru/rasstrela-carskoj-semi-v-realnosti-ne-bylo.

298. Туленов Ж. Система законов и категорий диалектики. Ташкент: Узбекистан, 1974.
299. Турчин П. Накануне великой революции. «Эксперт» № 42, 27 октября 2008 года.
300. Убайдуллаев С. Высшие социальные страты и эффективность управления государством. «Свободная мысль» № 3, 2017.
301. Убайдуллаев С. Инновационный тип развития экономики: способы перехода. «Свободная мысль» № 3, 2018.
302. Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М.: Центрполиграф, 2016.
303. Уткин А. Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000.
304. Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.
305. Уткин А. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001.
306. Уткин А. Рузвельт. М.: Логос, 2000.
307. Уткин А. Уинстон Черчилль. М.: Алгоритм, 2002.
308. Федечко С. ВВП основных стран-участниц Второй мировой войны. В сб. «Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы». Пинск: Полесский государственный университет, 2015.
309. Федотова Н. Глобализация как фактор формирования новой парадигмы в социологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2000 – https://dlib.rsl.ru/01000311200.
310. Фест И. Гитлер. Биография. В 2-х томах. М.: Вече, 2007.
311. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
312. Финс К. Кто убил царскую семью? Царский вестник. Белград. № 72, 14-27 августа 1939 года.
313. Фишман Л. Ущербные «вечные машины» и посткапитализм. «Свободная мысль» № 5, 2018.
314. Фомченко В. Кто продал Аляску? Historic.ru, 3 мая 2005 года. http://historic.ru/news/item/f00/s09/n0000909/.
315. Фурсов А. Di Conspiratione / О заговоре. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016.

316. Фурсов А. Геополитические игры США. «Голос России», 22 апреля 2011 года. http://andreyfursov.ru/news/andrej_fursov_na_radio_golos_rossii/2011-04-22-14.
317. Фурсов А. Мир будущего. «Наш современник», № 10, 2016 год.
318. Фурсов А. На пороге нового мира – есть ли субъект стратегического действия? «Однако» №№ 1-2 (64-66), 9 февраля 2011 года.
319. Фурсов А. Ничейный дом Европа! Завтра.ру, 27 июля 2018 года. http://zavtra.ru/blogs/nichejnij_dom_evropa.
320. Фурсов А. Нормальная наука, аутсайдеры и конспирология Российской империи. Предисловие к книге Брюханова В. Трагедия России. Цареубийство 1 марта 1881 года. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.
321. Фурсов А. Тайна двух пленумов или 20 лет, разрушившие СССР. «День-ТВ», 29 июня 2017 года. https://www.youtube.com/watch?v=OOaqqRPpIIc.
322. Фурсов А. Тайны Второй мировой. Завтра.ру, 25 октября 2012 года. http://zavtra.ru/blogs/andrej-fursov-tajnyi-vtoroj-mirovoj-2012-10-25-020250.
323. Фурсов К. Держава-купец. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006.
324. Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. М.: Рипол Классик, 2018.
325. Хазин М., Гуриев С. Мировой кризис: глобалисты против антиглобалистов. «Эхо Москвы», 14 октября 2008 года https://echo.msk.ru/programs/klinch/546496-echo/.
326. Хазин М. Политика девяностых. «Известия», 04 мая 2018 года. https://iz.ru/739129/mikhail-khazin/politika-devianostykh.
327. Ханфштангль Э. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. М.: Ультра. Культура, 2007.
328. Хейзинга Й. «Homo Ludens в тени завтрашнего дня». М., Прогресс, 1992.
329. Хилл К. Английская революция. М.: Издательство «Иностранная литература», 1947.
330. Храбрый О., Денисов А. Карточный дом. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018.

331. Хэмингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: Прогресс, 1965.
332. Черняк Е. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. М.: Международные отношения, 1991.
333. Четверикова О. Политика Ватикана в период перехода и утверждения неолиберальной стратегии. В сборнике De Personae. Т.II. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018.
334. Чжан Ю., Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М.: Центрполиграф, 2007.
335. Шаров К. Исаак Ньютон как финансовый чиновник. «Экономическая история». https://cyberleninka.ru/article/v/isaak-nyuton-kak-finansovyy-chinovnik.
336. Швабб К. Четвертая промышленная революция. М.: Экс мо, 2016.
337. Шварц Е. Тень. М.: ФТМ, 2008.
338. Шейнин Ю. Интегральный интеллект. М.: Молодая гвардия, 1970.
339. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
340. Шеслер Л. На Украине осталось меньше тридцати миллионов жителей. «Одна Родина», 7 апреля 2017 года. https://odnarodyna.org/content/na-ukraine-ostalos-menshe-tridcati-millionov-zhiteley.
341. Ширер У. «Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента». М., «Центрполиграф», 2002.
341.1. Школьников А. Очерк о стратегии России: планирование надукладной экономики. ИА «Аврора», 1 ноября 2018 года. https://aurora.network/articles/6-jekonomika/62854-ocherk-o-strategii-rossii-planirovanie-nadukladnoy-jekonomiki.
342. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
343. Шлезингер А. Циклы американской истории. М.: «Прогресс», 1992.
344. Шумигорский Е.С. Павел I. Русский биографический словарь. Т.13. СПб.: Типография И.Г.Скороходова, 1902.

345. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
346. Эшби У. Введение в кибернетику. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
347. Юнкер Д. Франклин Делано Рузвельт: мечтатель и государственный политик. В сб. «Американские президенты» под ред. Ю.Хайдекинга. Ростов-на-Дону: Феникс, М.: «Зевс», 1997.
348. Яновский О., Фурсов А. Все, что нужно знать о британской элите. // https://www.youtube.com/watch?v=i3WHkjylgS4.
349. Ясин Е. Как поднять экономику России. М.: Вита-пресс, 1996.
350. Ясин Е. Российская экономика. История и панорама рыночных реформ. Курс лекций. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.

Интернет-ресурсы:

351. http://4bz.ru/content/view/18/31.
352. https://aftershock.news/?q=node/97643&full.
353. https://bulochnikov.livejournal.com/2695620.html.
354. https://burckina-new.livejournal.com/636132.html.
355. http://crime.in.ua/statti/20140216/china.
356. https://fred.stlouisfed.org/series/Base.
357. http://igor-grek.ucoz.ru/publ/derevjannye_dengi/1-1-0-823.
358. https://judeomasson.livejournal.com/26799.html.
359. http://www.mindcontagion.org/banking/hb1694.html.
360. http://msfo-dipifr.ru/kompaniya-yuzhnyx-morej-i-nacionalnyj-dolg-anglii/.
361. http://rusrand.ru/tv/meaning/globalizatsija.
362. https://sobiainnen.livejournal.com/49288.html.
363. https://velikobritanya.org/istoriya-velikobritanii/istoriya-anglii-v-xvi-xix-veka.html.
364. https://yablor.ru/blogs/73-prirosta-gosdolga-ssha-za-polgoda-vikupleno-frs/ 1368977.

Институт проблем глобализации (ИПРОГ)

Михаил Геннадьевич ДЕЛЯГИН

КОНЕЦ ЭПОХИ
ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ОТКРЫВАЮТСЯ!

Том I.
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Издание двенадцатое, переработанное и дополненное

Художник Ян Вязов

ДЕЛЯГИН.РУ
http://delyagin.ru



Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 26.
Тираж 3000 экз.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru